ОБЩЕЕ ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ.

ЛЕКЦІИ

Александра И. Томсона
орд. профессора сравнительнаго языковѣдѣнія и санскрита
Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Со многими рисунками въ текстѣ.

ОДЕССА.
«Экономическая» типографія, улица Жуковскаго, 43.
1906.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Новороссійскаго Университета.
Ректоръ *И. М. Занчевскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отсутствіе краткаго руководства или учебника по общему языковѣдѣнію, соотвѣтствующаго современному состоянію науки, оправдываетъ всякую посильную попытку пополнить этотъ пробѣлъ. Потребность въ такомъ пособіи ощущается несомнѣнно.

Въ этомъ печатномъ изданіи моихъ лекцій по общему языковѣдѣнію, читанныхъ въ Новороссійскомъ университетѣ и на Женскихъ педагогическихъ курсахъ въ Одессѣ, въ сравненіи съ послѣднимъ литографированнымъ изданіемъ сдѣланы дополненія и измѣненія, касающіяся главнымъ образомъ внѣшней стороны изложенія. Кромѣ того прибавлены послѣднія главы, которыя частію читались раньше.

Курсъ этотъ принялъ лишь постепенно свой нынѣшній видъ. Ежегодно вносились новые отдѣлы, причемъ прежніе частію передѣлывались, сокращались или развивались, переставлялись и т д. Вопросъ о томъ, что должно войти въ курсъ общаго языковѣдѣнія, и въ какихъ размѣрахъ, рѣшался нерѣдко послѣ долгихъ колебаній, такъ какъ приходится считаться не только съ научной полнотой курса, но и съ прикладнымъ назначеніемъ его, прежде всего какъ введенія въ научное изученіе языка вообще. Съ другой стороны, необходимо было считаться съ подготовкой читателей. Изъ стремленія къ общедоступности объясняется между прочимъ, что примѣры изъ древнихъ языковъ постепенно все

болѣе замѣнены примѣрами изъ русскаго языка и изъ новыхъ языковъ, коллекціи которыхъ составлялись мною уже давно.

Вообще я имѣлъ въ виду возможную сжатость въ изложеніи. Неравномѣрность въ этомъ отношеніи въ разныхъ отдѣлахъ книги не случайная, а явилась результатомъ преподавательскаго опыта. Въ частности нужно замѣтить слѣдующее. Историческій обзоръ науки языковѣдѣнія болѣе чѣмъ кратокъ. Онъ долженъ дать лишь общее понятіе о томъ, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время наука языковѣдѣнія. Болѣе подробная исторія этой науки безполезна тому, кто не имѣетъ соотвѣтствующихъ фактическихъ свѣдѣній по исторіи языковъ. По общему плану моей книги библіографическія свѣдѣнія по фактической исторіи отдѣльныхъ языковъ собственно къ ней не относятся. Отдѣльныя ссылки служатъ лишь для иллюстраціи современнаго состоянія разныхъ отдѣловъ. Поэтому напр. по русской діалектологіи не упоминается объ извѣстныхъ работахъ Шахматова, Будде, Броха и др. и вообще только случайно упоминается о работахъ современныхъ лингвистовъ, славистовъ и т. д., кромѣ самыхъ главныхъ сочиненій, рекомендуемыхъ для руководства. Эти свѣдѣнія извѣстны читателю, а въ противномъ случаѣ они безполезны безъ компетентнаго руководителя. Лишь по фонетикѣ помѣщено больше библіографическихъ свѣдѣній въ виду того, что знакомство съ этимъ отдѣломъ языковѣдѣнія менѣе распространено; между тѣмъ практическіе запросы заставляютъ нерѣдко впослѣдствіи дополнять свѣдѣнія по фонетикѣ. Во главѣ о классификаціи языковъ болѣе полно разсматриваются только индоевропейскіе языки (см. прим. на стр. 36), такъ какъ доставляемыя ими фактическія данныя служатъ для поясненія

излагаемыхъ въ этой книгѣ ученій. Согласно изложеннымъ ниже основнымъ взглядамъ на фонетику (стр. 100, 105 и друг.) акустика представлена болѣе подробно, чѣмъ въ употребительныхъ спеціальныхъ учебникахъ фонетики. Физіологія звуковъ рѣчи приведена съ нею въ естественную непосредственную связь, и рядомъ съ обѣими экспериментальная фонетика заняла свое подобающее мѣсто.

Научный учебникъ долженъ содержать прежде всего твердо установленныя общепринятыя истины въ возможно объективномъ изложеніи. Составить такую компиляцію по общему языковѣдѣнію въ настоящее время еще не возможно. Разные отдѣлы и отдѣльные вопросы разрабатывались разными учеными, во взглядахъ которыхъ существуютъ нерѣдко принципіальныя разногласія, какъ напр. въ общихъ взглядахъ на психологію языка, на разныя стороны фонетики и проч. Изъ сводки такихъ различныхъ взглядовъ и болѣе частныхъ фактовъ, получившихъ поэтому разнородное освѣщеніе, нельзя составить цѣлаго.

Кромѣ того при систематическомъ изложеніи по намѣченному плану встрѣчались пробѣлы, которые приходилось пополнять непосредственнымъ обращеніемъ къ работамъ физиковъ, физіологовъ и психологовъ; частію потребовались дополнительные опыты, наблюденія и изслѣдованія. Поневолѣ поэтому такой компендіумъ получаетъ отчасти субъективный характеръ и заставляетъ глазами автора смотрѣть на языкъ и его процессы.

Указанія на эти различія во взглядахъ въ элементарномъ учебникѣ языковѣдѣнія совершенно немыслимы. Они запутали-бы начинающаго. Безъ того необходимо прилагать всѣ старанія, чтобы читатель могъ вынести ясное представленіе о сложныхъ и запутанныхъ процессахъ языка.

Изъ изложеннаго становится понятнымъ, почему содержаніе этой книги и способъ разсмотрѣнія фактовъ языка могутъ показаться съ перваго взгляда отчасти необычными, несмотря на то, что я принципіально избѣгалъ всякихъ ненужныхъ новшествъ. Лишь шагъ за шагомъ я расширялъ напр. отдѣлы психофизіологіи языка, экспериментальной фонетики, акустики и пр. по мѣрѣ того, какъ я въ своихъ работахъ убѣждался въ научной или практической надобности въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя добываются изученіемъ языка съ точки зрѣнія этихъ дисциплинъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого расширеннаго кругозора было то, что многія явленія языка стали представляться въ другомъ освѣщеніи. Отсюда объясняется напр. принятое мною дѣленіе фонетики на историческую, общую и описательную, нѣсколько иной взглядъ на многіе болѣе частные вопросы фонетики и на образованіе по аналогіи, сознаніе необходимости отдѣльной теоріи письма и отчасти разработка ея и др.

Изъ сказаннаго понятно, что о содержаніи этой книги нельзя судить перелистываніемъ ея или выборкою отдѣльныхъ мѣстъ и разсмотрѣніемъ ихъ съ заранѣе принятой точки зрѣнія. Въ ней излагается систематизированный взглядъ на языкъ, сложившійся въ теченіе многихъ лѣтъ конечно прежде всего подъ вліяніемъ существующихъ болѣе или менѣе общепризнанныхъ ученій. Но уже въ терминологіи и въ способѣ разсмотрѣнія фактовъ существуютъ различія. Поэтому вѣрное пониманіе и оцѣнку можно вынести только изъ чтенія этой книги въ цѣломъ. Тогда выяснится, что она соотвѣтствуетъ болѣе современнымъ требованіямъ науки, чѣмъ можетъ быть кажется съ перваго взгляда.

Значительное вліяніе на мои психологическіе взгляды оказывали работы Wundt'а, не столько своими непосред-

ственными данными по языку, сколько своими основными взглядами по индивидуальной и физiологической психологiи. Читая ихъ впервые я читалъ нерѣдко знакомую книгу. Подъ влiянiемъ ихъ многiе результаты невольныхъ наблюденiй надъ психическими процессами языка, которые я раньше съ натяжками приводилъ въ соглашенiе съ господствующими въ лингвистикѣ психологическими взглядами Herbart'а и его послѣдователей, стали прiобрѣтать ясность и право гражданства.

Что касается экспериментальной фонетики, то я не принадлежу къ числу односторонне увлекающихся ею, какъ видно напр. изъ сказаннаго на стр. 104. Но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю ея мѣсто въ лингвистикѣ безусловно обезпеченнымъ, если языковѣдѣнiе не захочетъ отказаться отъ дальнѣйшаго усовершенствованiя своихъ прiемовъ изслѣдованiя. Основныя свѣдѣнiя по экспериментальной фонетикѣ изложены у меня въ томъ видѣ, какъ я вынесъ ихъ изъ лабораторiи аббата Руссело благодаря его любезности и неутомимой преданности дѣлу.

Въ изложенiи соблюдалась методичность, необходимая въ учебникѣ. Въ виду сложности предмета нерѣдко нужно было или дѣлать ссылки на слѣдующее дальше изложенiе, или разбивать естественные отдѣлы, излагая ихъ по частямъ, по мѣрѣ надобности для пониманiя послѣдующаго. Для учебника обыкновенно пригоденъ только послѣднiй прiемъ. Такимъ образомъ скачки изъ одной области языка въ другую объясняются изъ внутренней органической послѣдовательности въ изложенiи. Отчасти имѣлись въ виду педагогическiя соображенiя. Удобно напр. начинать изложенiе съ болѣе доступнаго—съ физiологiи звуковъ рѣчи. Но опытъ показалъ, что этотъ отдѣлъ не возбуждаетъ сочувствiя аудиторiи, пока не

вызванъ интересъ къ нему какъ къ составной части органическаго цѣлаго. Педагогической стороной дѣло было между прочимъ обусловлено стремленіе, не давать общихъ опредѣленій понятій и терминовъ, пока содержаніе ихъ не усвоено практическимъ путемъ. Предварительныя опредѣленія усваиваются обыкновенно только въ словахъ, что весьма понятно.

Я держался конечно по возможности установившейся терминологіи. Если въ одинаковомъ значеніи употребляются разные термины, то я по возможности указывалъ на нихъ. Этого требуетъ пропедевтическое значеніе такого курса. Но ссылка на нихъ вовсе не значитъ, что всѣ они одинаково годны, почему болѣе подходящіе термины отмѣчались различіемъ въ шрифтѣ.

Считаю пріятнымъ долгомъ отмѣтить, что появленію этого курса въ такомъ видѣ значительно содѣйствовало сочувственное отношеніе къ предмету какъ со стороны аудиторіи, такъ и со стороны многихъ почтенныхъ коллегъ, въ частности проф. Б. М. Ляпунова, читавшаго корректурные листы первыхъ главъ.

А. Томсонъ.

Одесса, Іюнь 1906 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава IV. Общая фонетика.

Стр.

ГЛАВА IX. ИЗМѢНЕНІЯ ЯЗЫКА ВЪ СЛОВАХЪ И ВЪ ФОРМАХЪ СЛОВЪ И ВЪ ФОРМАХЪ СИНТАКСИЧЕСКИХЪ СЛОВОСОЧЕТАНІЙ.

ГЛАВА X. ВОЗНИКНОВЕНІЕ ДІАЛЕКТОВЪ. СМѢШЕНІЕ И ВЫМИРАНІЕ ЯЗЫКОВЪ.

ГЛАВА XI. ИСКУССТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ.

ГЛАВА XII. ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ.

Глава XIII. Письмо.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Предварительныя свѣдѣнія о языкѣ и языковѣдѣніи.

Цѣль изученія языковѣдѣнія.

Языковѣдѣніе занимается научнымъ изученіемъ того культурнаго произведенія человѣческаго общества, благодаря которому, говоря словами Гумбольдта, человѣкъ сталъ человѣкомъ.

Вникая въ тайны языка, мы вникаемъ въ нашу собственную духовную природу. Вѣдь языкъ не только посредникъ въ духовномъ сообщеніи между людьми, онъ и неотъемлемая часть нашего мышленія. Поэтому не удивительно, что на ряду съ вопросами о происхожденіи міра, о происхожденіи человѣка, о безсмертіи души и пр. стоялъ вопросъ о природѣ и происхожденіи языка. Нельзя было этого вопроса обойти и въ библейской исторіи сотворенія міра: «Богъ... привелъ всѣхъ животныхъ... чтобы, какъ наречетъ человѣкъ всякую душу, такъ и было ей имя». Итакъ, самъ человѣкъ былъ творцомъ своего языка. Отсюда понятно, почему идея эволюціи могла въ языковѣдѣніи пустить раньше корни, чѣмъ въ естественныхъ наукахъ, еще задолго до Дарвина. Насъ не касаются вопросы о происхожденіи человѣка, гипотеза объ антропоидахъ и пр. Для насъ существовалъ homo alalus — человѣкъ не обладающій языкомъ, который постепенно затѣмъ вырабатывалъ свой языкъ.

Указаннымъ значеніемъ языковѣдѣнія для выясненія духовнаго человѣка вполнѣ оправдывалось бы, почему въ числѣ наукъ, изучаемыхъ филологами, находится и ученіе о языкѣ. Но помимо

этого необходимость изученія этого предмета обусловливается еще практическими требованіями другихъ научныхъ дисциплинъ, изучаемыхъ филологами. Для правильнаго научнаго пониманія родного или иностраннаго языка, исторіи ихъ, художественныхъ произведеній языка и пр., наконецъ для рѣшенія педагогическихъ вопросовъ преподаванія языка, нужно конечно прежде всего знать природу и условія жизни и развитія человѣческаго языка вообще.

Изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ занимается общее языковѣдѣніе.

Хотя всѣ образованные люди занимались практическимъ изученіемъ языковъ, но о томъ, въ чемъ заключается научное изученіе языка, встрѣчаются даже въ образованномъ обществѣ самыя смутныя и большею частію невѣрныя представленія. Нѣтъ даже общепринятаго названія науки о языкѣ, что впрочемъ не удивительно, такъ какъ, благодаря необыкновенно быстрому развитію ея, не успѣли еще придти къ общему соглашенію относительно ея отдѣловъ и исключительныхъ названій ихъ. Но отъ этого успѣхи науки языковѣдѣнія нисколько не страдаютъ. Главные принципіальные взгляды на задачи и методы этой науки установлены уже твердо и безповоротно и приняты всѣми, стоящими на уровнѣ современнаго языковѣдѣнія. Поэтому такая внѣшняя незаконченность—колеблющаяся номенклатура и неустановившееся дѣленіе на отдѣлы—служитъ лишь на пользу этой молодой наукѣ, предоставляя ей возможность развиваться безъ внѣшнихъ стѣснительныхъ рамокъ, сообразуясь лишь со своими внутренними потребностями.

Несмотря на свою молодость, языковѣдѣніе не только успѣло занять видное мѣсто въ кругу другихъ наукъ, оно пріобрѣло даже первенствующее значеніе среди культурно-историческихъ наукъ, въ виду точности его методовъ, недоступныхъ остальнымъ. Не только филологъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, изучающій духовную дѣятельность того или другого народа, какъ классикъ, славистъ, романистъ и пр., долженъ, для научнаго пониманія или разработки языка этого народа, быть знакомымъ съ извѣстными отдѣлами языковѣдѣнія; и археологъ, и историкъ, и юристъ, и этнографъ, и антропологъ и пр. въ извѣстныхъ отдѣлахъ своей спеціальности находятся въ зависимости отъ лингвистики. Одинъ изъ двухъ отдѣловъ психологіи,

именно общественная психологія, на первомъ мѣстѣ изучаетъ дѣятельность человѣческой души, какъ она сказывается въ фактахъ языка, устанавливаемыхъ и изучаемыхъ въ языковѣдѣніи. Даже практическая медицина въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, въ психіатріи и лѣченіи недостатковъ языка, напр. заиканія, пользуется результатами языковѣдѣнія. Обновленіе логики, расширеніе ея рамокъ и задачъ, можетъ произойти на почвѣ языковѣдѣнія. Нечего говорить напр. о томъ, что преподаватель языка, не изучившій основательно извѣстныхъ отдѣловъ языковѣдѣнія, можетъ преподавать лишь такъ, какъ можетъ лѣчить знахарь, не изучившій анатоміи, физіологіи, фармакологіи и пр. Конечно, и здѣсь и тамъ счастливое чутье иногда спасаетъ отъ крупныхъ ошибокъ.

Названія науки о языкѣ.

Наука о языкѣ называется то «языковѣдѣніемъ», то «языкознаніемъ», то «лингвистикой», иногда «сравнительнымъ языковѣдѣніемъ» или «сравнительнымъ языкознаніемъ», не говоря уже о нѣкоторыхъ другихъ рѣже встрѣчаемыхъ названіяхъ. Впрочемъ, наиболѣе подходящіе термины языковѣдѣніе и лингвистика (некрасивое производное слово отъ латинскаго lingua—языкъ) все болѣе вытѣсняютъ остальные

«Языкознаніе» неудобно тѣмъ, что скорѣе заставляетъ непосвященныхъ подразумѣвать практическое знаніе языковъ. Между знающимъ только практически много языковъ и языковѣдомъ такая же разница, какъ между птицеводомъ или скотоводомъ и ученымъ зоологомъ.

Изъ дальнѣйшаго будетъ ясно, что научное изученіе какого-либо языка требуетъ сравненія его съ другими, прежде всего родственными языками и нарѣчіями. Изъ такого сравнительнаго изученія индоевропейскихъ языковъ возникло современное языковѣдѣніе въ главныхъ своихъ частяхъ. Поэтому названіе «сравнительное языковѣдѣніе» (сравнительное языкознаніе), возникшее въ связи съ извѣстнымъ методомъ изученія языковъ, въ настоящее время является почти синонимомъ съ научнымъ изученіемъ языка вообще. Но не всякое научное изученіе языка сравнительное. Существуютъ и лингвистическія дисциплины, въ которыхъ сравнительный методъ примѣняется только въ томъ смыслѣ, какъ напр. въ опытныхъ наукахъ. Отсюда понятно,

что не точно называть всю науку языковѣдѣнія сравнительнымъ языковѣдѣніемъ. Названіе это возникло исторически и до сихъ поръ примѣняется преимущественно къ древней исторіи индоевропейскихъ языковъ, хотя такое же сравнительное языковѣдѣніе существуетъ напр. въ области германскихъ или романскихъ языковъ.

Наука языковѣдѣнія распадается на множество отдѣловъ и спеціальностей, имѣющихъ свои особыя задачи и названія, на которыя я укажу ниже.

Одностороннее опредѣленіе понятія языка.

Предметомъ изученія языковѣдѣнія является человѣческій языкъ во всѣхъ его разновидностяхъ. Всѣ языки и говоры, даже самыхъ дикихъ и некультурныхъ народовъ, имѣютъ одинаковую цѣнность для науки; послѣдніе во всякомъ случаѣ болѣе подходящіе объекты научнаго изслѣдованія, чѣмъ литературные языки образованныхъ народовъ, которые для лингвиста то же, что оранжерейныя растенія для ботаника.

Но что такое языкъ?

Всякая попытка опредѣлить здѣсь въ краткихъ словахъ, что́ нужно понимать подъ словомъ «языкъ», сводилась бы къ подставленію однихъ словъ вмѣсто другихъ. Полное реальное представленіе о языкѣ можно получить только изъ всесторонняго изученія языка. Но предварительно полезно выяснить себѣ природу языка съ нѣкоторыхъ одностороннихъ точекъ зрѣнія.

Если мы примкнемъ къ опредѣленію «языкъ есть средство для сообщенія мыслей посредствомъ звуковъ рѣчи», то нужно имѣть въ виду, что этимъ опредѣленіемъ мы вовсе не исчерпываемъ сущности языка, а лишь указываемъ на цѣль, съ которою мы обыкновенно прибѣгаемъ къ языку на практикѣ Но при этомъ опредѣленіи мы исключаемъ языкъ жестовъ, мимики, пантомимъ, напр. глухонѣмыхъ, въ балетѣ, у сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, неаполитанцевъ и пр. Между тѣмъ по разнымъ соображеніямъ и эти языки подлежатъ изученію въ языковѣдѣніи. Если мы вмѣсто словъ «посредствомъ звуковъ рѣчи» поставимъ слова «посредствомъ движеній», то мы включаемъ всѣ эти языки, а также языки животныхъ. Но главный предметъ изученія языковѣдѣнія до сихъ поръ человѣческій языкъ звуковъ. Примѣняясь къ нему, мы опредѣлимъ языкъ

какъ «средство сообщенія расчлененной мысли посредствомъ звуковъ рѣчи». Хотя и у животныхъ наблюдаются умозаключенія, но расчлененіе сложныхъ представленій на отдѣльныя понятія, обнаруживаемыя языкомъ въ ихъ взаимоотношеніи, до сихъ поръ достовѣрно не установлено у животныхъ. Впрочемъ напр. при пѣніи языкъ можетъ и не служить для передачи мыслей. Но это не произвольная естественная рѣчь.

Наружный и внутренній языкъ.

Языкъ существуетъ у насъ не только въ процессѣ рѣчи, для сообщенія мыслей. Наружный языкъ есть лишь временное обнаруженіе въ звукахъ нашего внутренняго языка. Наружный языкъ состоитъ изъ физіологическаго акта движеній органовъ рѣчи, производящихъ звуковыя волны, и изъ физіологическаго акта слуховыхъ ощущеній отъ этихъ волнъ (см. ниже), и является составной частью языка лишь тогда, когда мы говоримъ.

Конечно, этимъ наружнымъ языкомъ мы непосредственно мыслей сообщать не можемъ. Устной рѣчью мы возбуждаемъ въ душѣ слушателя лишь тѣ процессы внутренняго языка его, которые возбуждены въ насъ самихъ, и уже ими возбуждаются по ассоціаціи тѣ мысли, которыя мы желаемъ сообщить. Если слуховыя ощущенія, получаемыя отъ устной рѣчи, не встрѣчали бы въ душѣ слушателя готоваго языка, то и наружный языкъ не достигалъ бы цѣли, какъ это бываетъ, когда говорятъ на неизвѣстномъ слушателю языкѣ. Но этимъ роль языка въ нашей духовной жизни далеко не исчерпывается.

Языкъ въ мышленіи.

Наше мышленіе, а именно образованіе понятій и сужденій въ томъ видѣ, какъ мы это дѣлаемъ, навязано намъ языкомъ, возникло съ дѣтства вмѣстѣ съ усвоеніемъ языка, и возможно впослѣдствіи благодаря существованію внутренняго языка, языка въ представленіяхъ (см. ниже). Посредствомъ языка мы научились различать тѣ отношенія между представленіями и понятіями, которыя различаютъ въ данной языковой общинѣ.

Не только такія понятія, какъ надежда, красота, міръ, ходить, рѣзать и пр., обязаны своимъ существованіемъ внутреннему языку, словамъ въ представленіяхъ, но и существованіе представленій объ отдѣльныхъ конкретныхъ предметахъ, какъ

щека, глазъ, вѣтвь и проч., находится въ генетической связи съ существованіемъ обозначающихъ ихъ словъ. Такимъ образомъ, языкъ не только средство сообщенія мыслей, онъ и неотъемлемая составная часть нашего мышленія.

Языкъ есть дѣятельность и способность нашего организма.

Подъ тѣмъ или другимъ языкомъ нужно понимать совокупность всѣхъ тѣхъ языковыхъ функцій и способностей нашего организма, при помощи которыхъ въ данной языковой общинѣ обнаруживаютъ мысли и мыслятъ. Наружный языкъ существуетъ конечно только тогда, когда мы говоримъ. А когда мы не говоримъ и не мыслимъ? Въ такомъ случаѣ языкъ существуетъ въ насъ какъ извѣстнаго рода психическая и физіологическая способность (или навыкъ, или скрытая энергія) нашего организма, благодаря которой мы можемъ при извѣстныхъ условіяхъ производить тѣ функціи, которыя называются рѣчью и пониманіемъ рѣчи.

Функціи эти сложны и не могутъ быть опредѣляемы въ нѣсколькихъ словахъ. Настоящее понятіе о нихъ можно получить только посредствомъ детальнаго изученія языка. Итакъ, языкъ является лишь по временамъ, когда мы говоримъ или слушаемъ, физіологической дѣятельностью нашего организма совмѣстно съ психической; а во всякое время языкъ существуетъ въ насъ въ видѣ извѣстной психической и физіологической способности.

Представленія и ассоціаціи языка.

Означенная способность, называемая знаніемъ языка, заключается въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ могутъ возникать въ насъ звуковыя (слуховыя) представленія словъ и предложеній даннаго языка, а также представленія движеній органовъ рѣчи, производимыхъ въ данномъ языкѣ, которыя при извѣстномъ участіи воли могутъ вызвать самыя эти движенія, и наконецъ въ томъ, что звуковыя представленія ассоціируются не только съ соотвѣтствующими двигательными представленіями (воспоминаніями), но ассоціируются еще со всѣми тѣми представленіями и чувствованіями, которыя вообще возникаютъ въ насъ и которыя составляютъ значенія языка — значенія словъ и предложеній. Всѣ эти ассоціаціи образуютъ многочисленныя и сложныя системы ассоціацій.

Ассоцiацiя между представленiями есть ничто иное, какъ та способность нашей нервной системы, вслѣдствiе которой возбужденiе одного представленiя или чувствованiя можетъ при извѣстныхъ условiяхъ возбудить другое представленiе или чувствованiе, имѣющее съ первымъ общiе элементы, или какъ принято выражаться, состоящее съ первымъ въ *ассоцiацiи по сходству* или *по смежности*. Въ первомъ случаѣ одно представленiе вызываетъ сходное съ нимъ другое. Во второмъ случаѣ представленiя, возникавшiя раньше одновременно или послѣдовательно другъ за другомъ, возбуждаютъ и впослѣдствiи другъ друга въ томъ же порядкѣ, такъ что напр. предыдущее вызываетъ непосредственно послѣдующее. Отсюда уже видно, что недостаточно знать, что представленiе А ассоцiируется съ представленiемъ В, нужно еще знать, въ какомъ *направленiи* дѣйствуетъ ассоцiацiя, т. е. вызываетъ ли только А В, или только В вызываетъ А, или же эта ассоцiацiя обоюдная. Кромѣ того нужно знать, съ какой *степенью легкости* и *энергiи* происходитъ та или другая ассоцiацiя (прочность ассоцiацiи). Эти различiя крайне существенны въ каждомъ конкретномъ случаѣ въ языкѣ.

§ 2. Мѣсто языковѣдѣнiя среди другихъ наукъ.

Языкъ искусство, а не врожденный инстинктъ.

Каждый человѣкъ усваиваетъ себѣ языкъ въ раннемъ дѣтствѣ отъ окружающихъ его лицъ, притомъ, понятно, именно тотъ языкъ, который существуетъ въ окружающей средѣ. Отсюда ясно, что языкъ не есть нѣчто инстинктивно присущее человѣку, а есть искусство, которымъ всякiй нормально развитой человѣкъ овладѣваетъ благодаря унаслѣдованнымъ своимъ способностямъ. Отсюда слѣдуетъ далѣе, что тотъ или другой языкъ не есть нѣчто присущее той или другой расѣ, какъ цвѣтъ кожи, форма черепа и пр., и что ребенокъ одной расы, выросшiй въ средѣ совершенно чуждаго языка, становится обладателемъ этого языка, т. е. усваиваетъ себѣ, вмѣстѣ съ другимъ культурнымъ достоянiемъ чуждой ему расы, между прочимъ и языкъ. При этомъ нужно конечно считаться съ тѣми особенностями врожденныхъ способностей, которыя свойственны той или другой расѣ. Унаслѣдованное развитiе организма даетъ всякому нормаль-

ному человѣческому индивидууму возможность усвоить себѣ тотъ или другой языкъ, особенно въ дѣтствѣ. Но въ различіяхъ индивидуальнаго языка сказываются и различія, существующія между отдѣльными индивидуумами, расами и пр.

Языковѣдѣніе общественная или культурно-историческая наука.

Языкъ вырабатывался постепенно въ человѣческомъ обществѣ, какъ орудіе сообщенія мыслей, вслѣдствіе практической потребности сообщать свои мысли другимъ. Каждый языкъ является принадлежностью того или другого человѣческаго общества. Измѣненія въ сношеніяхъ между собою членовъ общества обусловливаютъ и соотвѣтствующія измѣненія въ языкѣ, и пр.

Поэтому и наука, изслѣдующая языкъ, принадлежитъ къ общественнымъ или соціальнымъ наукамъ, изучающимъ природу и жизнь общественныхъ союзовъ, наравнѣ съ наукой о народныхъ вѣрованіяхъ, наукою объ обычаяхъ и нравахъ, наукою права, политической экономіи и пр. Какъ наука, изслѣдующая извѣстныя принадлежности того или другого народа, языковѣдѣніе является составной частью этнографіи.

Языкъ не только самъ произведеніе общества, произведеніе культуры его. Онъ является главнымъ двигателемъ культуры вообще, такъ какъ при его помощи духовныя пріобрѣтенія одного индивидуума переходятъ къ другому и возможна вообще совмѣстная работа для достиженія общихъ цѣлей. По мѣрѣ совершенствованія орудія совершенствовалась и мыслительная способность первобытнаго человѣка. Это обратное дѣйствіе примитивнаго языка на примитивныя мыслительныя способности человѣка въ исторіи развитія его несравненно важнѣе, чѣмъ фактъ возникновенія первоначальнаго языка. Оно оказалось для человѣка роковымъ: благодаря ему человѣкъ сталъ человѣкомъ. Какъ наука, изслѣдующая извѣстныя особенности человѣка, обнаруживающіяся въ той дѣятельности его, которая называется языкомъ, языковѣдѣніе является составной частью антропологіи.

Прежнее мнѣніе, что языкъ, достигнувъ извѣстнаго совершенства, затѣмъ начинаетъ старѣть, портиться и распадаться, оказалось совершенно несостоятельнымъ, вызваннымъ ошибочнымъ сравненіемъ съ живымъ организмомъ. Языкъ измѣняется постоянно, во всѣхъ своихъ частяхъ, не только по требованіямъ

нашихъ мыслей, составляющихъ его значенія, но и по условіямъ своей собственной природы. Во всякое время мы застаемъ живой языкъ въ переходномъ состояніи. Если объектъ изслѣдованія измѣняется во времени, то и наука, изслѣдующая его, должна быть исторической. Языковѣдѣніе въ главныхъ своихъ отдѣлахъ историческая наука.

Если мы дѣлимъ всѣ историческія науки на культурныя или общественныя историческія науки и на естественныя историческія науки, то языковѣдѣніе относится къ первымъ. Отличительной чертой культурно-историческихъ наукъ, напр. науки о языкѣ, объ обычаяхъ и нравахъ, о народныхъ вѣрованіяхъ, о правовыхъ воззрѣніяхъ, политической экономіи, политической исторіи и пр. будетъ то, что явленія, изслѣдуемыя этими науками, складываются при содѣйствіи психическаго фактора, отсутствующаго въ естественныхъ наукахъ. Сама психологія экспериментальная наука, какъ физика, химія. Законы тяжести, движенія и пр. могутъ быть всегда и повсюду провѣряемы опытомъ. Здѣсь нѣтъ историческаго развитія, или по крайней мѣрѣ не принимаютъ его. Историческое развитіе возможно только въ тѣхъ объектахъ научнаго изслѣдованія, явленія которыхъ, складываются изъ взаимодѣйствія двухъ или болѣе разнородныхъ силъ или факторовъ. Изъ естественныхъ наукъ относится къ историческимъ напр. геологія, въ извѣстныхъ частяхъ ея.

Языковѣдѣніе частію философская наука.

Нужно однако имѣть въ виду, что языковѣдѣніе не исключительно историческая наука. Явленія, составляющія предметъ изученія историческихъ наукъ, допускаютъ и другого рода изученіе—неисторическое, а теоретическое или философское изученіе, наравнѣ съ экспериментальными науками.

Чѣмъ менѣе сложенъ предметъ изученія исторической науки, чѣмъ однообразнѣе изучаемыя историческія явленія, тѣмъ бо́льшіе успѣхи возможны въ теоретическомъ изученіи ихъ и тѣмъ бо́льшее значеніе пріобрѣтаетъ такое теоретическое изученіе для самого историческаго изученія этихъ явленій. Въ этомъ отношеніи языкъ представляетъ особенно выгодныя условія. Поэтому не удивительно, что языкъ уже съ древнихъ временъ служилъ предметомъ философскаго изученія, между тѣмъ

какъ историческое изученіе его возникло сравнительно недавно. Этимъ и объясняется возможность и цѣлесообразность начинать научное изученіе языка съ теоретическаго изученія его, съ общаго языковѣдѣнія. Къ тому же эта общая или философская часть представляетъ гораздо болѣе широкій, общечеловѣческій интересъ, чѣмъ фактическая исторія отдѣльныхъ языковъ, на выводахъ которой она между прочимъ основывается.

Языковѣдѣніе изъ всѣхъ культурно-историческихъ наукъ самая точная.

Явленія, изслѣдуемыя другими общественными науками, напр. политической исторіей, политической экономіей, юриспруденціей и пр., складываются при взаимодѣйствіи большого числа разнородныхъ силъ или факторовъ. Кромѣ того въ этихъ областяхъ сознательное вмѣшательство отдѣльныхъ лицъ оказываетъ весьма существенное вліяніе на ходъ событій. Въ виду этого весьма трудно выдѣлить въ каждомъ конкретномъ случаѣ дѣйствіе каждаго фактора въ отдѣльности и прослѣдить взаимное вліяніе ихъ до мельчайшихъ психологическихъ и физіологическихъ подробностей. Тѣмъ болѣе невозможно сводить все разнообразія во взаимодѣйствіи отдѣльныхъ факторовъ къ отдѣльнымъ немногочисленнымъ нормамъ или типичнымъ способамъ возникновенія соотвѣтствующихъ событій. Вслѣдствіе этого напр. политическая исторія занимается преимущественно описаніемъ фактовъ, а научная работа ея состоитъ главнымъ образомъ въ критической обработкѣ матеріаловъ. Она затрудняется установить основные законы, по которымъ складываются историческія событія, и потому не отваживается за предѣлы исторической традиціи, непосредственной или посредственной (въ видѣ данныхъ археологіи, языка и пр.). Точка зрѣнія, съ которой разсматриваются предметы изслѣдованія въ естественныхъ наукахъ, проще и однороднѣе. Поэтому въ естественныхъ наукахъ гораздо легче выдѣляется роль каждаго фактора, и взаимодѣйствіе немногочисленныхъ отдѣльныхъ силъ опредѣляется точнѣе законами. Вслѣдствіе этого естественныя науки не довольствуются только описаніемъ наблюдаемыхъ фактовъ и раскрытіемъ законовъ взаимодѣйствія отдѣльныхъ факторовъ, но на основаніи этихъ законовъ онѣ раскрываютъ новые факты въ предѣлахъ прошлаго и будущаго. Для примѣра можно указать на теорію Дарвина о

происхожденія видовъ, или на разныя гипотезы относительно прошлаго и будущаго земного шара.

Существенное затрудненіе въ общественныхъ наукахъ составляетъ еще то обстоятельство, что дѣятельность психическаго фактора до сихъ поръ не подведена подъ точные законы. Что можетъ дать экспериментальная психологія, пока опредѣлить нельзя, въ виду зачаточнаго состоянія этой дисциплины. Во всякомъ случаѣ это направленіе въ психологіи приводитъ къ болѣе точнымъ результатамъ.

Съ естественными науками языковѣдѣніе имѣетъ то общее, что разсматриваемыя въ немъ явленія (языка) сравнительно однообразны и въ значительной степени поддаются точному анализу. Кромѣ того отдѣльныя личности не имѣютъ существеннаго вліянія на измѣненія языка, которыя происходятъ какъ бы стихійно. Вслѣдствіе этого языковѣдѣніе овладѣло своимъ предметомъ въ несравненно большей степени, чѣмъ другія общественныя науки. Благодаря безчисленному множеству добытыхъ законовъ и благодаря своимъ точнымъ методамъ, языковѣдѣніе можетъ заниматься и возстановленіемъ прошлаго языка, а подчасъ и заглядывать въ будущее. Это обстоятельство заставило нѣкоторыхъ ученыхъ причислить языковѣдѣніе къ естественнымъ наукамъ. Но если и сближать языковѣдѣніе по своимъ методамъ и результатамъ съ естественными науками, то всетаки, по природѣ своего предмета изслѣдованія, языковѣдѣніе принадлежитъ къ числу культурныхъ наукъ.

Изъ сказаннаго уже видно, что для пониманія явленій языка не достаточно знать психологію (индивидуальную), извѣстные отдѣлы физіологіи, физики и соціологіи. Каждая изъ этихъ спеціальностей разсматриваетъ относящіяся къ ней явленія въ отдѣльности. Для языковѣдѣнія же еще существенно важно знать, какъ изъ взаимодѣйствія этихъ разнородныхъ факторовъ возникаютъ всѣ явленія языка.

Отношеніе языковѣдѣнія къ другимъ филологическимъ наукамъ.

Филологія въ широкомъ смыслѣ изучаетъ духовную дѣятельность народовъ во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ: въ художественныхъ словесныхъ произведеніяхъ, въ произведеніяхъ искусства, въ вѣрованіяхъ, обычаяхъ, правовыхъ возрѣніяхъ, въ политической жизни, въ экономической жизни и пр.,

между прочимъ и въ языкѣ. Такимъ образомъ языкъ является однимъ изъ объектовъ изслѣдованія филологіи въ широкомъ смыслѣ слова.

Понятно, что при филологическомъ изученіи древнихъ народовъ практическое изученіе языка ихъ стояло на первомъ мѣстѣ. Вѣдь языкъ ключъ къ разумѣнію духовной жизни народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе языка требовало много труда и времени. Поэтому подъ филологіей стали понимать преимущественно изученіе языка и памятниковъ. Отсюда объясняется, почему и сравнительное языковѣдѣніе называлось и отчасти называется у французовъ и англичанъ philologie comparée, comparative philology.

Когда впослѣдствіи стали изучать филологію отечественную и другихъ новыхъ народовъ, языки которыхъ изучались съ гораздо меньшимъ трудомъ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ научное изученіе языка вырабатывалось все болѣе въ особую спеціальность, требующую особой подготовки, то поневолѣ стали смотрѣть на научное изученіе языка какъ на особую спеціальную область филологіи. Теперь всякому понятно, что можно знать и преподавать санскритскій, греческій, старославянскій, французскій и пр. языки, не зная этихъ языковъ научно, т. е. не будучи языковѣдомъ.

Пока филологія занималась почти исключительно изученіемъ греческаго и римскаго народовъ, можно было соединять ее въ одномъ лицѣ. Когда затѣмъ стали изучать культурную жизнь другихъ древнихъ народовъ, особенно восточныхъ, между которыми индійцы (индусы) занимали первое мѣсто, и когда наконецъ обратились къ изученію отечественной литературы, отечественныхъ древностей и пр. и къ изученію другихъ новыхъ народовъ, то въ виду обширности предмета постепенно стали вырабатываться новыя спеціальности.

При дѣленіи филологическихъ дисциплинъ на отдѣльныя группы руководствуются или единствомъ народа, или единствомъ филологической дисциплины. Въ первомъ случаѣ изучается культурная жизнь одного или нѣсколькихъ народовъ по возможности всесторонне. Во второмъ случаѣ имѣется въ виду только одна спеціальная сторона умственной дѣятельности народа, которая тогда изучается у многихъ народовъ. По первому способу дѣленія возникли у насъ напр. спеціальность классической филологіи и спеціальность славяно-русской филологіи. Въ славяно-

русской филологіи изучается культурная жизнь славянскихъ народовъ, въ особенности русскаго народа, въ ихъ языкѣ, литературѣ, политической исторіи, искусствѣ, обычаяхъ и пр. По второму способу дѣленія возникла напр. спеціальность политической исторіи. Сюда же относится юриспруденція, которая въ сущности составляетъ одну небольшую частную филологическую дисциплину. Но въ виду своего практическаго значенія юриспруденція стала преимущественно прикладной наукой и расширилась настолько, что изучается на отдѣльномъ факультетѣ.

Сюда относится также языковѣдѣніе (сравнительное языковѣдѣніе), которое въ западныхъ университетахъ составляетъ нерѣдко предметъ такой же особой университетской спеціальности, какъ напр. исторія. По практическимъ соображеніямъ языковѣдѣніе у насъ самостоятельной отрасли университетскаго изученія не составляетъ. Но понятно классикамъ и словесникамъ нужно заниматься и научнымъ изученіемъ славянскихъ resp. классическихъ языковъ, а для этого необходимо еще изученіе извѣстныхъ отдѣловъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ и общаго языковѣдѣнія. Въ виду своего болѣе общаго значенія послѣдній предметъ изучается въ нашихъ университетахъ и историками, и можно думать, со временемъ будетъ изучаться и юристами и нѣкоторыми спеціалистами-медиками. Особенно тѣсно связана съ научнымъ изученіемъ языка общественная психологія, логика и отчасти индивидуальная психологія.

Нужно еще замѣтить, что представителями общаго языковѣдѣнія являются въ нашихъ университетахъ спеціалисты по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ потому, что они единственные, которые могутъ сосредоточиваться исключительно на языкѣ, такъ какъ слависты, классики и представители русскаго языка должны быть одновременно и представителями нѣкоторыхъ другихъ филологическихъ дисциплинъ своей области, какъ литературы, отчасти политической исторіи и пр. Впрочемъ, вслѣдствіе возрастанія размѣровъ науки, въ дѣйствительности наши классики и слависты являются въ настоящее время уже или преимущественно спеціалистами по языку, или же преимущественно спеціалистами по исторіи, древностямъ или литературѣ своей спеціальной области.

Общая и практическая (описательная) фонетика, особенно

съ примѣненіемъ экспериментальной фонетики, разрабатывается заграницей преимущественно неофилологами—спеціалистами по отечественному языку или по новымъ иностраннымъ языкамъ. Занятія фонетикой обусловлены у нихъ насущными потребностями спеціальности, какъ научными—для изслѣдованія живыхъ діалектовъ, такъ и практическими—для привитія учащимся правильнаго произношенія, въ томъ числѣ и родного общегосударственнаго языка. У насъ единственное неофилологическое отдѣленіе, германо-романское отдѣленіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ, не занимается этимъ предметомъ. Нужно надѣяться, что въ будущихъ учебныхъ планахъ русскій языкъ завоюетъ себѣ должное въ научномъ отношеніи положеніе, и для надобностей діалектологіи розовьется и практическая фонетика. Она безусловно необходима для преподавателей иностранныхъ языковъ, какъ скоро мы будемъ предъявлять къ нимъ тѣ требованія, которыя ставятся имъ напр. въ Германіи и которыя выработаны тамъ добровольно самими же преподавателями.

§ 3. Дѣленіе языковѣдѣнія на отдѣлы въ связи съ задачами его.

Предварительно нужно замѣтить, что не слѣдуетъ смѣшивать научное изученіе языка съ практическимъ изученіемъ его. Можно вполнѣ владѣть языкомъ устно и въ письмѣ и не имѣть понятія о научной сторонѣ его. Наоборотъ, можно знать научно языкъ и не владѣть имъ практически, какъ можно быть ученымъ механикомъ или ботаникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плохимъ мастеровымъ или садовникомъ. Практическое знаніе изслѣдуемаго языка облегчаетъ лишь работу, дѣлаетъ матеріалъ болѣе доступнымъ, но въ тоже время можетъ скрывать отъ вниманія явленія, замѣтныя стоящему подальше болѣе объективному изслѣдователю. Впрочемъ для разработки болѣе тонкихъ различій семасіологіи весьма существенно основательное практическое знаніе языка. Конечно, практически знаютъ обыкновенно только живой современный языкъ, т. е. новѣйшій періодъ въ исторіи родного языка.

Наука языковѣдѣнія распадается на нѣсколько главныхъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый разсматриваетъ факты языка съ извѣстной стороны.

Отдѣлъ языковѣдѣнія, изслѣдующій языкъ только съ звуковой стороны, называется фонетикой.

Тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, который разсматриваетъ слова и сочетанія словъ въ связи съ ихъ реальными значеніями, называется лексикологіей, словаремъ (лексикономъ).

Отдѣлъ языковѣдѣнія, изучающій слова въ ихъ формахъ въ связи съ формальными значеніями словъ, называется морфологіей. Въ практическихъ грамматикахъ этотъ отдѣлъ нерѣдко называется ошибочно «этимологіей».

Отдѣлъ языковѣдѣнія, изучающій формы предложеній (въ составъ которыхъ входятъ и формы отдѣльныхъ словъ по отношенію къ употребленію ихъ въ словосочетаніяхъ въ предложеніяхъ) въ связи съ формальными значеніями предложеній, называется синтаксисомъ.

Морфологія и синтаксисъ объединяются общимъ именемъ грамматика. Впрочемъ, въ грамматикѣ помѣщаютъ обыкновенно и ученіе о звукахъ (фонетику), а синтаксисъ нерѣдко отсутствуетъ въ ней.

Отдѣлъ языковѣдѣнія, изслѣдующій значенія языка сами по себѣ, называется семасіологіей или семантикой.

Подъ научнымъ изученіемъ какого-нибудь языка понимается обыкновенно историческое изученіе его, изслѣдывающее языкъ въ его измѣненіяхъ во времени и выясняющее, какъ изъ фактовъ предыдущихъ эпохъ постепенно развились позднѣйшіе. Но понятно, можно изслѣдовать тотъ или другой языкъ безъ отношенія къ его прошлому, какъ онъ существуетъ или существовалъ въ извѣстный историческій моментъ, въ извѣстный періодъ своего развитія. Такая работа будетъ сама по себѣ также научной, хотя въ результатѣ является описаніе языка, служащее обыкновенно для практическихъ цѣлей.

Сообразно съ этимъ каждый изъ вышеозначенныхъ отдѣловъ можетъ быть или историческимъ (научнымъ) или описательнымъ.

Фонетика.

Такимъ образомъ ученіе о звукахъ рѣчи или фонетика заключаетъ въ себѣ или исторію звуковъ какого либо языка и звуковые законы, опредѣляющіе постепенное измѣненіе этихъ звуковъ. Это—научная фонетика или исторія звуковъ.

Или же въ фонетикѣ дается лишь описаніе звуковъ даннаго говора или литературнаго и пр. языка въ извѣстное время его существованія, напр. описаніе звуковъ современнаго общерусскаго языка, французскаго языка и пр. Въ послѣднемъ случаѣ это будетъ описательная фонетика, или описаніе звуковъ.

Морфологія и синтаксисъ (грамматика).

Такимъ же образомъ различается научная или историческая морфологія отъ описательной, т. е. неисторической. Названія эти непривычны лишь потому, что на практикѣ появляются или монографіи въ видѣ исторіи формъ склоненія или спряженія и пр., или же морфологія является составной частію (вмѣстѣ съ фонетикой или съ синтаксисомъ или съ обоими) грамматики, которая, сообразно съ вышесказаннымъ, называется или исторической (научной) грамматикой или описательной (практической) грамматикой. Первая содержитъ въ отдѣлѣ морфологіи исторію формъ словъ въ связи съ значеніями ихъ, и въ отдѣлѣ синтаксиса—исторію формъ словосочетаній въ предложеніяхъ въ связи съ формальными значеніями ихъ. Въ описательной грамматикѣ разсматриваются тѣ же факты по отношенію къ одной опредѣленной эпохѣ языка. Такимъ же образомъ различаютъ историческій синтаксисъ и описательный (практическій) синтаксисъ.

Словарь.

Если въ словарѣ помѣщаются слова изъ разныхъ эпохъ языка, такъ что подъ каждымъ словомъ мы находимъ въ исторической послѣдовательности его разновидности изъ древнихъ до новыхъ эпохъ съ соотвѣтствующими значеніями, то такой словарь называется историческимъ, въ отличіе отъ обыкновенныхъ практическихъ словарей, въ которыхъ дается весь запасъ въ словахъ и значеніяхъ напр. современнаго литературнаго англійскаго языка, русскаго языка и пр. Такихъ «историческихъ» словарей пока мало. Къ историческимъ словарямъ принадлежатъ еще этимологическіе словари, въ которыхъ при помощи сравнительно-историческаго метода объясняется происхожденіе словъ (этимологія) напр. русскаго или греческаго языка. Разница между этимологическимъ и исто-

рическимъ словаремъ такая же, какъ между сравнительной грамматикой и исторической грамматикой (см. ниже).

Семасіологія.

Точно такъ же можно было бы кромѣ семасіологіи, изучающей значенія какого-либо языка въ ихъ исторіи, принимать описательную семасіологію, относя сюда напр. ученіе о синонимахъ, о стилистическихъ различіяхъ въ извѣстную эпоху даннаго языка и пр.

Общее языковѣдѣніе.

Рядомъ съ этими отдѣлами существуетъ еще особая часть языковѣдѣнія, которую можно назвать общимъ языковѣдѣніемъ или теоріей языка или философіей языка. Въ ней разсматриваются тѣ общія условія жизни и развитія языка, которыя одинаково присущи всѣмъ языкамъ: въ чемъ заключается языкъ, какія въ немъ дѣйствуютъ силы или факторы, какова общая природа ихъ и способъ взаимодѣйствія, какъ производятся звуки и чѣмъ объясняются ихъ измѣненія, какъ образуются и измѣняются формы словъ и словосочетаній, какъ и почему происходятъ измѣненія значеній и пр. и пр.

Такимъ образомъ параллельно съ исторической и описательной фонетикой отдѣльныхъ языковъ, въ общемъ языковѣдѣніи долженъ существовать такой отдѣлъ, такая общая фонетика, которая разсматриваетъ устройство органовъ рѣчи и способы производства ими звуковъ рѣчи вообще, природу звуковъ рѣчи и пр. Изученіемъ общихъ условій производства звуковъ рѣчи занимается и физіологія. Поэтому могло бы казаться, что достаточно черпать эти свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи. Но физіологія не можетъ считаться со всѣми тѣми частностями, которыя необходимы языковѣду. А главное—историческая фонетика изучаетъ измѣненія звуковъ во времени. Поэтому и общая фонетика должна заниматься изученіемъ общихъ условій сохраненія и измѣненія языка въ звуковомъ отношеніи. Для этого необходимо разсматривать звуковую сторону не только въ наружномъ языкѣ, въ дѣятельности органовъ рѣчи и слуха, но и во внутреннемъ языкѣ, въ слуховыхъ и двигательныхъ представленіяхъ, связанныхъ съ физіологической работой уха и органовъ рѣчи. Только изъ взаимодѣйствія этихъ физіологическихъ и пси-

хическихъ факторовъ можно объяснять тѣ звуковыя измѣненія языка, которыя составляютъ предметъ изученія исторической фонетики. Въ виду этого, по предмету изученія общая фонетика не тождественна съ физіологіей звуковъ рѣчи, какъ нерѣдко думаютъ. Физіологія звуковъ рѣчи является лишь составной частью общей фонетики. Въ ней акустика звуковъ рѣчи должна имѣть не меньшее значеніе. Такая общая фонетика не должна быть апріорной. Исходя изъ фактическихъ данныхъ разныхъ языковъ, она должна дать то, что необходимо для пониманія и разъясненія фонетическихъ явленій хотя бы въ той области историческої фонетики, для которой она служитъ пропедевтикой.

Точно такъ же для вѣрнаго пониманія историческаго измѣненія языка въ области морфологіи и синтаксиса необходимы такіе отдѣлы общаго языковѣдѣнія, которые между прочимъ изслѣдуютъ, какимъ образомъ изъ взаимодѣйствія существующихъ въ языкѣ факторовъ возникаютъ вообще всѣ тѣ измѣненія языка, которыя составляютъ предметъ изученія этихъ отдѣловъ исторіи языка, чѣмъ они вызываются, при какихъ условіяхъ они происходятъ и пр.

Къ такимъ явленіямъ относятся напр. образованіе по аналогіи, играющее существенную роль въ жизни языка, народная этимологія и нѣк. другія. Изученіе сущности и общихъ условій ихъ составляетъ предметъ общаго языковѣдѣнія. Въ этой области предстоитъ еще много работы по экспериментальной психологіи языка, вслѣдствіе сложности и неуловимости относящихся сюда психическихъ явленій.

Измѣненія въ значеніяхъ происходятъ по общимъ психическимъ законамъ ассоціаціи вслѣдствіе требованій нашего мышленія, для котораго слова въ предложеніяхъ служатъ средствомъ обнаруженія. Болѣе точные законы, по которымъ происходятъ измѣненія языка въ области семасіологіи, еще не обнаружены.

Общее языковѣдѣніе служитъ основой методики научнаго и практическаго изученія языка.

Измѣненія въ языкѣ (развитіе языка) сводятся вообще къ измѣненію существующихъ фактовъ, къ утратѣ ихъ и къ возникновенію новыхъ фактовъ. Появленіе совершенно новыхъ словъ, новыхъ словъ изъ старыхъ составныхъ частей, новыхъ формъ

словъ и формъ словосочетаній, новыхъ значеній, а также утрата словъ, утрата формъ словъ и формъ словосочетаній и утрата значеній, происходятъ извѣстными, опредѣленными способами, согласно устройству языка вообще и психологической и физической природѣ его носителя—человѣка. Изученіе способовъ возникновенія этихъ измѣненій входитъ въ составъ общаго языковѣдѣнія. Кто не знакомъ съ ними, тотъ можетъ при изслѣдованіи этихъ фактовъ въ томъ или другомъ языкѣ приписывать языку такія явленія, которыя противорѣчатъ его природѣ и закрываютъ истину, какъ это нерѣдко случается у изслѣдователей, не прошедшихъ лингвистическую школу.

Въ виду этого общее языковѣдѣніе служитъ основой методики всякой научной работы въ области языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно является и основой для методики практическаго изученія языка, такъ какъ раціонально преподавать можетъ лишь тотъ, кто выяснилъ себѣ такъ сказать природу языка и его отношеніе къ природѣ обучаемаго человѣка.

Сравнительная грамматика. Родство языковъ.

Сравнительная грамматика составляетъ тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, который изучаетъ исторію какой либо семьи языковъ до эпохи общаго родоначальника этихъ языковъ, до праязыка ихъ, напр. сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ, сравнительная грамматика славянскихъ языковъ и др. При этомъ приходится возстановлять тѣ факты этой исторіи, которые не дошли до насъ въ памятникахъ. Эти факты устанавливаются посредствомъ сравнительно-историческаго изученія соотвѣтствующихъ фактовъ памятниковъ и живыхъ языковъ. Въ виду широкаго примѣненія при этомъ сравнительнаго метода, этотъ отдѣлъ языковѣдѣнія былъ названъ въ свое время «сравнительной грамматикой», въ отличіе отъ существовавшей раньше «практической грамматики» и въ отличіе отъ «исторической грамматики», изучающей въ историческомъ порядкѣ факты, почерпнутые изъ памятниковъ. Въ сущности «сравнительная грамматика» и «историческая грамматика» (или «исторія» какого-либо языка) изслѣдуютъ одинаково исторію языка, только при различныхъ условіяхъ, въ виду чего для отличія оба названія сохраняются донынѣ.

Каждое изъ разнаго рода измѣненій языка происходитъ

извѣстными свойственными ему путями и подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, болѣе или менѣе выясненныхъ наукою. Благодаря этому только и возможно возстановленіе доисторическихъ фактовъ языковъ и пополненіе и болѣе точное опредѣленіе тѣхъ фактовъ, которые дошли до насъ въ памятникахъ.

Первая ступень въ этой работѣ заключается въ опредѣленіи, какіе языки образуютъ одну родственную группу или семью языковъ, т. е. въ родственной классификаціи языковъ. Родственныя отношенія между языками опредѣляются на основаніи тѣхъ сходствъ въ словарѣ, звуковомъ составѣ и грамматикѣ, которыя не могутъ объясняться изъ случайнаго совпаденія или изъ заимствованія. При этомъ для родства нужно не полное совпаденіе (это свидѣтельствовало бы скорѣе въ пользу заимствованія), а такое соотношеніе между языками, при которомъ явленія каждаго родственнаго языка возможно выводить изъ одного общаго родоначальника—праязыка, принимая для каждаго изъ нихъ извѣстныя допустимыя въ языкѣ измѣненія. Отсюда уже видно, что первая попытка родственнаго сближенія языковъ необходимо связана съ попыткой возстановленія ихъ прошлаго, съ предположеніемъ общаго родоначальника — праязыка, такъ какъ самое понятіе родства заключаетъ въ себѣ требованіе общаго происхожденія, слѣдовательно извѣстнаго факта изъ прошлаго.

Въ сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ существуютъ поэтому такіе же отдѣлы (сравнительной) фонетики, (сравнительной) морфологіи и (сравнительнаго) синтаксиса, возстановляющіе исторію звуковъ, исторію формъ словъ и исторію формъ словосочетаній въ предложеніи съ ихъ значеніями въ доисторическую эпоху (въ эпоху, предшествующую письменной традиціи), какіе существуютъ по отношенію къ историческимъ эпохамъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ. Сюда же относится сравнительный (-историческій) словарь индоевропейскихъ языковъ и сравнительно-историческая семасіологія этихъ языковъ.

Для лучшаго пониманія постараюсь показать на примѣрахъ, какъ могла возникнуть сравнительная грамматика и какъ она справляется съ своими задачами.

Изъ сравненія такихъ словъ какъ санскритское ávis—овца, греческое ὄϝις, перешедшее затѣмъ въ οἶς—овца, латинское ovis—овца, старословянское овьца, литовское avìs—овца и пр., или

санскритское asti—есть, греческое ἐστί—есть, латинское est—есть, старославянское ѥсть, литовское ẽsti—есть, нѣмецкое ist и пр. и множества другихъ словъ должны были придти къ заключенію, что такое сходство не можетъ быть случайнымъ, тѣмъ болѣе, что подобное сходство оказывалось и въ окончаніяхъ склоненія и спряженія и пр. Но какъ же объяснить это совпаденіе? Очевидно только тѣмъ, что всѣ эти языки произошли изъ одного языка и представляютъ дальнѣйшія діалектическія развѣтвленія этого языка. Но гдѣ этотъ языкъ? Онъ очевидно долженъ былъ быть общимъ языкомъ предковъ индусовъ, грековъ, римлянъ, славянъ, германцевъ и пр.; слѣдовательно было время, когда эти предки составляли одну языковую общину, одинъ народъ. Въ то сравнительно отдаленное время этотъ языкъ конечно не могъ быть записанъ, слѣдовательно могъ дойти до насъ только въ своихъ потомкахъ. Всѣ эти языки были названы индоевропейскими (индогерманскими), а общій доисторическій родоначальникъ ихъ—индоевропейскимъ праязыкомъ.

Посредствомъ дальнѣйшаго сравнительнаго изученія фактовъ отдѣльныхъ языковъ, преимущественно древнихъ, старались затѣмъ возстановить звуки, слова (словарь) и формы словъ (грамматику) праязыка, а въ связи съ этимъ должны были возстановлять и позднѣйшія измѣненія его до начала письменныхъ памятниковъ. Такъ, изъ вышеприведенныхъ названій овцы можно было легко установить, что въ праязыкѣ существовало это слово съ тѣмъ же значеніемъ (фактъ лексическій) и оканчивалось въ им. п. ед. ч. на -vis, допуская слѣдовательно, что звуки -v-i-s сохранились въ санскритскомъ, латинскомъ, литовскомъ языкахъ при данныхъ условіяхъ безъ измѣненія. Но это нужно было провѣрить на всѣхъ тѣхъ словахъ, которыя содержатъ эти звуки при тѣхъ же условіяхъ. Это подтвердилось въ большинствѣ случаевъ, причемъ оказалось, что въ греческомъ *v* исчезало только въ историческую эпоху. Оказалось также, что *i* и конечное *s* сохранялось въ этихъ языкахъ, кромѣ славянскихъ, въ которыхъ уже въ праславянскую эпоху конечное *s* исчезло, а *i* перешло въ болѣе широкій очень краткій звукъ *ь*, который въ русскомъ языкѣ при однихъ условіяхъ измѣнился въ *е*, при другихъ исчезъ: ср. старославянскія овьць, овьца—русскія «овец», «овца». Послѣ долгаго времени и длиннаго ряда работъ убѣдились, что въ первомъ слогѣ этого слова и въ другихъ аналогичныхъ

случаяхъ было въ праязыкѣ *о*, а не *а*, какъ раньше думали, такъ что все слово звучало въ праязыкѣ въ именит. п. ovis.

Съ теченіемъ времени сравнительное изученіе дѣлалось все болѣе сравнительно-историческимъ, т. е. все болѣе стали соблюдать хронологическую послѣдовательность въ возстановляемыхъ фактахъ языка. Такъ, нельзя сопоставлять непосредственно литовское *а* въ avis съ санскритскимъ *а* въ ávis, такъ какъ изъ сравненія съ славянскими языками мы знаемъ, что литовское *а* еще въ сравнительно поздній періодъ, въ балтійскославянскую эпоху, былъ звукъ близкій къ *о*, такъ что измѣненіе его въ *а* произошло совершенно независимо отъ санскрита и нисколько не сближаетъ этихъ языковъ въ родственномъ отношеніи.

Изъ этихъ примѣровъ понятно, почему (историческая) фонетика получила въ сравнительной грамматикѣ и вообще въ современномъ языковѣдѣніи первенствующее значеніе.

Возстановляя такимъ же образомъ окончанія другихъ падежей, посредствомъ такого же сравнительно-историческаго изученія формъ отдѣльныхъ падежей въ индоевропейскихъ языкахъ, мы установляемъ склоненіе индоевропейскаго праязыка. Такъ же возстановляются основы и суффиксы спряженія и пр. Другіе примѣры см. ниже.

Сравнительное историческое изученіе дополняетъ данныя памятниковъ.

Возстановленіемъ доисторическихъ фактовъ языка роль сравнительно-историческаго изученія языковъ не исчерпывается. Факты историческихъ эпохъ языковъ дошли до насъ только въ письменныхъ памятникахъ. Въ этихъ памятникахъ намъ даются только письменные знаки, которые условно, символически обозначаютъ звуковой языкъ. А языковѣдѣніе занимается только изслѣдованіемъ устнаго языка. Слѣдовательно, первая работа историка языка, это—возстановленіе по письменнымъ знакамъ подлиннаго устнаго языка. (Конечно и письмо само по себѣ составляетъ предметъ особаго изслѣдованія, въ палеографіи. Но это уже другая спеціальность, съ другими пріемами изслѣдованія). Эта работа совершенно невозможна безъ сравнительно историческаго изученія родственныхъ живыхъ и мертвыхъ языковъ. Какъ мы могли бы иначе опредѣлить произношеніе напр. старославянскихъ или даже древнерусскихъ словъ, когда ни одинъ изъ живыхъ славянскихъ языковъ не сохранилъ этого произношенія. Такъ,

въ древнихъ старославянскихъ памятникахъ даже буквамъ ж, ѣ, а передъ мягкими гласными т, с. и пр. соотвѣтствовали нѣсколько иные звуки, чѣмъ въ нынѣшнемъ общерусскомъ языкѣ. А звуки, соотвѣтствующіе буквамъ ж, ѧ, ѫ и ь, нельзя даже приблизительно опредѣлить изъ произношенія современнаго русскаго языка. На практикѣ русскій читатель читаетъ древній памятникъ съ своимъ произношеніемъ, сербъ—съ своимъ, нѣмецъ—съ своимъ. Но посвященный въ дѣло отлично понимаетъ, что всѣ они коверкаютъ языкъ.

Сравнительно рѣдко сохранились прямыя указанія о произношеніи древнихъ; косвеннымъ указаніемъ служатъ иногда показанія другихъ языковъ, позаимствовавшихъ такія слова. Лишь фонографическія записи, которыя могли бы въ точности воспроизводить подлинную звуковую рѣчь, могли бы служитъ непосредственнымъ историческимъ матеріаломъ для изслѣдователя языка.

Внѣшняя исторія языковъ. Географія языковъ.

При научномъ изученіи языка необходимо считаться и съ извѣстными внѣшними условіями, лежащими внѣ языка, но оказывающими на него вліяніе. Сюда относится географическое расположеніе языка. Вліяніе климата на языкъ не доказано. Зато напр. для діалектическаго развитія языка весьма существенно, занимаетъ ли площадь языка способствующую путямъ сообщенія равнину, или она пересѣкается высокими горами, большими рѣками и лѣсами и пр.

Относительно вліянія сосѣднихъ языковъ важно, насколько обширны и интенсивны сношенія съ сосѣдями. Такъ, напр., иноязычный народъ, разбросанный оазисами или живущій даже въ перемѣшку съ даннымъ народомъ, оказываетъ между прочимъ и на языкъ его наибольшее вліяніе и т. д. Понятно, что изученіе подобныхъ географическихъ условій языка особенно важно для исторіи языка и должно быть историческимъ, такъ какъ вслѣдствіе перемѣщенія народовъ и измѣненія путей сообщенія они измѣняются.

Къ такимъ внѣшнимъ историческимъ условіямъ языка относятся вопросы, былъ ли носитель его многочисленный народъ—завоеватель, или сильный культурой, національнымъ сознаніемъ и пр., пріобрѣлъ ли языкъ выдающееся значеніе какъ вопло-

щеніе религіозной или свѣтской литературы устной или писанной, научной литературы и пр.

Сюда относится также выясненіе внѣшнихъ условій памятниковъ, какъ источниковъ для исторіи языка: когда и кѣмъ они написаны, къ какимъ діалектамъ они относятся, оригиналы ли они или списки и т. д.

Гипотезы о происхожденіи человѣческаго языка.

Данныя, добытыя изъ научнаго изученія языка и природы человѣка даютъ намъ нѣкоторое право задаваться и вопросомъ о происхожденіи человѣческаго языка вообще или по крайней мѣрѣ о тѣхъ способахъ, какимъ онъ могъ возникнуть. Когда-то это былъ главный вопросъ философіи языка и рѣшался просто. Теперь онъ почти устраненъ изъ науки, хотя онъ понятно не потерялъ своего интереса. Нѣтъ сомнѣнія, что устный языкъ возникалъ первоначально при содѣйствіи многихъ разнородныхъ условій, разными окольными путями, такъ что простого разрѣшенія вопроса и ожидать нельзя.

До сихъ поръ выставлялись разныя, большею частію односторонніи гипотезы о происхожденіи языка, которыя уже опровергнуты новыми успѣхами въ знаніи природы языка и его носителей. Но уже изъ этого видно, что языковѣдѣніе все болѣе получаетъ право на болѣе чѣмъ гипотетическое рѣшеніе этого вопроса, далеко не лишняго въ наукѣ. Конечно, нельзя разсчитывать на возстановленіе исторической картины первоначальнаго возникновенія языка.

Раздѣленіе труда въ области языковѣдѣнія.

Такъ какъ въ задачу языковѣдѣнія входитъ изслѣдованіе исторіи всѣхъ языковъ во всѣхъ ихъ діалектическихъ разновидностяхъ до возможно отдаленной древности, то понятно, что здѣсь необходимо раздѣленіе труда. Поэтому одни лингвисты, напр. семитисты, занимаются спеціальнымъ изученіемъ исторіи семитическихъ языковъ, другіе изучаютъ исторію уралоалтайскихъ языковъ или только нѣсколькихъ группъ ихъ, третьи изучаютъ исторію индоевропейскихъ языковъ и т. д.

Но въ виду многочисленности языковъ и говоровъ, древнихъ и новыхъ, входящихъ въ составъ индоевропейской семьи языковъ, и въ виду обширности научной литературы, совмѣ-

щеніе въ одномъ лицѣ научнаго знанія всѣхъ индоевропейскихъ языковъ въ настоящее время совершенно невозможно. Поэтому явились меньшія спеціальности: сравнительная грамматика славянскихъ языковъ, сравнительная грамматика германскихъ языковъ, иранскихъ языковъ и пр.

Такимъ образомъ изученіе древнѣйшаго періода исторіи индоевропейскихъ языковъ, отъ индоевропейскаго праязыка до древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ отдѣльныхъ языковъ включительно, составляетъ предметъ **сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ** по преимуществу. Продолженіемъ этой исторіи служатъ спеціальныя сравнительныя грамматики отдѣльныхъ вѣтвей индоевропейской семьи языковъ, какъ сравнительная грамматика славянскихъ языковъ, романскихъ языковъ, германскихъ языковъ и пр. Такъ какъ факты древнѣйшаго періода не дошли до насъ непосредственно, а возстановляются изъ сравнительно-историческаго изученія позднѣйшихъ періодовъ языковъ, то этотъ отдѣлъ исторіи получилъ названіе «сравнительной грамматики» по преимуществу. А сравнительная грамматика (или исторія) славянскихъ языковъ или романскихъ языковъ и пр. изучаетъ главнымъ образомъ факты, почерпнутые изъ памятниковъ и изъ живыхъ языковъ.

Понятно, чѣмъ болѣе напр. славистъ приближается къ настоящему времени, тѣмъ легче онъ объясняетъ всѣ явленія языка изъ того историческаго прошлаго даннаго языка, которое сохранилось въ памятникахъ. Наоборотъ, по мѣрѣ приближенія къ началу письменности, возстановленіе доисторическихъ фактовъ при помощи сравнительно-историческаго изученія отдѣльныхъ славянскихъ и другихъ индоевропейскихъ языковъ становится все болѣе необходимымъ. Такъ напр. чередованіе о съ *а*, какъ въ «вада́» — «во́ды», чередованіе *е* съ о, какъ въ «ведро́» — «вёдра», возникновеніе формъ прошедшаго времени, какъ «сказалъ», «сказали» и пр. легко объясняются изъ болѣе древнихъ памятниковъ того же русскаго языка. Но напр. для выясненія происхожденія формъ опредѣленнаго прилагательнаго, какъ «добрая», «добрую» и пр., необходимо восходить до балтійскославянской эпохи. Для объясненія же происхожденія большинства формъ склоненія и спряженія русскаго языка необходимо восходить до индоевропейскаго праязыка. Въ этомъ случаѣ славистъ долженъ быть настолько знакомъ съ сравнительной грамматикой

индоевропейскихъ языковъ, чтобы по крайней мѣрѣ умѣть пользоваться научными результатами этой послѣдней.

Но подобная специализація невозможна для специалистовъ по древнѣйшей эпохѣ индоевропейскихъ языковъ, т. е. по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ (которыхъ можно было бы назвать индоевропеистами, какъ нѣмцы ихъ называютъ индогерманистами). Поэтому они съуживаютъ свою область тѣмъ, что изучаютъ болѣе специально только главныя и нѣкоторыя второстепенныя вѣтви индоевропейской семьи языковъ, удѣляя обыкновенно меньше вниманія кельтскому, армянскому и иранскимъ языкамъ, смотря по обстоятельствамъ, и исключая по возможности новѣйшіе періоды индоевропейскихъ языковъ, въ томъ числѣ новые литературные языки.

§ 4. Бѣглый обзоръ исторіи языковѣдѣнія и библіографіи.

Научное изученіе языка восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ. Анализъ звуковъ языка необходимъ уже при изобрѣтеніи звукового письма. Но научныя изслѣдованія языка могутъ быть и древнѣе письменности, какъ было напр. въ Индіи. Они возникали въ древности въ особенности тамъ, гдѣ имѣлось дѣло съ неродственнымъ или родственнымъ языкомъ, отличающимся отъ родного и пріобрѣвшимъ въ религіозномъ или иномъ отношеніи право на особенное вниманіе.

Такъ, семитическіе ассирійцы выработали пособія для пониманія аккадско-сумерійскаго языка, т. е. языка туранскаго происхожденія. Стремленіе сохранить въ чистотѣ языкъ пророка заставило магометанъ, особенно персовъ, въ точности опредѣлить этотъ языкъ. Научныя работы надъ языкомъ Ветхаго Завѣта были вызваны уже послѣ Р. Х. потребностью прибавлять гласныя, чтобы предупредить потерю традиціоннаго произношенія у разсѣянныхъ евреевъ, забывшихъ свой языкъ.

По самостоятельности, вмѣстѣ съ полнотой и многосторонностью въ изученіи своего языка, древніе индійцы стоятъ выше всѣхъ другихъ народовъ. Ведійскій языкъ существовалъ искони у боговъ, былъ самъ божествомъ, творившимъ чудныя дѣла. Поэтому и слова ведійскихъ гимновъ имѣли сверхъестественную силу, и малѣйшія ошибки въ произношеніи могли быть гибельны. Къ тому же высокое развитіе и формальное богатство древне-

индійскаго языка предъявляло къ изслѣдователю исключительныя требованія. Этимъ требованіямъ къ счастью соотвѣтствовали высокое умственное развитіе, глубина и чуткость его изслѣдователей—браминовъ.

Главная научная разработка греческаго языка происходила въ Александріи, латинскаго въ Византіи. Впрочемъ надъ языкомъ работали умы многихъ греческихъ философовъ. Результатомъ такихъ научныхъ работъ явились грамматики греческаго языка, составленныя въ Римѣ для практическаго преподаванія греческаго языка. По образцу ихъ составлялись въ Европѣ всѣ позднѣйшія грамматики латинскаго языка и другихъ языковъ.

По идеѣ Лейбница составлялись съ XVII в. каталоги, короткіе тексты и словари, въ которыхъ большею частію безъ внутренняго порядка сопоставлялись слова разныхъ родственныхъ и неродственныхъ языковъ. Лейбницъ просилъ и Петра Великаго о собираніи такихъ матеріаловъ изъ языковъ его государства для выясненія происхожденія народовъ и для введенія христіанства («ut omnis lingua laudet Dominum»). Подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ Екатерина II принимала личное участіе въ составленіи широко задуманнаго словаря, появившагося въ 1787 г. въ С.-Петербургѣ подъ заглавіемъ «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей особы». Второе изданіе содержитъ переводъ нѣсколькихъ сотенъ словъ на почти 300 языкахъ Европы, Азіи, Африки и Америки. Впрочемъ уже въ древнерусской рукописной литературѣ существовало немало словарей чужихъ и вообще непонятныхъ словъ. Они имѣли отчасти энциклопедическій характеръ и назывались азбуковниками, алфавитами и пр. Рядомъ съ ними существовали и подражательныя грамматическія работы главнымъ образомъ по церковнославянскому языку. Съ конца XVI в. начали появляться въ Россіи и подобныя печатныя грамматики и словари.

Въ XVIII столѣтіи существовали уже работы по сравнительной грамматикѣ венгро-финнскихъ языковъ.

Сравнительно-историческое изученіе индоевропейскихъ языковъ.

Нынѣшняя наука сравнительнаго языковѣдѣнія индоевропейскихъ языковъ ведетъ свое начало со времени основательнаго знакомства европейскихъ ученыхъ съ санскритомъ, съ

начала XIX в., хотя отдѣльные миссіонеры изучали уже гораздо раньше санскритскій языкъ и убѣдились въ родствѣ его съ греческимъ и латинскимъ языками. Джонсъ (Jones) писалъ въ 1786 г., что санскритъ богаче и совершеннѣе, чѣмъ греческій и латинскій языки, и въ такомъ близкомъ родствѣ съ ними, что необходимо признать, что эти три языка, какъ и готскій и кельтскій, вышли изъ одного общаго источника, который, можетъ быть, уже не существуетъ больше. Насколько однако неясно представлялось другимъ отношеніе между языкомъ—родоначальникомъ и языками—потомками, объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ то, что извѣстный санскритологъ Фридрихъ Шлегель въ своей книгѣ «О языкѣ и мудрости индійцевъ», вышедшей въ 1808 г., считалъ древнеиндійскій языкъ старшимъ, изъ котораго произошли греческій, латинскій, персидскій и др. языки. Это превратное мнѣніе Шлегеля о санскритскомъ, языкѣ, какъ родоначальникѣ другихъ индоевропейскихъ языковъ, получило впослѣдствіи широкое распространеніе въ сферахъ, отстоящихъ подальше отъ научнаго языковѣдѣнія.

Настоящимъ творцомъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ является Францъ Боппъ. Послѣ ряда работъ, въ которыхъ Боппъ доказывалъ родство всѣхъ индоевропейскихъ языковъ между собою и ихъ происхожденіе изъ одного языка и пр., онъ въ 1833—1852 г. выпустилъ свою знаменитую сравнительную грамматику, вышедшую въ 1868—1871 г.г. третьимъ изданіемъ. Конечно, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ работъ измѣнялись не только взгляды на частные факты, но и принципіальные, такъ что работы Боппа имѣютъ въ настоящее время преимущественно историческое значеніе.

Нѣсколько раньше, а именно съ 1819 г., стала выходить въ свѣтъ «Нѣмецкая грамматика» Якова Гримма. Въ этой грамматикѣ дается исторія германскихъ нарѣчій по фактамъ, собраннымъ изъ памятниковъ. Такимъ образомъ Гриммъ сдѣлался основателемъ исторической грамматики, какъ Боппъ—сравнительной. Трудъ Гримма научилъ отводить должное мѣсто народнымъ діалектамъ, признавать закономѣрность въ измѣненіяхъ языка, и доказалъ важность точнаго и подробнаго изученія древнихъ памятниковъ.

Съ нынѣшней точки зрѣнія оба способа изученія языка, историческій и сравнительный, лишь дополняютъ другъ друга,

хотя они возникли совершенно независимо другъ отъ друга Нынѣшнее сравнительно-историческое изученіе языка (сравнительная грамматика) занимается одинаково какъ историческими фактами, сохранившимися въ древнихъ памятникахъ, такъ и тѣми доисторическими фактами, которые возстановляются изъ сравнительнаго изученія языковъ. Только при помощи сравнительно-историческаго изученія многочисленныхъ діалектическихъ фактовъ, сохраняющихся въ древнихъ памятникахъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ, мы въ состояніи возстановить болѣе раннія, доисторическія эпохи вплоть до праязыка, а иногда и дальше. И наоборотъ, при возстановленіи живого языка древнихъ эпохъ по часто неточнымъ записямъ памятниковъ, доисторическіе факты, раскрываемые сравнительнымъ изученіемъ языковъ, даютъ намъ необходимыя дополнительныя указанія, не говоря уже о томъ, что сами факты древнѣйшихъ памятниковъ получаютъ свое историческое освѣщеніе только изъ сравнительной грамматики.

Вторымъ сочиненіемъ, обнимающимъ сравнительную фонетику и морфологію индоевропейскихъ языковъ, былъ Schleicher'a Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, 1861. Четвертое изданіе вышло въ 1876 г.

Третій подобный трудъ, служащій въ настоящее время главнымъ пособіемъ при изученіи сравнительной грамматики, это Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen Brugmann'a въ двухъ томахъ, изъ которыхъ первый томъ, содержащій фонетику, вышелъ въ 1897 г. уже вторымъ изданіемъ. Къ этой сравнительной грамматикѣ прибавленъ впервые и сравнительный синтаксисъ, въ видѣ 3-го, 4-го и 5-го томовъ, составленный Delbrück'омъ подъ заглавіемъ: Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen.

Болѣе подходящимъ для начинающихъ является сокращенное изданіе того же труда, составленное Бругманномъ подъ заглавіемъ Kurze vergleichende Grammatik der indogermanichen Sprachen, 1904. Эта сравнительная грамматика содержитъ фонетику, мофологію и синтаксисъ, но не всѣхъ индоевропейскихъ языковъ, а лишь языковъ древнеиндійскаго, греческаго, латинскаго, германскихъ и старославянскаго съ литовскимъ. Въ 1903 г. появилась краткая сравнительная грамматика Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. Она от-

личается между прочимъ скептическимъ отношеніемъ къ доисторическимъ построеніямъ особенно праязыка.

Краткимъ пособіемъ по сравнительной грамматикѣ древне-индійскаго, греческаго, латинскаго и старославянскаго языковъ, удовлетворяющимъ между прочимъ и нашимъ требованіямъ по старославянскому языку, служили у насъ въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ десятилѣтій литографированныя изданія лекцій бывшаго московскаго профессора, нынѣ академика, Ф.Ѳ.Фортунатова. Этими лекціями пользовались не только русскіе, но иногда и спеціалисты иностранцы, такъ какъ въ нихъ сообщались и результаты новыхъ изслѣдованій автора, не успѣвшихъ сдѣлаться общимъ достояніемъ науки. Желательно скорое появленіе начатаго печатнаго изданія ихъ.

Рядомъ со сравнительной грамматикой индоевропейскихъ языковъ стали появляться и сравнительныя грамматики напр. романскихъ языковъ Diez'а, и позднѣе Meyer—Lübke, славянскихъ языковъ Миклошича и др. Разработка славянскихъ языковъ получила сравнительно раннее развитіе въ трудахъ Караджича, Добровскаго, Копитара, Востокова и особенно Миклошича.

Впрочемъ исторія отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ со включеніемъ сравнительно-грамматическаго элемента, т. е. съ возведеніемъ исторіи ихъ до индоевропейскаго праязыка и съ указаніемъ нужныхъ фактовъ изъ другихъ индоевропейскихъ языковъ, излагается въ послѣднее время часто въ (историческихъ) грамматикахъ отдѣльныхъ языковъ. Таковы грамматики: греческаго языка Brugmann'а Griechische Grammatik, Gustav Meyer'а Griechische Grammatik и Hirt'а Handbuch der griechischen Laut- und Formenlehre; латинскаго языка Lindsay, The latin language (нѣмецкій переводъ Nohl'я) и Sommer'а Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre; греческаго и латинскаго языковъ Giles'а (нѣмецкій переводъ подъ заглавіемъ: Vergleichende Grammatik der klassischen Sprachen) и Henry, Précis de grammaire comparée du grec et du latin; старославянскаго языка Leskien'а Handbuch der altbulgarischen Sprache (русскій переводъ подъ заглавіемъ: Грамматика старославянскаго языка Лескина) и Vondrák'а Altkirchenslavische Grammatik; древне-индійскаго языка Wackernagel'я Altindische Grammatik и Thumb'а Handbuch des Sanskrit, и многія грамматики по германскимъ нарѣчіямъ и т. д. Подобныя же обстоятельныя, но сжато изложенныя грам-

матики отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ помѣщены въ коллективныхъ изданіяхъ Grundriss der indoarischen Philologie, Grundriss der iranischen Philologie, Grundriss der romanischen Philologie, Grundriss der germanischen Philologie и друг. Рядомъ съ такими грамматиками появляются и историческія грамматики или исторіи отдѣльныхъ языковъ, излагающія исключительно факты, почерпнутые изъ памятниковъ, какъ напр. Indische Grammatik Whitney'я или «Лекціи по исторіи русскаго языка» Соболевскаго и пр.

Результаты дѣятельной работы по изслѣдованію исторіи индоевропейскихъ языковъ публикуются въ монографіяхъ и многочисленныхъ повременныхъ изданіяхъ, между которыми для древнихъ періодовъ (сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ) первое мѣсто занимаютъ журналы Indogermanische Forschungen и Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Изъ русскихъ повременныхъ изданій лингвистическія статьи попадаются чаще въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (Варшава), въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Академіи Наукъ и пр.

Для ознакомленія съ краткой исторіей индоевропейской лингвистики можетъ служить Delbrück, Einleitung in das Spachstudium, переведенный на русскій языкъ въ приложеніи къ историческому обзору работъ по языку въ Россіи до 1825 г. Общее заглавіе: С. Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи I.

Работа послѣдняго двадцатилѣтія была главнымъ образомъ направлена къ изученію индоевропейскихъ языковъ въ звуковомъ отношеніи. Меньшимъ вниманіемъ пользовались морфологія и синтаксисъ. Семасіологія все еще мало разработана.

Общее языковѣдѣніе (философія языка).

Предыдущій обзоръ относится къ изученію фактической исторія языковъ. Рядомъ съ этимъ шла неравномѣрными шагами и работа по философіи языка, по вопросамъ о природѣ языка, объ общихъ условіяхъ жизни языка, о происхожденіи языка и пр., т. е. той части, которая отнесена у меня къ общему языковѣдѣнію.

Въ началѣ XIX ст. языковѣдѣніе находилось, помимо разныхъ другихъ предвзятыхъ идей, въ кабалѣ философской или «всеобщей» грамматики, смотрѣвшей на языкъ, какъ на произведеніе логической мысли. Такимъ образомъ въ языковѣдѣніе

вносились взгляды, выработанные въ другой области, а не вытекавшіе изъ непосредственнаго изученія реальныхъ фактовъ языка. Это вполнѣ понятно въ такое время, когда еще не научились объективно наблюдать и анализировать явленія языка и не успѣли еще набраться необходимыхъ данныхъ опыта изъ языка. Началомъ и значительными успѣхами по объективному изученію языка наша лингвистика обязана Боппу, Якову Гримму (о которыхъ уже была рѣчь выше), Потту, основателю индоевропейской фонетики, и др.

Преимущественно философской стороной языка занимался Wilhelm von Humboldt, оказавшій впрочемъ преимущественно только нравственное вліяніе на позднѣйшихъ изслѣдователей.

Болѣе существенное вліяніе на взгляды и направленіе изслѣдователей языка оказалъ нѣсколькими крупными сочиненіями Steinthal, выдвинувшій психическую сторону языка.

Немалое образовательное значеніе имѣли печатныя лекціи по общему языковѣдѣнію американскаго лингвиста и санскритолога Whitney'я, а также широко распространенная книжка его въ популярномъ изложеніи: Life and growth of language, переведенная на французскій (La vie du langage) и нѣмецкій языкъ (Leben und Wachsthum der Sprache).

Глубокое вліяніе на общій взглядъ на языкъ и на направленіе разработки его стала оказывать съ начала 80-тыхъ годовъ книга германиста Paul'я, Principen der Sprachgeschichte, вышедшая теперь уже третьимъ изданіемъ. Она занимается почти исключительно психической стороной языка. Изученіе ея требуетъ серьезнаго труда, отчасти знакомства съ исторіей нѣмецкаго языка.

Изъ такихъ новѣйшихъ сочиненій по общему языковѣдѣнію трудъ von der Gabelentz'a, Die Sprachwissenschaft, занимается между прочимъ и практическими вопросами, связанными съ научнымъ изученіемъ языка, и замѣчателенъ тѣмъ, что опирается въ своихъ выводахъ на многіе неиндоевропейскіе языки.

Наиболѣе подробно психическая сторона языка разработана Wundt'омъ, кромѣ другихъ сочиненій въ его Völkerpsychologie I, Die Sprache, въ двухъ частяхъ. Это сочиненіе представляетъ трудъ психолога и физіолога, главнаго основателя экспериментальной психологіи, многіе годы занимавшагося изученіемъ языковѣдѣнія. Этотъ трудъ составляетъ первую часть его «Общест-

венной психологіи» и предназначенъ прежде всего для психологовъ. Нужно еще замѣтить, что общественная психологія въ смыслѣ Вундта совершенно справедливо принципіально отличается отъ общественной психологіи въ смыслѣ Штейнталя.

При пользованіи этимъ трудомъ Вундта нужно считаться съ Delbrück, Grundfragen der Sprachforschung, 1901, и съ Wundt, Sprachgeschichte und Sprachpsychologie, 1901, и съ Sütterlin, Das Wesen der sprachlichen Gebilde. Эти книжки критическаго характера. Къ работамъ Вундта примыкаетъ Dittrich, Grundzüge der Sprachpsychologie. Вышелъ первый томъ съ атласомъ рисунковъ, содержащій подробную, широко задуманную физіологическую психологію языка.

Нѣтъ надобности перечислять здѣсь многочисленныя работы, касающіяся отдѣльныхъ вопросовъ общаго языковѣдѣнія и методологіи и имѣющія научное значеніе (напр. Martinak'a, Wegener'a, Meringer'a, Rousselot, Kretschmer'a, Vossler'a и друг.), такъ какъ спеціальная научная подготовка по языковѣдѣнію все равно невозможна безъ компетентнаго руководителя.

Въ отдѣльныхъ изданіяхъ, статьяхъ, лекціяхъ и грамматикахъ русскихъ лингвистовъ встрѣчаются изложенія тѣхъ или другихъ отдѣловъ общаго языковѣдѣнія, частію заслуживающія быть болѣе извѣстными. Но въ виду ограниченности круга ихъ читателей они не могли оказывать существеннаго вліянія на общій ходъ этой науки и относятся поэтому къ исторіи отечественной науки. Сюда относятся напр. мало извѣстныя, но цѣнныя для своего времени работы Потебни («Мысль и языкъ». «Изъ записокъ по русской грамматикѣ»), не говоря о работахъ другихъ ученыхъ, находящихся въ живыхъ.

Общая и описательная фонетика.

Особенно обширна и стара литература по общей фонетикѣ, если причислить сюда труды физіологовъ и физиковъ по производству звуковъ рѣчи и по физіологической и физической акустикѣ.

Изъ нынѣ употребляемыхъ учебниковъ по общей фонетикѣ назову: Brücke, Grundzüge der Physiologie und Systematik der Sprachlaute. Meyer, Unsere Sprachwerkzeuge. Techmer, Phonetik (съ атласомъ рисунковъ). Merkel, Physiologie der menschlichen Sprache. Helmholtz, Die Lehre von den Tonempfindungen. Rous-

selot, Principes de phonétique expérimentale, 1897—1901 (будетъ еще третій выпускъ и сокращенное изданіе). Jespersen, Lehrbuch der Phonetik и Phonetische Grundfragen, 1904. Наиболѣе приспособленный для индоевропеиста учебникъ: Sievers, Grundzüge der Phonetik, вышедшій уже пятымъ изданіемъ.

Работъ по описательной фонетикѣ, описывающихъ условія производства звуковъ въ томъ или другомъ живомъ языкѣ, но содержащихъ обыкновенно и общую часть, появилось въ послѣднее время много. Напр. для англійскаго языка многіе труды Melville Bell'я, Sweet'а и пр. Для нѣмецкаго языка Bremer, Deutsche Phonetik; Klinghardt, Artikulations- und Hörübungen и пр. Лучшее руководство для усвоенія произношенія французскаго языка, основывающееся на экспериментальномъ изслѣдованіи произношенія, это Précis de prononciation française аббата Rousselot, извѣстнаго основателя и директора фонетической лабораторіи въ Collège de France въ Парижѣ. Для трехъ языковъ параллельно: Vietor, Elemente der Phonetik des Deutschen, Englischen und Französischen, и сокращенное изданіе того же: Kleine Phonetik des Deutschen и пр. Подобные практическіе учебники существуютъ и для другихъ языковъ.

По описательной фонетикѣ русскаго языка существуютъ отдѣльныя работы или попутно попадающіяся наблюденія какъ иностранныхъ (Sweet, Lundell, Meillet и др.), такъ и русскихъ ученыхъ (Böhtlingk, Гротъ, Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ѳ. Е. Коршъ, особенно Богородицкій, и др.). Однако полной описательной фонетики общерусскаго языка до сихъ поръ нѣтъ. Также нѣтъ еще полнаго научнаго описанія и діалектической карты русскихъ говоровъ. Предварительный обзоръ ихъ составленъ А. Соболевскимъ («Опытъ русской діалектологіи») на основаніи печатныхъ источниковъ. Матеріалы, полученные отъ разныхъ лицъ въ отвѣтъ на вопросныя программы Академіи Наукъ (Шахматовъ, «Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ» въ Изв. отд. рус. яз. Ак. Н.) большею частію неточны и неполны. Впрочемъ начаты и болѣе точныя изслѣдованія по частямъ, напр. Карскимъ (по бѣлорусскимъ говоромъ), Каринскимъ и друг.

Сравнительно-историческая лексикологія.

По сравнительной лексикологіи индоевропейскихъ языковъ первое мѣсто занимаетъ обширный сравнительный словарь индо-

европейскихъ языковъ Fick'а подъ заглавіемъ Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, выходящій уже четвертымъ изданіемъ. Сравнительный словарь славянскихъ языковъ Миклошича (Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen 1886) давно распроданъ.

Кромѣ того существуютъ этимологическіе (словопроизводственные) словари отдѣльныхъ языковъ, въ которыхъ для объясненія происхожденія словъ даннаго языка, слѣдовательно и для возведенія исторіи словъ до праязыка, сопоставляются родственныя слова другихъ индоевропейскихъ языковъ. Сюда относятся Uhlenbeck, Kurzgefasstes etymologishes Wörterbuch der altindischen Sprache. Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, и др. Горяевъ, «Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка», изданъ въ Тифлисѣ. Этимъ единственнымъ, а потому цѣннымъ этимологическимъ словаремъ русскаго языка нужно пользоваться критически и съ осторожностью.

ГЛАВА II.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ И КЛАССИФИКАЦІЯ ЯЗЫКОВЪ [1].

§ 1. Предварительныя свѣдѣнія.

Значеніе терминовъ языкъ, нарѣчіе, говоръ и пр.

Подъ языкомъ какого-нибудь народа въ лингвистикѣ понимается совокупность всѣхъ его говоровъ Говоры по степени ихъ взаимнаго родства мы соединяемъ въ бóльшія діалектическія единицы—нарѣчія, отдѣльныя нарѣчія въ языкъ. Иногда необходимо принимать бóльшее число подраздѣленій въ схемѣ діалектическаго дѣленія языка, и тогда употребляются градаціи: языкъ—нарѣчіе—поднарѣчіе—говоръ—подговоръ. Надо впрочемъ имѣть въ виду, что въ житейскомъ обиходѣ подъ словами «русскій языкъ», или «нѣмецкій языкъ» и пр. обыкновенно понимается въ тѣсномъ смыслѣ общегосударственный (литературный) русскій и пр. языкъ, называемый лучше «общерусскимъ», «общенѣмецкимъ» и пр. языкомъ.

---

[1]) Обозрѣніе и классификація языковъ собственно не относится къ общему языковѣдѣнію. Этотъ отдѣлъ составляетъ отдѣльный предметъ внѣшней исторіи и географіи языковъ. Обзоръ каждой семьи наиболѣе на мѣстѣ въ введеніи къ сравнительной грамматикѣ данной семьи. Но по условіямъ университетскаго распредѣленія учебныхъ предметовъ, классификація языковъ должна быть отнесена къ курсу общаго языковѣдѣнія. Помѣщаю же я ее не въ приложеніи, а здѣсь, по практическимъ соображеніямъ. Многое изъ того, что слѣдуетъ въ дальнѣйшемъ, было бы понято не въ надлежащемъ свѣтѣ, если бы читатель не имѣлъ правильнаго представленія о діалектическомъ развитіи и родственныхъ отношеніяхъ индоевропейскихъ языковъ.

Но слово «языкъ» можно примѣнять и къ каждому нарѣчію или говору въ отдѣльности, когда мы говоримъ о немъ безъ отношенія къ бо́льшимъ единицамъ. Можно говорить и о языкѣ одной деревни, одного класса общества, одной рукописи, даже о языкѣ отдѣльнаго лица. Строго говоря, реальное существованіе имѣетъ лишь языкъ отдѣльнаго лица, какъ извѣстнаго рода дѣятельность отдѣльнаго организма. А понятіе «говоръ» является уже нашимъ обобщеніемъ, есть нѣчто отвлеченное, въ которомъ мы оставляемъ въ сторонѣ мелкія особенности тѣхъ индивидуальныхъ языковъ, которые мы соединяемъ въ одну группу—говоръ. Точно такъ же, на основаніи общихъ родственныхъ признаковъ, считаемыхъ нами существенными и не раздѣляемыхъ по крайней мѣрѣ цѣликомъ другими говорами, мы соединяемъ отдѣльные говоры въ бо́льшія, менѣе тѣсныя діалектическія единицы—нарѣчія (или поднарѣчія) и т. д.

Изъ сказаннаго ясно, что если мы напр. всю совокупность русскихъ говоровъ назовемъ русскимъ языкомъ, то по отношенію къ нему малорусскій и великорусскій языки будутъ нарѣчіями. Если же мы имѣемъ въ виду праславянскій языкъ, то по отношенію къ нему сербскій, русскій языкъ и пр. будутъ нарѣчіями, а малорусскій языкъ—поднарѣчіемъ и т. д.

Слѣдовательно, термины «нарѣчіе», «поднарѣчіе», «говоръ» и пр. имѣютъ лишь значенія относительныя, и употребляя ихъ, мы имѣемъ всегда въ виду и соотвѣтствующія бо́льшія единицы. А слово «языкъ» можетъ имѣть значеніе относительное—къ меньшимъ единицамъ, или абсолютное. Иностранный терминъ «діалектъ» употребляется часто, когда не опредѣляется въ точности, какія именно высшія категоріи имѣются въ виду. Такимъ образомъ напр. споръ о томъ, есть ли малорусскій языкъ «нарѣчіе» или «языкъ», совершенно безсодержательный споръ о словахъ, и возникаетъ изъ невѣрнаго пониманія значенія этихъ словъ. По отношенію къ прарусскому языку онъ нарѣчіе, такъ же какъ совокупность всѣхъ великорусскихъ говоровъ составляетъ по отношенію къ прарусскому языку—великорусское нарѣчіе.

Особое положеніе занимаетъ общегосударственный (литературный, общенародный) русскій (какъ и нѣмецкій и пр.) языкъ, называемый технически «общерусскимъ». Онъ въ извѣстной степени языкъ искусственный, соединяющій въ себѣ особенности

нѣсколькихъ нарѣчій и находящійся подъ вліяніемъ письменности, школы и иностранныхъ литературныхъ языковъ. Поэтому его нельзя укладывать въ рамки діалектической схемы и нельзя мѣрить по степени родства съ бѣлорусскимъ или украинскимъ языкомъ, такъ какъ онъ разнородный съ ними по своему происхожденію и по условіямъ своего существованія.

Генеалогическая классификація языковъ.

Посредствомъ сравнительно-историческаго изученія дошедшихъ до насъ языковъ востановляются факты предыдущихъ эпохъ этихъ языковъ, тѣхъ отдаленныхъ эпохъ, изъ которыхъ не сохранилось никакихъ письменныхъ памятниковъ. Такъ при помощи сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ въ ихъ древнихъ памятникахъ и въ живой рѣчи, мы востановляемъ факты того праславянскаго языка, на которомъ славяне говорили въ то время, когда составляли еще одинъ народъ, съ однимъ языкомъ. Сравнивая этотъ востановленный нами праславянскій языкъ съ востановленными такимъ же образомъ языками прагерманскимъ, прагреческимъ, праиндійскимъ и пр., мы востановляемъ ту эпоху индоевропейскихъ языковъ, когда всѣ эти языки составляли еще одинъ языкъ, на которомъ говорилъ одинъ народъ.

Вмѣстѣ съ востановленіемъ исторіи какой-либо семьи языковъ, мы выясняемъ и родственныя отношенія между отдѣльными языками этой семьи, т. е. устанавливаемъ одновременно ту классификацію, основанную на степеняхъ взаимнаго родства, которая называется генеалогической.

По необходимости попытки генеалогической классификаціи предшествуютъ болѣе детальному сравнительному изученію языковъ, такъ какъ предварительно нужно хотя бы гипотетически соединить извѣстные языки въ родственную группу, по поверхностнымъ даннымъ, чтобы затѣмъ уже при болѣе обстоятельномъ историческомъ изученіи ихъ окончательно доказать или опровергнуть родство между тѣми или другими языками, присоединенными къ такой группѣ.

Наука успѣла большинство языковъ распредѣлить по родственнымъ группамъ или семьямъ. Таковы напр. семьи индоевропейскихъ языковъ, семья семитскихъ (или семитическихъ) языковъ, семья уралоалтайскихъ языковъ и т. д., получившихъ

свое начало изъ индоевропейскаго праязыка, семитскаго праязыка (прасемитскаго языка) и т. д.

Вопросъ о единствѣ происхожденія языковъ.

Если бы всѣ языки земного шара происходили отъ одного языка, т. е. были бы потомками одного первоначальнаго языка, то задача классификаціи ихъ состояла бы въ указаніи родственныхъ отношеній между всѣми языками.

Мнѣніе, что всѣ языки происходятъ напр. изъ еврейскаго языка, тормазило въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій вѣрное пониманіе родственныхъ отношеній языковъ. Въ настоящее время можетъ быть поставленъ лишь вопросъ: состояли ли возстановляемые нами праязыки отдѣльныхъ семей языковъ въ очень отдаленномъ прошломъ въ родствѣ между собою, т. е. произошли ли они отъ одного общаго родоначальника, или они возникли совершенно независимо другъ отъ друга. И этотъ вопросъ остается пока открытымъ.

Попытки родственнаго сближенія индоевропейскихъ языковъ съ семитскими и отчасти хамитскими языками, а также съ угрофинскими языками, были многочисленны. Но дѣло въ томъ, что та эпоха въ жизни родоначальниковъ отдѣльныхъ семей языковъ, къ которой мы могли бы отнести это сближеніе, должна быть значительно древнѣе, чѣмъ возстановляемыя нами эпохи отдѣльныхъ праязыковъ, а потому, за неимѣніемъ изъ этихъ эпохъ достовѣрныхъ данныхъ, нужно относиться пока скептически къ такого рода выводамъ.

Къ тому же, если эпохи отдѣленія однихъ праязыковъ отъ другихъ относятся къ очень раннимъ эпохамъ языка, то мы должны считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ такихъ языкахъ существовало ограниченное число звуковъ и звуковыхъ сочетаній, образующихъ ограниченное число словъ въ соотвѣтствіи съ ограниченной потребностью въ нихъ со стороны понятій. Въ виду этого нельзя ожидать большого числа общихъ родственныхъ словъ въ двухъ отдѣльныхъ семьяхъ. Если таковыя и существовали когда-то, то въ теченіе такого долгаго періода они могли не только измѣниться до неузнаваемости въ звукахъ и значеніяхъ, но могли утратиться и замѣниться новыми, такъ что при сравнительной малочисленности оставшихся, трудно дать неопровержимыя доказательства родства. Кромѣ того,

при такихъ условіяхъ нельзя всегда рѣшать съ достовѣрностью, что составляетъ первоначальное достояніе и что заимствовано впослѣдствіи, и пр.

Съ другой стороны, можно допустить, что при одинаковыхъ условіяхъ человѣческой природы и окружающей среды, отдѣльныя племена рода человѣческаго могли создать свои языки совершенно независимо другъ отъ друга, когда они населяли отдаленныя мѣстности земного шара и не находились между собою въ какихъ-либо сношеніяхъ.

Но нельзя ожидать отъ языковѣдѣнія и доказательства тому, что человѣческіе языки произошли изъ нѣсколькихъ родоначальниковъ, ибо всегда остается возможность допустить, что совмѣстная жизнь отдѣльныхъ семей языковъ восходитъ къ такому отдаленному примитивному состоянію языка, небольшое наслѣдіе изъ котораго могло совершенно исчезнуть въ общей массѣ позднѣйшихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ послѣ отдѣленія этихъ семей другъ отъ друга.

Чтобы понять такую ограниченность лексическаго состава языка, нужно вспомнить, что по подсчету нѣкоторыхъ изслѣдователей англійскій неграмотный чернорабочій употребляетъ въ житейскомъ обиходѣ лишь около 300 словъ. Въ древнеперсидскихъ надписяхъ менѣе 400 словъ, въ томъ числѣ $^1/_3$ собственныхъ именъ. Образованный человѣкъ съ высшимъ образованіемъ употребляетъ въ разговорѣ 3000—4000 словъ. Пишущій мыслитель употребляетъ, можетъ быть, до 10,000 словъ. Еврейскій Ветхій Завѣтъ содержитъ меньше 6000 словъ. Очень богатъ языкъ Шекспира—содержитъ около 15,000 словъ.

Морфологическая классификація языковъ.

Кромѣ генеалогической классификаціи языковъ, основанной на родственной связи ихъ и происхожденіи отъ одного общаго родоначальника, праязыка, существуютъ классификаціи неродственныхъ языковъ, производимыя на основаніи общихъ характерныхъ признаковъ въ строѣ языковъ. Такая искусственная классификація, называемая морфологической, не основывающаяся на фактической исторіи языковъ, а на сходствахъ или различіяхъ въ формахъ (μορφή) ихъ, имѣетъ лишь второстепенное значеніе и служитъ для болѣе удобнаго обозрѣнія тѣхъ языковъ съ ихъ

формальными особенностями, которые не приведены еще въ родственныя группы.

По такой морфологической классификаціи дѣлятъ языки обыкновенно на три класса: изолирующіе, агглютинирующіе и флективные, къ которымъ иногда присоединяютъ еще классъ полисинтетическихъ языковъ.

Въ изолирующихъ или корневыхъ языкахъ, какъ китайскомъ, сіамскомъ и пр., большею частью односложныя, неизмѣняющіяся слова не содержатъ такихъ формальныхъ элементовъ, какъ наши словообразовательные, падежные и личные суффиксы. Слова лишены даже формальнаго различія напр. между глаголомъ, существительнымъ и прилагательнымъ. Поэтому въ грамматикѣ этихъ языковъ почти отсутствуетъ отдѣлъ морфологіи (словообразованія и флексіи), а есть лишь фонетика и синтаксисъ. Синтаксическія отношенія словъ другъ къ другу, опредѣляемыя въ нашихъ языкахъ часто, но не исключительно, падежными и личными окончаніями, въ изолирующихъ языкахъ опредѣляются порядкомъ словъ, логическимъ удареніемъ, служебными словами и смысломъ.

Если мы однако примемъ въ разсчетъ, что напр. въ нѣмецкомъ Mutter, во французскомъ mère, англійскомъ mother и пр. падежныя отношенія тоже или вовсе не выражаются формой, или обозначаются служебными словами (der Mutter, à la mère и пр.), что напр. англійскія односложные mind, set употребляются не только во всѣхъ падежахъ какъ существительное, но и какъ глаголъ, притомъ почти во всѣхъ лицахъ (J mind, we mind, you mind, they mind) и пр., то становится понятнымъ, что между изолирующими и флективными языками нѣтъ принципіальной разницы, а лишь относительная.

И китайская односложность словъ не первоначальна, какъ ошибочно думали раньше, почему и назвали китайскій языкъ корневымъ языкомъ, т. е. слова котораго состоятъ изъ первоначальныхъ корней. Китайскія односложныя слова развились изъ прежнихъ многосложныхъ, какъ и большинство односложныхъ англійскихъ словъ. Китайскій языкъ находится уже на пути къ выработкѣ агглютинирующаго строя, какъ англійскій приблизился къ изолирующему строю. Слѣдовательно, изолирующіе, флективные и агглютинирующіе языки (см. ниже) представляютъ лишь болѣе типичныя переходныя состоянія языковъ.

Къ агглютинирующему или склеивающему классу (латинское gluten—клей, agglutinare—склеивать) относятъ большинство языковъ, напр. урало-алтайскіе. Въ нихъ формальные элементы словъ, употребляемые нерѣдко и самостоятельно, какъ префиксы (представки) и суффиксы (надставки), прибавляются къ реальнымъ частямъ словъ, т. е. къ такъ называемымъ корнямъ и основамъ, со слабой связью. Большáя самостоятельность этихъ морфологическихъ частей словъ, при которой слово какъ бы склеивается изъ нихъ, объясняется тѣмъ, что отдѣльные корни или суффиксы являются въ разныхъ словахъ обыкновенно почти въ одномъ и томъ же звуковомъ видѣ и не успѣли сростись между собою такъ, что ихъ внѣшнимъ образомъ нельзя отдѣлять другъ отъ друга. Но это обстоятельство вовсе не такое исключительное характерное явленіе, которое давало бы намъ право говорить о морфологическомъ классѣ языковъ. И въ индоевропейскихъ языкахъ встрѣчается немало примѣровъ подобнаго склеиванія. Разница лишь въ томъ, что мы застаемъ уралоалтайскіе языки въ такомъ переходномъ состояніи, при которомъ этотъ способъ образованія словъ очень распространенъ, впрочемъ не во всѣхъ уралоалтайскихъ языкахъ. И во французскомъ языкѣ формы какъ (je) dir·ai, (tu) dir-as и пр. состояли когда-то изъ двухъ словъ: «сказать имѣю» Сербское будущее, какъ бра̏ћу, зва̏ћу, возникло изъ сочетаніи инфинитива съ глаголомъ хтjети (брать хочу) и пр. Изъ такого внѣшняго склеиванія самостоятельныхъ словъ возникла повидимому большая часть индоевропейской флексіи вообще.

Въ такъ называемыхъ флективныхъ языкахъ, куда относятся напр. индоевропейскіе и семитскіе языки, формальные элементы (принадлежности) словъ въ большей или меньшей степени такъ переплелись съ реальными принадлежностями словъ, что нельзя отдѣлять ихъ другъ отъ друга въ отдѣльныя морфологическія части словъ, какъ напр. принадлежности множ. числа въ «óкна»,«вёдра»,«рѣки» сравнительно съ «акнá»,«ведрá»,«рѣкú», или принадлежности прошедшаго времени или вида глагола въ «бралъ», «убирай» сравнительно съ «беру», «сборъ». Поэтому я считаю вообще термины «морфологическая часть» или «морфема» и пр. негодными и употребляю терминъ «морфологическая принадлежность». Но выше было указано, что и часть новыхъ индоевропейскихъ языковъ въ значительной степени даже изолиру-

ющіе, отчасти односложные, не говоря уже о томъ, что формы какъ труд-ы, труд-амъ, луч-и, луч-амъ не отличаются отъ формъ агглютинирующихъ языковъ.

• Какъ на четвертую группу морфологической классификаціи указываютъ еще на инкорпорирующіе или полисинтетическіе (т. е. многосложенные) сѣвероамериканскіе языки, въ которыхъ большая часть членовъ предложенія обозначаются въ глаголѣ особыми указательными морфологическими составными частями глагола, а затѣмъ при надобности повторяются отдѣльными словами, какъ бы въ приложеніи, напр. я-это-ѣмъ мясо.

Впрочемъ, и это состояніе языка, въ меньшей степени, можно видѣть въ индоевропейскихъ языкахъ, напр. въ французскомъ: je le vois, le voleur; ç'est içi la montagne.

Понятно, для исторіи языковъ имѣетъ значеніе лишь генеалогическая классификація, возстановляющая фактическое историческое родство языковъ.

§ 2. Индоевропейская семья языковъ.

Индоевропейскій праязыкъ и его распаденіе.

Наиболѣе разработанною является индоевропейская семья языковъ. Это объясняется лишь отчасти большею доступностью этихъ языковъ, главнымъ же образомъ тѣмъ, что индоевропейская семья представляетъ широкое развѣтвленіе, и что отъ большинства ея вѣтвей сохранились въ письменныхъ памятникахъ богатыя историческія данныя изъ отдаленнаго прошлаго этихъ языковъ. Понятно, что на такой почвѣ могло возникнуть и развиваться историческое изученіе языка вообще, и что здѣсь проходятъ лингвистическую школу семитисты, китаисты и пр.

Всѣ индоевропейскіе языки произошли изъ одного общаго родоначальника, называемаго индоевропейскимъ праязыкомъ или праиндоевропейскимъ языкомъ, рѣже общеиндоевропейскимъ языкомъ. Иногда между названіями «праиндоевропейскій» и «общеиндоевропейскій», «праславянскій» и «общеславянскій» и пр. дѣлается различіе, потому что факты, существовавшіе только діалектически въ одной части праязыка, можно называть праиндоевропейскими, но нельзя называть ихъ въ такомъ случаѣ общеиндоевропейскими, такъ какъ такіе факты не были общи всему индоевропейскому праязыку (напр. лабіализація задне-

небныхъ затворныхъ согласныхъ). Наоборотъ, существуютъ факты, общіе всѣмъ индоевропейскимъ языкамъ или большинству изъ нихъ, но возникшіе уже послѣ распаденія праязыка (напр. переходъ группы dd въ zd). Въ виду этого для точности я употребляю только термины праиндоевропейскій языкъ, славянскій праязыкъ, но не общеславянскій языкъ и пр. Надо еще имѣть въ виду, что термины «общерусскій», «общенѣмецкій» языкъ и пр. употребляются еще въ совершенно другомъ смыслѣ. Ими обозначается общегосударственный (литературный) языкъ, служащій языкомъ образованнаго общества, школы, администраціи пр.

Народъ, который говорилъ на индоевропейскомъ праязыкѣ и отъ котораго произошли впослѣдствіи, смѣшавшись предварительно съ многочисленными другими народностями, отдѣльные индоевропейскіе народы, какъ индійцы (индусы), греки, римляне и пр., мы называемъ индоевропейскимъ пранародомъ. Вмѣсто «индоевропейскій языкъ», «индоевропеецъ» и пр. въ нѣмецкой лингвистической литературѣ употребляются обыкновенно слова «индогерманскій» и пр.

Нужно еще замѣтить, что подъ «праязыкомъ», «пранародомъ» и пр. понимается обыкновенно та эпоха праязыка или пранарода, которая непосредственно предшествовала распаденію ихъ на отдѣльные языки и народы. Когда же имѣется въ виду болѣе отдаленная эпоха того же праязыка, то на это нарочно указывается. Такъ напр. говорятъ о болѣе отдаленной эпохѣ праиндоевропейскаго, праславянскаго языка и пр.

Но эпоха распаденія не можетъ быть строго разграничена отъ эпохи отдѣльной жизни языковъ; нельзя обыкновенно указывать на моментъ даже въ историческую эпоху языковъ, съ котораго мы перестаемъ считаться съ діалектами одного языка и начинаемъ считаться съ отдѣльными языками, происходящими изъ этого языка. Лишь полное разобщеніе вслѣдствіе естественныхъ преградъ (горъ, рѣкъ), пространственнаго отдаленія или политическихъ и религіозныхъ границъ и пр. даетъ близко родственнымъ говорамъ возможность измѣняться независимо другъ отъ друга и развиваться въ отдѣльные самостоятельные языки.

Мы не можемъ предполагать, чтобы индоевропейскій пранародъ сразу распался на отдѣльныя части, разобщенныя между собою и развившіяся впослѣдствіи въ отдѣльныя индо-

европейскія народности—представителей отдѣльныхъ вѣтвей индоевропейскихъ языковъ. Въ жизни народовъ и языковъ мы видимъ обыкновенно, что разныя части одной группы говоровъ разобщаются между собою и вступаютъ въ связь съ тѣми или другими говорами другой группы; болѣе отдаленные географически другъ отъ друга говоры приходятъ вслѣдствіе переселенія въ непосредственныя сосѣдскія соприкосновенія и начинаютъ вліять другъ на друга и пр. и пр., пока наконецъ какая нибудь группа говоровъ не отдѣляется окончательно отъ всѣхъ остальныхъ. Такъ было повидимому и съ индоевропейскимъ праязыкомъ, причемъ распаденіе его совершилось постепенно. Поэтому эпоха распаденія праязыка представляетъ продолжительный періодъ, разновременный въ разныхъ частяхъ праязыка. Вслѣдствіе этого и отдѣльные факты, приписываемые нами индоевропейскому праязыку, могутъ быть не вполнѣ одновременными и повсемѣстными въ праязыкѣ, слѣдовательно могутъ всетаки не давать намъ цѣльнаго языка опредѣленной эпохи.

Діалекты праязыка и позднѣйшія вѣтви индоевропейской семьи языковъ.

Уже на своей прародинѣ языкъ индоевропейцевъ представлялъ діалектическія разновидности, такъ какъ вслѣдствіе полукочевого образа жизни они занимали уже значительное пространство. А изъ опыта извѣстно, что полное однообразіе въ языкѣ возможно лишь на очень небольшомъ пространствѣ, т. е. у людей, находящихся часто въ непосредственныхъ языковыхъ сношеніяхъ между собою. Немало такихъ фактическихъ свѣдѣній о діалектическихъ разновидностяхъ индоевропейскаго праязыка даетъ сравнительная грамматика и сравнительный словарь индоевропейскихъ языковъ.

Какъ только какая-нибудь часть пранарода прерывала связь со своими сородичами, то и языкъ ея со своими діалектическими особенностями могъ измѣняться дальше самостоятельнымъ путемъ, могъ стать родоначальникомъ новой семьи языковъ, новымъ праязыкомъ. Причинъ измѣненія языка не нужно искать въ измѣненіи условій климата, образа жизни и т. п. Всякій языкъ измѣняется постепенно, прежде всего самъ по себѣ. Но при измѣненіяхъ индоевропейскихъ языковъ оказывали существенное вліяніе и языки тѣхъ народовъ, которые смѣшались съ индоевропейцами при ихъ распространеніи изъ своей пра-

родины, вѣроятно югозападной Россіи, на западъ до океана, по Аппенинскому и Балканскому полуостровамъ, по Средней Азіи до Индійскаго моря и т. д.

Въ историческую эпоху мы застаемъ уже многочисленные индоевропейскіе языки, которые образуютъ слѣдующія 10 вѣтвей: индійскую, иранскую, армянскую, греческую, албанскую, италійскую, кельтскую, германскую, балтійскую и славянскую. Существовали повидимому еще другія вѣтви индоевропейской семьи, которыя успѣли исчезнуть, не оставивъ памятниковъ, или оставивъ незначительные слѣды въ надписяхъ, географическихъ именахъ и пр., какъ напр. ѳракійскій и фригійскій языки.

Индійская вѣтвь.

Древнѣйшимъ представителемъ индоевропейскихъ языковъ, дошедшихъ до насъ въ письменныхъ памятникахъ, является тотъ языкъ, который сохранился въ четырехъ сборникахъ ведъ, особенно въ древнѣйшемъ, самомъ обширномъ изъ этихъ священныхъ книгъ древнихъ индійцевъ (индусовъ), въ Ригведѣ. (Слово vēdas значитъ по древнеиндійски—знаніе. Ср. родственное греческое οἶδα—знаю, старославянское вѣдѣ, русскія «свѣдѣнія», «вѣдать», «вѣсть» и пр.). Ригведа значитъ: веда гимновъ или стиховъ. Ригведа содержитъ болѣе 1000 гимновъ, содержащихъ около 10,000 стиховъ. Древнѣйшіе изъ нихъ возникли около 2000 лѣтъ до Р. Х. Къ этимъ древнѣйшимъ гимнамъ прибавлялись впослѣдствіи новые, причемъ старые подвергались нѣкоторымъ измѣненіямъ.

Къ этому ведійскому нарѣчію древнеиндійскаго языка принадлежатъ еще болѣе поздніе обширные коментаріи къ ведамъ, такъ называемыя брахманы (brāhmana), далѣе—сутры (sūtra). Въ историческомъ развитіи индійской литературы эти памятники являются переходной ступенью къ санскритской литературѣ въ собственномъ смыслѣ, хотя санскритъ какъ языкъ представляетъ другое нарѣчіе древнеиндійскаго языка. Въ Европѣ нерѣдко распространяютъ названіе санскритскій языкъ и на ведійское нарѣчіе, но въ Индіи, а также въ современной лингвистической литературѣ подъ названіемъ санскрита понимается другое, болѣе позднее нарѣчіе древнеиндійскаго языка, на которомъ написана вся классическая санскритская литература, начиная съ величайшихъ эпическихъ произведеній, Рама-

яны и Магабараты (Rāmāyana, Mahābhārata). Отрывокъ изъ Магабараты, Наль и Дамаянти, извѣстенъ и въ русской литературѣ.

Изъ громадной санскритской литературы къ извѣстнѣйшимъ въ Европѣ произведеніямъ относится между прочимъ сборникъ басенъ, называемый Панчатантра, т. е. пятикнижіе. Другой, болѣе поздній и болѣе краткій сборникъ басенъ назывался Гитопадеша, т. е. полезное наставленіе. Панчатантра послужила источникомъ басенной литературы персовъ, арабовъ, грековъ (Эзопъ) и другихъ азіатскихъ и европейскихъ народовъ. Множество переводовъ на разные европейскіе языки сдѣлано съ драмъ Калидасы «Урваси» и особенно «Сакунталы». Сакунтала, вызвавшая восторженные отзывы Гете, переведена и на русскій языкъ. Къ древнему періоду санскритской литературы относится еще сборникъ законовъ Ману (около 600 или меньше до Р. Х.). Очень краткая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая полная изъ всѣхъ существующихъ вообще грамматикъ, это грамматика санскритскаго языка Панини (жилъ около III в. до Р. Х.).

Философская литература индусовъ громадна; существовало 6 главныхъ философскихъ системъ со можествомъ школъ, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль: освобожденіе души отъ переселенія въ человѣческія и животныя тѣла и возсоединеніе съ міровой душою.

Санскритское нарѣчіе или санскритскій языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, собственно не былъ языкомъ народнымъ (санскритъ значитъ: снаряженный, выработанный), а былъ грамматически нормированнымъ языкомъ литературы и образованныхъ высшихъ кастъ. Въ литературѣ санскритъ продолжалъ существовать и послѣ Р. Х. и въ искусственномъ употребленіи индійскихъ ученыхъ играетъ до сихъ поръ роль средневѣковой латыни. Не только ведійское нарѣчіе, но и санскритское сохранили въ общемъ гораздо болѣе древній строй, чѣмъ остальные индоевропейскіе языки, хотя въ частностяхъ они уступаютъ тому или другому языку. Этимъ объясняется выдающееся значеніе индійскаго языка для древнѣйшей исторіи индоевропейскихъ языковъ. Излишне указывать на ошибочность мнѣнія тѣхъ, которые считали санскритъ матерью всѣхъ индоевропейскихъ языковъ

Рядомъ съ литературнымъ санскритскимъ языкомъ существовали въ народномъ употребленіи другія древнеиндійскія на

рѣчія, называвшіяся индійскими грамматиками пракритомъ или пракритскими нарѣчіями (prakṛta значитъ: природный, естественный). Къ такимъ народнымъ нарѣчіямъ относится и среднеиндійское нарѣчіе пали, на которомъ написана буддійская богословская литература.

Изъ пракрита развились многочисленные современные новоиндійскіе діалекты, образующіе 9 языковъ: бенгали, hинди, синdhи, урійя, маhратти, гузерати, пенджаби и пр. Цыганскіе говоры принадлежатъ также къ индійской вѣтви, но въ составъ ихъ вошло много чужихъ словъ, заимствованныхъ изъ языковъ тѣхъ странъ Европы, по которымъ цыгане странствовали.

Письмо древнихъ индійцевъ, представлявшее большое разнообразіе, въ основѣ своей заимствовано изъ арамейскаго или мессопотамскаго алфавита, около 800 лѣтъ до Р. Х. Но еще долго послѣ этого богословскія и литературныя произведенія хранились и передавались исключительно устно, притомъ съ тщательной точностію въ языкѣ. Распространенное въ Европѣ санскритское письмо, называемое деванагари, въ основѣ очень древнее и составлено съ такимъ пониманіемъ физіологіи и акустики рѣчи, что оставляетъ далеко за собою всѣ наши правописанія. Въ основѣ оно силлабическое, т. е. весь слогъ изображается однимъ знакомъ или лигатурой знаковъ, хотя силлабическій характеръ его не вполнѣ выдержанъ.

Иранская вѣтвь.

Въ ближайшемъ родствѣ съ индійскими языками находятся иранскіе языки. До насъ дошло, кромѣ нѣкоторыхъ данныхъ о скиѳскомъ языкѣ, два древнихъ иранскихъ нарѣчія: древнеперсидскій языкъ и языкъ Авесты.

Древнеперсидскій языкъ сохранился въ клинообразныхъ надписяхъ царей изъ династіи Ахеменидовъ, Дарія Гистаспа и его преемниковъ. Онѣ относятся ко времени 520—350 г. до Р. Х. Древнѣйшая обширная надпись, Бегистанская, повѣствуетъ о подвигахъ царя царей Дарія.

Древнеперсидское письмо силлабическое. Слогъ обозначается извѣстнымъ клиносочетаніемъ. Впрочемъ силлабическій характеръ не выдержанъ и извѣстные слоги обозначаются двумя клиносочетаніями и пр., и вообще письмо не совсѣмъ точное. Это письмо представляетъ упрощеніе вавилонской-ассирійской клинописи сумерійскаго происхожденія.

Древнеперсидскія надписи собственно трехъязычныя: въ первой полосѣ древнеперсидскій языкъ, во второй—мидійскій (сузійскій), въ третьей вавилонско-ассирійскій языкъ. При помощи санскрита удалось въ первую треть XIX столѣтія дешифрировать древнеперсидскій текстъ, и этимъ былъ найденъ ключъ для чтенія другихъ параллельныхъ, одинаковыхъ по содержанію текстовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для пониманія найденной впослѣдствіи обширной вавилонско-ассирійской клинописной литературы.

Другое древнеиранское нарѣчіе дошло до насъ въ Авестѣ, т. е. сборникѣ священныхъ текстовъ религіи Зороастра или Заратуштры. Они и теперь почитаются остатками послѣдователей Зороастрова ученія, удалившимися отъ преслѣдованій магометанъ изъ своей родины около рѣкъ Сырдарьи и Амударьи въ Индію и извѣстными тамъ подъ названіемъ парсовъ.

Главныя части Авесты въ своемъ первоначальномъ видѣ сложились еще до V вѣка до Р. Х. Въ языкѣ Авесты выдѣляется большею древностью одно нарѣчіе, называемое гатскимъ, потому что на немъ написаны 17 гимновъ, называемыхъ Гатами (гата значитъ пѣсня). Эти гимны складывались около 1000 лѣтъ до Р. Х. Нѣкоторые изслѣдователи называли языкъ Авесты древнебактрійскимъ, видя въ немъ языкъ древней Бактріяны. Письмо Авесты звуковое, передаетъ не слоги, а отдѣльные звуки. Пишется справа налѣво, подъ вліяніемъ семитическаго письма.

Впослѣдствіи, въ царствованіе Сассанидовъ, Авеста была переведена на болѣе новый, среднеиранскій языкъ пехлеви (языкъ парѳянскій), содержащій значительную примѣсь семитическихъ элементовъ. Этотъ переводъ и пехлевійскіе комментаріи назывались зендомъ, откуда въ Европѣ ошибочно перенесли это названіе на Авесту, называя ее Зендавестой, а языкъ ея зендскимъ или зендомъ.

Къ новоиранскимъ языкамъ принадлежатъ языки: новоперсидскій со многими нарѣчіями и говорами, курдскій, осетинскій, авганскій или пушту, белуджистанскій или балучи и памирскіе діалекты. На основаніи сохранившихся собственныхъ именъ скиѳскаго языка Вс. Миллеръ видитъ въ осетинскомъ языкѣ потомка скиѳскаго языка.

На новоперсидскомъ языкѣ существуетъ богатая литература, изъ которой особенно извѣстны въ Европѣ: историческая

поэма Шахнаме (книга царей) персидскаго поэта Фирдауси (около 1000 л по Р. Х.), лирическія стихотворенія Хафиза и разсказы Саади (особенно въ «Гулистанѣ» т. е. «Саду розъ»).

Шрифтъ новоперсидскаго языка арабскій, съ прибавкою діакритическихъ знаковъ къ нѣкоторымъ арабскимъ буквамъ.

Армянская вѣтвь.

Древнѣйшіе письменные памятники армянскаго языка восходятъ къ V в по Р. Х. Они написаны на древнеармянскомъ или классическомъ армянскомъ языкѣ. Сами армяне называютъ этотъ языкъ грабаромъ, что значитъ письменный языкъ, въ отличіе отъ ашхарабара т. е. народнаго живого языка. Грабаръ употреблялся и въ послѣдующія столѣтія вплоть до настоящаго времени какъ мертвый литературный языкъ.

Уже въ древнихъ памятникахъ попадаются отрывки народныхъ говоровъ, которые въ сравненіи съ грабаромъ представляютъ въ общемъ значительно болѣе новый строй. Существующіе многочисленные народные говоры раздѣляются на восточную и западную группы, имѣющія каждая опредѣленныя фонетическія и морфологическія особенности.

Уже въ общеармянскій языкъ вошло очень много особенно иранскихъ заимствованныхъ словъ, а въ новыхъ говорахъ число заимствованныхъ словъ составляетъ громадное большинство. Особенно много турецкихъ словъ.

Армянскій шрифтъ былъ составленъ св. Месропомъ главнымъ образомъ изъ греческаго алфавита.

Съ армянскимъ языкомъ Jensen связываетъ древній хеттитскій языкъ, слѣды котораго сохранились въ дешифрованныхъ имъ надписяхъ. Можетъ быть армяне, перешедшіе въ третьемъ тысячелѣтіи изъ Ѳракіи въ Малую Азію, смѣшались при дальнѣйшемъ переселеніи съ хеттитами и сохранили въ своемъ языкѣ слѣды языка послѣднихъ.

Греческая вѣтвь.

Древнегреческій языкъ состоялъ изъ многочисленныхъ народныхъ діалектовъ, сохранившихся чище всего въ надписяхъ и въ нѣсколько искусственномъ видѣ въ произведеніяхъ древнегреческой литературы.

Древнегреческіе говоры можно соединить въ слѣдующія группы: 1) іоническое нарѣчіе и близко родственное съ нимъ аттическое, 2) дорическое нарѣчіе, 3) сѣверозападные говоры съ элійскимъ нарѣчіемъ, 4) аркадско-кипрскіе говоры, 5) эолійское нарѣчіе, 6) памфилійскіе говоры.

Среди древнихъ народныхъ нарѣчій выдѣляется тотъ языкъ, который сохранился въ эпическихъ произведеніяхъ древнихъ грековъ, Иліадѣ и Одиссеѣ. Этотъ такъ называемый Гомеровскій или эпическій языкъ есть главнымъ образомъ языкъ древнеіоническій, хотя эти эпосы возникли первоначально повидимому на почвѣ эолійскаго нарѣчія. Впослѣдствіи прибавилась еще примѣсь другихъ діалектовъ. Этотъ языкъ въ значительной степени искусственный, такъ какъ съ теченіемъ времени рапсоды вносили въ эти пѣсни еще болѣе новые элементы, а александрійскіе ученые подвергали ихъ позднѣйшимъ измѣненіямъ.

Съ V в. до Р. Х. аттическое нарѣчіе начинало вытѣснять изъ литературнаго употребленія всѣ другія нарѣчія, особенно іоническое, и сдѣлалось общимъ литературнымъ языкомъ (κοινή). Съ III в. до Р. Х. сталъ вырабатываться и общенародный греческій языкъ, главнымъ образомъ изъ аттическаго и отчасти іоническаго нарѣчія. Принимая въ себя элементы изъ мѣстныхъ говоровъ и отчасти негреческіе, этотъ общенародный языкъ (койнэ) успѣлъ къ III ст. по Р. Х. вытѣснить всѣ остальные народные діалекты, за исключеніемъ лаконійскаго, живущаго донынѣ подъ названіемъ дзаконскаго.

Нѣсколько столѣтій спустя въ этомъ общенародномъ греческомъ языкѣ стали снова развиваться народные греческіе говоры, составляющіе нынѣ двѣ группы, сѣверную и южную. Слѣдовательно, почти всѣ нынѣшніе греческіе народные говоры происходятъ не изъ древнегреческихъ говоровъ, а изъ общенароднаго греческаго языка.

Малоизвѣстный языкъ македонянъ принадлежитъ повидимому къ греческой вѣтви. Греческая азбука, заимствованная у финикіянъ, представляла въ древности разнообразія по мѣстностямъ.

Албанская вѣтвь.

Къ албанской или иллирійской вѣтви нужно отнести, кромѣ албанскаго языка, еще древній мессапійскій языкъ въ южной

Италіи, извѣстный изъ надписей. Памятники албанскаго языка доходятъ только до XVII ст. Различаютъ нѣсколько главныхъ нарѣчій: гегское на сѣверѣ и тоскское на югѣ Албаніи; кромѣ того нарѣчія албанскихъ поселеній въ Греціи и въ южной Италіи. Громадное большинство словъ нынѣшняго албанскаго языка заимствовано и романскаго, греческаго, славянскаго и турецкаго происхожденія.

Съ албанскимъ языкомъ нѣкоторые сближаютъ еще малоизвѣстные древнеиллирійскій языкъ и языкъ бывшихъ венетовъ въ сѣверновосточной Италіи, которые, можетъ быть, образуютъ отдѣльную вѣтвь. Существуютъ также предположенія о болѣе близкой родственной связи албанскаго языка съ ѳракійскимъ, съ другой стороны—фригійскаго языка съ армянскимъ.

Италійская вѣтвь.

Къ италійской вѣтви относится прежде всего латинскій языкъ. Древній народный латинскій языкъ, существовавшій первоначально въ Римѣ и его окрестностяхъ и извѣстный изъ древнихъ надписей и изъ произведеній нѣкоторыхъ писателей, сталъ распространяться затѣмъ по покореннымъ римлянами странамъ. Смѣшиваясь съ мѣстными туземными говорами, этотъ народный латинскій языкъ далъ существованіе такъ называемымъ романскимъ нарѣчіямъ, которыя съ X—XIV в. стали извѣстны въ письменныхъ памятникахъ какъ языки: итальянскій, провансальскій (въ южной Франціи, съ богатой литературой съ XI—XIV в.), французскій, испанскій, португальскій, ретороманскій (въ южной Швейцаріи) и румынскій.

Изъ того же древнелатинскаго народнаго языка сталъ развиваться съ III в. до Р. Х. тотъ литературный или классическій латинскій языкъ, на которомъ написана вся классическая римская литература, и который въ искусственномъ употребленіи существуетъ до нашихъ дней.

Другія древнія италійскія нарѣчія, какъ языкъ умбровъ въ средней Италіи и языкъ осковъ въ южной Италіи, сабеллійскіе діалекты и пр., были очень рано вытѣснены латинскимъ языкомъ и дошли до насъ въ скудныхъ памятникахъ. Алфавитъ латинскій происходитъ изъ греческаго.

Кельтская вѣтвь.

Кельтская вѣтвь индоевропейской семьи языковъ живетъ

въ настоящее время въ небольшихъ остаткахъ на окраинѣ того громаднаго пространства, которое она нѣкогда занимала въ западной Европѣ.

Изъ древнихъ кельтскихъ діалектовъ, существовавшихъ когда-то въ Верхней Италіи, въ Альпахъ, южной Германіи, Франціи и Испаніи, сохранились очень немногія данныя въ надписяхъ и въ собственныхъ именахъ, объединяемыя подъ названіемъ гальскаго языка.

Живые кельтскіе говоры составляютъ двѣ группы: бритскую и гельскую. Къ бритской или британской группѣ относятся языки 1) кимрскій или уэльскій, 2) вымершій въ XVIII ст. корнскій или корнуэльскій, въ Англіи, и 3) бретонскій или арморикскій во французской Бретани, языкъ переселенцовъ изъ Британіи.

Гельскую группу составляютъ говоры ирскіе (ирландскіе) и шотскіе (шотландскіе) и острова Мэна. Письменные памятники этихъ языковъ начинаются съ VIII—IX в. по Р. Х. Письмо латинское.

Германская вѣтвь.

Германская вѣтвь индоевропейской семьи языковъ дѣлится на 1) восточно-германскую группу, представляемую готскимъ языкомъ, 2) сѣверно-германскую или скандинавскую и 3) западно-германскую группу языковъ.

Готскій языкъ сохранился главнымъ образомъ въ отрывкахъ перевода Библіи, сдѣланнаго въ IV в. епископомъ готовъ Вульфилою (въ переводѣ: волчекъ). Это древнѣйшій болѣе обширный памятникъ нѣмецкаго языка.

Древнѣйшія отрывочныя данныя о сѣверногерманскомъ языкѣ сохранились въ надписяхъ, начиная съ III—IV в. по Р. Х., написанныхъ «рунами» т. е. тайными письменами. (По древнесѣверногерманскому rûn значитъ «тайна», «тайный письменный знакъ», по готски runa—тайна). Руны представляютъ собственно измѣненный латинскій алфавитъ. Этотъ языкъ составлялъ до начала эпохи Викинговъ, приблизительно до 700 л. по Р. Х., въ общемъ одинъ говоръ, который называется сѣверно-германскимъ праязыкомъ и во многихъ отношеніяхъ древнѣе готскаго языка. Изъ этого скандинавскаго праязыка развились впослѣдствіи 4 языка, изъ которыхъ шведскій съ датскимъ

языкомъ находится въ ближайшемъ родствѣ и составляетъ восточноскандинавскую группу, а исландскій съ норвежскимъ — западноскандинавскую группу. Исландскій представляетъ самый древній строй и извѣстенъ съ XII вѣка по сборнику поэтическихъ пѣсенъ Эдда.

Къ западногерманской группѣ принадлежатъ языки 1) англофризскіе, 2) нижненѣмецкіе, 3) верхненѣмецкіе. Памятники этихъ языковъ начинаются съ VIII—IX в., только фризскаго съ XIV в.

Изъ языковъ первой подгруппы фризскій существуетъ и теперь. Изъ древнеанглійскаго или англосаксонскаго языка съ примѣсью романскаго языка норманскихъ завоевателей произошелъ нынѣшній англійскій языкъ.

Къ нижненѣмецкимъ принадлежатъ языки: 1) собственно нижненѣмецкій (нижнесаксонскій) съ древнимъ говоромъ древнесаксонскимъ; новый періодъ нижненѣмецкаго языка называется также Plattdeutsch; 2) нижнефранкскій или нидерландскій языкъ, откуда между прочимъ нынѣшній голландскій языкъ.

Древній верхненѣмецкій языкъ перешелъ въ средневерхненѣмецкій и съ эпохи реформаціи въ нововерхненѣмецкій языкъ, ставшій литературнымъ и общегосударственнымъ языкомъ Германіи.

Готскій алфавитъ греческаго происхожденія съ прибавкою нѣкоторыхъ знаковъ изъ рунъ.

Нынѣшній нѣмецкій (готическій) алфавитъ представляетъ стилистическое измѣненіе латинскаго. Впрочемъ рядомъ употребляется и латинскій шрифтъ.

Балтійская вѣтвь.

Балтійская вѣтвь состоитъ изъ древнепрусскаго, литовскаго и латышскаго языковъ.

Памятники древнепрусскаго языка заключаются въ плохихъ переводахъ катехизиса отъ XVI в., въ небольшомъ болѣе древнемъ Эльбингскомъ словарчикѣ и въ спискѣ нѣсколькихъ словъ и нѣк. др. Потомки древнихъ пруссовъ составляютъ часть населенія нынѣшней Пруссіи, получившей отъ нихъ свое имя. Они постепенно онѣмечились и языкъ ихъ окончательно вымеръ въ XVII вѣкѣ.

Литовскій языкъ получилъ въ новѣйшее время очень

важное значеніе при изученіи индоевропейскихъ языковъ. Онъ представляетъ большое разнообразіе говоровъ и существуетъ въ настоящее время въ Ковенской г., западной части Виленской, въ большей сѣверной части Сувалкской г. и кромѣ того въ сѣверовосточномъ углу Пруссіи, гдѣ онъ впрочемъ быстро вымираетъ подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка.

На латышскомъ языкѣ говорятъ въ Курляндской г., южной половинѣ Лифляндской г. и въ небольшой смежной части Витебской г. Древнѣйшіе памятники литовскаго и латышскаго языковъ восходятъ къ XVI в. и состоятъ изъ переводовъ катехизиса, богослужебныхъ книгъ и пр.

Латышскій языкъ находится въ ближайшемъ родствѣ съ литовскимъ языкомъ, такъ что мы вправѣ принимать періодъ пралитовсколатышскаго языка, послѣ отдѣленія прусскаго языка. Но латышскій языкъ удалился гораздо больше отъ пралитовсколатышскаго состоянія, чѣмъ нынѣшній литовскій языкъ, почему въ лингвистикѣ представителемъ балтійской вѣтви служитъ обыкновенно литовскій языкъ. А прусскій языкъ, хотя и самый древній по строю, т. е. ближе къ прабалтійскому языку, однако очень неточно и неполно переданъ намъ.

Славянская вѣтвь.

Славянскіе языки состоятъ въ близкомъ родствѣ съ балтійскими языками. Славянская вѣтвь языковъ распадается на три группы: восточную, южную и западную.

Къ западнославянской группѣ принадлежатъ языки: 1) чешскій и 2) близко родственный ему словацкій, 3) лужицкій (lausitzisch, wendisch, sorbisch) въ Саксоніи и Пруссіи, распадающіеся на верхнелужицкое и нижнелужицкое нарѣчія, 4) польскій и близкій къ нему 5) кашубскій на берегу Балтійскаго моря, около Данцига, 6) вымершій полабскій, на которомъ говорили славяне, жившіе по Лабѣ т. е. Эльбѣ. Отъ полабскаго языка дошло до насъ немногое въ неточныхъ записяхъ, сдѣланныхъ въ XVII—XVIII в.в.

Въ вышедшей недавно грамматикѣ словинскаго діалекта авторъ ея Lorentz старается доказать, что этотъ вымирающій діалектъ бывшихъ поморянъ, которымъ владѣютъ еще сотни двѣ словинцевъ въ двухъ приходахъ Помераніи (Pommern отъ слова поморяне) есть послѣдній остатокъ славянскаго нарѣчія

близко родственнаго съ кашубскимъ, но не діалектъ его. Рѣшеніе этого вопроса будетъ имѣть всегда субъективный характеръ. Замѣчу еще, что этотъ словинскій языкъ нельзя смѣшивать съ словѣнскимъ (словенскимъ или словинскимъ) южнославянскимъ языкомъ, а также съ словенскимъ въ смыслѣ словацкаго языка.

Южнославянскую группу составляютъ языки: 1) болгарскій, 2) сербохорватскій, 3) словѣнскій (словинскій, словенскій) въ Краинѣ, Штиріи и пр. Сюда же относится древнѣйшій представитель славянской семьи языковъ, старославянскій языкъ, на который св. Кириллъ и Меѳодій перевели въ IX в. священное писаніе и богослужебныя книги. Его называютъ также древнеболгарскимъ языкомъ, такъ какъ онъ представляетъ повидимому какой-то македонскій говоръ древнеболгарскаго языка. Этотъ языкъ сталъ церковнымъ языкомъ всѣхъ православныхъ славянъ, какъ латинскій языкъ у католиковъ, почему его называютъ и церковнославянскимъ. Когда затѣмъ переписчики изъ сербовъ, русскихъ и болгаръ переписывали старославянскіе тексты, они по ошибкѣ вносили въ списки особенности своего родного языка, вслѣдствіе чего получились старославянскіе тексты (списки) русской, сербской и пр. редакцій или изводовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти списки являются цѣннымъ, хотя и отрывочнымъ источникомъ для древнѣйшихъ періодовъ этихъ языковъ.

Такимъ образомъ съ теченіемъ времени старославянскій языкъ все болѣе принималъ въ себя особенности мѣстнаго живого языка, напр. въ Россіи русскаго языка. Если мы такой болѣе поздній языкъ церкви, измѣненный подъ вліяніемъ мѣстнаго живого языка, называемъ «церковнославянскимъ», то, для отличія, къ языку первоучителей не слѣдовало бы примѣнять этого термина. Лучше называть языкъ первоучителей исключительно «старославянскимъ», такъ какъ и названія «древнецерковнославянскій» и «древнеболгарскій» могутъ подавать поводъ къ недоразумѣнію. (При паннонской теоріи относящіеся сюда памятники могли съ удобствомъ называться «паннонскими»).

Восточнославянскую группу составляетъ русскій языкъ, состоящій изъ великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій, причемъ бѣлорусское нарѣчіе находится въ ближайшемъ родствѣ съ великорусскимъ, такъ что мы вправѣ говорить о

сѣвернорусской и южнорусской (или малорусской) группахъ, причисляя бѣлорусскій языкъ къ сѣвернорусской группѣ.

Въ нынѣшнемъ великорусскомъ языкѣ различаются сѣверновеликорусское нарѣчіе (окающее) и южновеликорусское нарѣчіе (ákающее).

Точно такъ же малорусскій языкъ распадается на сѣверномалорусское (въ Сѣдлецкой и части Гродненской, Черниговской и Кіевской губ.) и южномалорусское нарѣчіе, послѣднее съ поднарѣчіями украинскимъ, галицкимъ (русинскимъ) и пр.

Памятники русскаго языка восходятъ къ XI ст. Древнѣйшіе изъ нихъ заключаются въ тѣхъ спискахъ, которыя русскіе писцы, переписывая старославянскіе тексты, вносили въ нихъ изъ своего родного языка. Древнѣйшимъ такимъ памятникомъ русскаго языка является Остромирово Евангеліе, написанное въ Новгородѣ въ 1056—1057 г. для посадника Остромира. Далѣе слѣдуютъ 2 сборника Святослава, отъ 1073 и 1076 г.г.

Въ древнихъ русскихъ памятникахъ XI—XIV в.в уже различаются говоры: новгородскій, кіевскій, галицковолынскій, смоленскій и пр. Изъ московскаго говора, на почвѣ южновеликорусскаго поднарѣчія съ примѣсью нѣкоторыхъ особенностей (въ согласныхъ) сѣверновеликорусскаго поднарѣчія, развился нынѣшній общенародный и общегосударственный русскій (литературный) языкъ, въ который вошли между прочимъ и нѣкоторые звуковые и формальные элементы изъ церковнославянскаго языка.

Древнѣйшіе старославянскіе памятники написаны частью глаголицей, частью кириллицей. Глаголическое письмо составлено св. Кирилломъ вѣроятно изъ греческаго курсива съ прибавкой буквъ изъ другихъ алфавитовъ. Кириллица повидимому новѣе и происходитъ отъ греческаго унціала съ прибавкою знаковъ изъ глаголицы; форма буквъ кириллицы гораздо проще и удобнѣе.

Различія въ родственныхъ отношеніяхъ между отдѣльными вѣтвями.

Языки, принадлежащіе къ одной и той же вѣтви, находятся въ ближайшемъ родствѣ между собой, такъ какъ происходятъ изъ одного общаго праязыка, родоначальника вѣтви. Такой праязыкъ возстановляется посредствомъ сравнительнаго историческаго изученія фактовъ всѣхъ языковъ и нарѣчій, входя-

щихъ въ составъ этой вѣтви. Такъ, всѣ индійскія нарѣчія происходятъ изъ индійскаго праязыка или праиндійскаго языка, всѣ иранскія нарѣчія — изъ праиранскаго языка, всѣ древнія греческія нарѣчія—изъ греческаго праязыка и т. д. Всѣ эти праязыки являются нарѣчіями по отношенію къ индоевропейскому праязыку. Поэтому изъ этихъ праязыковъ по сравнительно-историческому методу возстановляется и самый индоевропейскій праязыкъ.

Но не всѣ перечисленныя вѣтви находятся въ одинаковой степени родства между собою. Родство между индійской и иранской вѣтвями болѣе тѣсное, чѣмъ съ остальными вѣтвями, такъ что предки иранцевъ и индійцевъ, послѣ отдѣленія отъ другихъ индоевропейцевъ, жили еще нѣкоторое время совмѣстной жизнью и имѣли общій языкъ — индоиранскій праязыкъ, который впослѣдствіи распался на индійскій и иранскій праязыки.

Во время этой совмѣстной жизни въ области около Сырдарьи и Амударьи этотъ народъ повидимому называлъ себя арійскимъ, почему и индоиранскій праязыкъ называется также арійскимъ праязыкомъ, а индійскіе и иранскіе потомки его — арійскими языками. Во избѣжаніе недоразумѣнія нужно имѣть въ виду, что раньше названія «арійскій», «арійцы» употребляли ошибочно въ смыслѣ «индоевропейскій» «индоевропейцы», а въ этнографіи, антропологіи, исторіи и пр. эти названія встрѣчаются до настоящаго времени въ этомъ смыслѣ, напр. «арійская раса», «арійскіе народы».

Такое же ближайшее родство существуетъ между славянскимъ и балтійскимъ праязыками, такъ какъ предки древнихъ пруссовъ, литовцевъ и латышей — съ одной стороны, и предки славянъ—съ другой, еще послѣ отдѣленія отъ другихъ индоевропейцевъ жили вмѣстѣ въ языковомъ общеніи, т. е. имѣли общій балтійско-славянскій праязыкъ или прабалтійско-славянскій языкъ, который затѣмъ распался на прабалтійскій и праславянскій языки.

Указывали еще на болѣе близкое родство между греческой и италійской вѣтвями, между италійской и кельтской, кельтской и германской и между германской и балтійскославянской вѣтвями. Однако такой позднѣйшей совмѣстной жизни, вслѣдствіе которой мы принимаемъ индоиранскій и балтійскославянскій праязыки, между названными языками допустить нельзя; а

нѣкоторыя особенности, общія только греческой и италійской вѣтвямъ, италійской и кельтской и пр., объясняются тѣмъ, что эти языки были сосѣдями въ доисторическое время и уже діалектически въ праязыкѣ находились между собою въ ближайшихъ сношеніяхъ, почему могли оказывать другъ на друга большее вліяніе. Вѣдь греки и италійцы до переселенія въ занимаемые ими полуострова составляли смежныя части индоевропейскаго пранарода; италійцы и кельты (галлы) были также сосѣдями и жили еще въ историческое время рядомъ въ Верхней Италіи; а германцы были съ юга и запада окружены кельтами, а къ востоку примыкали непосредственно къ балтійцамъ и славянамъ. Діалектическія особенности въ звукахъ (т. е. фонетическія), въ формахъ словъ (т. е. морфологическія), въ формахъ словосочетаній (т. е. синтаксическія), въ значеніяхъ (семасіологическія) и въ присутствіи или отсутствіи тѣхъ или другихъ словъ (лексическія) переходятъ нерѣдко отъ одного говора къ близко родственному другому, при тѣсныхъ языковыхъ сношеніяхъ даже къ сильно различествующему говору, относящемуся къ другому родственному языку. Отъ этого говора они могутъ распространяться на остальные говоры даннаго языка. При такихъ условіяхъ между отдѣльными родственными языками или нарѣчіями образуются такъ называемые переходные говоры, представляющіе собственно смѣшанный языкъ, возникшій подъ вліяніемъ двухъ языковъ. Кромѣ того общія черты возникали въ двухъ индоевропейскихъ языкахъ и подъ вліяніемъ языка тѣхъ оборигеновъ, которые до прихода индоевропейцевъ населяли общую этимъ двумъ языкамъ территорію и затѣмъ были поглощены носителями этихъ двухъ языковъ. Усваивая себѣ новый языкъ, они измѣняли его подъ вліяніемъ своего родного языка, который затѣмъ исчезъ.

Схематическое изображеніе развѣтвленій индоевропейской семьи языковъ.

Родственныя отношенія между древними представителями индоевропейской семьи языковъ Шлейхеръ изобразилъ наглядно въ построенномъ имъ родословномъ деревѣ индоевропейскихъ языковъ. Такое изображеніе представляетъ точно родство отдѣльныхъ лицъ, но не совсѣмъ соотвѣтствуетъ природѣ родства языковъ. Родъ человѣка продолжается отдѣльными вновь нарождающимися индивидуумами, причемъ старые умираютъ, между

тѣмъ какъ языкъ продолжаетъ въ своихъ потомкахъ свое безпрерывное существованіе. Поэтому отмѣчаемые въ генеалогической таблицѣ языки—потомки представляютъ лишь этапы въ постепенномъ историческомъ діалектическомъ развитіи языка. Отсюда понятно, что подобное изображеніе вступаетъ нерѣдко въ противорѣчіе съ дѣйствительностью тѣмъ, что пріурочиваетъ къ одному моменту сложное явленіе постепеннаго обособленія одного нарѣчія отъ остальныхъ, или изображаетъ совмѣстную жизнь тамъ, гдѣ уже давно началась диФФеренціація одной группы говоровъ отъ остальныхъ, группы, являющейся Фактически началомъ отдѣльнаго языка. Наоборотъ, нерѣдко такое изображеніе языковъ грѣшитъ тѣмъ, что отдѣляетъ другъ отъ друга нарѣчія—сосѣди, которые оказываютъ еще другъ на друга вліяніе и слѣдовательно въ извѣстной степени живутъ еще общей жизнью. Такъ напр. бѣлорусскій языкъ, отнесенный къ сѣверно русскому нарѣчію, испытывалъ, еще послѣ принимаемаго нами распаденія общерусскаго языка на сѣверно-русское и южно-русское нарѣчія, сильное вліяніе южно-русскаго (малорусскаго) нарѣчія и слѣдовательно жилъ еще съ нимъ до извѣстной степени общей родственной жизнію. Можетъ быть въ дзяканьѣ бѣлорусскаго языка нужно видѣть вліяніе еще болѣе отдаленнаго родственнаго польскаго языка.

На основаніи родственныхъ признаковъ, общихъ двумъ или болѣе языкамъ, мы принимаемъ болѣе тѣсное родство между этими языками или нарѣчіями, т. е. допускаемъ въ прошломъ періодъ общей жизни этихъ нарѣчій послѣ обособленія ихъ отъ другихъ нарѣчій. Между тѣмъ такія общія двумъ языкамъ явленія могутъ объясняться и лучшимъ сохраненіемъ ими прошлаго достоянія, или позднѣйшимъ вліяніемъ другъ на друга, или случайнымъ совпаденіемъ. Часто новыя одинаковыя явленія въ двухъ родственныхъ языкахъ возникали такъ, что съ носителями обоихъ языковъ смѣшался одинъ и тотъ же иноязычный народъ, перенявшій эти языки и измѣнявшій ихъ одинаковымъ образомъ подъ вліяніемъ своего родного языка, впослѣдствіи утраченнаго.

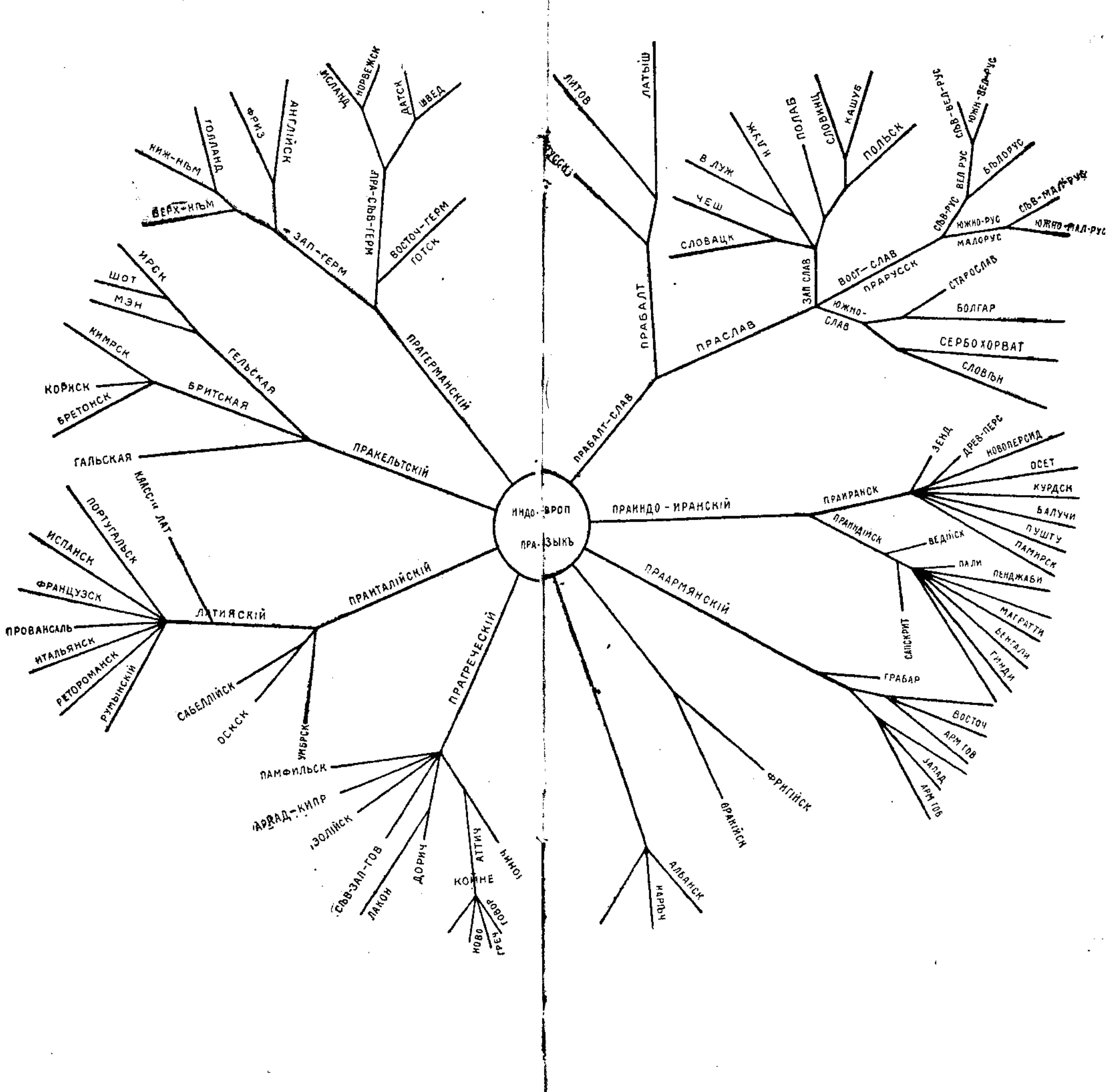
Въ виду такихъ погрѣшностей графическое изображеніе родства теперь избѣгается, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Johannes Schmidt въ своей «теоріи волнъ» усмотрѣлъ въ древнихъ индоевропейскихъ языкахъ безпрерывную цѣпь, въ которой

отдѣльныя колечки — вѣтви индоевропейскихъ языковъ непрерывно связаны съ сосѣдними колечками. Конечно, эта безпрерывная связь продолжалась до тѣхъ поръ, пока между ними не произошелъ окончательный разрывъ, притомъ разновременно между разными вѣтвями. Но неточностью страдаютъ вообще схематическія изображенія, и въ томъ числѣ и изображеніе по мысли Шмидта, тѣмъ не менѣе они представляютъ большія удобства въ педагогическомъ отношеніи. Поэтому я помѣщаю ниже графическое изображеніе развѣтвленій индоевропейскихъ языковъ, отличающееся отъ родословнаго дерева Шлейхера. На него нужно смотрѣть, соображаясь съ сказаннымъ выше. Нужно еще замѣтить, что недостаточное знакомство съ историческимъ прошлымъ напр. новоиндійскихъ, новоиранскихъ языковъ или древнегреческихъ діалектовъ не позволяетъ изобразить графически точнѣе степени родства такихъ языковъ или діалектовъ между собою. Въ этой таблицѣ названіе живого языка помѣщено рядомъ съ линіей, представляющей этотъ языкъ, а линія вымершаго языка короче и названіе его является продолженіемъ линіи.

Примѣры изъ древней исторіи нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языковъ.

Какъ постепенно измѣнились отдѣльные индоевропейскіе языки съ эпохи индоевропейскаго праязыка до начала древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ ихъ, эту доисторическую исторію отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ раскрываетъ намъ главнымъ образомъ сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ. Она возстановляетъ при помощи сравнительноисторическаго изученія звуки, формы словъ и формы словосочетаній этихъ языковъ. Въ общемъ языковѣдѣніи конечно не мѣсто для исторіи индоевропейскихъ языковъ. Но чтобы дать хоть нѣкоторое понятіе о томъ, какова эта исторія и каковы отношенія индоевропейскаго праязыка къ нѣкоторымъ главнымъ индоевропейскимъ языкамъ и этихъ послѣднихъ между собою, приведу нѣсколько примѣровъ въ сжатомъ изложеніи. Древнеиндійскія (санскритскія) слова передаю въ обычной латинской транскрипціи. Вмѣсто неслогового u пишу въ извѣстныхъ случаяхъ *v* для удобства непосвященнаго читателя.

Индоевропейское g^{u}ī̇vos—живъ, перешло въ древнеиндійское jīvás—живъ [произносится дживас; *дж* явилось вслѣдствіе смяг-

ИНДО-ЕВРОП ПРА-ЯЗЫКЪ
ПРАГЕРМАНСКІЙ
ЗАП-ГЕРМ
ВЕРХ-НѢМ
НИЖ-НѢМ
ГОЛЛАНД
ФРИЗ
АНГЛІЙСК
ПРА-СѢВ-ГЕРМ
ИСЛАНД
НОРВЕЖСК
ДАТСК
ШВЕД
ВОСТОЧ-ГЕРМ
ГОТСК
ПРАКЕЛЬТСКІЙ
ГЕЛЬСКАЯ
ИРСК
ШОТ
МЭН
БРИТСКАЯ
КИМРСК
КОРНСК
БРЕТОНСК
ГАЛЬСКАЯ
ПРАИТАЛІЙСКІЙ
ЛАТИНСКІЙ
КЛАСС. ЛАТ
ПОРТУГАЛЬСК
ИСПАНСК
ФРАНЦУЗСК
ПРОВАНСАЛЬ
ИТАЛЬЯНСК
РЕТОРОМАНСК
РУМЫНСКІЙ
САБЕЛЛІЙСК
ОСКСК
УМБРСК
ПРАГРЕЧЕСКІЙ
ПАМФИЛЬСК
АРКАД-КИПР
ЭОЛІЙСК
СѢВ-ЗАП-ГОВ
ЛАКОН
ДОРИЧ
АТТИЧ
ІОНИЧ
КОЙНЕ
НОВО
ГРЕЧ
ГОВОР
ПРАБАЛТ-СЛАВ
ПРАБАЛТ
ЛИТОВ
ЛАТЫШ
ПРАСЛАВ
ЗАП СЛАВ
В ЛУЖ
Н ЛУЖ
ПОЛАБ
СЛОВИНЦ
КАШУБ
ПОЛЬСК
ЧЕШ
СЛОВАЦК
ВОСТ-СЛАВ
ПРАРУССК
СѢВ-ВЕЛ-РУС
ЮЖН-ВЕЛ-РУС
ВЕЛ РУС
БѢЛОРУС
СѢВ-РУС
ЮЖНО-РУС
МАЛОРУС
СѢВ-МАЛ-РУС
ЮЖНО-МАЛ-РУС
ЮЖНО-СЛАВ
СТАРОСЛАВ
БОЛГАР
СЕРБОХОРВАТ
СЛОВѢН
ПРАИНДО-ИРАНСКІЙ
ПРАИРАНСК
ЗЕНД
ДРЕВ-ПЕРС
НОВОПЕРСИД
ОСЕТ
КУРДСК
БАЛУЧИ
ПУШТУ
ПАМИРСК
ПРАИНДІЙСК
ВЕДІЙСК
САНСКРИТ
ПАЛИ
ПЕНДЖАБИ
МАГРАТТИ
БЕНГАЛИ
ГИНДИ
ПРААРМЯНСКІЙ
ГРАБАР
ВОСТОЧ АРМ ГОВ
ЗАПАД АРМ ГОВ
ФРИГІЙСК
ФРАКІЙСК
АЛБАНСК
НАРѢЧ

ченія изъ g въ положеніи передъ мягкимъ гласнымъ]; въ греческомъ это слово не сохранилось, въ латинскомъ vīvus— живъ [индоевропейское g^u т. е. лабіализованное g дало италійское g^u, которое въ началѣ слова перешло затѣмъ въ одно *v*; въ древнелатинскомъ было еще vīvos, затѣмъ *o* перешло въ u передъ конечнымъ согласнымъ]; въ старославянскомъ «живъ» [*ж* явилось въ праславянскомъ языкѣ вслѣдствіе смягченія g передъ мягкимъ гласнымъ. Въ балтійскославянскомъ было еще g, какъ показываетъ] литовское gývas — живъ (y обозначаетъ долгое *i*).

Индоевропейское dhūmos—волненіе, дымъ, дало: древнеиндійское dhūmás — дымъ, греческое θυμός — мужество (первоначально волненіе), латинское fūmus — дымъ, старославянское «дымъ», литовское dúmai—дымъ. [Индоевропейское ū долгое дало старославянское ы, а въ большинствѣ греческихъ діалектовъ перешло въ ǖ, какъ латинское u перешло въ французское ü напр. въ fumée. Индоевропейское придыхательное d, которое неточно, по принятой транскрипціи, пишется dh, сохранилось въ древнеиндійскомъ; въ прагреческомъ и праиталійскомъ оно перешло въ глухое придыхательное t, которое въ древнюю историческую эпоху греческаго языка перешло постепенно въ межзубной спирантъ θ, сохраняемый донынѣ; а въ латинскомъ языкѣ еще доисторически, притомъ въ праиталійскомъ, придыхательное t перешло въ спирантъ f. Въ балтійскославянскомъ языкѣ всѣ придыхательные согласные потеряли придыханіе, поэтому напр. древнеиндійское bhūtís — благосостояніе, старославянское быти, литовское búti — быть (съ долгимъ ū)].

Изъ индоевропейскаго eiti—(онъ) идетъ, получились: древнеиндійское éti—идетъ [индоевропейское *e*, какъ и *o*, перешло въ индоиранскомъ праязыкѣ въ *a*, а дифтонгъ ai перешелъ затѣмъ въ праиндійскую эпоху въ долгое ē], греческое εἶσι [при извѣстныхъ условіяхъ въ греческомъ языкѣ t перешло въ s], латинское it [съ краткимъ ĭ изъ прежняго долгаго ī изъ ei, такъ какъ передъ конечнымъ t всякій долгій гласный сокращался въ латинскомъ языкѣ. Но передъ конечнымъ s долгота сохранилась въ латинскомъ, поэтому īs—ты идешь], литовское «eĩti» — онъ идетъ (сохраняетъ вполнѣ индоевропейскіе звуки), старославянское и-ти, и-детъ [всякое индоевропейское ei дало праславян-

ское ī. Въ этомъ словѣ въ праславянскомъ языкѣ явилась новая основа, съ прибавкою d].

Индоевропейское laivos—лѣвый, дало греческое λαιϝός—лѣвый, перешедшее въ λαιός [ϝ исчезло рано въ древнегреческихъ діалектахъ], латинское laevus, старославянское «лѣвъ» [индоевропейскіе дифтонги oi и ai дали праславянское ē, которое совпало съ прежнимъ праславянскимъ ē изъ индоевропейскаго долгаго ē; изъ ē получилось старославянское и русское ѣ].

Индоевропейскій родительный падежъ sūnous—сына, перешелъ въ древнеиндійское sūnṓs—сына [индоевропейское ou дало индоиранское au, такъ какъ e и o перешли въ a; au измѣнилось въ праиндійскомъ въ ō. Ср. французское naufrage, правописаніе котораго указываетъ на прежнее произношеніе], старославянское «сыноу» [въ праславянскомъ ou перешло въ ū; старославянское написаніе «оу» съ двумя буквами заимствовано изъ греческаго правописанія. Всѣ конечные согласные исчезли уже въ праславянскую эпоху], литовское sūnaũs—сына, почти полностью сохраняетъ индоевропейское достояніе.

Индоевропейское mātē(r)—мать [съ подвижнымъ r, т. е. передъ извѣстными начальными звуками слѣдующаго слова исчезало r. Ср. подобное же подвижное z въ les femmes, гдѣ произносится lè, и les yeux, гдѣ произносится lèz; подвижное n въ son frère т. е. so съ o носовымъ, и son âme т. е. son съ сохранившимся n; такое же подвижное n было когда-то въ «съ», ср. «съ того» и «сън его» съ сохранившимся н, которое мы въ правописаніи пишемъ при слѣдующемъ словѣ «съ него»] дало древнеиндійское «mātā́—мать [въ древнеиндійскомъ сохранилась только разновидность безъ конечнаго r. Индоевропейскіе долгіе ē, ō, ā совпали въ индоиранскомъ праязыкѣ въ одномъ ā], греческое дорическое μάτηρ, аттическое μήτηρ—мать [въ іоническомъ-аттическомъ прагреческое ā при извѣстныхъ условіяхъ перешло въ ē], латинское mater—мать, старославянское «мати» [балтійскославянскій языкъ унаслѣдовалъ форму безъ конечнаго подвижного r. Индоевропейское ē дало балтійскославянское и праславянское ē, перешедшее въ старославянское ѣ. Но въ концѣ слова, съ той долготой, которая называется прерывистой, т. е. при которой въ срединѣ слога звукъ ослабѣваетъ

или прерывается, въ праславянскомъ изъ балтійскославянскаго ē явилось ī. О такомъ прерывистомъ качествѣ долготы свидѣтельствуетъ своимъ удареніемъ] литовское «motẽ—баба, жена [въ литовскомъ языкѣ изъ индоевропейскаго «ā» получилось «ō», но въ латышскомъ сохранился этотъ звукъ какъ ā: mate. Въ литовскомъ языкѣ сохранилось различіе между обоими индоевропейскими удареніями, прерывистымъ и длительнымъ. Послѣднее мы видимъ напр. въ литовскомъ dė́ti — дѣть, старославянское «дѣти», латинское fēcī—сдѣлалъ, греческое τίθημι—кладу, древнеиндійское «dádhāmi—кладу, индоевропейскій корень dhē].

Индоевропейскія k^uos—кто, $k^u$is—кто, k^uid — что (съ лабіализованнымъ k мягконебнымъ) дали древнеиндійское kas—кто, -cid (c произносится какъ русское ч) напр. въ kascid — ктонибудь [c изъ смягченнаго k, какъ j изъ g, см. выше], греческое πότερος — кто изъ двухъ [πο- изъ индоевропейской основы k^uo съ лабіализованнымъ k передъ твердымъ гласнымъ], τίς — кто [изъ индоевропейскаго лабіализованнаго k передъ мягкимъ гласнымъ получилось греческое t], τί - что (конечные мгновенные, въ томъ числѣ d, исчезли въ прагреческомъ), латинское quis—кто, quid —что [въ латинскомъ лабіализація сохраняется, но при извѣстныхъ условіяхъ является чистый задненебный k, напр. въ род. падежѣ cujus—кого], старославянское кѫ-то, чь-то [съ такимъ же смягченіемъ *к* въ *ч*, какъ въ древнеиндійскомъ].

Какъ на примѣръ склоненія укажу на нѣкоторые падежи основъ на *о*. Нужно замѣтить, что въ концѣ слова многіе звуки подвергались инымъ измѣненіямъ, чѣмъ въ срединѣ слова, и что нѣкоторые языки потеряли часть падежей, а во многихъ словахъ одни окончанія замѣнились другими по «аналогіи», о которой будетъ сказано впослѣдствіи.

Именительный падежъ единственнаго числа индоевроп. vḹk^{u}os—волкъ. Отсюда древнеиндійское vṛ̥kas—волкъ (ṛ̥ обозначаетъ слоговое r, какъ въ сербскомъ, напр. србин), греческое λύκος — волкъ, латинское lupus — волкъ, старославянское влькъ, влъкъ, литовское vil̃kas — волкъ. [Конечное os измѣнилось въ праславянскомъ въ us, а всякое u перешло затѣмъ въ праславянскомъ въ болѣе открытый очень краткій звукъ «*ъ*». Въ данномъ случаѣ былъ праславянскій слабый *ъ*, который въ русскомъ языкѣ съ XI в. исчезалъ, какъ и слабый ь. Сильный *ъ* обра-

тился бы въ о, какъ сильний ь обратился въ е. Конечные согласные исчезли въ праславянскомъ. Что касается старославянскихъ лъ, ль, съ слоговымъ «л» и неслоговымъ «ъ», «ь», то они получились вслѣдствіе перестановки изъ праславянскаго «ьл». Въ русскомъ «волкъ» изъ древняго русскаго «вълкъ», съ сильнымъ ъ, перешедшимъ въ о. Въ русскомъ языкѣ сохранялся первоначальный порядокъ этихъ звукосочетаній].

Звательный падежъ ед. числа индоевропейское vålkᵘe далъ древнеинд. vŕka, греч. λύκε, латинск. lupe, старослав. влъче, лит. vilkè.

Винительный падежъ един. ч. индоевропейское vålkᵘom. Отсюда получились древнеинд. vŕkam, греч. λύκον (конечное m перешло въ праrреческомъ въ n), лат. lupum, старослав. вльк҄ъ, лит. vilką съ конечнымъ ą изъ прежняго литовскаго an, такъ какъ конечное m уже въ балтійскославянскомъ праязыкѣ перешло въ n; а изъ балтійскославянскаго конечнаго on получилось съ утратой носового согласнаго старославянское ъ.

Мѣстный падежъ ед. ч. индоевропейское vålkᵘoi — въ волкѣ: древнеинд. vŕkē (ē изъ индоиранскаго ai, см выше), греч. нарѣчіе οἴκοι — дома (мѣстный падежъ утраченъ), лат. belli — на войнѣ (м. пад. утраченъ), старослав. влъцѣ («ѣ» изъ праславянскаго ē изъ oi съ длительной долготой, ср. выше), и т. д. Русское «волкѣ» съ к явилось на мѣсто древнерусскаго «вълцѣ» не по звуковымъ законамъ, а по аналогіи, т. е. подъ вліяніемъ другихъ падежныхъ формъ этого слова, содержащихъ «к», какъ: волкъ, волка, волку и пр. Въ такихъ образованіяхъ по аналогіи новая форма опредѣляется пропорціей «рабъ»: «рабѣ» = «дубъ»: «дубѣ» и пр. = волкъ: X; X = волкѣ. Слѣдовательно въ новообразованіи «волкѣ» основа волк- перенесена и въ мѣстн. п. на мѣсто волц- подъ вліяніемъ такихъ словъ этого склоненія, въ которыхъ согласный передъ «ѣ» былъ тотъ-же, что въ другихъ падежахъ, какъ «дубъ», «братъ» и пр.

Примѣромъ спряженія могутъ служить формы трехъ первыхъ лицъ ед. ч. настоящаго времени двухъ глаголовъ, изъ которыхъ одинъ, съ корнемъ es — быть, спрягается по нетематическому спряженію, а другой, съ корнемъ bher — носить, по

тематическому спряженію. Индоевропейское ésmi—я есмь, éssi и ési—ты еси, ésti—онъ есть, bhérō(n)—я ношу (съ подвижнымъ n), bhéresi—ты носишь, bhéreti —онъ носитъ. Отсюда получились древнеиндійскія ásmi, bhárāmi (mi приставлено по аналогіи нетематическаго спряженія), ási, bhárasi, ásti, bhárati; греческія аттическое εἰμί, дорическое ἠμί [развились фонетически изъ ранняго праrреческаго ἐσμι, причемъ взамѣнъ исчезавшаго s явилось замѣнительное удлиненіе предшествующаго ему гласнаго], φέρω, ἐσσί и εἶ (простое s исчезло въ праrреческомъ между гласными), φέρεις (новообразованіе), ἐστί, φέρει (новообразованіе); латинскія sum, es, est и тематическій глаголъ съ другимъ корнемъ lego—я читаю, legis, legit [въ латинскомъ языкѣ являются въ настоящемъ времени такъ называемыя вторичныя окончанія, безъ конечнаго i, которыя существовали и въ другихъ языкахъ напр. въ прошедшихъ временахъ]; старославянскія ѥсмь, берѫ [ѫ т. е. носовое ǫ изъ индоевропейскаго ōn; въ русскомъ языкѣ праслав. ǫ перешло въ *у*: «беру»], ѥси, береши (конечное и вмѣсто ь новообразованіе), ѥсть, беретъ; литовское esmì, esì, ẽsti и пр.

§ 3. Генеалогическая классификація языковъ, не принадлежащихъ къ индоевропейской семьѣ.

Аккадско-сумерійскій языкъ.

По своей древности первое мѣсто между всѣми языками занимаютъ два родственныхъ нарѣчія: языкъ аккадійцевъ на сѣверѣ и сумерійцевъ на югѣ Мессопотаміи въ долинѣ рѣки Евфрата, сохранившійся въ многочисленныхъ надписяхъ. Этотъ аккадско-сумерійскій народъ вмѣстѣ съ эламитами былъ туранскаго происхожденія, что въ сущности означаетъ здѣсь лишь то, что онъ не былъ ни семитическимъ, ни индоевропейскимъ и слѣдовательно можетъ быть сближаемъ развѣ только съ урало-алтайскими народами.

Сумерійцы были основателями вавилонской міровой культуры, расцвѣтъ которой относится задолго до 4000 лѣтъ до Р. Х. Отъ нея беретъ начало и древняя египетская культура. Впослѣдствіи этотъ народъ смѣшался съ надвигавшимися съ сѣверозапада семитами, постепенно перенялъ ихъ языкъ и передалъ имъ свою культуру, въ результатѣ чего получился ассирійско-вавилонскій

семитическій и семитизированный народъ съ семитическимъ языкомъ. Изъ ассирійско-вавилонскаго культурнаго центра эта культура перешла къ финикіянамъ, и черезъ посредство ихъ переносилась на берега Средиземнаго моря въ финикійскія колоніи, напр. въ Карѳагенъ. По своему географическому положенію греки первые изъ индоевропейцевъ, жившихъ въ Европѣ, могли сдѣлаться причастниками этой культуры, перенесенной затѣмъ и въ Италію. Культурное развитіе этихъ народовъ сообщалось затѣмъ постепенно и остальнымъ индоевропейцамъ, позже всѣхъ германцамъ, славянамъ и балтійскимъ народамъ. Впрочемъ въ Грецію и Италію переднеазіатское культурное вліяніе проникало еще до прихода индоевропейскихъ грековъ и римлянъ, о чемъ свидѣтельствуетъ такъ называемая микенская культура въ Греціи и этрусская въ Италіи. Своимъ раннимъ развитіемъ индоиранскіе народы обязаны своей географической близости съ вавилонско-ассирійскимъ культурнымъ центромъ.

Сумерійскій языкъ сохранился въ многочисленныхъ клинообразныхъ надписяхъ, выжженныхъ на кирпичахъ, перевезенныхъ отчасти въ Европу, въ Берлинъ и Лондонъ. Они содержатъ молитвы, заклинанія, религіозные гимны, надписи царей и пр. и служатъ древнѣйшимъ памятникомъ исторіи. Ученія Библіи носятъ явные слѣды заимствованія изъ вавилонско-сумерійскаго источника.

Семитическая семья языковъ.

Семитическую семью языковъ составляли вѣтви: 1) вавилонско-ассирійская, 2) ханаанская съ еврейскимъ и древнефиникійскимъ языками, 3) арамейская или сирійско-халдейская, 4) арабская вѣтвь, находящаяся въ ближайшемъ родствѣ съ 5) эѳіопской вѣтвію.

В а в и л о н с к о - а с с и р і й с к і й языкъ сохранился въ многочисленныхъ клинообразныхъ надписяхъ въ Вавилонѣ и Ниневіи съ четвертаго тысячелѣтія до Р. Х. Этотъ языкъ древнѣйшій по времени представитель семитической семьи языковъ, но не древнѣйшій по строю.

Изъ языковъ х а н а а н с к о й вѣтви еврейскій языкъ былъ уже за четыре вѣка до Р. Х. въ самой Палестинѣ вытѣсненъ языкомъ арамейскимъ или халдейскимъ, и съ тѣхъ поръ существуетъ лишь въ искусственномъ употребленіи. Древнѣйшія части

Библіи, написанныя на еврейскомъ языкѣ, восходятъ ко второму тысячелѣтію до Р. Х. Близко родственный древнефиникійскій языкъ, распространенный когда-то въ финикійскихъ колоніяхъ, дошелъ до насъ въ немногихъ надписяхъ.

Арамейскій языкъ со своими нарѣчіями сирійскимъ и халдейскимъ существовалъ въ Сиріи, Ассиріи и Вавилоніи и сохранился частью до настоящаго времени подъ названіемъ новосирійскаго языка. На этомъ языкѣ написаны нѣкоторыя части Библіи, талмудическія произведенія, а также богатая христіанская литература со второго вѣка. Онъ употреблялся евреями до десятаго вѣка. Затѣмъ евреи пользовались арабскимъ языкомъ, а съ XIII в. ученымъ языкомъ евреевъ сдѣлался обновленный еврейскій языкъ.

Арабскій языкъ, извѣстный отчасти изъ древнихъ надписей, распространился вмѣстѣ съ исламомъ на сѣверное побережье Африки и обогатилъ своими словами языки народовъ, принявшихъ исламъ, какъ персидскій, турецкій и пр.

Въ ближайшемъ родствѣ съ южноарабскими гимьярскими діалектами, сохранившимися въ надписяхъ, находятся эѳіопскія или абиссинскія нарѣчія семитическаго происхожденія, съ литературой начиная съ IV в.

Семитическіе языки настолько близки другъ къ другу, что родство между ними было уже давно извѣстно. Они отличаются отъ другихъ языковъ своими трехсогласными корнями и внутренней флексіей, заключающейся главнымъ образомъ въ измѣненіяхъ гласныхъ, находящихся между согласными. Напр. древнеарабскія (древнеарабскій языкъ наилучше сохранилъ прасемитическое достояніе): катала—онъ убилъ, каталат—она убила, каталта—ты убилъ и пр.; кутила—онъ былъ убитъ, кутилат—она была убита, кутилта и пр.; кāтала—онъ боролся, старался убить, кāталат и пр.

Такъ какъ въ семитическомъ письмѣ пишутся обыкновенно только согласныя, то при особенномъ характерѣ флексіи семитическихъ языковъ эти согласныя кажутся основными принадлежностями словъ т. е. носителями реальныхъ значеній словъ; а прибавляемые при чтеніи гласные звуки являются формальными принадлежностями словъ. Поэтому въ семитическомъ письмѣ обозначаются большею частію какъ бы одни лишь реальныя принадлежности словъ. Напр. древнеарабское «лтк» читается

справа налѣво какъ: катала, кутила, катлун, китлан и пр.; «тлтк» какъ: каталата, кутилту, кутилат и пр., смотря по смыслу. Нѣчто похожее представляютъ наши написанія вродѣ «села», «окна», «бороды», которыя мы читаемъ какъ «села́» или «сёла», «барады́» или «бо́роды» и пр., смотря по общему смыслу предложенія.

Означенными особенностями въ строеніи корней и въ флексіи семитическіе языки настолько отличаются отъ индоевропейскихъ, что если между этими семьями языковъ существуетъ родство, то оно относится къ недоступному прошлому. Поэтому и многочисленныя попытки доказать это родство не могли привести къ положительному результату, несмотря на то, что существуетъ много корней въ обѣихъ семьяхъ, которыя могутъ быть родственно сближаемы.

Хамитская семья языковъ.

Къ хамитской семьѣ причисляютъ языкъ древнеегипетскій, древнѣйшіе памятники котораго начинаются около 4000 лѣтъ до Р. Х. Потомокъ этого языка, коптскій языкъ, имѣетъ христіанскую литературу и, какъ живой языкъ, уступилъ свое мѣсто нѣсколько столѣтій тому назадъ арабскому языку.

Къ хамитской семьѣ относятся еще языки ливійскіе или берберійскіе въ сѣверной Африкѣ и эфіопскіе языки хамитскаго происхожденія въ Абиссиніи, какъ галла, сомали и пр.

Въ настоящее время родство между хамитическими и семитическими языками считается многими доказаннымъ.

Урало-алтайская семья языковъ.

Къ урало-алтайской семьѣ относятся слѣдующія вѣтви. Родство между нѣкоторыми изъ нихъ впрочемъ по меньшей мѣрѣ очень отдаленное.

1) Угро-финская вѣтвь съ языками финскимъ, корельскимъ, эстонскимъ, мадьярскимъ или венгерскимъ, остяцкимъ, вогульскимъ, зырянскимъ, мордвинскимъ и пр.

2) Близко родственныя съ предыдущими самоѣдскія нарѣчія въ Европѣ и Азіи.

3) Тюркская (турецко-татарская) вѣтвь съ языками: якутскимъ, башкирскимъ, киргизскимъ, уйгурскимъ, татарскимъ, османскимъ (османли или собственно турецкимъ языкомъ) и пр.

4) Въ ближайшемъ родствѣ съ тюркскими находятся языки монгольской вѣтви: бурятскій, калмыцкій и собственно монгольскій.

5) Среднее мѣсто между финскими и самоѣдскими языками —съ одной стороны, и тюрко-монгольскими —съ другой, занимаетъ манджурско-тунгузская вѣтвь, обнимающая манчжурскій и тунгузскій языки.

Тѣмъ или другимъ языкамъ этой семьи придавали иногда названіе «туранскій». По своему строю урало-алтайскіе языки называются агглютинирующими, такъ какъ въ нихъ формальныя принадлежности (суффиксы, аффиксы) не сливаются съ основными принадлежностями словъ такъ, какъ нерѣдко въ флективныхъ индоевропейскихъ языкахъ. Число падежей доходитъ иногда до 20. Типичной особенностью большинства урало-алтайскихъ языковъ является такъ называемая гармонія гласныхъ, т. е. извѣстнаго рода прогрессивная ассимиляція гласныхъ, по которой послѣ твердонебнаго гласнаго корня является и твердонебный гласный окончанія, послѣ мягконебнаго—мягконебный, послѣ средненебнаго—любой. Напр. турецкое «сев-мек»—любить, «яз-мак»—писать, «эв-лер»-дома, «ат-лар»—лошади.

Въ новѣйшее время мысль о родствѣ по происхожденію между венгрофинскими и индоевропейскими языками нашла себѣ опять убѣжденныхъ защитниковъ, особенно въ лицѣ англійскаго языковѣда Sweet'a. Другіе объясняютъ громадное число сходствъ въ словахъ и грамматикѣ этихъ семей частію случайнымъ совпаденіемъ, частію заимствованіями, такъ какъ уже задолго до распаденія индоевропейскаго праязыка угрофинскіе народы были непосредственными соѣдями индоевропейцевъ съ сѣвера и востока.

Кавказскіе языки.

Кавказъ представляетъ микрокосмъ языковъ, родственныя отношенія между которыми отчасти неясны. Къ такимъ неяснымъ по происхожденію языкамъ относятся языки: чеченскій, черкесскій и лезгинскій. На южномъ Кавказѣ существуетъ семья языковъ грузинскаго, сванетскаго и мингрельскаго. Къ грузинской семьѣ нѣкоторые изслѣдователи относятъ еще языкъ древнихъ алародіевъ, существовавшій въ странѣ Уратру или Урарту, впослѣдствіи Арменіи. Въ такомъ случаѣ

предки грузинъ были оттѣснены къ сѣверу, на Кавказъ, переселившимися изъ Ѳракіи армянами, причемъ оставшаяся часть грузинъ могла смѣшаться съ армянами.

Другіе языки Азіи.

Изъ другихъ языковъ Азіи выдѣляется односложный китайскій языкъ, состоящій приблизительно изъ 500 словъ, которыя при помощи разныхъ удареній даютъ около 2000 словъ. Флексіи нѣтъ и синтаксическія отношенія между словами опредѣляются порядкомъ словъ, служебными словами и пр. Богатая китайская литература, частью уничтожавшаяся временами вновь воцарившимися династіями, начинается за 2000 лѣтъ до Р. Х. По своему строю и вѣроятно по родству примыкаютъ къ китайскому языку односложные языки Индокитая: сіамскій, бирманскій и пр., а также гималайскіе языки, напр. тибетскій.

Особо стоитъ повидимому языкъ японскій, агглютинирующій съ простымъ строеніемъ. Родственныя отношенія нѣкоторыхъ сибирскихъ языковъ, какъ юкагировъ, коряковъ, чукчей, камчадаловъ, невыяснены. Впрочемъ, послѣдній языкъ, а можетъ быть и японскій, могутъ стоять въ связи съ урало-алтайскими языками.

На Деканскомъ полуостровѣ существуетъ семья дравидскихъ языковъ, какъ тамиль, телугу, малабарскій и пр., и кромѣ того семья языковъ колярскихъ или мунда. Всѣ эти языки принадлежатъ аборигенамъ индійскаго полуострова.

Южно-африканскіе языки.

Почти все громадное пространство южной Африки занимаютъ языки семьи банту, близко между собой родственные и отличающіеся употребленіемъ префиксовъ вмѣсто нашихъ суффиксовъ.

Особо стоитъ языкъ готтентотовъ и языкъ бушменовъ.

Въ средней Африкѣ существуетъ много негрскихъ языковъ, еще мало извѣстныхъ.

Малайскіе и австралійскіе языки.

На полуостровахъ и островахъ около юговосточнаго берега Азіи существуетъ у племенъ малайской расы общая семья язы-

ковъ — малайско-полинезiйская, распадающаяся на малайскую, полинезiйскую и меланезiйскую группы.

Языки папуасовъ и языки Австралiи мало изслѣдованы. Послѣднiе, вѣроятно, образуютъ одну семью.

Языки американскихъ индѣйцевъ.

Родственныя отношенiя между многочисленными американскими языками большею частью не выяснены. Большинству изъ нихъ свойственъ такъ называемый полисинтетическiй строй, при которомъ въ глаголѣ соединяются всевозможныя части предложенiя, такъ что отъ одного глагольнаго корня образуются многiя тысячи формъ сложнаго глагола. Номенклатура нашей грамматики съ ея понятiями совершенно не соотвѣтствуетъ этому строю.

Отдѣльно стоящiе языки Европы.

Изъ языковъ Европы совершенно особнякомъ стоитъ языкъ басковъ, уцѣлѣвшiй въ Пиринеяхъ около Бискайскаго залива. Баскскiй языкъ послѣднiй остатокъ языка иберiйцевъ въ Испанiи и Францiи, поглощенныхъ пришлыми кельтами. Его строй агглютинирующiй и полисинтетическiй, какъ въ американскихъ языкахъ. Къ языкамъ, родство которыхъ не выяснено, принадлежатъ въ Европѣ вымершiе языки бывшихъ этрусковъ въ Италiи и лигурiйцевъ въ южной Францiи, западныхъ Альпахъ и верхней Италiи. Эти языки оставили слѣды въ многочисленныхъ географическихъ именахъ и повлiяли на измѣненiе тѣхъ индоевропейскихъ языковъ, которые эти народы переняли.

ГЛАВА III.

ВНУТРЕННІЙ МЕХАНИЗМЪ ЯЗЫКА.

§ 1. Общій анализъ процесса рѣчи.

Допустимъ, что кто-то видѣлъ, какъ другой уронилъ стаканъ, который разбился. Въ душѣ перваго осталось воспоминаніе объ этомъ событіи. Это воспоминаніе есть рядъ сложныхъ представленій, въ составъ которыхъ могутъ входить зрительное представленіе окружающей обстановки и въ ней лица, роняющаго стаканъ, слуховое представленіе звона разбивающагося стекла, представленіе внѣшняго вида лица, уронившаго стаканъ, воспоминаніе душевнаго отношенія наблюдателя къ совершившемуся факту и къ лицу, уронившему стаканъ (напр. чувство досады, нѣкоторой степени озлобленія) и пр.

Этотъ сложный рядъ зрительныхъ и слуховыхъ представленій (къ которымъ могутъ примѣшиваться по ассоціаціи еще осязательныя представленія стекла, вкусовыя представленія, если въ стаканѣ былъ напр. чай, и пр.) и связанныхъ съ ними чувствованій можетъ затѣмъ въ очень неполныхъ и неясныхъ образахъ промелькать въ душѣ, если къ тому подается поводъ какой либо ассоціаціей. Другими словами, могутъ являться воспоминанія объ этомъ событіи. При сосредоточеніи вниманія на какой либо части такого сложнаго представленія, эта часть очерчивается все яснѣе и полнѣе. Впрочемъ сравнительно съ ощущеніями репродуктивныя представленія всегда слабѣе и въ значительной степени невѣрны, невольно переиначены и дополнены частями другихъ сходныхъ представленій, случайнымъ настроеніемъ и т. д. Въ такихъ сложныхъ образахъ состоитъ обыкновенно наше мышленіе безъ словъ.

Допустимъ, что означенное лицо желаетъ сообщить объ этомъ событіи другому лицу. Такъ какъ непосредственнаго сношенія между душами отдѣльныхъ индивидовъ нѣтъ, то для этого необходимо прибѣгнуть къ внѣшнему средству. Можно изобразить указанное событіе въ картинахъ, насколько оно зрительное, напр. въ кинематографическихъ послѣдовательныхъ изображеніяхъ. Нѣчто подобное мы видимъ отчасти въ пиктографіи т. е. въ письмѣ, возстановляющемъ зрительные образы. Звуковыя представленія можно возбудить въ другомъ лицѣ подражаніемъ голосомъ даннымъ звукамъ. Можно говорить описательными жестами, выражающей чувства мимикой и т. д. Такими языками пользуются дѣйствительно тамъ, гдѣ звуковой языкъ невозможенъ, напр. глухонѣмые, или когда говорятъ на большомъ разстояніи, или когда у разговаривающихъ нѣтъ общаго звукового языка и пр. Кромѣ того почти всѣ люди пользуются зрительнымъ языкомъ жестовъ и мимики одновременно съ устною рѣчью, дополняя ими то, что выражается словами.

Но допустимъ, что данное лицо прибѣгаетъ къ общепринятому между всѣми людьми средству сообщенія мыслей, къ звуковому языку. Этотъ языкъ состоитъ изъ словъ, образующихъ предложенія. Слова не простые звуки, а такіе, которые имѣютъ значенія. Это значить, что если мы слышимъ слово, то по ассоціаціи возбуждается въ насъ соотвѣтствующее представленіе—значеніе, и наоборотъ всякое представленіе можетъ возбудить представленіе соотвѣтствующаго слова.

Эта связь между словами и всѣми остальными представленіями и чувствованіями установилась въ насъ съ дѣтства, по крайней мѣрѣ въ родномъ языкѣ. Съ перваго года жизни мы запоминали слова въ звукахъ, а потомъ постепенно устанавливались въ нашей душѣ ассоціаціи этихъ словъ съ тѣми представленіями—значеніями ихъ, съ которыми связывали ихъ старшіе. Это происходитъ такимъ образомъ. Ребенокъ получаетъ напр. рядъ зрительныхъ ощущеній, къ которому старшіе примѣняютъ слова «собака убѣжала на улицу», «вотъ бѣлая собачка» и пр. Другое сложное представленіе, возникающее изъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній, старшіе обозначаютъ словами «собака лаетъ», или «Ваня поетъ» и пр. При другихъ внѣшнихъ условіяхъ старшіе говорятъ: «Ваня на улицѣ», или «видишь бѣлый домъ»? и пр. Такимъ образомъ одновременно съ ощуще-

ніемъ и представленіемъ слова «собака», въ сознаніи ребенка возбуждено между прочимъ и представленіе этого животнаго; при словѣ «убѣжала» возбуждено въ душѣ ребенка между прочимъ и зрительное представленіе извѣстнаго рода движеній собаки; при словѣ «бѣлый» возбуждено между прочимъ извѣстное зрительное ощущеніе цвѣта, и т. д. Остальныя составныя части какъ предложеній въ звукахъ, такъ и обозначаемыхъ ими сложныхъ представленій, мѣняются въ разныхъ предложеніяхъ. Ясно, что представленіе «собаки» должно вступить въ ассоціацію по смежности съ представленіемъ слова «собака» и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлиться отъ всѣхъ остальныхъ элементовъ сложныхъ представленій; представленіе извѣстнаго движенія должно вступить въ ассоціацію по смежности съ представленіемъ слова «убѣжалъ» и пр.

Такъ какъ слово «собака» старшіе относятъ къ большимъ и маленькимъ, чернымъ и бѣлымъ, злымъ и добрымъ, бѣгающимъ, сидящимъ и лающимъ и пр. собакамъ, то и впослѣдствіи ребенокъ будетъ примѣнять это слово къ разнымъ собакамъ въ разныхъ условіяхъ, а по ошибкѣ назоветъ и лисицу или волка собакой, пока не научится различать ихъ.

Такимъ образомъ весь внѣшній и внутренній міръ сталъ для ребенка распадаться на такіе отдѣльные предметы, качества (предметовъ) и движенія (предметовъ), которыя обозначались отдѣльными словами и слѣдовательно составляютъ значенія этихъ словъ.

Конечно, расчлененіе сложныхъ представленій на отдѣльныя общія представленія до извѣстной степени происходитъ и безъ языка, подъ вліяніемъ ассоціаціи по сходству между тѣми составными элементами сложныхъ представленій, которыя часто встрѣчаются вмѣстѣ, хотя и въ связи съ разными другими, мѣняющимися составными частями сложныхъ представленій. Но это не опровергаетъ того факта, что наши понятія (общія представленія) въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ насъ, обладающихъ языкомъ, возникли въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ языка, какъ значенія отдѣльныхъ словъ.

Но языкъ старшихъ научилъ насъ и мыслить, т. е. образовать сужденія такъ, какъ мы теперь ихъ образуемъ. Рѣчь, которую мы слышали, состояла всегда изъ предложеній. Съ звуковой стороны предложеніе есть рядъ звуковъ. Со стороны зна-

ченій предложеніе есть сочетаніе представленій или понятій, называемое сужденіемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Запоминая предложенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ запоминали сужденія, изъ которыхъ въ нашей душѣ безсознательно вырабатывались (абстрагировались) общія формы (схемы, рамки) сужденій. Съ единственною цѣлью сообщенія мыслей мы невольно упражнялись съ дѣтства въ образованіи по полученнымъ образцамъ предложеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ упражнялись и въ образованіи сужденій. Такимъ образомъ мы научались мыслить логично, т. е. такъ, какъ мыслятъ обыкновенно другіе. Въ этомъ процессѣ усвоенія языка заключается самая существенная школа мыслительнаго развитія человѣка, къ которому все остальное умственное совершенствованіе прибавляетъ сравнительно немногое. Логика и психологія изучаютъ эти представленія и сужденія самихъ по себѣ; для насъ они составныя части предложеній. Впрочемъ логика занимается только научнымъ «логическимъ» мышленіемъ. Задача ея—установленіе общихъ нормъ правильнаго мышленія, ведущаго къ открытію научныхъ истинъ. Языковѣдѣніе же занимается всякимъ мышленіемъ, насколько оно обнаруживается въ языкѣ. Поэтому, для отличія, сужденія въ языковѣдѣніи, обнимающія значенія всякихъ предложеній, называются психологическими сужденіями. (О неполныхъ предложеніяхъ будетъ сказано впослѣдствіи).

Возвращаюсь къ вышеприведенному примѣру. Итакъ, указанное лицо прибѣгаетъ къ языку съ цѣлью сообщить другому объ упомянутомъ событіи. При этомъ вниманіе говорящаго сосредоточивается на той части всплывающаго сложнаго представленія, которая наиболѣе возбуждаетъ интересъ его самого или, по его мнѣнію, слушателя. Затѣмъ, подъ вліяніемъ сохраняющихся въ его душѣ языковыхъ предрасположеній, эта часть сложнаго представленія расчленяется, какъ бы кристаллизуется въ душѣ говорящаго въ привычныя единицы мышленія—значенія словъ. Одновременно съ ними возбуждаются и слуховыя и могутъ возбуждаться и двигательныя представленія этихъ словъ, при содѣйствіи которыхъ собственно и происходитъ расчлененіе сложнаго представленія на значенія языка. Говорящій какъ бы накладываетъ на возбужденное въ немъ содержаніе сложнаго представленія одну за другой привычныя формальныя рамки или формы предложеній, съ отдѣленіями для подлежащаго,

сказуемаго и пр., до тѣхъ поръ, пока не выливается въ предложенія все то душевное содержаніе, которое онъ желаетъ сообщить. При этомъ, подъ вліяніемъ тѣхъ логическихъ соотношеній, которыя говорящій сознаетъ между отдѣльными представленіями — значеніями словъ, и которыя въ языкѣ называются синтаксическими значеніями, слова и предложенія принимаютъ тѣ формы, которыми въ данномъ языкѣ принято обозначать данныя синтаксическія отношенія.

Смотря по тому, что̀ говорящаго или слушателя въ данный моментъ болѣе интересуетъ, онъ скажетъ поэтому: «стаканъ упалъ», или: «стаканъ разбился» и пр. Если интересно знать, кто разбилъ стаканъ, то скажетъ: «Иванъ разбилъ стаканъ». Если слушателю важнѣе знать, какъ это случилось, то необходимо нарисовать ему (расчленить и сообщить) большій кусокъ этой картины: держалъ стаканъ въ рукѣ, оступился... и пр.

Въ зависимости отъ сознаваемыхъ логическихъ соотношеній онъ скажетъ: «чашка упала», «онъ уронилъ чашку», «край чашки отломанъ» и пр., т. е. слово «чашка» является то въ формѣ Им. п., то Род. п. и т. д., имѣющихъ различныя синтаксическія значенія. Нужно однако замѣтить, что эти синтаксическія значенія или логическія отношенія между представленіями суть нерѣдко лишь факты языка и связаннаго съ нимъ мышленія, и не обусловлены реальными фактами расчленяемыхъ сложныхъ представленій. Такъ, для передачи извѣстныхъ представленій и ихъ взаимоотношеній совершенно безразлично, скажемъ ли мы: «послѣ паденія стакана . . .», или: «послѣ того, какъ стаканъ упалъ . . .» и пр.

Самая существенная часть предложенія, изъ-за которой собственно только и говорятъ, это психологическое сказуемое. Но не всегда оно можетъ и никогда не должно быть въ то же время и грамматическимъ сказуемымъ. Поэтому, если слушатель уже слышалъ по звону, что что то стеклянное разбилось, и онъ желаетъ знать, что̀ именно разбилось, или кто̀ именно разбилъ, то отвѣчаютъ: «ста́канъ разбился,» или «разбился ста́канъ», «Пе́тръ разбилъ стаканъ» и пр. «Стаканъ», «Петръ» здѣсь психологическія сказуемыя, а «разбился» — извѣстное уже слушателю психологическое подлежащее. Грамматически «стаканъ» по необходимости и здѣсь подлежащее, а «разбился» сказуемое, или вѣрнѣе выражаясь, слово «стаканъ» является въ той формѣ,

которая обыкновенно обозначаетъ логическое подлежащее, т. е. въ Им. п., а слово «разбился» является въ личной формѣ, употребляемой обыкновенно въ роли сказуемаго и въ этой функціи пріобрѣвшей значенія сказуемости. Но въ данномъ случаѣ эти формы являются по необходимости въ менѣе привычной синтаксической функціи, такъ какъ, съ одной стороны, по психическому настроенію говорящихъ «стаканъ» является сказуемымъ, а съ другой стороны, логическое соотношеніе между этими представленіями можетъ быть выражено только существительнымъ въ Именит. падежѣ и глаголомъ въ личной формѣ. Впрочемъ въ естественной рѣчи это противорѣчіе устраняется обыкновенно тѣмъ, что напр. на вопросъ «чтó разбилось?» отвѣчаютъ только однимъ психологическимъ сказуемымъ: «стаканъ». Лишь школьный педантизмъ предпочитаетъ въ такихъ случаяхъ отвѣтъ «стаканъ разбился», и этой шаблонностью наноситъ вредъ мыслительной чуткости. Если слушателю интересно знать, чтó произвело шумъ, то слова «стаканъ разбился», взятыя вмѣстѣ, будутъ психологическимъ сказуемымъ.

Съ слуховыми представленіями словъ тѣснѣйшимъ образомъ ассоціированы съ ранняго дѣтства представленія тѣхъ движеній органовъ рѣчи, посредствомъ которыхъ производятся эти слова. Это потому, что говорящій всегда получалъ отъ собственной рѣчи слуховыя ощущенія одновременно съ двигательными ощущеніями, и съ другой стороны, въ рѣчи слуховыя представленія являются обыкновенно первичными, возбуждающими двигательныя, такъ какъ первыя болѣе развиты, болѣе ясны и самостоятельны. А по психическимъ законамъ ассоціаціи по смежности психическіе процессы, возникавшіе одновременно, стремятся и въ будущемъ къ тому, чтобы возникать одновременно. О тѣсной связи между слуховыми представленіями словъ и представленіями движеній органовъ рѣчи свидѣтельствуетъ и то, что нерѣдко непроизвольно сопровождаютъ мысли словами, говорятъ про себя, особенно дѣти, старые люди и психически разстроенные, у которыхъ дѣйствія менѣе регулируются сознательно.

Какъ только слуховыя представленія словъ возбуждаются съ достаточной силой и медлительностью, такъ что двигательныя представленія могутъ поспѣвать за ними, то и двигательныя воспоминанія возбуждаются. Нужно только еще извѣстное участіе воли, достаточно сильное желаніе говорить, и органы рѣчи произ-

водятъ дѣйствительно тѣ движенія, въ результатѣ которыхъ мы слышимъ слова: «стаканъ разбился» и т. д.

Означенными движеніями органовъ рѣчи вызываются звуковыя волны окружающаго воздуха. Если эти волны доходятъ до уха слушателя, то онѣ приводятъ извѣстные органы уха въ колебанія. Колебанія эти раздражаютъ слуховые нервы, вслѣдствіе чего получаются соотвѣтствующія слуховыя ощущенія предложенія «стаканъ разбился» и т. д.

Эти слуховыя ощущенія, ассимилируясь съ такими же сохраняющимися въ слушателѣ воспоминаніями словъ «стаканъ» и «разбился», по вышеуказанной ассоціаціи вызываютъ въ немъ значенія этихъ словъ, т. е. представленіе «стакана» съ признакомъ «разбитія» въ соотвѣтствующемъ логическомъ соотношеніи, къ которому присоединяется еще признакъ прошлаго времени и законченности дѣйствія, выраженной видомъ глагола.

Такимъ образомъ посредствомъ сложной цѣпи представленій и движеній, въ слушателѣ возбуждается приблизительно такое-же сужденіе, какое было у говорящаго какъ результатъ расчлененія сложнаго представленія. Но этимъ дѣло не ограничивается. Если слушатель не довольствуется самымъ туманнымъ представленіемъ содержанія этого сужденія, почти только одними словами съ кое-какими признаками значеній ихъ, а желаетъ себѣ представить болѣе ясно содержаніе этого сужденія, то онъ дополнитъ его отъ себя; онъ, такъ сказать, дорисовываетъ ту картину, которая составляла первоначально сложное представленіе у говорящаго и изъ которой тотъ словами обнаружилъ лишь нѣкоторыя части. Слушатель представляетъ себѣ часть пола, на которую упалъ стаканъ, человѣка, выпускающаго его изъ рукъ, или тому подобное. Понятно, что его картина можетъ существенно отличаться отъ той же картины у говорящаго, но будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе слушателю знакома обстановка, лицо уронившее стаканъ и пр. Вотъ почему близкіе люди понимаютъ другъ друга съ полслова. Чѣмъ болѣе различна среда каждаго разговаривающаго, тѣмъ меньше они понимаютъ другъ друга. Такъ или иначе, у слушателя въ концѣ концовъ отъ слышаннаго предложенія въ нѣсколько словъ можетъ образоваться цѣлая картина, сложное представленіе, болѣе или менѣе сходное съ тѣмъ, которое было у говорящаго и которое онъ и хотѣлъ вызвать въ слушателѣ своей рѣчью.

Такимъ образомъ, чтобы вызвать въ другомъ человѣкѣ посредствомъ языка сходныя мысли, необходима цѣпь изъ 10 разныхъ моментовъ. Но образованіе въ душѣ говорящаго сужденія или расчлененной мысли изъ сложнаго представленія или нерасчлененной мысли, а также образованіе изъ значеній предложенія (сужденія) сложнаго представленія въ слушателѣ, не относится собственно къ языковѣдѣнію, а къ психологіи. Поэтому остается 8 моментовъ процесса рѣчи, замыкающихъ цѣпь, которые для практическаго удобства обозначаю цифрами 1—8 въ нижеслѣдующемъ схематическомъ изображеніи. По два сосѣднихъ круга я соединяю въ одинъ общій большій кругъ, такъ какъ они состоятъ въ ближайшей связи между собою.

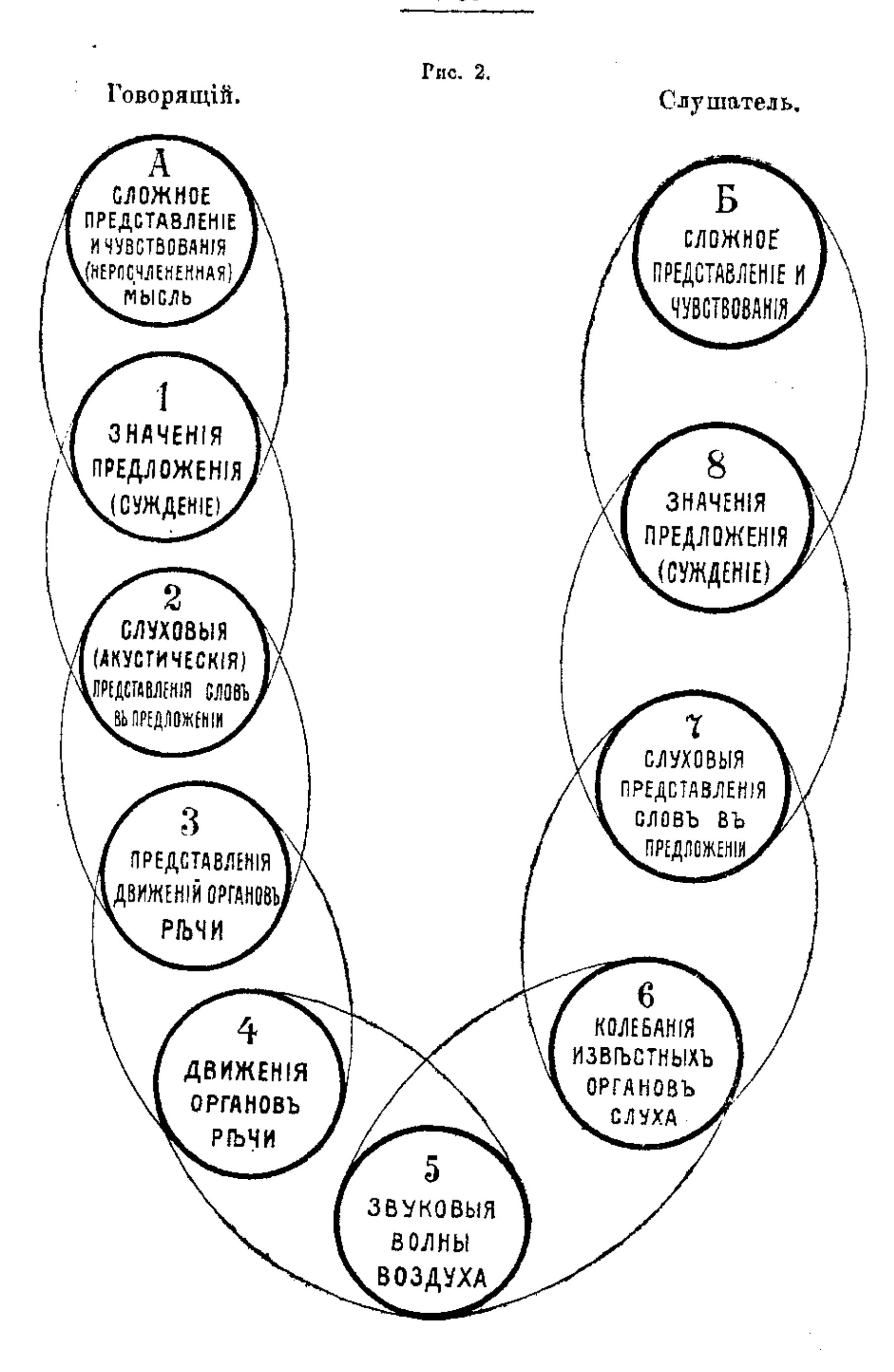
Изъ указанныхъ въ рисункѣ моментовъ относятся къ внутреннему, психическому міру говорящаго: возникновеніе нерасчлененной мысли (А), расчлененіе ея (1) подъ вліяніемъ слуховыхъ представленій словъ въ предложенія (2) (для которыхъ 1 составляетъ значенія), а также тѣсно связанныя съ предыдущими двигательныя представленія (3). Тѣ же представленія 7 и 8 съ обратнымъ ходомъ ассоціаціи относятся къ внутреннему, психическому міру слушателя. 4 и 6 относятся къ физіологическимъ функціямъ организма, а 5 представляетъ внѣшнее, физическое явленіе.

Къ звуковой сторонѣ языка относятся 2—3—4—5—6 (и 7, представляющее повтореніе 2 у слушателя). Къ сторонѣ значеній языка относятся 1 и ассоціація его съ 2 (и повтореніе его у слушателя 8, ассоцирующееся съ 7 въ обратномъ порядкѣ).

Въ звуковой сторонѣ языка различаются внѣшняя звуковая сторона 4—5—6, и внутренняя звуковая сторона 2—3 (и повтореніе 7).

Въ этомъ процессѣ рѣчи въ душѣ говорящаго присутствуютъ еще извѣстныя психическія явленія, которыя мы называемъ волей. Подъ вліяніемъ воли, обусловленной намѣреніемъ сообщить свои мысли, происходитъ у говорящаго надлежащимъ образомъ расчлененіе сложнаго представленія на значенія словъ, и возбуждаются представленія движеній органовъ рѣчи съ такой силой и полнотой, что посредствомъ центробѣжныхъ нервовъ они заставляютъ извѣстныя мышцы сокращаться и такимъ образомъ производить сами эти движенія. Съ другой стороны

Рис. 2.

Говорящій.
Слушатель.
А
СЛОЖНОЕ
ПРЕДСТАВЛЕНІЕ
И ЧУВСТВОВАНІЯ
(НЕРАСЧЛЕНЕННАЯ)
МЫСЛЬ
1
ЗНАЧЕНІЯ
ПРЕДЛОЖЕНІЯ
(СУЖДЕНІЕ)
2
СЛУХОВЫЯ
(АКУСТИЧЕСКІЯ)
ПРЕДСТАВЛЕНІЯ СЛОВЪ
ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ
3
ПРЕДСТАВЛЕНІЯ
ДВИЖЕНІЙ ОРГАНОВЪ
РѢЧИ
4
ДВИЖЕНІЯ
ОРГАНОВЪ
РѢЧИ
5
ЗВУКОВЫЯ
ВОЛНЫ
ВОЗДУХА
6
КОЛЕБАНІЯ
ИЗВѢСТНЫХЪ
ОРГАНОВЪ
СЛУХА
7
СЛУХОВЫЯ
ПРЕДСТАВЛЕНІЯ
СЛОВЪ ВЪ
ПРЕДЛОЖЕНІИ
8
ЗНАЧЕНІЯ
ПРЕДЛОЖЕНІЯ
(СУЖДЕНІЕ)
Б
СЛОЖНОЕ
ПРЕДСТАВЛЕНІЕ И
ЧУВСТВОВАНІЯ

отъ степени вниманія слушателя, т. е. извѣстнаго рода невольнаго или произвольнаго напряженія, зависитъ полнота и ясность представленій, возбуждаемыхъ рѣчью въ слушателѣ, слѣдовательно зависитъ и пониманіе и закрѣпленіе въ памяти содержанія рѣчи. Поэтому къ такому состоянію побуждаютъ иногда слушателя словами: слушай, обратите вниманіе, будьте внимательны и пр. При пассивномъ отношеніи слушателя сообщаемыя представленія могутъ настолько слабо возбуждаться, что рѣчь проходитъ «мимо ушей», перципируется но не апперципируется: представленія проходятъ по полю фиксаціи, не вступая въ точку фиксаціи т е. въ ясное сознаніе; иногда только звуки рѣчи звучатъ въ ушахъ и немного спустя мы вникаемъ въ значенія слышанныхъ словъ, и т. д. Подобныя явленія наблюдаются и тогда, когда посторонніе мысли заполняютъ точку фиксаціи, такъ какъ объемъ ея (т. е. нашего сознанія) ограниченъ: представленія, возбуждаемыя рѣчью, не находятъ въ ней мѣста, а потому проходятъ мимо по полю фиксаціи. Такое пассивное слушаніе замѣчается нерѣдко на лекціяхъ: нужно умѣть слушать и этому умѣнью нужно учиться.

§ 2. Центральная нервная система языка.

Сознательная психическая дѣятельность нашего организма сосредоточивается въ корѣ большого мозга. Кора состоитъ изъ периферическаго сѣраго (корковаго) вещества, изобилующаго извилинами, раздѣленными бороздками. Въ кору вступаютъ нервныя волокна, идущія отъ органовъ чувствъ изъ разныхъ частей тѣла, и даютъ намъ здѣсь ощущенія. Изъ коры же выходятъ двигательныя нервныя волокна, которыя, возбуждаемыя здѣсь волею и представленіями, производятъ вслѣдствіе этихъ импульсовъ соотвѣтствующія произвольныя движенія разныхъ частей тѣла.

Наша психическая дѣятельность есть въ то же время извѣстнаго рода физіологическая дѣятельность нервовъ. Относительно взаимнаго отношенія этихъ повидимому разнородныхъ явленій можно лишь сказать, что физіологическому возбужденію въ мозговой корѣ сопутствуютъ (соотвѣтствуютъ, идутъ параллельно) психическіе процессы представленій и чувствованій. По окончаніи такого психофизіологическаго процесса, вызваннаго въ

центральной нервной области импульсами, проведенными периферическими нервами изъ разныхъ частей тѣла, т. е. по окончаніи ощущенія, въ нервахъ остается извѣстное психо-физіологическое предрасположеніе (навыкъ, скрытая энергія). Это состояніе мы называемъ съ психической точки зрѣнія памятью и говоримъ неточно, что представленія, полученныя нами изъ ощущеній, хранятся въ нашей душѣ въ области бозсознательнаго.

Въ корѣ большого мозга подмѣчены такія области, могущія быть болѣе или менѣе точно разграничены пространственно, въ которыхъ преимущественно сосредоточиваются тѣ или другія опредѣленныя психическія функціи. Эти области называются мозговыми или нервными центрами. Электрическое раздраженіе такой двигательной области влечетъ за собою движенія—сокращенія опредѣленныхъ мышечныхъ группъ главнымъ образомъ противоположной части тѣла, такъ какъ лѣвое мозговое полушаріе управляетъ преимущественно правой половиной тѣла, и наоборотъ. А разрушеніе такой области сопровождается «выпаденіемъ» (уничтоженіемъ) соотвѣтствующихъ физіологическихъ и психическихъ функцій. Напр. уничтоженіе зрительнаго центра сопряжено съ лишеніемъ зрѣнія, уничтоженіе двигательнаго центра языка сопряжено съ лишеніемъ способности двигать языкомъ и т. д.

Здѣсь многое еще не выяснено. Кромѣ того эти центры являются обыкновенно не исключительными, строго разграниченными областями опредѣленныхъ функцій, а лишь такими, въ которыхъ главнымъ образомъ сосредоточиваются опредѣленныя функціи. Поэтому въ случаѣ (неполнаго) разрушенія такого центра нерѣдко другія области постепенно берутъ на себя функціи разрушенной.

Въ центральной нервной системѣ сосредоточена и психическая дѣятельность наша по языку. Поэтому знакомство съ нею даетъ намъ возможность удобно разобраться въ сложномъ механизмѣ языка, позволяя намъ стать на реальную топографическо-анатомическую почву. Это тѣмъ болѣе возможно, что топографическое размѣщеніе психо-физіологическихъ функцій языка сравнительно хорошо выяснено многочисленными патологическими и физіологическо-анатомическими наблюденіями.

Изъ топографіи коры большого мозга.

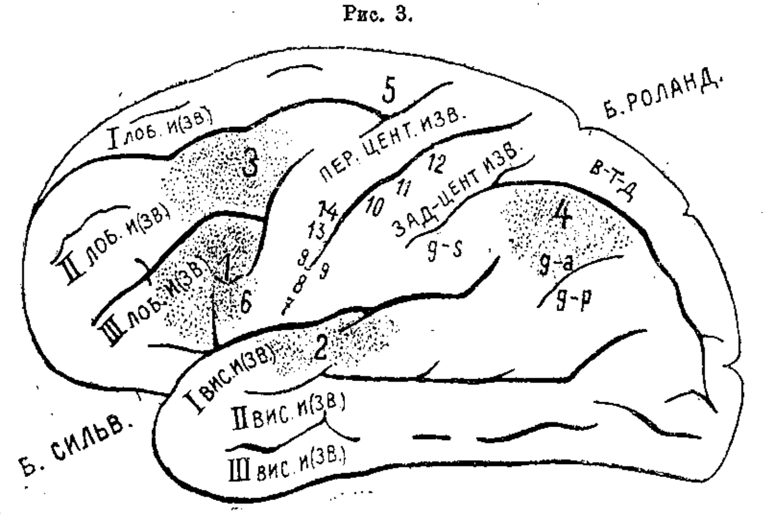
Центры языка—если исключить значенія языка, которыя обнимаютъ всю сознательную психическую дѣятельность человѣка—находятся обыкновенно въ лѣвомъ мозговомъ полушаріи (у лѣвшей въ правомъ). Соотвѣтствующія части праваго полушарія, если принимаютъ участіе, то лишь второстепенное. Во всякомъ случаѣ соотвѣтствующіе центры праваго полушарія не служатъ другимъ функціямъ, а потому при разрушеніи лѣваго полушарія могутъ постепенно сдѣлаться замѣстителями лѣвыхъ.

Ниже изображена въ общихъ чертахъ (рис. 3) поверхность лѣваго полушарія большого мозга человѣка. Форма праваго полушарія аналогична, въ обратномъ порядкѣ т. е. зеркальное изображеніе лѣваго.

Глубокая центральная или Роландова борозда (см. рис. 3, б. Роланд.) (sulcus centralis sive Rolandi), идущая отъ темени почти до Сильвіевой борозды, раздѣляетъ полушаріе на переднюю половинку или лобную долю и на заднюю половинку. Въ задней половинкѣ различаются: темянная, затылочная и височная доли.

Сзади вдоль Роландовой борозды идетъ задняя центральная извилина (зад. цент. изв.) (gyrus centralis posterior), а спереди вдоль нея помѣщается передняя центральная извилина (пер. цент. изв.) (gyrus centralis anterior). Находящаяся предъ послѣдней и отдѣленная отъ нея бороздками лобная доля

Рис. 3.

раздѣляется бороздками на верхнюю или первую лобную извилину (I лоб. изв.) (gyrus frontalis I), среднюю или вторую (II лоб. изв.) и нижнюю или третью лобную извилину (III лоб. изв.).

За задней центральной извилиной помѣщаются: на верху верхняя темянная долька (в-т-д) (lobus parietalis superior), подъ нею—нижняя темянная долька, раздѣляемая бороздками на gyrus supramarginalis (g s) и gyrus angularis (g·a), за которой слѣдуетъ gyrus parietalis posterior (g·p). Далѣе кзади идутъ затылочныя извилины.

Въ области подъ Сильвіевой бороздой (б. Сильв.) (fissura Sylvii) помѣщается височная доля, раздѣляемая бороздками на: первую височную извилину (I вис. изв.) (gyrus temporalis I), вторую (II вис. изв.) и третью височную извилину (III вис. изв.).

Размѣщеніе нервныхъ центровъ языка въ корѣ большого мозга.

Нервные центры языка размѣщены приблизительно слѣдующимъ образомъ. Центръ говоренія, названный центромъ Broca, сохраняющій воспоминанія движеній органовъ рѣчи и произвольно управляющій этими движеніями (поэтому называемый также двигательнымъ, мускулодвигательнымъ или моторнымъ центромъ языка) примыкаетъ къ Сильвіевой бороздѣ, занимая заднюю часть третьей лобной извилины обыкновенно лѣваго полушарія (въ рисункѣ пунктиръ 1).

Центръ слуховыхъ воспоминаній языка (акустическій центръ языка, сенсорный центръ языка, центръ Wernicke), въ которомъ воспринимаются и воспроизводятся слуховые образы (представленія) словъ, занимаетъ бо̀льшую, заднюю часть первой височной извилины (пунктиръ 2) и окруженъ снизу и по сторонамъ общимъ слуховымъ центромъ, распространяющимся на вторую височную извилину.

Въ виду близкой связи съ устнымъ языкомъ и въ виду его самостоятельнаго значенія, въ рис. 3 помѣщены и центры письма. У неграмотныхъ они конечно отсутствуютъ. Центръ писанія или графическій центръ (двигательный центръ письма), сохраняющій воспоминанія движеній руки и пальцевъ при писаніи и управляющій произвольно этими движеніями, помѣщается надъ центромъ Брока́, въ задней части лѣвой второй

лобной извилины (пунктиръ 3). Впрочемъ обыкновенно развиваются также центры письма праваго полушарія, что даетъ возможность писать лѣвой рукой. При этомъ лѣвая рука пишетъ обыкновенно въ обратномъ порядкѣ, такъ что получается письмо, совпадающее съ зеркальнымъ изображеніемъ письма правой руки.

Центръ чтенія или оптическій или зрительный центръ языка (центръ Déjerine'a), въ которомъ воспринимаются и воспроизводятся зрительные образы писанныхъ или печатныхъ словъ, находится повидимому между общимъ зрительнымъ центромъ (распространяющимся отъ него къ затылочной части) и центромъ Вернике, въ gyrus angularis и по крайней мѣрѣ задней части gyrus supramarginalis (пунктиръ 4).

Двигательные центры, производящіе движенія отдѣльныхъ органовъ рѣчи и писанія и подчиненные означеннымъ выше главнымъ двигательнымъ центрамъ языка и письма, помѣщаются около Роландовой борозды. Области ихъ обозначены на рисункѣ меньшими цифрами безъ пунктира. Сюда относятся центры нервовъ, производящихъ движенія: дыхательныхъ мышцъ (5), гортанныхъ мышцъ (6), мышцъ языка (7), другихъ мышцъ рта (8), нижнихъ лицевыхъ мышцъ (9,9), мышцъ сочлененія кисти (10), локтя (11) и плеча (12), мышцъ большого пальца (13) и другихъ пальцевъ (14).

Различія въ функціяхъ мозговыхъ центровъ языка и письма.

Центры мозга представляютъ какъ бы центральныя телеграфныя станціи, съ различными функціями и съ очень сложной системой проводовъ—нервовъ.

Одни станціи—сенсорные центры—получаютъ посредствомъ периферическихъ нервовъ, переходящихъ затѣмъ въ центральные нервы, импульсы, какъ бы телеграммы, каждая изъ опредѣленной части тѣла, отъ опредѣленнаго органа, напр. уха (въ общемъ слуховомъ центрѣ), глаза (въ общемъ зрительномъ центрѣ) и пр.

Сенсорные центры языка и письма, т. е. центры Вернике и Дежерина, представляютъ: первый—часть общей слуховой области, второй—повидимому часть общей зрительной области коры. Эти части специализовались подъ вліяніемъ психической дѣятельности по языку и письму, и служатъ для надобностей языка и письма. Произносимыя слова воспринимаются прежде всего въ общемъ слуховомъ центрѣ какъ простые звуки, а въ

то же время они воспринимаются въ центрѣ Вернике именно какъ слова языка. Это видно изъ того, что при разрушеніи той части мозговой коры, въ которой находится центръ Вернике, и при сохраненіи общаго слухового центра, слышимыя слова кажутся только пустыми, хотя и знакомыми звуками. Точно такъ же писанныя слова воспринимаются именно какъ слова въ оптическомъ центрѣ письма (Дежерина), а въ общемъ зрительномъ центрѣ они воспринимаются какъ фигуры, такъ что при разрушеніи ц. Дежерина съ сохраненіемъ общаго зрительнаго центра писанныя слова кажутся лишь знакомыми фигурами.

Другія станціи—двигательные центры—посредствомъ своихъ проводовъ т. е. центральнихъ нервовъ переходящихъ далѣе въ периферическіе нервы, вызываютъ движенія, каждая въ подвѣдомственной ей части тѣла, напр. языка (см. выше 7), гортани (см. выше 6), пальцевъ (см. выше 13—14) и пр. По отношенію къ такимъ центрамъ двигательные центры языка (Брока) и письма (графическій) играютъ роль главныхъ центральныхъ станцій, объединяющихъ дѣятельность первыхъ станцій, и соединенныхъ съ ними непосредственно, посредствомъ ассоціативныхъ нервовъ. Эта объединяющая роль центровъ Брока и графическаго относится спеціально къ дѣятельности по языку и письму и даетъ возможность изъ центровъ Брока и графическаго возбуждать одновременныя совмѣстныя движенія тѣхъ частей тѣла, которыя участвуютъ при говореніи и писаніи. Такимъ образомъ центръ Брока даетъ одновременно импульсы тѣмъ смежнымъ областямъ мозга, изъ которыхъ одна двигаетъ языкомъ, другая гортанью, третья губами и т. д. А изъ графическаго центра даются одновременно импульсы центрамъ, двигающимъ порознь кистью и разными пальцами при писаніи.

Слѣдовательно, въ проводахъ мозга существуютъ, кромѣ двигательныхъ—центробѣжныхъ и сенсорныхъ—центростремительныхъ нервовъ, еще ассоціативные нервы, соединяющіе между собою разныя области мозговой коры, въ томъ числѣ и коммисуральные нервы, соединяющіе между собою соотвѣтствующія области двухъ полушарій мозга.

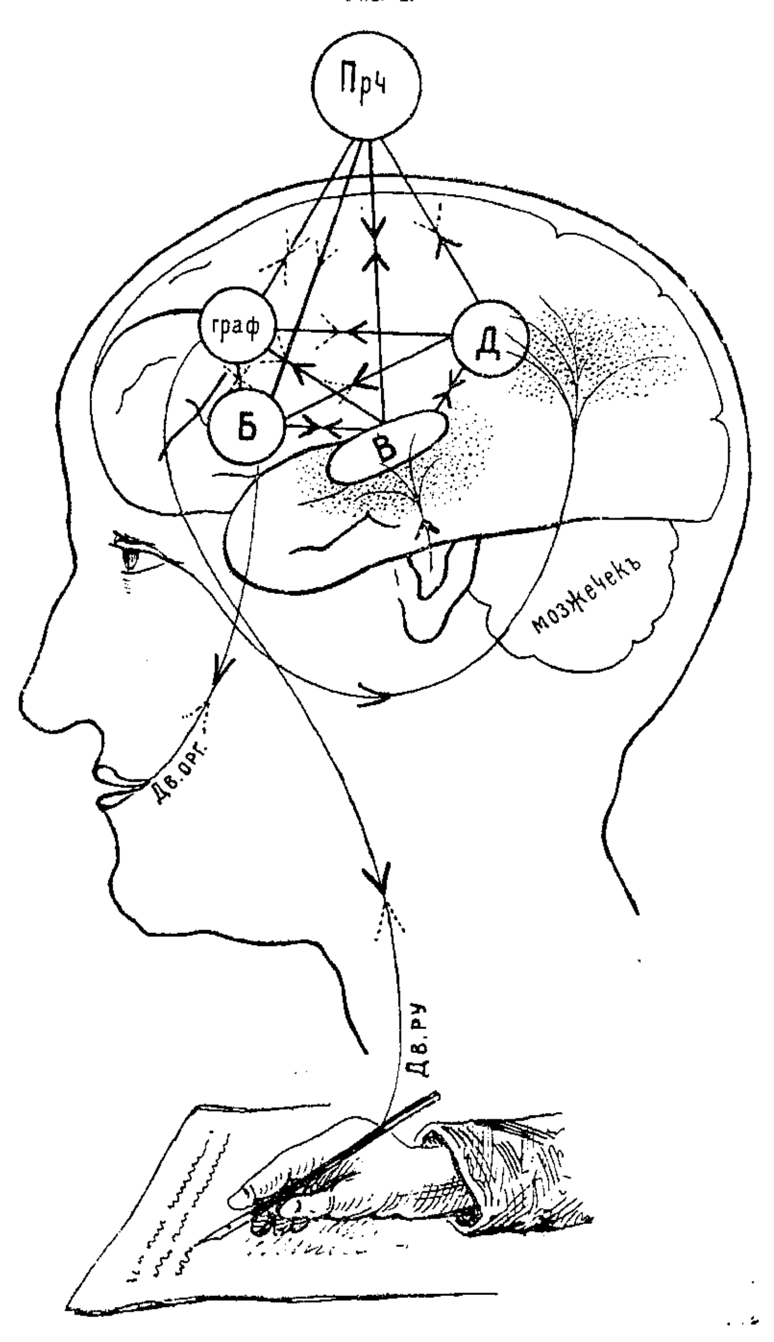
Ассоціаціи между функціями нервныхъ центровъ языка и письма.

Въ нижепомѣщенномъ рисункѣ 4 изображаются схематически функціи моторныхъ, сенсорныхъ и ассоціативныхъ нервовъ

языка и письма. Центры представлены въ видѣ маленькихъ кружковъ съ сохраненіемъ взаимнаго расположенія и приблизительнаго мѣстоположенія каждаго. Для краткости Б обозначаетъ центръ Брока (говоренія), граф—ц. графическій (писанія), В—центръ Вернике (слышанія рѣчи), Д—ц. Дежерина (чтенія). При В обозначенъ пунктиромъ общій слуховой или акустическій центръ, при Д—общій зрительный или оптическій центръ. Линіи, соединяющія отдѣльные центры, указываютъ на присутствіе ассоціаціи между ними. Стрѣла, поставленная на линіи, показываетъ направленіе ассоціаціи (ср. выше стр. 7), причемъ толстая стрѣла указываетъ на прочную (привычную, легко возбуждаемую, сильно дѣйствующую) ассоціацію, а стрѣла пунктиромъ обозначаетъ слабую ассоціацію, которая по обстоятельствамъ можетъ и не осуществляться. Отъ движеній разныхъ частей тѣла, вызываемыхъ сокращеніемъ мышцъ вслѣдствіе дѣйствія двигательныхъ нервовъ, мы получаемъ также и обратныя ощущенія—мускулодвигательныя ощущенія. Эти ощущенія собственно и даютъ содержаніе нашимъ воспоминаніямъ этихъ движеній. Поэтому на линіяхъ, изображающихъ дѣйствіе двигательныхъ нервовъ отъ моторнаго центра языка (Б) къ органамъ рѣчи и отъ моторнаго центра письма (граф.) къ рукѣ, указаны пунктирными стрѣлами и центростремительныя двигательныя ощущенія. На линіяхъ, изображающихъ схематически нервные проводники отъ уха къ слуховому центру языка (В) и отъ глаза къ оптическому центру письма (Д), указано стрѣлами лишь одно центростремительное направленіе. Обратное дѣйствіе этихъ сенсорныхъ нервовъ могло бы лишь указывать на галлюцинаціи т. е. возбужденіе изъ центральнаго мозга слуховыхъ и зрительныхъ ощущеній языка.

Всѣ тѣ психическіе процессы, которые доступны нашему сознанію и составляютъ значенія языка, я помѣстилъ въ рисункѣ на сторонѣ, надъ головой (Прч), причемъ одинъ кружокъ является представителемъ всѣхъ представленій и всѣхъ чувствованій, различаемыхъ нами въ языкѣ т. е. обозначаемыхъ словами языка какъ значенія ихъ. Слѣдовательно подъ Прч. понимаются отдѣльные члены уже расчлененной мысли, т. е. сужденій какъ значеній предложеній. Что это расчлененіе происходитъ главнымъ образомъ подъ дѣйствіемъ В (слуховыхъ представленій словъ), на это было уже указано выше (стр. 78).

Рис. 4.

Это изображеніе болѣе наглядно и ближе къ дѣйствительности, чѣмъ чисто схематическія изображенія ассоціацій, напр. у Вундта или Шарко (Балле), съ которыми я нѣсколько расхожусь въ опредѣленіи степени участія разныхъ ассоціацій при совмѣстномъ дѣйствіи ихъ. Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что въ отношеніи относительной интенсивности разныхъ ассоціацій существуютъ весьма значительныя индивидуальныя различія между отдѣльными людьми, зависящія не только отъ природныхъ особенностей, но и отъ позднѣйшихъ условій жизни. Особенно существенныя индивидуальныя различія представляютъ конечно центры и ассоціаціи письма, прежде всего въ зависимости отъ степени грамотности и большаго или меньшаго навыка въ разнаго рода пользованіи ею. Въ данномъ рисункѣ я имѣлъ въ виду приблизительно среднее состояніе полной грамотности.

Самая прочная ассоціація, почти всегда сильно и легко возбуждаемая, идетъ отъ В къ Прч, т. е. отъ слуховыхъ представленій словъ къ значеніямъ: кромѣ случаевъ особенной невнимательности, разсѣянности и пр. мы невольно и противъ воли представляемъ себѣ содержаніе слышимой рѣчи. Обратная ассоціація Прч > В [1]) тоже прочная, менѣе обязательная: мы можемъ объ извѣстныхъ явленіяхъ думать и безъ представленій словъ.

Ассоціація В > Б прочная, но менѣе обязательная: особенно при быстромъ молчаливомъ мышленіи въ словахъ представленія словъ сопровождаются лишь отрывочными представленіями движеній органовъ рѣчи, отчасти потому, что представленія движеній за ними не поспѣваютъ. Ассоціація Б > В прочная, потому что отъ собственной рѣчи всегда получаются слуховыя ощущенія.

Слуховыя представленія словъ легко могутъ вызывать у грамотныхъ зрительныя представленія писанныхъ словъ, рѣже печатныхъ (В > Д); но писанныя слова представляются лишь по частямъ, если они длинныя, такъ какъ не вмѣщаются въ точкѣ фиксаціи.

---

[1]) Для краткости въ лингвистическихъ работахъ употребляются знаки > и <. Первый, передній конецъ стрѣлы, обращенной вправо, указываетъ на направленіе вправо и передается словами: «отъ... къ», «перешло въ», «переходитъ въ», «измѣнилось въ» и т. д. Второй знакъ, указывающій назадъ, читается: «изъ», «отъ», «получилось изъ», «произошло изъ» и т. д.

Д > В дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, такъ какъ чтеніе началось и обыкновенно сопровождается представленіемъ слуховыхъ образовъ словъ. Но при большомъ навыкѣ въ чтеніи зрительныя ощущенія словъ могутъ непосредственно ассоціироваться съ значеніями (Д > Прч).

При чтеніи вслухъ развивается ассоціація Д > Б, т. е. производство движеній органовъ рѣчи непосредственно по указаніямъ писанныхъ словъ, какъ движенія пальцевъ производятся по нотамъ при фортепіанной игрѣ.

Движенія руки и пальцевъ (Дв-ру) при писаніи направляются непосредственно рукодвигательными воспоминаніями словъ (граф). Но эти воспоминанія (Прч > граф) настолько неясны и несамостоятельны, что почти всегда нуждаются въ общемъ руководительствѣ и поддержкѣ слуховыхъ (Прч > В > граф) и зрительныхъ представленій словъ (Прч > В > Д > граф). Особаго рода содѣйствіе при писаніи преимущественно малограмотныхъ оказываютъ двигательныя воспоминанія органовъ рѣчи (Прч > В > Б > граф) тѣмъ, что даютъ возможность съ нужной медлительностью представлять себѣ отдѣльные звуки, т. е. задерживать представленіе каждаго звука слова, пока рука записываетъ соотвѣтствующую букву. По мѣрѣ пріобрѣтенія навыка въ писаніи зрительныя воспоминанія (Прч > В > Д > граф) все болѣе становятся лишь заднимъ числомъ контролирующими написанное, а процессъ произвольнаго писанія грамотнаго главнымъ образомъ Прч > В > граф. При малограмотности же зрительныя представленія буквъ самые дѣйствительные руководители движеній руки.

Остальныя ассоціаціи дѣйствуютъ слабѣе, осуществляются обыкновенно лишь при содѣйствіи другихъ и, смотря по обстоятельствамъ, могутъ отсутствовать, выпадать, а въ исключительныхъ случаяхъ могутъ получить значительную прочность.

Патологическія нарушенія языка какъ средство для анализа внутренняго механизма языка.

Патологическіе случаи разрушенія тѣхъ или другихъ частей мозга, въ связи съ наблюдаемыми при этомъ «выпаденіями» въ психическихъ функціяхъ, служатъ не только для выясненія топографическаго размѣщенія (локализація) центровъ; они для насъ особенно интересны тѣмъ, что доставляютъ намъ данныя для

разграниченія роли, какую въ нормальныхъ психическихъ процессахъ языка играютъ тѣ или другіе спеціальные психическіе факторы языка. Въ особенности они важны для выясненія степени самостоятельности и прочности той или другой ассоціаціи. Такія клиническія наблюденія замѣняютъ опыты, которыхъ произвольно предпринимать невозможно, такъ какъ они были бы вивисекціей.

Нарушенія функцій языка могутъ конечно произойти вслѣдствіе порчи разныхъ наружныхъ частей органовъ рѣчи, напр. уха, языка и пр., или вслѣдствіе разрушенія, паралича и пр. периферическихъ двигательныхъ или сенсорныхъ нервовъ, напр. гортани (потеря голоса, афонія), мягкаго неба (носовой оттѣнокъ рѣчи, гнусеніе), языка (афтонгія или отсутствіе нѣкоторыхъ артикуляцій), уха (глухота) и т. д. Но эти явленія представляютъ намъ мало интереса.

При разрушеніи центра воспоминанія движеній органовъ рѣчи (ц. Брока) больной припоминаетъ слова въ звукахъ (ц. Вернике), но не можетъ ихъ произносить. Въ результатѣ нѣмота (атактическая афазія). Такой больной понимаетъ рѣчь другихъ, читаетъ, можетъ сохранять способность писать. Онъ можетъ двигать отдѣльными органами рѣчи, губами, языкомъ и пр., и можетъ произносить безсвязные звуки (дѣйствіе центровъ 5 до 9, рис. 3).

При слабомъ нарушеніи функцій ц. Брока является лишь затрудненіе въ совмѣстномъ производствѣ нѣкоторыхъ движеній, которое при пѣніи нерѣдко значительно устраняется, такъ какъ движенія поддерживаются новыми ассоціаціями (напр. нерѣдко при заиканіи, причины котораго впрочемъ обыкновенно не въ Б).

Нѣмота другого происхожденія—амнестическая афазія—происходитъ отъ разстройства центра слуховыхъ воспоминаній словъ т. е. ц. Вернике. Наблюдаются разныя степени разстройства центра Вернике:

При незначительной степени нарушеній функцій центра Вернике, въ физіологическихъ предѣлахъ, является слабость памяти, амнезія, напр. вслѣдствіе переутомленія, преклоннаго возраста и пр. Въ этомъ состояніи слова припоминаются отчасти медленно и съ трудомъ.

При большей степени разстройства ц. Вернике слова́ забываются, но слова другихъ понимаются и могутъ нѣсколько вре-

мени удерживаться въ памяти, а затѣмъ могутъ снова исчезать. Больной можетъ повторить и написать все сказанное, можетъ читать вслухъ, но затрудненіе въ произвольномъ припоминаніи словъ. При этомъ наблюдается интересное психическое явленіе: однѣ категоріи словъ или морфологическихъ частей словъ забываются легче другихъ. Хорошо сохраняются восклицанія, какъ рефлекторныя движенія. Изъ другихъ словъ лучше сохраняются тѣ, которыя прочнѣе запечатлѣны въ памяти. Предлоги и частицы (изъ, ли, но, впрочемъ и т. д.) сохраняются хорошо, не только потому, что они часто употребляются, но особенно потому, что они обозначаютъ отвлеченныя понятія, а потому представлены въ нашемъ мышленіи главнымъ образомъ ихъ звуковыми образами, которые поэтому прочнѣе запечатлѣваются. По той же причинѣ лучше сохраняются слова какъ любовь, добродѣтель, красота, надѣяться, вѣрить и пр. Затѣмъ идутъ качественныя прилагательныя, какъ красный, большой и пр., далѣе глаголы, какъ рѣзать, тянуть и пр. Скорѣе всего забываются имена собственныя, менѣе быстро названія конкретныхъ предметовъ, какъ домъ, ножъ и пр., такъ какъ объ этихъ явленіяхъ мы думаемъ главнымъ образомъ не въ представленіяхъ словъ, а въ представленіяхъ самихъ явленій, обозначаемыхъ этими словами, вслѣдствіе чего эти слова запечатлѣваются слабѣе въ слуховой памяти. Поэтому, забывъ слово «ножъ», еще помнятъ и говорятъ: «то, чѣмъ рѣжутъ».

При совершенномъ разрушеніи центра Вернике больной можетъ обладать слухомъ вообще, но не только не припоминаетъ словъ, но и не понимаетъ значенія рѣчи другихъ (**языковая глухота**), потому что воспоминаній словъ, съ которыми по ассоціаціи связываются значенія, у него не сохранилось. Такъ какъ двигательная память органовъ рѣчи сохранилась, то онъ можетъ безъ связи и смысла произносить слова. Впрочемъ способность со смысломъ читать можетъ до извѣстной степени сохраниться въ зависимости отъ того, насколько установилась непосредственная ассоціація Д $>$ Прч, что бываетъ особенно при сравнительно сильномъ развитіи зрительныхъ представленій, у зрительнаго типа. Общій слухъ можетъ при всемъ этомъ функціонировать правильно при сохраненіи общаго слухового центра. Нужно замѣтить, что вообще разстройство въ образованіи акустическихъ какъ и оптическихъ воспоминаній языка и письма

влечетъ обыкновенно за собою разстройство въ соотвѣтствующихъ двигательныхъ частяхъ (амнестическая афазія, амнестическая аграфія), такъ какъ главныя ассоціаціи идутъ отъ этихъ сенсорныхъ къ соотвѣтствующимъ моторнымъ центрамъ.

При разрушеніи двигательнаго центра письма (графическаго центра) является аграфія: вмѣсто пишущихъ движеній получается одно царапаніе на бумагѣ, между тѣмъ какъ другія произвольныя движенія руки и пальцевъ болѣе или менѣе сохраняются (10—14, рис. 3); впрочемъ въ виду смежности этихъ двигательныхъ центровъ съ граф ц (а также съ центромъ Брока) аграфія осложняется обыкновенно еще нарушеніями движеній руки и пальцевъ вообще.

При разрушеніи области оптическаго центра чтенія (зрительныхъ воспоминаній писанныхъ и печатныхъ словъ, Д) является неспособность читать—алексія или словесная слѣпота. Устный языкъ можетъ быть вполнѣ нормальнымъ, но письменныя слова непонятны, кажутся фигурами. Въ остальномъ зрѣніе сохраняется, и тѣ начертанія, которыя запечатлѣны въ памяти въ видѣ фигуръ, напр. собственная или знакомая подпись, узнаются.

Во многихъ случаяхъ разрушенія центровъ лѣваго полушарія наблюдалось постепенное возстановленіе ихъ функцій, объясняемое тѣмъ, что смежныя части коры или соотвѣтствующія области праваго полушарія, постепенно пріучаясь, взяли на себя роль разрушенныхъ центровъ, такъ какъ и соотвѣтствующіе центры праваго полушарія болѣе или менѣе участвуютъ въ функціяхъ лѣвыхъ языковыхъ центровъ.

Подобныя же разстройства языка и письма являются въ тѣхъ случаяхъ, когда разрушаются не самые центры, а связывающіе ихъ ассоціативные нервы. Такъ, при разстройствѣ ассоціаціи между центромъ Вернике и Брока является нѣмота атактическая, неспособность произносить слова, о которыхъ имѣются слуховыя и двигательныя представленія.

При изолированности слуховыхъ представленій словъ отъ ихъ значеній, т. е. при уничтоженіи ассоціацій между центрами Вернике и всѣми тѣми частями нервной системы, въ которыхъ образуется содержаніе нашего мышленія (между В и Прч, рис. 4), является амнестическая афазія. Мысли не вызываютъ представленій словъ, чужія слова не возбуждаютъ мыслей.

При разрывѣ ассоціативной связи центра зрительныхъ воспоминаній словъ со всѣми тѣми частями, въ которыхъ воспроизводятся значенія словъ (Д > Прч), чтеніе со смысломъ можетъ происходить только вслухъ (Д > В > Прч) или при помощи слуховыхъ представленій словъ.

Сохраненіе ассоціаціи между центрами Вернике и Брока, при разобщеніи ихъ съ другими, даетъ лишь возможность безсмысленно произносить и повторять слова. Конечно, наблюдаемые патологическіе случаи обыкновенно сложнѣе, представляютъ одновременное разстройство разныхъ функцій и въ разной степени. Вообще при разстройствѣ прямого ассоціативнаго пути, онъ можетъ замѣниться другимъ, посредственнымъ, который въ такомъ случаѣ ненормально усиливается, и наоборотъ, по мѣрѣ упражненій развиваются по возможности прямыя ассоціаціи вмѣсто посредственныхъ. Такъ, полуграмотный долженъ читать вслухъ, чтобы понимать смыслъ читаемаго (Д > В по буквамъ и складамъ > Б > Дв(иженія) орг(ановъ рѣчи) > В цѣлыя слова и предложенія > Прч), а вполнѣ грамотный можетъ до извѣстной степени обходить слуховыя представленія словъ (Д > Прч).

Упражненія. Прикладная психофизика языка и письма.

Для научнаго пониманія разныхъ явленій языка, а также для теоретическаго разрѣшенія педагогическихъ вопросовъ по методикѣ преподаванія иностраннаго языка и правописанія, необходимо ясно представлять себѣ внутренній строй языка. Въ виду этого прибавляю нѣкоторые примѣры для упражненій, примѣняясь къ терминологіи рисунка 4.

Произвольная рѣчь состоитъ изъ слѣдующаго процесса: 1) сочетаются въ сужденіе представленія—значенія предложенія (Прч) подъ вліяніемъ 2) соотвѣтствующихъ ассоцирующихся слуховыхъ представленій словъ съ ихъ формальными принадлежностями въ предложеніи (Прч—В); 3) по ассоціаціи возбуждаются соотвѣтствующія воспоминанія движеній органовъ рѣчи (В > Б) при помощи которыхъ 4) при участіи воли производятся самыя движенія органовъ рѣчи (Б > Дв.орг). Такимъ образомъ процессъ произвольнаго говоренія можно вкратцѣ описать Прч — В > Б > Дв. орг.

Процессъ произвольнаго писанія т. е. письменнаго

изложенія собственныхъ мыслей: Прч — В > Д > граф > Дв.ру, рядомъ съ которымъ дѣйствуетъ еще непосредственная ассоціація В > граф, причемъ большее или меньшее содѣйствіе оказываетъ еще В > Б > граф, и по обстоятельствамъ непосредственная ассоціація Прч > граф > Дв.ру. Относительная интенсивность каждой изъ этихъ ассоціацій представляетъ безконечное разнообразіе въ зависимости отъ степени грамотности, индивидуальныхъ особенностей, случайнаго настроенія, и отъ того, какъ часто писалось то или другое слово и пр.

Возбужденіе однихъ В > Б > Дв.орг является при безсмысленномъ повтореніи словъ (дѣти, попугай).

Д > граф > Дв.ру, рядомъ съ Д > В > граф > Дв.ру и В > Б > граф = списываніе безъ смысла.

Д > В > Б > Дв орг и Д > Б > Дв.орг = безсмысленное чтеніе вслухъ; при чтеніи со смысломъ должны еще ассоціироваться Д > В > Прч и отчасти Д > Прч.

Эти и подобныя болѣе детальныя данныя изъ психофизіологіи языка и письма должны лежать въ основаніи научной методологіи преподаванія языка и правописанія. Существующія методики преподаванія языка и правописанія находятся еще въ періодѣ поверхностнаго грубаго эмпиризма, а преподаваніе ведется обыкновенно нецѣлесообразно, съ лишней тратой труда и времени, подчасъ прямо во вредъ дѣлу. Укажу на примѣръ.

Полуграмотный мальчикъ поступаетъ въ подготовительный классъ. Онъ умѣетъ говорить на родномъ языкѣ (Прч — В > Б > Дв.орг), умѣетъ читать вслухъ (Д > В > Б > Дв.орг) и понимаетъ при этомъ смыслъ (В > Прч). Въ классѣ онъ упражняется въ чтеніи не вслухъ (Д > В > Прч причемъ часто еще В > Б > Дв.орг) и немного пріучается къ чтенію безъ слуховыхъ представленій (Д > Прч), хотя обыкновенно эти цѣли не преслѣдуются непосредственно при преподаваніи. Его учатъ правильно писать и для этого его заставляютъ преимущественно писать диктовку (В > Д > граф > Дв.ру, а отдѣльныя буквы онъ пишетъ при этомъ и В > граф > Дв.ру). Но такъ какъ у него нѣтъ еще зрительнаго представленія многихъ словъ (Д слова) и воспоминаній двигательныхъ ощущеній отъ писанія этихъ словъ (граф слова), то онъ пишетъ ихъ отдѣльными буквами и слогами, по указанію своего произношенія. Написавъ такимъ образомъ въ диктантѣ лень, тапоръ, глянишъ,

онъ сохранитъ эти начертанія словъ въ своей зрительной (Д) и двигательной (граф) памяти. Такимъ образомъ учитель хочетъ его учить грамотности т. е. общепринятому правописанію, а на самомъ дѣлѣ пріучаетъ его къ непринятому письму т. е. къ неграмотности. Впрочемъ при болѣе счастливыхъ условіяхъ сначала только списываютъ, а затѣмъ переходятъ къ произвольному писанію. При списываніи (Д > граф > Дв.ру, и одновременно Д > В > граф, а также Д > В > Б > граф) учащійся закрѣпляетъ въ зрительной и рукодвигательной памяти исключительно вѣрныя воспоминанія словъ. Къ сожалѣнію ассоціаціи съ Прч, особенно В > Прч, при этомъ нерѣдко не возбуждаются или возбуждаются слишкомъ слабо (безсмысленное списываніе). Это тормозитъ пріобрѣтеніе грамотности, и противъ этого нужно принимать цѣлесообразныя научно обоснованныя практическія мѣры. Но это обстоятельство, т. е. возможное отсутствіе В > Прч, умаляетъ въ еще большей степени положительную сторону диктовки. Конечно, психическое состояніе грамотности можно въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ опредѣлить гораздо детальнѣе. Я здѣсь указалъ лишь на нужныя для примѣра условія.

ГЛАВА IV.

ОБЩАЯ ФОНЕТИКА.

---

§ 1. Введеніе.

Фонетика изучаетъ звуковую сторону языка безъ отношенія къ значеніямъ. Звуки рѣчи можно изучать 1) въ условіяхъ производства ихъ, т. е. въ физіологической работѣ органовъ рѣчи при производствѣ звуковъ рѣчи, 2) въ физическомъ (акустическомъ) отношеніи, т. е. въ звуковыхъ волнахъ рѣчи и въ физическихъ условіяхъ возникновенія ихъ, 3) въ дѣйствіи звуковыхъ волнъ рѣчи на органы слуха, т. е. въ физіологическихъ функціяхъ органа слуха, при посредствѣ котораго воспринимается устная рѣчь. Физическая сторона звуковъ рѣчи имѣетъ для насъ не самостоятельное значеніе, а объясняетъ лишь, чѣмъ обусловливаются различія въ нашихъ слуховыхъ ощущеніяхъ—съ одной стороны, а съ другой—какія различія въ звукахъ получаются при томъ или иномъ дѣйствіи органовъ рѣчи. Такъ какъ звуки рѣчи представлены и въ нашей душѣ въ видѣ воспоминаній слуховыхъ ощущеній и воспоминаній ощущеній движеній органовъ рѣчи, то фонетика должна считаться и съ этими психическими явленіями, хотя они прямо не принадлежатъ къ ея области.

Однообразіе въ звуковомъ отношеніи въ предѣлахъ одного говора, одного нарѣчія и т. д.

При изслѣдованіи фонетической стороны какого-нибудь живого говора или языка конечно невозможно подвергать изученію всѣ индивидуальные языки многихъ тысячъ лицъ, принадлежащихъ къ данному говору. И здѣсь, какъ и при изученіи другихъ сто-

ронъ языка, изслѣдованіе ограничивается нѣсколькими лицами, языкъ которыхъ можно считать нормальнымъ представителемъ языка всѣхъ остальныхъ членовъ данной діалектической единицы. Для оправданія такого пріема нужно предварительно выяснить себѣ, какъ велико звуковое однообразіе въ предѣлахъ одного говора, нарѣчія и пр., и чѣмъ оно обусловлено.

Какъ извѣстно, всякій нормальный человѣческій индивидуумъ уже съ ранняго дѣтства безсознательно, а по обстоятельствамъ и сознательно, стремится произносить слова такъ, какъ ихъ произносятъ окружающія его лица. Этимъ только и объясняется возможность сохраненія языка въ звуковомъ отношеніи при передачѣ его послѣдующимъ поколѣніямъ.

Но укладка органовъ рѣчи для каждаго звука не передается новымъ индивидамъ непосредственно. Они получаютъ отъ окружающихъ лишь слуховыя ощущенія звуковыхъ рядовъ. Поэтому, чтобы производить звуки, сходные со звуками, производимыми окружающими и запечатлѣвшимися въ слуховыхъ воспоминаніяхъ, новые индивиды съ ранняго дѣтства должны самостоятельно найти тѣ движенія органовъ рѣчи, при которыхъ получаются данные звуки. А такъ какъ органы рѣчи лицъ, принадлежащихъ къ одному говору, имѣютъ приблизительно одинаковое устройство и форму, то для полученія звуковъ, сходныхъ со звуками окружающихъ, они должны производить и приблизительно такія же движенія органовъ рѣчи, какъ окружающіе. Этимъ только и объясняется однообразіе въ движеніяхъ органовъ рѣчи у лицъ, принадлежащихъ къ одному говору, языку и т. д. Звуки, которые могутъ получаться при разной укладкѣ органовъ рѣчи, производятся разными лицами и различной артикуляціей. Впрочемъ такихъ звуковъ строго говоря нѣтъ, такъ какъ различіе въ артикуляціи непремѣнно влечетъ за собою и различіе въ звукѣ, хотя бы незначительное. Непосредственное перениманіе движеній органовъ рѣчи бываетъ лишь напр. по отношенію къ артикуляціи губъ. О движеніяхъ внутреннихъ органовъ рѣчи даже взрослые, не изучившіе фонетики, не имѣютъ почти никакого представленія.

Такимъ образомъ у группы лицъ, принадлежащихъ къ одному говору, звуки рѣчи не только въ акустическомъ, но и въ артикуляціонномъ отношеніи приблизительно одинаковы. Этимъ и объясняется, что фонетика можетъ говорить объ опредѣленной

артикуляція того или другого звука въ такомъ-то говорѣ. Большія различія замѣчаются уже въ цѣломъ нарѣчіи. Конечно, строго говоря, у каждаго лица есть свои мелкія индивидуальныя особенности произношенія, зависящія отъ индивидуальныхъ различій въ конфигураціи и движеніяхъ органовъ рѣчи, подобно тому, какъ форма лица, рукъ и пр. представляютъ индивидуальныя различія, а по движеніямъ рукъ, ногъ и пр., т. е. по жестамъ и по походкѣ, мы узнаемъ своихъ знакомыхъ.

Кромѣ того въ артикуляціяхъ каждаго отдѣльнаго лица существуютъ колебанія, вызываемыя случайными причинами психическими, напр. возбужденіемъ или утомленіемъ, и иногда физіологическими, насморкомъ, опухолью и пр.

Главнымъ образомъ отъ различія въ величинѣ и формѣ полости рта какъ резонатора зависятъ тѣ общія различія въ качествѣ (тембрѣ) звуковъ, помимо различій въ голосѣ, которыми характеризуется рѣчь напр. взрослыхъ мужчинъ въ отличіе отъ рѣчи дѣтей. Для устраненія этого различія въ звукахъ, дѣти невольно укладываютъ свои органы рѣчи нѣсколько иначе, чѣмъ впослѣдствіи взрослыми, и этимъ компенсируютъ, но лишь до извѣстной степени, различіе въ величинѣ резонаторовъ и пр.

Произношеніе языка образованнаго общества или общегосударственнаго языка обыкновенно представляетъ такія значительныя различія, подъ вліяніемъ особенностей говоровъ, классовъ и слоевъ общества, что научное опредѣленіе его должно ограничиваться болѣе общими признаками. Впрочемъ обыкновенно какое нибудь діалектическое произношеніе возводится въ норму, въ образцовый языкъ, который распространяется при помощи школы, сцены и т. п. Въ общерусскомъ языкѣ существуетъ также значительное разнообразіе въ произношеніи. Онъ возникъ изъ московскаго говора, но въностоящее время его нельзя отожествлять съ московскимъ говоромъ и послѣдняго нельзя принимать за норму общерусскаго языка.

Естественный и искусственный способы изслѣдованія звуковъ живого языка.

Слухъ нашъ, особенно подготовленный къ этому, различаетъ очень мелкіе оттѣнки въ звукахъ, но мы не можемъ опредѣлить ихъ словами. Лишь для нѣкоторыхъ общихъ качествъ звуковъ, какъ высоты, присутствія шума, свиста и т. д., существуютъ

особыя слова—названія ихъ. Но мы не можемъ опредѣлить словами, въ чемъ заключается различіе въ слуховыхъ ощущеніяхъ напр. между звуками *a*, *e*, *i*, *n*, *t*, и пр., хотя ясно слышимъ это различіе. Кромѣ того ухо развито только для тонкостей знакомыхъ звуковъ, напр. родного языка. А мелкіе оттѣнки непривычныхъ звуковъ мало знакомаго языка совершенно ускользаютъ отъ насъ. Поэтому фонетику нужно, кромѣ общаго лингвистическаго развитія уха, развивать свой слухъ въ частности для каждаго языка при изученіи его.

Но нужно еще имѣть въ виду, что слуховыя воспріятія находятся подъ вліяніемъ психическихъ условій, благодаря которымъ мы слышимъ нерѣдко то, чего нѣтъ въ дѣйствительности, и наоборотъ не слышимъ того, что слышали бы при другомъ психическомъ настроеніи. Такъ напр подъ вліяніемъ написанія ai мы слышимъ нерѣдко дифтонгъ a͡i тамъ, гдѣ въ дѣйствительности a͡e, напр. въ Айвазовскій. Вообще когда «произношеніе» наблюдаемаго объекта не отличается существенно отъ произношенія наблюдателя, или вѣрнѣе, отъ его слуховыхъ представленій, онъ всегда склоненъ «слышать» въ рѣчи наблюдаемаго тѣ же звуки, которые сохраняются въ его воспоминаніяхъ, т. е. онъ подставляетъ свои готовыя звуковыя представленія вмѣсто воспринимаемыхъ, причемъ безъ особеннаго навыка и дисциплины уха не замѣчаетъ мелкихъ различій.

Въ виду этого и благодаря доступности движеній органовъ рѣчи для глаза, для регистраціи и описанія, какъ описательная такъ и историческая фонетика занимается преимущественно изученіемъ звуковъ въ условіяхъ ихъ производства, конечно въ связи съ дѣйствіемъ этихъ звуковъ на наше ухо, т. е. описательная фонетика сводится главнымъ образомъ къ физіологіи органовъ рѣчи. Между тѣмъ звуки рѣчи прежде всего явленіе акустическое: движенія органовъ рѣчи производятся съ цѣлью произвести извѣстные звуки. Поэтому, понятно, одно физіологическое изученіе звуковъ рѣчи не можетъ считаться удовлетворительнымъ. На помощь физіологической акустикѣ, изучающей звуки по отношенію къ дѣйствію ихъ на наше ухо и страдающей указанными недостатками, должна явиться физическая акустика, изучающая звуки рѣчи по отношенію къ ихъ физическому составу и ихъ физическимъ различіямъ. Изслѣдованіе звуковыхъ

волнъ рѣчи посредствомъ пріемовъ, употребляемыхъ въ физикѣ, является поэтому необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ въ языковѣдѣніи.

Такимъ образомъ естественно должна была возникнуть такъ называемая экспериментальная фонетика. Непосредственнымъ поводомъ къ ея возникновенію послужила впрочемъ не акустика, а потребность болѣе точно опредѣлить движенія органовъ рѣчи посредствомъ разныхъ записывающихъ и измѣрительныхъ приборовъ, употребляемыхъ въ физіологіи и частію изобрѣтаемыхъ для цѣлей фонетики.

Многіе смотрятъ еще на экспериментальную фонетику какъ на особую спеціальность, безъ которой можетъ обходиться изслѣдователь языка, тѣмъ болѣе что примѣненіе нерѣдко сложныхъ аппаратовъ требуетъ особой технической подготовки. На самомъ дѣлѣ это все та же фонетика, располагающая лишь болѣе совершенными средствами для объективнаго изслѣдованія и добывающая поэтому болѣе точные результаты. Отказываться отъ нихъ значитъ отказываться отъ болѣе глубокаго изученія предмета. Вѣдь разнаго рода вспомогательныя средства и простые приборы примѣнялись и раньше тамъ, гдѣ глазъ, ухо и осязаніе оказывались неудовлетворяющими. Такъ, пальцами или зубочисткою пользовались для ощупыванія формы невидимой спинки языка, пламенемъ свѣчи для опредѣленія силы выдыхаемаго тока и пр.

Не нужно также думать, будто экспериментальная фонетика отличается отъ наблюденія невооруженнымъ глазомъ и ухомъ такъ, какъ отличается въ естественныхъ наукахъ наблюденіе отъ опыта. Это различіе въ методѣ не имѣетъ въ лингвистикѣ значенія. Вѣдь при каждомъ словѣ, которое мы заставляемъ говорящаго повторить помедленнѣе для лучшаго наблюденія, мы въ сущности имѣемъ дѣло съ опытомъ, такъ какъ при этомъ наблюдатель произвольно вызвалъ и видоизмѣнилъ ходъ наблюдаемаго явленія. Слѣдовательно экспериментальная фонетика, совершенно какъ экспериментальная психологія, пользуется лишь болѣе совершенными искусственными средствами для болѣе точнаго объективнаго наблюденія.

Лабораторіи экспериментальной фонетики существуютъ уже въ многихъ мѣстахъ во Франціи, Германіи, Голландіи, Америкѣ и пр, въ которыхъ работаютъ главнымъ образомъ неофилологи германисты и романисты. Особенно извѣстна фонетическая лабора-

торія въ Collège de France въ Парижѣ, основанная нынѣшнимъ ея директоромъ, профессоромъ аббатомъ Руссело, заслуги котораго въ разработкѣ и насажденіи экспериментальной фонетики общеизвѣстны. Лабораторіи экспериментальной фонетики устроены и въ нѣкоторыхъ русскихъ университетахъ при каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія, раньше другихъ въ Казани.

§ 2. Звуки рѣчи въ физическомъ отношеніи (физическая акустика звуковъ рѣчи).

Чтобы понять, почему различныя артикуляціи даютъ различныя соотвѣтствующія слуховыя ощущенія, необходимо предварительно ознакомиться съ общими условіями звуковъ рѣчи въ физическомъ отношеніи, а затѣмъ уже перейти къ изученію производства ихъ и дѣйствія ихъ на органы слуха.

Колебанія воздуха, ощущаемыя ухомъ, называются **звукомъ**. Они происходятъ отъ колебательныхъ движеній разныхъ тѣлъ, въ томъ числѣ и воздуха, заключеннаго въ открытомъ сосудѣ и приведеннаго вдуваніемъ въ колебательныя движенія. Этими колебательными движеніями вызываются въ окружающемъ воздухѣ попеременныя сгущенія и разрѣженія, называемыя звуковыми волнами. Звуковыя волны приводятъ въ соотвѣтствующія колебанія извѣстные органы уха, вслѣдствіе чего раздражаются слуховые нервы и такимъ образомъ получаются ощущенія звуковъ.

Сонорные и шумные звуки рѣчи.

По нашимъ слуховымъ ощущеніямъ мы различаемъ музыкальные звуки и шумы, хотя строгой границы между ними нѣтъ.

Если тѣло, производящее звуковыя волны, приведено въ достаточно быстрыя, притомъ періодическія (ритмическія) колебанія, то получается ощущеніе **музыкальнаго звука**. Періодическими называются колебанія, повторяющіяся въ небольшіе равные промежутки времени совершенно одинаковымъ образомъ. При графическомъ изображеніи періодическихъ формъ колебаній, т. е. при записи такихъ звуковыхъ волнъ посредствомъ аппарата на равномѣрно движущейся поверхности бумаги и пр., мы получаемъ кривую, состоящую изъ постоянно повторяющихся совершенно одинаковыхъ фигуръ—періодовъ (см. рис. 10).

Звуковыя волны, производимыя непеuріодическими колебаніями колеблющагося тѣла, или соединеніемъ періодическихъ колебаній, не находящихся между собой по числу колебаній въ отношенія 1 : 2 : 3 : 4 и т. д., даютъ въ результатѣ непеpiодическую форму звуковой волны, слѣдовательно и неперіодическую кривую при записи волнъ, и производятъ на наше ухо впечатлѣніе шума.

Звуки рѣчи состоятъ изъ соединенія музыкальнаго звука голоса съ шумами, или изъ однихъ шумовъ. Тѣ и другіе называются въ языковѣдѣніи одинаково звуками. Смотря по тому, преобладаетъ ли въ звукѣ музыкальный звукъ голоса, или же шумъ, различаютъ сонорные звуки и шумные звуки.

Къ сонорнымъ звукамъ относятся всѣ гласные, напр. *a*, *e*, *i* и пр., носовые звуки, напр. *n*, *m* (русскіе *н*, *м*), плавный *l* (русское *л*) и отчасти *r* (русское *р*).

Къ шумнымъ звукамъ относятся всѣ остальные согласные, напр. *t*, *s*, *p*, *f* (русскіе *т*, *с*, *п*, *ф*) и пр., въ томъ числѣ и тѣ, которые состоятъ изъ сочетанія музыкальнаго звука съ сильными шумами т.е. въ которыхъ звучащей струѣ, выходящей изъ гортани, придаютъ въ полости рта, рѣдко въ гортани, еще сильные шумы. Вслѣдствіе присутствія голоса послѣдніе называются звонкими шумными согласными, напр. *z*, *d*, *b*, *v*, *g* (русскіе *з*, *д*, *б*, *в*, *г*) и пр.

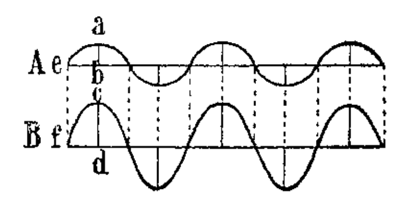
И въ гласныхъ шумы составляютъ самую существенную составную часть ихъ, но вслѣдствіе своей слабости эти шумы воспринимаются неопытнымъ ухомъ лишь какъ характерный тембръ каждаго гласнаго, принимаемаго за музыкальный звукъ.

Различія звуковъ рѣчи по силѣ.

Въ музыкальныхъ звукахъ и въ шумахъ мы различаемъ по качеству ихъ: силу, высоту и тембръ.

Сила звука зависитъ отъ длины колебаній (величины размаховъ, амплитуды) звучащаго тѣла. Невооруженнымъ глазомъ можно видѣть, какъ по мѣрѣ уменьшенія величины размаховъ струны, напр. гитары или рояля, утихаетъ и звукъ. Слѣдовательно, въ графическихъ изображеніяхъ сила звука находится въ связи съ высотой горокъ и глубиной долинокъ

Рис. 5.

кривой. Такъ, звукъ, дающій волну А (рис. 5), значительно слабѣе, чѣмъ звукъ, дающій волну В при остальныхъ равныхъ условіяхъ, такъ какъ амплитуда звука А двое меньше, чѣмъ амплитуда звука В (ордината a—b=$^1/_2$ c—d). При одновременномъ звучаніи двухъ звуковъ А съ одинаковой амплитудой (a—b), одинаковымъ періодомъ (формой колебаній) и одинаковой фазой (т. е. волна обоихъ начинается одновременно горкою въ точкѣ e) получается въ результатѣ звукъ В, въ кривой котораго ордината c—d вдвое длиннѣе a—b и соотвѣтственно сила его больше. Понятно, что терминъ сила относится къ слуховымъ ощущеніямъ, а амплитуда къ звуковымъ волнамъ, слѣдовательно и къ волнамъ кривой.

Въ звукахъ языка сила (амплитуда колебаній) обусловливается степенью энергіи, съ которой токъ воздуха, выдавливаемый изъ легкихъ, надавливаетъ на голосовыя связки или другія (при производствѣ ротовыхъ шумовъ) мѣста преграды, и соотвѣтствующимъ сопротивленіемъ этихъ частей току воздуха. По отношенію къ силѣ звуки рѣчи опредѣляются какъ сильный (fortis), слабый (lenis), усиливающійся (crescendo), ослабѣвающій (decrescendo) и т. д.

Ухо вообще мало способно различать болѣе мелкія градаціи въ силѣ звуковъ, хотя конечно болѣе сильныя колебанія воздуха вызываютъ и въ барабанной перепонкѣ, слуховыхъ косточкахъ и пр. болѣе сильныя движенія, слѣдовательно и болѣе сильныя раздраженія слухового нерва.

Высота звуковъ рѣчи.

Высота звука зависитъ отъ быстроты колебаній (числа колебаній въ секунду) движущагося тѣла, производящаго звуковыя волны, въ связи съ чѣмъ находится и длина волнъ звуковыхъ, потому что звуковыя волны воздуха распространяются съ опредѣленной постоянной быстротой: болѣе высокіе звуки производятся болѣе короткими волнами, такъ какъ происходятъ отъ болѣе быстрыхъ колебаній.

При записи звуковыхъ волнъ на равномѣрно передвигающейся полоскѣ бумаги кривая отъ звука b (рис. 8), который на октаву выше звука a, описываетъ 2 полныхъ (двустороннихъ) колебанія въ то время, какъ кривая отъ звука a описываетъ одно колебаніе. Кривая отъ звука a рис. 9, который на дуоде-

циму выше звука b, описываетъ 3 полныхъ колебанія въ то время, какъ кривая отъ звука b описываетъ одно колебаніе.

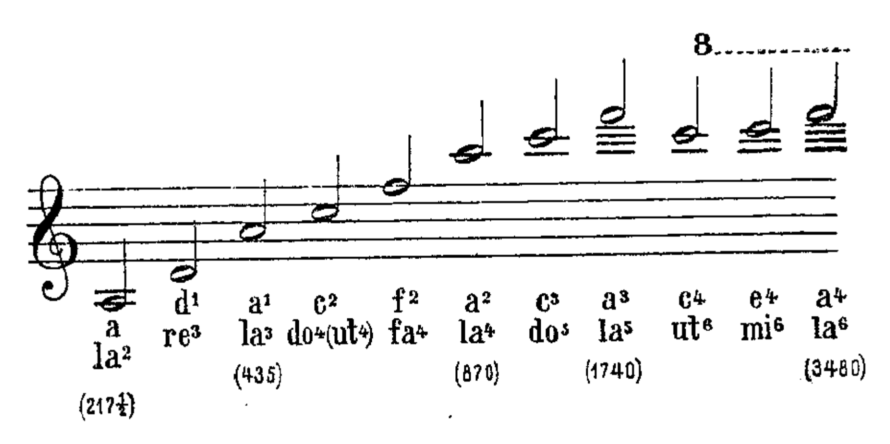
Въ струнахъ быстрота колебаній зависитъ отъ длины колеблющейся части струны и отъ степени напряженія струны. Чѣмъ короче струна и чѣмъ сильнѣе натянута струна, тѣмъ быстрѣе повторяются колебанія и тѣмъ выше звукъ.

Если подложить подставку подъ середину струны монохорда, гитары или скрипки, и затѣмъ привести смычкомъ или пальцемъ половинку струны въ колебанія, то число колебаній половинки будетъ вдвое больше, чѣмъ число колебаній всей струны (половинка производитъ два колебанія въ то время, когда вся струна производитъ одно колебаніе), вслѣдствіе чего и звукъ половинки на октаву выше звука всей струны. Треть струны колеблется втрое быстрѣе, чѣмъ вся струна, и звукъ ея на дуодециму выше. Четверть струны производитъ въ четыре раза больше колебаній и звукъ ея на двѣ октавы выше звука всей струны, и т. д.

Такимъ образомъ, если вся струна даетъ la^3 (по нѣмецкой системѣ a^1) т. е. 435 двустороннихъ колебаній, то $^1/_2$ струны даетъ la^4 (a^2) или 870 двустороннихъ колебаній, $^1/_3$ струны даетъ mi^5 (e^3) съ 1305 колебаніями, $^1/_4$ струны—la^5 (a^3) или 1740 колебаній, $^1/_5$ струны—do^6 (c^4) діезъ или 2175 колебаній и пр.

Если вся струна даетъ c (do^2), то $^1/_2$—c^1 (do^3), $^1/_3$—g^1 (sol^3), $^1/_4$—c^2 (do^4), $^1/_5$—e^2 (mi^4), $^1/_6$—g^2 (sol^4), $^1/_7$—b^2 (si^4 бемоль), $^1/_8$ —c^3 (do^5) и т. д.

Для пониманія соотношеній французской (итальянской) и нѣмецкой системы необходимо имѣть въ виду, что французскія ut^1 (do^1) до si^1 соотвѣтствуютъ нѣмецкой «большой» октавѣ C до H, французскіе ut^2—si^2 соотвѣтствуютъ нѣмецкой «малой» октавѣ (c—h), французскіе ut^3—si^3 нѣмецкимъ c^1—h^1 и т. д. Въ болѣе высокихъ октавахъ при переводѣ съ нѣмецкаго на французское обозначеніе нужно прибавлять 2, и наоборотъ. При опредѣленіи высоты звуковъ въ языкѣ пользуются конечно точнымъ камертономъ. Если не требуется особой точности, можно пользоваться и роялемъ, удостовѣрившись предварительно въ правильности настройки при помощи нормальнаго камертона съ 435 двусторонними колебаніями на la^3 (a^1). Для облегченія прибавляю нотныя обозначенія нѣкоторыхъ звуковъ.

Такія же повышенія звука получаются и отъ увеличенія напряженія струны, вслѣдствіе чего струна, выведенная изъ прямого положенія, стремится быстрѣе къ прямолинейному положенію и по инерціи быстрѣе переходитъ на другую сторону. Въ струнахъ высота звука пропорціональна квадратному корню изъ натягивающей тяжести, а въ голосовыхъ связкахъ въ гортани—изъ силы напрягающихъ мышцъ, которая конечно не можетъ быть точно опредѣлена.

Въ звукахъ рѣчи высота голоса или быстрота колебаній голосовыхъ связокъ зависитъ отъ длины и степени натянутости голосовыхъ связокъ. Эти измѣненія въ гортани производятся особыми мышцами. Кромѣ того нѣкоторое повышеніе, до одного или полутора тона, получается при усиленіи давленія тока воздуха на голосовыя связки, т. е. при увеличеніи силы звука, такъ какъ болѣе сильный токъ выводитъ голосовыя связки дальше изъ прямолинейнаго положенія, слѣдовательно растягиваетъ, напрягаетъ ихъ больше. На струнахъ такое небольшое повышеніе замѣчается, если для приведенія струны въ колебаніе вывести ее значительно изъ прямого положенія. Поэтому наши самые высокіе звуки голоса мы можемъ произносить только forte. Голосовыя связки у женщинъ и дѣтей короче и тоньше, чѣмъ у взрослыхъ мужчинъ, почему голосъ мужчинъ ниже.

Тембръ звуковъ.

Звукъ бываетъ рѣдко простымъ, какъ напр. звукъ камертона, состоящій изъ простыхъ маятниковыхъ колебаній воздуха

Только такіе простые звуки называются тонами; а слово звукъ я употребляю ниже въ смыслѣ сложнаго звука. При записи колебаній вѣтви большого камертона на поверхности равномѣрно передвигаемаго листа бумаги (рис. 6) получается равномѣрная волнообразная кривая съ однообразными фигурами горокъ и долинокъ, которыя ясно видны черезъ лупу.

Рис. 6.

Въ природѣ звуки, въ томъ числѣ всѣ звуки человѣческой рѣчи, слагаются изъ многихъ простыхъ тоновъ, называемыхъ въ этомъ случаѣ парціальными тонами. Такой (сложный) звукъ воспринимается обыкновенно слухомъ какъ одинъ простой, нераздѣльный звукъ. При этомъ высота звука опредѣляется высотой самаго сильнаго парціальнаго тона, называемаго основнымъ тономъ. А другіе парціальные тоны, называемые побочными тонами (обертонами), придаютъ основному тону ту или другую окраску, тембръ. Въ тембрѣ заключается различіе между звуками одной высоты скрипки, флейты, органа, человѣческаго голоса, а также между гласными *а*, *е*, *о*, *і* и пр., произносимыми на одну ноту (высоту). Различія тембра обусловлены тѣмъ, какіе именно побочные тоны входятъ въ составъ звука и какова относительная сила каждаго изъ нихъ. Нужно замѣтить, что употребительное названіе «обертонъ» для побочнаго тона ошибочно тѣмъ, что не всегда побочные тоны бываютъ выше основного тона, т.е. самаго сильнаго парціальнаго тона.

Въ музыкальномъ звукѣ число колебаній гармоническихъ верхнихъ побочныхъ тоновъ (или гармоникъ, обертоновъ) превышаетъ число колебаній основного тона въ 2, 3, 4, 5 и пр. разъ, т. е. они являются по отношенію къ основному тону октавой, дуодецимой и пр. Слѣдовательно, второй гармоническій обертонъ будетъ квинтой перваго обертона (2:3) и дуодецимой къ основному, третій обертонъ — квартой второго, четвертый обертонъ — большой терціей третьяго и пр. Такъ, къ основному звуку do^2 возможны верхнія гармоники: $do^3 + sol^3 + do^4 + mi^4 + sol^4 + la^4$ діезъ и т. д. (см. стр. 108).

О формѣ періода колебаній такого (сложнаго) звука и его отношеніи къ маятниковымъ кривымъ составляющихъ его отдѣльныхъ тоновъ можно составить себѣ нѣкоторое представленіе по рисункамъ 8—10.

При присутствіи высокихъ обертоновъ и отсутствіи низкихъ, звукъ производитъ на слухъ впечатлѣніе рѣзкости и крикливости, напр. звукъ скрипки; присутствіе преимущественно низкихъ обертоновъ дѣлаетъ звукъ мягкимъ, полнымъ и негромкимъ, какъ напр. звукъ деревянной органной трубы или большого колокола.

Въ присутствіи въ музыкальномъ звукѣ гармоническихъ обертоновъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго опыта: Нажавъ педаль рояля, чтобы всѣ струны могли свободно колебаться освободившись отъ демпферовъ, ударить клавишу (лучше изъ болѣе низкихъ) и вскорѣ послѣ удара прикосновеніемъ руки задержать колебанія ударенной струны. Тогда слышно звучаніе и видно колебаніе тѣхъ струнъ, число колебаній которыхъ въ 2, 3, 4 и пр. раза больше числа колебаній ударенной струны. Слѣдовательно, колеблются тѣ струны, которыя являются верхними гармониками къ ударенной струнѣ. Ясно, что въ звукѣ ударенной струны присутствуютъ эти колебанія (тоны) и они привели въ колебаніе тѣ струны, которыя колеблются съ одинаковой съ этими тонами быстротой.

Этотъ опытъ можно произвести и такъ: Нажать осторожно напр. клавишу re^2 (d) или la^2 (a) или re^3 (d^1) правой рукой, не производя звука, только освобождая струну отъ демпфера. Затѣмъ, не отнимая руки, чтобы эта струна могла свободно колебаться, ударить лѣвой рукой re^1 (D) и снять затѣмъ лѣвую руку. Послѣ этого струна, клавиша которой нажата правой рукой, звучитъ. Если же нажать правой рукой mi^2 (e) или fa^2 (f), то послѣ удара re^1 (D) эти струны молчатъ, такъ какъ въ re^1 нѣтъ побочныхъ тоновъ mi^2 или fa^2, могущихъ привести эти струны въ сочувственныя колебанія.

Указанные опыты объясняются тѣмъ, что ударяемая струна колеблется не только по всей длинѣ, но помимо этихъ колебаній, колеблются еще двѣ половинки въ отдѣльности, и каждая изъ нихъ издаетъ октаву (вдвое больше колебаній) къ звуку всей струны (основному). Кромѣ этого каждая треть струны колеблется въ отдѣльности втрое быстрѣе всей струны, слѣдовательно

издаетъ дуодециму къ основному звуку или второй обертонъ къ нему, и т. д. Ср. рис. 7. Въ этихъ колебаніяхъ по половинкамъ, третямъ, четвертямъ и пр. струны можно легко убѣдиться, если легкимъ и быстрымъ прикосновеніемъ пальца къ самой срединѣ h (рис. 7) колеблющейся струны f—g привести средину въ покой. Тогда колебанія во всю длину струны остановятся, но колебанія струны по половинкамъ f—h и h—g, по четвертямъ и пр. продолжаются, такъ какъ точка прикосновенія пальца пришлась въ узловомъ пунктѣ движеній половинокъ. Такимъ образомъ послѣ прикосновенія слышится уже звукъ, который на октаву выше звука всей струны. Если прикосновеніемъ пальца остановить движеніе струны въ одной изъ двухъ узловыхъ точекъ между третями (i), то колебанія струны во всю длину и по половинкамъ и четвертямъ остановятся, а по третямъ продолжаются, слѣдовательно струна издаетъ вторую гармонику т. е. дуодециму основного звука.

Такимъ же образомъ колеблются въ цѣломъ и по частямъ звучащія перепонки и воздухъ въ поломъ сосудѣ, хотя здѣсь могутъ быть и разные негармоническіе побочные тона, въ зависимости отъ устройства и формы перепонки или сосуда.

Въ предыдущихъ опытахъ получаемыя отъ ударенной струны звуковыя волны приводятъ въ сочувственныя колебанія тѣ струны, которыя колеблются съ такой же быстротой, какъ вся наводящая струна, или $^1/_2$ или $^1/_3$ или $^1/_4$ и пр. ея, т. е. высота которыхъ одинакова съ высотой парціальныхъ тоновъ наводящей струны. Впрочемъ, если только одинъ изъ парціальныхъ тоновъ свободной струны совпадаетъ съ однимъ изъ парціальныхъ тоновъ ударяемой струны, то свободная струна можетъ также придти въ сочувственное колебаніе, но по частямъ: звучитъ именно тотъ парціальный тонъ свободной струны, который совпадаетъ съ парціальнымъ тономъ ударяемой струны. Такъ, когда ударяется C(do^1), свободная струна G(sol^1) приходитъ въ колебаніе, но издаетъ не звукъ G(sol^1), а g(sol^2), т. е. октавой выше, такъ какъ не G(sol^1), а g(sol^2) является гармоникой какъ къ звуку C(do^1), такъ и къ звуку G(sol^1), или, что то же: такъ какъ въ числѣ частичныхъ колебаній струны C(do^1) есть такія колебанія, которыя соотвѣтствуютъ колебаніямъ струны G(sol^1) по половинкамъ, но нѣтъ такихъ, которыя одинаковы и слѣдовательно могли бы привести въ колебаніе во всю длину

струну G(sol[1]). Поэтому струна G начинаетъ колебаться только въ обѣихъ половинахъ, съ узломъ въ срединѣ, но не колеблется во всю длину. Это и понятно. Тѣ же толчки воздуха, которые сначала стали приводить струну G въ колебанія во всю длину, вслѣдствіе разности въ быстротѣ колебаній дѣйствуютъ затѣмъ въ обратномъ направленіи, останавливаютъ эти колебанія, и такъ далѣе попеременно.

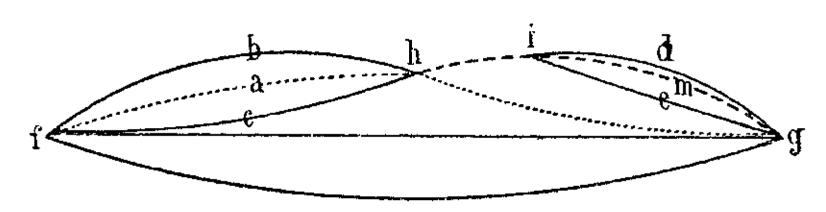
Но не всѣ гармоническіе обертоны присутствуютъ въ каждомъ музыкальномъ звукѣ, и этимъ обусловливается различіе въ тембрѣ музыкальныхъ звуковъ. Тембръ звука зависитъ именно отъ того, какіе побочные тоны сопровождаютъ основной тонъ и какова относительная сила каждаго изъ нихъ. Сообразно съ этимъ измѣняется и форма колебаній воздуха или форма періода, къ разсмотрѣнію которой мы и переходимъ.

Сложеніе звуковыхъ волнъ.

Не нужно однако думать, чтобы каждый парціальный тонъ передавался отдѣльной звуковой волной. Если бы это и было возможно, то всетаки въ механизмѣ слуховыхъ косточекъ и въ штифтикѣ діафрагмы фонографа и пр. получались бы отсюда движенія лишь въ одномъ направленіи, и нарѣзы (углубленія) валика фонографа не могли бы воспроизводить такихъ звуковыхъ волнъ.

Въ струнѣ колебанія напр. половинокъ (f—h, h—g, рис. 7) могутъ выразиться лишь въ томъ, что эти колебанія увеличиваютъ или уменьшаютъ то движеніе этихъ половинокъ, которое обусловлено колебаніемъ всей струны (f — g), такъ что напр. вмѣсто положенія a въ извѣстный моментъ колебанія всей струны f — g является положеніе b или c или промежуточныя между ними, т. е. наложеніе колебаній половинокъ на колебанія всей струны. Такъ же колебанія трети струны, напр. i—g, въ любой точкѣ этой трети, кромѣ двухъ крайнихъ, узловыхъ точекъ ея

Рис. 7.

(i и g), увеличиваютъ (d) или уменьшаютъ (e) то отклоненіе (m) этой точки отъ прямой линіи f—g, которое обусловлено суммой или разницей отклоненій, вызванныхъ колебаніемъ всей струны и колебаніемъ половинокъ ея, и т. д.

Если бросить въ спокойную поверхность озера нѣсколько камней, то волны отъ паденія каждаго расходятся концентрическими кругами и при встрѣчѣ начинаютъ скрещиваться. При этомъ отдѣльныя частицы воды не имѣютъ поступательнаго движенія, а движутся лишь вверхъ и внизъ. Въ каждой отдѣльной точкѣ поверхности воды при встрѣчѣ повышеній круговъ обѣ горки суммируются, получается наложеніе одной волны на другую. При встрѣчѣ двухъ долинокъ получается углубленіе, равное суммѣ углубленій обѣихъ волнъ. Въ тотъ моментъ, когда въ одной точкѣ совпадаютъ горка одной и долинка другой волны, поверхность этой точки представляетъ или повышеніе или пониженіе, смотря по тому, больше ли горка одной волны или долинка другой волны, и насколько.

Звуковыя волны, вызываемыя въ окружающемъ воздухѣ однообразнымъ колебаніемъ звучащаго тѣла напр. камертона, представляютъ подобныя же попеременныя уплотненія и разрѣженія воздуха, но онѣ расходятся шарообразно изъ центра, источника звука. И если одновременно раздается нѣсколько тоновъ, какъ напр. отъ сложнаго колебанія струны, то въ любой точкѣ или небольшомъ пространствѣ, напр. въ діафрагмѣ фонографа или въ барабанной перепонкѣ уха, вмѣсто маятниковыхъ равномѣрныхъ усиленій и ослабленій давленія, какъ отъ камертона, получаются повторяющіеся одинаковые періоды давленій. А періодъ можетъ состоять изъ нѣсколькихъ колебаній разной длины и быстроты, смотря по тому, изъ какихъ простыхъ маятниковыхъ волнъ онъ составляется.

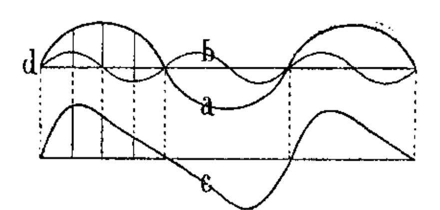
Сложную періодическую форму колебаній можно разложить на опредѣленные ряды опредѣленныхъ маятниковыхъ колебаній, соотвѣтствующихъ тѣмъ парціальнымъ тонамъ, изъ которыхъ составляется данный звукъ (см. ниже).

При помощи особыхъ приспособленій слуховой органъ производитъ этотъ анализъ звуковыхъ волнъ въ каждомъ звукѣ, хотя обыкновенно не воспринимается сознательно каждый парціальный тонъ въ отдѣльности. Но если одновременно раздаются разные знакомые звуки, съ разнымъ тембромъ и съ достаточной силой, напр. пѣніе и аккомпаниментъ, флейта и корнетъ, то звуки каж-

даго обыкновенно воспринимаются въ отдѣльности, хотя звуковая волна и здѣсь должна быть одна, сложная, періодическая. Это неспособность анализировать звукъ на парціальные тоны объясняется психической неразвитостью уха, привыкшаго звуки голоса и рояля сознавать какъ отдѣльныя единицы, а потому умѣющаго выдѣлять ихъ, но не привыкшаго выдѣлять составныя части голоса, такъ какъ онѣ раздаются всегда вмѣстѣ. Впрочемъ, при особомъ развитіи слуха, врожденномъ или пріобрѣтенномъ посредствомъ упражненій, воспринимаются въ большей или меньшей степени и нѣкоторые составные тоны голоса и звуковъ рѣчи.

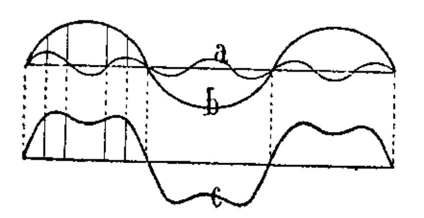
Изъ извѣстнаго числа парціальныхъ тоновъ опредѣленной силы и высоты, обусловливающихъ тембръ звука, можно форму колебаній этого звука опредѣлить геометрически, сложивъ колебанія ихъ. Такъ, если кромѣ основного тона a (рис. 8) присутствуетъ еще тонъ b, который на октаву выше a, но одинаковой съ нимъ амплитуды и одинаковой фазы (т. е. горка или долинка обоихъ начинается одновременно въ точкѣ d), то въ результатѣ получается звуковая волна c съ тѣмъ же періодомъ, что a, видоизмѣненнымъ меньшей волной b; т. е. періодическая кривая c слагается изъ маятниковыхъ колебаній a и b. При этомъ тамъ, гдѣ кривыя a и b находятся на одной сторонѣ горизонтальной линіи, т. е. гдѣ горки или долинки ихъ совпадаютъ, высота ихъ слагается, а гдѣ a и b находятся на противоположныхъ сторонахъ горизонтальной, т. е. гдѣ горка одного парціальнаго тона совпадаетъ съ долинкой другого, b, какъ меньшая, вычитывается изъ a (долинка побочнаго тона уменьшаетъ горку основного тона, и горка побочнаго тона уменьшаетъ долинку основного тона).

Рис. 8.

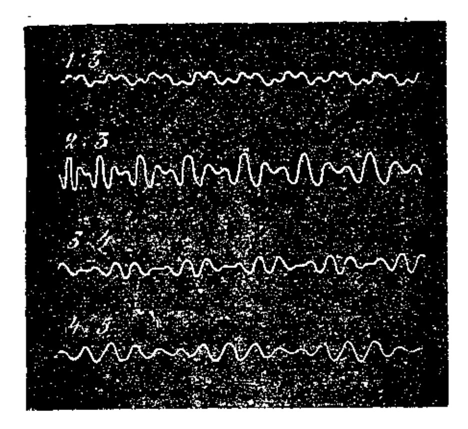

Такимъ же образомъ при сложеніи двухъ волнъ b и a (рис. 9) одинаковой амплитуды и фазы, но числа колебаній которыхъ относятся другъ къ другу какъ 1 : 3, получается въ результатѣ періодъ c съ другой формой колебаній, чѣмъ въ предыдущемъ рисункѣ. См. тотъ же періодъ на рис. 10.

Рис. 9.

При сложеніи двухъ простыхъ тоновъ одинаковой фазы и приблизительно одинаковой амплитуды, число колебаній которыхъ относится другъ къ другу какъ 2 : 3, получается въ результатѣ указанная на рис. 10 форма колебаній періода, состоящаго изъ одной большой и двухъ меньшихъ горокъ.

Рис. 10.

При одновременномъ звучаніи двухъ тоновъ при такихъ же условіяхъ, отношеніе чиселъ колебаній которыхъ равно 3 : 4 (рис. 10), получается періодъ, состоящій изъ двухъ бóльшихъ и двухъ меньшихъ горокъ. Изъ сложенія двухъ тоновъ, отношеніе колебаній которыхъ равно 4 : 5, является періодъ, состоящій изъ трехъ бóльшихъ и двухъ меньшихъ горокъ, какъ на рис. 10, и т. д. Конечно при измѣненіи относительной амплитуды слагаемыхъ тоновъ измѣняется и форма кривой.

Такимъ образомъ, въ зависимости отъ состава звука и относительной силы каждаго изъ составныхъ тоновъ, измѣняется и форма періода, которая тѣмъ сложнѣе, чѣмъ больше простыхъ тоновъ слагаютъ его. Только одинаковые по составу звуки имѣютъ одинаковыя формы періодовъ, слѣдовательно даютъ и одинаковыя кривыя при записи. Поэтому если даны слагающіеся тоны (маятниковыя колебанія), то можно найти графически и посредствомъ вычисленій соотвѣтствующіе періоды, и наоборотъ, можно разложить кривую колебаній звука на простыя маятниковыя колебанія и найти посредствомъ вычисленій тѣ простые парціальные тоны, изъ которыхъ слагается данный (сложный) звукъ.

Къ сожалѣнію звуки рѣчи крайне сложны, состоятъ изъ многочисленныхъ тоновъ разной силы, такъ что простымъ глазомъ можно по кривой опредѣлять лишь общій характеръ состава звуковъ рѣчи и общія характерныя различія звуковъ рѣчи другъ отъ друга по составу.

Интерференція. Біеніе. Шумы.

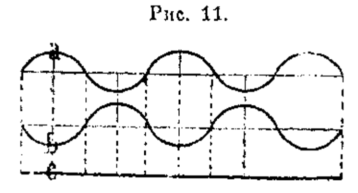
Природа шумовъ еще мало разслѣдована. Но въ виду того, что шумы составляютъ самую существенную часть звуковъ рѣчи, необходимо здѣсь вкратцѣ по возможности выяснить общій характеръ шумовъ въ физическомъ и физіологическомъ-акустическомъ отношеніи.

Нерѣдко въ шумѣ слышится одинъ или нѣсколько постоянныхъ или мѣняющихся тоновъ съ болѣе или менѣе опредѣленной высотой, и кромѣ того слышится особый элементъ—шумъ, неуловимый и въ тоже время явно ощущаемый. Этотъ шумъ самъ по себѣ можетъ имѣть не вполнѣ опредѣленную, или мѣняющуюся высоту; или же высота его не поддается совершенно опредѣленію. Если въ послѣднемъ случаѣ не выдѣляется опредѣленной высотой какой-нибудь составной тонъ, то никакихъ опредѣленій относительно высоты дѣлать нельзя. Это бываетъ напр. при моментальномъ шумѣ паденія камня на камень, особенно когда тоны слишкомъ низки или высоки, лежащіе слѣдовательно за предѣлами ясныхъ воспріятій.

Обыкновенно источникъ шумовъ — негармоническое отношеніе между составляющими ихъ простыми тонами. Впрочемъ неритмичность звуковой волны можетъ получаться и непосредственно изъ неритмическихъ колебаній источника, какъ отъ колеса телѣги при быстрой ѣздѣ по мостовой.

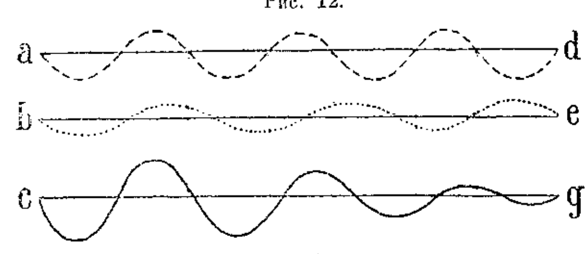
Изъ предыдущаго понятно, что если слагаются маятниковыя волны a и b (рис. 11) одинаковой скорости (высоты) и амплитуды (силы), но разной фазы, именно такъ, что волна a начинается въ половинѣ волны b, то онѣ другъ друга уничтожаютъ и теоретически не получается никакого звука. Линія c, какъ результатъ сложенія этихъ волнъ, указываетъ на отсутствіе колебаній. Это явленіе наблюдается напр., когда держать звучащій камертонъ въ полъоборота передъ ухомъ. Звука тогда почти не слышно, такъ какъ въ этомъ направленіи волны отъ обѣихъ вѣтвей камертона взаимно уничтожаются. При вращеніи камертона звукъ поэтому попеременно усиливается и ослабѣваетъ.

Рис. 11.

Если одновременно раздаются два тона a и b (рис. 12), изъ которыхъ a дѣлаетъ 7 двустороннихъ колебаній (на рисункѣ изображена половина ихъ, $3^1/_2$ двустороннихъ колебаній или 7 одностороннихъ колебаній) въ ту единицу времени, когда

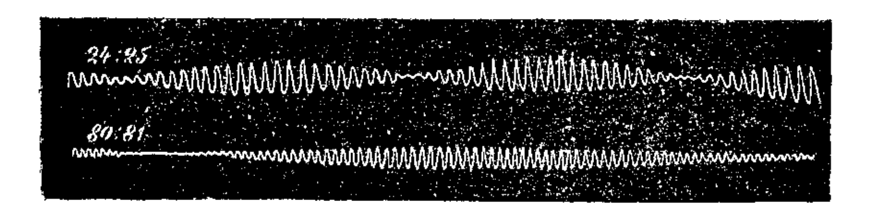
Рис. 12.

b дѣлаетъ 6 двустороннихъ колебаній (на рисункѣ 3 колебанія), такъ что a есть уменьшенная малая терція къ b, то очевидно время каждаго колебанія a нѣсколько меньше, чѣмъ время каждаго колебанія b. Поэтому понятно долинки тона a не могутъ постоянно совпадать съ долинками b. Перемѣщаясь постепенно сравнительно съ долинками b, въ срединѣ данной единицы времени, около d и e, долинка тона a совпадаетъ съ горкою тона b и они почти уничтожаютъ другъ друга. Такимъ образомъ является въ результатѣ волна c, которая, не измѣняясь въ высотѣ, но постепенно ослабѣвая (уменьшаясь въ амплитудѣ) начиная отъ c, около g почти совсѣмъ исчезаетъ, а затѣмъ начинаетъ вновь усиливаться. Это постепенное усиленіе и ослабленіе звука называется «біеніемъ» по акустическому эффекту, производимому на нашъ слухъ, особенно когда моменты усиленія слѣдуютъ не слишкомъ быстро другъ за другомъ, т. е. когда разница между числомъ колебаній обоихъ тоновъ не велика, напр. 80 и 81, 500 и 501 и пр. Если въ данную единицу времени a дѣлалъ бы 14 полныхъ колебаній, а b 12, то очевидно интерференція происходила бы дважды въ теченіе этой единицы времени.

Въ рисункѣ 13 изображены непеpіодическія звуковыя волны,

Рис. 13.

получаемыя отъ соединенія двухъ тоновъ съ 24 и 25 колебаніями и съ 80 и 81 колебаніями въ единицу времени. Такая непе*ріодическая волна, которая при большей длинѣ въ сущности тоже періодическая, получается при соединеніи всякихъ тоновъ, которые между собою негармоничны, т. е. число колебаній которыхъ не находится въ отношеніи 1:2:3:4:5 и пр.

Простой приборъ, наглядно показывающій, какъ вліяютъ другъ на друга колебанія, не вполнѣ совпадающія по времени, можно устроить такъ: нитка аршина въ три привязывается двумя концами хотя бы къ спинкамъ двухъ высокихъ стульевъ такъ, что она не совсѣмъ туго натянута. Около средины ея, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, привязываются къ ней 2 отвѣсныя нитки разной длины, не доходящія до пола, на нижнихъ концахъ которыхъ привязаны напр. по тяжелой пуговкѣ. Если движеніемъ руки вывести одновременно оба импровизированные такимъ образомъ маятника изъ отвѣснаго положенія и выпустить ихъ, то они начинаютъ качаться, причемъ горизонтальная нитка принимаетъ участіе въ этомъ качаніи. Чѣмъ меньше разница въ длинѣ между отвѣсными нитками—маятниками, тѣмъ дольше онѣ будутъ качаться совмѣстно. Но постепенно качанія ихъ расходятся, болѣе длиный маятникъ начинаетъ все больше отставать. Вмѣстѣ съ тѣмъ движенія горизонтальной нитки въ обѣ стороны уменьшаются и изъ однообразныхъ маятниковыхъ дѣлаются сложными, такъ какъ оба маятника въ одни моменты качанія совмѣстно тянутъ ее въ одну сторону, въ другіе моменты въ разныя стороны (интерференція). Когда наконецъ оба маятника качаются въ противоположныя стороны, то горизонтальная нитка почти совсѣмъ останавливается, подаваясь лишь немного движеніямъ болѣе длиннаго или болѣе тяжелаго маятника и этими движеніями постепенно пріостанавливаетъ движенія другого маятника. Постепенно оба маятника приходятъ опять въ совмѣстныя колебанія и боковыя качанія горизонтальной нитки усиливаются, пока снова движенія обоихъ маятниковъ не расходятся. Конечно, разница съ дѣйствіемъ двухъ негармоничныхъ тоновъ здѣсь между прочимъ въ томъ, что оба тона могутъ все время продолжаться съ одинаковой силой, между тѣмъ какъ качаніе по инерціи маятниковъ постепенно ослабѣваетъ. Нужно еще обратить вниманіе на одно обстоятельство. Если разница во времени качанія обоихъ маятниковъ очень невелика, то подъ

вліяніемъ движеній горизонтальной нитки напр. болѣе легкій маятникъ примѣняется къ движеніямъ другого, ускоряя или замедляя свои качанія подъ его вліяніемъ, такъ что оба маятника качаются все время вмѣстѣ. Подобное приспособленіе очень существенно во всякихъ резонаторахъ: собственныя колебанія воздушнаго столба могутъ нѣсколько измѣняться подъ вліяніемъ близкихъ по высотѣ тоновъ, приводящихъ резонаторъ въ звучаніе.

Смотря по тому, какъ быстро слѣдуютъ другъ за другомъ моменты усиленія звука, мы получаемъ разныя акустическія впечатлѣнія. Когда моменты усиленія слѣдуютъ другъ за другомъ медленно, то слышится постепенное усиленіе и ослабленіе звука. Когда они повторяются напр. черезъ каждыя $^1/_2$ секунды, напр. при 500 и 502 колебаніяхъ въ секунду, воспринимаются «толчки» или «удары». При большей разности въ числѣ колебаній, когда толчки слѣдуютъ быстрѣе другъ за другомъ, ощущается «барабаненіе». Еще чаще повторяемые толчки даютъ ощущеніе «дрожанія»; а около 33 интерференцій въ секунду даютъ непріятное ощущеніе «дисгармоніи», слышится звукъ, колеблющійся въ высотѣ, и кромѣ того новый элементъ ощущенія—«шумъ». При дальнѣйшемъ увеличеніи разности въ высотѣ (въ числѣ колебаній) между раздающимися тонами, они становятся наконецъ въ гармоническое отношеніе, въ отношеніе малой терціи, затѣмъ большой терціи, кварты и т. д., и шумъ отсутствуетъ.

Для опытовъ можно пользоваться двумя камертонами, высоту которыхъ можно по желанію измѣнять передвижными гирками, или же можно пользоваться духовыми язычковыми камертонами съ мѣняющейся высотой. Въ послѣднемъ случаѣ конечно имѣется дѣло не съ простыми тонами, а съ (сложными) звуками.

Ухо обладаетъ такими приспособленіями, что оно разлагаетъ каждый періодъ звуковой волны на составные тоны. Такъ какъ извнѣ, объективно даются намъ лишь два тона или звука, то очевидно новый элементъ, шумъ, возникаетъ въ нашемъ слуховомъ аппаратѣ. Его происхожденіе объясняется такъ. Каждый тонъ приводитъ въ созвучныя колебанія тѣ волокна membrana basiliaris (основанія Кортіева органа въ улиткѣ, см. ниже § 3), которымъ свойственно то же число колебаній, какъ этому тону. Вмѣстѣ съ этими волокнами приходятъ въ колебанія и ближай-

шія смежныя къ нимъ волокна этой мембраны. Если оба раздающіеся тона очень близки по высотѣ, то и созвучащія волокна настолько близки, что находящіяся между ними промежуточныя волокна получаютъ импульсы съ двухъ сторонъ, не совпадающіе вполнѣ по числу колебаній. Эти движенія сталкиваются, останавливаютъ другъ друга (интерферируютъ), и снова распространяются колебанія то съ одной, то съ другой стороны. Отъ такихъ неправильныхъ колебаній промежуточныхъ волоконъ мы получаемъ ощущеніе, называемое шумомъ. Дѣйствіе этихъ безпорядочныхъ колебаній промежуточныхъ волоконъ на слуховые нервы иногда настолько непріятно, что ощущается боль, заставляющее закрывать уши.

При сочетаніи негармоническихъ звуковъ интерферируютъ не только основные, но и побочные тоны другъ съ другомъ, такъ что описанное явленіе происходитъ одновременно въ разныхъ частяхъ membrana basiliaris, чѣмъ и усиливается эффектъ интерференціи.

Шумъ осложняется еще комбинаціонными тонами, особенно дифференціальными. Два простыхъ одновременно звучащихъ сильныхъ тона могутъ образовать новый тонъ—дифференціальный или разностный тонъ, число колебаній котораго равно разности чиселъ колебаній первоначальныхъ тоновъ. Если происходятъ два тона, отношеніе между которыми равно квинтѣ (т. е. какъ 2:3), напр. c^1 и g^1, или квартѣ (3:4), напр. g^1 и c^2 и т. д., то слышится дифференціальный тонъ, относящійся къ нимъ какъ 1, т. е. къ даннымъ примѣрамъ слышится тонъ c. Происхожденіе его объясняется тѣмъ, что мѣста совпаденія горокъ (моменты усиленій) дѣйствуютъ на органъ слуха какъ особые колебательные импульсы, происходящіе въ извѣстные болѣе медленные промежутки, такъ какъ число совпаденій горокъ равняется разности чиселъ колебаній первоначальныхъ т. е. объективно данныхъ тоновъ. Эти вновь развивающіеся тоны могутъ, комбинируясь съ образующими ихъ первоначальными тонами, дать новые разностные тоны. Положимъ въ звукахъ рѣчи съ камбинаціонными тонами пока считатьсья не приходится. Но возможность ихъ вліянія на акустическій эффектъ нужно имѣть въ виду при анализѣ звуковъ рѣчи.

Въ шумныхъ звукахъ рѣчи различаются шумы: 1) мгновенный взрывъ или лопаніе, какъ *п*, *т*, *к*, *д*; 2) длительный

свистъ или шипѣніе, какъ *с*, *ш*, *х*, *ф*, *з*, *в* и пр., 3) длительное барабаненіе въ раскатистомъ *р*; 4) соединеніе взрыва со свистомъ или шипѣніемъ, какъ *ц*, *ч*; 5) соединеніе барабаненія съ шипѣніемъ какъ въ чешскомъ ř. При каждомъ изъ нихъ можетъ присутствовать и голосъ и другіе болѣе слабые шумы. Въ языкѣ готтентотовъ и пр. существуетъ еще звукъ 6) щелканія, при которомъ языкъ присасывается къ небу и затѣмъ вдругъ отрывается.

Синтезъ звуковъ рѣчи. Фонографъ.

Если извѣстно, изъ какихъ парціальныхъ тоновъ состоятъ напр. гласные *а*, *е*, *о* и пр. и какова относительная сила каждаго изъ нихъ, то можно и искусственнымъ образомъ составлять эти гласные. Такіе опыты производились посредствомъ органныхъ трубъ, посредствомъ синтетическаго камертоннаго аппарата Helmholtz'а, усовершенствованнаго Кенигомъ и пр. Этотъ аппаратъ состоитъ изъ системы камертоновъ, приводимыхъ въ постоянныя колебанія электромагнитами. По мѣрѣ открыванія отверстій резонаторовъ, соединенныхъ съ камертонами, эти резонаторы усиливаютъ звуки соотвѣтствующихъ камертоновъ. Такимъ образомъ можно быстро получать одновременно разные тоны съ желательной силой. На этомъ аппаратѣ производится болѣе или менѣе удовлетворительно большинство гласныхъ. Напр. гласный *а* Гельмгольцъ составлялъ изъ основного тона $\mathfrak{b}$, умѣренныхъ $\mathfrak{b}^1$ и $\mathfrak{f}^2$ и сильныхъ $\mathfrak{b}^2 + \mathfrak{d}^3$. Болѣе совершенный аппаратъ для искусственнаго составленія гласныхъ, это сирена Кенига для составленія гласныхъ.

Въ синтетическихъ аппаратахъ звуки рѣчи получаются не вполнѣ удовлетворительно, что объясняется частію тѣмъ, что эти аппараты располагаютъ обыкновенно только гармоническими тонами, между тѣмъ какъ звуки рѣчи содержатъ всегда и негармоничные между собой тоны. Кромѣ того составъ звуковъ рѣчи еще не выясненъ съ достаточной точностію. Искусственный синтезъ звуковъ имѣетъ для языковѣдѣнія вообще лишь второстепенное значеніе, можетъ служить повѣркою правильности произведеннаго анализа.

Самый простой способъ синтеза гласныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый совершенный, слѣдующій: поднявъ крышку піанино или рояля и нажавъ ногой педаль, чтобы струны могли свободно

вибрировать, произносятъ громко эти гласные. Звуковыя волны приводятъ тѣ струны, которыя соотвѣтствуютъ парціальнымъ тонамъ даннаго гласнаго, съ соотвѣтствующей силой въ сочувственныя колебательныя движенія, и долго послѣ прекращенія голоса слышится еще этотъ гласный, производимый совмѣстными колебаніями этихъ струнъ. Если подыскать соотвѣтствующіе имъ клавиши и наложить на нихъ маленькія гирки для освобожденія этихъ струнъ отъ демпферовъ, то безъ нажима педали получается данный гласный и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется составъ его. При этомъ нужно не мѣнять высоты голоса при произношеніи.

Конечно, искусственное воспроизводство рѣчи посредствомъ фонографа представляетъ не синтезъ звуковъ, а лишь воспроизводство волнъ воздуха. Фонографъ такъ распространенъ, что въ описаніи не нуждается. Замѣчу только, что при записи рѣчи на фонографѣ звуковыя волны приводятъ въ соотвѣтствующія колебанія пластинку записывающей «діафрагмы». Къ ней прикрѣпленъ штифтъ—рѣзецъ, который производитъ на поверхности вращающагося валика фонографа нарѣзы, состоящіе изъ углубленій разной глубины и длины. Каждое углубленіе съ находящимся съ нимъ рядомъ возвышеніемъ представляетъ двустороннюю звуковую волну т. е. долинку и горку. Чѣмъ сильнѣе звукъ, тѣмъ больше амплитуда волнъ и тѣмъ глубже нарѣзы. Чѣмъ выше звукъ, тѣмъ быстрѣе происходятъ колебанія воздуха и тѣмъ короче каждое углубленіе нарѣза. Самая форма углубленія должна соотвѣтствовать формѣ колебаній звуковой волны, такъ что углубленія нарѣза валика при записи звука, указаннаго въ рис. 8, имѣютъ форму с, при записи звуковъ, указанныхъ въ рис. 10, 13, имѣютъ форму этихъ кривыхъ и т д. Впрочемъ обыкновенные фонографы записываютъ форму колебаній далеко не точно. Лучшія записи получаются на дорогомъ громоздкомъ фонографѣ Эдиссона новой конструкціи. Отъ равномѣрности вращенія валика, качества состава валика, чуткости и правильности дѣйствія записывающей пластинки (діафрагмы) и связаннаго съ ней рѣзца зависитъ точность формы нарѣза, слѣдовательно и вѣрность воспроизводимыхъ имъ звуковыхъ волнъ.

При воспроизводствѣ рѣчи на фонографѣ тупой штифтъ воспроизводящей діафрагмы, скользящій по бороздкѣ вращающагося валика, заставляетъ прикрѣпленную къ нему пластинку продѣлывать тѣ же колебанія, которыя пластинка дѣлала при записи.

Отъ пластинки эти колебанія передаются окружающему воздуху и такимъ образомъ получаются такія же волны воздуха, какія были при записи. Отсюда понятно, какую роль долженъ играть въ будущемъ фонографъ въ языковѣдѣніи, дающій возможность черезъ столѣтія въ точности воспроизводить звуковую рѣчь. Для этой цѣли уже устроены въ Вѣнѣ Phonogramm-Archiv и въ Парижѣ Musée phonographique. Но несовершенство записи и непрочность фонограммъ оставляютъ еще желать многаго.

Физическій анализъ звуковъ рѣчи. (Экспериментальная фонетика въ области физической стороны языка).

Слухъ рѣдко различаетъ побочные тоны, т. е. воспринимаетъ ихъ въ отдѣльности. Для опредѣленія ихъ употребляются разные аппараты, напр. чуткіе камертоны, настроенные на разную высоту. Звучащій камертонъ держатъ передъ раскрытымъ ртомъ при произволствѣ гласнаго напр. очень слабымъ выдыханіемъ. Если собственной звукъ полости рта содержитъ парціальный тонъ, равный собственному тону камертона, то звукъ камертона усиливается ротовой полостью какъ резонаторомъ.

Съ той же цѣлью употребляются резонаторы—полые шары изъ мѣди или целлулоида (рис. 14), которые придѣланной

Рис 14.

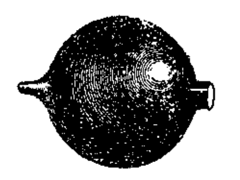
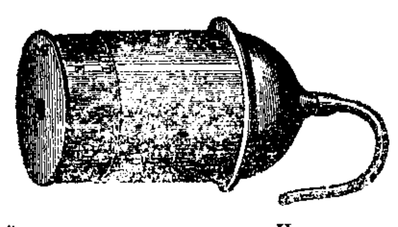

Рис. 15.

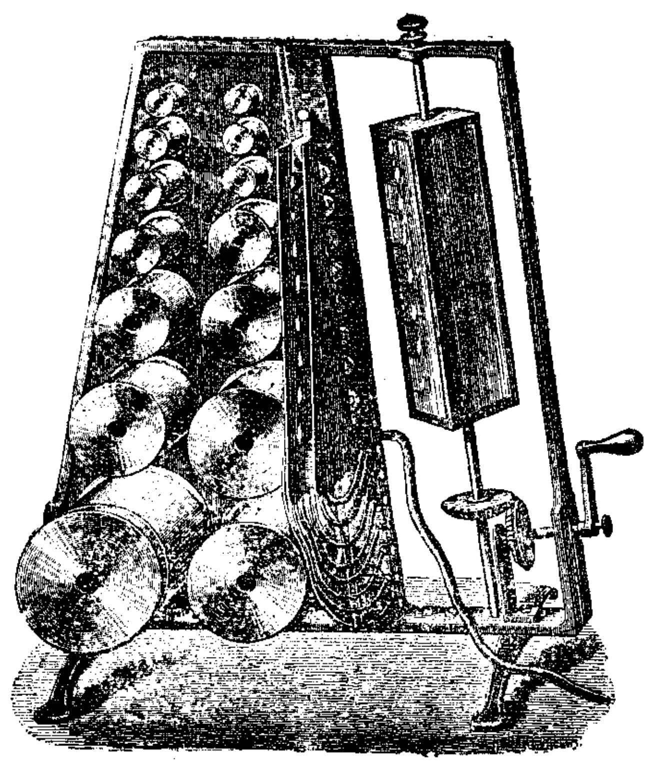

къ нимъ тонкой трубочкой вставляются въ ухо. Черезъ противоположное большое отверстіе волны воздуха приводятъ воздушный столбъ, заключенный въ резонаторѣ, въ сочувственныя колебанія: резонаторъ зазвучитъ, если въ числѣ парціальныхъ тоновъ звука есть такой, который совпадаетъ съ собственнымъ тономъ резонатора. Въ противномъ случаѣ резонаторъ молчитъ. Болѣе удобенъ вытяжной резонаторъ (рис. 15), который можетъ быть настроенъ на нѣсколько тоновъ и желательныя доли ихъ. Къ тонкому отверстію прикрѣплена каучуковая трубочка для проведенія звука къ уху. Для изслѣдованія нужна конечно система такихъ

резонаторовъ со всѣми тонами на нѣсколько октавъ. Но эти способы не даютъ вполнѣ точныхъ результатовъ, особенно относительно степени силы звука, притомъ они субъективны вслѣдствіе участія уха.

Особенно удобенъ для общаго анализа гласныхъ аналитическій аппаратъ Koenig'a (рис. 16), состоящій изъ системы такихъ резонаторовъ, какъ на рис. 15, расположенныхъ другъ надъ другомъ. Каждый резонаторъ можно настроить на нѣсколько тоновъ, полутоны и четверти тона и пр. При произ-

Рис. 16.

водствѣ передъ аппаратомъ звука, резонаторы, соотвѣтствующіе парціальнымъ тонамъ его, зазвучатъ. Отъ противоположнаго узкаго отверстія каждаго резонатора проведена по каучуковой трубкѣ съ неподатливыми стѣнками къ маленькой коробкѣ, передающей посредствомъ эластичной стѣнки колебанія этого резонатора тому газовому пламени, которое соединено съ этой коробкой,

какъ описано ниже при рис. 17. Эти колебанія газоваго пламени отражаются на поставленномъ рядомъ вращающемся манометрическомъ зеркалѣ въ видѣ зубцовъ на верхнемъ краѣ свѣтлой полосы отъ этого пламени. (На рис. 16 зеркало неподвижно, поэтому въ немъ видна не полоса, а отражается только каждое пламя). На рис. 20 показаны снимки такихъ пламенъ. Разница лишь въ томъ, что въ описываемомъ здѣсь аппаратѣ пламя даетъ равныя камертонныя колебанія, такъ какъ каждый резонаторъ передаетъ только одинъ тонъ. Пламя тѣхъ резонаторовъ, которые не звучатъ, слѣдовательно тоны которыхъ не содержатся въ анализируемомъ звукѣ, не колеблется и потому отражается въ манометрическомъ зеркалѣ въ видѣ свѣтлой полосы съ ровнымъ верхнимъ краемъ. Работать съ этимъ аппаратомъ очень удобно. Слабая сторона его заключается въ томъ, что силу каждаго парціальнаго тона приходится опредѣлять на глазъ, по высотѣ зазубринъ въ свѣтлыхъ полоскахъ на манометрическомъ зеркалѣ. Для большей точности можно дѣлать съ нихъ моментальные фотографическіе снимки. При такихъ опытахъ въ лабораторіи Русело мы обозначали степенъ силы каждаго тона, опредѣляемую на глазъ, цифрами, прибавляемыми къ записи тона въ видѣ коэффиціента.

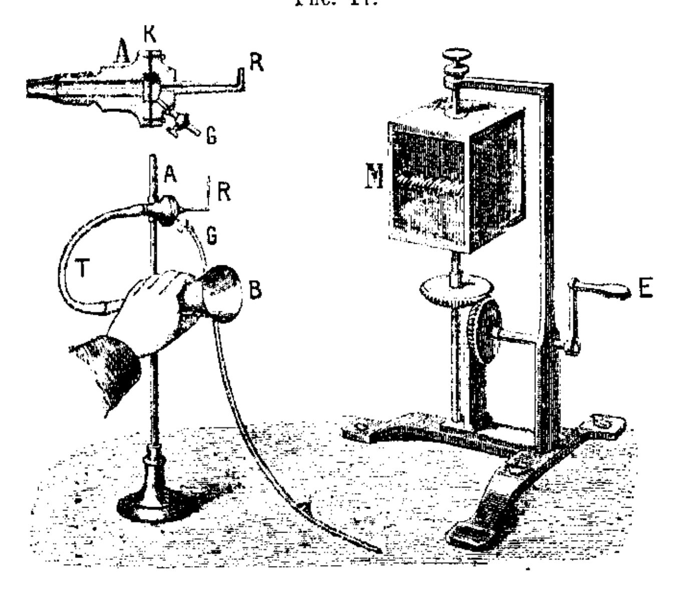
Анализъ состава гласныхъ производится еще посредствомъ анализа кривыхъ отъ звуковыхъ волнъ на составляющія ихъ маятниковыя волны (стр. 116), соотвѣтствующія парціальнымъ тонамъ звуковъ. Для этого измѣряютъ періоды гласныхъ и разлагаютъ ихъ затѣмъ посредствомъ математическихъ вычисленій по ряду Фурье. Нужно однако замѣтить, что всѣ эти пріемы изслѣдованія состава гласныхъ не дали еще вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Къ изслѣдованію состава согласныхъ еще порядкомъ не приступлено. Возникаютъ даже сомнѣнія въ принципіальной вѣрности способовъ изслѣдованія, въ разсмотрѣніе которой я здѣсь не вхожу.

Записи звуковыхъ волнъ производятся для этой цѣли разными способами, которые однако всѣ допускаютъ извѣстныя неточности вслѣдствіе инерціи записывающаго механизма, собственныхъ колебаній (тоновъ) его, или нечувствительности пластинокъ, пламени и пр.

Весьма удобенъ приборъ Кенига для манометрическаго пламени (рис. 17), дѣлающій форму колебаній звуковыхъ волнъ

доступной глазу и фотографическому аппарату. Звуки произносятся въ воронку B (рис. 17), соединенную посредствомъ каучуковой трубки T съ коробкой A, прикрѣпленной къ штативу. Внутри коробки A (см. помѣщенный нѣсколько выше разрѣзъ

Рис. 17.

коробки A въ менѣе уменьшенномъ видѣ) звуки входятъ въ камеру, перегороженную упругой перепонкою K. За этой перегородкой находится другая половинка камеры, въ которую входитъ свѣтильный газъ изъ газопровода черезъ каучуковую трубку G. Изъ камеры газъ выходитъ въ зажженную горѣлку R. Колебанія воздуха передаются черезъ трубку T эластичной перегородкѣ K, которая въ свою очередь передаетъ эти колебанія проходящей за нею струѣ газа, вслѣдствіе чего являются такія же колебанія въ высотѣ газоваго пламени. Эти колебанія отражаются въ поставленномъ рядомъ манометрическомъ зеркалѣ M, которое приводится рукой въ вращательное движеніе посредствомъ рукоятки E. На рисункѣ изображена полоска пламени, какъ она получается при вращеніи зеркала. Снимки такого отраженія колеблющагося пламени при произношеніи въ воронку гласныхъ помѣщены ниже на рис. 20. Такимъ образомъ характерную форму колебаній (періода) каждаго звука рѣчи можно видѣть во вращающемся манометрическомъ зеркалѣ въ видѣ

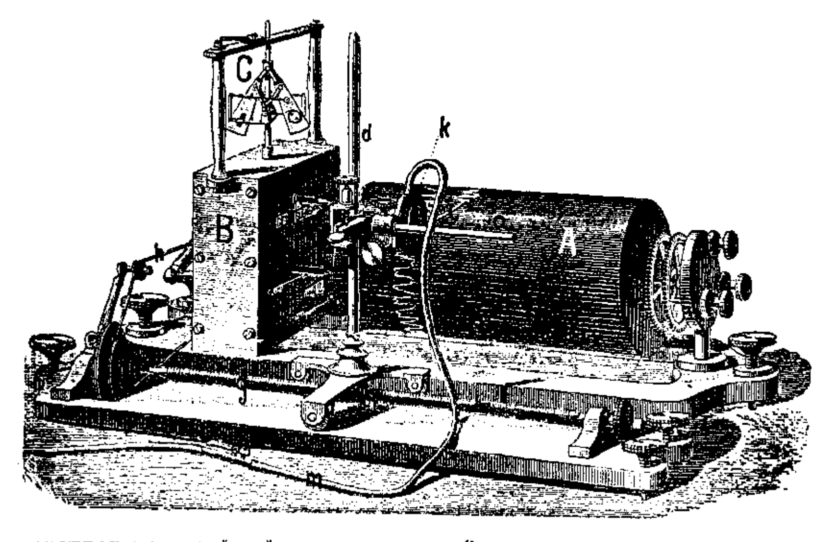
зазубринъ верхняго края свѣтовой полосы, представляющей отраженіе пламени.

Такія же кривыя можно получать посредствомъ аппарата, въ которомъ колеблющаяся перепонка коробки снабжена маленькимъ зеркальцемъ, измѣняющимъ свое направленіе въ соотвѣтствіи съ колебаніями перепонки. Отраженный зеркальцемъ лучъ передаетъ колебанія вращающемуся зеркалу или непосредственно фотографическому аппарату особаго устройства (см. стр. 131).

Для записи звуковыхъ волнъ лингвисты пользуются различными аппаратами, но эти различія не имѣютъ принціальнаго значенія. Въ настоящее время употребляютъ обыкновенно аппараты, которыми пользуются и въ физіологіи для регистрированія мелкихъ быстрыхъ движеній, особенно аппаратъ (кимографъ), похожій на большой фонографъ, съ разными варіаціями въ деталяхъ. Рис. 18 представляетъ снимокъ съ такого аппарата, построеннаго Verdin'омъ.

Цилиндръ A, рис. 18, приводится въ равномѣрное вращеніе часовымъ механизмомъ B съ регуляторомъ Фуко C. Штативъ d

Рис. 18.

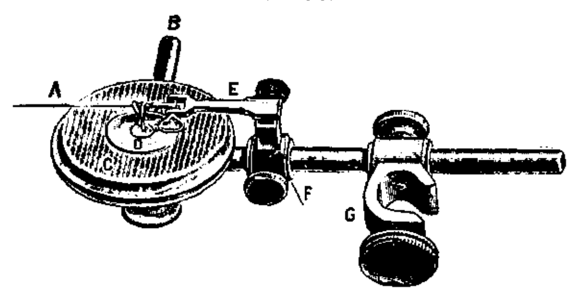

покоится на телѣжкѣ, передвигаемой равномѣрно вправо при помощи винтового нарѣза длинной оси g, которая приводится въ быстрое вращеніе посредствомъ привода h, соединеннаго съ наружнымъ колесомъ часового механизма B. На привинченной

къ штативу горизонтальной вѣтви о привинчивается записывающій барабанчикъ k, въ который воздухъ проводится черезъ каучуковую трубку m. Съ одной стороны барабанъ k обтянутъ податливой каучуковой перепонкой, которая выпячивается по мѣрѣ давленія воздуха внутри барабана.

Устройство такого записывающаго барабана видно на рис. 19. Къ срединѣ перепонки C, рис. 19, приклеенъ маленькій метал-

Рис. 19.

лическій кружокъ D, соединенный посредствомъ тонкой проволоки съ рычажкомъ A, который держится на шарнирѣ въ концѣ неподвижной вѣтви E такъ, что можетъ свободно слѣдовать за каждымъ движеніемъ перепонки. При помощи винта F можно измѣнять разстояніе между шарниромъ и мѣстомъ сцѣпленія рычажка съ перепонкой, вслѣдствіе чего измѣняется степень увеличенія размаховъ свободнаго конца рычажка A и слѣдовательно измѣняется общая амплитуда записи на цилиндрѣ. Для удлиненія рычажка на тонкій конецъ его надѣвается тонкая соломинка (*i* рис. 18), къ концу которой приклеивается маленькій острый и твердый наконечникъ, напр. щепочка гусинаго пера, которымъ рычажекъ производитъ запись на цилиндрѣ. На металлическую трубочку B, рис. 19, проводящую воздухъ въ барабанъ, натягивается конецъ резиновой трубы m, рис. 18. Посредствомъ винта G, рис. 19, весь этотъ записывающій приборъ (записыватель, inscripteur, enregistreur) привинчивается къ вѣтви о штатива d, рис. 18.

Для пріема записи цилиндръ A, рис. 18, обтягивается вплотную листомъ плотной очень гладкой бумаги, которая затѣмъ покрывается копотью при помощи свѣчки съ толстымъ фитилемъ. Острый наконечникъ рычажка *i* своимъ легкимъ прикосновеніемъ снимаетъ копоть и оставляетъ поэтому при вращеніи цилиндра

бѣлый слѣдъ своихъ колебаній въ обѣ стороны въ видѣ безпрерывной кривой. Такимъ образомъ волны кривой изображаютъ въ увеличенномъ видѣ движенія перепонки записывателя, слѣдовательно звуковыя волны, проводимыя въ камеру записывателя посредствомъ трубки m, рис. 18. Волны собираются посредствомъ воронки (см. B рис. 17), наставленной на другой конецъ трубки m и не совсѣмъ плотно прижимаемой ко рту такъ, чтобы она не мѣшала движеніямъ губъ. При собираніи волнъ изъ носовой полости вмѣсто воронки къ резиновой трубкѣ прикрѣпляется наконечникъ, имѣющій форму оливки и вставляемый вплотную въ ноздрю. Телѣжка штатива d можетъ быть освобождаема отъ сцѣпленія съ винтовымъ нарѣзомъ оси *g*, и въ такомъ случаѣ можетъ свободно переставляться рукой, что необходимо, когда одновременно производится запись нѣсколькихъ барабановъ, привинченныхъ рядомъ къ вѣтви o. Тогда запись производится въ одинъ оборотъ барабана. Если нужна болѣе длинная запись, то рядомъ съ цилиндромъ A ставится параллельно другой такой же но свободный цилиндръ, и на нихъ натягивается такъ называемая безконечная бумага.

Записывающіе барабаны бываютъ разной величины, съ разными варіаціями въ деталяхъ, по требованію обстоятельствъ. Перепонки ихъ бываютъ разной плотности и состава, но обыкновенно резиновыя. Цилиндръ приводится въ вращательное движеніе или посредствомъ часового механизма, притомъ съ пружиной, какъ въ данномъ аппаратѣ, или съ гирями, или посредствомъ электрическаго двигателя. Въ данномъ аппаратѣ возможна лишь троякая быстрота вращенія. Бываютъ аппараты съ любой быстротой.

Получаемыя на этихъ аппаратахъ записи звуковыхъ волнъ обыкновенно очень мелки и не совсѣмъ точны. Изучать ихъ можно при помощи лупы и микроскопа. Онѣ служатъ обыкновенно для опредѣленія лишь общихъ качествъ звуковыхъ волнъ рядомъ съ кривыми, регистрирующими движенія органовъ рѣчи, о чемъ будетъ сказано ниже въ отдѣлѣ физіологіи рѣчи.

На обыкновенномъ фонографѣ звуковыя волны производятъ на вращающемся валикѣ углубленія разной формы, соотвѣтствующія кривымъ записи. Посредствомъ микроскопа можно изучать эти нарѣзы валика, и посредствомъ рычага можно переводить ихъ на бумагу въ видѣ кривой съ желательной степенью

увеличенія. Для этого можно пользоваться аппаратомъ, показаннымъ на рис. 18, причемъ аппаратъ и вмѣстѣ съ нимъ цилиндръ A ставится стоймя, вертикально. При этомъ рычажекъ *i* получаетъ свои движенія не отъ барабана, а отъ тупого штифта, который скользитъ по нарѣзу медленно вращающагося валика фонографа, поставленнаго горизонтально передъ цилиндромъ A, совершенно такъ же, какъ скользитъ штифтъ воспроизводящаго барабана (reproducteur) фонографа. Своимъ подвижнымъ концомъ рычагъ *i* описываетъ на цилиндрѣ A фигуры, представляющія углубленія нарѣза валика въ увеличенномъ видѣ.

Рис. 20.

Впрочемъ вмѣсто записи на цилиндрѣ, съ штифтомъ, скользящимъ по нарѣзу валика, соединяютъ при помощи шарнира маленькое зеркальце такъ, что по мѣрѣ углубленія нарѣза зеркальце измѣняетъ свое направленіе. На зеркальце бросаютъ яркій лучъ, отраженіе котораго рисуетъ фигуры углубленій на большомъ вращающемся цилиндрѣ, покрытомъ свѣточувствительной бумагой. Такимъ образомъ получается кривая съ желательнымъ увеличеніемъ и точная (опыты Hermann'a), такъ какъ лучъ представляетъ длинный рычагъ безъ вѣса и безъ инерціи.

Участіе фонографа представляетъ то удобство, что посредствомъ воспроизводства на немъ рѣчи можно провѣрять точность записей. Но въ то же время эти механизмы сравнительно тяжелы и потому работаютъ менѣе точно. Конечно, фонографъ долженъ быть самый совершенный,

На рисункѣ 20 показаны фотографическіе снимки отраженныхъ въ манометрическомъ зеркалѣ (см. рис. 17 *M*) пламенъ гласныхъ *a*, *e*, *i*, *o*, *u*. Верхній край отраженія изображаетъ послѣдовательно высоту пламени при колебаніяхъ его. Слѣва поставлена мѣрка a—b, показывающая высоту пламени при покойномъ состояніи его, т. е. когда въ аппаратъ не произносятъ звука, вслѣдствіе чего пламя не колеблется и отраженіе его въ вращающемся зеркалѣ представляетъ свѣтлую полоску съ ровными краями. Гласные эти напѣвались на ноту c^1. На каждомъ изображеніи пламени нанесена кривая, которая представляетъ углубленія нарѣза валика фонографа при томъ же гласномъ, переведенныя въ увеличенномъ видѣ на бумагу посредствомъ рычажка, какъ выше описано. Изъ сравненія этой кривой съ кривой пламени можно судить о несовершенствѣ этихъ аппаратовъ, не говоря уже о томъ, что высокіе тоны характернаго шума совершенно исчезаютъ въ этихъ изображеніяхъ.

§ 3. Органы слуха и функціи ихъ въ языкѣ.

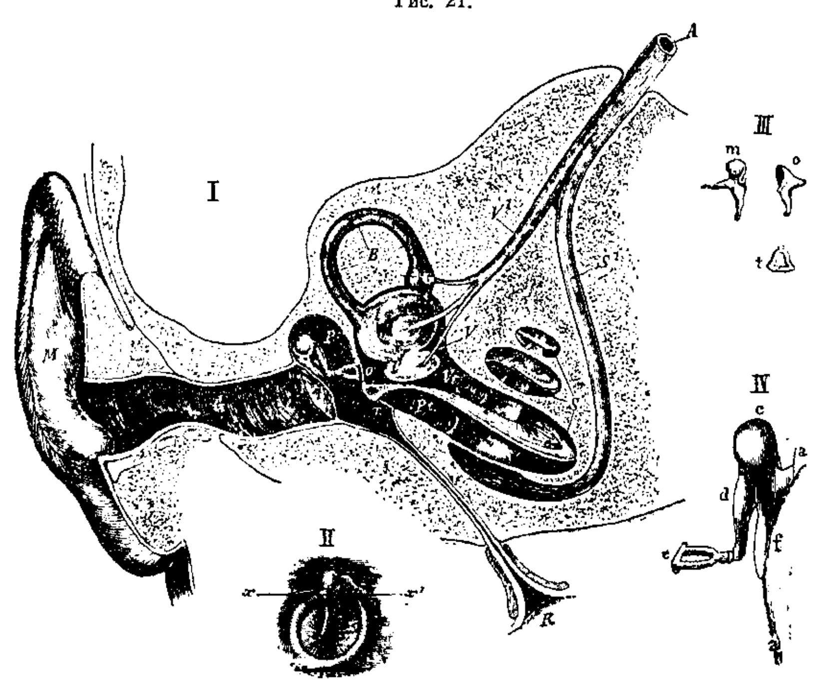
Изъ всѣхъ аппаратовъ, анализирующихъ звуковыя волны, наше ухо несравненно самый совершенный. Поэтому изученіе устройства и дѣятельности его крайне поучительно для устройства всякихъ искусственныхъ аппаратовъ, служащихъ для записи и анализа звуковъ рѣчи. Но главное значеніе уха для языка заключается конечно въ томъ, что функціи его являются составной частью нашего звукового языка.

Въ помѣщенномъ здѣсь (рис. 21 I) схематическомъ разрѣзѣ праваго уха нѣсколько измѣнены величина и положеніе нѣкоторыхъ частей. Такъ подножка стремени должна быть въ горизонтальномъ положеніи (при которомъ задняго колѣна стремени не было бы видно на рисункѣ), а ось улитки въ дѣйствительности обращена горизонтально верхушкою къ виску.

Всѣ части уха, кромѣ наружной, хрящевой, заключены въ твердой костяной стѣнкѣ черепа, въ такъ называемой скалистой кости. Наружное ухо состоитъ изъ ушной раковины (auricula) *M*, рис. 21 I, и извилистого слухового прохода (meatus auditorius externus) *G*, заканчивающагося барабанной перепонкой (membrana tympani) *T*, рис. 21 I и II. Эта упругая, нерастяжимая, слабо натянутая круглая перепонка прикрѣплена

своими утолщенными краями въ костномъ желобкѣ (рис. 21 II). Она состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ концентрическихъ и радіальныхъ волоконъ и содержитъ многочисленные нервы, лимфатическіе и кровеносные сосуды. Роль ея аналогична съ ролью

Рис. 21.

діафрагмы фонографа или записывающаго барабанчика кимографа. Барабанная перепонка нѣсколько наклонна кнаружи и натянута не совсѣмъ плоско, а нѣсколько ниже середины она втянута внутрь приросшею къ ней длинной рукояткою f молоточка c (см. фиг. IV); а въ верхнемъ краѣ короткій отростокъ молоточка нѣсколько выпячиваетъ ее наружу.

Звуковыя волны, собираемыя раковиной, проходятъ черезъ внѣшній слуховой проходъ и приводятъ барабанную перепонку въ колебанія въ цѣломъ, соотвѣтствующія амплитудѣ и формѣ колебательныхъ движеній воздуха.

Среднее ухо состоитъ изъ барабанной полости (cavum tympani) *P*, окруженной костяной стѣнкой, покрытой слизистой оболочкой. Барабанная полость, наполненная воздухомъ,

сообщается съ наружнымъ воздухомъ посредствомъ Евстафіевой трубы R, оканчивающейся въ боковой стѣнкѣ задней части носовой полости, надъ мягкимъ небомъ (см. рис. 23, t). Евстафіева труба обыкновенно закрыта, но открывается напр. при глотаніи, причемъ ощущается трескъ въ ушахъ.

Въ барабанной полости помѣщаются приспособленія для превращенія колебаній внѣшняго воздуха въ колебанія жидкости внутренняго уха. Для этого въ костной стѣнкѣ, противоположной барабанной перепонкѣ, находится отверстіе, закрытое нѣжной уступчивой перепонкой, такъ называемое овальное окошечко (fenestra ovalis) o. Передача колебаній барабанной перепонки перепонкѣ овальнаго окошечка происходитъ при посредствѣ слуховыхъ косточекъ, соединенныхъ между собою сочлененіями, а именно: молоточка (malleus) (фиг. III m, IV c—f), наковальни (incus) (III o, IV d), и стремени (stapes) (III t, IVe). На рис. IV слуховыя косточки размѣщены въ обратномъ порядкѣ, такъ какъ размѣщеніе IV относится къ лѣвому уху.

Рукоятка молоточка, f IV, плотно срощена съ волокнами барабанной перепонки a—a IV. Въ своей верхней части с молоточекъ связанъ посредствомъ сочлененія съ наковальней такъ, что оба вмѣстѣ составляютъ угловой рычагъ (d—c—f IV). Эти косточки висятъ на связкахъ, прикрѣпленныхъ сверху и съ наружной стороны къ стѣнкамъ барабанной полости, такъ что обѣ вмѣстѣ могутъ двигаться, совмѣстно съ барабанной перепонкой, внутрь и кнаружи, причемъ воображаемая ось вращенія косточекъ ($x—x^1$ фиг. II) проходитъ нѣсколько ниже сочлененія ихъ, параллельно перепонкѣ. Такимъ образомъ движенія перепонки передаются молоточкомъ наковальнѣ и далѣе стремени с IV, укрѣпленному почти подъ прямымъ угломъ къ нижнему концу длиннаго отростка наковальни.

Сочлененіе молоточка съ наковальней устроено такъ, что наковальня не вынуждена слѣдовать за каждымъ движеніемъ молоточка и перепонки въ наружную сторону, а лишь во внутреннюю сторону, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ край молоточка нажимаетъ на зубецъ сочлененія наковальни (см. III), а въ первомъ случаѣ молоточекъ можетъ отдѣляться отъ зубца при сильномъ движеніи наружу. Этимъ избѣгается слишкомъ сильное сотрясеніе жидкости лабиринта при очень сильныхъ колебаніяхъ воздуха.

Подножка стремени соединена съ эластичной перепонкой овальнаго окошечка о фиг. I, за которой находится жидкость лабиринта. Такимъ образомъ ножка стремени можетъ вдавливать перепонку окошечка внутрь и передавать жидкости лабиринта движенія барабанной перепонки.

Молоточекъ и другія косточки служатъ между прочимъ демпферомъ, пріостанавливающимъ движенія по инерціи барабанной перепонки. Такъ какъ длинный отростокъ наковальни почти на треть короче рукоятки молоточка (см. IV), то въ той же мѣрѣ движенія стремени меньше движеній барабанной перепонки, а сила давленія по направленію къ лабиринту соразмѣрно больше. Кромѣ того значительный приростъ силы обусловленъ тѣмъ, что площадь барабанной перепонки значительно больше площади подножки стремени. Такое увеличеніе силы около 30 разъ необходимо въ виду большей плотности жидкости лабиринта сравнительно съ воздухомъ.

Изъ мышцъ слуховыхъ косточекъ заслуживаетъ особеннаго вниманія напрягатель барабанной перепонки (tensor tympani), прикрѣпленный съ внутренней стороны къ молоточку, нѣсколько ниже оси вращенія его (на рисункѣ не обозначенъ). При сокращеніи этой мышцы рукоятка молоточка и связанная съ нею барабанная перепонка оттягиваются внутрь, вслѣдствіе чего перепонка напрягается больше и становится менѣе чувствительной, т. е. труднѣе приходитъ въ сочувственныя колебанія, чѣмъ при слабомъ напряженіи ея. Такимъ образомъ безсознательнымъ сокращеніемъ этой мышцы ограждаются нервныя окончанія въ лабиринтѣ отъ слишкомъ сильныхъ толчковъ, которые получались бы отъ сильныхъ колебаній жидкостя лабиринта, и вообще получается возможность слышать меньше нежелательные звуки, особенно непріятные шумы. Кромѣ того барабанная перепонка, какъ всякая натянутая перепонка или струна, имѣетъ свои собственные тоны, т. е. свойственную ей быстроту колебаній. Если дѣйствующія на такую перепонку звуковыя волны своими парціальными тонами соотвѣтствуютъ собственнымъ тонамъ перепонки, то онѣ вызываютъ очень сильныя сочувственныя колебанія перепонки, въ остальныхъ случаяхъ—сравнительно слабыя. Эта неравномѣрность устраняется главнымъ образомъ дѣйствіемъ мышцы tensor tympani, которая, усиливая или ослабляя напряженіе барабанной перепонки, этимъ

самымъ измѣняетъ и собственныя колебанія ея. Благодаря этому перепонка пріобрѣтаетъ между прочимъ способность усиливать воспріимчивость къ очень слабымъ звукамъ, примѣняясь къ нимъ своими собственными тонами.

Внутреннее ухо или лабиринтъ окруженъ со всѣхъ сторонъ костной массой. Только въ двухъ мѣстахъ находятся отверстія, закрываемыя эластичными перепонками: указанное выше овальное окошечко *o*, рис. I, и нѣсколько ниже круглое окошечко (fenestra rotunda) *r*.

Лабиринтъ дѣлится на 3 части: преддверіе V (рис. I), 3 полукружныхъ канала (изъ которыхъ на рисункѣ показанъ только одинъ каналъ B) и улитку S. Весь лабиринтъ наполненъ жидкостью—перилимфой. Въ ней плаваютъ поддерживаемыя связками перепончатыя полости, наполненныя въ свою очередь жидкостью, называемой эндолимфой. Онѣ составляютъ перепончатый лабиринтъ, который по формѣ соотвѣтствуетъ костному лабиринту. Сюда относятся въ преддверіи V 2 мѣшечка, изъ которыхъ одинъ, эллиптическій (utriculus) *l*, сообщается съ тремя перепончатыми полукружными каналами, помѣщающимися въ костныхъ полукружныхъ каналахъ (на рисункѣ показанъ только одинъ каналъ B). Другой, круглый мѣшечекъ (sacculus) *l'*, сообщается съ canalis cochlearis улитки. Оба мѣшечка сообщаются между собою.

Улитка (cochlea) S, рис. 21, представляетъ винтообразный каналъ, похожій на раковину улитки, который обвивается въ $2^1/_2$ раза вокругъ костяной оси. Каналъ этотъ раздѣляется во всю длину продольной перегородкой на два хода, которые только въ куполѣ улитки сообщаются между собою посредствомъ маленькаго отверстія. Перегородка с канала улитки ясно видна на рис. 21 I. Тотъ ходъ улитки, который представляетъ нижній ярусъ или ходъ канала, сообщается посредствомъ круглаго окошечка *r* съ барабанною полостью и называется барабанной лѣстницей (scala tympani) рис. 21 Pt. А лѣстницей преддверія (scala vestibule) называется верхній ходъ Vt, сообщающійся съ преддверіемъ V (vestibulum), въ которомъ находится овальное окошечко *o*.

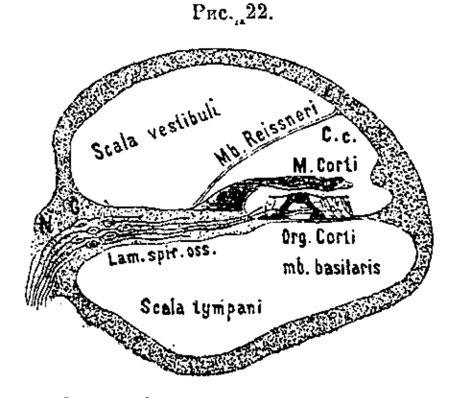
На рис. 22 показанъ поперечный разрѣзъ канала улитки. Перегородка канала, прикрѣпленная къ оси лабиринта въ G (рис. 22), со стороны оси костная (lamina spiralis ossea), а въ

противоположной сторонѣ кожистая, состоящая изъ сложныхъ мембранъ.

При каждомъ толчкѣ перепонки стремени въ овальномъ окошечкѣ жидкость лабиринта поддается вся цѣликомъ и движенiе это распространяется по всѣмъ путямъ его, отъ utriculus *l*, рис. 21, къ тремъ полукружнымъ каналамъ, и отъ sacculus *l*¹ по лѣстницѣ преддверiя до купола улитки, отсюда назадъ по барабанной лѣстницѣ, въ концѣ которой это движенiе выпячиваетъ перепонку круглаго окошечка *r* въ барабанную полость.

Вышеозначенную кожистую часть перегородки образуютъ 2 мембраны (см. рис. 22), прикрѣпленныя подъ угломъ къ костной перегородкѣ: основная мембрана (membrana basiliaris) со стороны барабанной лѣстницы, и Рейснерова перепонка (membrana Reissneri) со стороны вестибулярной лѣстницы (преддверiя). Заключенное между ними пространство образуетъ третiй ходъ или каналъ въ улиткѣ, который называется улитковымъ каналомъ въ тѣсномъ смыслѣ (canalis cochlearis) C.c., рис. 22. Въ этомъ каналѣ помѣщается Кортiевъ органъ (Org. Corti, см. также рис. 21 c), основанiемъ котораго служитъ membrana basiliaris. Натянутыя радiальныя волокна, образующiя основную мембрану, представляютъ какъ бы рядъ безчисленнаго множества параллельно расположенныхъ струнъ, которыя по мѣрѣ приближенiя къ куполу улитки все становятся длиннѣе. Каждое изъ волоконъ настроено на тонъ опредѣленной высоты, т. е. имѣетъ свойственное его длинѣ число колебанiй. Кортiевъ органъ состоитъ изъ многихъ тысячъ столбиковъ и цилиндрическихъ волосистыхъ клѣтокъ, которыя связаны съ названными волокнами membrana basiliaris такъ, что колебанiя каждаго волокна передаются и связаннымъ съ ними клѣткамъ. Въ этихъ клѣткахъ оканчиваются тонкими волокнами улитковые слуховые нервы. Идущiй изъ мозга слуховой нервъ (nervus acusticus) A, рис. 21, развѣтвляется передъ лабиринтомъ. Одна вѣтвь, улитковая (ra-

Рис. 22.

nius cochlearis) S[1], проникаетъ нѣсколькими развѣтвленіями черезъ ось улитки и костную перегородку въ клѣтки Кортіева органа (см. также рис. 22 N), а другая вѣтвь, V[1] рис. 21, направляется къ мѣшочкамъ и ампулламъ полукружныхъ каналовъ. Эта вѣтвь служитъ повидимому только для общихъ слуховыхъ ощущеній; кромѣ того черезъ нее получаются ощущенія движеній головы и равновѣсія.

Движенія волоконъ membrana basiliaris и связанныхъ съ ними клѣтокъ вызываютъ раздраженіе оканчивающихся въ каждой клѣткѣ окончаній слуховыхъ нервовъ, которое передается центральной нервной системѣ слуха въ видѣ слухового ощущенія. А звуки рѣчи апперципируются еще въ центрѣ Вернике какъ звуки языка въ словахъ.

Какъ тѣ струны рояля (или воздухъ въ резонаторахъ аналитическаго аппарата Кенига, стр. 125) приходятъ въ сочувственныя колебанія, которыя соотвѣтствуютъ по числу колебаній парціальнымъ тонамъ произносимыхъ надъ ними звуковъ рѣчи (стр. 123), точно такъ же отъ движеній жидкости лабиринта приходятъ въ сочувственныя колебанія тѣ изъ натянутыхъ радіальныхъ волоконъ membrana basiliaris и связанныя съ ними волосистыя клѣтки Кортіева органа, которымъ свойственна скорость колебаній, равная скорости колебаній отдѣльныхъ маятниковыхъ слагаемыхъ даннаго періода колебаній жидкости лабиринта, слѣдовательно и періода колебаній волнъ звуковъ рѣчи.

Такимъ образомъ ухо разлагаетъ сложные періоды звуковыхъ колебаній на составляющіе ихъ маятниковыя колебанія или парціальные тоны, которые проводятся каждый отдѣльными нервными волокнами и слѣдовательно могутъ и перципироваться раздѣльно. Огромнымъ количествомъ этихъ волоконъ и клѣтокъ объясняется, что ухо можетъ различать $^{1}/_{100}$ долю звука и больше. Однако обыкновенно разныя сочетанія парціальныхъ тоновъ мы апперципируемъ лишь въ совокупности, какъ одинъ звукъ съ извѣстнымъ тембромъ, а не каждый тонъ въ отдѣльности. Это объясняется психической неразвитостью слуха, обусловленной тѣмъ, что мы постоянно воспринимали эти тоны въ разныхъ сочетаніяхъ, но не въ раздѣльности. Да и сочетанія разныхъ звуковъ, слышанныхъ въ отдѣльности, мы воспринимаемъ въ значительной степени какъ одинъ сложный звукъ вслѣдствіе

ненадобности развивать слухъ для воспріятія каждаго въ раздѣльности.

Каждымъ составнымъ тономъ вызываются наибольшія сочувственныя колебанія того или тѣхъ волоконъ membrana basiliaris, собственный тонъ которыхъ вполнѣ совпадаетъ съ даннымъ тономъ. Но кромѣ того приходятъ еще въ колебанія настроенныя немного иначе смежныя волокна, тѣмъ слабѣе, чѣмъ дальше онѣ отъ первыхъ. Этимъ объясняется ощущеніе шума, о которомъ говорилось выше стр. 120, 121.

Предѣлъ воспріятія тоновъ лежитъ между 16—35,000 двусторонних колебаній въ секунду. Высота голоса обыкновенно лежитъ между 80—1,000 колебаній, въ рѣчи діапазонъ еще меньше. Но парціальные тоны шумовъ, входящіе въ составъ звуковъ рѣчи, доходятъ до нѣсколькихъ тысячъ колебаній въ секунду.

§ 4. Устройство и функціи органовъ рѣчи.

Для пониманія физіологіи органовъ рѣчи необходимы извѣстныя свѣдѣнія по анатоміи органовъ рѣчи.

Человѣческіе органы рѣчи можно раздѣлить на 4 главныя части: 1) легкія съ дыхательнымъ горломъ, 2) гортань, 3) полость рта, 4) полость носа. На рис. 23 изображены органы рѣчи въ вертикальномъ разрѣзѣ.

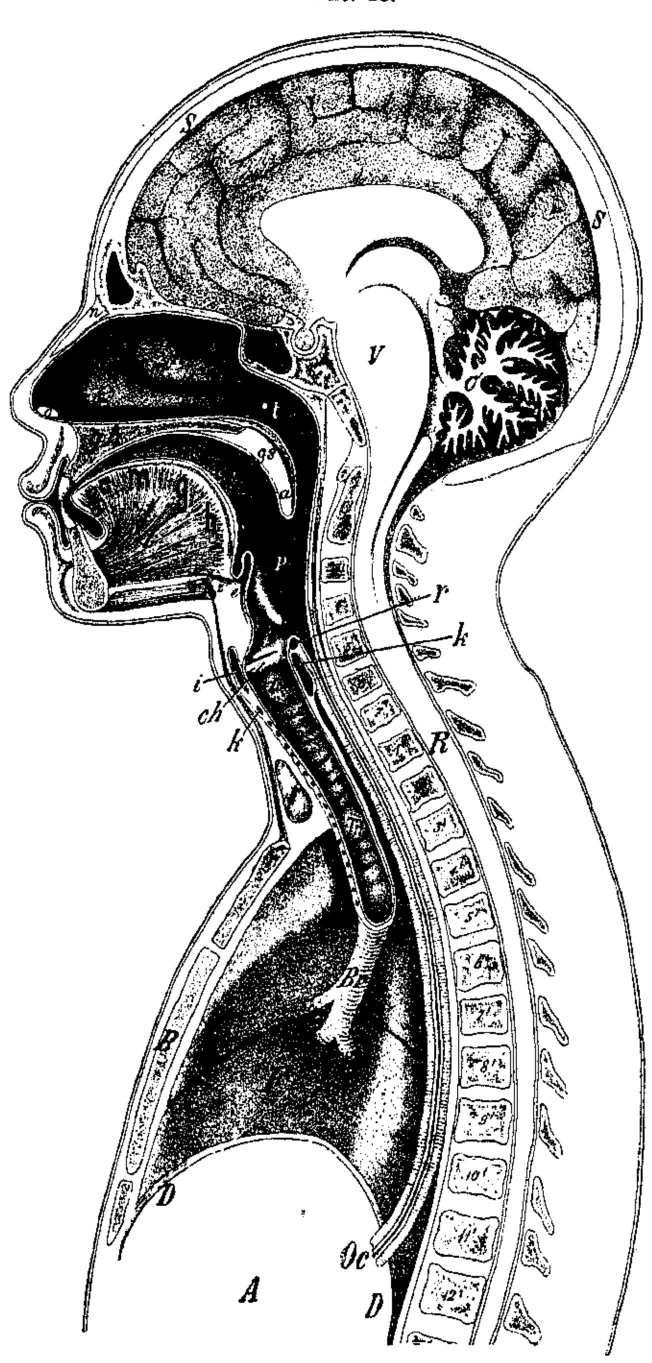
Легкія и функціи ихъ въ языкѣ.

Легкія (pulmones) прилегаютъ вплотную къ внутреннимъ стѣнкамъ грудной клѣтки и подпираются снизу выпуклой кверху грудобрюшной преградой (diaphragma), *D*, *D* рис. 23, отдѣляющей грудную полость отъ брюшной полости A.

Дыхательное горло (trachea) Tr, помѣщающееся впереди пищевода *Oc*, развѣтвляется внизу на двѣ бронхіальныя вѣтви, посредствомъ которыхъ оно сообщается съ правымъ и лѣвымъ легкими. На рис. 23 видна часть праваго легкаго *F* съ его бронхіальною вѣтвію Br. Вверху трахея заканчивается гортанью L. Воздухъ изъ легкихъ выходитъ наружу черезъ трахею, зѣвъ *P* и полость рта и полость носа.

Покойное вдыханіе производится автоматически расширеніемъ грудной полости посредствомъ поднятія реберъ дѣйствіемъ межреберныхъ мышцъ (преимущественно у женщинъ) и одновре-

Рис. 23.

меннаго опусканія поверхности грудобрюшной преграды вслѣдствіе сокращенія мышцъ ея (преимущественно у мужчинъ).

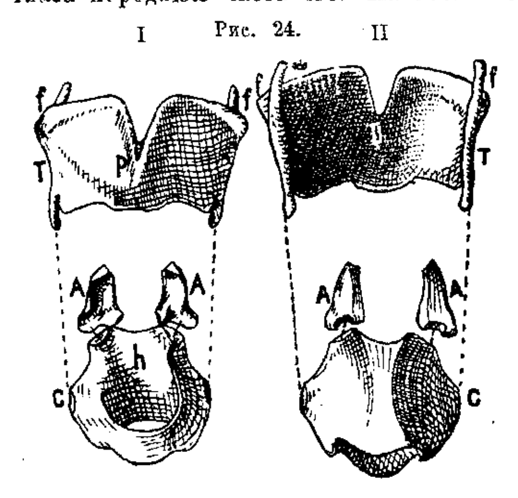
Выдыханіе производится посредствомъ ослабленія этихъ мышцъ, вслѣдствіе чего грудная клѣтка опускается собственной тяжестью, а грудобрюшная преграда, подпираемая внутренностями, подымается. Легкія образуютъ токъ воздуха, необходимый для производства звуковъ рѣчи, какъ накачивающій мѣхъ въ органѣ или фисгармоніи. При говореніи, благодаря дѣятельности мускуловъ, дыханіе регулируется такъ, что вдыханіе производится быстро, выдыханіе медленно, съ опредѣленной мѣняющейся силой (экспираторное удареніе).

Гортань и функціи ея въ языкѣ.

Гортань (larynx) L, рис. 23, составляетъ верхній конецъ дыхательнаго горла. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ подвижныхъ хрящей, связанныхъ между собой посредствомъ мускуловъ и слизистыхъ оболочекъ.

Основаніемъ гортани служитъ перстневидный хрящъ (cartilago cricoidea) *C*, рис. 24 I, имѣющій форму перстня, обращеннаго своей широкой частью h кзади (κρίκος—перстень). На рис. 24 II видны тѣ же хрящи, что въ рис I, только съ задней стороны, т. е. если смотрѣть на нихъ со стороны затылка. Здѣсь широкая задняя часть перстневиднаго хряща C закрываетъ отъ глаза переднюю часть его. На этой передней, узкой части его покоится щитовидный хрящъ (cartilago thyreoidea, θυρεός — щитъ) T. На обоихъ рисункахъ щитовидный хрящъ поднятъ кверху, чтобы онъ не мѣшалъ видѣть остальныя части на рисункѣ I. Для приведенія щитовиднаго хряща въ естественное положеніе нужно опустить его по пунктирнымъ линіямъ до перстневиднаго хряща.

Рис. 24.

Щитовидный хрящъ T (на рис. I видъ спереди, рис. II сзади) состоитъ изъ двухъ хрящевыхъ стѣнокъ, которыя спереди соединены въ одно цѣлое. Уголъ соединенія P прощупывается пальцами и называется кадыкомъ или Адамовымъ яблокомъ. Кзади стѣнки расходятся, заключая между своими задними частями широкую часть h перстневиднаго хряща, съ которой онѣ такимъ образомъ образуютъ одну хрящевую трубочку. Стѣнки щитовиднаго хряща заканчиваются двумя обращенными кверху отростками f, f, связанными посредствомъ мускуловъ съ подковообразной подъязычной костью (os hyoideum), главнымъ носителемъ гортани. На рис. 23 показана часть z^1 одной вѣтви подковообразной подъязычной кости.

На задней, широкой части перстневиднаго хряща, между выдающимися кверху стѣнками щитовиднаго хряща (на рисункахъ нужно представлять его себѣ опущеннымъ) находится съ каждой стороны по небольшому подвижному хрящику A, A съ треугольнымъ основаніемъ. Это такъ называемые пирамидальные или черпаловидные хрящики (cartilagines arytaenoideae, ἀρύταινα—лейка). Благодаря дѣйствію разныхъ мускуловъ черпаловидные хрящики могутъ сближаться и удаляться другъ отъ друга, могутъ нѣсколько перемѣщаться внутрь и кнаружи и до извѣстной степени вращаться около своей вертикальной оси.

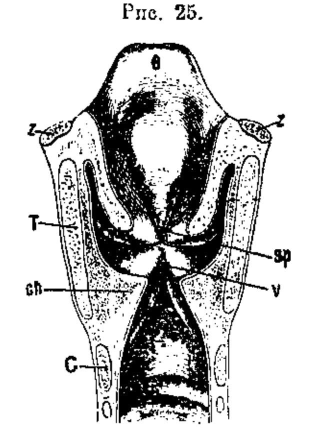
Съ выдающагося во внутрь угла основанія (processus vocalis) каждаго пирамидальнаго хрящика протянуто горизонтально черезъ гортанную полость по связкѣ эластичныхъ мускуловъ, называемыхъ голосовыми связками (chordae vocales). Голосовыя связки своими противоположными, передними концами прикрѣплены рядомъ во внутреннемъ углу (I рис. II) кадыка. По бокамъ эти связки прикрѣплены къ обѣимъ стѣнкамъ щитовиднаго хряща.

Всѣ эти хрящи покрыты мускулами и слизистой оболочкой, такъ что образуютъ по внѣшнему взгляду одну трубку, внутри которой съ двухъ сторонъ вдаются мясистые выступы—голосовыя связки.

На рис. 25 посредствомъ вертикальнаго разрѣза удалена передняя половина гортани. T и аналогичная часть на правой сторонѣ представляютъ разрѣзы стѣнокъ щитовиднаго хряща. C на обѣихъ сторонахъ—разрѣзы перстневиднаго хряща. ch и соотвѣтствующая часть правой стороны—голосовыя связки. z, z

—разрѣзы вѣтвей подъязычной кости, къ которымъ прикрѣплены отростки щитовиднаго хряща. Отверстіе между голосовыми связками v называется голосовой щелью (glottis, glottis vera).

Рис. 25.

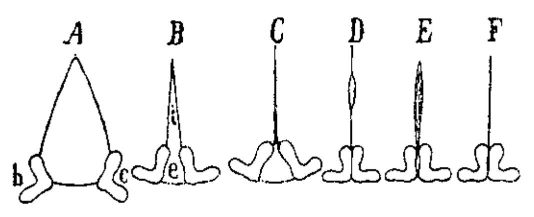

Нѣсколько выше видны болѣе раздвинутые выступы, образующіе мало развитую ложную голосовую щель sp (glottis spuria), которая также до нѣкоторой степени съуживается, но производить звуковъ не можетъ. На рис. 23 видны тѣ же части въ вертикальномъ разрѣзѣ спереди кзади: *i* передняя стѣнка (кадыкъ) щитовиднаго хряща; *k*,*k* разрѣзы перстневиднаго хряща (въ рисункѣ передняя часть перстневиднаго хряща *k* показана слишкомъ далеко отъ щитовиднаго хряща *i*); ch правая голосовая связка.

Щитовидный хрящъ можетъ вслѣдствіе дѣйствія извѣстныхъ мускуловъ наклоняться впередъ и такимъ образомъ напрягать прикрѣпленныя къ нему голосовыя связки. Эти движенія ясно прощупываются пальцами, если приложить ихъ къ наружной сторонѣ щитовиднаго хряща и производить попеременно высокій и низкій звукъ голоса. При этомъ замѣчается еще поднятіе гортани, о которомъ будетъ сказано ниже. Кромѣ того, вслѣдствіе подвижности пирамидальныхъ хрящиковъ и дѣйствія прикрѣпленныхъ къ нимъ мышцъ, является возможность оттягивать пирамидальные хрящики назадъ (при наклоненіи щитовиднаго хряща впередъ) и такимъ образомъ натягивать сильнѣе голосовыя связки. Въ связи съ этимъ повышается или понижается музыкальная высота издаваемаго ими звука.

Вслѣдствіе той же подвижности пирамидальныхъ хрящиковъ можно сближать голосовыя связки между собой до полнаго прикосновенія и закрывать такимъ образомъ проходъ въ дыхательное горло, или, наоборотъ, расширять голосовую щель такъ, что воздухъ проходитъ безпрепятственно, и т. д. На рис. 26 показаны схематически разныя положенія голосовыхъ связокъ, вызванныя главнымъ образомъ положеніемъ пирамидальныхъ хрящиковъ, къ основаніямъ (b, c рис. 26) которыхъ связки прикрѣплены. F показываетъ положеніе при полномъ закрытіи гортани, вызванное прижатіемъ пирамидальныхъ хрящиковъ другъ къ

другу. А полное раскрытіе гортани производится удаленіемъ другъ отъ друга пирамидальныхъ хрящиковъ и поворотомъ ихъ,

Рис. 26.

виднымъ на рисункѣ (А). Такое раскрытіе бываетъ при выдуваніи и нѣсколько меньше при свободномъ дыханіи.

Та часть голосовой щели, которая находится между голосовыми связками, называется голосовой щелью въ тѣсномъ смыслѣ или связочной щелью (i, рис. 26 B), въ противоположность хрящевой щели (e, рис. 26 B), находящейся между пирамидальными хрящиками. Благодаря подвижности пирамидальныхъ хрящиковъ можно открывать и закрывать обѣ щели одновременно, или только ту или другую изъ нихъ.

Сверху гортань можетъ закрываться грушеобразнымъ хрящикомъ, прикрѣпленнымъ тонкимъ концомъ во внутреннемъ верхнемъ углу кадыка надъ голосовыми связками и называемымъ надгортанникомъ (epiglottis) (e, рис. 25 и рис. 23). Онъ находится обыкновенно въ болѣе или менѣе наклонномъ положеніи надъ гортанью. Его можно ощупать, опуская пальцы по задней спинкѣ языка въ зѣвъ. (При непривычкѣ нужна осторожность, чтобы не вызвать рвоты). При глотаніи надгортанникъ закрываетъ входъ въ дыхательное горло и пища скользитъ по его поверхности въ пищеводъ (см. рис. 23). Поэтому поперхиваются, когда во время глотанія говорятъ или смѣются.

Функціи гортани сводятся: 1) къ образованію голоса т. е. музыкальнаго звука, и 2) къ образованію нѣкоторыхъ шумовъ. При производствѣ голоса голосовыя связки сближаются до прикосновенія. Надавливающимъ на нихъ снизу токомъ воздуха изъ легкихъ онѣ раздвигаются на мигъ и затѣмъ, благодаря своей эластичности, снова закрываются (E, Д, рис. 26). Такія ритмическія колебанія связокъ, повторяющіяся съ достаточной быстротой, выпускаютъ толчками воздухъ и такимъ образомъ производятъ такія послѣдовательныя уплотненія и разрѣженія воздуха въ зѣвѣ, которыя мы называемъ звуковыми волнами. Изъ

зѣва эти звуковыя волны передаются воздуху въ полости рта или носа и отсюда окружающему воздуху. Эти волны воспринимаются ухомъ въ видѣ музыкальнаго звука, называемаго голосомъ.

Дрожаніе голосовыхъ связокъ при звучаніи можно узнать, прикладывая пальцы къ кадыку, или затыкая пальцами оба уха. Въ послѣднемъ случаѣ слабый звукъ въ гортани отдается сильно въ ушахъ. Для опыта можно произносить попеременно *с* и *з*.

При производствѣ такъ называемыхъ грудныхъ нотъ участвуетъ обыкновенно вся голосовая щель, т. е. связочная и хрящевая части ея, какъ показано на рис. 26, E. При фальцетѣ (фистулѣ) или такъ называемыхъ головныхъ звукахъ колеблется лишь бóльшая или меньшая сильно напряженная средняя часть голосовыхъ связокъ (D, рис. 26), для укороченія длины связокъ, а хрящевая щель закрыта. Впрочемъ по нѣкоторымъ наблюденіямъ при фальцетѣ въ каждой связкѣ образуются продольныя узловыя линіи.

Функція голосовыхъ связокъ при производствѣ голоса можно выяснить себѣ посредствомъ простого аппарата, состоящаго изъ деревянной трубочки, на конецъ которой надѣта коротенькая каучуковая трубочка съ тонкими стѣнками. Для этого можно пользоваться дѣтской игрушкой—пищалкой, срѣзавъ большую часть раздуваемаго резиноваго шара. Если двумя пальцами каждой руки растягивать край этой резиновой трубочки, такъ что обѣ стороны ложатся параллельно и соприкасаются, и дуть въ деревянную трубочку, то края эти приходятъ въ вибрацію, расходятся и снова приходятъ въ соприкосновеніе. Повышеніе звука получается какъ бóльшимъ растяженіемъ, такъ и укороченіемъ колеблющихся частей краевъ.

Голосъ учáствуетъ не только въ производствѣ гласныхъ, но и з в о н к и х ъ согласныхъ, называемыхъ поэтому именно звонкими, напр. *б*, *д*, *г*, *в*, *з*, *ж*, *г̔* (бога), *р*, *л*, *м*, *н*. При производствѣ г л у х и х ъ согласныхъ голосовыя связки не участвуютъ: голосовая щель широко раскрыта (какъ при A рис. 26 или собственно немного меньше) и воздухъ проходитъ безпрепятственно черезъ гортань. Глухіе согласные русскаго языка: *п*, *т*, *к*, *ф*, *с*, *ш*, *х*, *ч*, *ц*. Отсюда видно, что наименованія «гласный» и «согласный» неточны, если понимать слово «гласный» въ смыслѣ «голосовой». И звонкіе согласные производятся съ голосомъ.

Кромѣ производства голоса голосовыя связки производятъ еще шумы. Нѣмецкое, латинское, англійское и пр. энергичное *h* и греческій spiritus asper представляютъ гортанный фрикативный (спирантъ), производимый треніемъ тока воздуха о края полураскрытыхъ голосовыхъ связокъ, какъ въ рис. 26 B. Токъ воздуха слишкомъ слабъ, чтобы при такой большой щели привести края въ ритмическія колебанія. Сила этого гортаннаго шума можетъ быть различна въ зависимости отъ количества выдыхаемаго воздуха и степени съуженія щели. Звукъ *h* бываетъ глухой или звонкій, хотя эти разновидности обыкновенно не различаются какъ два разныхъ звука, такъ какъ они зависятъ обыкновенно отъ сосѣднихъ звуковъ. Исключительно звонкій *h* былъ напр. въ древнеиндійскомъ языкѣ. При производствѣ *h* звонкаго связочная щель производитъ голосъ, а раскрытая хрящевая щель производитъ въ то же время шумъ. Ср. C рис. 26.

Голосъ вообще замѣняется гортаннымъ шумомъ, когда мы говоримъ шопотомъ. При шопотѣ, особенно когда мы стараемся произносить погромче, связочная щель (между голосовыми связками) обыкновенно закрыта, а раскрыта только хрящевая щель (между пирамидальными хрящиками), какъ показано на рис. 26 C. Это уменьшеніе отверстія даетъ возможность производить тѣмъ же токомъ гораздо болѣе сильный шумъ. При слабомъ шопотѣ вся голосовая щель нѣсколько раскрыта (B рис. 26). Въ шопотѣ наблюдаются большія индивидуальныя разнообразія.

Казалось бы, что при шопотѣ различіе между глухими и звонкими согласными должно исчезать. Но дѣло въ томъ, что обыкновенно звонкіе согласные производятся съ меньшей силой (такъ всегда въ русскомъ языкѣ), такъ какъ шумъ, сопровождаемый голосомъ, и при меньшей энергіи слышнѣе, чѣмъ глухой шумъ; кромѣ того звучащія связки задерживаютъ токъ воздуха и потому дыхательный аппаратъ привыкъ испускать при звонкихъ согласныхъ меньше воздуха. Это различіе въ энергіи сохраняется при шопотѣ, вслѣдствіе чего напр. шопотные русскіе *с*, *т*, *к* и пр. отличаются отъ шопотныхъ *з*, *д*, *г*, какъ сильные отъ слабыхъ. Впрочемъ бываютъ и слабые глухіе согласные, напр. въ нѣмецкихъ діалектахъ (см. стр. 189).

Отъ шопота и вообще гортанныхъ шумовъ нужно отличать тѣ шумы, которые называются безголосными гласными и которые производятся слабымъ незвучащимъ токомъ въ полости

рта, установленнаго для производства любого гласнаго, напр. слабое h въ haben, heben и пр. Отъ настоящихъ гласныхъ они отличаются лишь отсутствіемъ голоса, почему называются и глухими или безголосными гласными. При нихъ голосовая щель раскрыта и не производитъ шума. Такіе гласные обозначаются въ ороографіяхъ частію посредствомъ h (spiritus lenis въ греческомъ, въ санскритскомъ языкѣ visarga), частію совсѣмъ не обозначаются и понимаются какъ придыхательный приступъ къ гласнымъ или придыхательный отступъ отъ нихъ (см. § 15).

Въ гортани производятся еще другіе шумы, употребляемые какъ шумные согласные, о которыхъ будетъ сказано при обозрѣніи шумныхъ согласныхъ.

При производствѣ низкихъ звуковъ голоса гортанъ опускается, при высокихъ поднимается, въ чемъ можно убѣдиться, прилагая палецъ къ гортани и прижимая локоть къ груди, чтобы палецъ не измѣнялъ своего положенія, такъ что онъ можетъ служитъ мѣркою высоты гортани. Съ другой стороны, въ виду мышечной связи гортани съ языкомъ, гортань нѣсколько подымается, когда языкъ подается впередъ, и опускается, когда языкъ отодвигается назадъ, что видно на рис. 27 изъ сравненія положенія гортани при *i* и *u* (у). Поэтому трудно пѣть или произносить звукъ *u* (русскій у) на самыхъ высокихъ нотахъ, и звукъ *i* на самыхъ низкихъ нотахъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ языкъ долженъ слишкомъ сближаться съ гортанью (языкъ отодвинутъ назадъ для производства *u*, а гортань поднята), а во второмъ случаѣ языкъ долженъ слишкомъ расходиться съ гортанью (языкъ долженъ выдвинуться впередъ для производства *i*, а гортань опускается внизъ). Поэтому приходится при самомъ высокомъ *u* (у) или нѣсколько подвинуть языкъ впередъ и этимъ искажать гласный, или, сохраняя его качество, опустить нѣсколько гортань и понизить звукъ. Эти обстоятельства обнаруживаются практически въ пѣніи. При *i* наоборотъ. Этимъ же объясняется, почему въ языкѣ при повышеніи голоса (при музыкальномъ удареніи) мѣсто артикуляціи языка можетъ передвинуться впередъ.

Полость рта и функціи ея въ языкѣ.

Пространство надъ гортанью называется зѣвомъ (pharynx, P рис. 28). Оно сообщается съ полостью рта, и нѣсколько выше— съ полостью носа. Полость рта находится между верхней,

неподвижной и нижней, подвижной челюстями. Эта область доступна глазу, при самонаблюденіи пользуются зеркаломъ. Мы различаемъ въ ней съ нижней стороны: языкъ z, рис. 23, нижніе зубы съ ихъ деснами, нижнюю губу, а съ верхней стороны: верхнюю губу, верхніе зубы, верхнія десны или альвеоли (alveoli), твердое небо (palatum) *gh*, мягкое небо (velum palati, значитъ собственно парусъ неба) *gs*, кончающееся язычкомъ (uvula) *a*, рис. 23. Границу между твердымъ и мягкимъ небомъ легко определить проводя пальцемъ по потолку рта. Если произносить попеременно *a* и французское en т. е. носовое ą, то въ зеркало видно, какъ мягкое небо подымается и опускается.

Кзади мягкое небо кончается двумя дугообразными мускулами—передней поднебной дугой (arcus glossopalatinus) и задней поднебной дугой (arcus pharyngopalatinus), являющейся концомъ мягкаго неба со стороны зѣва. Между обѣими дугами по бокамъ находятся гланды (tonsillae), а сверху между ними виситъ язычекъ (uvula). Все это видно при помощи зеркала, если раскрыть широко ротъ и опустить языкъ, какъ при производствѣ *a*. На рисункѣ ихъ не видно.

При приподнятомъ мягкомъ небѣ и прижатомъ внизъ языкѣ въ глубинѣ ротовой полости видна черезъ заднюю поднебную дугу задняя стѣнка зѣва.

Въ языкѣ мы различаемъ кончикъ языка и передній край или лезвіе языка, въ которомъ сходятся верхняя спинка языка съ нижней спинкой *s*, рис. 23. Часть верхней спинки языка, прилегающая къ переднему краю, называется передней спинкой языка *c*, рис. 23. Далѣе идетъ средняя спинка языка *m*, принимающая часто нѣсколько выдолбленное положеніе, и задняя спинка *g*, расположенная противъ мягкаго неба. Задняя отвѣсная стѣнка языка *h* называется корнемъ языка.

Полость рта является резонаторомъ (наставной трубой) по отношенію къ звукамъ голоса, производимымъ въ гортани. Но эта роль ея несущественна. Главное значеніе ея въ томъ, что въ ней производятся самостоятельные шумы съ разнымъ составомъ (тембромъ), которые примѣшиваются къ гортаннымъ звукамъ если послѣдніе производятся одновременно. Качество этихъ собственныхъ шумовъ полости рта зависитъ отъ формы, которая придается этой полости.

При производствѣ сильныхъ шумовъ такъ называемыхъ шумныхъ согласныхъ въ той или другой части полости рта образуется преграда выдыхаемому току воздуха, въ видѣ тѣснины т. е. узкой щели, напр. при *с*, *з*, *ш*, *х*, *ж*, *ф* и пр., или въ видѣ полнаго затвора, напр. при *т*, *п*, *б*, *к* и пр. При этомъ качество шума зависитъ не только отъ того, въ какой части рта производится тѣснина или затворъ, но и отъ того, какое положенiе мы придаемъ тѣмъ частямъ полости рта, которыя непосредственно не участвуютъ въ образованiи преграды и служатъ лишь резонаторомъ. Поэтому мы отличаемъ ухомъ не только *к* отъ *т*, *п* и пр., но и *п*, *т* и пр. твердые отъ *п*, *т* мягкихъ, напр. въ «потъ» и «пѣть».

При производствѣ сонорныхъ звуковъ, т. е. гласныхъ, плавныхъ *л*, *р*, и носовыхъ какъ *н*, *м*, въ той или другой части рта можетъ образоваться съуженiе, при которомъ однако всегда остается болѣе широкая щель для прохода воздуха, чѣмъ при шумныхъ звукахъ, вслѣдствiе чего тѣ шумы полости рта, которыми характеризуются сонорные звуки, всегда сравнительно слабы, такъ что музыкальный звукъ голоса имѣетъ рѣшительный перевѣсъ.

Измѣненiе величины и формы полости рта производится измѣненiемъ взаимнаго положенiя подвижныхъ частей ея, прикрѣпленныхъ къ челюстямъ, а именно губъ, мягкаго неба и языка, и кромѣ того раздвиженiемъ нижней челюсти.

Что касается губъ, то онѣ или по возможности устраняются тѣмъ, что губная щель удлиняется, губы сторонятся отъ прохода въ ротъ и прижимаются къ зубамъ такъ, что отверстiе рта образуется непосредственно зубами, напр. при *i*; или же губы участвуютъ, производятъ лабiализацiю, т. е. онѣ складываются такъ, что между ними остается маленькое почти круглое отверстiе (округленiе губъ) разной величины. При лабiализацiи губы обыкновенно болѣе или менѣе вытягиваются впередъ. При *u* (русск. *у* напр. въ «худо») большее округленiе и большее вытягиванiе губъ впередъ, чѣмъ при о (напр. въ «холодъ»), т. е. *u* имѣетъ болѣе сильную лабiализацiю. Вытягиванiе губъ впередъ удлиняетъ резонаторъ, а округленiе уменьшаетъ его отверстiе. Въ обоихъ случаяхъ является понижение собственнаго звука полости рта (стр. 176).

Мускулы, образующiе языкъ, имѣютъ разныя направленiя,

вслѣдствіе чего можно измѣнять положеніе и форму разныхъ частей языка. Одни подвигаютъ его впередъ, другіе внизъ и назадъ, третьи приподымаютъ кончикъ, ту или другую часть спинки и т. д. Языкъ главный органъ измѣненія формы рта, въ виду чего его движенія удобнѣе разсматривать въ связи съ отдѣльными звуками.

Раздвиженіе нижней челюсти служитъ для удаленія всѣхъ прикрѣпленныхъ къ ней частей, т. е. нижнихъ зубовъ, губы и языка, отъ верхнихъ частей полости рта, вслѣдствіе чего расширяется полость рта.

О движеніяхъ мягкаго неба будетъ сказано ниже.

Носовая полость и функціи ея въ языкѣ.

Носовая полость помѣщается надъ твердымъ небомъ и окружена костяными стѣнками, только спереди снаружи хрящами, являющимися продолженіемъ носовой кости *n*, рис. 23. Вся носовая полость раздѣляется вертикальной перегородкой на двѣ раздѣльныя половинки. Наружные входы въ нихъ называются ноздрями (*o*, рис. 23), внутреніе—хоанами (choanae). На рис. 23 m, m^1, m^2 представляютъ мягкіе неподвижные выступы стѣнки (носовыя раковины) въ правую носовую полость. Въ задней боковой стѣнкѣ ея показанъ входъ въ Евстафіеву трубу *t*, идущую къ барабанной полости праваго уха (стр. 134).

Носовая полость не измѣняетъ своей формы, такъ что вопросъ только въ томъ, участвуетъ ли носовая полость въ производствѣ звука какъ резонаторъ, или проходъ къ ней закрытъ мягкимъ небомъ, какъ при *a*, *e*, *к*, *c* и пр. Въ послѣднемъ случаѣ мягкое небо отодвигается назадъ и кверху и прижимается нижнимъ краемъ къ задней стѣнкѣ зѣва, которая нѣсколько выдвигается ему навстрѣчу въ мѣстѣ соприкосновенія. Это положеніе мягкаго неба видно при производствѣ чистаго *a*.

Обыкновенно когда мы не говоримъ, т. е. при индифферентномъ положеніи, мягкое небо виситъ между задней спинкой языка и задней стѣнкой зѣва, не касаясь ихъ (какъ на рисункѣ), вслѣдствіе чего мы дышемъ при открытомъ ртѣ одновременно черезъ носъ и ротъ. Съ открытою носовою полостью производятся носовые согласные, какъ *м*, *н*, и назалированые гласные, какъ въ французскомъ ą̃fą̃ (enfin). Участіе носовой полости называется назализаціей. При носовыхъ согласныхъ произво-

дится въ томъ или другомъ мѣстѣ рта затворъ, а при назализированныхъ гласныхъ полость рта открыта.

На рис. 23 выдны еще нѣкоторыя другія части головы и верхняго туловища: S—S кость черепа, R спинной мозгъ, переходящій въ продолговатый мозгъ V, B грудная кость, 1—7 шейные позвонки, 1[1]—12[1] грудные позвонки, къ которымъ прикрѣплены ребра съ двухъ сторонъ.

Изслѣдованіе движеній органовъ рѣчи посредствомъ приборовъ. (Экспериментальная фонетика въ области физіологіи рѣчи).

Движенія и положенія нѣкоторыхъ органовъ рѣчи при производствѣ звуковъ можно наблюдать непосредственно глазомъ. Такъ, при открытыхъ губахъ можно видѣть часть передней ротовой полости. Глазу доступно вообще движеніе губъ, челюсти, отчасти гортани и реберъ. При самонаблюденіи пользуются зеркаломъ.

Серьезное затрудненіе составляетъ при этомъ потѣніе зеркала отъ выдыханія. Я съ полнымъ успѣхомъ устраняю потѣніе тѣмъ, что провожу нѣсколько разъ по зеркалу особымъ карандашомъ и затѣмъ вытираю зеркало дочиста. Послѣ этого зеркало не потѣетъ въ теченіе недѣли и больше. Такіе карандаши находятся въ продажѣ и предназначены для очковъ, противъ потѣнія ихъ особенно на охотѣ. Разумѣется, это же средство примѣняется къ лупѣ и къ гортанному зеркалу, и вѣроятно оно пригодно для микроскопа.

Чтобы выяснить себѣ положеніе и форму языка и образуемыхъ между нимъ и другими частями резонаторовъ, можно, по установкѣ языка для артикуляціи извѣстнаго звука, просунутымъ спереди или сбоку пальцемъ или тоненькой палочкой и пр. ощупывать эти части. Кромѣ того форму языка можно видѣть, если послѣ установки его для производства извѣстнаго звука широко раскрыть ротъ, не измѣняя формы языка, который такимъ образомъ неподвижно опускается вмѣстѣ съ нижней челюстью. Послѣ нѣкоторыхъ упражненій это вполнѣ удается. Форму передняго резонатора можно съ удобствомъ наблюдать при помощи маленькаго зеркальца, вводимаго въ ротъ такъ, чтобы онъ отражалъ нужныя части въ большомъ зеркалѣ.

Въ виду быстроты движеній органовъ рѣчи наблюденія глазомъ не даютъ точныхъ результатовъ. Для болѣе точныхъ

изслѣдованій движеній органовъ рѣчи, особенно тѣхъ, которыя недоступны глазу, употребляются приборы, регистрирующіе движенія. Укажу на нѣкоторые изъ нихъ.

Для регистраціи движеній органовъ рѣчи имѣетъ широкое примѣненіе кимографъ, напр. описанный на стр. 128. Для этого съ записывающимъ барабанчикомъ (inscripteur) приводится въ связь, посредствомъ каучуковой трубки *m*, такъ называемый изслѣдователь (explorateur). Изслѣдователь бываетъ разнаго устройства, смотря по тому, какія движенія и какого органа изслѣдуются. Его назначеніе состоитъ въ превращеніи движенія изслѣдуемаго органа въ токъ воздуха, количество котораго соотвѣтствуетъ величинѣ движенія. Съ этой цѣлью онъ является напр. въ видѣ маленькаго пустого эластичнаго резиноваго шарика (ампуллы) разной формы, способнаго легко сжиматься. По мѣрѣ сжатія его выдавливаемый изъ него воздухъ проходитъ черезъ плотно прикрѣпленную къ нему резиновую трубку въ записывающій барабанчикъ, выпячиваетъ его перепонку и производитъ отклоненіе записывающаго рычажка, слѣдовательно и отклоненіе кривой въ ту же сторону. Такой шарикъ вставляется напр. между языкомъ и небомъ, между губами и пр., и помѣрѣ уменьшенія отверстія губъ записывающій рычагъ все больше отклоняется въ сторону, такъ что кривая на вращающемся цилиндрѣ опредѣляетъ степень съуженія губного отверстія въ любой моментъ производства звука, въ которомъ участвуютъ губы. Точно такъ же регистрируются движенія разныхъ частей языка и пр. При надобности вмѣсто ампуллы употребляется маленькій барабанъ или камера, одна сторона которой обтянута эластичной перепонкой, которая или непосредственно приставляется къ изслѣдуемому органу, или, при недоступности его, посредствомъ палочки, рычага и пр.

Для записыванія выдыханія при рѣчи употребляется между прочимъ пнеумографъ (πνεῦμα–дыханіе, γράφω–пишу), поясъ на высотѣ груди, къ которому изслѣдующій барабанъ придѣланъ такъ, что при каждомъ растяженіи грудной клѣтки соотвѣтственно вдавливается или вытягивается перепонка изслѣдователя, отъ котораго эти движенія передаются указаннымъ путемъ записывающему барабану.

Для опредѣленія непосредственно количества выдыхаемаго воздуха, напр. при опредѣленіи силы звуковъ, воздухъ собирается

въ воронку, приставленную вплотную ко рту, по обстоятельствамъ и посредствомъ оливокъ, вставленныхъ въ ноздри, и отсюда проводится посредствомъ каучуковой трубы къ записывающему барабану кимографа или къ особому прибору (indicateur), въ которомъ длинный рычажекъ записывающаго барабана указываетъ на шкалѣ, снабженной цифрами, степень выпячиванія перепонки.

При изслѣдованіи движеній гортани изслѣдующій барабанъ прикрѣпляется къ шеѣ и груди такъ, что рычагъ, упирающійся однимъ концомъ въ кадыкъ и получающій отъ него движенія вверхъ и внизъ, или впередъ и назадъ, или же вибраціи отъ дрожанія голосовыхъ связокъ, другимъ концомъ передаетъ эти движенія перепонкѣ изслѣдующаго барабана.

Подобнымъ же образомъ записываются движенія нижней челюсти, причемъ рычагъ изслѣдующаго барабана, прикрѣпленнаго неподвижно къ груди, упирается снизу въ челюсть.

При изслѣдованіи движеній губъ приставляемая къ нимъ перепонка изслѣдующаго барабана отмѣчаетъ вытягиваніе губъ впередъ; а поставленные между губами подвижные рычаги сжимаютъ находящійся между ними барабанъ и такимъ образомъ отмѣчаютъ измѣненія въ ширинѣ губной щели. Вмѣсто рычага ставится и ампулла между губами, прикрѣпленная къ внутренней сторонѣ воронки.

Движенія мягкаго неба проводятся къ изслѣдующему барабану посредствомъ рычага, огибающаго своими двумя вѣтвями съ двухъ сторонъ языкъ и упирающагося позади въ мягкое небо. Впрочемъ движенія мягкаго неба опредѣляются и косвенно, когда вопросъ въ открытости или закрытости носовой полости. Если отъ вставленной въ ноздрю оливки получаются колебанія записывающаго рычажка, то это свидѣтельствуетъ о соотвѣтственномъ открытіи входа въ носовую полость, пропускающемъ токъ воздуха.

Движенія языка изслѣдуются посредствомъ ампуллъ, вставляемыхъ между нимъ и неподвижными частями рта, и пр.

Видимыя движенія губъ и челюсти можно фотографировать посредствомъ послѣдовательныхъ моментальныхъ снимковъ кинематографіи (*κινέω* — двигаю, *κίνημα*, множ. ч. *κινήματα* — движеніе).

Движенія разныхъ органовъ можно записывать одновременно рядомъ на вращающемся цилиндрѣ кимографа, присоединяя сюда еще кривую звуковыхъ волнъ, происходящихъ при содѣйствіи

этихъ движеній и собираемыхъ изо рта и носа. При такой сложной записи обнаруживается въ точности временное соотношеніе между движеніями разныхъ органовъ и вліяніе этихъ движеній на характеръ и составъ производимаго звука. Для такой записи на горизонтальной вѣтви *o* штатива d, рис. 18, привинчиваются рядомъ нѣсколько записывающихъ барабановъ. Запись производится только въ одинъ оборотъ барабана. При большей длинѣ записи необходимо записывать на безконечной бумагѣ (см. стр. 130).

Даже Рентгеновскіе лучи примѣнялись къ изслѣдованію движеній невидимыхъ органовъ рѣчи.

Крайне важно выяснить себѣ въ точности разныя положенія языка относительно нёба. Для регистраціи ихъ уже давно употребляется способъ окрашиванія нёба или языка. Для этого насухо вытертое небо или языкъ покрывается карминомъ, тушью или другой краской. Языкъ, производя движеніе, необходимое для того или другого звука, снимаетъ въ мѣстахъ прикосновенія краску съ неба (или же въ этихъ мѣстахъ краска пристаетъ отъ языка къ нёбу, если окрашивался языкъ). Оставшійся слѣдъ прикосновенія языка можно срисовать или сфотографировать при помощи вставленнаго въ ротъ зеркальца. Такія изображенія называются стоматоскопическими (στόμα, род. пад. στόματος —ротъ, σκοπεῖν—высматривать, смотрѣть) или палатограммами. Эти способы сложны и затруднительны.

Въ настоящее время такія палатограммы дѣлаются съ большимъ удобствомъ и легкостью при помощи искусственнаго неба. Искусственное небо приготовляется въ лабораторіи Русело такъ: Особой лопаткой вводятъ въ ротъ нагрѣтый кусокъ годивы (стента, употребляемаго дантистами для той же цѣли) достаточной величины, и прижимаютъ его къ твердому небу. Когда полученная такимъ образомъ модель неба остынетъ, отливаютъ на ней изъ алебастра форму этого неба. По совершенномъ отвердѣніи формы ее покрываютъ слоями ваты и спеціально для этого изобрѣтенной жидкостью, ураниномъ, которая быстро отвердѣваетъ. Полученное такимъ образомъ легкое и тонкое искусственное небо снимается съ формы и обрѣзывается по краямъ съ сохраненіемъ выступовъ между зубами. Прижатое вплотную къ твердому небу, оно держится въ этомъ положеніи, зацѣпляясь краями за зубы, и мало мѣшаетъ артикуляціямъ. Передъ опытомъ поверхность искусственнаго неба покрывается бѣлой пудрой. При артикуляціи

въ мѣстахъ прикосновенія языка пудра смачивается языкомъ и темнѣетъ. Затѣмъ быстро вынимаютъ небо и обозначенныя болѣе темнымъ цвѣтомъ мѣста прикосновенія языка обводятъ карандашомъ на заранѣе нарисованномъ на бумагѣ точномъ рисункѣ въ контурахъ этого неба. Такія палатограммы помѣщены ниже рис. 28 и слѣд. Алебастровую форму нёба можетъ изготовить всякій дантистъ.

Конечно, надо имѣть въ виду, что какъ бы точно ни были сдѣланы палатограммы и всякія кривыя, опредѣляющія движенія, они всетаки не даютъ представленія ни о формѣ и величинѣ резонаторовъ, ни о томъ напр., какимъ образомъ образуется спеціальный шумъ въ шумныхъ согласныхъ. Они прибавляютъ лишь дополнительныя, притомъ точныя данныя къ тому, что получается изъ наблюденія глазомъ, ощупываніемъ и осязательными ощущеніями. Въ виду большого индивидуальнаго разнообразія въ формѣ и степени выпуклости небнаго свода, которое скрывается при изображеніи на плоскости бумаги, палатограммы разныхъ лицъ, сами по себѣ точныя, могутъ представлять значительныя различія въ то время, когда въ общемъ величина и форма ихъ резонаторовъ и взаимное расположеніе существенныхъ для даннаго звука частей могутъ быть почти одинаковы. Кромѣ того для каждаго звука должно быть нѣсколько и даже много палатограммъ, такъ какъ въ зависимости отъ артикуляціи языка для сосѣднихъ, особенно послѣдующихъ звуковъ, измѣняется и мѣсто прикосновенія языка къ небу для даннаго звука.

Положенія голосовыхъ связокъ можно видѣть при помощи гортаннаго зеркала (ларингоскопа), маленькаго зеркальца, вставляемаго подъ угломъ въ 45 гр. въ полость зѣва и сильно освѣщаемаго рефлекторомъ. Его можно направить въ сторону гортани и въ сторону носовой полости. Такія зеркальца употребляются врачами при горловыхъ заболѣваніяхъ.

Слабая сторона экспериментальной фонетики заключается въ томъ, что объектъ изслѣдованія ставится въ искусственныя условія: человѣкъ, произносящій въ воронку или съ привязанными къ горлу, губамъ и пр. приборами, въ рѣдкихъ случаяхъ произноситъ совершенно естественно. Въ этомъ отношеніи фонетикъ, наблюдающій посредствомъ уха и глаза, со стороны, свой объектъ, совершенно не подозрѣвающій о такомъ наблюденіи, находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Значитъ, вмѣстѣ съ усовер-

шенствованіемъ средствъ изслѣдованія въ экспериментальной фонетикѣ является нѣкоторое ухудшеніе объекта изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе множество мелкихъ но очень существенныхъ условій производства звуковъ, совершенно ускользающихъ отъ невооруженнаго наблюдателя, могутъ быть подмѣчены и въ точности опредѣлены только при помощи экспериментальной фонетики.

§ 5. Физіологическая классификація гласныхъ.

Гласные могутъ быть какъ назализированными, такъ и неназализированными или чистыми. При производствѣ чистыхъ гласныхъ мягкое нёбо своимъ заднимъ нижнимъ краемъ упирается въ заднюю стѣнку зѣва и такимъ образомъ загораживаетъ входъ въ носовую полость звучащему току воздуха, который вслѣдствіе этого изъ гортани направляется только въ полость рта. Здѣсь онъ получаетъ ту окраску или тембръ отъ примѣшивающихся къ нему шумовъ рта, благодаря которымъ мы различаемъ *а* отъ *е*, *і* отъ *о* и пр. Различія въ составѣ этихъ ротовыхъ шумовъ или собственныхъ звуковъ полости рта, обусловливающія различія въ тембрѣ гласныхъ, зависятъ отъ формы полости рта, т. е. отъ укладки ея подвижныхъ частей, съ которой поэтому необходимо ознакомиться.

Всѣ разнообразія въ положеніи языка относительно неба при образованіи гласныхъ можно свести огульно, по примѣру англійскихъ фонетиковъ, къ тремъ вертикальнымъ и тремъ горизонтальнымъ положеніямъ. По этимъ девяти положеніямъ языка производится обыкновенно въ настоящее время физіологическая классификація гласныхъ.

По положенію языка въ горизонтальномъ направленіи гласные дѣлятся на твердонёбные, средненёбные и мягконёбные гласные, которые называются также гласными передняго, средняго и задняго ряда, смотря по тому, подымается ли при образованіи ихъ соотвѣтствующая часть спинки языка по направленію къ твердому небу, или къ мѣсту соединенія твердаго съ мягкимъ небомъ, или къ мягкому небу.

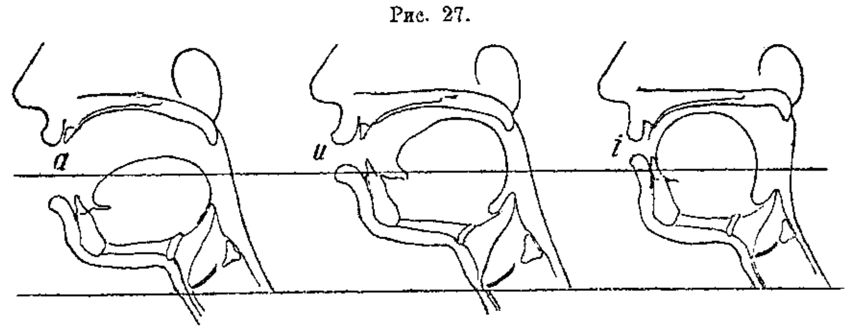
Въ вертикальномъ направленіи, т. е. въ зависимости отъ степени приближенія спинки языка къ нёбу, различаются низкое, среднее и высокое положеніе языка. Вмѣстѣ съ языкомъ поднимается и нижняя челюсть. Поэтому эти три вер-

тикальныя положенія языка можно опредѣлять по степени раскрытія рта (по величинѣ угла челюстей). Безъ приборовъ эти положенія можно мѣрить пальцами такъ. Указательный палецъ прижимается неподвижно къ верхней губѣ подъ носомъ, а большой палецъ прижимается снизу къ подбородку. Тогда ясно чувствуется, что при *a* пальцы наиболѣе раздвинуты, т. е. нижняя челюсть наиболѣе опущена (низкое положеніе челюсти—*a* низкій гласный), при *e* и *o* челюсть болѣе поднята (средніе гласные), а при *i* и *u* (у) самое высокое положеніе языка и челюсти (высокіе гласные).

Мы увидимъ далѣе, что суть не въ томъ, какая часть спинки языка, и насколько, поднимается къ небу, а въ томъ, какую величину и форму получаетъ (резонирующая) полость рта вслѣдствіе такого подъема. Но въ виду того, что подъемы спинки языка доступны наблюденію и что эта классификація общепринята, я удерживаю ее здѣсь. Изъ сказаннаго уже ясно, что при классификаціи нужно не менѣе считаться съ положеніемъ другихъ подвижныхъ частей полости рта, губъ и мягкаго неба, такъ какъ и онѣ измѣняютъ форму полости рта. О нихъ будетъ сказано ниже.

На рис. 27 показано въ разрѣзѣ приблизительное положеніе языка при производствѣ гласныхъ *a*, *u* (у), *i*. По пересѣкающимъ эти изображенія двумъ параллельнымъ линіямъ можно судить о различіи между низкимъ (при *a*) и высокомъ (при *i* и *u*) положеніи языка и челюсти. Какъ видно, при *i* и *u* языкъ одинаково высоко поднятъ. Различіе между ними въ томъ, что при *i* языкъ поднятъ впередъ къ твердому небу, такъ какъ *i* есть типичный

Рис. 27.

представитель гласныхъ твердонебныхъ или гласныхъ передняго ряда; а при *u* (у) языкъ поднятъ назадъ къ мягкому небу, такъ

какъ *и* принадлежитъ къ мягконебнымъ гласнымъ или гласнымъ задняго ряда. Нижніе зубы при обоихъ гласныхъ на одинаковой высотѣ.

Твердонебные (палатальные) гласные.

Если раскрыть широко ротъ и передвинуть языкъ изъ индифферентнаго положенія немного впередъ и пустить звучащій токъ воздуха, то получается гласный *ä*, напр. въ «вялый», который поэтому называется низкимъ твердонебнымъ (или палатальнымъ, передненёбнымъ, переднеязычнымъ) гласнымъ или низкимъ гласнымъ передняго ряда. Онъ обозначается также посредствомъ a^e т. е. *a* склоннаго къ *e*.

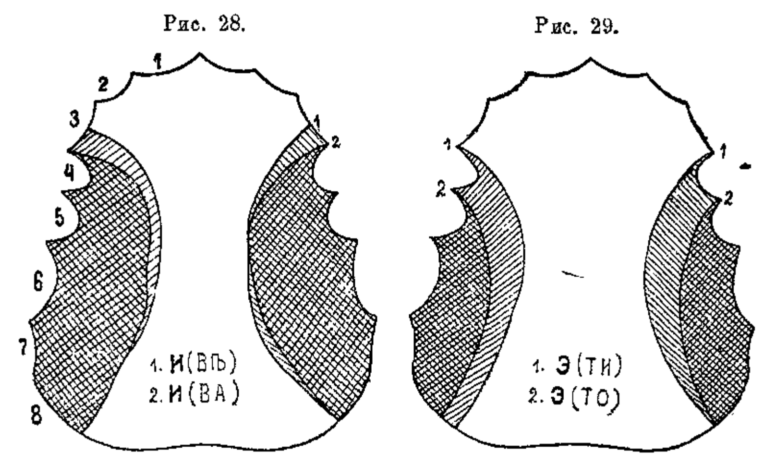
Придвигая среднюю и переднюю спинку языка ближе къ твердому нёбу, т. е. приподымая ее нѣсколько выше вмѣстѣ съ челюстью и передвигая ее одновременно нѣсколько впередъ, мы получаемъ среднее твердонёбное положеніе языка, дающее средній твердонёбный (палатальный, переднеязычный) гласный *e*.

Приблизивъ среднюю и переднюю спинку языка возможно ближе къ твердому небу, чтобы однако между языкомъ и небомъ оставалась достаточно широкая щель для прохода воздуха безъ шума, мы получаемъ высокое твердонёбное положеніе языка, дающее гласный *i*—высокій твердонебный или палатальный гласный (см. ниже таблицу гласныхъ). Положеніе языка при *i* видно на рис. 27. При *e* разстояніе языка отъ неба больше. Необходимо тщательно изслѣдовать и запомнить эти положенія языка при производствѣ этихъ звуковъ. При чтеніи физіологіи рѣчи не нужно выпускать зеркало изъ рукъ. Кромѣ бо́льшаго зеркала нуженъ еще маленькій кусокъ зеркала, вставляемый при надобности въ ротъ.

Конечно, въ этомъ переднемъ рядѣ, отъ широкаго *ä* до *i*, можно различать еще безконечное множество промежуточныхъ гласныхъ, которые можно опредѣлить какъ узкое *ä* (напр. въ «вялить»), широкое *e* (напр. «вѣдать», «это»), узкое *e* (напр. въ «вѣдь» «эти»), широкое *i* (напр. въ «ива», «искать»), узкое *i* (напр. въ «ивѣ», «кисть»), между которыми можно дѣлать еще болѣе мелкія различія по степени съуженія. Въ ороографіяхъ эти различія въ звукахъ обыкновенно не различаются въ буквахъ.

О положеніи языка относительно неба и десенъ и объ обра-

зуемыхъ между ними резонаторахъ при производствѣ гласныхъ *i* и *e* можно судить по помѣщеннымъ здѣсь палатограммамъ этихъ гласныхъ, рис. 28 и 29. Въ нихъ темнымъ цвѣтомъ обозначены мѣста прикосновенія спинки языка къ твердому небу. Пустое пространство между твердымъ небомъ и языкомъ впереди мѣстъ соприкосновенія ихъ образуетъ передній резонаторъ этихъ гласныхъ. Эти палатограммы сдѣланы при помощи искусственнаго аллюминіеваго неба по способу Русселo. Своими вырѣзанными боковыми краями это небо сцѣпляется съ каждой

стороны за 4 коренныхъ зуба (4, 5, 6, 7, рис. 28), не доходя до пятаго (8). Передній край искусственнаго неба покрываетъ большую часть внутренней поверхности переднихъ зубовъ, т. е. четырехъ рѣзцовъ (1, 2) и двухъ клыковъ (3, рис. 28), вслѣдствіе чего на палатограммахъ контуры около переднихъ зубовъ шире, чѣмъ около коренныхъ зубовъ, а мѣста переднихъ зубовъ мало вырѣзаны въ искусственномъ небѣ, вслѣдствіе отсутствія большихъ промежутковъ между передними зубами.

На палатограммѣ 29 отмѣчены оба русскіе *e*, какъ они произносятся въ словахъ «эти» и «это». Понятно, что второй слогъ этихъ словъ не могъ произноситься, такъ какъ артикуляція *т* испортила бы слѣдъ отъ *е*. На палатограммѣ 28 показаны двѣ разновидности *i*, какъ они наблюдаются въ «ива» и «ивѣ», причемъ разница между ними для наглядности искусственно нѣсколько преувеличена тѣмъ, что «ивѣ» произносилось съ большей интенсивностью, чѣмъ «ива».

Лабіализованные и нелабіализованные гласные.

Здѣсь необходимо сдѣлать отступленіе отъ описанія гласныхъ по мѣсту образованія ихъ въ полости рта. Дѣло въ томъ, что при образованіи гласныхъ нужно еще считаться съ положеніемъ другихъ подвижныхъ частей полости рта, именно съ положеніемъ губъ и мягкаго неба и со степенью напряженности артикулирующихъ частей. Отъ положенія губъ зависитъ присутствіе или отсутствіе лабіализаціи и степень ея (см. выше стр. 149). Отъ положенія мягкаго неба зависитъ участіе или неучастіе носовой полости въ производствѣ звука т. е. назализація и степень ея (см. стр. 150). Лабіализація, назализація и напряженность могутъ быть при всякомъ положеніи языка, слѣдовательно дѣленіе по этимъ признакамъ распространяется на всѣ гласные (см. ниже таблицу гласныхъ). Поэтому умѣстнѣе изложить эти условія въ отдѣльности ниже. Но по практическимъ соображеніямъ удобнѣе разсматривать здѣсь же лабіализованные гласные совмѣстно съ нелабіализованными.

При производствѣ разсмотрѣнныхъ твердонебныхъ гласныхъ губы не участвуютъ. Онѣ по возможности устраняются и для этого скрываются впереди за зубами, прижимаясь къ нимъ и стараясь не съуживать отверстіе, образуемое зубами. Поэтому при узкихъ гласныхъ *е* и особенно *i* губная щель растягивается въ длину, примѣняясь къ формѣ зубной щели. Такіе гласные называются нелабіализованными. Но гласные передняго ряда, какъ вообще всѣ гласные, могутъ сопровождаться и лабіализаціей т. е. извѣстнымъ участіемъ губъ, состоящимъ въ уменьшеніи губного отверстія (округленіи губъ) обыкновенно съ большимъ или меньшимъ вытягиваніемъ губъ впередъ (см. стр. 149).

При лабіализаціи разсмотрѣнныхъ твердонебныхъ гласныхъ вмѣсто *i*, *е*, *ä* слышится *ü* и *ö*, напр. въ французскихъ lune, feu, нѣмецкихъ kühn, schön. При *ü* обыкновенно лабіализація сильнѣе, т. е. отверстіе губъ меньше и вытягиваніе впередъ больше, чѣмъ при *ö*, хотя въ разныхъ языкахъ по разному. Впрочемъ обыкновенно при производствѣ нѣмецкихъ *ü*, *ö* и французскихъ *u*, *eu* средняя спинка языка принимаетъ немного болѣе заднее и болѣе низкое положеніе, чѣмъ при *i*, *е*. При нѣмецкомъ *ü* языкъ почти въ положеніи *е*.

Такія широкія *ö*, *ü* встрѣчаются діалектически въ извѣст-

ныхъ условіяхъ и въ русскомъ языкѣ, напр. московскія надѣйсь (надѣюсь), смѣйтъ (смѣютъ), сѣверное діалектическое знаöш (знаешь) и т. д.

Мягконебные (велярные) гласные.

Если изъ индифферентнаго положенія передвинуть среднюю спинку языка немного назадъ и внизъ, широко раскрывъ ротъ, то получается низкое положеніе мягконебное (задненебное, велярное или задняго ряда), дающее широкое чистое *а* (см. рис. 27). По мѣрѣ поднятія изъ этого положенія задней спинки языка по направленію къ мягкому небу, съ уменьшеніемъ раскрытія челюстей, получаются всѣ гласные задняго ряда или мягконебные, отъ *а* до *u* (у).

Средніе и высокіе гласные задняго ряда сопровождаются обыкновенно лабіализаціей, такъ что по мѣрѣ поднятія задней спинки языка (и нижней челюсти) отверстіе между губами все болѣе съуживается и округляется. Такимъ образомъ образуется высокій мягконебный лабіализованный гласный *u* (русское *у*); при среднемъ положеніи языка—средній мягконебный лабіализованный гласный *о*; при низкомъ положеніи языка — низкій мягконебный лабіализованный гласный a^0 т. е. *а* склонное къ *о*. Безъ лабіализаціи при низкомъ мягконебномъ положеніи языка является чистый широкій гласный *а* (алый).

Въ нѣкоторыхъ языкахъ существуютъ звуки, производимые при высокомъ и среднемъ мягконебномъ положеніи языка безъ лабіализаціи. Такія положенія даютъ звуки, приближающіеся къ *а* съ особеннымъ глухимъ тембромъ. Вообще лабіализація вноситъ большое разнообразіе въ звуки задняго ряда, нелегко поддающееся опредѣленію.

Между этими звуками отъ *а* до *u* (у) существуетъ безчисленный рядъ промежуточныхъ звуковъ, обозначаемыхъ какъ очень широкое *u* (у), очень узкое *о*, узкое *о* и пр. Въ разныхъ языкахъ существуютъ такіе оттѣнки, осложняемые еще разною степенью лабіализаціи.

Средненебные гласные.

Гласные средняго ряда (средненебные) образуются посредствомъ поднятія средней спинки языка изъ индифферентнаго

положенія кверху по направленію къ задней части твердаго неба или къ срединѣ между твердымъ и мягкимъ небомъ. Сюда относится низкое средненебное *a*ᵊ, т. е. *a* склонное къ *ә*, которое кажется намъ болѣе мягкимъ *a* по качеству; далѣе—средній средненебный гласный, какъ нѣмецкое полушопотное *e* въ hatte, gesagt, и высокій средненебный гласный. Конечно, и средненебные гласные могутъ быть болѣе или менѣе узкими и широкими. Въ нѣкоторыхъ языкахъ встрѣчаются и лабіализованные средненебные гласные.

Изъ русскихъ гласныхъ къ средненебнымъ гласнымъ, именно высокимъ, принято причислять *ы*. Но по моимъ наблюденіямъ великорусскій *ы*, когда онъ не подвергается сокращенію, есть собственно дифтонгъ, первая, слоговая часть котораго производится задней спинкой языка по направленію къ среднему небу. При сокращенномъ произношеніи, когда *ы* является болѣе или менѣе простымъ звукомъ, его можно причислять къ средненебнымъ. (См. ниже § 115, «Дифтонги»).

Напряженные и ненапряженные гласные.

Различіе напр. между *e* въ «вѣдать и въ «вѣдь» заключается не только въ томъ, что первое *e* широкое, а второе *e* узкое, но еще въ другомъ: звукъ *e* напр. въ «села́», «законовѣдъ», «вѣдать» и пр. ненапряженный, а въ «вѣдь» «степень» и пр. напряженный, въ зависимости отъ степени напряженія мышцъ артикулирующихъ органовъ, главнымъ образомъ языка. Понятія «напряженность» и «ненапряженность» конечно относительныя, безъ опредѣленной грани между ними, и въ значительной степени субъективны, такъ какъ степень напряженія опредѣляется обыкновенно по мускульнымъ и отчасти акустическимъ ощущеніямъ.

При напряженномъ состояніи языка (съ которымъ обыкновенно соединяется напряженное состояніе и другихъ мягкихъ частей, какъ губъ и голосовыхъ связокъ) бока языка стягиваются и спинка языка является болѣе выпуклой, чѣмъ при ненапряженномъ болѣе свободномъ состояніи языка. Вслѣдствіе этого разстояніе языка отъ нёба уменьшается, такъ что гласный становится болѣе узкимъ. Поэтому напр. напряженное *e* становится ближе къ широкому *i*. При ощупываніи пальцами языкъ и губы въ напряженномъ состояніи гораздо тверже, представляютъ большее

сопротивленіе давленію. Подобное состояніе большей твердости и выпуклости наблюдается при напряженіи другихъ мускуловъ, напр. руки.

Напряженное и ненапряженное произношеніе можетъ различаться во всѣхъ гласныхъ и сказывается въ извѣстныхъ различіяхъ въ тембрѣ ихъ, объясняемыхъ между прочимъ большей твердостью стѣнокъ резонатора. Тембръ напряженныхъ гласныхъ болѣе «ясный», болѣе «металлическій». Напряженность замѣчается чаще въ ударенныхъ и долгихъ гласныхъ. Конечно, въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ не должны непремѣнно существовать эти различія, притомъ не во всѣхъ гласныхъ, и не въ одинаковой степени въ каждомъ.

Вмѣсто терминовъ «ненапряженный» и «напряженный» употребляются обыкновенно термины «открытый» и «закрытый», и эти термины подаютъ поводъ къ безвыходной путаницѣ, такъ какъ термины «открытый» и «закрытый» употребляются нерѣдко и въ значеніи «широкій» и «узкій». Правда, напряженные *e*, *i*, *ö*, *ü*, *o* и пр. вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе узкіе, но главное различіе ихъ заключается не въ этомъ, а въ степени напряженности. Англійскіе термины wide и narrow обозначаютъ у извѣстныхъ фонетиковъ именно степень напряженія, хотя въ переводѣ значатъ: «далекій» («широкій») и «узкій». Въ подраженіе англійскому и нѣмецкія «offen» и «geschlosen» употребляются большею частію въ смыслѣ «широкій» и «узкій», а различіе въ напряженіи обозначается посредствомъ «weit» и «eng» и т. д.

Впрочемъ подъ всѣми указанными терминами разные фонетики понимаютъ нерѣдко разныя условія производства гласныхъ. Для избѣжанія недоразумѣній остается одинъ выходъ: совершенно отказаться отъ неточныхъ терминовъ «закрытый» и «открытый», fermé и ouvert и пр., и употреблять исключительно «напряженный» и «ненапряженный», «узкій» и «широкій» въ указанномъ выше смыслѣ, если считаться вообще со степенью напряженности. А то, когда въ настоящее время въ лингвистической работѣ встрѣчаешь термины «закрытый» и «открытый», то въ большинствѣ случаевъ положительно не знаешь, что̀ авторъ подразумѣваетъ подъ ними; а нерѣдко является мысль, что авторъ вообще не представляетъ себѣ ясно значенія этихъ терминовъ.

Напряженность можетъ и не совпадать съ узкостью. Такъ, французское долгое *o* въ rose узкое, въ or широкое, *o* краткое

въ côté узкое, въ robe широкое, но всѣ они болѣе или менѣе напряженны. Въ нѣмецкомъ языкѣ долгіе гласные обыкновенно напряженные, а краткіе ненапряженные, въ томъ числѣ и *a*: Sprăche, ălle. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмецкіе долгіе обыкновенно узки, а краткіе широки.

Примѣчанія къ физіологической таблицѣ гласныхъ.

Помѣщенная здѣсь таблица гласныхъ отличается отъ таблицы англійскихъ фонетиковъ между прочимъ тѣмъ, что въ ней нѣтъ отдѣльныхъ рубрикъ для напряженныхъ (narrow) и ненапряженныхъ (wide) гласныхъ. Такое дѣленіе на двѣ раздѣльныя группы мнѣ кажется слишкомъ искусственнымъ, такъ какъ наблюдаются разныя степени напряженности. Какъ я понимаю, состояніе «напряженности», въ русскомъ языкѣ сравнительно напряженными бываютъ ударенные гласные передъ мягкими согласными. Безъ ударенія такіе гласные менѣе напряженны.

Въ каждой рубрикѣ помѣщены въ первой строкѣ примѣры изъ иностранныхъ языковъ, содержащіе данный гласный, признанный «напряженнымъ». Во второй строкѣ слѣдуютъ затѣмъ примѣры съ тѣмъ же «ненапряженнымъ» звукомъ. Далѣе слѣдуютъ примѣры изъ русскаго языка въ томъ же порядкѣ, но безъ раздѣленія ихъ на двѣ группы. Въ иностранныхъ примѣрахъ идутъ сначала нѣмецкіе, затѣмъ французскіе; при англійскихъ прибавлено сокращенное «англ.».

Такъ какъ система эта возникла въ Англіи (Bell, Sweet) то нерѣдко употребляются и у насъ англійскія названія. Напр. ü въ французскомъ lune опредѣляется какъ high-front-narrow-round. Въ виду этого въ таблицѣ англійскіе термины прибавлены въ скобкахъ.

Противъ такой общей физіологической таблицы существуетъ много справедливыхъ возраженій: Нельзя укладывать всѣ разнообразные звуки всѣхъ языковъ въ одну рамку съ опредѣленными гранями. Средній рядъ вообще не опредѣленный пространственно. Между лабіализаціей и отсутствіемъ лабіализаціи, между высокимъ и среднимъ положеніями языка и т. д. нѣтъ опредѣленныхъ границъ. Въ иныхъ языкахъ напр. разные *e* различаются отчетливо другъ отъ друга (été, rêve, père) какъ различные гласные, и пр. Нужно еще имѣть въ виду, что эта таблица можетъ внушить начинающимъ представленіе, будто дѣйствительно

Физіологическая таблица гласныхъ.

	Твердонебные (front).		Средненебные (mixed).		Мягконебные (back).	
	Нелабіализован.	Лабіализ. (round).	Нелабіализован.	Лабіализ. (round).	Нелабіализован.	Лабіализ. (round).
Высокіе (high).	*i* sie, fini Fisch, англ. pity ивѣ, кисть ива, икра.	*ü* lune (über) (Schützen).	*ы* англ. pretty сынъ.			*u* du, rouge und будетъ урокъ.
Средніе (mid).	*e* See, été helfen небѣ, вѣдь небо, вѣдать.	*ö* schön, peu Völker, peur.	*ə* Gabe анг. eye.	homme.	англ. but сѣв. нѣм Vater.	*o* so, rose, côté voll кость бокъ.
Низкіе (low).	*ä* англ. air англ. man вялить вялый.	(ö) франц. un.	a^e англ. bird.		*a* —— Vater, lâche алый, рабъ.	a^o англ. saw англ. not во^{a}да.

подъемъ спинки языка происходитъ по тремъ вертикальнымъ параллельнымъ направленіямъ. На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, разстояніе *ӓ* отъ *a* ничтожно сравнительно съ разстояніемъ *i* отъ *u*.

Вслѣдствіе такихъ соображеній нѣмецкіе фонетики предпочитаютъ обыкновенно схематическое распредѣленіе гласныхъ въ видѣ треугольника, съ варіаціями въ мелочахъ у разныхъ фонетиковъ. Примѣняясь къ ихъ системѣ и принимая въ разсчетъ рус скіе гласные можно устроить слѣдующую діаграмму, въ которой лабіализація обозначается скобками. По примѣру нѣкоторыхъ

i (*ӥ*)   *ы*   (*u*)

ẹ (*ọ̈*)   (*ọ*)

e̜ (*ö̜*)   *ə*   (*o̜*)

ӓ   *a*

лингвистовъ я обозначилъ «узкость» гласнаго посредствомъ подставленной точки, «широкость» посредствомъ подставленнаго крючка, обращеннаго влѣво. Такимъ же крючкомъ, обращеннымъ вправо, принято обозначать носовое качество звука.

Настоящая система гласныхъ, и то не въ строгой табличной формѣ съ соблюденіемъ логическихъ требованій классификаціи, возможна только для отдѣльнаго языка. По мѣрѣ выясненія акустическихъ условій возникновенія звуковъ рѣчи эта искусственная систематизація гласныхъ должна совершенно исчезнуть.

Назализованные гласные.

Если при производствѣ гласныхъ открывается еще носовая полость, такъ что звучащій токъ воздуха выходитъ одновременно черезъ ротовую и носовую полости, то получаются гласные назализованные, какъ ą, ą̈ (или ą^{e}), ę, į, ǫ, ų и пр., напр. французскіе ąfą̈ (enfin), ǫ (on) и пр. Отъ степени открытія носовой полости зависитъ большая или меньшая степень носового качества этихъ гласныхъ. Носовое качество обозначается посредствомъ подставленнаго крючка, обращеннаго концомъ вправо. Употребляемый нерѣдко терминъ «носовой» гласный или даже «носовой звукъ», вмѣсто назализованнаго, подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ, такъ какъ носовыми звуками называются собственно согласные какъ n̨, m̨ (рус. н, м), которые могутъ

быть и слоговыми, т. е. въ роли гласныхъ, какъ въ нѣмецкомъ holn̥ (holen), habm̥ (haben) (см. *ниже*).

Въ современномъ русскомъ языкѣ настоящіе назалированные гласные не встрѣчаются. Они существовали въ доисторическомъ русскомъ языкѣ, въ старославянскомъ, праславянскомъ, санскритскомъ и др., и существуютъ въ польскомъ, французскомъ и др. языкахъ. Но въ русскомъ языкѣ гласные получаютъ нерѣдко нѣкоторую назализацію въ первой части при предшествующемъ въ томъ же слогѣ *н* или *м* (меньшій, Нина), въ послѣдней части при послѣдующемъ *н*, *м* того же слога (дамъ, томъ, тонъ).

Гласные въ полголоса (полушопотные).

Въ нѣкоторыхъ языкахъ встрѣчаются неударенные гласные, произносимые въ полголоса, бормотаньемъ, съ слабымъ токомъ воздуха, при нѣсколько раскрытой голосовой щели, напр. нѣмецкое *e* въ hatte, или французское произносимое *e* muet. Отдѣльные языки представляютъ здѣсь большое разнообразіе. Извѣстное ослабленіе голоса наблюдается и въ общерусскихъ неударенныхъ гласныхъ въ извѣстныхъ положеніяхъ въ многосложныхъ словахъ. Сюда относится также индоевропейское «шва» (ə) и вѣроятно старославянскіе слабые ь и ъ.

Въ виду слабости звука качественныя различія такихъ гласныхъ менѣе замѣтны и заглушаются шумами сосѣднихъ звуковъ, вслѣдствіе чего при передачѣ послѣдующимъ поколѣніямъ такіе гласные легко измѣняются, ассимилируются по качеству сосѣднимъ звукамъ или даже совсѣмъ изчезаютъ.

Въ предыдущемъ дается лишь общая физіологическая классификація гласныхъ, основанная на различіяхъ въ положеніи языка и губъ и отчасти въ степени напряженія органовъ при производствѣ ихъ. Точное детальное описаніе условій производства гласныхъ того или друго говора или языка и приведеніе ихъ въ систему составляетъ задачу описательной фонетики даннаго говора или языка.

§ 6. Характерные шумы звуковъ рѣчи и въ частности гласныхъ.

Полость рта какъ резонаторъ.

Человѣческіе органы рѣчи сравниваютъ съ духовымъ музыкальнымъ инструментомъ. Голосовыя связки соотвѣтствуютъ

до нѣкоторой степени колеблющемуся язычку въ язычковыхъ трубахъ, или язычкамъ гармоники, фисгармоніи и пр. А полость рта и носа отожествляютъ съ наставной трубой, служащей резонаторомъ въ духовыхъ инструментахъ.

Что такое резонаторъ?

Каждое тѣло, способное звучать, имѣетъ свой собственный звукъ, слагающійся изъ свойственныхъ ему парціальныхъ тоновъ опредѣленной высоты, происходящихъ отъ частичныхъ колебаній и колебаній въ цѣломъ этого тѣла, напр. струны рояля, воздуха наполняющаго пустую бутылку или бочку и пр. По мѣрѣ укороченія струны или наполненія бутылки водой, собственный звукъ заключеннаго въ ней воздушнаго столба повышается, и наоборотъ. Въ этомъ можно убѣдиться вдуваніемъ въ бутылку.

Если до такого тѣла, или воздуха въ пустомъ сосудѣ, доходитъ звукъ, одинъ изъ парціальныхъ тоновъ котораго одинаковой или почти одинаковой высоты съ однимъ изъ собственныхъ тоновъ этого тѣла, то тѣло это начинаетъ звучать и этимъ усиливаетъ общій парціальный тонъ звука. А тоны, не совпадающіе съ собственными тонами такого тѣла, ослабляются, заглушаются имъ. Измѣненіе же въ силѣ парціальныхъ тоновъ измѣняетъ тембръ звука.

Это усиленіе и заглушеніе звука становится понятнымъ изъ слѣдующаго опыта. Если мы, раскачивая качели, даемъ имъ слабый толчекъ, выводящій ихъ изъ отвѣснаго положенія, и затѣмъ повторяемъ этотъ толчекъ въ тѣ моменты, когда качели удаляются отъ насъ, хотя бы и съ промежутками, то мы постепенно приводимъ ихъ въ сильное качаніе. Если же мы производимъ второй толчекъ въ то время, когда качели снова приближаются къ намъ, то мы задерживаемъ движеніе ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ задерживаютъ движеніе нашей толкающей руки. Если поэтому толкающія движенія нашей руки будутъ происходить въ равные промежутки времени, которые однако нѣсколько больше или меньше, чѣмъ время каждаго двусторонняго размаха качелей, то очевидно второй, третій и пр. толчекъ нашъ, смотря по разницѣ во времени, могутъ еще усиливать качаніе, а слѣдующіе затѣмъ толчки будутъ все больше задерживать движенія качелей и вмѣстѣ съ тѣмъ движенія качелей задерживаютъ своимъ обратнымъ движеніемъ движенія нашей руки. Затѣмъ снова движенія руки будутъ совпадать съ движеніями качелей

и т. д. Съ этимъ явленіемъ мы уже ознакомились выше (см. стр. 111 слѣд.).

То же происходитъ съ воздухомъ въ пустомъ открытомъ сосудѣ. Если скорость колебаній парціальныхъ тоновъ доходящихъ до него звуковыхъ волнъ совпадаетъ со скоростью колебаній, свойственной воздушному столбу въ сосудѣ, то соотвѣтствующія колебанія этого воздушнаго столба усиливаются и своимъ обратнымъ дѣйствіемъ усиливаютъ колебанія окружающаго воздуха. Въ противномъ случаѣ воздухъ въ сосудѣ не можетъ придти въ колебаніе и еще задерживаетъ своимъ обратнымъ дѣйствіемъ колебанія окружающаго воздуха. Въ этомъ можно убѣдиться, если пѣть гаммы напр. въ большую лейку: одни звуки раздаются громко, другіе слабо.

Такія полыя тѣла, служащія для усиленія въ доходящемъ до нихъ звукѣ однихъ парціальныхъ тоновъ, совпадающихъ съ ихъ собственными тонами, и для заглушенія остальныхъ, называются р е з о н а т о р а м и въ тѣсномъ смыслѣ или воздушными резонаторами (см. рис. 14, 15). Въ духовыхъ инструментахъ такимъ резонаторомъ служитъ наставная труба, наставленная на источникѣ звука, напр. на мундштукѣ съ язычкомъ. Такой же наставной трубой является полость рта при производствѣ гласныхъ и звонкихъ согласныхъ, т. е. такихъ звуковъ рѣчи, въ которыхъ музыкальный звукъ образуется голосовыми связками, какъ язычкомъ въ инструментахъ. Язычекъ, какъ и голосовыя связки, колеблется съ опредѣленной, свойственной ему быстротой и слѣдовательно издаетъ звукъ опредѣленной высоты, а наставная труба, смотря по настройкѣ ея, можетъ усиливать и ослаблять тоны язычка или голосовыхъ связокъ.

Ротовой полости можно придавать разнообразныя формы, вслѣдствіе чего она соотвѣтствуетъ многочисленнымъ отдѣльнымъ резонаторамъ съ разнообразными высокими собственными тонами.

Мы безсознательно пользуемся полостью рта и зѣва для усиленія звука, когда нужно громко говорить и въ особенности при пѣніи. Поэтому мы плохо разбираемъ слова въ пѣніи, такъ какъ пѣвцы, для усиленія звука голоса, обращаютъ полость рта въ резонаторъ, жертвуя по возможности точностью артикуляцій. Съ этой цѣлью полость зѣва и полость рта нѣсколько расширяются и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняются по возможности всѣ заглушающія звукъ условія: тѣснины и затворы, необходимые для

производства шумныхъ согласныхъ, не производятся съ достаточной полнотой, а узкіе гласные *i*, *u* (у) производятся болѣе широко, такъ какъ они мѣшаютъ свободному выходу голоса. Такимъ образомъ нѣсколько искажается тембръ гласныхъ и ослабляются шумы согласныхъ. (Нѣмецкое пѣніе, въ которомъ со гласные производятся энергичнѣе, задѣваетъ непривычное ухо своими шумами). По той же причинѣ лабіализація вообще по возможности устраняется при пѣніи, такъ какъ она заглушаетъ звукъ. Чѣмъ громче желаютъ говорить или пѣть, тѣмъ шире раскрываютъ ротъ во всѣхъ частяхъ. Къ этимъ искаженіямъ звуковъ рѣчи нужно еще прибавить слѣдующія, обусловленныя физіологическими причинами. При производствѣ низкихъ звуковъ гортань опускается и вслѣдствіе своей связи съ подъязычной костью оттягиваетъ и языкъ назадъ; а при высокихъ звукахъ гортань подымается и выпираетъ языкъ впередъ и верхъ. Вслѣдствіе этого при пѣніи, гдѣ нужно издавать звуки голоса съ удобствомъ возможно полнѣе, гласные на высокихъ нотахъ измѣняются въ сторону *i*, а на низкихъ нотахъ въ сторону *u* (у) (см. стр. 147 и рис. 27). Съ этими условіями часто не считаются изслѣдователи, произносящіе очень громко или даже напѣвающіе изслѣдуемые гласные.

Усиленіе и заглушеніе парціальныхъ тоновъ посредствомъ резонатора возможно не только въ музыкальныхъ звукахъ, но и въ шумахъ, такъ какъ шумы составляются также изъ тоновъ, которые однако не состоятъ между собой въ гармоническихъ отношеніяхъ.

Существенное значеніе полости рта для языка заключается въ производствѣ характерныхъ шумовъ звуковъ рѣчи.

То обстоятельство, что полость рта, въ роли наставной трубы, усиливаетъ и заглушаетъ тоны голоса, для языка существеннаго значенія не имѣетъ, если не придерживаться теоріи резонанса, на которую указано стр. 177, 178. Существенное значеніе полости рта для языка заключается въ томъ, что она служитъ источникомъ **самостоятельныхъ шумовъ**, составляющихъ характерную часть звуковъ рѣчи. Полость рта въ связи съ полостью зѣва до гортани представляетъ полое тѣло и заключенный въ немъ воздухъ можетъ быть приводимъ дыханіемъ, а также звучащимъ токомъ изъ гортани, въ самостоятельныя колебанія,

и такимъ образомъ получается собственный звукъ этой полости, характеризующій между прочимъ каждый гласный.

Благодаря этимъ ротовымъ шумамъ звукъ гортани (голосъ) любой силы и высоты окрашивается одинаково въ звуки рѣчи *е*, *а*, *о*, *у*, *ы*, *з*, *д*, *в*, и пр., смотря по тому, какой собственный звукъ (шумъ) ротовой полости примѣшивается къ голосу (смотря по формѣ, какую имѣетъ полость рта).

Шумы полости рта особенно сильны въ шумныхъ согласныхъ, названныхъ поэтому шумными, какъ *с*, *ф*, *х*, *ш*, *к*, *з*, и пр. Шумы слабѣе въ *v* (в) и *j* (іотѣ), очень слабы въ плавныхъ и носовыхъ и въ особенности въ широкихъ гласныхъ *а*, *о*, *е*, такъ что вполнѣ заглушаются голосомъ. Но что шумы составляютъ и въ гласныхъ существенную характерную принад лежность, а не голосъ, видно уже изъ того, что *а*, *е*, *і*, и пр. остаются для насъ тѣми же гласными, произносимъ ли мы ихъ съ голосомъ, или безъ голоса, т. е. шопотомъ. Слѣдовательно существенная характерная часть звука, называемаго гласнымъ, состоитъ именно въ шумѣ, производимомъ въ полости рта, къ которому обыкновенно прибавляется музыкальный звукъ (голосъ) гортани. Если пріучать къ тому слухъ, то въ гласныхъ, произносимыхъ съ голосомъ, можно въ большей или меньшей степени различать тѣ же шумы, съ тѣмъ же тембромъ и высотой, которые слышатся въ шопотномъ произношеніи этихъ гласныхъ. Это сразу слышно въ *і* и *е*, особенно при слабомъ низкомъ мѣняющемся голосѣ. Такимъ образомъ изученіе природы гласныхъ сводится главнымъ образомъ къ изученію природы тѣхъ собственныхъ звуковъ (шумовъ) полости рта, которыми характеризуется каждый гласный.

Постоянство въ составѣ и абсолютной высотѣ характернаго шума каждаго звука рѣчи.

Если оставить въ сторонѣ мелкія индивидуальныя различія, то оказывается, что каждый звукъ рѣчи, гласный и согласный, имѣетъ свой присущій ему характерный шумъ полости рта, который у всѣхъ лицъ, говорящихъ на одномъ говорѣ или вообще произносящихъ одинаково, приблизительно одинъ и тотъ же по составу и высотѣ. При этомъ нужно конечно имѣть въ виду, что такихъ звуковъ гораздо больше, чѣмъ буквъ. Такъ, въ русскомъ языкѣ нужно различать по нѣсколько разновидностей *и*

е, *і*, и пр. Въ этомъ отношеніи грѣшатъ нерѣдко физики и физіологи, изслѣдующіе самымъ точнымъ образомъ напр. *е*, тогда какъ въ любомъ языкѣ нѣсколько разновидностей звука *е*.

Различіе между характерными шумами, характеризующими каждый звукъ рѣчи, слѣдовательно различіе между самими звуками рѣчи обусловливается, какъ и въ музыкальныхъ звукахъ, силой, высотой и тембромъ характерныхъ шумовъ. Высота и тембръ характерныхъ шумовъ зависятъ отъ величины и формы полости рта, включая въ нее и полость зѣва, а иногда и полость носа. Такъ какъ полости рта можно придавать очень разнообразныя формы, благодаря подвижнымъ частямъ ея, то и производимые въ ней шумы разнообразны по тембру и высотѣ.

Тембръ звука, какъ извѣстно, зависитъ отъ того, какіе простые тоны входятъ въ составъ его и какова относительная сила каждаго изъ нихъ. Къ сожалѣнію относительно состава характерныхъ шумовъ гласныхъ не добыты еще вполнѣ удовлетворительные результаты. А составъ согласныхъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ. Вслѣдствіе сложности формы полости рта производимые въ ней шумы всегда очень сложны, состоятъ изъ множества тоновъ, большею частію негармоничныхъ между собою.

Сравнительно легко узнается высота характерныхъ шумовъ, которая опредѣляется, какъ и въ музыкальныхъ звукахъ, высотой самаго сильнаго тона, входящаго въ составъ звука. Въ виду того, что этотъ самый сильный или доминирующій тонъ имѣетъ существенное значеніе для характеристики гласнаго, его называютъ *характернымъ тономъ* по преимуществу или формантомъ гласнаго. Въ нѣкоторыхъ гласныхъ различаютъ по два и больше такихъ характерныхъ тоновъ. Этотъ характерный тонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ характерный шумъ каждаго гласнаго имѣетъ опредѣленную абсолютную высоту, съ колебаніями въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Въ постоянствѣ абсолютной высоты характернаго шума каждаго звука рѣчи можно убѣдиться уже изъ того, что мы можемъ шопотомъ произносить напр. *а* въ «садъ», *е* въ «слѣдъ», с въ «садъ», с въ «сѣть» лишь на одну высоту, и не можемъ напр. произносить *а* съ высотою *е*, или даже *е* въ «лѣтъ» съ высотою *е* въ «пѣть». Прекраснымъ доказательствомъ этому служитъ еще извѣстный опытъ на фонографѣ, которыя я опишу ниже.

На высотѣ характернаго тона каждаго гласнаго главнымъ

образомъ сосредоточивалось вниманіе изслѣдователей акустической стороны звуковъ рѣчи. Выясненіе высоты характерныхъ шумовъ звуковъ рѣчи можетъ имѣть практическое примѣненіе при изслѣдованіи и описаніи звуковъ живого языка, тѣмъ болѣе, что характерные тоны могутъ быть изслѣдованы безъ особыхъ приборовъ.

Значеніе абсолютной высоты характернаго шума гласныхъ для слуховыхъ ощущеній.

Собственные тоны полости рта имѣютъ для каждаго звука рѣчи постоянную абсолютную высоту. Голосъ же можетъ имѣть разную высоту. Отсюда ясно, что слагаемые изъ нихъ звуки (производимые съ голосомъ) должны измѣняться по составу въ зависимости отъ высоты голоса. Въ связи съ этимъ измѣняются и фигуры періодовъ звуковыхъ волнъ, какъ видно изъ сравненія кривыхъ гласныхъ, произнесенныхъ на разную высоту голоса. См. рис. 37. Но для нашихъ слуховыхъ воспріятій звуки рѣчи совсѣмъ не измѣняются отъ измѣненія высоты голоса, потому что наше ухо анализируетъ звуки на составные тоны. Такъ какъ комплексъ ротовыхъ тоновъ, характеризующихъ каждый звукъ рѣчи, мы получаемъ въ нашихъ слуховыхъ ощущеніяхъ въ сочетаніи съ разными мѣняющимися тонами голоса, а при шопотѣ и безъ нихъ, то слуховое представленіе этого комлекса ротовыхъ тоновъ выдѣляется безсознательно въ отдѣльную составную часть звуковъ рѣчи, и этотъ комплексъ тоновъ собственно только и является неизмѣннымъ представителемъ этого звука рѣчи. Поэтому ухо очень чутко къ различіямъ въ характерныхъ шумахъ; а высота голоса является настолько несущественной составной частью звуковъ рѣчи, что она служить даже для совершенно другихъ цѣлей, напр. для выраженія вопроса, удивленія, эмоцій и пр. (музыкальное удареніе).

Какое существенное значеніе для характеристики гласныхъ имѣетъ при этомъ для нашего слуха именно высота характернаго тона, т. е. самаго сильнаго тона характернаго шума гласнаго, видно изъ того, что мы можемъ производить искусственно гласные, если мы музыкальному звуку придаемъ при помощи резонирующей полости шумъ той высоты, которая характерна для даннаго гласнаго, хотя при этомъ другіе, болѣе слабые тоны этого шума отличаются отъ такихъ же болѣе сла-

быхъ тоновъ характернаго шума этого гласнаго. Для такого искусственнаго производства гласныхъ можно пользоваться духовымъ камертономъ, который приставляется къ куску резиной трубки, по размѣрамъ соотвѣтствующей приблизительно раскрытой для *a* полости рта. Сжимая этотъ резонаторъ пальцами въ той или другой части можно придать ему нужную длину, слѣдовательно и высоту собственнаго звука; а частичнымъ сжиманіемъ отверстія производится лабіализація. Всѣ гласные, кромѣ *i*, *й*, *ы*, получаются на этомъ простомъ приборѣ довольно ясно.

Преобладающее значеніе характернаго тона въ нашихъ слуховыхъ представленіяхъ гласныхъ доказывается еще тѣмъ, что напр. гласный *o* превращается для нашего слуха въ нечистый звукъ *e*, если мы звукъ *o* въ полномъ составѣ, т. е. тоны голоса вмѣстѣ съ тонами характернаго шума, повышаемъ на октаву, такъ что характерный тонъ для *o* повышается въ характерный тонъ для *e* (см. стр. 184). Такое превращеніе возможно на фонографѣ.

Если воспроизвести рѣчь на фонографѣ не при той скорости вращенія валика, при которой она была записана, а напр. при вдвое бо́льшей скорости, то, очевидно, всѣ тоны характернаго шума должны на октаву повыситься, но общій составъ звуковъ и относительная высота парціальныхъ тоновъ голоса и характернаго шума остаются неизмѣнными. При такихъ условіяхъ тембръ музыкальныхъ звуковъ не измѣняется. Звуки флейты, скрипки, рояля и пр. измѣняютъ при этомъ лишь свою абсолютную высоту. Но если характерные тоны каждаго звука рѣчи имѣютъ опредѣленную абсолютную высоту, то и гласные *a*, *e*, и пр. должны перестать быть таковыми, если характерные шумы ихъ повышаются или понижаются. И дѣйствительно. Если записать на фонографѣ *o* при скорости 70 оборотовъ въ минуту, то при ускореніи вращенія до 140 оборотовъ, вмѣсто *o* слышится нечистое *e*; при большемъ ускореніи до 200 и больше слышится нечистое *i* (собственный звукъ полости рта при *e* около октавы выше *o*). Запись гласнаго *ä*, сдѣланная при 110 оборотахъ въ минуту, даетъ широкое нечистое *o* при 60 оборотахъ, и неясное *i* при 180 оборотахъ и т. д. Большая часть назализированныхъ гласныхъ, записанныхъ при 100 оборотахъ теряетъ носовое качество напр. при 150 оборотахъ (при повышеніи звука на квинту), такъ какъ характерный тонъ назали-

рованныхъ гласныхъ нѣсколько ниже, чѣмъ соотвѣтствующихъ чистыхъ гласныхъ (стр. 185).

Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что при воспроизводствѣ рѣчи на фонографѣ звуки должны сохранять свою абсолютную высоту всѣхъ составныхъ тоновъ; а для это скорость вращенія при воспроизводствѣ должна быть та же, что при записи. Съ этой цѣлью двигательный механизмъ, помимо требованія равномѣрности въ вращеніи, долженъ быть снабженъ точнымъ регуляторомъ числа оборотовъ въ минуту, а на валикахъ нужно дѣлать указанія, при какой скорости сдѣлана запись. Если такого указателя нѣтъ при регуляторѣ, то нужно сосчитать число оборотовъ въ минуту, или же въ началѣ записи записать звукъ извѣстной высоты, по которому при помощи камертона можно впослѣдствіи, при воспроизводствѣ, установить вращеніемъ винта регулятора ту же скорость.

Зависимость между формой полости рта и высотой собственнаго звука ея.

Какъ при извѣстной укладкѣ полости рта получаются именно такіе-то опредѣленные собственные тоны ея, составляющіе характерный шумъ звука рѣчи, это не выяснено. Вслѣдствіе сложности формы ротовой полости производимые въ ней собственные звуки всегда очень сложны по составу. Но насъ интересуетъ главнымъ образомъ самый сильный собственный тонъ полости рта, который въ гласныхъ называется характернымъ тономъ или формантомъ гласнаго и которымъ опредѣляется высота всего характернаго шума звука рѣчи. Условія полости рта, отъ которыхъ зависитъ высота характернаго шума, довольно ясны. А такъ какъ въ гласныхъ форма полости рта обусловлена главнымъ образомъ, но не исключительно, высотой характернаго тона ихъ, то выясненіе связи между высотой характернаго тона и формой полости рта даетъ намъ въ значительной степени ключъ для пониманія, почему мы для каждаго гласнаго прибѣгаемъ именно къ такой-то укладкѣ органовъ рта.

Высота собственнаго звука (т. е. основного тона, которымъ опредѣляется высота всего звука) воздушнаго резонатора вообще зависитъ 1) отъ длины его: чѣмъ длиннѣе резонаторъ, тѣмъ ниже его собственный звукъ. Укороченіе резонатора (какъ и струны) на половину повышаетъ его собственный звукъ на октаву,

и т. д. Высота собственнаго звука резонатора зависитъ 2) и отъ величины его отверстія: уменьшеніе отверстія резонатора до полнаго закрытія его понижаетъ его собственный звукъ до октавы.

Вслѣдствіе этого одновременнымъ укороченіемъ длины и увеличеніемъ отверстія получается двойное повышеніе собственнаго тона. Съ другой стороны, соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ отверстія можно при укороченіи длины сохранять высоту собственнаго звука (какъ при уменьшеніи длины струны и одновременномъ уменьшеніи степени напряженія можно сохранять ту же высоту звука).

Въ короткихъ резонаторахъ, длина которыхъ не превышаетъ ширину по крайней мѣрѣ въ 6 разъ, на высоту собственнаго тона вліяетъ еще ширина или объемъ ихъ. Поэтому 3) въ короткихъ резонаторахъ уменьшеніе объема (ширины) въ сторонѣ отверстія понижаетъ собственный звукъ, а уменьшеніе ширины въ противоположной отверстію сторонѣ повышаетъ собственный звукъ. И наоборотъ: увеличеніе ширины въ сторонѣ отверстія повышаетъ звукъ, а увеличеніе ширины въ противоположной сторонѣ понижаетъ звукъ.

Отсюда видно, что высота собственнаго звука ротовой полости обусловливается: 1) длиной резонирующей части, т. е. пространства между двумя съуженіями, напр. отъ губъ до мѣста поднятой спинки языка; 2) величиной отверстія губъ; 3) шириной передней и задней стороны резонирующей части полости рта. Полость носа не измѣняется въ длинѣ и ширинѣ, но она можетъ соединиться съ ротовой полостью, вслѣдствіе опусканія мягкаго неба, въ одинъ общій длинный резонаторъ, какъ при назалированныхъ гласныхъ.

Какъ измѣняется форма резонатора рта для полученія звуковъ разной высоты, можно видѣть, если производить однимъ дыханіемъ (безъ звука гортани) гаммы, отъ низшей до высшей ноты. При самыхъ высокихъ нотахъ передняя спинка языка придвинута возможно впередъ и образуетъ за верхними зубами очень короткій резонаторъ, въ видѣ плоской щели. Губы устраняются (раскрыты и губная щель удлинена), чтобы наружнымъ концомъ резонатора были зубы, такъ какъ участіемъ губъ резонаторъ удлинялся бы. Самый высокій такой звукъ похожъ на нечистое шопотное *і*. По мѣрѣ пониженія собственнаго звука языкъ все болѣе отодвигается назадъ, чѣмъ удлиняется резонаторъ, а губы

все болѣе округляются и этимъ уменьшаютъ отверстіе. При самыхъ низкихъ нотахъ губы еще вытягиваются по возможности впередъ и этимъ удлиняютъ резонаторъ. Такой самый низкій шопотный звукъ похожъ на *у*.

При такомъ свистѣ высота звука регулируется величиной передняго резонатора, между губами и мѣстомъ подъема спинки языка. При большинствѣ звуковъ рѣчи полость рта образуетъ не одинъ резонаторъ, а дѣлится подъемомъ спинки языка на два резонатора разной величины и формы, съ отверстіемъ разной величины между ними. Поэтому нужно различать собственные тоны передняго и задняго резонатора. При высокихъ (*і у*) и среднихъ (*е*, *о*) гласныхъ, особенно задняго ряда (*о*, *у*), значительно преобладаютъ по силѣ тоны передняго резонатора. Но по мѣрѣ увеличенія отверстія между переднимъ и заднимъ резонаторомъ, все болѣе начинаетъ выступать собственный звукъ соединеннаго резонатора, такъ что при широкихъ гласныхъ *а*, *ӓ* полость рта представляетъ только одинъ резонаторъ. Присутствіемъ двухъ резонаторовъ объясняется, что у многихъ изслѣдователей для узкихъ и среднихъ гласныхъ указывается по два характерныхъ тона, изъ которыхъ собственный тонъ задняго резонатора тѣмъ ниже, чѣмъ выше собственный тонъ передняго резонатора.

Какъ возникаютъ собственные шумы полости рта.

Затрудненіе съ точки зрѣнія физики заключается въ объясненіи, какъ звучащій токъ воздуха, получившій отъ голосовыхъ связокъ опредѣленныя ритмическія колебанія, можетъ возбуждать въ полости рта такіе собственные тоны заключеннаго въ ней воздушнаго столба, которые неодинаковы съ парціальными тонами голоса, и которые при данной укладкѣ полости рта всегда одинаковы и независимы отъ высоты тоновъ голоса.

Если, придерживаясь теоріи резонанса Гельмгольца, видѣть въ характерныхъ тонахъ гласныхъ усиленные ротовымъ резонаторомъ парціальные тоны голоса, то необходимо допустить, что въ голосѣ всегда присутствуетъ множество высокихъ негармоническихъ тоновъ, въ числѣ которыхъ всегда находятся и такіе, которые одинаковы или почти одинаковы по высотѣ съ собственными тонами полости рта, характерными для каждаго звука рѣчи.

Это невѣроятно, даже если имѣть въ виду, что такія толстыя перепонки, какъ голосовыя связки, производятъ много негармоническихъ тоновъ, и что резонаторъ рта, какъ и многіе другіе резонаторы, можетъ усиливать не только тоны, вполнѣ совпадающіе съ его собственными тонами, но и ближайшіе къ нимъ тоны, такъ что если въ голосѣ нѣтъ тоновъ, соотвѣтствующихъ вполнѣ собственнымъ тонамъ резонатора рта при укладкѣ для опредѣленнаго гласнаго, то могутъ усиливаться ближайшіе къ нимъ тоны голоса.

Если соединить язычковую трубочку съ сравнительно широкимъ и короткимъ резонаторомъ (кускомъ резиновой трубы) съ другимъ открытымъ отверстіемъ, соотвѣтствующимъ открытому рту, то при звучаніи трубочки возбуждается всегда одинъ и тотъ же собственный шумъ этого резонатора, совершенно независимо отъ высоты и состава звука такой звучащей трубочки. Въ виду того, что полость рта представляетъ подобный же короткій резонаторъ сложной формы съ мягкими стѣнками, нѣтъ основанія не допускать, что токъ воздуха, приведенный въ гортани въ звучаніе, можетъ возбуждать въ полости рта собственные шумы этой полости, имѣющіе другой составъ тоновъ. Изъ наблюденій невооруженнымъ ухомъ можно убѣдиться, что характерный шумъ полости рта для каждаго звука рѣчи всегда одинаковъ по составу и высотѣ, при всякой высотѣ голоса и при отсутствіи голоса. Измѣненіе въ высотѣ голоса само по себѣ ничего не измѣняетъ въ характерномъ шумѣ гласнаго.

Съ другой стороны, какъ только измѣняется форма полости рта при производствѣ одного и того же гласнаго такъ, что при шопотѣ собственный звукъ его на тонъ выше или ниже, то слышится различіе и при голосѣ, и слѣдовательно являются уже разновидности гласнаго *а* или *е* и пр., которыя обыкновенно не различаются даже въ научномъ фонетическомъ письмѣ. Поэтому колебанія въ высотѣ характерныхъ шумовъ гласныхъ, которыя приверженцы теоріи резонанса считаютъ послѣдствіемъ физическихъ условій взаимодѣйствія тоновъ голоса на тоны полости рта, нужно считать колебаніями въ укладкѣ полости рта. Въ каждомъ языкѣ различаются безсознательно говорящими нѣсколько разновидностей *а*, *е*, *о*, и пр. (болѣе узкій или широкій, болѣе напряженный, болѣе передній и пр.).

Опредѣленіе высоты характерныхъ шумовъ звуковъ рѣчи.

Опредѣленіемъ высоты собственнаго звука полости рта, присущаго укладкѣ ея для каждаго гласнаго, занимались многіе физіологи, физики и лингвисты. Для этого пользовались разными пріемами. Опредѣляли высоту по слуху при производствѣ гласныхъ шопотомъ, или же при постукиваніи ногтемъ и пр. по зубамъ во время укладки полости рта для даннаго гласнаго, или при постукиваніи по гортани, при взрывахъ голосовыхъ связокъ и пр. Другіе анализировали характерные шумы при помощи камертоновъ или при помощи резонаторовъ, настроенныхъ на разные тоны, которые поочередно приставляли къ уху во время производства гласнаго, или же при помощи аналитическаго аппарата (см. стр. 124—126). Новѣйшія изслѣдованія производились посредствомъ анализа звуковыхъ волнъ, записанныхъ разными способами, указанными на стр. 126 слѣд. Посредствомъ измѣреній и математическихъ вычисленій разлагаютъ полученные указанными способами періоды разныхъ гласныхъ на составляющіе ихъ простые тоны. Къ сожалѣнію результаты всѣхъ довольно многочисленныхъ изслѣдователей физическаго состава гласныхъ значительно расходятся между собою. Разногласія объясняются конечно прежде всего тѣмъ, что изслѣдователи имѣли дѣло съ различными звуками разныхъ языковъ, которые обозначаются неточно одинаковыми буквами.

Конечно, акустическое качество звуковъ рѣчи опредѣляется не одной высотой характерныхъ шумовъ, а всѣмъ составомъ звуковъ. Можно даже съ одинаковой высотой характернаго шума произносить напр. *о* и *у*, *ä* и *ö*. Но тѣмъ не менѣе для многихъ гласныхъ высота характернаго шума имѣетъ выдающееся значеніе, какъ показали указанные выше опыты на фонографѣ и искусственное производство гласныхъ (стр. 173, 174). Въ виду своей доступности и при отсутствіи другихъ средствъ опредѣленіе характернаго тона посредствомъ уха и камертона можетъ служить незамѣнимымъ вспомогательныхъ средствомъ для болѣе точнаго опредѣленія и описанія напр. звуковъ народныхъ говоровъ. Такъ, опредѣленіе приблизительной высоты характернаго шума разныхъ $о^а$, $е^а$ (во^{а}да, сяло) и пр. дало бы читателю такое представленіе объ этихъ звукахъ, какого не можетъ дать никакое другое описаніе. Для опредѣленія напр. степени мягкости

согласныхъ опредѣленіе высоты собственнаго звука резонатора рта почти единственное средство, пригодное для практики, такъ какъ относящіеся сюда измѣрительные способы экспериментальной фонетики мало пригодны для практики.

Подобныя наблюденія доступны всѣмъ, но будутъ тѣмъ легче, чѣмъ лучше слухъ. При кратковременныхъ ежедневныхъ наблюденіяхъ надъ собственнымъ шопотнымъ производствомъ звуковъ рѣчи слухъ развивается очень быстро. Для опредѣленія высоты лучше пользоваться нѣсколькими камертонами, нормально настроенными на разные тоны въ предѣлахъ f^2 до d^4 (франц. fa^4 — re^6), или камертономъ съ передвижными гирками. Еще удобнѣе для начала пользоваться роялемъ или піанино, на которыхъ можно легко отыскивать соотвѣтствующій тонъ. Но нужно имѣть въ виду, что эти инструменты обыкновенно настроены ниже нормы, а потому требуютъ предварительной провѣрки. Труднѣе всего опредѣлить октавы. Впрочемъ, разъ убѣдившись въ районѣ каждаго гласнаго, можно и не обозначать октавъ въ отдѣльныхъ записяхъ, такъ какъ напр. характерный тонъ гласнаго *о* всегда приходится на 2-ую (французскую 4-ую) октаву, *а* на 3-ью (французскую 5-ую) октаву, *і* на 4-ую (6-ую) октаву и пр. Чтобы убѣдиться въ этомъ, лучше всего сравнивать характерные шумы гласныхъ при собственномъ произношеніи шопотомъ съ соотвѣтствующими тонами рояля въ разныхъ октавахъ.

Болѣе всего мѣръ предосторожности нужно принимать къ тому, чтобы изслѣдуемые звуки произносились совершенно естественно, совершенно такъ же и съ той же степенью напряженности, какъ въ обыкновенной рѣчи. Если слова произносятся въ отдѣльности (что часто необходимо, особенно при быстрой рѣчи), то нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы такое произношеніе ихъ не отличалось отъ произношенія ихъ въ предложеніяхъ. Въ отдѣльности звуки рѣчи вообще не существуютъ въ языкѣ, поэтому изслѣдованіе какого нибудь гласнаго въ отдѣльности есть изслѣдованіе фиктивнаго звука.

Легко опредѣлить высоту при очень тихомъ выдыханіи, безъ гортанныхъ шумовъ. Но многіе не привыкли къ такого рода тихой рѣчи, при которой голосовая щель должна быть широко раскрыта, а сопровождаютъ характерный шумъ гласнаго хриплымъ гортаннымъ шумомъ, что затрудняетъ работу изслѣдователя. Запись высоты шопота нужно сейчасъ же провѣрять на произношеніи съ голосомъ.

Чѣмъ обусловлены колебанія въ высотѣ собственныхъ шумовъ полости рта.

Приверженцы теоріи резонанса ставятъ колебанія въ высотѣ характернаго шума гласныхъ (колебанія форманта) въ зависимость отъ состава голоса. По моимъ наблюденіямъ эти колебанія характеризуютъ разновидности каждаго гласнаго, нѣсколько различающіяся между собою не только по высотѣ характернаго шума, но повидимому также и по составу характернаго шума Существованіе такихъ разновидностей объясняется разными разнородными причинами. Прежде всего нужно имѣть въ виду 1) индивидуальныя различія въ произношеніи, обусловленныя индивидуальными различіями въ артикуляціонной базѣ, т. е. не только индивидуальной врожденной особенностью формы и движеній органовъ рѣчи, но и пріобрѣтенными привычками подъ вліяніемъ разныхъ усвоенныхъ говоровъ и языковъ. Благодаря этому одно лицо производитъ напр. *е*, *і* немного выше, чѣмъ другіе, но *о*, *у* произноситъ наравнѣ съ другими. У другого лица всѣ *о*, *у* выше, вслѣдствіе меньшей лабіализаціи, и пр.

Колебанія обусловлены 2) степенью энергіи и напряженности, съ которой производятся движенія, что въ свою очередь зависитъ отъ разныхъ мѣняющихся психическихъ и физіологическихъ условій. Но и въ этомъ отношеніи существуютъ для каждаго лица извѣстныя рамки привычнаго. Наиболѣе послѣдовательныя колебанія этого рода зависятъ отъ эмфатическаго ударенія. Ударенные гласные производятъ всегда съ большей полнотой. Такъ, первое *а* въ «са́да» имѣетъ болѣе высокій характерный тонъ, чѣмъ *а* въ «садо́въ», а *у* въ «ху́до» имѣетъ болѣе низкій характерный тонъ, чѣмъ въ «худо́й». Неударенный гласный русскаго языка обыкновенно приблизительно на полтона ниже resp. выше удареннаго. Пониженіе въ ударенныхъ слогахъ касается лабіализованныхъ гласныхъ и происходитъ отъ болѣе сильной лабіализаціи.

Колебанія зависятъ 3) отъ высоты голоса, въ виду мускульной связи языка съ гортанью, которая въ зависимости отъ высоты голоса мѣняетъ свою высоту. Эта связь между высотой голоса и высотой характернаго шума слѣдовательно физіологическая.

4) Разновидности гласныхъ обусловлены главнымъ образомъ сосѣдними звуками, укладкой органовъ для нихъ. И эти

колебанія повторяются обыкновенно въ приблизительно одинаковой степени у всѣхъ лицъ того же говора. Такъ, *a* въ «алый», «мало», «звалъ», т. е. передъ твердымъ *л*, а также подъ вліяніемъ предыдущаго губного согласнаго, производится не вполнѣ той укладкой, которой производится *a* въ «рада», «даръ», т. е. между переднеязычными согласными, вслѣдствіе чего характерный тонъ гласнаго *a* въ послѣднихъ словахъ часто около 1 тона выше, чѣмъ въ первыхъ примѣрахъ. А передъ палатализованными согласными, напр. въ «дать», «казнь», *a* въ среднемъ еще до 1 тона выше. Но напр. въ «звать» *a* можетъ нѣсколько понижаться подъ вліяніемъ предыдущаго сближенія губъ для *в*.

Въ зависимости отъ высоты собственнаго звука, присущаго полости рта при укладкѣ для предшествующаго согласнаго, гласный начинается нерѣдко значительно выше или ниже, но постепенно, притомъ очень быстро, доходитъ до характерной ему высоты, на которой выдерживается сравнительно долго. Къ концу гласный снова быстро повышается resp. понижается, по мѣрѣ приближенія къ послѣдующему согласному, смотря по тому, какая форма резонатора свойственна этому согласному. Но если и исключить такое начало и конецъ гласнаго, относя ихъ къ переходнымъ звукамъ (glides, см. ниже), не строго отграниченнымъ отъ самаго гласнаго, то всетаки и въ средней, характерной части гласнаго не замѣчается полнаго постоянства въ высотѣ. И здѣсь еще продолжается то же движеніе, въ направленіи отъ характерной высоты предшествующаго согласнаго къ характерной высотѣ послѣдующаго согласнаго. Разница только въ томъ, что здѣсь это колебаніе сравнительно не велико и происходитъ все время въ области характерной высоты даннаго гласнаго, притомъ очень медленно сравнительно съ переходными звуками. Мы апперципируемъ какъ отдѣльный звукъ эту среднюю, наиболѣе продолжительную часть звукового ряда гласнаго, которая относится къ характерной области даннаго гласнаго, а находящіяся между нею и сосѣдними согласными части звукового ряда (переходные звуки), значительно и быстро мѣняющіяся въ высотѣ въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ, являются для нашего слуха трудно уловимой звуковой характеристикой даннаго звукосочетанія. Но и эти переходные звуки вполнѣ опредѣленны для каждаго звукосочетанія каждаго языка, и нерѣдко нѣсколько отличаются отъ соотвѣтствующихъ переходныхъ звуковъ другихъ языковъ.

Высота характерныхъ шумовъ гласныхъ общерусскаго языка въ связи съ присущей имъ формой полости рта.

Въ зависимости отъ формы, какую мы придаемъ полости рта, высота собственнаго звука передняго резонатора ея можетъ вообще колебаться въ предѣлахъ слишкомъ двухъ октавъ. Самый высокій характерный тонъ присущъ гласному *і*, а самый низкій тонъ гласному u (*у*). Но такъ какъ гласный *у* производится въ русскомъ языкѣ выше, съ меньшей лабіализаціей, чѣмъ это вообще возможно, то разстояніе между *і* и *u* (у) обыкновенно въ среднемъ приблизительно на 2 тона меньше двухъ октавъ. Почти въ срединѣ между *і* и *у* находится русское *а*, характекная высота котораго нѣсколько меньше чѣмъ на октаву выше *у* и ниже *і*. Въ промежуткѣ между *а* и *і* находятся разные *е*, которые въ свою очередь въ среднемъ приблизительно на октаву выше *о*.

Въ слѣдующемъ я укажу для примѣра высоту характерныхъ шумовъ русскихъ гласныхъ, притомъ только ударенныхъ. Болѣе подробно о нихъ изложено въ моихъ «Фонетическихъ этюдахъ» (то же въ Р. Ф. В. за 1905, стр. 226 слѣд.).

При *і* передняя и средняя спинка языка такъ придвинута впередъ и вверхъ (твердонебное высокое положеніе), что образуетъ возможно короткій передній резонаторъ (см. палатограмму 28) съ широкимъ переднимъ отверстіемъ (устраненныя раздвинутыя губы), особенно при напряженномъ *і*. Вслѣдствіе этого гласный *і* имѣетъ самый высокій собственный звукъ передняго резонатора, около d^4 (re^6). Русское ударенное *і* передъ палатализованнымъ согласнымъ колеблется около d^4—dis^4 и выше, передъ твердыми согласными и въ концѣ обыкновенно около cis^4—dis^4. Въ палатограммѣ 28 узкое *і* въ «ивѣ» произносилось съ особой интенсивностью, вслѣдствіе чего разница въ высотѣ его отъ болѣе широкаго *і* въ «ива» больше, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ. Палатализація послѣдующаго согласнаго содѣйствуетъ подъему спинки языка (стр. 199, 202), какъ и предшествующіе зубные согласные, вслѣдствіе чего при нихъ характерный шумъ въ общемъ немного повышается; наоборотъ, сосѣдніе губные согласные понижаютъ его, такъ какъ закрываютъ нѣсколько губы — уменьшаютъ отверстіе резонатора.

При узкомъ русскомъ *е*, т. е. передъ мягкимъ согласнымъ, напр. въ «эти», передній резонаторъ нѣсколько длиннѣе и въ

особенности сзади шире, чѣмъ при *i* — среднее твердонебное положеніе языка (см. палатограму 29), вслѣдствіе чего собственный звукъ нѣсколько ниже, подъ удареніемъ между h^3 до cis^4.

При такомъ же дальнѣйшемъ удлиненіи резонатора получается широкое русское *e* («это»), которое въ общерусскомъ языкѣ колеблется около gis—ais^3 (палатограмма 29).

При русскомъ *ä* (*a*ᵉ, напр. въ «вялый») длинный соединенный резонаторъ (низкое твердонебное положеніе языка) имѣетъ высоту около g^3—gis^3. Самый широкій объемъ резонатора при наибольшей длинѣ его является при звукахѣ *a* (низкое мягконебное положеніе языка). Онъ приблизительно на сексту ниже *i* и почти на октаву выше *u* (русск. у), и колеблется въ русскомъ языкѣ около e^3 — g^3, а передъ палатализованными согласными, особенно зубными, около g^3—gis^3 («дать», «казнь»).

При *o* задняя спинка языка приподнята къ задней части мягкаго неба, а передняя спинка оттянутаго назадъ языка опущена. Резонаторъ короче, чѣмъ при а, зато и передняя часть ýже (уголъ челюстей меньше, среднее мягконебное положеніе) и самое главное—губное отверстіе гораздо меньше вслѣдствіе лабіализаціи. Оттого высота характернаго тона русскаго *o* около gis^2—h^2, передъ палатализованными согласными около ais^2—c^2. Вообще русское *o*, вслѣдствіе неэнергичной лабіализаціи, принадлежитъ къ болѣе высокимъ *o*. Обыкновенное разстояніе отъ *e* около октавы, или меньше (при слабой лабіализаціи).

При *u* (у) задняя спинка языка приподнята къ переднему мягкому небу, а передняя спинка низко опущена и оттянута назадъ (см. рис. 27), вслѣдствіе чего резонаторъ сзади короче, чѣмъ при *o*. Зато спереди, вслѣдствіе вытягиванія губъ впередъ, длина нѣсколько увеличена. Кромѣ того вся передняя часть резонатора ýже, чѣмъ при о (уголъ челюстей меньше, такъ какъ мягконебный высокій звукъ). Но и все это не дало бы пониженія сравнительно съ *o*, если бы губное отверстіе не было меньше, чѣмъ при *o* (бóльшая лабіализація). Собственный звукъ гласнаго *у* не передъ мягкими согласными около f^2 — g^2, передъ палатализованными согласными около g^2—gis^2. Значительныя колебанія объясняются колебаніями въ величинѣ губного отверстія.

Въ *ö* и *ü* (болѣе задніе твердонебные, средній и высокій, см. діаграмму гласныхъ на стр. 166) собственный звукъ нѣсколько ниже, чѣмъ при *e* и *i*, не только потому, что при первыхъ пе-

редній резонаторъ нѣсколько длиннѣе и сзади шире, но особенно вслѣдствіе лабіализаціи. Широкое ö въ французскомъ peur я наблюдалъ около fis^3; напряженное ö напр. въ нѣмецкомъ schön или французскомъ feu около g^3. Широкое ü въ нѣмецкомъ Sünde gis^3 — a^3; напряженное ü напр. въ kühl доходитъ до h^3, можетъ быть даже выше. Французское узкое ü вслѣдствіе болѣе сильной лабіализаціи нѣсколько ниже (ruse, fumée).

При носовыхъ гласныхъ резонаторъ сзади удлиняется присоединеніемъ носовой полости. Поэтому собственный звукъ соединенныхъ резонаторовъ приблизительно на терцію ниже, чѣмъ при чистыхъ гласныхъ.

Если мы производимъ движенія органовъ рѣчи съ цѣлью получить извѣстные звуки, то тѣ явленія при образованіи гласныхъ, которыя разсматриваются въ физіологіи органовъ рѣчи и на основаніи которыхъ производится классификація гласныхъ, имѣютъ лишь вторичное значеніе. Подъемъ спинки языка, лабіализація и пр. суть лишь средства для полученія резонаторовъ извѣстной формы, дающихъ нужные характерные шумы. Такимъ образомъ при описаніи укладки органовъ рѣчи для разныхъ звуковъ рѣчи нужно было бы собственно исходить отъ физическихъ условій звуковъ и говорить, что напр. *і* требуетъ очень высокаго характернаго тона, слѣдовательно очень короткаго резонатора, широкаго отверстія и пр., притомъ такой-то формы, чтобы получались и остальные тоны нужнаго для *і* характернаго шума. Для этого передняя спинка языка должна подниматься къ переднему твердому небу и образовать здѣсь такимъ-то образомъ нужный резонаторъ. А спереди резонаторъ этотъ долженъ оканчиваться забами, и пр. Но такая постановка дѣла при настоящемъ знаніи физической стороны звуковъ рѣчи и условій образованія собственныхъ тоновъ въ резонаторѣ невыполнима. Мы не можемъ напр. указать, какіе изъ побочныхъ характерныхъ тоновъ звука *у* требуютъ для него болѣе короткаго сзади резонатора, чѣмъ для *о*, такъ какъ, судя по главному характерному тону, для *у* можно было бы скорѣе ожидать болѣе длиннаго сзади резонатора. Но ясное пониманіе взаимной зависимости физической и физіологической стороны звуковъ рѣчи, насколько это возможно, и теперь необходимо, такъ какъ съ этимъ связано вѣрное пониманіе многихъ явленій фонетики.

§ 7. Физіологическая классификаціи шумныхъ согласныхъ. Характерные шумы ихъ.

Шумные согласные въ отличіе отъ сонорныхъ согласныхъ и отъ гласныхъ.

По старому дѣленію звуки рѣчи дѣлятся на гласные и согласные. Но это дѣленіе лишь частію оправдывается физіологическими и акустическими условіями ихъ. Изъ согласныхъ нужно выдѣлить плавные (l и r безъ раскатовъ) и носовые (m и разные n), которые вмѣстѣ съ гласными образуютъ классъ сонорныхъ звуковъ. Остающіеся затѣмъ согласные образуютъ классъ шумныхъ звуковъ или шумныхъ согласныхъ.

Отличительный признакъ шумныхъ согласныхъ отъ сонорныхъ составляетъ сравнительно сильный шумъ, образуемый въ полости рта, при гортанныхъ шумныхъ въ гортани, посредствомъ преграды, противопоставляемой выдыхаемому току воздуха. Преграда эта является или въ видѣ тѣснины, оставляющей узкую щель для прохода выдыхаемаго воздуха, напр. при русск. *с*, *ф*, *х*, или въ видѣ полнаго затвора, какъ напр. при *т*, *к*, *п*. Сила характернаго шума въ шумныхъ согласныхъ настолько велика, что при присутствіи голоса, т. е. въ звонкихъ шумныхъ согласныхъ какъ *з*, *в*, *д*, *б* и пр., шумъ можетъ восприниматься ясно какъ самостоятельная составная часть звука, раздающаяся вмѣстѣ съ музыкальнымъ звукомъ голоса. Для начальныхъ наблюденій лучше всего произносить продолжительные *в*, *з*, *ж*.

Большая сила шума въ шумныхъ согласныхъ объясняется тѣмъ, что воздухъ, сдавливаемый за преградой и потому вырывающійся быстрой струей черезъ узкое отверстіе, трется о неровныя стѣнки этого отверстія (т. е. въ токѣ образуется масса частичныхъ теченій направляемыхъ съ однихъ мѣстъ стѣнокъ противъ другихъ) и затѣмъ отсюда направляется съ силой противъ другой стѣнки полости рта, которой этотъ токъ разбивается. Эти движенія передаютъ воздушному столбу въ полости рта разныя многочисленныя очень быстрыя частичныя колебанія, составляющія очень сложные высокіе шумы. Происхожденіе этихъ шумовъ такое же, какъ въ мундштукѣ органныхъ трубъ безъ язычка или въ окарино, только шумы этихъ инструментовъ менѣе

сложны, вслѣдствіе большей правильности формы ихъ. Шумы слышны въ нихъ, если дуть въ нихъ съ слабой силой, не дающей музыкальнаго звука.

Различіе между характерными шумами гласныхъ, плавныхъ и носовыхъ, съ одной стороны, и шумныхъ согласныхъ, съ другой стороны, можно приблизительно выяснить себѣ на слѣдующемъ простомъ опытѣ. Если дунуть слабо въ обыкновенный чайный стаканъ, приставивъ его отверстіе близко къ губамъ, то раздается собственный слабый шумъ заключенной въ немъ воздушной массы. Шумъ этотъ довольно близокъ къ музыкальному звуку и высота его ясно слышна. Если затѣмъ дунутъ сверху прямо противъ края стакана (лучше взять стаканъ съ тонкими краями), то раздается значительно болѣе сильный и сложный специфическій шипящій шумъ, съ трудно уловимой высотой. Но вмѣстѣ съ нимъ раздается еще и первый шумъ т. е. собственный звукъ воздушной массы въ стаканѣ, приведенной въ свойственныя ей колебанія разбрасываемой краемъ стакана струей. При этомъ собственный звукъ внутренности стакана настолько усиливается, что имъ опредѣляется высота всего этого сложнаго шума, который поэтому имѣетъ ту же высоту, что внутренность стакана. Если наливать понемногу воды въ стаканъ и повторять эти придуванія, то различіе въ общемъ характерѣ и силѣ обоихъ шумовъ сохраняется, но въ обоихъ шумахъ высота одинаково повышается по мѣрѣ уменьшенія внутренняго пустого пространства стакана.

Съ шумомъ перваго рода, т. е. собственнымъ звукомъ стакана, можно сравнивать характерные шумы гласныхъ и сонорныхъ согласныхъ, характерные шумы которыхъ образуются такъ же въ полости рта какъ собственные звуки этого пустого пространства при извѣстной укладкѣ; а съ шумами второго рода, получаемыми отъ тренія и разбиванія воздушнаго тока о край стакана въ связи съ собственнымъ шумомъ внутренняго пустого пространства стакана, можно сравнивать характерные шумы шумныхъ согласныхъ. Изъ сравненія обоихъ шумовъ становится понятнымъ, что перваго рода шумъ долженъ заглушаться голосомъ и придаетъ голосу лишь характерную окраску или тембръ, между тѣмъ какъ второго рода шумъ, какъ въ шумныхъ согласныхъ, рѣзко выдѣляется, а голосъ, если присутствуетъ, составляетъ лишь придатокъ къ шуму.

Правда, шумы отъ тренія и разбиванія воздушнаго тока находятся также въ зависимости отъ формы резонатора и въ органной трубѣ они совершенно заглушаются собственнымъ звукомъ наставной трубы. Но при слабомъ вдуваніи раздается и въ органной трубѣ сложный шумъ, а ротовая полость имѣетъ очень неправильную сложную форму и большею частію мягкія стѣнки, вслѣдствіе чего ею поддерживается масса разныхъ негармоничныхъ колебаній.

Колебанія передаются отъ мѣста преграды также и резонатору, находящемуся позади преграды. Высота характернаго шума согласнаго опредѣляется величиною или одного передняго резонатора (у мягконебныхъ и твердонебныхъ), или величиною задняго резонатора въ связи съ переднимъ (у зубныхъ и зубогубныхъ). При губогубныхъ существуетъ только задній резонаторъ, при шипящихъ только передній резонаторъ.

Шумные согласные классифицируются на основаніи слѣдующихъ условій производства ихъ: 1) по мѣсту образованія преграды, 2) по роду преграды, т. е. образуется ли тѣснина или затворъ, 3) по участію или неучастію голоса, 4) по силѣ (энергіи) производства шума, 5) по степени напряженности артикулирующихъ органовъ и стѣнокъ резонаторовъ, а также на основаніи другихъ признаковъ, какъ палатализаціи, лабіализаціи и пр.

Степень напряженности и силы, участіе голоса въ шумныхъ согласныхъ.

Степень напряженности артикулирующихъ органовъ вліяетъ особенно при затворныхъ согласныхъ (*k*, *t*, *p* и пр.) на качество звука. При напряженности мѣста прикосновенія ўже, прикосновеніе энергичнѣе, сильнымъ токомъ въ моментъ взрыва разрывается затворъ, акустическое впечатлѣніе болѣе рѣзкое вслѣдствіе большей твердости стѣнокъ резонатора. Такая напряженность слышится особенно въ глухихъ взрывныхъ. Напряженность въ общемъ гораздо больше напр. во французскомъ языкѣ, чѣмъ въ русскомъ. При малой напряженности мѣста соприкосновенія шире, взрывъ производится раздвиженіемъ затвора, звукъ взрыва болѣе слабый и болѣе глухой.

По силѣ производства шумные согласные могутъ быть сильные (fortes), слабые (lenes) и т. д. Такъ напр. русскіе *к*, *т*, *ф* и пр. сильные въ сравненіи съ слабыми *г*, *д*, *в*, и пр.

(ср. выше стр. 146). По записи сила опредѣляется амплитудой кривой. При болѣе энергичномъ производствѣ звуковъ движенія органовъ рѣчи производятся съ большей полнотой, вслѣдствіе чего на палатограммахъ мѣста прикосновенія сильныхъ согласныхъ больше.

На основаніи участія или неучастія голоса согласные дѣлятся на звонкіе (голосные, tonantes) и глухіе (безголосные, atonae). Русскіе *к*, *т*, *ф*, *с* и пр. глухіе, *г*, *д*, *в*, *з* и пр. звонкіе. Напр. въ извѣстныхъ германскихъ и армянскихъ говорахъ встрѣчаются и глухіе (слабые) *g*, *d*, *b*, которые можно также называть слабыми *k*, *t*, *p*, такъ какъ они отличаются отъ глухихъ *k*, *t*, *p* лишь меньшей силой. Лучше всего опредѣлять присутствіе или отсутствіе голоса въ согласныхъ, если произносить ихъ заткнувъ пальцами уши. Для болѣе точнаго опредѣленія времени участія голоса, т. е. вибрацій голосовыхъ связокъ, употребляется аппаратъ—гортанный сигналъ. Гораздо лучшіе результаты даетъ графическій способъ, описанный на стр. 153.

Дѣленіе шумныхъ согласныхъ по роду преграды.

По роду преграды или способу образованія шума мы различаемъ согласные: 1) затворные, называемые также смычными, а по акустическому эффекту также мгновенными (momentanae) или взрывными (explosivae); 2) фрикативные т. е. звуки тренія, называемые также спирантами; 3) аффрикаты или слитные согласные.

При производствѣ затворныхъ согласныхъ въ извѣстной части рта производится полный затворъ. (См. палатограммы 30, 34, 36). Такъ какъ при этомъ входъ въ носовую полость закрытъ, то выдыхаемый изъ легкихъ токъ воздуха, не находя выхода, сдавливается и напираетъ между прочимъ на мѣсто затвора. При размыканіи затѣмъ затвора воздухъ вдругъ вырывается съ шумомъ въ видѣ взрыва, кончающагося быстро и незамѣтно.

Затворные согласные состоятъ собственно изъ трехъ моментовъ: затвора, выдержки затвора т. е. промежутка между затворомъ и растворомъ, и раствора (взрыва). При удлиненіи выдержки затвора получаются долгіе затворные согласные. Моменты затвора и раствора не могутъ быть удлиняемы.

Акустически взрывъ является обыкновенно самой сильной, а поэтому самой характерной частью этихъ согласныхъ. Но въ концѣ слога наиболѣе слышнымъ является небольшой шумъ передъ затворомъ, который рѣзко обрывается затворомъ; а ко времени раствора давленіе воздуха успѣло настолько ослабѣть къ концу слога, что шумъ раствора мало слышенъ. Такіе взрывные согласные называются иногда implosivae, въ отличіе отъ explosivae, въ которыхъ главной частью является взрывъ. Такъ, въ «топотъ», «человѣкъ» и пр. послѣдніе согласные implosivae.

Во время выдержки затвора глухихъ затворныхъ согласныхъ является отсутствіе всякаго звука, но не отсутствіе артикуляціи. А въ звонкихъ затворныхъ согласныхъ во время выдержки затвора слышится нерѣдко глухой голосъ, производимый въ закрытую полость рта (Blählaut). Онъ усиливается къ моменту взрыва, но можетъ и постепенно замирать передъ самымъ растворомъ вслѣдствіе переполненія полости рта воздухомъ. Конечно главное отличіе звонкихъ затворныхъ согласныхъ отъ глухихъ заключается въ томъ, что при растворѣ звонкихъ согласныхъ вырывается звучащій токъ воздуха, приведенный голосовыми связками въ колебанія, называемыя голосомъ; а при глухихъ вырывается незвучащій токъ, прошедшій черезъ раскрытую голосовую щель.

Особый подклассъ затворныхъ согласныхъ образуютъ придыхательные согласные (aspiratae), какъ древнеиндійскіе глухіе *kh*, *th*, *ph*, и звонкіе *gh*, *dh*, *bh*. Въ нѣмецкомъ языкѣ въ ударенныхъ слогахъ *k*, *t*, *p* произносятся обыкновенно какъ придыхательные *kh*, *th*, *ph*, напр. въ Ton, kein. Впрочемъ обозначеніе придыханія посредствомъ *h* неточно, такъ какъ *h* обозначаетъ собственно гортанный фрикативный согласный (см. стр. 146). А въ придыхательныхъ затворныхъ послѣ взрыва слѣдуетъ только сильное выдыханіе, производящее болѣе или менѣе сильный шумъ въ самой полости рта.

При производствѣ фрикативныхъ согласныхъ (спирантовъ) артикулирующіе органы сближаются настолько, что между ними образуется узкая щель—тѣснина. (См. палатограммы 31, 32, 33). Проходящій черезъ нее сдавленный токъ воздуха производитъ треніе (отсюда названіе этихъ согласныхъ: fricare значитъ тереть) о края отверстія и противъ стѣнки, преграждающей ему путь, вслѣдствіе чего раздается шумъ, ко-

торый можно назвать свистомъ или шипѣніемъ. Къ фрикативнымъ согласнымъ относятся глухіе f, s, š, χ (русскіе ф, с, ш, х) и звонкіе v, z, ž γ (русскіе в, з, ж, ѓ напр. въ бога, богатый).

Фрикативные согласные вмѣстѣ съ плавными и носовыми называются также длительными согласными, въ отличіе отъ взрывныхъ и аффрикатъ, называемыхъ мгновенными, такъ какъ фрикативные можно удлинять, покуда хватитъ дыханія.

Аффриката или слитный согласный состоитъ изъ тѣснаго соединенія затворнаго согласнаго съ послѣдующимъ фрикативнымъ, образуемымъ въ томъ же мѣстѣ, при тѣхъ же условіяхъ. Таковы p͡f, t͡s (нѣмец. z, русское ц), t͡š (русское ч), k͡χ (греч. χ, употребляемое въ транскрипціи, обозначаетъ тотъ же звукъ, что русская буква х), d͡z (старославянское діалектическое ѕ), d͡ž (итальянское giorno) и пр. Обозначеніе аффрикатъ посредствомъ двухъ буквъ неточно, такъ какъ обѣ вмѣстѣ обозначаютъ одинъ нераздѣльный звукъ, на что указываетъ соединяющая ихъ дуга. Аффрикаты происходятъ обыкновенно изъ придыхательныхъ затворныхъ, если размыканіе происходитъ недостаточно быстро при сильномъ выдыханіи, такъ что размыкающіяся части пребываютъ еще моментъ въ положеніи производства фрикативнаго: p͡h > p͡f и пр. При дальнѣйшемъ историческомъ развитіи p͡f, k͡χ и пр. переходятъ обыкновенно въ спиранты f, χ.

Дѣленіе шумныхъ согласныхъ по мѣсту образованія преграды.

По мѣсту образованія преграды согласные дѣлятся на слѣдующіе классы: 1) губные, 2) зубные въ широкомъ смыслѣ, включая сюда и альвеолярные, 3) твердонебные или палатальные, 4) мягконебные или велярные, 5) гортанные. Большинство изъ этихъ областей обширны и допускаютъ разныя болѣе мелкія подраздѣленія. Разсмотрю ихъ въ обратномъ порядкѣ.

а) Мягконебные шумные согласные.

При мягконебныхъ согласныхъ затворъ или тѣснина образуется задней спинкой языка противъ мягкаго неба, почему эти согласные называются также заднеязычными. Вырывающаяся отсюда струя воздуха направляется противъ твердаго неба и разбивается имъ. Другія названія ихъ: велярные (отъ velum palati), задненебные, гортанные (совершенно

ошибочное названіе, переводъ латинскаго gutturales, отъ guttur—гортань).

Мягконебные согласные русскаго языка слѣдующіе: при затворѣ безъ участія голоса — глухой затворный (взрывной) k (к); при затворѣ съ участіемъ голоса — звонкій затворный g (г); при тѣснинѣ безъ голоса—глухой фрикативный χ (х); при тѣснинѣ съ участіемъ голоса—звонкій фрикативный звукъ, передаваемый въ научной транскрипціи греческой буквой γ, въ русскомъ письмѣ посредствомъ *г*, напр. въ Бога, богатый. Въ малорусскомъ языкѣ *г* обозначаетъ исключительно такой звонкій фрикативный, соотвѣтствующій великорусскому мягконебному затворному *г*. Въ общерусскомъ языкѣ этотъ звукъ употребляется только въ нѣкоторыхъ словахъ. Для удобства я обозначаю этотъ звукъ, кромѣ γ, еще посредствомъ ґ.

Нужно различать передніе и задніе или глубокіе мягконебные согласные. Передніе мягконебные согласные производятся задней спинкой языка противъ мягкаго неба въ тѣсномъ смыслѣ, а задніе мягконебные—противъ передней и особенно задней поднебной дуги. Русскіе *к* и *г* относятся къ переднимъ, а фрикативные *х* и ґ относятся большею частію къ заднимъ мягконебнымъ. Въ семитическихъ языкахъ и пр. существуютъ и соотвѣтствующіе глубокіе мягконебные затворные.

Мягконебная глухая аффриката k͡χ существовала въ древнегреческомъ языкѣ и произошла изъ болѣе древняго придыхательнаго k и затѣмъ измѣнилась въ фрикативный χ. Артикуляціи мягконебныхъ согласныхъ вполнѣ видны въ зеркало.

b) Твердонебные шумные согласные.

При твердонебныхъ или палатальныхъ согласныхъ (palatales, отъ palatum — твердое небо) затворъ или тѣснина производится средней спинкой языка противъ задняго твердаго неба, почему называютъ ихъ и среднеязычными. Вырывающаяся струя воздуха направляется главнымъ образомъ противъ верхней передней десны. Сюда относятся напр. нѣмецкіе твердонебные затворные k и g въ Kirsche, Gyps и пр. и фрикативные ch и j напр. въ Licht, jeder.

Въ русскомъ языкѣ эти согласные существуютъ только какъ мягкіе, т. е. съ палатализаціей (стр. 202, 203). Сюда относятся русскіе мягкіе: глухой затворный *к'* (напр. въ кѣмъ, кисть),

звонкій затворный $г'$ (гибель), глухой фрикативный x' (хилый), звонкій фрикативный іотъ (j), если въ словахъ какъ jолка (елка), jесть (есть) слышится шумный согласный, а не i̯ неслоговое. (Знакомъ ' при согласныхъ принято обозначать мягкость ихъ).

Твердонебные согласные называются еще просто небными (переводъ слова palatales), а также средненебными, и въ нихъ можно различать, по мѣсту образованія, передніе и задніе твердонебные. Терминъ «палатальный» не слѣдуетъ смѣшивать съ терминомъ «палатализованный», обозначающимъ палатализацію т. е. смягченіе.

Въ помѣщенной здѣсь палатограммѣ 30 видны мѣста прикосновенія языка къ небу при нѣмецкомъ средненебномъ (несмягченномъ) k въ «kennen», и русскомъ (мягкомъ, палатализованномъ) k' въ «кѣмъ». На рис. 31 помѣщены палатограммы нѣмецкаго твердонебнаго спиранта ch въ Licht и русскаго x' въ «хилый». Предѣльныя линіи раіона прикосновенія 1 (при x') и 2 (при ch) скрещиваются на лѣвой сторонѣ палатограммы, слѣдовательно въ правой сторонѣ рта. Эти линіи, конечно, не всегда бываютъ вполнѣ одинаковы.

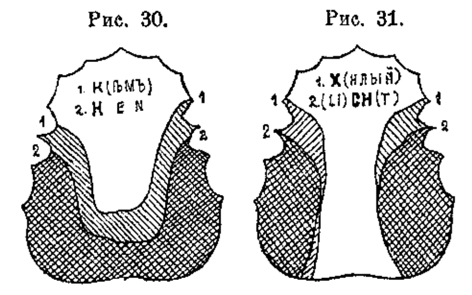

Рис. 30. Рис. 31.

c) Зубные шумные согласные.

Подъ названіемъ зубныхъ согласныхъ понимаются обыкновенно не только тѣ, которые образуются у самихъ зубовъ, но и образуемые въ области верхней десны. Зубные согласные образуются 1) противъ передней верхней десны, и 2) противъ верхняго края переднихъ зубовъ и нижняго края передней десны одновременно. Первые называются альвеолярными, вторые называются верхнезубными (supradentales). Языкъ артикулируетъ въ обоихъ случаяхъ или кончикомъ (точнѣе: переднимъ краемъ) или передней спинкой. Къ верхнезубнымъ относятся въ произношеніи большинства русскіе глухой затворный t (т) и звонкій затворный d (д). 3) Чисто зубные (зазубные—

postdentales) t, d образуются кончикомъ языка противъ верхнихъ переднихъ зубовъ.

4) Межзубные (interdentales) образуются передней верхней спинкой языка противъ нижняго края верхнихъ переднихъ зубовъ, такъ что кончикъ языка нѣсколько выступаетъ изъ-за верхнихъ зубовъ. Такіе *t*, *d* встрѣчаются напр. въ языкахъ сербскомъ и армянскомъ. Сюда относятся новогреческій глухой фрикативный ϑ и звонкій δ, рѣдко англійскій th глухой (напр. въ thurst) и звонкій (напр. въ the). Обыкновенно эти англійскіе фрикативные производятся кончикомъ языка за нижнимъ краемъ переднихъ верхнихъ зубовъ, однако такъ, что кончикъ языка заслоняетъ нижніе зубы отъ струи, направляя ее мимо нижнихъ зубовъ къ внутренней стѣнкѣ нижней губы.

Къ зубнымъ согласнымъ въ широкомъ смыслѣ относятъ еще 5) тѣ согласные, образуемые противъ твердаго неба, которые имѣютъ съ зубными, въ отличіе отъ твердонебныхъ, то общее, что образуются кончикомъ языка, а не средней спинкой, и потому по положенію языка и по акустическому впечатлѣнію близко родственны съ зубными. Сюда относятся такъ называемые верхненебные или церебральные индійскіе согласные (mūrdhanya), производимые нижнимъ краемъ кончика языка, нѣсколько загнутаго назадъ, противъ твердаго неба. Въ санскритской транскрипціи они передаются посредствомъ ṭ, ṭh, ḍ, ḍh, ṇ, ṣ̌. Въ виду отнесенія такихъ твердонебныхъ согласныхъ къ зубнымъ, зубные согласные въ совокупности называются еще небнозубными, а по положенію языка—переднеязычными.

При производствѣ такъ называемыхъ «свистящихъ», т. е. глухого фрикативнаго зубного s (русскаго с) и звонкаго z (русскаго з), тѣснина образуется передней спинкой языка противъ десны и верхнихъ зубовъ. При этомъ передняя спинка языка образуетъ въ срединѣ желобокъ (см. палатограмму 32), по которому выдыхаемый воздухъ вырывается узкою струею, направляясь подъ небольшимъ угломъ

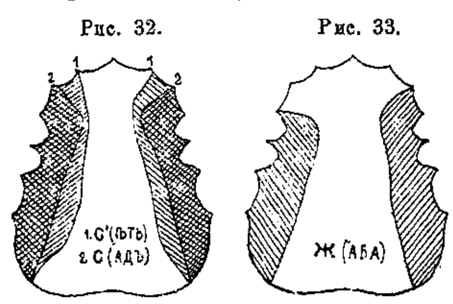

Рис. 32. Рис. 33.

противъ передней десны и переднихъ верхнихъ зубовъ, откуда онъ направляется на край нижнихъ зубовъ. [Мѣсто, противъ котораго направляется токъ, узнается изъ ощущенія при продолжительномъ энергичномъ производствѣ звука. Можно вставить туда кончикъ пальца, на которомъ ощущается дѣйствіе тока, или полоску твердой бумаги, и тогда раздается особый шелестъ, когда токъ направленъ на нее].

Самая сильная часть шума s, z получается отъ разбиванія струи о край переднихъ нижнихъ зубовъ, откуда главный токъ направляется противъ нижней губы. Въ значеніи нижнихъ зубовъ для s, z, можно убѣдиться, если удалить нижніе зубы опусканіемъ нижней челюсти т. е. широкимъ раскрытіемъ рта. Тогда s и z теряютъ свой характерный шумъ. Что для этихъ звуковъ нужны твердая стѣнка переднихъ верхнихъ зубовъ и твердый сравнительно тонкій край переднихъ нижнихъ зубовъ, явствуетъ изъ сравненія съ произношеніемъ лицъ, потерявшихъ передніе зубы.

При образованіи «шипящихъ», т. е. глухого зубного фрикативнаго š (рус. ш, нѣм. sch) и звонкого ž (ж), весь край передней спинки языка, какъ спереди такъ и по бокамъ, приподнятъ кверху къ деснамъ, но такъ, что между нимъ и десной образуется длинная щель, дугообразно огибающая весь край передней спинки языка (см. палатограмму 33). По этой щели воздухъ разливается широкой струей на край нижнихъ зубовъ, гдѣ онъ съ силой разбиваясь приводитъ въ шипѣніе воздухъ въ резонаторѣ, образуемомъ между нижней спинкой языка и нижними зубами, къ которому прибавляется еще длинное пространство передъ зубами, ограниченное щеками и губами. Въ этомъ большомъ сложномъ резонаторѣ образуется характерный очень сложный шумъ шипящихъ.

При свистящихъ этотъ резонаторъ уничтожается тѣмъ, что нижняя спинка языка вплотную прижимается къ нижнимъ деснамъ и зубамъ, оставляя свободнымъ лишь верхній край зубовъ для разбиванія струи. Если при š струя слишкомъ узка, такъ что ударяется только напр. въ 2 переднихъ зуба, или резонаторъ для š слишкомъ малъ, то получается звукъ не то s, не то š (ш). Поэтому по мѣрѣ смягченія š (ш), т. е. по мѣрѣ уменьшенія его резонатора, онъ постепенно переходитъ въ s (с) съ болѣе сложнымъ шумомъ, въ виду большей ширины струи.

Къ зубнымъ фрикативнымъ относятся еще упомянутые

выше греческіе межзубные ϑ, δ и англійскіе глухой и звонкій th. Особенность шума ихъ, въ отличіе отъ s, получается отъ того, что разбиваніе струи о край нижнихъ зубовъ устраняется при помощи кончика языка, покрывающаго нижніе зубы. Струя трется о край и промежутки верхнихъ зубовъ и направляется отсюда главнымъ образомъ противъ внутренней стѣнки верхней или нижней губы.

Къ зубнымъ альвеолярнымъ аффрикатамъ относятся глухое t͡š (русское *ч*, которое всегда мягкое) и звонкое d͡ž (діалектически въ малорусскомъ и въ бѣлорусскомъ напр. виджу, въ итальянскомъ языкѣ напр. giorno).

Русскія аффрикаты *ц* глухая и д͡з звонкая (напр. мягкое д͡з, а также ц', въ бѣлорусскомъ «дзевяць», старославянское діалектическое ѕ напр. въ ноѕѣ) относятся къ верхнезубнымъ или альвеолярнымъ аффрикатамъ.

Древнегреческій звукъ ϑ былъ въ началѣ письменности глухой зубной придыхательный t, перешелъ въ аффрикату (t͡ϑ), которая затѣмъ измѣнилась въ фрикативный ϑ, какъ k͡χ и p͡f измѣнились въ χ и f (χ, φ).

d) Губные шумные согласные.

При губныхъ согласныхъ преграда производится или верхней и нижней губами (губогубные, bilabiales), или нижней губой и нижнимъ краемъ верхнихъ зубовъ (зубогубные согласные, dentilabiales).

Губные затворные глухой p (русскій п) и звонкій b (русскій б) образуются билабіально; зубогубной затворный согласный почти невозможенъ, такъ какъ воздухъ проходитъ черезъ промежутки зубовъ.

Фрикативные губные, глухой f (русск. ф) и звонкій v (русск. в), производятся обыкновенно какъ зубогубные. При зубогубномъ f и v воздухъ трется о край и промежутки верхнихъ зубовъ, откуда струя направляется нижней губой противъ внутренней стѣнки верхней губы, гдѣ образуется еще значительный специфическій шумъ. Значеніе его видно, если при производствѣ f оттянуть верхнюю губу пальцами вверхъ.

При губогубныхъ v и f струя не встрѣчаетъ дальнѣйшихъ препятствій, почему шумъ ихъ крайне слабъ. Впрочемъ звонкій

билабіальный губной спирантъ встрѣчается довольно часто въ разныхъ языкахъ.

Англійское w отличается отъ неслогового u̯ (стр. 220) акустически присутствіемъ шума, физіологически меньшимъ отверстіемъ губъ. Отъ билабіальнаго v оно отличается тѣмъ, что края губъ установлены при v почти прямолинейно и параллельно, между тѣмъ какъ при w губы образуютъ очень маленькое круглое отверстіе и кромѣ того задняя спинка языка поднята къ мягкому небу, какъ при слоговомъ u (рус. у). Подобный звукъ употребителенъ и въ малорусскомъ языкѣ, напр. въ даў (далъ), воўк (волкъ), синіў, и діалектически въ великорусскомъ языкѣ, напр. городоў и пр., и повидимому въ бѣлорусскомъ, напр. городоў. Не всегда можно строго отдѣлять w (ў) отъ билабіальнаго v (в) и послѣдняго отъ зубогубного v (в).

Глухая губная аффриката есть напр. въ нѣмецкомъ Pferd, когда p произносится, причемъ f билабіальное.

e) Гортанные шумные согласные.

Благодаря подвижности голосовыхъ связокъ въ гортани можно такъ же, какъ въ полости рта, противопоставлять току выдыхаемаго воздуха тѣснину или затворъ и такимъ образомъ образовать гортанные шумные согласные, фрикативные и взрывные. Нѣмецкое, англійское и пр. h (иногда и русское х) представляетъ такой глухой гортанный фрикативный (стр. 146), который впрочемъ въ извѣстныхъ сочетаніяхъ бываетъ и звонкимъ, какъ всегда h древнеиндійскаго языка. Въ семитическихъ языкахъ существуютъ и гортанные затворные. Гортанный слабый глухой затворный является обыкновенно въ нѣмецкомъ языкѣ передъ начальными ударенными гласными, хотя онъ въ письмѣ не обозначается (ˀein, ˀaber). Этотъ согласный можно называть и крѣпкимъ приступомъ гласнаго (см. ниже § 15).

Характерные шумы, твердость и мягкость шумныхъ согласныхъ.

Мы видѣли, что въ гласныхъ абсолютная высота характернаго шума ихъ имѣетъ существенное значеніе для характеристики каждаго гласнаго въ нашихъ слуховыхъ ощущеніяхъ, почему опредѣленіе одного характернаго тона каждаго гласнаго

до нѣкоторой степени замѣняетъ полный акустическій анализъ гласнаго. Въ согласныхъ дѣло обстоитъ иначе. Въ «сѣть»—«садъ»—«судъ», «Ѳедя»—«ѳутъ» и пр. высота шума согласныхъ s (*с*) и f (*ф*) представляетъ различія въ предѣлахъ около октавы, тѣмъ не менѣе каждый такой *с* или *ф* сохраняетъ свой характерный тембръ шума, и совпаденіе по высотѣ *с*, *ф*, *х* и пр. нисколько не сближаетъ этихъ согласныхъ. Очевидно музыкальная высота шума того или другого согласнаго не можетъ считаться существенной принадлежностью его, а можетъ служить лишь для различія разныхъ s или f и пр. другъ отъ друга.

Шумные согласные съ высокимъ шумомъ принято называть мягкими, какъ напр. *х'* въ «хилый», *к'*, *с'*, *т'* въ «кисть» «тесть» и пр. Но на различіе между k, χ, s и пр. въ «каста», «хата», «сала» съ одной стороны, и въ «кусту», «худомъ», «суду»—съ другой, обыкновенно не обращаютъ вниманія и ихъ называютъ одинаково твердыми, хотя послѣдніе всегда на нѣсколько тоновъ ниже первыхъ. Отсюда слѣдуетъ, что при описаніи согласныхъ какого-нибудь языка или говора опредѣленіе абсолютной высоты ихъ въ разныхъ положеніяхъ служитъ незамѣнимымъ средствомъ для болѣе точной характеристики согласныхъ, для которой теперь употребляютъ только субъективныя градаціи по общему слуховому впечатлѣнію: «твердый», «мягкій» и иногда «полумягкій».

Изъ предыдущаго ясно, что характерной частію каждаго шумнаго согласнаго нужно считать ту составную часть шума его, которая одинаково присуща высокому (мягкому) и низкому (твердому) s или χ или k, p, t и пр. Она собственно и есть характерный шумъ каждаго согласнаго въ отличіе отъ характерныхъ шумовъ другихъ согласныхъ. Составы этихъ шумовъ очень сложны и не выяснены.

Для нашей цѣли важнѣе выяснить связь характерныхъ шумовъ согласныхъ и высоты ихъ съ тѣми физіологическими условіями, при которыхъ они возникаютъ. На стр. 187 я сравнивалъ характерный шумъ согласнаго съ тѣмъ специфическимъ сильнымъ шумомъ, который получался отъ тренія и разбиванія струи воздуха о край стакана при придуваніи его, между тѣмъ какъ высота получаемаго при этомъ шума опредѣлялась высотой собственнаго звука воздушной массы внутри стакана, приводимой той же струей въ свойственныя ей колебанія. Совершенно

такъ же производится характерный шумъ каждаго шумнаго согласнаго посредствомъ тренія выдыхаемаго тока въ опредѣленной тѣснинѣ и посредствомъ дальнѣйшаго разбиванія получаемой отсюда быстрой струи противъ опредѣленныхъ противопоставленныхъ преградъ, на которыя я указывалъ при разсмотрѣніи согласныхъ по мѣсту образованія ихъ.

При такихъ условіяхъ образуется множество очень высокихъ негармоничныхъ тоновъ, которые для каждаго согласнаго различны, такъ какъ преграды ихъ по формѣ, твердости и пр. различны. Вмѣстѣ съ тѣмъ струя воздуха возбуждаетъ и собственныя колебанія прилегающихъ резонаторовъ рта, и эти частію болѣе низкіе шумы примѣшиваются къ характернымъ шумамъ тренія и опредѣляютъ высоту всего шума согласнаго. Главный резонирующій резонаторъ, отъ котораго зависитъ высота шума согласнаго, можетъ находиться какъ передъ мѣстомъ преграды, такъ и за преградой.

Въ мягконебныхъ шумныхъ согласныхъ k, g, χ, γ (рус. к, г, х, ѓ; греческая буква γ употребляется для передачи мягконебнаго фрикативнаго, какъ малорусское г) высота зависитъ отъ длины и ширины передняго резонатора и отъ величины губного отверстія его. Если исходить изъ твердыхъ k, g и χ, при которыхъ передній резонаторъ почти такой же, какъ при гласныхъ *o* и *u* (у), то для болѣе высокихъ k, g и χ нужно среднюю спинку языка приблизить къ твердому небу для укороченія резонатора, вслѣдствіе чего само мѣсто образованія характернаго шума по необходимости переносится въ область твердаго неба, какъ въ нѣмецкихъ kennen, Licht. Большее укороченіе резонатора, т. е. положеніе передней спинки языка и губъ, близкое къ положенію *i*, даетъ такой высокій шумъ резонатора, при которомъ мы называемъ k, g и χ смягченными или мягкими (палатализованными, стр. 202), какъ въ русскихъ «кисть», «гибель», «хилый» (см. палатограммы 30 и 31). Для самыхъ низкихъ k, g, χ необходима лабіализація (кустъ, гулъ, худо). Въ нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ такихъ низкихъ задненебныхъ согласныхъ, поэтому мало лабіализуютъ k въ Kuh. Но въ нѣмецкомъ нѣтъ и тѣхъ высокихъ твердонебныхъ согласныхъ, которые мы называемъ мягкими. Поэтому напр. въ kennen (палотогр. 30) не укорачиваютъ передняго резонатора такъ, чтобы нужно было переднюю спинку языка поднять въ положеніе какъ при i, т. е. въ поло-

женіе палатализаціи или смягченія. Другими словами, въ нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ настоящихъ лабіализованныхъ и настоящихъ палатализованныхъ согласныхъ k, g, χ. Во французскомъ языкѣ встрѣчается довольно мягкій k.

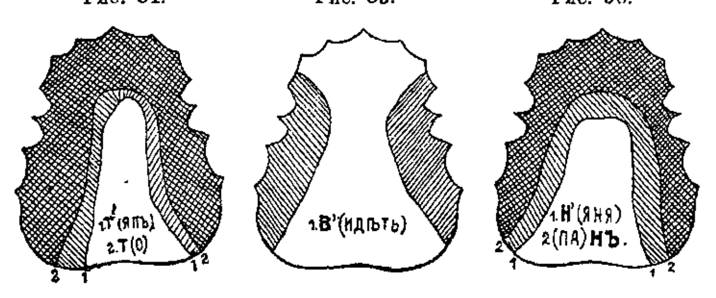
Въ словахъ какъ «аукнется», «сохни», «кухня» устанавливаютъ преграду для *к*, *х* у мягкаго неба, при лабіализаціи. Затѣмъ во время выдержки затвора или тѣснины перекатываютъ спинку языка по небу такъ, что преграда постепенно перемѣщается въ область твердаго неба. Вслѣдствіе этого къ концу производства фрикативнаго или въ моментъ взрыва затворнаго передній резонаторъ настолько укоротился, что съ устраненіемъ губъ шумъ этихъ согласныхъ около октавы выше, чѣмъ при началѣ производства фриктивнаго или въ моментъ затвора. Обратное перемѣщеніе мѣста образованія мы видимъ напр. при *х* въ «мѣху», дающее пониженіе собственнаго тона до сексты.

Въ зубныхъ шумныхъ согласныхъ, кромѣ шипящихъ, высота зависитъ отъ формы задняго резонатора т. е. той части полости рта, которая находится за мѣстомъ образованія преграды. Въ переднемъ резонаторѣ раздается все тотъ же очень высокій характерный шумъ. Но губы вліяютъ на высоту величиной отверстія и вытягиваніемъ (удлиненіемъ резонатора). Всѣ эти измѣненія видны, если производить гаммы на согласный s (рус. с). При длинномъ заднемъ резонаторѣ и лабилизаціи мы произносимъ низкое s напр. въ «судъ». Безъ лабіализаціи получается *с* средней высоты, напр. въ «садъ». При самомъ короткомъ резонаторѣ, образуемомъ между переднимъ твердымъ небомъ и десной и — съ другой стороны—приподнятой передней спинкой языка (палатализація см. палатограмму 32) съ устраненіемъ губъ мы произносимъ высокое с, около октавы выше чѣмъ въ «судъ», напр. въ «сила». Такія же разновидности согласнаго z (рус. з) образуются такимъ же образомъ.

При мягкихъ (палатализованныхъ) t′ и d′ мѣсто прикосновенія передней спинки языка распространяется больше кзади, чѣмъ при твердомъ альвеолярномъ t. Ср. на палатогр. 34 t въ «тяпъ» и «то». Но въ виду затвора это обстоятельство можетъ имѣть значеніе лишь потому, что при затворѣ мягкихъ t′ d′ болѣе задняя часть передней спинки подымается немного раньше къ твердому небу, чѣмъ верхняя спинка кончика языка производитъ затворъ, такъ что затворъ производится въ моментъ, когда

передняя спинка приблизительно въ положеніи для *i*; а при растворѣ спинка кончика языка отрывается отъ десны нѣсколько раньше, чѣмъ опускается болѣе задняя часть передней спинки, такъ что взрывъ происходитъ при короткомъ резонаторѣ, такомъ какъ при e, i. Слѣдовательно мягкость t, d обусловлена главнымъ образомъ не различіемъ въ положеніи языка во время выдержки затвора, которое показывается палатограммой, а различіемъ въ движеніяхъ языка. Нѣмецкіе и французскіе s, t, d и пр. не доходятъ ни до той высоты, при которой требуется по-

Рис. 34. Рис. 35. Рис. 36.

ложеніе палатализаціи, ни до низкаго тона, требующаго лабіализаціи. Поэтому нѣмецкое s ближе къ русскому *с* въ «садъ» или къ s при индифферентномъ положеніи спинки языка; а французское s нѣсколько выше. Конечно и въ нѣмецкомъ и въ французскомъ языкѣ s бываетъ болѣе высокое и болѣе низкое; ср. Sohn — sind. Во французскомъ языкѣ есть мягкое n, напр. въ campagne.

Въ шипящихъ зубныхъ согласныхъ *ш* и *ж* высота обусловлена не заднимъ резонаторомъ, а переднимъ, образуемымъ передъ нижней спинкой языка (см. стр. 195). Поэтому повышеніе шума ихъ (смягченіе) производится укороченіемъ этого резонатора посредствомъ передвиженія нижней спинки языка впередъ къ нижней передней деснѣ. Если языкъ становится близко къ зубамъ, такъ что резонаторъ исчезаетъ, то является с (см. тамъ же). Впрочемъ общерусскіе *ш* и *ж* не произносятся съ короткимъ переднимъ резонаторомъ, т. е. (съ точки зрѣнія акустики) съ высокимъ собственнымъ звукомъ резонатора, или, какъ говорятъ, не смягчаются.

Въ г у б н ы х ъ согласныхъ высота опредѣляется высотой собственнаго шума задняго резонатора. Губы служатъ прежде всего для производства характернаго шума, но по возможности

производятъ и лабіализацію или устраняются для повышенія высоты собственнаго шума резонатора. Такъ, при *п*, *б*, *м* и билабіальномъ *в* съ высокимъ шумомъ, т. е. съ мягкостью, губы открываются длинной узкой щелью (пьяный, мятый), а при низкихъ шумахъ, т. е. при твердости согласныхъ въ связи съ лабіализаціей, губы открываются круглымъ отверстіемъ (пухъ, попъ, мотъ).

При зубогубныхъ тѣ же разнообразія отъ самаго высокаго (видѣть) до низкаго (вулканъ) собственнаго шума резонатора за мѣстомъ преграды. То же слово Vulkan въ нѣмецкомъ безъ настоящей лабіализаціи *v*, а въ wieder безъ палатализаціи *v*.

Подъемъ передней спинки языка для укороченія резонатора съ цѣлью повышенія характернаго шума согласнаго (палатализація) лучше всего видѣнъ при мягкихъ губныхъ, такъ какъ при нихъ языкъ въ производствѣ характернаго шума не участвуетъ, слѣдовательно служитъ исключительно для повышенія собственнаго шума резонатора (для смягченія). На рисункѣ 35 видно положеніе языка при *в'* въ «видѣть». Оно такое же, какъ для слѣдующаго *і* въ «видѣть» (ср. палатограмму 28). Понятно, что при мягкихъ затворныхъ губныхъ (тряп'ки, п'ятый) въ моментъ, предшествующій затвору (implosio), и въ моментъ, послѣдующій за растворомъ (explosio, взрыва), языкъ долженъ находиться въ этомъ положеніи, такъ какъ такое положеніе его во время выдержки затвора никакого значенія не имѣетъ.

Нужно еще замѣтить, что болѣе сильные согласные, т. е. производимые съ большей энергіей и полнотой, напр. глухіе *к*, *т*, *п*, с немного выше, чѣмъ слабые звонкіе *г*, *д*, *б*, *з*; также нѣсколько выше болѣе напряженные согласные, такъ какъ мускулы языка при напряженности становятся болѣе выпуклыми, укорачиваютъ слѣдовательно резонаторъ, хотя мѣста прикосновенія языка къ небу могутъ быть меньше при напряженности.

Палатализація. Веляризація.

Изъ предыдущаго видно, что для образованія короткаго резонатора при производствѣ «мягкихъ» согласныхъ передняя спинка языка подымается къ твердому небу, въ положеніе при которомъ образуется *е* или *і*. Такой подъемъ языка при производствѣ согласныхъ получило особое названіе — п а л а т а л и-

зація (отъ palatum—твердое небо). Конечно, степень мягкости можетъ быть различна и зависитъ отъ степени укороченія резонатора, и кромѣ того отъ степени устраненія губъ.

Отсюда мягкіе согласные получили названіе палатализованные, относящееся къ физіологической сторонѣ этихъ согласныхъ, какъ мягкость относится къ области слуха. Въ русской лингвистической литературѣ стали предпочтительно употреблять термины «палатализація», «палатализованный» какъ синонимы съ «мягкость», «мягкій». Но 1) для мягкости нужно еще устраненіе губъ. 2) Мягкое *ш'* вовсе не палатализуется. Правда, въ общерусскомъ языкѣ его обыкновенно нѣтъ, но оно встрѣчается въ діалектахъ. Впрочемъ напр. въ «дрожжи» болѣе мягкое *ж*. 3) Русское ухо гораздо лучше различаетъ степени мягкости (собственно высоту шума) согласнаго, чѣмъ можно опредѣлить степени палатализаціи. Съ другой стороны, съ исторической точки зрѣнія вѣрнѣе говорить о палатализаціи, такъ какъ преждевременный подъемъ передней спинки языка въ положеніе для слѣдующаго палатальнаго (мягкаго) гласнаго былъ причиной палатализаціи согласнаго, а явившаяся вслѣдствіе этого (и вслѣдствіе предвзятія «устраненія губъ») мягкость согласнаго была лишь явленіемъ вторичнымъ. Потому *ш* и *ж* не смягчаются въ общерусскомъ языкѣ, такъ какъ ихъ смягченіе не находится въ связи съ палатализаціей, т. е. съ артикуляціей слѣдующаго твердонебнаго (палатальнаго) гласнаго.

Другого рода подъемъ языка получилъ также особое названіе, именно веляризація. Она состоитъ въ поднятіи задней спинки языка къ мягкому небу (velum) какъ при производствѣ гласнаго u (у) или *o*. Такъ напр. с, *х* въ «судъ», «худо» и пр. веляризованы, подъ вліяніемъ слѣдующаго велярнаго (мягконебнаго) гласнаго. См. ниже *l* велярное и велярное билабіальное малорусское ў (воўк) на стр. 197.

§ 8. Сонорные согласные. Таблица согласныхъ.

Какъ по условіямъ образованія, такъ и по акустическому впечатлѣнію отъ шумныхъ согласныхъ существенно отличаются сонорные согласные, т. е. плавные и носовые. Характерный шумъ плавныхъ и носовыхъ состоитъ изъ собственнаго звука (шума) резонатора ихъ, возбуждаемаго проходящимъ изъ легкихъ

токомъ воздуха, а не изъ шума разбиваемаго о преграды быстрой струи воздуха, сдавленнаго за мѣстомъ преграды, какъ въ шумныхъ согласныхъ. Поэтому слабый, менѣе сложный характерный шумъ сонорныхъ придаетъ лишь голосу извѣстный тембръ, но не воспринимается въ раздѣльности отъ него, какъ это бываетъ въ шумныхъ согласныхъ. Въ виду этого плавные и носовые примыкаютъ къ гласнымъ, съ которыми вмѣстѣ составляютъ классъ сонорныхъ звуковъ въ противоположность шумнымъ. Лишь по ихъ роли при образованіи слога ихъ причислили къ согласнымъ. Особое мѣсто занимаетъ раскатистое r, такъ какъ въ немъ сонорный звукъ прерывается сравнительно сильнымъ шумомъ «барабаненія».

Плавные звуки r.

Звуки, причисляемые къ r, представляютъ большое разнообразіе, не только въ разныхъ языкахъ, но и у отдѣльныхъ лицъ и группъ лицъ, произношеніе которыхъ въ другихъ отношеніяхъ не отличается отъ языка окружающихъ.

Для образованія сравнительно слабаго характернаго шума зубного r (р) кончикъ языка образуетъ съуженіе обыкновенно у передней верхней десны, но съуженіе можетъ образоваться и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ вообще образуются зубные, и это различіе не имѣетъ большого значенія для качества звука. Сравнительно слабый звучащій токъ нѣсколько сдавливается въ мѣстѣ съуженія и направляется къ выходу между верхними и нижними зубами, задѣвая нѣсколько на своемъ пути внутреннюю сторону верхней десны и зубовъ, но особенно не задѣвая нижнихъ зубовъ. Этимъ токомъ возбуждается собственный шумъ передняго и задняго резонатора данной укладки.

Образуемый такимъ образомъ сонорный звукъ сопровождается обыкновенно еще другимъ, очень сильнымъ шумомъ— барабаненіемъ (раскатами). Для образованія этого шума кончикъ языка становится по возможности въ условія колеблющагося язычка: средняя и задняя спинка его расширяется и упирается плотно въ боковые зубы, чтобы имѣть здѣсь неподвижную опору, какъ колеблющійся язычекъ привинчивается къ рамкѣ. А свободный по бокамъ приподнятый кончикъ языка для эластичности дѣлается возможно тонкимъ и напряженнымъ. Изъ этого положенія надавливающимъ токомъ воздуха кончикъ языка

отбрасывается къ деснѣ или зубамъ и закрываетъ такимъ образомъ выходъ току на одинъ моментъ, а затѣмъ своей эластичностью приводится опять въ прежнее положеніе, чтобы снова быть отброшеннымъ и т. д.

Совершенно въ такихъ же условіяхъ колеблющійся язычекъ гармоники или язычковой трубы производитъ музыкальный звукъ. Но въ виду своей толщины кончикъ языка колеблется медленно и неуклюже, прерывая своими колебаніями сонорный звукъ r, т. е. звукъ голоса въ сочетаніи съ собственнымъ шумомъ резонатора, который поэтому воспринимается толчками въ видѣ «барабаненія» или раскатовъ (см. рис. 39, r). Въ связной рѣчи r содержитъ обыкновенно только нѣсколько ударовъ. Такое зубное раскатистое r (р) общеупотребительно въ русскомъ языкѣ. При r звучитъ голосъ, прерываемый ударами языка, но встрѣчается и глухое r. Въ общерусскомъ языкѣ въ концѣ слова *р* бываетъ и глухимъ, по крайней мѣрѣ въ своей послѣдней части, напр. въ «театръ», «Петръ».

Но зубное r можетъ быть и безъ раскатовъ (барабаненія кончика языка), и тогда шумъ его, состоящій исключительно изъ голоса и собственнаго шума резонатора, слабъ и не отличается по силѣ напр. отъ шума гласнаго *i*.

Зубное раскатистое r существовало повидимому во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ. Въ языкахъ, въ которыхъ такое r существуетъ рядомъ съ нераскатистымъ или съ «картавымъ» r, оно считается самымъ нормальнымъ, и такъ какъ раскаты хорошо слышны, то въ такихъ языкахъ раскатистое зубное r считается обязательнымъ для громкой рѣчи ораторовъ, для сцены и пѣнія.

Если щель больше съуживается и токъ направляется противъ нижнихъ зубовъ, то къ раскатистому *r* примѣшивается шипѣніе, какъ въ чешскомъ ř. Въ польскомъ языкѣ узкій палатализованный звукъ r успѣлъ окончательно перейти въ шумный фрикативный ž (т. е. ж, пишется rz).

Барабаненіе само по себѣ, въ виду своей особенности и силы, является акустически настолько доминирующимъ характернымъ элементомъ звука r, что качество раздающагося между ударами характернаго шума становится второстепеннымъ, такъ что отдѣльные лица, говоры и языки могутъ производить эти раскаты болѣе задней спинкой языка противъ мягкаго неба и въ особенности мягкимъ небомъ (картавое *r*). Такое существенное

измѣненіе звука объясняется трудностью производить такія вибраціи вообще толстыми органами рта, что видно изъ того, что дѣти очень поздно начинаютъ произносить r.

Во Франціи и Германіи все болѣе распространилось картовое r (r grasseyé). При образованіи его задняя спинка языка поднята къ заднему мягкому небу. Въ срединѣ задней спинки образуется желобокъ, по которому движется взадъ и впередъ язычекъ (uvula), приводимый выдыхаемымъ звучащимъ токомъ въ дрожаніе. При сильномъ съуженіи и сильномъ выдыханіи получается скрипящій мягконебный фрикативный звонкій χ. И такое задненебное (велярное) r можетъ быть безъ раскатовъ и можетъ образоваться болѣе впереди.

При утратѣ характерныхъ раскатовъ, вслѣдствіе слабости остающагося характернаго шума r могъ сдѣлаться настоящимъ гласнымъ, какъ въ англійскомъ языкѣ въ концѣ слога напр. въ there, или могъ совсѣмъ исчезнуть, какъ въ англійскихъ curl forty.

Въ русскомъ языкѣ *р* принимаетъ по возможности установку языка и губъ слѣдующаго гласнаго: передъ палатальнымъ (мягкимъ) гласнымъ передняя спинка языка поднята къ твердому небу (палатализація—высокое r, напр. въ «рѣдька», «рьяный»), передъ мягконебнымъ гласнымъ—лабіализованное низкое r (руку). Вслѣдствіе этого и высота характернаго шума r, зависящая главнымъ образомъ отъ величины задняго надъязычнаго резонатора и отъ отверстія передняго резонатора т. е. губъ, представляетъ такія же разновидности, какъ высота шумныхъ русскихъ согласныхъ.

Плавные звуки *l*.

При производствѣ разныхъ *l* кончикъ языка упирается въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ находится при образованіи зубныхъ взрывныхъ, т. е. въ твердое небо (передненебное *l*), въ десну (альвеолярное *l*), въ мѣсто соединенія зубовъ и десны (верхнезубное *l*) или въ верхніе передніе зубы (зазубное *l*), или находится между зубами (межзубное *l*) или за передними нижными зубами. Насколько несущественны эти различія видно изъ того, что мы можемъ даже съ высунутымъ изо рта языкомъ производить разные звуки *l*. Отличительная черта всѣхъ *l* состоитъ въ томъ, что бока языка отдѣляются отъ боковыхъ зубовъ

оставляя по обѣимъ сторонамъ по щели для прохода звучащаго тока. Впрочемъ чаще щель образуется только на одной сторонѣ. Мягкое небо закрываетъ входъ въ носовую полость.

Характерный шумъ звука *l* состоитъ изъ собственнаго шума резонирующей части полости рта, какъ въ гласныхъ, отъ которыхъ *l* отличается лишь особымъ тембромъ. Высоту характернаго шума *l*, какъ и всѣхъ остальныхъ согласныхъ, мы привыкли считать второстепеннымъ явленіемъ въ нашихъ слуховыхъ представленіяхъ этихъ звуковъ, такъ какъ высота ихъ мѣняется постоянно въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ.

Оттѣнки разныхъ *l* зависятъ главнымъ образомъ отъ положенія и формы языка, которыми обусловливается величина и форма надъязычнаго и соединенныхъ съ нимъ боковыхъ резонаторовъ. При такъ называемомъ русскомъ твердомъ или велярномъ *л* средняя спинка языка по возможности углубляется внизъ для увеличенія надъязычнаго резонатора, а задняя спинка отодвигается назадъ и вверхъ къ мягкому небу, отчего это *l* называется велярнымъ. Длинныя боковыя отверстія особенно широки у заднихъ зубовъ. Такимъ образомъ образуются большія резонирующія полости отъ мягкаго неба до губъ, собственный звукъ которыхъ понижается не только большой шириной въ задней части этой полости, но еще уменьшеніемъ губного отверстія вслѣдствіе лабіализаціи. Англійское *l* сходно съ русскимъ велярнымъ *л*.

Другіе разнообразные виды *l* производятся посредствомъ большаго поднятія средней спинки языка къ небу при уменьшеніи боковыхъ щелей и съ устраненіемъ лабіализаціи, вслѣдствіе чего резонирующая полость укорачивается и съуживается въ задней и боковыхъ частяхъ и собственный звукъ становится выше, напр. нѣмецкое или французское *l*, при которыхъ форма спинки языка близка къ положенію *a* или къ индифферентному положенію. При мягкомъ русскомъ *ль* вся передняя и средняя спинка языка примыкаетъ къ твердому небу. Боковыя отверстія узки и коротки вслѣдствіе удлиненія раскрытой губной щели. Оттого характерный шумъ высокъ, что даетъ акустическое впечатлѣніе мягкости.

Носовые звуки.

При производствѣ носовыхъ согласныхъ гдѣ нибудь во рту производится полный затворъ, а звучащій токъ выходитъ черезъ

Физiологическая таблица согласныхъ.

				Губогубные bilabiales	Зубогубные dentilabiales	Межзубные interdentales	Зазубные postdentales	Верхнезуб. supradentales Альвеолярные alveolares	Небнозубн. cerebrales	Твердонебные palatales	Мягконебные velares	Гортанные laryngales
Мгновенные momentanae.	Шумные.	Затворные occlusivae.	Глухiе atonae	*p* папа пять			*t* тотъ	*t* тотъ тесть	*ṭ*	*k* kennen кѣмъ	*k* какой	крѣпкiй приступъ
			Звонкiе tonantes	*b* баба бѣда			*d* да	*d* далъ дидя	*ḍ*	*g* Egge гибнуть	*g* Гоголь	
		Аффрикаты affricatae.	Глухiе atonae	*p͡f* Pferd				*t͡s*, *t͡š* цѣль чанъ		*k͡χ*	*k͡χ*	
			Звонкiе tonantes					*d͡z*, *d͡ž* дзевяць виджу				
Длительные durativae.		Фрикативные constrictivae.	Глухiе	англ. which	*f* рабовъ любовь	*ϑ*	*th* breath	*s*, *š* Саша сей	*ṣ̌*	*χ* Licht хитрый	*χ* хохолъ	*h* haben
			Звонкiе	*w*, *ŷ* видаў	*v* новый вѣдь	*δ*	*th* this	*z*, *ž* важилъ зять дрожжи	*ẓ̌*	*j* jeder (j)ель	*γ* (*ɨ̂*) богатъ	*h* (nahe)
	Сонорные.	Носовые nasales	Звонкiе	*m* мама мѣлъ		*n*	*n*	*n* на ниня	*ṇ*	*n* sinken	*n* sank	
		Плавные liquidae	Звонкiе			*l*	*l*, *лв* далъ	*r*, *l* оралъ трель	*r*, *ł*		*r* картавое	

открытую носовую полость. Такимъ образомъ резонаторомъ носовыхъ звуковъ является та часть рта, которая находится за затворомъ, и въ связи съ ней вся носовая полость. Характерный шумъ носовыхъ согласныхъ такого же происхожденія, какъ въ гласныхъ. Различіе между отдѣльными носовыми согласными обусловлено тѣмъ, гдѣ и какъ производится затворъ въ полости рта.

Затворъ носовыхъ образуется въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ вообще производится затворъ шумныхъ согласныхъ. Производя затворъ губами, мы получаемъ губной носовой m (русское м). Производя затворъ кончикомъ или передней спинкой языка противъ зубовъ, десенъ или передняго неба, мы производимъ зубной n (русское н), альвеолярный n (н), передненебный индійскій ṇ. Производя затворъ средней спинкой языка противъ твердаго неба, или задней спинкой противъ мягкаго неба, мы получаемъ носовые: твердонебный звукъ n, напр. въ нѣмецкомъ hinken, и мягконебный n, напр. въ латинскомъ Ancus, нѣмецкомъ sank. Небныхъ носовыхъ согласныхъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ.

При носовыхъ согласныхъ собственный шумъ соединенныхъ резонирующихъ полостей рта и носа повышается по мѣрѣ укороченія полости рта, такъ что самый низкій звукъ при m (м), все выше при n зубномъ—ṇ передненебномъ—n твердонебномъ, и самый высокій собственный звукъ при n мягконебномъ.

Значительное повышеніе даетъ палатализація. Такъ напр. русское палатализованное *н* въ «нить», «няня» и пр. приблизительно на сексту выше русскаго твердаго *н* въ «надо», «нужда». О различіи въ положеніи языка при твердомъ и мягкомъ *н* можно судить по полатограммамъ 36. Меньшій раіонъ прикосновенія сравнительно съ т, т' (палатограммы 34) объясняется просто различіемъ въ энергіи производства, такъ какъ русскіе глухіе шумные согласные принадлежатъ къ сильнымъ, а *н*, наравнѣ съ звонкими шумными согласными, къ слабымъ по артикуляціи звукамъ (стр. 188—189). Передъ паузой великорусскіе носовые согласные, какъ и плавные, могутъ быть къ концу глухіе.

§ 9. Анализъ и интерпретація звуковыхъ кривыхъ рѣчи.

Точное опредѣленіе извѣстныхъ качествъ звуковъ рѣчи, напр. музыкальной высоты и продолжительности ихъ, по кри-

вымъ (фонограммамъ), сдѣланнымъ на записывающемъ аппаратѣ (кимографѣ, какъ напр. на рис. 18), не представляетъ особыхъ затрудненій.

Высота опредѣляется подсчетомъ числа колебаній въ секунду. Для точнаго измѣренія времени рядомъ съ кривой даннаго звука записываются колебанія вѣтви камертона, число колебаній котораго извѣстно.

По этой же записи камертона можно въ точности опредѣлить продолжительность даннаго звука рѣчи по длинѣ фонограммы его. Главное затрудненіе при этомъ заключается въ томъ, что не всегда можно въ точности провести на кривой границы между отдѣльными звуками, особенно между гласными и сонорными и звонкими шумными согласными.

Что же касается силы звуковъ, то она опредѣляется конечно величиной размаховъ (амплитудой) волнъ кривой. Но при этомъ нужно считаться съ тѣмъ, что кривая получаетъ большіе размахи, если произнося въ воронку прижимать губы къ ней почти вплотную. Если же говорить на небольшомъ разстояніи отъ воронки, то размахи получаются слабые. Кромѣ того фигуры записей извѣстнымъ образомъ измѣняются въ зависимости отъ толщины, состава, напряженности и пр. записывающей перепонки (пластинки, діафрагмы) и вообще отъ устройства записывающаго аппарата. Поэтому послѣ каждаго измѣненія въ аппаратѣ, напр. послѣ замѣны пластинки новой, нужно предварительно изучить ея особенности.

Но производство точныхъ записей волнъ звуковъ рѣчи для опредѣленія состава звуковъ и анализъ этихъ кривыхъ требуютъ очень совершенныхъ аппаратовъ и спеціальной подготовки. Отъ элементарной фонетической подготовки можно лишь требовать извѣстное общее пониманіе кривыхъ звуковъ рѣчи относительно состава звуковъ, такъ какъ записи волнъ звуковъ рѣчи появляются уже въ научныхъ лингвистическихъ работахъ. Такое знаніе необходимо, чтобы съ пониманіемъ читать такія работы и использовывать результаты ихъ.

Составъ звука рѣчи, слѣдовательно и форма колебаній его, мѣняется въ зависимости отъ высоты, состава и силы голоса, если данный звукъ произносится съ голосомъ. Въ рѣчи голосъ безпрестанно мѣняетъ свою высоту; а такъ какъ напр. характерные шумы гласныхъ по составу и абсолютной высотѣ посто-

янны, то, понятно, отношеніе между тонами характернаго шума и тонами голоса измѣняется также безпрестанно, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и получаемая отъ сочетанія ихъ кривая. Впрочемъ общій характеръ формы кривой каждаго звука рѣчи въ значительной степени сохраняется при измѣненіи высоты голоса.

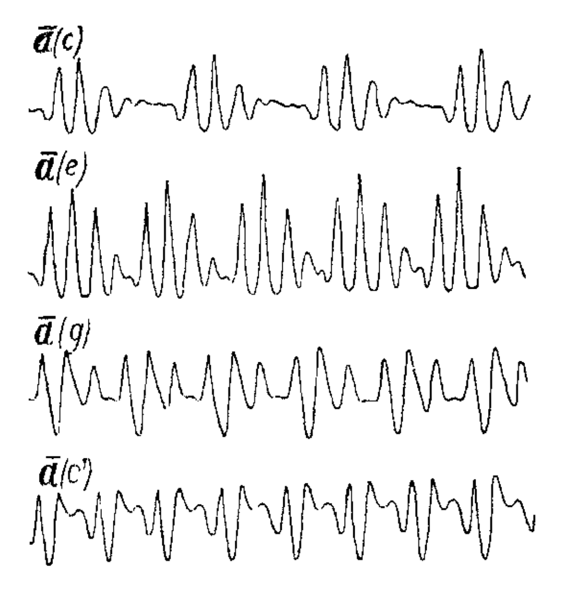
Ниже помѣщены для примѣра кривыя нѣкоторыхъ нѣмецкихъ звуковъ, записанныхъ Hermann'омъ предварительно на валикѣ фонографа и переведенныхъ затѣмъ на бумагу въ значительно увеличенномъ видѣ. Кривыя гласныхъ (рис. 37, 38) увеличены въ 743 раза, а кривыя согласныхъ (рис. 39) въ 4179 разъ. Передача производилась при медленномъ вращеніи валика посредствомъ подвижного зеркальца, колеблющагося вслѣдъ за углубленіями нарѣза валика и передающаго эти колебанія отраженнымъ лучемъ свѣточувствительной бумагѣ, натянутой на вращающемся большомъ цилиндрѣ кимографа. При каждой кривой обозначена въ скобкахъ высота голоса, при которой данный звукъ произносился при записываніи. Для долгаго ā помѣщено 4 кривыхъ (рис. 37) для иллюстраціи различія въ формѣ колебаній въ зависимости отъ измѣненія высоты голоса.

Кривыя чистыхъ гласныхъ наиболѣе приближаются къ формѣ періодовъ чисто музыкальныхъ звуковъ. Отличіе ихъ отъ музыкальнаго звука вызвано примѣсью тоновъ характернаго шума, которые не только интерферируютъ съ звукомъ голоса, но и между собой.

Въ періодѣ гласныхъ ā, ō, ū (рис. 37, 38) бóльшія волны голоса перемежаются съ меньшими, такъ какъ сравнительно низкіе форманты этихъ гласныхъ существенно измѣняютъ форму основного періода (голоса). При ē, ī (рис. 38) высокіе форманты этихъ гласныхъ являются въ видѣ очень мелкихъ зубцовъ (быстрыхъ колебаній), наложенныхъ на періодъ голоса.

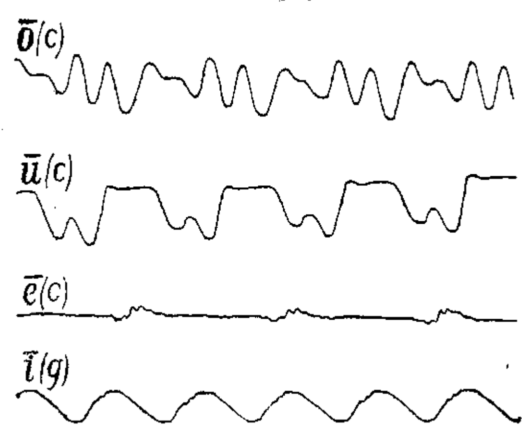
Кривыя звонкихъ шумныхъ согласныхъ и въ особенности кривыя носовыхъ и плавныхъ сравнительно мало отличаются отъ кривой гласнаго *i*. Въ нихъ такіе же, но болѣе сложные и неправильные высокіе характерные шумы, наложенные въ видѣ очень быстрыхъ колебаній на большой періодъ голоса, какъ видно изъ сравненія кривой гласнаго *i* (рис. 38) съ кривыми согласныхъ z (т. е. з), m (рус. м) и r (рус. р) на рис. 39.

Рис. 37.

Всѣ согласные на рис. 39 записывались при одинаковой высотѣ голоса, именно на ноту e (mi^2), причемъ въ произношеніи имъ (кромѣ r) предшествовалъ звукъ ĭ, что необходимо имѣть въ виду, такъ какъ, вслѣдствіе зависимости качества звуковъ (движеній органовъ рѣчи) отъ сосѣднихъ звуковъ, при другихъ предшествующихъ гласныхъ явились бы нѣсколько иные звуки и кривыя этихъ согласныхъ.

Рис. 38.

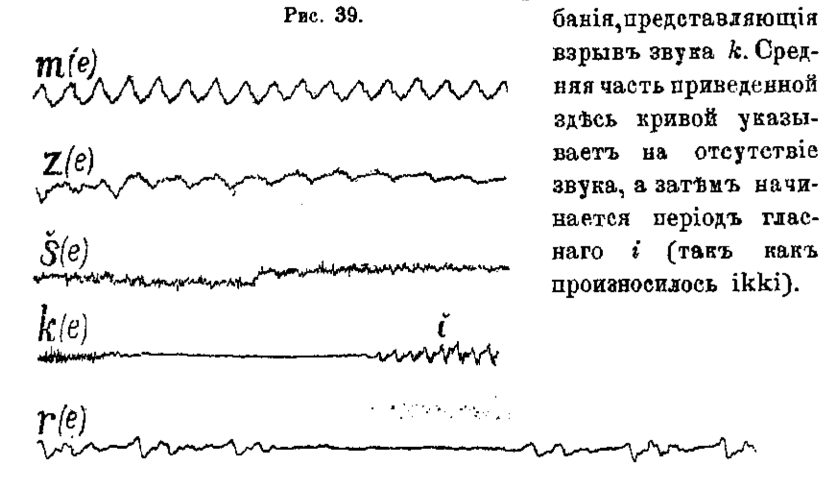

Въ раскатистомъ r (русское р) звукъ при каждомъ ударѣ сравнительно медленно слѣдующихъ другъ за другомъ раскатовъ почти прерывается (на рис. 39 перерывъ въ средней части кривой), а въ промежуткахъ между ударами являются періоды, похожіе на періоды гласныхъ o или u (у) съ наложенными на нихъ мелкими колебаніями характернаго шума, какъ въ другихъ сонорныхъ согласныхъ.

Глухіе фрикативные, какъ š (нѣм. sch, рус. ш, рис. 39 š),

даютъ неправильныя, очень быстрыя мелкія колебанія отъ сложенія высокихъ тоновъ характернаго шума, безъ основного періода голоса. И здѣсь замѣтна бо́льшая или меньшая періодичность. Отъ нихъ кривыя глухихъ взрывныхъ согласныхъ отличаются сильнымъ началомъ и малой продолжительностью (взрыва), вслѣдствіе чего онѣ отдѣлены отъ кривыхъ послѣдующихъ гласныхъ чистыми паузами. См. на рис. 39 кривую согласнаго *k* (послѣ *i*). Въ началѣ кривой видны быстро уменьшающіяся колебанія, представляющія взрывъ звука *k*. Средняя часть приведенной здѣсь кривой указываетъ на отсутствіе звука, а затѣмъ начинается періодъ гласнаго *i* (такъ какъ произносилось ikki).

Рис. 39.

Изученіемъ кривыхъ выясняется болѣе точно составъ звуковъ рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ выясняются и физіологическія условія производства разныхъ звуковъ, частію косвенно, по акустическимъ результатамъ, частію непосредственно, если рядомъ съ кривой звука записываются одновременно движенія разныхъ органовъ рѣчи. Тогда видно, съ какимъ движеніемъ какого органа связано извѣстное измѣненіе въ кривой звука, слѣдовательно въ самомъ звукѣ (стр. 153—154).

Конечно, кривая каждаго гласнаго и согласнаго представляетъ значительное разнообразіе, смотря по говору, лицу, положенію въ словѣ, сосѣднимъ звукамъ и пр. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе быстроты (высоты) и сложности особенно мелкія колебанія записываются неточно на указанномъ на стр. 128 записывающемъ аппаратѣ, трудно поддаются анализу и еще сравнительно мало изслѣдованы.

§ 10. Артикуляціонная база. Опредѣленіе звуковъ на практикѣ.

Артикуляціонная база.

Въ каждомъ языкѣ существуютъ общія особенности въ артикуляціяхъ, объясняемыя главнымъ образомъ пріобрѣтенными привычками въ движеніяхъ и связаннымъ съ ними развитіемъ извѣстныхъ мускуловъ органовъ рѣчи. Поэтому такъ трудно взрослому усвоить себѣ безупречное произношеніе иностраннаго языка. Вся совокупность этихъ физіологическихъ условій даннаго языка, нарѣчія и пр. называется артикуляціонной базой его и узнается изъ сравненія съ другими языками, нарѣчіями и пр.

Въ русскомъ языкѣ, въ отличіе напр. отъ французскаго, языкъ въ общемъ оттянутъ больше назадъ. При переходѣ отъ русской къ французской рѣчи языкъ подается впередъ и двигательная энергія какъ бы переносится на передній языкъ.

Артикуляціи русскаго языка, въ томъ числѣ и артикуляціи языка вообще мало энергичны и мало напряженны, вслѣдствіе чего отсутствуютъ напряженные согласные и неударенные гласные производятся неполно. Выдыханіе изъ легкихъ происходитъ спокойными, довольно равномѣрными толчками; токъ воздуха не великъ и не сильно увеличивается, когда не задерживается голосовыми связками т. е. когда онѣ не звучатъ, вслѣдствіе чего глухіе шумные согласные сравнительно слабы въ русскомъ языкѣ (въ отличіе напр. отъ сильныхъ шумовъ нѣмецкихъ шумныхъ согласныхъ) и не развиваются придыхательные затворные.

Звучаніе голосовыхъ связокъ производится въ общерусскомъ языкѣ съ спокойной значительной силой и чистотой и имѣетъ склонность прекращаться лишь къ концу слова, почему звонкость шумныхъ согласныхъ хорошо сохраняется, кромѣ въ концѣ и въ извѣстныхъ сочетаніяхъ согласныхъ.

Вслѣдствіе неэнергичной артикуляціи мягкаго неба носовая полость закрывается неплотно, почему гласные передъ носовыми согласными и даже звонкіе затворные согласные получаютъ нерѣдко небольшой носовой оттѣнокъ въ русскомъ языкѣ.

Участіе губъ въ русскомъ языкѣ довольно значительное, но меньше и съ меньшей энергіей чѣмъ напр. во французскомъ языкѣ. Вслѣдствіе неаккуратной артикуляціи губъ неударенное

o перешло діалектически въ *a*, и чуткость къ разновидностямъ *o* несравненно меньше, чѣмъ къ разновидностямъ *e*. Раскрытіе рта довольно значительное.

Въ отличіе отъ французскаго языка въ русскомъ языкѣ довольно значительное различіе въ энергіи производства между ударяемыми и неударяемыми слогами, но меньше, чѣмъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Хотя русскій ударенный слогъ не достигаетъ силы нѣмецкаго, тѣмъ не менѣе онъ всегда продолжительнѣе и полнозвучнѣе неударенкаго, особенно самыхъ слабыхъ неударенныхъ слоговъ, вслѣдствіе чего гласные извѣстныхъ неударенныхъ слоговъ сокращаются.

Вслѣдствіе невыдержки энергіи до конца слога конечные шумные согласные закрытыхъ слоговъ производятся слабо и удвоеніе согласныхъ нѣсколько не соотвѣтствуетъ артикуляціонной базѣ русскаго языка.

Въ сочетаніяхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ регрессивная ассимиляція проявляется въ гораздо большей степени, чѣмъ напр. въ нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ, вслѣдствіе чего почти всѣ согласные имѣютъ сильно различествующія мягкія, твердыя и твердыя лабіализованныя разновидности и качество гласныхъ измѣняется въ большей или меньшей степени въ зависимости отъ послѣдующихъ звуковъ.

Практическія указанія для опредѣленія звуковъ какого-нибудь говора или языка.

Изъ предыдущаго ясно, что при изслѣдованіи физіологическихъ условій произношенія отдѣльныхъ лицъ, принимаемыхъ за типичныхъ представителей говора или языка, слѣдуетъ поочередно опредѣлить и занести въ протоколъ наблюденій и опытовъ, каковы при производствѣ извѣстнаго звука, звуковой группы и пр. дѣятельность 1) легкихъ (сила, продолжительность, равномѣрность выдыханія и пр.), 2) гортани (звучаніе связокъ, шумъ и пр.), 3) мягкаго неба (степень закрытія и раскрытія носовой полости и пр.), 4) языка (положеніе въ вертикальномъ направленіи, въ горизонтальномъ направленіи, форма спинки языка, напряженность и пр.), 5) губъ (величина и форма губного отверстія, лабіализація—степень закругленія губъ и вытягиванія губъ впередъ) и т. д. Для болѣе точнаго опредѣленія движеній каждаго органа, участвующаго въ производствѣ даннаго звука, примѣ-

няются по мѣрѣ надобности и возможности графическій способъ изслѣдованія (см. стр. 152 слѣд.) и искусственное небо.

Въ связи съ этимъ выясняется и величина и форма ротового резонатора, иногда при помощи точныхъ непосредственныхъ измѣреній. Формой ротового резонатора, иногда въ связи съ носовою полостью, обусловлена высота и составъ характернаго шума. Высота его изслѣдуется главнымъ образомъ при шепотѣ при помощи камертона, такъ же какъ и высота голоса (музыкальное удареніе). Для болѣе точнаго опредѣленія силы, высоты и продолжительности звука, а также общаго характера физическаго состава звука, записывается звуковая волна и анализируется затѣмъ (амплитуда кривой показываетъ силу, число колебаній въ секунду — высоту, длина кривой даннаго звука — продолжительность его).

Точный анализъ звуковой кривой на составные тоны затруднителенъ. Но простая интерпретація звуковой кривой въ сравненіи съ другими даетъ не мало общихъ указаній какъ относительно самого звука, такъ и косвенно относительно физіологическихъ условій его производства. Изслѣдованія звука съ физіологической и акустической стороны дополняютъ и контролируютъ другъ друга.

Полученные такимъ образомъ результаты провѣряются затѣмъ на произношеніи возможно большаго числа индивидуумовъ, принадлежащихъ къ изслѣдуемой языковой единицѣ. Послѣ этого возможна и классификація звуковъ ея. Для большей точности къ описанію звуковъ прилагаютъ иногда палатограммы, результаты измѣреній, кривыя звуковой волны, моментальные или кинематографическіе фотографическіе снимки особенно губъ, и т. д.

Кромѣ частностей каждаго звука необходимо отмѣтить и тѣ общія особенности въ функціяхъ говорильнаго аппарата, которыми характеризуются звуки каждаго языка или говора въ отличіе отъ другихъ, т. е. артикуляціонную базу его.

Конечно, чѣмъ обширнѣе та языковая единица, которая изслѣдуется въ звуковомъ отношеніи, напр. нарѣчіе или общенародный (общегосударственный) языкъ, тѣмъ больше въ ней разнообразіе въ звукахъ, слѣдовательно тѣмъ менѣе точно можетъ быть опредѣляемъ каждый звукъ.

Легче всего передать акустическую сторону звуковъ рѣчи посредствомъ фонографа; но для точности требуется очень совер-

шенный аппаратъ, и для продолжительнаго сохраненія требуется бóльшая прочность валиковъ, чѣмъ достигнута до сихъ поръ. Можно думать, что со временемъ къ описаніямъ говоровъ будутъ прилагаться и фонографическіе валики съ записями образчиковъ этихъ говоровъ, изготовленные по способамъ, какъ они нынѣ изготовляются въ Вѣнскомъ архивѣ фонограммъ, или какъ изготовляются пластинки граммофоновъ.

§ 11. Отдѣльный звукъ рѣчи. Слогъ.

Отдѣльные звуки рѣчи.

Рѣчь состоитъ изъ звуковыхъ рядовъ, прерываемыхъ паузами. Но эти безпрерывные ряды движеній органовъ рѣчи и слуховыхъ ощущеній понятно не могутъ представлять безконечное разнообразіе. Память не удержала бы ихъ. Одинаковые комплексы движеній, съ связанными съ ними одинаковыми двигательными и слуховыми ощущеніями, встрѣчающіеся въ разныхъ звуковыхъ рядахъ, ассоціируются между собой по сходству, и такимъ образомъ, хотя и безсознательно для насъ, являются составными элементами, единицами нашей звуковой рѣчи. Эти единицы звуковыхъ рядовъ только отчасти совпадаютъ съ звуками, различаемыми отдѣльными буквами въ письмѣ. Ихъ во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ буквъ. Но наименьшіе комплексы движеній и единицы слуховыхъ ощущеній соединяются въ разные бóльшіе комплексы движеній и единицы слуховыхъ ощущеній, встрѣчающіеся въ разныхъ звуковыхъ рядахъ. Такъ напр. комплексы движеній органовъ рѣчи и слуховыя ощущенія, обозначаемые буквою *к*, представляютъ много разновидностей, имѣющихъ между собою извѣстные общіе элементы и извѣстныя различія. Русское *к* въ «ку» представляетъ меньшую единицу, отличающуюся отъ *к* въ «ка» лабіализаціей и другимъ положеніемъ языка (другой формой резонатора), слѣдовательно и другимъ тембромъ. Звукъ *к* въ «кі» твердонебный съ палатализаціей, а въ «ка», «ку» мягконебный, и т. д. Въ «ак» самая существенная часть звука *к* въ акустическомъ отношеніи получается отъ затвора, въ «ка» отъ раствора (стр. 190 explosivae и implosivae). Даже звуки *к* въ «керосинъ» и «келья» представляютъ наименьшія разновидности, наименьшія звуковыя единицы, такъ какъ при *к* въ словѣ «керосинъ» въ моментъ взрыва передній

резонаторъ длиннѣе, слѣдовательно собственный звукъ ниже, артикулирующіе органы менѣе напряженны, чѣмъ при *к* въ словѣ «келья».

Подобныя разновидности представляютъ и всѣ другіе звуки, какъ *п*, *т*, *е* и пр. Но въ то же время всѣ звуки, обозначаемые посредствомъ буквы *к*, или *с*, или *е* и пр., имѣютъ въ акустическомъ и особенно въ физіологическомъ отношеніи значительное сходство, и существенно отличаются отъ разныхъ *т*, *ф* и пр. Поэтому всѣ *к* вмѣстѣ образуютъ болѣе широкую единицу въ звукахъ и движеніяхъ, которая слѣдовательно тоже имѣетъ право на названіе «отдѣльный звукъ». Оттого совершенно разумно разные *k* и пр. обозначаются въ практической орѳографіи одной буквой, такъ какъ разновидности опредѣляются наличными условіями сосѣднихъ звуковъ, слѣдовательно не подаютъ повода къ недоразумѣніямъ при чтеніи.

Слогъ.

Болѣе крупная фонетическая единица, послѣ звука, есть слогъ. Мы обыкновенно безъ труда можемъ опредѣлить число слоговъ въ словѣ или предложеніи. Это несравненно легче, чѣмъ разложеніе слова на отдѣльные звуки. Поэтому и звуковое письмо начиналось обыкновенно съ изображенія въ письмѣ отдѣльныхъ слоговъ.

Акустически слогораздѣломъ является моментъ ослабленія въ силѣ звукового ряда, или даже пауза т. е. болѣе продолжительное прекращеніе звука. Сложнѣе опредѣленіе слога съ физіологической стороны. Можно удлинять въ слогѣ какъ угодно долго напр. долгое ē, ā и пр. Но если попеременно усиливать и ослаблять производящій ихъ токъ, или напр. быстро ладонью ударять по губамъ во время производства гласнаго, то каждое новое усиленіе такого *ā* воспринимается какъ отдѣльный слогъ.

Рядъ звуковъ «аіа» трехсложный, если мы произносимъ *і* съ извѣстной силой и продолжительностью и послѣ каждаго изъ этихъ трехъ гласныхъ ослабляемъ токъ. Это же сочетаніе можно произносить двухсложно, какъ «а-i̯a» или «ai̯-a», или «ai̯-i̯a», смотря по тому, дѣлаемъ ли мы ослабленіе тока (звука) передъ *і*, какъ въ подобныхъ случаяхъ принято въ русскомъ языкѣ, или послѣ *і*, или внутри *і*, причемъ *і* распредѣляется на оба слога. Но внутри слога сила звука не должна существенно ослабѣвать или прерываться, иначе слогъ распадается на два.

Если слогъ производится отдѣльнымъ выдыхательнымъ толчкомъ, а ослабленія тока (и звука) между выдыхательными толчками служатъ слогораздѣлами, то такой слогъ, основанный на усиленіи тока, называется экспираторнымъ слогомъ. Но если этотъ же рядъ звуковъ «aia», или «aza» (аза), «asa», «ata» и пр. произносить безъ всякаго ослабленія тока, однимъ безпрерывнымъ выдыханіемъ, то всетаки слышится по крайней мѣрѣ два слога. Это происходитъ отъ того, что *i*, *z*, *s* и пр. гораздо менѣе полнозвучны, т. е. звукъ ихъ самъ по себѣ слабѣе, чѣмъ *a*, такъ что ослабленіе звука, обусловленное самой природой звуковъ *i*, *z*, *s*, является для уха неизбѣжнымъ слогораздѣломъ. Такимъ слогораздѣломъ являются конечно и затворные согласные, напр. *t*, *p*, *k*, такъ какъ во время выдержки затвора звукъ акустически совершенно прекращается. Такіе слоги можно назвать слогами, основанными на различіи въ полнозвучности звуковъ. Слѣдовательно, градаціи въ силѣ звуковъ, дающія акустическое впечатлѣніе слога, или обусловлены различіемъ въ полнозвучности, присущей звукамъ рѣчи самимъ по себѣ (слоги, основанные на полнозвучности), или же производятся произвольнымъ усиленіемъ силы тока (экспираторные слоги). Въ большинствѣ языковъ оба условія соединяются обыкновенно, т. е. бо́льшая полнозвучность сопровождается еще усиленіемъ тока. Нужно однако замѣтить, что до сихъ поръ повидимому не удалось еще доказать экспериментальнымъ путемъ, что такіе слоговые толчки дѣйствительно производятся легкими. Очень возможно, что голосовыя связки играютъ существенную роль въ усиленіи голоса въ каждомъ слогѣ и въ ослабленіи голоса между слогами. Какъ бы то ни было, нужно признать экспираторный слогъ, т. е. слогъ, основанный на усиленіи дѣйствія выдыхаемаго тока, въ отличіе отъ слога, основаннаго на полнозвучности звуковъ.

Въ слогѣ одинъ звукъ, обыкновенно гласный, выдѣляется наибольшей полнозвучностью. Онъ называется носителемъ слога или просто слоговымъ (слогообразующимъ) звукомъ, а остальные звуки слога называются неслоговыми. Слоговой звукъ всегда самый полнозвучный въ слогѣ, если не по своей природѣ, то благодаря выдыхательному усиленію (экспираторному ударенію). Слоговое качество звука принято обозначать посредствомъ подставленнаго кружечка, рѣже точки: i̥, r̥, n̥; а неслоговое

качество обозначается посредствомъ полукружечка: i̯, r̯ и пр. Въ этой роли звуковъ въ слогѣ возникло первоначально въ классическихъ языкахъ дѣленіе звуковъ рѣчи на гласные (vocalis т. е. голосовой по преимуществу) и согласные (consonans—созвучащій, сопровождающій гласный). Но уже для самихъ классическихъ языковъ это дѣленіе не точно, такъ какъ напр. въ дифтонгахъ гласные были и неслоговые; а въ другихъ языкахъ и согласные являются нерѣдко въ роли слогового звука. Мы удерживаемъ дѣленіе на «гласные» и «согласные» въ виду общеупотребительности ихъ, а въ первоначальномъ значеніи ихъ употребляемъ исключительно термины «слоговой» и «неслоговой» звукъ.

По полнозвучности первое мѣсто занимаютъ гласные. Между ними болѣе полнозвучны тѣ, которые производятся съ бо́льшимъ раскрытіемъ рта: *а* полнозвучнѣе чѣмъ, *е* или *о*, послѣдніе въ свою очередь полнозвучнѣе, чѣмъ *i*, *u* (у), *ы*. Послѣ гласныхъ самые полнозвучные плавные (r, l) и носовые (m и разные n). Затѣмъ слѣдуютъ въ порядкѣ полнозвучности: длительные шумные согласные, т. е. фрикативные звонкіе (напр. z, ž, v), затѣмъ фрикативные глухіе (s, š и пр.), далѣе взрывные шумные звонкіе (g, d, b), тѣ же глухіе (k, t, p и пр). Вотъ почему въ сочетаніяхъ «ai» «eu» «ia», «ie» и пр. слоговыми звуками являются обыкновенно *а*, *е* (ai̯, eu̯, i̯a, i̯e). Плавные и носовые болѣе полнозвучны, чѣмъ очень краткіе (ирраціональные) гласные. Поэтому напр. въ сербскомъ срце, изъ праславянскаго сьрдьце, слоговымъ сдѣлался r, а гласный могъ исчезнуть. Но при сосредоточеніи силы тока на менѣе полнозвучныхъ по природѣ звукахъ, слоговыми могутъ стать и эти звуки, какъ напр. i, u въ дифтонгахъ e̯u, ie̯, ue̯ и пр.

Согласные встрѣчаются и въ русскомъ языкѣ, особенно въ быстрой рѣчи, въ роли слоговыхъ звуковъ (или какъ «гласные», какъ нерѣдко неточно говорятъ). Напр. И-ва-н̥-на (Ивановна), фса м̥-дѣлѣ (въ самомъ дѣлѣ), дѣ-л̥-ла (дѣлала), но-в̥-ва (новаго), ко́-ш̥-чій (кошачій) и др. Ср. англійскія på s̥-bl̥ (possible), präk-t̥-kl̥ (practical).

Что касается неслоговыхъ звуковъ, то они распредѣлены въ слогѣ обыкновенно такъ, что чѣмъ ближе къ слоговому звуку, тѣмъ полнозвучнѣе неслоговой звукъ, если не по своей природѣ,

то вслѣдствіе вліянія силы тока, напр. въ «крест», «хвойный», «верст», «сверх» и пр. Въ словахъ, какъ «театръ», «министръ», «страсть», «спокойный», «пташка», «ткать» и пр. тѣ части, которыя отдѣлены затворомъ затворнаго согласнаго отъ слогового звука (въ данныхъ словахъ звуки *р*-, *с*-, *п*-, *т*-), до нѣкоторой степени чувствуются слабыми побочными самостоятельными слогами и не безъ усилія объединяются дѣйствіемъ выдыхательнаго толчка съ сосѣднимъ слогомъ. При этомъ они теряютъ значительную часть своей силы и полноты, такъ какъ приходятся на слабое начало или слабый конецъ выдыхательнаго толчка, сила котораго сосредоточена на слоговомъ звукѣ.

Обыкновенно сила выдыхательнаго толчка идетъ параллельно съ полнозвучностью звуковъ слога, такъ что экспираторное удареніе только усиливаетъ естественную градацію по полнозвучности звуковъ. Но слоговой токъ можетъ имѣть и самостоятельную градацію, независимую отъ полнозвучности звуковъ слога. Онъ можетъ быть ровнымъ (=), усиливающимся (< crescendo), ослабѣвающимъ (> decrescendo), (< >), (< ═══) и пр. Въ такомъ случаѣ и природная полнозвучность звуковъ измѣняется подъ вліяніемъ такого экспираторнаго ударенія слога (см. стр. 223).

Въ языкахъ, въ которыхъ слогъ производится обыкновенно выдыхательнымъ толчкомъ, какъ въ русскомъ языкѣ, раздѣлъ между слогами находится въ мѣстахъ наименьшей силы тока которыя могутъ не совпадать съ наименьшей природной силой звуковъ. Но напр. въ нѣмецкомъ языкѣ по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей раздѣлъ можетъ заключаться и въ одной природной малозвучности звука (слогъ, основанный на степени полнозвучности звуковъ). Такъ, въ нѣмецкомъ leiden, Masse выдыханіе можетъ итти безъ ослабленія, а первый слогъ отдѣляется отъ второго малой полнозвучностью звука d или s, внутри котораго и находится слогораздѣлъ, такъ что s раздѣляется слухомъ на два слога. Въ русскомъ языкѣ эта слабая полнозвучность звука уменьшается еще ослабленіемъ тока между двумя выдыхательными толчками: мас-са. Отсюда понятно, что при отсутствіи слогового экспираторнаго толчка раздѣлъ напр. въ нѣмецкомъ словѣ Bettler (бетлер) приходится на выдержку затворнаго t; а при экспираторномъ слогѣ могло бы быть и Be-tler, какъ было бы въ русскомъ языкѣ.

Слогъ называется открытымъ, когда онъ оканчивается слоговымъ звукомъ, и закрытымъ, когда за слоговымъ слѣдуетъ еще одинъ или нѣсколько неслоговыхъ звуковъ въ томъ же слогѣ. Напр. слоги «да», «про» открыты, а «трость», «дай» и пр. закрыты.

§ 12. Экспираторное и музыкальное ударенія.

Я разсматриваю экспираторное и музыкальное ударенія вмѣстѣ для того, чтобы различіе по природѣ ихъ отчетливѣе запечатлѣлось. Ихъ часто смѣшиваютъ.

Различія или градаціи въ относительной силѣ выдыханія при производствѣ звуковъ, слѣдовательно въ относительной силѣ звуковъ (которой не слѣдуетъ смѣшивать съ абсолютной силой звуковъ или съ полнозвучностью ихъ), называется выдыхательнымъ или экпираторнымъ или эмфатическимъ, динамическимъ удареніемъ А градаціи въ музыкальной высотѣ голоса называются музыкальнымъ или мелодическимъ или тоническимъ или хроматическимъ удареніемъ.

Слогъ имѣетъ свое экспираторное удареніе, т. е. градаціи въ силѣ въ продолженіе производства звуковъ, входящихъ въ составъ этого слога (экспираторное удареніе слога). Измѣненіе въ высотѣ голоса въ продолженіе производства слога называется музыкальнымъ удареніемъ слога. Тактъ рѣчи (стр. 225 слѣд.) имѣетъ свое экспираторное удареніе, и между слѣдующими другъ за другомъ отдѣльными тактами существуютъ градаціи по силѣ, объединяющія отдѣльные такты.

Каждое многосложное слово объединяется удареніями слова, экспираторнымъ и музыкальнымъ, совпадающими въ односложныхъ словахъ съ удареніемъ слога. Каждое предложеніе объединяется своими удареніями, экспираторнымъ и музыкальнымъ, т. е. градаціями въ силѣ звуковъ и высотѣ голоса въ продолженіе предложенія. Каждое сочетаніе предложеній (періодъ) имѣетъ свои ударенія, т. е. градаціи между предложеніями, по силѣ и высотѣ, въ періодѣ. Въ каждомъ языкѣ существуютъ опредѣленные разнообразные типы удареній предложеній, словъ, тактовъ и слоговъ.

Такимъ образомъ получается въ дѣйствительности сложная комбинація удареній, такъ какъ напр. слогъ, кромѣ своего

ударенія, участвуетъ еще въ ударенiи слова и предложенiя. Полное обозначенiе ударенiй не существуетъ ни въ одной орѳографiи. Напр. въ древнегреческомъ письмѣ ´ и ῀ обозначаютъ различiя въ ударенiи слога, но только ударенпаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаютъ ударенiе слова; а ` обозначаетъ лишь частный случай ударенiя предложенiя.

Въ одномъ языкѣ преобладаетъ музыкальное, въ другомъ экспираторное ударенiе. Экспираторное ударенiе преобладаетъ отчасти въ древнелатинскомъ, особенно въ германскихъ языкахъ. Менѣе сильное преобладанiе экспираторнаго ударенiя наблюдается въ русскомъ языкѣ, и еще меньшее во французскомъ. Преобладающее музыкальное ударенiе было въ древнеиндiйскомъ и древнегреческомъ языкѣ, между тѣмъ какъ въ новогреческомъ языкѣ значительное преобладанiе экспираторнаго ударенiя.

Ударенія слога.

Экспираторное ударенiе слога само по себѣ можетъ быть *ровнымъ* (=), постепенно *усиливающимся* (crescendo <), постепенно *ослабѣвающимъ* (decrescendo >), *усиливающимся — ослабѣвающимъ* (< >). Кромѣ того существуетъ *двуглавое ударенiе*. въ которомъ въ теченiе произнесенiя слога сила ослабѣваетъ или звукъ совсѣмъ прерывается, и затѣмъ вновь усиливается (> <). Такое *прерывистое* ударенiе существуетъ напр. въ латышскомъ языкѣ, напр. въ galwa—голова, въ которомъ является полное закрытiе гортани или только быстрое ослабленiе звука въ одинъ моментъ производства перваго *a*, рѣже *l*. Рядомъ съ нимъ существуетъ въ латышкомъ языкѣ еще *усиливающееся* ударенiе, напр. въ первомъ слогѣ слова spalwa—перо, и дiалектически еще *ослабѣвающее* ударенiе. Если бы перерывъ или ослабленiе не были очень кратки, то прерывистый слогъ могъ бы восприниматься какъ два слога.

Музыкальное ударенiе слога само по себѣ можетъ быть ровнымъ (—), *восходящимъ* (╱) т. е. повышающимся въ высотѣ голоса, *нисходящимъ* (╲) т. е. понижающимся въ высотѣ голоса, восходящимъ—нисходящимъ (╱╲, ╱╲), *нисходящимъ — восходящимъ* (╲╱) и пр. Въ древнегреческомъ было восходящее ударенiе (´) и восходяще-нисходящее (῀).

Поэтому изъ стяженія τιμάω получилось τιμῶ, не τιμώ. Въ литовскомъ языкѣ существуетъ два ударенія долгаго слога: нисходящее въ музыкальномъ и экспираторномъ отношеніи (⋙), напр. первый слогъ въ véidas—лицо, и восходящее въ музыкальномъ отношеніи а въ экспираторномъ отношеніи ослабѣвающее и къ концу вновь усиливающееся, напр. въ первомъ слогѣ слова saũsas—сухой.

Ударенія слова.

Какъ въ экспираторномъ, такъ и въ музыкальномъ удареніи слова различаютъ обыкновенно три ступени: главное удареніе, побочное и самое слабое resp. низкое удареніе, называемое неударенностью.

Въ каждомъ многосложномъ словѣ, кромѣ энклитическихъ и проклитическихъ, одинъ слогъ имѣетъ главное удареніе; по обстоятельствамъ бываетъ слогъ съ побочнымъ удареніемъ, а остальные слоги неударенны, т. е. произносятся съ сравнительно слабой силой или съ сравнительно низкимъ звукомъ голоса.

Главное экспираторное и главное музыкальное ударенія бываютъ нерѣдко въ одномъ и томъ же слогѣ, но могутъ быть и въ разныхъ слогахъ, что̀ особенно ясно видно въ случаяхъ какъ «завтра?», съ логическимъ музыкальнымъ удареніемъ вопросительнаго предложенія во второмъ слогѣ и съ экспираторнымъ удареніемъ слова въ первомъ слогѣ. Это же слово въ значеніи утвердительнаго предложенія имѣетъ оба ударенія въ первомъ слогѣ. Напр. («Когда онъ придетъ?»—) «Завтра».

Ударенія предложенія.

Тѣми же градаціями по силѣ и высотѣ пользуется и мысль наша для обозначенія разныхъ признаковъ значеній предложеній. Такое удареніе называется удареніемъ предложенія или логическимъ (психическимъ) удареніемъ. Въ вопросительномъ «завтра?» музыкальное удареніе слова расходится съ логическимъ музыкальнымъ удареніемъ вопросительнаго предложенія: экспираторное удареніе остается на первомъ слогѣ, а музыкальное удареніе переходитъ на второй слогъ по требованію вопросительнаго значенія предложенія.

Ритмическіе и музыкальные типы предложеній очень раз-

нообразны, и различны въ разныхъ языкахъ. Благодаря такому логическому экспираторному ударенію напр. предложеніе «онъ былъ вчера въ театрѣ» получаетъ различный смыслъ, смотря по тому, на какомъ словѣ ставится главное удареніе предложенія (обозначаемое здѣсь двумя удареніями): о̏нъ былъ вчера́ въ теа́трѣ; онъ бы̏лъ вчера́ въ теа́трѣ; онъ былъ вчера̏ въ теа́трѣ; онъ былъ вчера́ въ те̏атрѣ. Главнымъ экспираторнымъ удареніемъ предложенія обозначается психологическое сказуемое, какъ наиболѣе существенная часть предложенія.

Посредствомъ музыкальнаго ударенія предложенія обнаруживаются и разныя побочныя мысли и чувствованія. Пониженіе голоса къ концу предложенія обозначаетъ вообще, что дальнѣйшаго не ожидается, поэтому такое музыкальное удареніе употребляется въ утвердительныхъ предложеніяхъ. Повышеніе голоса къ концу указываетъ на вопросъ или вообще указываетъ еще на что-то. Ср. «до свиданья» съ повышеніемъ въ концѣ, или слово, за которымъ слѣдуетъ относящееся къ нему придаточное предложеніе, и т. д. Модуляціи голоса, въ составъ которыхъ входятъ и измѣненія въ высотѣ, настолько обнаруживаютъ разныя чувствованія, что они понятны неумѣющимъ говорить дѣтямъ и даже животнымъ.

Ритмическій-мелодическій элементъ рѣчи запечатлѣвается въ насъ настолько прочно, что нерѣдко, припоминая забытое слово, мы вспоминаемъ раньше ритмическую форму его, напр. число слоговъ и ударенія. Поэтому при усвоеніи иностраннаго языка въ зрѣломъ возрастѣ наиболѣе трудно отдѣлаться отъ усвоенныхъ съ дѣтства ритмическихъ мелодическихъ привычекъ.

§ 13. Ритмъ рѣчи. Такты рѣчи.

При логическо-морфологическомъ анализѣ, т. е. при анализѣ съ точки зрѣнія значеній, составными элементами предложеній являются слова съ входящими въ ихъ составъ основными и формальными принадлежностями, какъ основы, суффиксы, префиксы и прочіе носители разныхъ признаковъ значеній.

Съ одной фонетической (т. е. безъ отношенія къ значеніямъ) точки зрѣнія предложеніе (какъ часть звукового ряда, отдѣленная паузами) есть ритмически расчлененный звуковой

рядъ, распадающійся на бо́льшія единицы — такты, которые въ свою очередь распадаются на меньшія единицы—слоги, а слоги на звуки. Въ ритмическомъ расчлененіи рѣчи на такты не трудно убѣдиться, слѣдя за естественной рѣчью. Напр.: Бы́лъ ли | о̀нъ вче-|-ра̀ въ те-|-а́трѣ —Въ виду̀ не-|-сомнѣ́нныхъ | заслу́гъ | его̀. —Онъ пришё́лъ | и сказа́лъ. (' обозначаетъ болѣе сильное, ' болѣе слабое удареніе).

Очевидно слоги, составляющіе тактъ, группируются около экспираторно удареннаго слога слова, который является носителемъ (верхушкой) такта. Но не всегда легко опредѣлить границы тактовъ между экспираторно неударенными слогами, основанныя на ослабленіи выдыхательной силы. Между отдѣльными слѣдующими другъ за другомъ тактами существуютъ также градаціи по силѣ.

Носителемъ такта въ русскомъ языкѣ, какъ и во многихъ другихъ новыхъ языкахъ, является экспираторно ударенный слогъ слова. Въ языкахъ, въ которыхъ экспираторное удареніе слова слабѣе, а есть самостоятельное явно выраженное количественное различіе между слогами, какъ въ древнегреческомъ, латинскомъ и санскритскомъ языкахъ, основаніемъ для распредѣленія слоговъ по тактамъ служитъ продолжительность слоговъ, почему ихъ метрическая система въ стихахъ основано на количественномъ различіи долгихъ и краткихъ слоговъ (трохей, дактиль и пр.).

Чисто фонетическій ритмическій элементъ рѣчи разрываетъ слова на такты; но нужно имѣть въ виду, что съ фонетической стороны нѣтъ отдѣльныхъ словъ, такъ какъ большею частію нѣтъ никакихъ данныхъ въ устной рѣчи для дѣленія ея на отдѣльныя слова. Звуки, составляющіе слова, объединяются въ связной рѣчи только значеніями словъ, и если значенія не возбуждаются, или возбуждаются не тѣ значенія, то въ сознаніи слушателя звуки могутъ группироваться въ другія слова. Этимъ и объясняется возможность большинства каламбуровъ (à votre aise—à vos treize, assis—à six, de bon thé—de bonté).

Скрещиваніе фонетическо-ритмическаго и логическо-морфологическаго начала хорошо замѣтно въ слѣдующемъ примѣрѣ, въ которомъ концы перваго и третьяго, второго и четвертаго стиха совершенно одинаковы въ фонетическомъ отношеніи: Одна́жды | мѣ́дникъ | та́зъ ку | -я́ || сказа́лъ | себѣ́ | тоску́я: || зада́мъ же | дѣ́тямъ | та́ску | я́; || отъ ни́хъ | узна́лъ | тоску́ я.

Ритмъ рѣчи—это тѣ градаціи по силѣ и продолжительности въ звуковомъ рядѣ, а также въ продолжительности паузъ, благодаря которымъ, отчасти въ связи съ музыкальнымъ удареніемъ, звуки рѣчи объединяются въ слоги и такты и въ фонетическомъ отношеніи въ предложенія и въ періоды (сочетанія предложеній). Первопричиной ритмическаго объединенія слога и такта является психофизіологическая природа нашихъ движеній; а первопричиной ритмическаго объединенія въ предложенія и періоды являются значенія, т. е. психическіе факты, лежащіе внѣ области звуковой стороны языка.

Каждое слово само по себѣ имѣетъ болѣе или менѣе строго опредѣленную, смотря по языку, ритмическую форму, т. е. извѣстную градацію звуковъ и слоговъ слова по силѣ и продолжительности ихъ. Въ каждомъ языкѣ существуетъ большее или меньшее число опредѣленныхъ ритмическихъ формъ или типовъ словъ. Такъ въ русскомъ языкѣ экспираторное удареніе слова можетъ быть на любомъ слогѣ, и отъ него зависятъ сравнительно небольшія количественныя различія слоговъ слова. Этимъ ритмическимъ элементомъ слова обусловл..но и его положеніе въ ритмическомъ звуковмъ рядѣ. Въ нѣмецкомъ языкѣ удареніе обыкновенно на первомъ слогѣ слова, во французскомъ языкѣ очень слабое экспираторное удареніе на послѣднемъ слогѣ и т. д. Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ продолжительность слоговъ не зависѣло отъ ударенія, зато удареніе слова могло быть только на трехъ или двухъ послѣднихъ слогахъ и зависѣло отчасти отъ продолжительности слоговъ.

Для того, чтобы ряды словъ образовали предложеніе въ фонетическомъ отношеніи, ихъ укладываютъ въ одну изъ употребительныхъ въ данномъ языкѣ ритмическихъ-мелодическихъ формъ предложеній (ритмическій мелодическій типъ или рамка предложенія). Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно произносить съ немѣняющимися продолжительностью, силой и высотой подъ рядъ слова любого предложенія, напр: «я не знаю придетъ ли онъ сегодня или нѣтъ». Ясно обнаружится неестественность такого предложенія.

Такимъ образомъ ритмъ предложенія съ одной стороны обусловленъ ритмомъ отдѣльныхъ словъ и психическими и логическими элементами предложенія, какъ удареніемъ сказуемаго, противопоставленія и пр.; съ другой стороны ритмъ предложенія

обусловленъ самой звуковой стороной языка. Скрещиваніе логическаго и фонетическаго ритмическаго начала лишь болѣе объединяетъ все предложеніе, такъ какъ чисто фонетическій ритмъ сближаетъ между собою звуковыя части, разрозненныя расчлененіемъ на слова, болѣе тѣсныя сочетанія словъ, психическое сказуемое и пр. Въ искусственной рѣчи съ преобладаніемъ логическаго элемента, напр. съ каѳедры, нерѣдко искажается естественное фонетическое ритмическое строеніе рѣчи чрезмѣрнымъ преобладаніемъ логическаго ритма ея. Наоборотъ, въ стихахъ чисто фонетическій ритмъ получаетъ искусственное преобладаніе. Ср. выше приведенные примѣры, какъ ихъ произносилъ бы съ разстановкой педагогъ и какъ ихъ произноситъ зубрящій школьникъ. Третьяго рода искусственное одностороннее развитіе рѣчи, именно музыкальной стороны ея въ связи съ фонетическимъ ритмомъ, мы видимъ въ пѣніи.

При чтеніи стиховъ мы можемъ особенно выдвигать или фонетическій ритмическій элементъ, или логическій ритмическій элементъ (самое близкое къ естественной рѣчи), или наконецъ музыкальный. Въ умѣломъ сочетаніи ихъ состоитъ искусство декламаціи. Напр: | Ревéтъ | ли звѣ́рь | въ лѣсý | глухóмъ |.— | Бы́ло | дѣ́ло | пóдъ Пол- | -тáвой |.—По | нéбу по- | -лýночи áнгелъ ле- | тѣ́лъ.

Какъ ритмъ пѣсни является искусственнымъ развитіемъ ритма рѣчи, видно изъ сравненія послѣдняго примѣра съ романсомъ на эти слова Варламова. Такты нотъ приходятся на такты рѣчи. Ударенные слоги въ пѣснѣ здѣсь вдвое продолжительнѣе неударенныхъ, въ рѣчи обыкновенно лишь около одной трети продолжительнѣе неударенныхъ, но удлиняются и больше. И стихи, и пѣніе съ точки зрѣнія языка—искаженіе рѣчи, игра.

§ 14. Продолжительность звуковъ и слоговъ.

Продолжительность звуковъ.

Отдѣльные звуки, слоги, такты и пр. произносятся съ разной быстротой, т. е. время ихъ производства и звучанія можетъ быть различно. Эти количественныя различія могутъ быть абсолютными и относительными.

Абсолютная продолжительность (количество, длительность) звука или слога мѣняется съ быстротой рѣчи, въ

которой мы въ этомъ отношеніи различаемъ: быструю рѣчь (allegro), медленную рѣчь или темпъ (lento) и пр.

По относительной продолжительности звуки, какъ гласные, такъ и согласные, бываютъ краткими или долгими. Долгіе отличаются не только большей долготой, но и тѣмъ, что ихъ можно по желанію удлинять. Долгота обозначается горизонтальной черточкой надъ буквой: ā, ē, n̄, s̄, t̄, (русскія «манна», «масса», «оттого»). Краткость обозначается знакомъ ˘, напр. ă, ĕ. Различаютъ еще полудолготу, вышедолготу и пр. Такъ, нѣмецкое «ā» въ kām продолжается дольше, чѣмъ долгое ā въ kāmen. Отъ краткихъ звуковъ нужно отличать ирраціональные, т. е. болѣе краткіе чѣмъ нормальные краткіе звуки. Сюда относятся французское e sourd (конечно произносимое), старославянскіе ъ и ь, а также южновеликорусскіе гласные въ извѣстныхъ неударенныхъ слогахъ (гъдавой, пьтачекъ).

Въ русскомъ языкѣ старое количественное различіе гласныхъ не сохранилось. Но въ немъ развились въ неударяемыхъ слогахъ въ извѣстныхъ условіяхъ ирраціональные гласные, а ударенный гласный въ открытомъ неконечномъ слогѣ полудолгій.

Въ зависимости отъ положенія въ слогѣ измѣняется и относительная продолжительность звуковъ слога, независимо отъ измѣненій въ абсолютной продолжительности, которая зависитъ отъ абсолютнөй продолжителности всего слога, какъ части слова, такта, предложенія.

Продолжительность слога.

Абсолютная продолжительность слога складывается изъ продолжительности составляющихъ его звуковъ.

По относительной продолжительности различаютъ краткіе и долгіе слоги.

На количество слога вліяетъ фонетическій (механическій) ритмическій элементъ рѣчи. Безсознательно стремятся произносить отдѣльные такты рѣчи по возможности съ одинаковой продолжительностью времени, т. е. съ одинаковыми промежутками времени между главными удареніями одинаковыхъ тактовъ. Поэтому, чѣмъ больше слоговъ въ тактѣ, тѣмъ быстрѣе произносится каждый слогъ, напр.: «óнъ пріо- | -брѣ́лъ | мнóго | прéданнѣ́йшихъ дру- | -зéй». Чѣмъ больше преобладаетъ логическій элементъ

въ рѣчи, тѣмъ слабѣе вліяніе механическаго ритма на количество слоговъ (см. выше стр. 228).

Изъ ритма рѣчи объясняется, почему сокращаются неударенные слоги преимущественно многосложныхъ словъ. Въ словахъ, какъ «пре́даннѣйшіе», «городово́й», «передвиже́ніе» всегда между двумя удареніями приходится три—четыре неударенныхъ слога, къ которымъ могутъ присоединиться еще неударенные слоги сосѣдняго слова (пре́даннѣйшіе друзья́), между тѣмъ какъ «друзья́», «мно́го», «дру́гъ» и пр. могутъ занимать цѣлый тактъ: | тако́й | дру́гъ |. Поэтому въ общерусскомъ языкѣ извѣстные слоги многосложныхъ словъ сократились; а слогъ, непосредственно предшествующій ударенному, продолжается дольше, чѣмъ остальные неударенные слоги (но конечно меньше, чѣмъ ударенный), такъ какъ его ритмическая форма выработалась въ двусложныхъ словахъ, въ которыхъ не было надобности сильнѣе сокращаться подъ вліяніемъ фонетическаго ритма. Наоборотъ, благодаря тому же ритму рѣчи, нѣсколько удлиняются иногда, въ связи съ усиленіемъ экспираторнаго ударенія слога, неударенные слоги въ многосложныхъ словахъ, если между двумя ударенными слогами находится слишкомъ много неударенныхъ слоговъ (пре́даннѣ̀йшіе сто̀рожа́) (̀ обозначаетъ здѣсь побочное удареніе). Отсюда понятно, почему самостоятельныя ударенныя односложныя слова въ многихъ языкахъ продолжительнѣе, чѣмъ ударенный слогъ многосложныхъ словъ: первыя нерѣдко заполняютъ весь тактъ.

§ 15. Сочетаніе звуковъ.

Звуковой приступъ и отступъ.

Предварительно нужно указать, какъ въ абсолютномъ началѣ, т. е. послѣ паузы, начинаются и въ абсолютномъ концѣ, т. е передъ паузой, кончаются звуки рѣчи или собственно гласные. Переходъ изъ индифферентнаго положенія къ опредѣленной свойственной каждому звуку установкѣ органовъ рѣчи называется приступомъ, а выходъ изъ этой установки въ покой называется отступомъ.

Приступъ къ гласнымъ можетъ быть крѣпкимъ, тихимъ и придыхательнымъ. При крѣпкомъ приступѣ голосовыя связки предварительно смыкаются для звучанія. Затѣмъ пускается токъ

который взрываетъ затворъ, и непосредственно за взрывомъ голосовыя связки приходятъ въ колебанія, производящія голосъ. Такой взрывъ есть собственно гортанный взрывной согласный (см. стр. 197). Такъ въ нѣмецкомъ языкѣ начинается обыкновенно начальный ударенный гласный.

При тихомъ приступѣ голосовыя связки приходятъ въ положеніе вибрацій одновременно съ началомъ тока. Такъ произносятся обыкновенно русскіе и французскіе начальные гласные.

Придыхательный приступъ получается, если пустить токъ раньше, чѣмъ связки успѣли придти въ соприкосновеніе для звучанія. Въ зависимости отъ времени, силы и положенія связокъ, при которыхъ токъ проходитъ до начала голоса, получается или слабое придыханіе (безголосный гласный, стр. 146—147), или (сильный) гортанный фрикативный согласный: нѣмецкое h, греческій spiritus asper (см. стр. 197). Греческій spiritus lenis былъ или слабый придыхательный или тихій приступъ.

Понятно, что отступъ гласныхъ можетъ быть также крѣпкимъ, при которомъ голосъ вдругъ прекращается энергическимъ закрытіемъ гортани, или же тихимъ, или придыхательнымъ, при которомъ токъ продолжается еще послѣ неполнаго или полнаго раскрытія гортани. Такой слабый придыхательный отступъ представляетъ санскритское visarga, которое собственно безголосное продолженіе предыдущаго гласнаго. Въ согласныхъ различія въ приступѣ и отступѣ имѣютъ меньше значенія.

Установочные и переходные звуки. Измѣненіе звуковъ въ сочетаніяхъ.

Послѣ производства каждаго звука въ звуковомъ рядѣ органы рѣчи не возвращаются въ индифферентное положеніе, а переходятъ непосредственно къ производству слѣдующаго звука. Лишь передъ паузой органы рѣчи возвращаются въ индифферентное положеніе. Такъ напр. въ словѣ «Валдай» голосовыя связки звучатъ непрерывно съ начала до конца слова, если не считать возможнаго очень краткаго перерыва во время затвора *д*. Какъ бы быстро ни совершался переходъ губъ и нижней челюсти отъ установки для *в* до положенія производства *а* (языкъ при *в* уже въ положеніи производства *а*), всетаки получается непрерывный рядъ быстро смѣняющихся переходныхъ звуковъ до *а*, тембръ кото-

рыхъ обусловливается быстро измѣняющейся формой полости рта. Звуки эти не самостоятельны и качество ихъ обусловлено установкой звуковъ *е* и *а*, между которыми они развиваются по физiологической необходимости. Такiе звуки называются переходными звуками, поанглiйски glides. Въ отличiе отъ нихъ самостоятельные звуки, между которыми они развиваются, называются установочными звуками. Такiе же переходные звуки развиваются между *а* и *л*, *д* и *а*, *а* и *й*. Между *а—й* (į) переходные звуки представляютъ поочередно, въ быстрой смѣнѣ, всѣ гласные передняго ряда.

Въ сочетанiи звуковъ движенiя, общiя двумъ сосѣднимъ звукамъ, производятся по возможности одинъ разъ; напр. въ словѣ «дамба» голосовыя связки находятся съ начала до конца слова въ положенiи звучанiя. Языкъ послѣ затвора *д* переходитъ въ положенiе *а* и остается въ немъ до конца слова. Губы производятъ затворъ для *м* и остаются въ этомъ положенiи до раствора *б*. Мягкое небо производитъ закрытiе носовой полости въ продолженiе *да*, при *м* опускается, затѣмъ для *б* снова подымается и остается до конца прижатымъ къ задней стѣнкѣ зѣва.

Подъ влiянiемъ этого принципа измѣняются нѣкоторые звуки. Такъ, затворные согласные въ сочетанiи съ непосредственно слѣдующими за ними носовыми согласными того же мѣста образованiя (pm, tn, kn мягконебн., bm и пр.) производятъ взрывъ не въ ротовой полости, а въ носовую полость, напр. въ «обманъ», «отнять,» «одна» и т. д. Это происходитъ отъ того, что звукамъ p и m, t и n и пр. присущъ одинъ и тотъ же затворъ во рту. Поэтому напр. губы для взрыва *б* въ «обмануть» не раскрываются, а взрывъ производится внезапнымъ открытiемъ затвора мягкаго неба, такъ какъ для *м* носовая полость должна безъ того быть открыта. Эти носовые взрывные p, t и пр. отличаются отъ настоящихъ p, t и акустически и называются фаукальными взрывными согласными (faucales).

Подобное явленiе происходитъ въ сочетанiяхъ tl, dl. Такъ какъ зубной затворъ общiй обоимъ звукамъ, то растворъ (взрывъ) t, d производится не кончикомъ, а боками языка, вдругъ отдѣляющимися отъ боковыхъ зубовъ и десенъ, чѣмъ получается установка для l. Но такiе боковые взрывные согласные отличаются и акустически отъ зубныхъ взрывныхъ, напр. въ «атласъ», «сѣдло».

Кромѣ того въ сочетаніяхъ звуки рѣчи вообще болѣе или менѣе измѣняются въ условіяхъ своего образованія подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ, такъ какъ установка, присущая одному звуку, распространяется отчасти и на предыдущій или послѣдующій звукъ и т. д. Такъ напр. въ словѣ «кустикъ» во время производства *к* губы уже сложены и округлены для производства звука *у* (чего нѣтъ напр. въ словѣ «касса»). Такимъ образомъ получается *к* съ нѣкоторыми условіями производства *у* (съ лабіализаціей), что можно обозначить посредствомъ $к^у$. Къ концу производства *у* передняя спинка языка уже подымается для производства *с* (чего нѣтъ напр. въ «скука»). Почти съ начала производства *с* передняя спинка языка находится уже въ положеніи производства *i*, слѣдующаго за *т* (палатализація, чего нѣтъ въ «кустъ»), такъ что «*с*» можно обозначить посредствомъ $с^і$. При производствѣ *т* передняя спинка языка остается въ положеніи производства послѣдующаго *i*, только передній край спинки языка производитъ верхнезубной затворъ (между тѣмъ какъ въ «куста» *т* можетъ образоваться переднимъ краемъ кончика языка и т. д.).

Отсюда видно, насколько поверхностны и неточны наши письменныя обозначенія звуковъ рѣчи, и что самое точное научное фонетическое письмо не въ состояніи передавать всѣ физіологическія и акустическія различія ихъ. Въ письмѣ передаются только установочные звуки, и это раціонально, такъ какъ переходные звуки обусловлены физіологически переходомъ органовъ рѣчи кратчайшимъ путемъ отъ одного установочнаго звука къ другому. Конечно въ зависимости отъ артикуляціонной базы эти переходы не всегда одинаковы въ разныхъ языкахъ.

Палатализація и лабіализація въ «$к^у$у $с^і т^і$ік» могли бы и отсутствовать и дѣйствительно отсутствуютъ въ аналогичныхъ сочетаніяхъ въ разныхъ языкахъ. Впрочемъ и въ такихъ языкахъ замѣчается извѣстное приспособленіе звука къ сосѣднему въ физіологическомъ отношеніи. Такъ, въ нѣмецкомъ Kind k твердонебное, а въ kann мягконебное. И въ нѣмецкомъ Akustik t отличается отъ t въ Gustav тѣмъ, что въ теченіе или къ концу производства t языкъ нѣсколько ближе къ положенію i. Такое бóльшее или меньшее приравненіе звуковъ къ сосѣднимъ звукамъ въ условіяхъ ихъ производства называется уподобленіемъ или ассимиляціей Ассимиляція можетъ быть

регрессивная, какъ въ данномъ случаѣ, или же прогрессивная, при которой предшествующій звукъ уподобляетъ себѣ послѣдующій, или, наконецъ, обоюдная. Къ уподобленію относятся явленія палатализаціи, лабіализація и веляризаціи (стр. 149, 202).

Сочетаніе согласныхъ.

При встрѣчѣ двухъ одинаковыхъ согласныхъ производится только одинъ такой согласный, который является болѣе или менѣе долгимъ, съ слогораздѣломъ въ срединѣ, напр. оттого = ат̄аво (ср. а того); «труппа» = труп̄а (ср. тру-па); «тотъ топоръ» = тот̄апор (ср. то топоръ); «масса» = мас̄а (ср. раса); «ванна» = ван̄а (ср. Ивана). Такой согласный отличается большей силой, объясняемой при взрывныхъ большей продолжительностью выдержки затвора, во время которой накопляется больше воздуха во рту. Ср. «въ воду»=в̄оду, «къ кому»=к̄ому (если не произносится «хкому»).

При сочетаніи двухъ неодинаковыхъ затворныхъ согласныхъ затворъ второго производится обыкновенно уже во время выдержки затвора перваго. Поэтому напр. въ «аптека», «откопать» *п* и *т* перваго слога производятся взрывомъ того небольшого количества воздуха, которое находится передъ затворомъ второго слога (*т*, *к*). Но въ «акта», «какъ бы», «отпоръ» и пр. взрывъ перваго согласнаго можетъ произойти въ пространство полости рта, уже закрытое болѣе переднимъ затворомъ второго затворнаго согласнаго. Акустически въ обоихъ случаяхъ первый согласный очень слабъ, такъ какъ главнымъ или исключительнымъ представителемъ его являются переходные звуки отъ предыдущаго гласнаго къ затворному (implosio), какъ между *а* и *п* въ «аптека», *а* и *к* въ «акта»; но физіологически оба взрывные производятся полностью. Поэтому напр. прежнія итальянскія kt, pt замѣнились посредствомъ tt, напр. atto лат. actum, aptus. Этимъ объясняется, что затворный между затворными обыкновенно совершенно исчезаетъ для слуха, такъ какъ присутствіе его обыкновенно не обозначается переходными звуками, въ крайности лишь слабымъ взрывомъ, напр. *т* въ «гауптвахта», *д* въ «поздній»; ср. также Брянскъ изъ Дбрянскъ.

Согласные становятся часто глухими или звонкими подъ вліяніемъ сосѣднихъ глухихъ или звонкихъ звуковъ (ассимиля-

ція): сдѣлать (=здѣлать), отдать (=аддать), подсказывать (=патсказывать, ср. поддѣлывать).

Небный или зубной носовой согласный передъ согласнымъ образуется обыкновенно въ томъ же мѣстѣ, гдѣ образуется послѣдующій согласный. Впрочемъ въ этомъ отношеніи существуетъ различіе между языками. Напр. въ нѣмецкомъ языкѣ передъ k всегда только небное n, котораго въ русскомъ языкѣ не существуетъ Ср. нѣмецкое Bank съ мягконебнымъ n, Wink съ твердонебнымъ n и русскія «банкъ», «поминки» съ зубнымъ n.

Сочетаніе гласныхъ, принадлежащихъ къ разнымъ слогамъ.

При сочетаніи двухъ различныхъ гласныхъ, принадлежащихъ къ разнымъ слогамъ, каждый изъ нихъ можетъ производиться отдѣльнымъ выдыхательнымъ толчкомъ. Голосъ можетъ при этомъ не прерываться, а переходные звуки, упадающіе на ослабленіе тока въ слогораздѣлѣ, мало замѣтны. Такой тихій переходъ наблюдается въ русскомъ языкѣ: «у Осипа», «у Ильи», «а онъ», «а Устинья», «и она», «окно открыто».

При встрѣчѣ одинаковыхъ гласныхъ при тихомъ переходѣ является одинъ долгій гласный, распредѣленный на два слога двумя выдыхательными толчками: «а Анна» = а̄на (а͡-ан͡-на), «и исторія» = ӣсторія (и͡-исторія), «у усадьбы» и пр.

Но въ такихъ случаяхъ между гласными вставляется въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ, гортанный взрывъ (крѣпкій переходъ, напр. a'i), въ другихъ языкахъ слабое придыханіе (придыхательный переходъ), напр. во французскихъ fléau, Baal=fle-ɦo, Ba-ɦal).

При тихомъ переходѣ со временемъ можетъ произойти стяженіе обоихъ гласныхъ и въ слоговомъ отношеніи, что невозможно при крѣпкомъ или придыхательномъ переходѣ. Напр. въ греческомъ τιμάω, стянувшемся въ τιμῶ, переходъ между *α* и *ο* былъ тихій.

Дифтонги.

При сочетаніи двухъ или болѣе гласныхъ въ одномъ слогѣ, одинъ изъ нихъ бываетъ слоговымъ, остальные неслоговыми. Такія сочетанія называются дифтонгами, если состоятъ изъ двухъ гласныхъ, трифтонгами—изъ трехъ гласныхъ.

Дифтонги бываютъ восходящіе, когда сила звука (экспираторное удареніе) въ продолженіе производства ихъ увеличи-

вается, такъ что второй гласный является слоговымъ (напр. i̯a, i̯e, u̯a, u̯o и пр., какъ французское quoi=ku̯a), и **нисходящіе**, когда первый гласный слоговой (край, лей, синій, стой, буйный). Впрочемъ по примѣру древней грамматики на практикѣ называютъ дифтонгами преимущественно только нисходящіе дифтонги, а въ восходящихъ видятъ сочетаніе неслогового гласнаго (полугласнаго, обыкновенно i, u) съ слѣдующимъ гласнымъ.

Настоящими называютъ иногда дифтонги, въ которыхъ слоговая часть, произносимая съ большей экспираторной силой, въ то же время обладаетъ большей природной полнозвучностью (стр. 219), чѣмъ неслоговая часть (ai̯, ei̯, ao̯, i̯e и пр.). **Ненастоящими** будутъ въ этомъ смыслѣ тѣ дифтонги, въ которыхъ неслоговая часть, произносимая съ меньшей силой тока, по своей природѣ полнозвучнѣе слоговой части. Тогда подчасъ затруднительно опредѣлить, какую часть собственно считать слоговой, напр. ie̯, ia̯; ue̯, ua̯, ä̯i, e̯u. Ср. сѣверномалорусскія «вуел», «вуол».

При нахожденіи неслогового гласнаго между двумя слоговыми, неслоговой, смотря по языку, можетъ относиться къ предшествующему или къ послѣдующему слогу, или къ обоимъ (ai̯-a, a-i̯a, ai̯-i̯a), но обыкновенно относится къ послѣдующему (a-i̯a) и въ такомъ случаѣ нѣтъ (нисходящаго) дифтонга

Составныя части дифтонговъ часто воспринимаются невѣрно, часто не совпадаютъ съ соотвѣтствующими отдѣльными звуками и обыкновенно передаются невѣрно въ письмѣ. Напр. то, что на слухъ кажется ai̯ или ei̯, есть на самомъ дѣлѣ чаще сочетаніе *а*+*е* узкаго, *е* широкаго+*е* узкаго, напр. въ «ходатай», «случайно», «полнѣйшая», почему малограмотные пишутъ нерѣдко «случаено» «полнѣешая», «полнѣшая». Къ дифтонгамъ русскаго языка я отношу и великорусское *ы*, по крайней мѣрѣ *ы* въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ русскіе гласные производятся наиболѣе продолжительно, прежде всего въ ударенномъ открытомъ неконечномъ слогѣ, напр. въ мыло, были. Въ другихъ условіяхъ *ы* бываетъ и простымъ звукомъ. При производствѣ первой, слоговой части этого дифтонга задняя спинка языка подымается къ среднему небу, а средняя и передняя спинка довольно круто опущены внизъ. Для образованія второй, неслоговой части языкъ передвигается постепенно впередъ въ области твердаго неба, не измѣняя своей формы. Лишь когда слѣдуетъ палатализованный

согласный, то при передвиженіи языка впередъ подымается и средняя и передняя спинка его, приближаясь такимъ образомъ къ положенію образованія палатализаціи. Обѣ составныя части дифтонга *ы* не встрѣчаются какъ простые гласные въ русскомъ языкѣ.

Дифтонги бываютъ съ краткой слоговой частью, называемые краткими, напр. греческія αι, οι=ăḭ, ŏḭ, и съ долгой слоговой частью, называемые долгими дифтогами, напр. греческія ωι (ῳ), ῃ=ōḭ, ēḭ. Особенно краткіе дифтонги могутъ имѣть неслоговую часть не только краткую, напр. ăḭ̆, ăṷ̆, но и долгую или полудолгую, напр. aḭ̄, ăṷ̄.

Трифтонги состоятъ изъ трехъ гласныхъ, съ однимъ слоговымъ гласнымъ, напр. aeḭ, ḭeḭ.

Дифтонгическія сочетанія.

Дифтонгическимъ сочетаніемъ называется сочетаніе въ одномъ слогѣ гласнаго съ носовымъ или плавнымъ. По физіологическимъ и акустическимъ условіямъ такія сочетанія отличаются мало отъ настоящихъ дифтонговъ (ср. стр. 204). Такъ какъ плавные и носовые менѣе полнозвучны, чѣмъ гласные, то слоговымъ бываетъ обыкновенно гласный, напр. въ ол, ер, ам и пр. (волкъ, смерть, замкнутый). Рядомъ съ ирраціональнымъ гласнымъ плавный или носовой является обыкновенно болѣе полнозвучнымъ, а потому слоговымъ: праславянскія vъl̥kъ, sъmьr̥tь, отсюда старославянскія влъкъ, съмрьть (съ перестановкой) и русскія «волкъ», «смерть» (съ гласными *о*, *е* изъ праславянскихъ *ъ* и *ь*). Нѣмецкія apfl̥, lezn̥ (пишутся Apfel, lesen) съ слоговымъ l, n, вслѣдствіе сокращенія находившагося передъ ними гласнаго; ср. древневерхненѣм. apful, lesan.

ГЛАВА V.

ФОНЕТИЧЕСКІЯ ИЗМѢНЕНІЯ ЯЗЫКА.

§ 1. Общія свѣдѣнія.

Произношеніе отдѣльныхъ лицъ приводится постоянно въ возможно полное соглашеніе съ рѣчью окружающихъ.

Общественныя условія языка сказываются не только въ томъ, что каждый новый членъ человѣческаго общества получаетъ свой языкъ отъ окружающаго общества, но и въ томъ, что и впослѣдствіи его языкъ постоянно приводится въ возможно полное соглашеніе въ звуковомъ, грамматическомъ, семасіологическомъ и лексическомъ отношеніи съ языкомъ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ находится въ непосредственныхъ языковыхъ сношеніяхъ. Безъ этихъ соціальныхъ условій языка, налагающихъ на языкъ каждаго индивидуума рамки, изъ которыхъ индивидуальныя различія безнаказанно выходить не могутъ, языкъ каждаго новаго индивидуума не только не приравнялся бы къ языку старшихъ, но онъ могъ бы и впослѣдствіи обособиться, пойти своимъ путемъ. Съ другой стороны, перерывъ въ личныхъ языковыхъ сношеніяхъ даетъ возможность языку изолированныхъ другъ отъ друга частей общества измѣняться независимо и вырабатываться въ діалекты и языки.

Здѣсь намъ нужно присмотрѣться поближе къ одной изъ соціальныхъ сторонъ языка, именно къ зависимости индивидуальнаго языка отъ языка окружающихъ въ звуковомъ отношеніи. Съ перваго года жизни ребенокъ получаетъ слуховыя ощущенія отъ рѣчи окружающихъ, которыя вслѣдствіе частыхъ повтореній постепенно запечатлѣваются въ его памяти, въ общемъ слуховомъ

центрѣ и въ центрѣ Вернике. Затѣмъ изъ потребности функціонировать, подражать, наконецъ сообщать свои мысли, ребенокъ начинаетъ самъ произносить слова по сохраняющимся въ его душѣ слуховымъ образамъ. Но сначала получаются звуки, не похожіе на рѣчь окружающихъ. Это происходитъ отчасти отъ того, что вслѣдствіе неразвитости слуха слуховыя воспоминанія его неточны. Кромѣ того для артикуляцій органовъ рѣчи нужно продѣлать громадную работу: нужно найти тѣ положенія и движенія легкихъ, гортани, языка, челюстей, губъ и мягкаго неба, при которыхъ только и получаются такіе звуки, какіе производятъ окружающіе. Постепенно слуховыя представленія, получаемыя отъ рѣчи окружающихъ, становятся точнѣе и яснѣе. Ребенокъ постепенно находитъ также нужныя укладки для звуковъ, и научается все больше продѣлывать одновременно легкими, гортанью, языкомъ, челюстью и пр. тѣ движенія, которыя даютъ въ результатѣ слуховыя ощущенія, сходныя съ тѣми, которыя запечатлѣны въ его душѣ отъ рѣчи старшихъ. Развиваются соотвѣтствующіе мускулы и нервы. Ощущенія отъ этихъ собственныхъ движеній оставляютъ въ немъ двигательныя воспоминанія между прочимъ въ центрѣ Брока, при помощи которыхъ онъ можетъ затѣмъ при надобности повторять тѣ же движенія.

Стремленіе, большею частью безсознательное, произносить согласно своимъ слуховымъ представленіямъ, сохраняется у человѣка на всю жизнь. А такъ какъ слуховыя представленія и впослѣдствіи являются отпечаткомъ рѣчи окружающихъ, то рѣчь каждаго лица и впослѣдствіи приводится постоянно по возможности въ соглашеніе съ рѣчью окружающихъ. Но здѣсь, понятно, нужно еще считаться съ тѣмъ, что на его слуховыя представленія вліяетъ и собственная рѣчь, и что разъ установившіяся слуховыя представленія и движенія органовъ рѣчи сохраняются и при обыкновенныхъ условіяхъ лишь медленно измѣняются въ сторону новыхъ слуховыхъ ощущеній.

Когда мы слышимъ рѣчь, то всякое новое слуховое ощущеніе слова, вполнѣ тожественное съ прежними ощущеніями, мы незамѣтно отожествляемъ съ нашимъ слуховымъ воспоминаніемъ этого слова. Мы отожествляемъ его впрочемъ и въ томъ случаѣ, когда оно произнесено нѣсколько или даже значительно иначе; но различествующіе элементы такого слухового ощущенія противодѣйствуютъ полному сліянію (ассимиляціи) его съ соотвѣт-

ствующимъ слуховымъ воспоминаніемъ и этимъ возбуждаютъ наше вниманіе: мы замѣчаемъ различіе. Вслѣдствіе сказаннаго мы до извѣстной степени въ состояніи понимать рѣчь лица, принадлежащаго къ другому говору или близко родственному языку, напр. бѣлорусса, поляка, такъ какъ отожествляемъ сходныя слова съ собственными, но при этомъ сознаемъ различіе.

Такимъ образомъ благодаря слуховымъ воспоминаніямъ мы сами можемъ произносить такъ, какъ произносятъ окружающіе, а при отступленіи въ произношеніи своемъ или чужомъ замѣчаемъ различія и исправляемъ свои отступленія безсознательно, отчасти сознательно. Этимъ и объясняется однообразіе въ произношеніи у лицъ, находящихся въ постоянныхъ языковыхъ сношеніяхъ между собою. Слѣдовательно, слуховыя представленія служатъ образцомъ, контролемъ и мѣриломъ вѣрности произношенія собственнаго и другихъ. Вѣрнымъ же мы называемъ при обыкновенныхъ условіяхъ то произношеніе, при ощущеніи котораго въ насъ не возбуждается сознаніе различія отъ нашихъ слуховыхъ представленій.

Такъ какъ индивидуальное произношеніе каждаго нормально развитого ребенка и впослѣдствіи взрослаго примѣняется при посредствѣ слуховыхъ представленій къ рѣчи окружающихъ, то этимъ обезпечивается постоянство въ звуковой сторонѣ языка во времени, изъ поколѣнія въ поколѣніе. И такъ какъ каждый индивидуумъ человѣческаго общества находится въ языковыхъ сношеніяхъ со многими другими, которые въ свою очередь сообщаются между собою и съ третьими и т. д., то этимъ поддерживается однообразіе языка въ звуковомъ отношеніи у милліоновъ лицъ. При этомъ лица, находящіяся съ дѣтства въ постоянныхъ языковыхъ сношеніяхъ между собою, говорятъ вполнѣ одинаково или почти вполнѣ одинаково. Но мелкія различія могутъ существовать и у сравнительно близко живущихъ, если они не находятся въ непосредственныхъ языковыхъ сношеніяхъ. Чѣмъ меньше непосредственныхъ сношеній, тѣмъ бо́льшія могутъ существовать различія въ рѣчи, доходящія въ болѣе отдаленныхъ другъ отъ друга частяхъ большого народа до взаимнаго непониманія. При этомъ можетъ случиться, что въ промежуточныхъ частяхъ нигдѣ не замѣчается рѣзкихъ переходовъ, такъ какъ непосредственныя сношенія могутъ прерываться лишь вслѣдствіе пространственныхъ (горы, рѣки,

большіе лѣса, болота, отдаленность населенныхъ мѣстъ и пр.), политическихъ (принадлежность къ разнымъ государствамъ), административныхъ (волость, приходъ), религіозныхъ (секты и пр.) и пр. преградъ.

Главные виды измѣненія языка въ звуковомъ отношеніи.

Изъ изложеннаго выше казалось бы, что языкъ долженъ всегда сохраняться безъ измѣненій въ звуковомъ отношеніи. На самомъ дѣлѣ каждый языкъ съ теченіемъ времени измѣняется, между прочимъ и въ звукахъ, хотя и медленно и большею частью незамѣтно для говорящихъ. Нужно конечно имѣть въ виду, что подъ «звукомъ» языка нельзя понимать постоянную разграниченную единицу звуковыхъ рядовъ, какъ подъ вліяніемъ письма обыкновенно думаютъ. «Отдѣльный звукъ» есть наша абстракція, имѣющая однако реальную психическую подкладку, такъ какъ основывается на безсознательной психической ассоціаціи: одинаковыя части разныхъ звуковыхъ рядовъ ассоціируются между собою по сходству въ движеніяхъ и акустическихъ ощущеніяхъ (стр. 217—218).

Нужно строго различать между языкомъ отдѣльнаго индивидуума, единственно реально существующимъ языкомъ, и между языкомъ въ отвлеченномъ смыслѣ, т. е. говоромъ, нарѣчіемъ, общенароднымъ языкомъ и языкомъ цѣлаго народа и пр. Въ индивидуальномъ языкѣ новыя звуковыя явленія могутъ возникать или органически, самостоятельно у группы лицъ, или же неорганически, вслѣдствіе перенятія (заимствованія) новыхъ звуковыхъ явленій отъ другихъ. Но съ точки зрѣнія того говора, нарѣчія или языка, куда относится данный индивидуумъ, только въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ новымъ фактомъ, а перенятіе звука является лишь распространеніемъ уже существующаго въ языкѣ факта.

Какъ распространяются вновь явившіеся факты языка, это понятно изъ той зависимости, въ которой находится каждый членъ общества въ своемъ языкѣ отъ другихъ. Объ этомъ будетъ еще сказано въ § 5 и друг. Здѣсь нужно разсмотрѣть, какъ возникаютъ вообще новыя звуковыя явленія въ языкѣ, другими словами, какъ возникаютъ измѣненія языка въ звукахъ.

Относительно звуковыхъ измѣненій языка вообще нужно замѣтить слѣдующее. Звуковое измѣненіе возникаетъ органи-

чески у небольшой группы лицъ и отъ нихъ распространяется на языкъ остальныхъ. При этомъ какъ тѣ, въ устахъ которыхъ возникаетъ это измѣненіе, такъ и тѣ, которые его перенимаютъ, обыкновенно не только не измѣняютъ преднамѣренно свое произношеніе, но даже не подозрѣваютъ о такомъ измѣненіи.

Измѣненія языка въ звуковомъ отношеніи по своему происхожденію могутъ быть или фонетическія, или измѣненія по аналогіи и нѣкоторыя другія. О послѣднихъ будетъ сказано послѣ главы о значеніяхъ, такъ какъ они происходятъ большею частію при содѣйствіи значеній словъ.

Фонетическія измѣненія языка возникаютъ исключительно въ звуковой сторонѣ языка (стр 100) безъ всякаго непосредственнаго отношенія къ значеніямъ языка. Поэтому нельзя собственно говорить о фонетическихъ измѣненіяхъ словъ, такъ какъ въ фонетикѣ слова существуютъ лишь настолько, насколько они вслѣдствіе ударенiй слова или паузъ выдѣляются въ отдѣльныя единицы звукового ряда Но посредственнаго вліянія значеній на измѣненіе языка въ фонетическомъ отношеніи отрицать нельзя. Въ зависимости отъ значенія слова въ предложеніи, его произносятъ съ тѣмъ или другимъ экспираторнымъ и музыкальнымъ удареніемъ, съ большей или меньшей ясностью и продолжительностью, рядомъ съ нимъ могутъ явиться логическія паузы и пр., что въ свою очередь вліяетъ на историческую судьбу его звукового состава. Такъ, легко понятныя слова, произносимыя часто и быстро или съ малой энергіей (вскользь), могутъ подвергаться особымъ сокращеніямъ, напр. «здрастье» изъ «здравствуйте», «молъ» сокращеніе изъ «молви» или «молвитъ» и пр.

Фонетическія измѣненія языка возникаютъ или вслѣдствіе измѣненія артикуляцій индивидуальнаго языка, или же при перенятіи языка отъ другихъ не только дѣтьми, но и взрослыми, если перенимаемый языкъ хотя нѣсколько отличается отъ языка перенимающихъ.

Какъ вслѣдствіе измѣненія артикуляцій индивидуальнаго произношенія, такъ и вслѣдствіе измѣненія перенимаемыхъ звуковъ, можетъ получиться въ результатѣ или просто замѣна звука, при которой одинъ звукъ замѣняется другимъ, уже существующимъ въ данномъ языкѣ, или же измѣненіе звука, т. е. появленіе на мѣсто прежняго совершенно новаго звука, не су-

ществовавшаго раньше въ данномъ языкѣ. Вслѣдствіе дальнѣйшихъ постепенныхъ измѣненій конечно и такой новый звукъ можетъ впослѣдствіи совпасть со старымъ.

Нужно строго различать между измѣненіемъ звука (Lautwandel) и замѣной звука (Lautwechsel) въ указанномъ смыслѣ. Однако тѣ и другія называются звуковыми измѣненіями языка или измѣненіями языка въ звуковомъ отношеніи. Но замѣну звука не слѣдуетъ называть измѣненіемъ звука, какъ обыкновенно дѣлаютъ. Измѣненіе звука происходитъ исключительно фонетическимъ путемъ, между тѣмъ какъ замѣна звука можетъ произойти и при содѣйствіи значеній, напр. вслѣдствіе «новообразованія по аналогіи», «народной этимологіи» и пр.

Распространенное въ лингвистикѣ дѣленіе фонетическихъ звуковыхъ измѣненій на «спонтанеическія», т. е. произвольныя, и на «обусловленныя», я оставляю совершенно въ сторонѣ, какъ негодное, такъ какъ необусловленныхъ измѣненій быть не можетъ. Незнаніе условій, связанныхъ съ этими измѣненіями, не можетъ служить основаніемъ для классификаціи.

Обращаюсь сначала къ тѣмъ процессамъ, при которыхъ возникаютъ совершенно новые звуки, или вѣрнѣе, новыя разновидности звуковъ, т. е. къ измѣненію звуковъ, въ противоположность замѣнѣ звуковъ. Появленіе новыхъ звуковъ приписываютъ обыкновенно только тѣмъ процессамъ, которые я называю измѣненіемъ звуковъ, возникающимъ въ артикуляціяхъ (индивидуальнаго языка); а измѣненіямъ, возникающимъ при перенятіи, обыкновенно не удѣляютъ должнаго вниманія.

§ 2. Измѣненіе звуковъ, возникающее въ артикуляціяхъ индивидуальнаго языка.

Процессъ постепеннаго измѣненія звука въ артикуляціяхъ.

Однообразіе въ произношеніи лицъ, принадлежащихъ къ одному говору, имѣетъ свои предѣлы. У лицъ, говорящихъ на одномъ говорѣ и находящихся въ постоянныхъ языковыхъ сношеніяхъ, произношеніе всетаки не вполнѣ одинаково. Это объясняется прежде всего индивидуальными различіями въ слуховыхъ представленіяхъ, обусловленными индивидуальными различіями въ слуховомъ органѣ, какъ и тѣмъ, что каждому при-

шлось въ разной мѣрѣ слышать рѣчь съ разнообразными индивидуальными и случайными оттѣнками произношенія. Но главной причиной индивидуальныхъ различій въ произношеніи являются различія въ формѣ и въ движеніяхъ органовъ рѣчи самихъ по себѣ (индивидуальная артикуляціонная база). Форма лица, рукъ и пр., при общемъ сходствѣ, представляетъ мелкія индивидуальныя различія. Такія же индивидуальныя различія мы видимъ въ движеніяхъ частей тѣла, напр. рукъ при письмѣ, ногъ при ходьбѣ. По лицу, почерку, походкѣ и пр. мы узнаемъ знакомыхъ. Такія же мелкія индивидуальныя различія должны существовать и въ формѣ и движеніяхъ органовъ рѣчи. Поэтому мы по рѣчи узнаемъ знакомыхъ. Но различіе въ движеніяхъ самихъ по себѣ увеличивается еще различіемъ въ формѣ органовъ рѣчи. Чтобы получить тотъ же звукъ напр при болѣе толстомъ языкѣ, или при болѣе короткой ротовой полости, нужно эти различія компенсировать болѣе низкимъ положеніемъ языка, большимъ закрытіемъ губъ и т. д. Въ виду всего этого не можетъ быть и полнаго совпаденія въ ощущеніяхъ движеній и въ воспоминаніяхъ ихъ Поэтому особенно сильно должны отличаться движенія дѣтскихъ органовъ рѣчи отъ движеній взрослыхъ, и по мѣрѣ роста различія въ движеніяхъ должны уменьшаться. Но нужно имѣть въ виду, что различіе въ величинѣ органовъ рѣчи говорящихъ дѣтей и взрослыхъ не велико, гораздо меньше, чѣмъ напр. различіе въ величинѣ туловища, ногъ и пр. Что же касается слуховыхъ органовъ дѣтей, то они не отличаются по величинѣ отъ органовъ взрослыхъ

Но и у одного и того же лица произношеніе не всегда одинаково. Почеркъ, походка, туше и пр. мѣняются до извѣстной степени подъ вліяніемъ разнаго физіологическаго и психическаго состоянія, напр. возбужденности, усталости, гнѣва, веселости и пр. Точно такъ же въ движеніяхъ органовъ рѣчи отдѣльнаго лица являются колебанія въ зависимости отъ преходящихъ условій.

Несмотря на эти колебанія въ произношеніи, мы все-таки отожествляемъ нѣсколько разнообразныя произношенія одного слова, прежде всего потому, что наши слуховыя представленія словъ составлялись изъ такихъ нѣсколько разнообразныхъ ощущеній, а потому имѣютъ извѣстную степень широты и расплывчивости. Слуховыя представленія словъ, выражаясь картинно, не

линіи съ опредѣленно очерченными краями, а полосы съ расплывающимися очертаніями. Этимъ и объясняется, что при всей чуткости уха къ тонкостямъ звуковъ родного языка, разнообразіе въ воспринимаемомъ произношеніи остается въ значительной степени незамѣтнымъ тамъ, гдѣ съ разнообразіемъ не связано различія въ значеніяхъ.

Если физіологическія причины, берущія отчасти начало въ психическихъ условіяхъ, какъ логическое удареніе, темпъ, музыкальная высота голоса, артикуляціи сосѣднихъ звуковъ и пр., заставляютъ движенія одного изъ артикулирующихъ органовъ рѣчи при производствѣ какого нибудь звука чаще уклоняться въ одну какую нибудь сторону отъ вообразимаго средняго направленія, то и воспоминанія движеній измѣняются постепенно въ данную сторону, такъ что этотъ раньше мало привычный путь становится болѣе привычнымъ. Дѣло въ томъ, что обычныя движенія разныхъ органовъ рѣчи, производящія совокупнымъ дѣйствіемъ какой-нибудь звукъ, вслѣдствіе указанныхъ колебаній въ обѣ стороны, представляютъ какъ бы широкую дорогу, по которой главная колея идетъ по404 срединѣ, а при случаѣ ѣздятъ болѣе по правой или лѣвой сторонѣ. Если въ какомъ нибудь мѣстѣ почему либо начинаютъ чаще ѣздить по лѣвой сторонѣ, хотя средина дороги вполнѣ свободна, то этимъ главная колея переносится постепенно на лѣвую сторону дороги. Затѣмъ начинаются снова обычныя колебанія въ обѣ стороны новой главной колеи, захватывающія такимъ образомъ съ лѣвой стороны полоску луга подъ дорогу, между тѣмъ какъ правый край дороги начинаетъ заростать травой. Такимъ образомъ дорога и съ ней главная средняя колея могутъ все больше отклоняться влѣво, и при этихъ передвиженіяхъ главная колея никогда не выходитъ за предѣлы проторенной дороги. Точно такимъ же образомъ движенія органовъ рѣчи могутъ постепенно измѣнить свой путь, причемъ среднее, самое привычное направленіе можетъ никогда не переходить за предѣлы привычныхъ движеній. Въ результатѣ такихъ постепенныхъ незамѣтныхъ отклоненій могутъ явиться движенія, отличающіяся отъ первоначальныхъ настолько, что производятъ уже иной звукъ, чѣмъ первоначальный. Если при этомъ слуховыя представленія, поддерживаемыя рѣчью другихъ, сохраняются въ прежнемъ видѣ, то вслѣдствіе безсознательнаго стремленія согласовать свое

произношеніе съ слуховыми представленіями, снова возстановятся прежнія движенія и воспоминанія ихъ, хотя бы наперекоръ личнымъ удобствамъ.

Возстановленіе прежняго произношенія можетъ случиться даже тогда, когда у цѣлой группы лицъ одновременно одинаковымъ образомъ (вслѣдствіе передачи отъ одного къ другимъ, или вслѣдствіе близкаго сходства въ физической и психической природѣ) нѣсколько измѣнилось произношеніе, и когда подъ вліяніемъ этого у нихъ должны были измѣниться и слуховыя представленія: подъ вліяніемъ произношенія другихъ лицъ, сохранившихъ старое произношеніе, возстановятся прежнія слуховыя представленія, а съ ними прежнія движенія и воспоминанія ихъ. Такимъ образомъ устраняется большинство индивидуальныхъ отклоненій отъ обычныхъ движеній, которыя вслѣдствіе своей незначительности ускользаютъ отъ наблюдателя языка.

Но можетъ случиться и то, что такое нѣсколько измѣненное произношеніе, измѣнившее и слуховыя представленія у группы лицъ, не только не вытѣсняется рѣчью лицъ, сохранившихъ прежнее произношеніе, но, наоборотъ, новое произношеніе находитъ воспріимчивую почву и распространяется и на нихъ. Тутъ общая численность приверженцевъ стараго и новаго произношенія не имѣетъ существеннаго значенія. У каждаго лица, которое слышитъ чаще новое произношеніе, чѣмъ старое, безсознательно измѣнятся слуховыя представленія въ пользу новаго, такъ какъ слѣдъ отъ болѣе новыхъ по времени ощущеній сильнѣе прежнихъ. Вслѣдъ за слуховыми представленіями измѣнится и произношеніе, особенно если новое произношеніе для него болѣе удобно, чѣмъ старое. Такимъ образомъ новое произношеніе можетъ постепенно распространяться все дальше, на милліоны, пріобщая къ себѣ по одиночкѣ все новые индивидуумы. При этомъ играетъ существенную роль то обстоятельство, что новое поколѣніе можетъ сразу пристать къ новому произношенію, не испытывая сопротивленія установившихся прежде воспоминаній стараго произношенія. Кромѣ того новое поколѣніе, сообщающееся чаще между собою, чѣмъ со старшими, можетъ и независимо отъ старшихъ измѣнить органически свое произношеніе. Такимъ образомъ постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, безъ вѣдома говорящихъ, въ одной части русскихъ говоровъ неударенное о измѣ-

нилось въ *а*, причемъ каждое новое незначительное отклоненіе могло возникнуть то у одной группы лицъ, въ томъ числѣ и дѣтей, то у другой группы въ другой мѣстности, и отъ этихъ группъ оно могло распространяться на большую или меньшую часть акающаго раіона.

Что заставляетъ первоначально отступать отъ привычныхъ движеній въ рѣчи, письмѣ и пр. наперекоръ воспоминаніямъ? Очевидно причина должна лежать въ физіологическихъ условіяхъ производства движеній. Мы можемъ объяснить эти отклоненія только тѣмъ, что новыя движенія оказались при данныхъ условіяхъ болѣе удобными, т. е. ощущенія отъ нихъ сопровождались болѣе пріятными чувствованіями, такъ какъ мы и безсознательно стремимся воспроизводить движенія, сопровождающіяся болѣе пріятными чувствованіями, и избѣгаемъ движенія, сопровождающіяся менѣе пріятными чувствованіями. Подъ этимъ удобствомъ не нужно подразумѣвать напр. сбереженіе труда, уменьшеніе работы артикуляціи. Функціонировать свойственно человѣческимъ органамъ, и при извѣстныхъ физіологическихъ условіяхъ, напр. при сильномъ логическомъ удареніи, удобнѣе усиливать движенія органовъ рѣчи, т. е. производить ихъ съ большей полнотой. Казалось бы, что привычныя движенія самыя удобныя. Съ тѣмъ же правомъ можно сказать, что почеркъ прописей, къ которому мы привыкли въ дѣтствѣ, долженъ быть для насъ самымъ удобнымъ, и что поэтому не должно быть индивидуальныхъ почерковъ. Извѣстныя артикуляціи были намъ, какъ членамъ человѣческаго общества, навязаны, но изъ этого не слѣдуетъ, что эти движенія, хотя и привычныя, самыя удобныя для каждаго. Вслѣдствіе индивидуальныхъ различій въ артикуляціонной базѣ одному тѣ, другому другія движенія и отклоненія самыя удобныя.

Изъ разсмотрѣнныхъ различій во всѣхъ частяхъ звуковой стороны языка отдѣльныхъ индивидуумовъ слѣдуетъ, что безсознательное стремленіе отклоняться отъ обычныхъ движеній должно быть различно у разныхъ индивидуумовъ, причемъ бо́льшее совпаденіе должно быть у лицъ, болѣе сходныхъ въ физіологическомъ и психическомъ отношеніяхъ, слѣдовательно у лицъ одного говора, и еще большее у лицъ тѣснаго круга, семьи и пр.

На измѣненіе движеній вліяютъ посредственно такія общіе факторы, какъ темпъ рѣчи, ударенія логическія и пр. А эти

явленія измѣняются въ связи съ другими измѣненіями духовной жизни членовъ общества, и бываютъ очень сходными лишь у лицъ, находящихся въ близкихъ сношеніяхъ. Слѣдовательно и одинаковыя отклоненія могутъ возникнуть скорѣе всего у болѣе тѣснаго круга людей.

Что разъ начатое измѣненіе въ движеніи какого нибудь органа рѣчи можетъ продолжаться въ томъ же направленіи, объясняется тѣмъ, что всякое новое движеніе, повлекшее за собой соотвѣтствующее новое двигательное и слуховое воспоминаніе (представленіе), является такой же исходной точкой для дальнѣйшаго измѣненія, съ индивидуальными и случайными колебаніями, какой было прежнее движеніе, совершенно такъ же, какъ новая колея является исходной для дальнѣйшихъ отклоненій въ обѣ стороны. Если поэтому чувство удобства, заставившее предпочесть первое случайно измѣненное движеніе старому и привычному но менѣе удобному движенію, продолжаетъ сопровождать и новыя случайныя отклоненія въ эту же сторону и этимъ заставляетъ отдавать имъ безсознательно предпочтеніе, то данное движеніе можетъ все дальше измѣниться въ томъ же направленіи.

Что отклоненія происходятъ лишь незначительными переставленіями пути, между тѣмъ какъ для индивидуальнаго языка было бы можетъ быть удобнѣе принять сразу значительно измѣненное движеніе, объясняется тѣмъ, что не удобство руководитъ нашими движеніями, а прежде всего воспоминанія прежнихъ ощущеній этихъ движеній, и затѣмъ контроль со стороны слуховыхъ представленій, устанавливаемыхъ отъ рѣчи окружающихъ Чувство удобства можетъ лишь воспользоваться для своихъ цѣлей тѣми обычными незначительными колебаніями, которыя вполнѣ нормальны во всякихъ нашихъ движеніяхъ, и можетъ такимъ образомъ постепенно измѣнить звуки.

Разъ извѣстный комплексъ одновременныхъ движеній разныхъ органовъ рѣчи, посредствомъ которыхъ производится одинъ какой нибудь звукъ или часть звука (съ точки зрѣнія буквъ), измѣнился нѣсколько въ движеніи одного изъ артикулирующихъ органовъ, то очевидно этотъ измѣненный комплексъ движеній является вмѣсто прежняго всюду, гдѣ онъ находится въ одинаковыхъ физіологическихъ условіяхъ. Исключеніе составляютъ только тѣ случаи, въ которыхъ особыя фонетическія условія заставляютъ оставаться при старомъ дви-

женіи, или прибѣгнуть къ иному новому движенію. Такое послѣдовательное появленіе измѣненнаго комплекса движеній, слѣдовательно измѣненнаго звука, во всѣхъ словахъ, гдѣ былъ раньше соотвѣтствующій старый комплексъ (кромѣ при особыхъ условіяхъ), объясняется тѣмъ, что по самой природѣ такого измѣненія звуковъ появленіе новаго звука связано съ забываніемъ стараго звука, такъ что новое движеніе является для говорящихъ тѣмъ же старымъ движеніемъ. Вслѣдствіе постепенныхъ незначительныхъ отклоненій говорящіе совершенно не подозрѣваютъ о какомъ либо измѣненіи, такъ какъ воспоминаніе стараго движенія не сохраняется. Измѣняя такимъ образомъ неударенное *о* постепенно въ *о* нѣсколько склонное къ *а*, далѣе въ *о* нѣсколько болѣе склонное къ *а*, т. е. подымая заднюю спинку языка все ниже и лабіализуя все меньше, говорящіе совершенно не подозрѣвали, что изъ поколѣнія въ поколѣніе измѣняли звукъ *о* все болѣе въ *а*. Такимъ образомъ неударенное *о* во всѣхъ слогахъ, кромѣ ударенного, измѣнился постепенно въ *а* въ акающихъ говорахъ, или, при извѣстныхъ условіяхъ, подвергся другимъ измѣненіямъ; а подъ удареніемъ *о* сохранялся какъ *о*. Звонкіе шумные согласные во всѣхъ словахъ великорусскаго языка перешли постепенно въ глухіе въ концѣ самостоятельныхъ словъ, но неконечные сохранились (дуп, дуба); а въ малорусскомъ языкѣ конечные звонкіе согласные сохранились звонкими и въ концѣ. *К*, *г* и *х* обратились постепенно въ праславянскомъ въ мягкіе *ч*, *ж*, *ш* повсюду, гдѣ они стояли передъ мягкими гласными (человѣческій, боже и пр.); но передъ твердыми гласными они сохранились до сихъ поръ (человѣка, бога) и т. д.

Обзоръ нѣкоторыхъ главныхъ видовъ звукоизмѣненій, возникающихъ въ артикуляціяхъ.

Измѣненія въ артикуляціяхъ могутъ заключаться въ постепенномъ передвиженіи мѣста артикуляціи, т. е. мѣста образованія преграды (въ согласныхъ) или съуженія (въ гласныхъ). Сюда относится напр. переходъ въ украинскомъ малорусскомъ языкѣ съ одной стороны прарусскаго *і*, съ другой прарусскаго *ы* въ гласный средній между ними по мѣсту образованія, передаваемый буквой *и* или *ы*: ходити, бичекъ, мити.

Измѣненіе артикуляціи можетъ заключаться въ постепенномъ измѣненіи степени съуженія или способа обра-

зованія преграды. Такъ получилось русское діалектическое неударенное *а* изъ прарусскаго широкаго *о*, напр. авца́ < овца́; при этомъ не только задняя спинка языка стала подыматься все ниже, но и губы лабіализовали все меньше. Такъ же возникло изъ индоевропейскаго и праславянскаго затворнаго g малорусское и пр. фрикативное *г* (какъ въ общерусскихъ словахъ Бога, богатый, благо и пр.); въ великорусскомъ сохранился и затворный *г*.

Впрочемъ при выясненіи передвиженія артикуляцій необходимо считаться съ положеніемъ всѣхъ артикулирующихъ органовъ. Такъ, отвердение *с*, напр. въ «берусъ», обусловлено опусканіемъ средней спинки языка изъ положенія палатализаціи къ положенію покоя (индифферентному положенію), чѣмъ вызвано удлиненіе задняго резонатора и пониженіе собственнаго звука его. Малорусскія «воўк», «даў» развились изъ «волк», «дал» вслѣдствіе того, что кончикъ языка, который при *л* упирается въ зубы и десну, постепенно пересталъ подыматься и вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ пересталъ съуживаться по бокамъ, такъ что остались лишь подъемъ задней спинки языка и лабіализація.

Измѣненія въ звукахъ происходятъ часто отъ того, что движеніе одного изъ органовъ, участвующихъ въ производствѣ звука, начинаетъ производиться слишкомъ рано или слишкомъ поздно сравнительно съ другими (передвиженіе артикуляціи во времени). Такъ, округленіе губъ, нужное для *у* напр. въ «куда», «худо», устроенное нѣсколько раньше, дало лабіализованныя $к^у$, $х^у$ въ этихъ словахъ. Постепенная слишкомъ ранняя укладка языка для *і* обратила въ праславянскомъ языкѣ дифтонгъ *еі* въ *і*: «и-ти», ср. литовское eiti. Болѣе ранняя установка средней спинки языка въ положеніе для і, напр. въ «вѣрить», палатализуетъ (смягчаетъ) *р* и даже дѣлаетъ находящійся передъ нимъ звукъ *е* (ѣ) болѣе высокимъ и напряженнымъ, чѣмъ въ «вѣра». Болѣе раннее возвращеніе средней спинки изъ положенія палатализаціи въ индифферентное положеніе въ концѣ слова измѣнило конечные мягкіе согласные, напр. въ «берусь», «беруть», въ твердые «берусъ», «берутъ». Слишкомъ раннее опусканіе мягкаго неба, открывающее носовую полость, обратило напр. въ праславянскихъ «зомбъ» (греч γόμφος—большой гвоздь), «свентъ» (лит. szveñtas—святой) *о* и *е* въ носовые гласные ǫ ę

(зо̨мбъ, све̨нтъ); а слишкомъ поздняя установка преграды во рту для *м*, *н*, только къ началу слѣдующихъ за ними *б* и *т*, обратила *м* и *н* въ продолженіе предшествующихъ о̨ и е̨, такъ что явились о̨̄, е̨̄ долгіе, а *м*, *н* исчезли. Такимъ образомъ получились «зо̨̄бъ, «све̨̄тъ», откуда старославянскія ѕѫбъ, свѧтъ. Въ доисторическомъ древнерусскомъ языкѣ стали постепенно все болѣе закрывать носовую полость при производствѣ узкаго о̨ и ӓ̨ (а̨ᵉ), и наконецъ совсѣмъ не открывали ее, т. е. исчезла назализація: зубъ, святъ. Впрочемъ въ послѣднемъ процессѣ, въ утратѣ назализаціи, а можетъ быть и въ утратѣ согласныхъ *н* и *м*, первопричина лежитъ скорѣе въ неточномъ перенятіи, а потому это измѣненіе относится къ фонетическимъ измѣненіямъ при перенятіи. Вслѣдствіе того, что укладка голосовыхъ связокъ для звучанія, присущая выдержкѣ и раствору напр. *д* въ «отдать», стала производиться раньше, при затворѣ, получилось од͡-дать (т. е. одно звонкое *д*, распредѣленное на два слога). Наоборотъ, болѣе ранній выходъ изъ положенія звучанія къ индифферентному въ концѣ слова обратило конечные звонкіе шумные согласные въ глухіе: «гот» (года), «дуп» (дуба).

Вслѣдствіе того, что напр. *б* въ «бъ-явить», «объ-емъ и пр. стало производиться все позже сравнительно съ слоговымъ выдыхательнымъ толчкомъ, *б* могло очутиться въ началѣ второго слога (передвиженіе слога): «о-б'јявить», «о-б'јом», причемъ *б* стало мягкимъ по крайней мѣрѣ въ растворѣ.

Чѣмъ больше различія въ энергіи производства между экспираторно ударенными и неударенными звуками, слогами и словами, тѣмъ большія различія въ артикуляціяхъ ударенныхъ и неударенныхъ частей могутъ отсюда возникнуть, такъ какъ при большей силѣ производства (при экспираторномъ удареніи) бываетъ и большая полнота движеній органовъ рѣчи, а измѣненіе въ энергіи производства измѣняетъ и движенія. Въ «то́потъ» послѣдній слогъ производится не съ той полнотой движеній, какъ въ «потъ». Въ «говорить» гласный перваго слога сталъ производиться въ акающихъ говорахъ почти при индифферентномъ положеніи языка; ср. «го́воръ». Въ «судъ» *у* имѣетъ болѣе низкій характерный шумъ, чѣмъ въ «судовъ», вслѣдствіе болѣе полной артикуляціи губъ (лабіализаціи).

Постоянное колебаніе въ относительной продолжительности слоговъ, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныхъ звуковъ,

происходитъ въ зависимости отъ ритма рѣчи, такъ какъ существуетъ общее стремленіе, впрочемъ не вполнѣ осуществляемое и неодинаковое въ разныхъ языкахъ, чтобы отдѣльные такты продолжались по возможности одинаково долго (чтобы экспираторно ударенные слоги слѣдовали другъ за другомъ по возможности въ одинаковые промежутки времени. (См. стр. 226). Ср. «Когда́ привезе́те но́вый но́жъ и но́вую переплете́нную кни́гу?». На почвѣ ритма возникаетъ сокращеніе неударенныхъ слоговъ, особенно многосложныхъ словъ, такъ какъ эти слоги находятся всегда въ такихъ ритмическихъ условіяхъ, что имъ приходится сжиматься во времени, т. е. они должны произноситься быстрѣе; а въ зависимости отъ сокращенія слоговъ сокращаются и составляющіе ихъ звуки. Такъ въ «городово́й», «переплете́нную» и пр. всегда по крайней мѣрѣ три слога приходятся между двумя главными удареніями, къ которымъ могутъ еще присоединиться неударенные слоги сосѣдняго слова (но́вую переплете́нную). А такой тактъ стремятся приравнять по времени производства, по требованію ритма, къ такимъ тактамъ, какъ «кни́гу», «но́жъ». Отсюда понятно, что слоги и звуки двухсложныхъ и особенно ударенныхъ односложныхъ словъ должны наоборотъ удлиняться подъ вліяніемъ ритма.

Въ этихъ условіяхъ вырабатываются, подъ вліяніемъ ритмической аналогіи, общія ритмическія формы (скелеты, типы) многосложныхъ словъ даннаго языка. Такъ въ словахъ общерусскаго языка обыкновенно только слогъ, предшествующій ударенному, является полнымъ краткимъ слогомъ и это ритмическое условіе выработалось въ ударенныхъ двусложныхъ словахъ; а остальные неударенные слоги обыкновенно короче: пърьплете́нўю, гъръдаво́й.

Такъ какъ ритмъ слова запоминается прочно (это видно изъ того, что нерѣдко, стараясь припомнить слово, мы припоминаемъ сначала его ритмъ, когда самое слово еще не представляется ясно), то при сокращеніи или исчезновеніи одного слога или звука, время производства его можетъ перейти къ другому слогу или звуку, т. е. мѣсто исчезающаго звука заполняется сосѣднимъ слогомъ или звукомъ, вслѣдствіе чего можетъ явиться удлиненіе сосѣдняго звука. Это такъ называемое замѣнительное растяженіе или удлиненіе. Такъ постепенно перешли праславянскіе *о*, *е* въ болѣе долгіе ō, ē, по мѣрѣ сокращенія *ъ* и *ь*

слѣдующаго слога: возъ, печь > вōзъ, пēчь. Праславянскіе долгіе ō, ē измѣнились въ малорусскомъ въ дифтонги *уо* (*уе*), *іе* (диссимиляція), откуда сѣверномалорусскія «вуоз», «піеч». Въ южномалорусскомъ эти дифтонги перешли затѣмъ, вслѣдствіе ассимиляціи и утраты количественнаго различія, въ *і*: украинскія «віз», «піч». Но въ род. пад. должны быть конечно краткіе *о*, *е*, такъ какъ не было повода къ замѣнительному удлиненію: воза, печи. Въ великорусскомъ нарѣчіи праславянскіе ō, ē не измѣнились качественно, а потому послѣ утраты языкомъ стараго количественнаго различія изъ ō, ē получились такія же *о* и *е*, какъ изъ праславянскихъ краткихъ *о*, *е*: воз, воза, печь, печи. Если же въ предыдущемъ слогѣ былъ *ъ* или *ь*, то по мѣрѣ сокращенія *ъ*, *ь* слѣдующаго слога, эти *ъ*, *ь* предыдущаго слога обратились въ болѣе долгіе *ъ*, *ь* въ праславянскомъ. А впослѣдствіи, въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго сокращенія и наконецъ исчезновенія слабыхъ *ъ*, *ь*, болѣе сильные *ъ*, *ь* предыдущаго слога обратились въ полные краткіе гласные. При такихъ условіяхъ изъ праславянскаго «овьць», «льгъкó» (старосл. овьць, льгъко) получились русскія «овец», «легко»; но въ именит. пад. русское «овцá» < праслав. «овьц'а», такъ какъ не было повода къ удлиненію *ь*. Конечно, по мѣрѣ сокращенія *ь* удлинялось *о* въ праслав. «овьц'а», вслѣдствіе чего въ южномалорусскомъ должно было получиться «вівця», причемъ начальное *в* развилось еще въ то время, когда въ началѣ былъ еще звукъ близкій къ о, т. е. лабіализованный. Такъ же явились болѣе позднія діалектическія старославянскія дєнь, дєсь изъ «дьнь и дьнь-сь» (срастаніе «сь»—сей, съ «дьнь»).

Нужно имѣть въ виду, что въ однихъ языкахъ болѣе развито экспираторное удареніе, въ другихъ количественныя различія между слогами и звуками, причемъ слово объединяется главнымъ образомъ музыкальнымъ удареніемъ. Въ первыхъ языкахъ тактъ основывается на экспираторно ударенномъ слогѣ, а потому чѣмъ больше входитъ въ составъ такта неударенныхъ слоговъ, тѣмъ больше слоги сокращаются, и наоборотъ. Сюда относятся преимущественно новые языки. Въ языкахъ съ явно выраженными самостоятельными количественными различіями слоговъ, какъ въ греческомъ, латинскомъ, древнеиндійскомъ, распредѣленіе слоговъ по тактамъ зависитъ отъ продолжительности ихъ, такъ что одинъ долгій слогъ замѣняетъ два краткихъ (ср. метрику-

и моры греческихъ стиховъ). Очевидно при такихъ условіяхъ звуки слова не измѣняются въ продолжительности и въ полнотѣ артикуляцій подъ вліяніемъ ритма рѣчи, но зато экспираторное удареніе слова подчиняется вліянію ритма.

Чѣмъ болѣе развитъ въ языкѣ ритмъ отдѣльныхъ словъ, тѣмъ менѣе отдѣльныя слова подвергаются вліянію логическаго и механическаго (разбивающаго предложеніе на такты) ритма предложенія, и тѣмъ лучше сохраняются слоги и звуки словъ.

Ассимиляція сосѣднихъ звуковъ.

Выше указаны между прочимъ примѣры измѣненія звуковъ подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ. Этого рода измѣненія требуютъ особаго разсмотрѣнія. Они сводятся главнымъ образомъ къ уподобленію, называемому обыкновенно ассимиляціей (similis — похожій, assimilo $<$ adsimilo — дѣлаю похожимъ). Иногда является и расподобленіе, диссимиляція (dissimilis — непохожій).

Ассимиляція заключается въ томъ, что движенія одного или нѣсколькихъ артикулирующихъ органовъ, присущія данному звуку, измѣняются въ сторону движеній, присущихъ сосѣднему звуку. Вызывается оно тѣмъ, что въ моментъ производства уподобляемаго звука возбуждено представленіе движеній сосѣдняго звука, которое измѣняетъ движенія уподобляемаго звука. Такимъ образомъ постепенно устраняются различія между этими звуками или частію (частичная ассимиляція) или полностью (полная ассимиляція). Если предыдущій звукъ уподобляется послѣдующему, то ассимиляція называется регрессивной. Если наводящимъ является первый звукъ, то ассимиляція называется прогрессивной или поступательной. Ассимиляція можетъ быть и взаимной.

Прогрессивную частичную ассимиляцію мы видимъ въ переходѣ jo въ je въ праславянскомъ морjo $>$ морje, откуда старославянское морѥ, русское «море». Прогрессивная полная ассимиляція въ малорусскомъ *і* $<$ *іе*: піч (см. выше).

Регрессивная частичная ассимиляція, съ перенесеніемъ звучанія связокъ, произошла въ «сдѣлалъ» (т. е. здѣлалъ) $<$ съдѣлалъ, съ горы (т. е. згоры); съ перенесеніемъ раскрытія связокъ: сладко (т. е. слатко), тяжко (тяшко и пр ; ср. сладокъ, тяжекъ). Другіе примѣры указаны выше, напр. лабіализація «к» въ «куда», болѣе высокое положеніе звука *е* въ «вѣрить», чѣмъ

е въ «вѣра» и др. Въ праславянскомъ языкѣ звукъ *к* (*г*, *х*) передъ мягкими гласными (е, і, ь) и передъ j получилъ отъ нихъ сильную палатализацію, т. е. поднятіе передней спинки къ твердому небу, такъ что передняя спинка стала касаться десенъ и стала производить здѣсь преграду. Такъ какъ при этомъ вся передняя и средняя спинка прижималась къ твердому небу, а твердое небо гораздо выше, чѣмъ десна, то удаленіе языка отъ десны происходило сравнительно медленно, вслѣдствіе чего послѣ зубного затворнаго развился еще зубной фрикативный согласный и такимъ образомъ явилась мягкая аффриката ч′ или ц′ напр. въ старослав. «влъче», «личьнъ» изъ «вълк′е», «лик′ьнъ», «чесати» < к′ес- ср. коса; боже < бог′е, ср. рабе; влъцѣ < вълк′ѣ (см. стр. 271) и пр. Наоборотъ, подъ вліяніемъ послѣдующихъ твердыхъ согласныхъ отвердѣло напр. *р* въ великорусскомъ «царство» послѣ исчезновенія гласнаго *ь* (цьсарьство), т. е. низкое положеніе средней спинки языка распространилось съ *ст* и на предыдущій зубной.

Насколько легко вслѣдствіе указанныхъ физіологическихъ условій развивается фрикативный при палатализованныхъ зубныхъ, видно напр. изъ русскихъ «рать», «велѣть», собственно рат′х′, велѣт′х′ съ твердонебнымъ мягкимъ фрикативнымъ. Ср. «радъ», «солдатъ». Если языкъ болѣе подвинутъ впередъ, то послѣ раствора развивается зубная фрикативная, слѣдовательно получается аффриката, какъ въ бѣлорусскомъ языкѣ и напр. въ польскихъ dać, dzień (день). Понятно, что въ родительномъ пад. dnia (дня) этого не могло быть, такъ какъ d имѣетъ здѣсь носовой взрывъ (фаукальное d, см. стр. 232).

Полная регрессивная ассимиляція: праславянское оų перешло въ ū, какъ въ «сухъ», срав. литовск. saŭsas; въ сѣверно-русскихъ говорахъ встрѣчается діалектическій переходъ *дн*, *бм* въ *нн*, *мм*: послѣнній, онна (одна), ронна (родна), омммануть (обмануть).

Примѣромъ взаимной полной ассимиляціи можетъ служить постепенный переходъ дифтонга aį въ простое ē, напр. во французскомъ faire (правописаніе показываетъ прежнее произношеніе), или переходъ oį въ ē въ праславянскомъ, напр. старослав. вѣдѣ, русскія «вѣдать», «вѣсть» и пр., греческое οἶδα — знаю, изъ индоевропейскаго voįd-.

§ 3. Измѣненіе звуковъ, возникающее при перенятіи.

Измѣненіе, утрата и вставка звуковъ при перенятіи.

При перенятіи языка новымъ поколѣніемъ (начинающими говорить дѣтьми), а также при перенятіи старшими возникшихъ разными путями новыхъ звуковыхъ явленій или діалектическаго произношенія, сразу, съ самаго начала могутъ у перенимающихъ явиться артикуляціи, отличающіяся отъ артикуляцій передающихъ (вѣдь движенія не передаются, а только слуховыя ощущенія). При этомъ звуки, получаемые отъ новой артикуляціи, могутъ быть акустически почти совсѣмъ одинаковы со звуками передающихъ, или же они болѣе или менѣе отличаются акустически отъ рѣчи передающихъ.

Фонетическія измѣненія, возникающія при перенятіи, только отчасти объясняются несовершенствомъ уха и возникающей отсюда неточностью слуховыхъ представленій. Частью же они объясняются изъ условій самихъ артикуляцій: или тѣмъ, что говорящіе не находятъ нужныхъ движеній (что бываетъ чаще у дѣтей, но обыкновенно затѣмъ исправляется), или затрудненіемъ производить соотвѣтствующія движенія (что бываетъ обыкновенно у взрослыхъ вслѣдствіе различія въ артикуляціонной базѣ). Если новыя движенія вслѣдствіе физическаго и духовнаго сходства возникаютъ одновременно у группы лицъ, то при благопріятныхъ условіяхъ могутъ отстоять свое существованіе и переходить къ новымъ лицамъ.

Во всякомъ случаѣ и тѣ измѣненія при перенятіи, которыя заключаются въ измѣненіи почти одной лишь артикуляціи, но не акустической стороны звука, имѣютъ также существенное значеніе потому, что дальнѣйшія измѣненія звуковъ, производимыхъ новой артикуляціей, могутъ быть совершенно другія, чѣмъ измѣненія звуковъ со старой артикуляціей.

На практикѣ обыкновенно трудно опредѣлить, насколько послѣдовательное постепенное измѣненіе, давшее въ результатѣ болѣе крупное измѣненіе звука, напр. переходъ неударенннаго *о* въ *а*, происходило при перенятіи, и насколько вслѣдствіе измѣненія артикуляцій индивидуальнаго языка. Такъ, при переходѣ *е* въ *о* (берёзу) первопричиной индивидуальнаго измѣненія могло быть перенесеніе лабіализаціи отъ послѣдующаго твердаго ла-

біализованнаго согласнаго (органическое индивидуальное измѣненіе). Нѣсколько лабіализовавшееся *е* имѣетъ болѣе низкій собственный звукъ резонатора — характерный шумъ гласнаго. Перенимающія дѣти могли производить почти тотъ же звукъ съ незамѣтнымъ различіемъ въ тембрѣ посредствомъ болѣе задняго подъема языка и безъ лабіализаціи (измѣненіе при перенятіи). При дальнѣйшемъ стремленіи лабіализовать, собственный звукъ этого новаго гласнаго такъ же понизился бы, и могъ у перенимающихъ снова вызвать еще болѣе заднее положеніе языка, пока наконецъ, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, подъемъ языка оказался у мягкаго неба и при немъ опять лабіализація, такъ что этотъ звукъ совпалъ съ *о*. Возможность такого перемѣннаго дѣйствія объясняется тѣмъ, что въ словахъ «березу» и «берёза» условія для лабіализаціи неодинаковы (только «у», не «а» производится съ лабіализаціей).

При окончательной утратѣ назализаціи въ древнерусскихъ назалированныхъ гласныхъ «о̨» и «ą̈» (зубъ < зо̨бъ, святъ < свą̈тъ, стр. 251) несомнѣнно существенную роль играло измѣненіе при перенятіи, т. е. новыя поколѣнія постепеннв перестали открывать носовую полость.

Болѣе значительное *измѣненіе при перенятіи* представляетъ напр. замѣна зубного г (*р*) посредствомъ велярнаго (картаваго) г, получившаго широкое распространеніе въ Германіи и особенно во Франціи.

Мало слышный звукъ можетъ совсѣмъ не воспроизводиться въ произношеніи перенимающихъ (*утрата звука*). Такимъ образомъ онъ окончательно исчезаетъ. Въ «поздно» (т. е. позно), «бездна» (т. е. безна изъ безъ-дъна), «изба» (изъ истъба), «ѣмъ» (изъ ѣдмь), мало слышный взрывной при перенятіи могъ наконецъ окончательно исчезнуть (см. стр. 234). Такъ же было опущено при перенятіи *в* въ «полтора» < полвтора < полъвътора. Звукъ *в* былъ здѣсь билабіальный, вслѣдствіе прогрессивной ассимиляціи предшествующаго лабіализованнаго *л* (поэтому написанія памятниковъ XIV вѣка «полутора»). Такъ же остались невоспроизведенными при перенятіи *в* въ «здра(в)ствуй», «об(в)язать» и въ діалектическихъ сѣвернорусскихъ «чер(в)ленъ» (срв. червонный), *д* въ «пріѣз(д)ку», *т* въ «честью», «царство», *п* въ «салмы» и пр. «Брянскъ» изъ Дбрянскъ < Дьбряньскъ (дьбрь), «чанъ» < дщанъ (дъщанъ, дъска). Звукъ *л*, потерявъ голосъ

между глухими согласными или въ концѣ, сталъ опускаться въ артикуляціи перенимающихъ, такъ какъ мало замѣтенъ слуху: «Псковъ» < Плсковъ < Пльсковъ (старое произношеніе сохранилось въ нѣмецкомъ Pleskau); діалектически «руп» < «рубл'», «карап» < «корабл'» (послѣ исчезновенія *ъ*, *ь* въ концѣ *л* послѣ согласнаго стало глухимъ).

Мало слышный звукъ можетъ замѣниться полнымъ звукомъ у перенимающихъ при благопріятствующихъ условіяхъ (вставка звука). Въ «встрѣтить» (малорусское «срітити») «островъ», «струя», «страмъ» (изъ старослав. срамъ, русск. «соромъ») и т. д. *т* явилось въ артикуляціи перенимающихъ потому, что кончикъ языка, поднимаясь изъ зазубнаго положенія для *с* въ положеніе для *р*, слегка задѣваетъ десну и этимъ производитъ акустическій эффектъ, нѣсколько похожій на слабый альвеолярный затворъ, что могло вызвать у перенимающихъ полный зубной затворъ, облегчающій артикуляцію.

Наибольшія измѣненія звуковъ при перенятіи происходятъ при смѣшеніи языковъ.

Болѣе крупныя измѣненія при перенятіи происходятъ тогда, когда перенимающіе уже владѣютъ другимъ языкомъ, т. е. при двуязычіи и связанномъ съ нимъ смѣшеніи языковъ. Трудно указать на какое-нибудь географическое или этнографическое мѣсто, гдѣ бы не было смѣшенія языковъ или по крайней мѣрѣ діалектовъ. Напр. индоевропейцы при своемъ распространеніи смѣшались съ другими народами. При этомъ какъ тѣ, такъ и другіе усваивали себѣ чужой языкъ, пока наконецъ не перешли окончательно къ одному. Неиндоевропейцы стали индоевропейцами по языку, но вслѣдствіе различія въ своей артикуляціонной базѣ нѣсколько передѣлали, конечно противъ воли, звуковой составъ заимствуемаго языка. Дальнѣйшему распространенію новаго произношенія способствовало то, что и природные индоевропейцы до этого успѣли болѣе или менѣе освоиться съ исчезающимъ языкомъ аборигеновъ, такъ что въ нихъ развилась воспріимчивость къ чужому произношенію.

Возможность такого звукового измѣненія языка не подлежитъ сомнѣнію. Въ произношеніи природныхъ нѣмцевъ, живущихъ въ латышинѣ, можно слышать твердое (велярное) l, напр. въ Wald, существующее въ латышскомъ языкѣ. Кавказскіе k,

ṭ, p и пр. съ «крѣпкимъ отрѣзомъ» перешли изъ грузинскаго въ армянскій языкъ, вслѣдствіе двуязычія въ смежныхъ областяхъ, и распространились постепенно на западъ. Эти звуки, общіе многимъ кавказскимъ языкамъ, могли проникнуть въ нихъ изъ одного общаго источника. Въ древнеиндійскій языкъ, несмотря на строгую кастовую обособленность, проникли верхненебные зубные на мѣсто чистыхъ зубныхъ изъ дравидскихъ языковъ. Современное діалектическое распредѣленіе французскаго или итальянскаго языка обусловлено въ значительной степени тѣмъ, какіе нероманскіе языки или діалекты существовали въ той или другой мѣстности у жителей, усвоившихъ себѣ впослѣдствіи народно-латинскій языкъ.

Конечно, чужой звукъ самъ по себѣ въ другой языкъ или говоръ переноситься не можетъ, такъ какъ звукъ самостоятельнаго существованія не имѣетъ. Онъ существуетъ только въ словахъ и переносится только тѣми лицами, которыя говорятъ на обоихъ языкахъ. При смѣшеніи языковъ обыкновенно одновременно возникаетъ двуязычіе у громаднаго числа лицъ, представляющихъ въ общемъ одинаковыя условія артикуляціонной базы. Отсюда понятно, что при смѣшеніи языковъ могутъ быстро произойти такія крупныя и сразу распространенныя измѣненія въ звукахъ, удареніи, синтаксисѣ, словарѣ и пр., противъ которыхъ измѣненія въ индивидуальныхъ артикуляціяхъ ничтожны. Вслѣдствіе смѣшенія языковъ могутъ явиться въ измѣняемомъ языкѣ не только звуки, существующіе въ измѣняющемъ языкѣ, но и совершенно новые звуки, возникающіе при неполномъ приспособленіи иноязычныхъ органовъ (иноязычной артикуляціонной базы) къ звукамъ измѣняемаго языка.

При двуязычіи языкъ измѣняется не только въ устахъ тѣхъ, которые его заимствуютъ, но и тѣхъ, для которыхъ онъ родной языкъ, но которые рядомъ съ нимъ владѣютъ точнымъ произношеніемъ чужого языка. Если напр. дѣти отъ иноязычныхъ нянекъ, прислуги и пр. научаются прежде всего или рядомъ съ роднымъ языкомъ чужому языку или говору, то они сразу переносятъ особенности чужого языка въ свой, и сохраняютъ и распространяютъ ихъ впослѣдствіи. Такое смѣшеніе говоровъ, нарѣчій, языковъ существуетъ и существовало повсюду такъ какъ и литературный языкъ, и языкъ церкви и школы являются такими же діалектическими разновидностями; а пере-

движенія отдѣльныхъ лицъ, семей и племенъ были въ древности не менѣе значительны, чѣмъ впослѣдствіи (ср. «пересядка», «сама вернулась» и пр. въ одесскомъ общерусскомъ языкѣ).

Самыя крупныя измѣненія происходятъ тогда, когда многіе индивидуумы цѣлаго племени усвоиваютъ себѣ новый языкъ не съ дѣтства, а впослѣдствіи, какъ это бываетъ напр. у русскихъ инородцевъ. Вырабатывается своего рода говоръ (жаргонъ), представляющій заимствуемый языкъ на чужой артикуляціонной базѣ. Впослѣдствіи этотъ смѣшанный языкъ передается новымъ поколѣніямъ съ дѣтства, и когда наконецъ прежній языкъ совсѣмъ исчезаетъ, остается вмѣсто него особый говоръ заимствованнаго языка въ своеобразнымъ произношеніемъ.

Съ измѣненіями при перенятіи сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ пока мало считается. Конечно, затруднительно провести заднимъ числомъ грань между этими измѣненіями звуковой стороны языка и между постепенными измѣненіями въ артикуляціяхъ индивидуальнаго языка. Но несомнѣнно, что измѣненія при перенятіи оставили болѣе глубокіе слѣды въ историческомъ развитіи звуковъ индоевропейскихъ языковъ, чѣмъ постепенныя индивидуальныя измѣненія, такъ какъ индоевропейскими языками поглощены многіе чужіе языки. Смѣшеніемъ языковъ объясняется быстрое измѣненіе кельтскаго, армянскаго, англійскаго и другихъ языковъ. Наоборотъ, необыкновенная устойчивость литовскаго языка въ звуковомъ отношеніи объясняется тѣмъ, что литовцы наименѣе сталкивались съ иноязычниками (см. ниже). Звуковое постоянство въ древнеиндійскомъ языкѣ объясняется древностью и обособленностью древнеиндійскаго народа. Послѣ смѣшенія съ туземными народами индійскій языкъ сталъ очень быстро измѣняться.

Изъ славянскихъ языковъ наиболѣе подвергся измѣненіямъ вслѣдствіе смѣшенія болгарскій языкъ. Преобладающій этнографическій составъ болгарской народности составляли прежніе жители занимаемой ею территоріи (ѳракійцы, даки, албанцы, македоняне, греки), а впослѣдствіи къ смѣшавшимся съ ними славянамъ примѣшались еще турки, румыны и главнымъ образомъ болгары, народъ тюркско-финскаго происхожденія, переселившійся изъ-за Волги. Этимъ объясняются извѣстныя звуковыя особенности болгарскаго языка, большая примѣсь иноязычныхъ словъ и почти полная утрата древняго склоненія, хотя языкъ остался въ общемъ славянскимъ.

Звуковыя особенности нѣмецкаго языка въ Пруссіи объясняются тѣмъ, что пруссаки по большей части балтійскаго (древніе пруссы) и славянскаго происхожденія.

§ 4. Фонетическая замѣна звуковъ.

При замѣнѣ звуковъ одинъ звукъ замѣняется сразу, «скачкомъ», другимъ звукомъ, уже существующимъ въ языкѣ. Замѣна звука происходитъ обыкновенно не во всѣхъ словахъ, представляющихъ одинаковыя физіологическія условія, такъ какъ старые и замѣняющіе ихъ звуки сами по себѣ одинаково привычны въ языкѣ, а условія, вызывающія замѣну, могутъ быть случайны и неодинаковы для разныхъ словъ

Фонетическая замѣна звуковъ возникаетъ первоначально или въ артикуляціяхъ индивидуальнаго языка въ видѣ обмолвокъ, или же при перенятіи въ видѣ ошибочнаго воспроизводства вслѣдствіе ослышки. Повторяясь такимъ образомъ у разныхъ лицъ новый звуковой видъ слова можетъ сдѣлаться обычнымъ и распространяться.

Фонетическая замѣна звуковъ происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ звуковъ и обусловливается трудностью производить быстро подъ рядъ съ небольшими промежутками сходные, но не тожественные комплексы движеній. Въ этомъ не трудно убѣдиться, произнося быстро напр.: «разъ—дрова, два—дрова, три—дрова»; «отъ топота копытъ пыль по полю несется»; «курка клюетъ крупку, турка куритъ трубку» и пр. Одни произносятъ такія сочетанія сравнительно легко, другимъ они трудно удаются. Чѣмъ быстрѣе рѣчь, тѣмъ болѣе въ такихъ сочетаніяхъ звуки переставляются, пропускаются, вставляются и замѣняются другими. Вслѣдствіе этого нельзя обыкновенно ожидать послѣдовательности въ этого рода измѣненіяхъ языка, хотя случается, что физіологическія условія сами по себѣ оказываются настолько дѣйствительными, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ они одинаковы, вызываютъ одинаковую замѣну звука.

Ассимиляція и диссимиляція несосѣднихъ звуковъ.

Чаще встрѣчается замѣна звуковъ вслѣдствіе ассимиляціи и диссимиляціи между несосѣдними звуками (ср. стр. 254, 255).

При *ассимиляціи* несосѣднихъ звуковъ уподобляющій звукъ настолько возбужденъ въ представленіи во время производства уподобляемаго звука, что на мѣсто послѣдняго является тожественный съ уподобляющимъ звукъ (полная ассимиляція) или сходный съ нимъ звукъ, уже существующій въ языкѣ (неполная ассимиляція).

При *регрессивной ассимиляціи* представленія звуковъ опережаютъ движенія органовъ рѣчи. Такимъ образомъ могло явиться діалектически въ балтійско-славянскомъ или въ праславянскомъ *д* вмѣсто *н* въ «девять» (лит. devynì, но прусское newints, латинское novem, санскритское náva) подъ вліяніемъ *д* въ «десять» (санскритское daça, латинское decem и пр.) при счетѣ: восемь—девять—десять.

При *прогрессивной ассимиляціи* несосѣднихъ звуковъ представленія движеній возбуждены и послѣ соотвѣтствующихъ движеній и такимъ образомъ вліяютъ на движенія послѣдующихъ звуковъ. Это бываетъ чаще въ языкѣ дѣтей, а въ урало-алтайскихъ языкахъ вызываетъ такъ называемую гармонію гласныхъ (стр. 72). Такъ измѣнилось санскритское зубное *n* въ передненебное ṇ подъ вліяніемъ предшествующихъ передненебныхъ звуковъ, производимыхъ кончикомъ языка. Въ «бомбандировка» < бомбардировка дѣйствовала еще регрессивная диссимиляція.

При *регрессивной диссимиляціи* несосѣднихъ звуковъ возбуждено по послѣдовательной ассоціаціи по смежности звуковое и двигательное представленіе послѣдующаго звука, вслѣдствіе чего избѣгается, по указанной выше причинѣ, производство сходнаго съ нимъ предыдущаго звука. Послѣдній замѣняется звукомъ, менѣе сходнымъ съ возбужденнымъ послѣдующимъ звукомъ. Примѣры регрессивной диссимиляціи: «верблюдъ» изъ вельблюдъ, старославян. вельблѫдъ; «перепелъ» < пелепелъ (перм.); малорусск. «лыцарь» < рыцарь; малорусск. «лебро» рядомъ съ «ребро»; народныя: колидоръ < корридоръ, лесора < рессора, фалеторъ < форейторъ, дилехторъ < директоръ, секлетарь < секретарь, антилерія < артиллерія, некрутъ < рекрутъ. Въ этихъ примѣрахъ не исключается и замѣна звука вслѣдствіе ослышки (стр. 264). Вполнѣ послѣдовательно проведена въ древнеиндійскомъ и греческомъ языкахъ та диссимиляція, вслѣдствіе которой придыхательные затворные согласные замѣнились непридыхательными, если въ слѣдующемъ

слогѣ былъ также придыхательный согласный: греч. τίθημι — я кладу < доисторическаго θίθημι, древнеинд. dá-dhāmi — я кладу < dhádhāmi, индоевроп. удвоенный корень dhē.

При прогрессивной диссимиляціи несосѣднихъ звуковъ сохраняющееся дольше представленіе движеній предшествовавшаго звука заставляетъ по указанной причинѣ избѣгать сходныхъ движеній въ производствѣ послѣдующаго звука: февраль < февраръ < Februarius (въ Новгородск. лѣтоп. вслѣдствіе регрессивной диссимиляціи: февларь); пролубь < прорубь; Перфилъ < Порфирій; фонталка < фонтанка.

Диссимиляціею обусловливается выпаденіе одного изъ двухъ сходныхъ звуковъ или слоговъ (Haplologie), напр. «знаменосецъ» изъ «знаменоносецъ»; «пономарь», діалектически «паломарь» изъ старослав. панамонарь < греческаго παραμονάριος — церковный сторожъ.

Перестановка звуковъ.

Болѣе сложные случаи замѣны звуковъ вслѣдствіе ассимиляціи и диссимиляціи представляетъ перестановка (метатеза) сосѣднихъ и несосѣднихъ звуковъ, напр. ладонь изъ долонь (старослав. длань); твересый изъ терезвый (старосл. трѣзвъ, отсюда русское трезвый); народное фершалъ < фельшеръ < фельдшеръ (< нѣм. Feld-scherer — полевой цирюльникъ); тарелка < талерка (бѣлорусск. талерка, польск. talerz, нѣм. Teller); футляръ < футраль < нѣм. Futteral. Затрудненіе въ производствѣ, вынуждающее къ перестановкѣ въ указанныхъ примѣрахъ, ясно изъ того, что въ нихъ слѣдуетъ посредственно подъ рядъ три зубныхъ переднеязычныхъ согласныхъ, требующихъ каждый особаго положенія языка, *л* съуженія языка по бокамъ. Поэтому особенно *л* выдѣляется (ладонь, фершалъ, тарелка) къ началу или къ концу зубного ряда, или примыкая къ *т* (футляръ) дѣлаетъ *т* боковымъ взрывнымъ т. е. не настоящимъ зубнымъ; перестановка *в* въ «тверезый отдѣляетъ начальное *т* отъ двухъ слѣдующихъ зубныхъ и т. д. Надо конечно имѣть въ виду, что во время производства одного слога представленія слѣдующихъ ближайшихъ слоговъ уже возбуждены въ полѣ фиксаціи (иначе вообще было бы невозможно говорить: все предложеніе уже туманно носится въ представленіяхъ при началѣ произнесенія его), а сходство въ артикуляціяхъ и отчасти въ звукахъ можетъ возбудить

не въ очередь представленіе несосѣдняго сходнаго звука настолько сильно, что наперекоръ послѣдовательной ассоціаціи по смежности, этотъ послѣдній звукъ вступаетъ несвоевременно въ точку фиксаціи и полностію замѣняетъ артикуляцію очередного звука. А этотъ звукъ можетъ затѣмъ занять мѣсто звука, оттѣснившаго его, вслѣдствіе дѣйствія прогрессивной диссимиляціи.

Въ такихъ случаяхъ, какъ перелинка < пелеринка, крылосъ < клиросъ, перестановкѣ могла содѣйствовать народная этимологія (см. ниже «Народная этимологія») и привычность звукосочетанія пере-. Конечно, большинство обмолвокъ этого рода остается безъ послѣдствій въ языкѣ.

Замѣна звука вслѣдствіе ослышки.

Кромѣ указанныхъ случаевъ замѣны звуковъ въ артикуляціяхъ необходимо признать еще замѣну звуковъ вслѣдствіе ослышки. Такая замѣна часто отрицается, но наблюденія доказываютъ противное. Она вполнѣ понятна изъ того, что мы воспринимаемъ слышимыя слова вообще неточно и неполно и дополняемъ ихъ готовыми въ нашей душѣ звуковыми представленіями словъ. При ослышкѣ лишь трудно рѣшить, насколько въ каждомъ конкретномъ случаѣ вліяли представленія привычныхъ звукосочетаній и представленія сходныхъ несосѣднихъ звуковъ, такъ какъ вліяніе ихъ можетъ сказываться и въ слуховомъ воспріятіи такихъ словъ.

Замѣна звука другимъ вслѣдствіе ослышки происходитъ тогда, когда слышимыя слова не встрѣчаютъ въ душѣ слушателя знакомыхъ родственныхъ словъ, содержащихъ тѣ-же морфологическія принадлежности, вслѣдствіе чего слышимыя слова могутъ перципироваться неточно. Въ такихъ условіяхъ находятся чаще заимствованныя иностранныя слова, впрочемъ также одиноко стоящія слова родного языка, неясныя по составу. Такимъ образомъ явились народныя діалектическія: бусурманъ, басурманъ (мусульманъ), Миколай, Микифоръ, присталь (пристань), кминъ (тминъ), анделъ (ангелъ), тисть (кисть), Авдотья (Евдокія), Лутьянъ (Лукьянъ), телья (келья), дитара (гитара) и пр. Относительно послѣднихъ словъ нужно замѣтить, что мягкіе к', г' могли бы конечно и органически постепенно измѣняться въ т', д', вслѣдствіе постепеннаго передвиженія мѣста

артикуляціи, какъ они перешли въ ч' и ж' (<дж') въ праславянскую эпоху. Но такой переходъ повидимому въ русскомъ языкѣ не успѣлъ совершиться у значительной группы лицъ. А очень мягкія к', г' не только физіологически, но и акустически очень близки къ т' д', вслѣдствіе чего явилось спорадическое смѣшеніе ихъ вслѣдствіе ослышки. Объ этомъ свидѣтельствуетъ обратная замѣна: кіятръ (театръ), Китъ (Титъ), кесемка, Костянкинъ и пр. Въ словахъ какъ «анделъ» и пр. можно допустить и вліяніе ассимиляціи несосѣднихъ звуковъ, а въ словахъ «кіятръ» и пр.—диссимиляціи.

Субституція звуковъ.

Здѣсь удобно сдѣлать замѣтку объ особаго рода замѣнѣ звуковъ. При заимствованіи иноязычныхъ словъ народъ по необходимости подставляетъ свои привычные звуки вмѣсто непривычныхъ иностранныхъ. Эта такъ называемая субституція звуковъ конечно родного языка не измѣняетъ, наоборотъ, устраняетъ вліяніе иностраннаго языка на звуковой составъ родного языка. Причина субституціи какъ неразвитость уха для непривычныхъ звуковъ, такъ въ особенности неспособность органовъ рѣчи производить непривычныя движенія.

Такъ русскій народъ послѣдовательно замѣняетъ ü въ заимствованныхъ словахъ, котораго онъ произносить не умѣетъ, посредствомъ звука *ю*, напр. костюмъ (Kostüm), пюре (purée) и пр. Греческій глухой межзубной фрикативный согласный θ, не существующій въ славянскихъ языкахъ, напр. въ *ἀνάθημα*, *κάθεδρα*, *Θεόδωρος* и пр., замѣнялся въ произношеніи славянъ, въ томъ числѣ и русскихъ, посредствомъ зубогубнаго фрикативнаго *ф* (буква ѳ сохранилась въ правописаніи): анаѳема, каѳедра Ѳеодоръ. Въ западныхъ языкахъ, позаимствовавшихъ эти слова черезъ посредство латинскаго языка, на мѣсто греческаго θ является латинское th, соотвѣтствующее древнему произношенію самихъ грековъ (см. стр. 196): нѣмецкія Anathem, Katheder, Theodor. Поэтому и въ такихъ русскихъ словахъ, заимствованныхъ черезъ посредство запада, является т: театръ, тема, а не ѳеатръ, ѳема.

§ 5. Распространеніе фонетически возникшихъ новыхъ звуковыхъ явленій.

Изъ той зависимости, въ которой находится произношеніе

отдѣльнаго лица отъ рѣчи окружающихъ, вполнѣ понятно, что если у группы лицъ произношеніе одного звука измѣнилось, то и отдѣльное лицо, находящееся съ первыми въ языковыхъ сношеніяхъ, не можетъ оставаться чуждымъ этого новаго произношенія. Наиболѣе благопріятныя условія новое произношеніе находитъ у подростающаго поколѣнія, у котораго менѣе утвердились прежнія воспоминанія. Новыя слуховыя ощущенія запоминаются и могутъ постепенно заглушить слуховыя воспоминанія прежняго произношенія; а затѣмъ должно и произношеніе перенимающаго постепенно поддѣлываться подъ новое слуховое представленіе, хотя онъ объ этомъ и не подозрѣваетъ. Тѣ же причины, которыя у группы лицъ могли вызвать появленіе новаго произношенія, могутъ и у перенимающаго содѣйствовать переходу отъ стараго къ новому. При этомъ не важно, отъ сколькихъ онъ слышитъ новое произношеніе. Важно лишь, сколько онъ слышитъ новое произношеніе, т. е. насколько оно укрѣпляется въ его памяти. Вслѣдствіе этого новое произношеніе можетъ распространяться на все большее число лицъ, такъ какъ всякій, приставшій безсознательно къ нему, является самъ невольнымъ распространителемъ его. Оно можетъ распространяться отъ говора къ говору. Такъ распространяется постепенно «аканье» въ великорусскомъ языкѣ. Конечно, распространеніе новаго произношенія останавливается, если оно не находитъ благопріятствующихъ условій, и вытѣсняется снова старымъ.

Понятно, что новое звуковое явленіе не должно непремѣнно распространяться на весь говоръ или расходиться напр. концентрически; оно можетъ распространяться и узкой полосой, въ промежуткахъ которой можетъ снова, подъ вліяніемъ сосѣдняго стараго произношенія, водвориться старое. Благодаря бойкимъ дорогамъ сообщенія и переселеніямъ можетъ получиться пестрая карта распространенія новаго звукового явленія.

Нѣсколько и з м ѣ н е н н ы й звукъ, возникшій у группы лицъ вслѣдствіе постепеннаго измѣненія въ артикуляціи или при перенятіи (причемъ при смѣшеніи языковъ одновременно въ широкихъ размѣрахъ) отожествляется въ сознаніи перенимающихъ съ соотвѣтствующимъ обычнымъ имъ звукомъ. Если между обоими звуками различіе даже настолько велико (при столкновеніи діалектовъ), что на первыхъ порахъ оно ясно сознается, то при поддержкѣ остальныхъ звуковъ каждаго слова,

произносимыхъ одинаково, въ концѣ концовъ перенимающіе перестаютъ замѣчать это различіе. Напр. если вмѣсто «вода», «топоръ» съ *о* въ первомъ слогѣ, произносятъ «во^{а}да», «то^{а}поръ» съ *о* нѣсколько склоннымъ къ *а*, то перенимающій со временемъ перестаетъ замѣчать, что его личное произношеніе, сохраняющее пока *о*, отличается отъ произношенія передающихъ. Это доказываетъ, что старое слуховое воспоминаніе этого звука слилось у него такъ съ новымъ, что въ результатѣ получилось болѣе широкое представленіе этого звука, съ болѣе расплывчивыми границами, вмѣщающее въ себѣ и *о* и *о*^{а}.

Подъ вліяніемъ повторныхъ ощущеній звука *о*^{а} слуховое представленіе этого звука начинаетъ все болѣе съуживаться въ сторону *о*^{а}, и вслѣдъ затѣмъ безсознательно, частью и сознательно начинаетъ измѣняться и произношеніе въ сторону «о^{а}», если тому не препятствуютъ физіологическія условія. Такимъ образомъ въ слуховыхъ представленіяхъ можетъ установиться наконецъ одно «о^{а}», а прежнее «о» должно казаться просто ошибочнымъ, такъ какъ о немъ утрачивается воспоминаніе, которое развѣ только по временамъ еще всплываетъ. Понятно, что въ этомъ состояніи перенимающій не можетъ въ одномъ словѣ произносить о^{а}, въ другомъ о, такъ какъ во всѣхъ словахъ это для него одинъ и тотъ же звукъ, который онъ сталъ произносить съ меньшимъ подъемомъ задней спинки языка и съ меньшей лабіализаціей, чѣмъ раньше. Впрочемъ такое усвоеніе новаго звука въ исключительныхъ случаяхъ совершается въ одно поколѣніе перенимающихъ, а потому описанный процессъ можетъ распространяться на нѣсколько поколѣній.

Но такой послѣдовательности нельзя непремѣнно ожидать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вмѣсто стараго звука является не нѣсколько измѣненный новый звукъ, а другой уже существующій въ языкѣ перенимающаго звукъ. Такой звукъ могъ явиться не только скачкомъ, вслѣдствіе замѣны, но и вслѣдствіе длиннаго ряда постепеннаго фонетическаго измѣненія звука. Это можетъ быть напр., когда заимствуется произношеніе другого говора или нарѣчія. Окающій, попавъ въ акающую среду, можетъ произносить *а* въ тѣхъ словахъ, которыя очень часто слышалъ, и произносить о въ остальныхъ Если бы вмѣсто *о* было повсюду *а*, то *о* могло бы забываться у перенимающихъ. Но дѣло въ томъ, что часто новый звукъ развился только при извѣст-

ныхъ условіяхъ, а при другихъ условіяхъ сохранился старый или явился иной новый звукъ. Усвоить себѣ такой новый звуковой составъ въ каждомъ словѣ въ отдѣльности нѣтъ никакой возможности, если перенимающій уже взрослый, слѣдовательно вполнѣ усвоилъ себѣ раньше слова съ инымъ звуковымъ составомъ. Если онъ тѣмъ не менѣе современемъ начнетъ акать послѣдовательно во всѣхъ словахъ, то эта послѣдовательность объясняется уже другимъ факторомъ — звуковой аналогіей (см. «Аналогію»). Но такое содѣйствіе звуковой аналогіи возможно здѣсь потому, что во всѣхъ словахъ аканіе обусловлено удареніемъ. Благодаря присутствію такого фонетическаго признака, какъ удареніе при аканьѣ, у перенимающаго возникаетъ привычка не произносить *о* въ неударенномъ слогѣ, т. е. подъ вліяніемъ множества словъ какъ стóлъ—сталá, кóтъ—катá, вóды—вадá и пр., въ которыхъ ударенное *о* чередуется съ неударенным *а*, у него вырабатывается безсознательно такая фонетическая форма (типъ) словъ, по которой въ неударенныхъ слогахъ *о* замѣняется посредствомъ *а* (и другихъ звуковъ, смотря по положенію относительно ударенія). Поэтому если онъ даже никогда не слышалъ словъ «тапарá», «валá» отъ акающихъ, то въ силу этой привычки онъ начинаетъ произносить «валá» вмѣсто «волá». Такъ акающіе русскіе передѣлываютъ иностранныя слова, напр. «портрéтъ», «докторъ», въ «партрéтъ», «дъктарá» и пр., и наоборотъ, создали «сóдитъ», «плóтитъ», по аналогіи «нашý»: «нóситъ», «важý»—«вóдитъ» и пр. Звуковой аналогіей только обезпечивается при распространеніи послѣдовательное проведеніе во всѣхъ словахъ такого перенимаемаго новаго звукового явленія, которое состоитъ не изъ нѣсколько измѣненнаго звука, а изъ звука, уже существующаго въ языкѣ перенимающихъ. Вѣдь нельзя усвоить себѣ напр. аканье въ каждомъ словѣ въ отдѣльности тому, кто уже привыкъ окать. Память не справилась бы съ этой задачей. Къ тому же окающій, подъ вліяніемъ своихъ привычныхъ звуковыхъ представленій словъ, обыкновенно и не апперципировалъ бы даже *а*. Въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ установилось аканье въ однихъ словахъ и сохранилось оканье въ другихъ. Это объясняется слѣдующимъ. Отдѣльные представители такихъ говоровъ, во время пребыванія между акающими вслѣдствіе отхожихъ промысловъ, солдатчины, въ школѣ и пр., усвоили себѣ аканье въ употребительныхъ въ этой средѣ сло-

вахъ, но не въ достаточной степени, чтобы по аналогіи провести его повсюду. По возвращеніи ихъ на родину произношеніе съ *а* находитъ себѣ подражателей, можетъ быть въ еще меньшемъ числѣ словъ. А слова, часто употребляемыя въ деревенской обстановкѣ, сохраняютъ *о*. Другія слова съ *а* проникаютъ отъ случайныхъ переселенцевъ изъ акающихъ и т. д.

Отсюда понятно, что если русское удареніе установилось бы напр. на первомъ слогѣ, какъ въ чешскомъ языкѣ, то аналогія не могла бы содѣйствовать распространенію аканья, и слѣдовательно дальнѣйшее послѣдовательное распространеніе аканья во всѣхъ словахъ было бы невозможно: въ словахъ, которыя окающіе часто слышали бы отъ акающихъ, установился бы звукъ *а*, въ остальныхъ сохранился бы *о*, и въ результатѣ могли бы явиться только говоры, представляющіе безпорядочную смѣсь оканья и аканья.

Конечно, распространеніе тѣхъ случаевъ замѣны звуковъ, которые возникли спорадически въ отдѣльныхъ словахъ, вслѣдствіе перестановки или ассимиляціи и диссимиляціи несосѣднихъ звуковъ, какъ «пролубь», «ладонь», происходитъ только посредствомъ усвоенія памятью каждаго такого слова въ отдѣльности, такъ какъ условія, вызвавшія ихъ, были случайны и такая замѣна не произошла во всѣхъ словахъ, въ которыхъ постоянныя условія одинаковы. Поэтому такія измѣненія звукового состава словъ туго распространяются. Но замѣна звука, какъ въ греческомъ языкѣ появленіе непридыхательнаго взрывного вмѣсто придыхательнаго вслѣдствіе диссимиляціи съ слѣдующимъ дальше придыхательнымъ (см. стр. 262—263), можетъ явиться и фонетическимъ путемъ послѣдовательно во всѣхъ словахъ, и въ такомъ случаѣ распространяется послѣдовательно при помощи аналогіи.

§ 6. Звуковые законы.

Изъ предыдущаго видно, что одинъ и тотъ же звукъ не можетъ въ рѣчи группы лицъ при **одинаковыхъ условіяхъ** измѣниться въ артикуляціяхъ или при перенятіи въ разныхъ словахъ по разному. Гдѣ одинъ звукъ измѣняется въ два звука, какъ напр. открытое *е* и закрытое *е* въ русскомъ языкѣ, тамъ вліяли **разныя физіологическія условія** (въ данномъ примѣрѣ твердость или мягкость послѣдующаго слога или согласнаго).

Въ другомъ *мѣстѣ*, т. е. у другой группы лицъ того же языка или говора, тотъ же звукъ можетъ подвергаться совершенно другимъ измѣненіямъ вслѣдствіе различія въ артикуляціонной базѣ, удареніяхъ, темпѣ и пр. Такъ въ говорахъ среднерусскаго языка неударенное *о* измѣнилось постепенно въ *а* и пр., а въ сѣвернорусскихъ и южнорусскихъ говорахъ сохранилось какъ *о*.

Въ другое *время* въ томъ же говорѣ такіе же звуки могутъ измѣниться иначе, такъ какъ физіологическія условія (артикуляціонная база) и психическія условія могутъ быть уже другія, а также и распространеніе измѣненнаго звука можетъ произойти иными путями, вслѣдствіе измѣнившихся условій сношеній. Такъ, въ извѣстную эпоху праславянскаго языка всякіе *к*, *г*, *х* въ положеніи передъ мягкими гласными измѣнились постепенно въ мягкіе *ч'*, *ж'*, *ш'*; когда же въ болѣе позднюю эпоху этого же праславянскаго языка сохранившіеся передъ твердыми гласными *к*, *г*, *х*, очутились передъ мягкими гласными, то измѣнились уже въ мягкіе *ц'*, (*дз'* >) *з'*, *с'* (старосл. рѫцѣ, Боѕѣ). Существующіе въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ *к*, *г*, *х* мягкіе передъ мягкими гласными сохраняются пока безъ измѣненія (кинь, гибель, хилый).

Изъ предыдущаго также видно, что при *замѣнѣ* звуковъ вслѣдствіе перестановки, ассимиляціи или диссимиляціи несосѣднихъ звуковъ, вслѣдствіе морфологической аналогіи (см. ниже) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ замѣны, утраты и появленія звука, эта замѣна касается лишь отдѣльныхъ случаевъ и можетъ не распространяться на всѣ слова, представляющія одинаковыя звуковыя условія. Послѣдняго рода спорадическія измѣненія языка конечно не поддаются опредѣленнымъ правиламъ и могутъ быть лишь объясняемы. Но нѣкоторые случаи *замѣны* звуковъ и всѣ случаи постепеннаго *измѣненія* звуковъ возникаютъ и распространяются обыкновенно съ такой послѣдовательностью, что ихъ подводятъ подъ правила, называемыя *звуковыми законами*.

Звуковой „законъ“ опредѣляетъ, что въ *такомъ-то мѣстѣ* (говорѣ, нарѣчіи, языкѣ, части говора) въ *такое-то время*, *при такихъ-то условіяхъ* произошло такое-то звуковое измѣненіе. Если законъ вѣрно формулированъ, то понятно исключеній изъ него не должно быть. Кажущіяся исклю-

ченія объясняются дѣйствіемъ (скрещиваніемъ) другого фонетическаго закона, или образованіемъ по аналогіи или рѣдко случайной замѣной звука, или наконецъ заимствованіемъ изъ другого діалекта.

Такъ, если мы рядомъ съ смягченіемъ г въ *ж* (Боже) находимъ и смягченіе г въ *з* (Бозѣ), то здѣсь нѣтъ противорѣчія или исключенія: смягченіе въ дз > з происходило въ ту эпоху праславянскаго языка, когда измѣненіе въ ж < дж было уже закончено и больше не повторялось. Если мы вмѣсто фонетическаго законнаго «бозѣ» находимъ въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ «богѣ», то это не исключеніе изъ закона о праславянскомъ смягченіи г, а лишь результатъ позднѣйшей замѣны звука по аналогіи (вода: водѣ = береза: березѣ и пр. = богъ: х, х = «богѣ»; «бозѣ» существовало въ древнерусскомъ). Если мы рядомъ съ «прорубь» находимъ «прорубить», то это не исключеніе изъ звукового закона, такъ какъ для спорадической случайной замѣны звука не можетъ быть общаго закона. Наконецъ, слова какъ «рожденіе», «надежда» и пр. представляютъ не исключеніе изъ закона, по которому праславянское dj измѣнилось въ русское *ж*, а эти слова заимствованы изъ старославянскаго языка. Ср. русскія: рожать, надёжа.

Въ отличіе отъ законовъ напр. физики или химіи, звуковой законъ не опредѣляетъ, что̀ при извѣстныхъ условіяхъ всегда происходитъ. Въ отличіе отъ юридическихъ законовъ звуковой законъ не говоритъ, что̀ при извѣстныхъ условіяхъ должно всегда быть. Звуковой законъ констатируетъ лишь эмпирически заднимъ числомъ совершившійся историческій фактъ въ звукахъ извѣстной части языка. Очевидно терминъ «законъ» не совсѣмъ подходящій. Выборъ его объясняется особыми историческими причинами.

Нельзя называть звуковыми законами правила практической грамматики, въ родѣ слѣдующаго: *т* передъ *т* переходитъ въ *с*, напр. «плет-у», «плес-ти» и пр. На самомъ дѣлѣ «тт» въ русскомъ языкѣ никогда не переходило въ «ст», какъ видно изъ «оттого», «оттепель» и пр. Измѣненіе «тт» въ «ст» началось въ индоевропейскую эпоху и закончилось въ балтійско-славянскомъ языкѣ. Русскій языкъ лишь сохраняетъ унаслѣдованную группу «ст». Такъ же неточно говорятъ, что напр. передъ мягкими гласными согласные смягчаются въ русскомъ языкѣ

Процессъ смягченія начался въ праславянскомъ и закончился доисторически, такъ что теперь осталось только чередованіе твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, обусловленное твердостью или мягкостью слѣдующаго звука, и т. д.

Звуковое измѣненіе возникаетъ постепенно, небольшими измѣненіями, у разныхъ небольшихъ группъ лицъ и затѣмъ распространяется нерѣдко очень далеко. Поэтому у громаднаго большинства лицъ, которымъ звуковой законъ приписываетъ извѣстное измѣненіе звука, въ дѣйствительности такого измѣненія не происходило, а измѣненные звуки были просто заимствованы акустическимъ путемъ и успѣли вытѣснить соотвѣтствующіе прежніе звуки. Но невозможно указать, въ какомъ именно мѣстѣ данное измѣненіе возникло первоначально, и гдѣ оно просто перенято. Раіонъ звукового закона часто не совпадаетъ съ границами говора или нарѣчія, а можетъ обнимать разныя части разныхъ говоровъ. Разныя теченія разныхъ измѣненій звуковъ и смѣщенія діалектическихъ разновидностей звуковъ въ живомъ языкѣ несравенно многочисленнѣе и сложнѣе, чѣмъ могло бы казаться судя по памятникамъ, въ которыхъ дается все-таки языкъ одного лица, или искусственно нормированный языкъ, произношеніе котораго вдобавокъ нерѣдко скрыто установившейся хотя бы индивидуальной орѳографіей.

ГЛАВА VI.

ОБЩАЯ СЕМАСІОЛОГІЯ.

---

§ 1. Реальныя значенія языка.

Какъ возникаютъ у отдѣльныхъ лицъ реальныя и формальныя значенія словъ.

Извѣстнаго рода единицу рѣчи съ точки зрѣнія значеній представляетъ слово. Съ звуковой стороны слово есть часть или кусокъ звукового ряда, которая обыкновенно ничѣмъ не отдѣляется въ фонетическомъ отношеніи отъ другихъ такихъ частей звукового ряда. Такой звуковой комплексъ можетъ называться отдѣльнымъ словомъ лишь потому, что онъ имѣетъ свое отдѣльное значеніе, т. е. ассоціируется съ отдѣльнымъ представленіемъ. Впрочемъ и на основаніи этого признака нельзя въ дѣйствительности провести грань между отдѣльнымъ словомъ и синтаксическимъ сочетаніемъ отдѣльныхъ словъ. Съ одной стороны, напр. слова «Нижній Новгородъ», «за границу», «какъ бы», соотвѣтствуютъ одному понятію (что и выражается частію соединительнымъ знакомъ), а напр. «бы», «ли» въ отдѣльности не обозначаютъ никакого понятія. Съ другой стороны, въ составъ слова чаще входятъ такіе комплексы звуковыхъ элементовъ (принадлежности звукового состава) слова, которые имѣютъ свои отдѣльныя значенія. Они называются поэтому морфологическими принадлежностями слова. Такъ въ словѣ «учи-тель-ниц-амъ» окончаніе «ам» вноситъ въ слово признакъ множ. ч. и дат. п., «-ниц-» указываетъ на женскій полъ дѣйствующаго лица, обозначаемаго посредствомъ «-тель-» и пр. Правда, говорятъ, что эти формальныя принадлежности слова не нарушаютъ единства слова, такъ какъ они въ отдѣльности не употребляются. Но что значитъ «въ отдѣльности»? Развѣ «на», «при», «бы», или «домъ»,

«бѣжалъ» и пр употребляются въ отдѣльности? Они могутъ быть только составными частями предложенія, такъ же какъ и суффиксъ «-тель» или окончаніе множ. ч. «-ы» и пр. Разница лишь въ томъ, что эти суффиксы являются только въ сочетаніи съ извѣстными принадлежностями словъ; «бы» обозначаетъ совмѣстно съ извѣстной формой глагола одно синтаксическое понятіе, но можетъ помѣщаться и рядомъ съ извѣстными другими словами (онъ купилъ бы — чтобы онъ купилъ); мѣсто слова «домъ» въ предложеніи можетъ быть еще разнообразнѣе, но также не вполнѣ свободное (нельзя сказать: купилъ домъ онъ). Что «домъ» можетъ обозначать нѣчто, представляемое какъ реально существующее, не можетъ служить признакомъ «отдѣльнаго слова», такъ какъ другія слова, какъ предлоги, союзы и пр. не имѣютъ реальныхъ значеній; а суффиксы, какъ въ «дом-á» (т. е. много домовъ), «дом-ина» (большой домъ) обозначаютъ реальные признаки, какъ отдѣльныя прилагательныя, и т. д. Очевидно, дѣленіе предложенія на отдѣльныя слова есть дѣленіе условное, въ значительной степени произвольное, и вызвано прежде всего практическими потребностями письма.

Ассоціаціи по смежности между словами языка и представленіями нашего мышленія установились въ родномъ языкѣ въ раннемъ дѣтствѣ тогда, когда одновременно возникали въ насъ слуховыя представленія словъ и тѣ представленія, которыя старшіе обозначали этими словами. Съ слуховыми представленіями стали впослѣдствіи ассоціироваться и двигательныя представленія словъ (см. стр. 76 слѣд.).

По мѣрѣ того, какъ крѣпла связь между словами и между частями сложныхъ представленій, сложныя представленія все больше стали распадаться въ пониманіи дѣтей на сочетанія отдѣльныхъ представленій, т. е. собственно значеній словъ. Такія значенія словъ, обозначающія составныя части (комплексы элементовъ) сложныхъ представленій, называются **реальными значеніями** словъ.

Но напр. въ предложенія «онъ убѣжалъ на улицу» слово «на» или форма прошедшаго времени глагола «убѣжалъ» не обозначаютъ никакой отдѣльной части сложнаго представленія, а обозначаютъ лишь сознаваемыя нами логическія отношенія между отдѣльными представленіями, повторяющіяся въ разныхъ случаяхъ. Благодаря присутствію такихъ словъ и формъ у ре-

бенка вырабатываются понятія о тѣхъ отношеніхъ между представленіями, которыя обозначаются словомъ «на», прошедшимъ временемъ глагола и пр. Но говорятъ на «улицу» и «на улицѣ». Ребенокъ долго путаетъ эти двѣ конструкціи, пока наконецъ не выработаетъ безсознательно два понятія отношеній, изъ которыхъ одно обозначается посредствомъ «на» съ винительнымъ падежомъ, другое — посредствомъ «на» съ мѣстнымъ падежомъ. Такія значенія словъ, опредѣляющія логическія отношенія между представленіями, составляющими реальныя значенія словъ, можно назвать **синтаксическими значеніями**. Въ предложеніи: «онъ подарилъ брату большой домъ около лѣса» каждое слово, кромѣ слова «около», имѣетъ реальное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ своей формой эти слова опредѣляютъ (см. стр. 308 слѣд.) и логическія отношенія между представленіями, составляющими реальныя значенія. Значенія этихъ формъ видно, если мы замѣнимъ ихъ другими формами, напр.: «онъ подарилъ брату большой лѣсъ около дома», «онъ подарилъ домъ брата около большого лѣса...» и пр.

Содержаніе реальныхъ значеній получается изъ ощущеній. Содержаніе логическихъ отношеній, составляющихъ синтаксическія значенія языка, вносится самими говорящими и вырабатывается у нихъ подъ вліяніемъ формальныхъ принадлежностей унаслѣдованнаго ими языка. Отношенія между представленіями или синтаксическія значенія выражаются не только отдѣльными словами и формами словъ, но и формами предложеній (стр. 305). Въ изолирующихъ языкахъ формы словъ конечно отсутствуютъ и синтаксическія значенія выражаются служебными формальными словами и формами предложеній. Въ виду того, что въ большинствѣ языковъ синтаксическія значенія выражаются часто формами словъ, и во всѣхъ языкахъ формами предложеній, ихъ называютъ также **формальными** (синтаксическими) **значеніями**. Вслѣдствіе этого и такія служебныя слова, какъ предлоги, называются также **формальными словами**.

Но формами словъ выражаются еще другого рода значенія, опредѣляющія не отношенія, а реальные признаки реальныхъ значеній словъ. Напр. видомъ глагола обозначается качество дѣйствія какъ многократное, какъ законченное разсматриваемое по своему результату и пр. Усваивая себѣ языкъ, ребенокъ усваиваетъ себѣ и понятія объ этихъ различіяхъ.

Формальныя различія числа въ существительномъ пріучаетъ его впервые къ различенію одного и двухъ или многихъ предметовъ и т. д. Такія значенія формъ словъ можно назвать реальными формальными значеніями въ отличіе отъ синтаксическихъ формальныхъ значеній. Впрочемъ термины «формальное значеніе» и «форма» или «внутренняя форма» языка понимались, особенно раньше, и въ другомъ смыслѣ.

Изъ сказаннаго видно, что усвоеніе родного языка заключается не только въ установленіи ассоціативной связи между словами и представленіями, какъ обыкновенно говорятъ, а въ гораздо большемъ: въ возникновеніи отдѣльныхъ представленій и понятій, по мѣрѣ возникновенія ассоціаціи словъ съ представленіями. Всякія различія, дѣленія и пр., которыя вырабатывались тысячелѣтіями милліонами лицъ въ языкѣ, какъ въ расчлененіи сложныхъ представленій, такъ и въ сознаніи отношеній между отдѣльными представленіями, каждый новый индивидуумъ долженъ усвоить себѣ вмѣстѣ съ усвоеніемъ родного языка. И сочетать онъ долженъ представленія въ сужденіяхъ, составляющихъ значенія предложеній, такъ же, какъ ихъ сочетаютъ окружающіе.

Конечно, нѣтъ никакой другой внутренней связи между словами и обозначаемыми ими представленіями, кромѣ той ассоціаціи по смежности, которая устанавливается навыкомъ. Только звукоподражательныя (ономатопоэтическія) слова, какъ: «трескъ», «шумъ», «грохотъ», «плескъ», «визгъ», «щебетать», «кукушка» и пр. производятъ своими звуками слуховыя ощущенія, сходныя съ тѣми, которыя получаются отъ обозначаемыхъ ими явленій. А въ словахъ, какъ «лататы», «бука» и пр., сами движенія органовъ рѣчи напоминаютъ намъ обозначаемыя этими словами явленія. Если кажется, будто слово «слонъ» своими звуками напоминаетъ что-то громоздкое, «лань» — нѣчто нѣжное и легкое, «змѣя» — хитрое и пр., то это происходитъ оттого, что мы, вслѣдствіе тѣсной ассоціаціи (компликаціи) слова съ значеніемъ, приписываемъ звуковой сторонѣ слова признаки значенія его. Вѣдь эти же слова звучали раньше иначе, и эти же явленія обозначаются въ каждомъ языкѣ другими звуками.

Въ нижеслѣдующемъ я разсматриваю преимущественно реальныя значенія словъ. О формальныхъ значеніяхъ будетъ сказано особо. Конечно, общія условія существованія и измѣненія формальныхъ значеній тѣ же, что реальныхъ.

Абстрактное и конкретное значеніе словъ.

Воспоминанія о разныхъ конкретныхъ явленіяхъ, связывавшіяся въ разныхъ случаяхъ со словами «собака», «бѣлый», «убѣжалъ» и пр., сливаются въ концѣ концовъ въ отдѣльныя неясныя и измѣнчивыя общія представленія или понятія о собакѣ, о бѣломъ цвѣтѣ и пр. Всѣ видѣнныя собаки были черныя или бѣлыя и пр., стояли, лежали, бѣжали и пр. Очевидно эти случайные признаки не могутъ быть постоянными составными частями значенія слова «собака» Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ представить себѣ собаку безъ цвѣта, или не находящуюся въ состояніи лежанія, стоянія и пр. Слѣдовательно, если мы не имѣемъ въ виду опредѣленной конкретной собаки, а скажемъ напр. «собака питается мясомъ», то слову «собака» не можетъ соотвѣтствовать какое либо цѣльное представленіе, а лишь понятіе (въ психологическомъ смыслѣ), состоящее изъ отрывочныхъ элементовъ представленій, къ которымъ примѣшиваются еще чувствованія, возбуждавшіяся въ насъ раньше, когда мы дѣйствительно видѣли собаку, слышали ея лай и пр. Очевидно такія представленія самостоятельнаго существованія имѣть не могутъ. Они такъ сказать привисли къ словамъ и образуютъ вмѣстѣ съ словами компликаціи (ассоціаціи представленій, полученныхъ отъ разныхъ органовъ ощущеній), въ которыхъ господствующей составной частью является звуковая сторона слова, представляемая опредѣленно, полно и ясно. Такое значеніе слова, состоящее изъ понятія въ психологическомъ смыслѣ, называется абстрактнымъ значеніемъ. Въ «рука руку моетъ» или «низкій стулъ неудобенъ» всѣ слова имѣютъ абстрактное значеніе.

Въ противоположность имъ конкретное значеніе слова обозначаетъ нѣчто, представляемое какъ реально существующее въ предѣлахъ пространства и времени, т. е. индивидуальное представленіе. Въ «этотъ стулъ низокъ», «взятіе Казани Іоанномъ», «обратите вниманіе на этотъ примѣръ» — всѣ слова имѣютъ конкретное значеніе. По своему содержанію конкретное значеніе можетъ не отличаться отъ абстрактнаго: въ сознаніи могутъ всплывать тѣ же неясные, случайные отрывочные признаки, которые такъ сказать висятъ на словѣ и безъ него цѣлаго не составляютъ. Большинство или всѣ элементы

такого представленія могутъ оставаться мало возбужденными въ области безсознательнаго, и опредѣленнѣе выступаютъ лишь возбуждаемыя ими чувствованія. Напр. «лошади ѣдятъ сѣно» (абстрактныя представленія), «его лошадь хромаетъ» (конкретныя представленія). Въ первомъ примѣрѣ очерчивается скорѣе голова лошади, во второмъ — ноги. Существенное отличіе конкретнаго значенія отъ абстрактнаго составляетъ сознаніе, сопровождающее конкретное представленіе, что имѣется въ виду такое-то (его лошадь) или какое-то явленіе тамъ-то или гдѣ-то.

Конкретное представленіе о явленіи, о которомъ мы не знаемъ никакихъ признаковъ, которыми мы могли бы выдѣлить данное явленіе отъ всѣхъ другихъ, обозначаемыхъ вообще тѣмъ же словомъ, ничѣмъ не можетъ само по себѣ отличаться отъ общаго представленія (понятія), могущаго быть обозначеннымъ даннымъ словомъ, кромѣ сознанія, что это представленіе относится къ какому-то или къ какимъ-то индивидуальнымъ явленіямъ, реально существующимъ въ пространствѣ и времени. Назову такія значенія конкретными индивидуально неопредѣленными. Таковымъ является для слушателя значеніе слова «человѣкъ», когда онъ слышитъ предложеніе «я встрѣтилъ (одного) человѣка», je rencontrai un homme, ich begegnete einem Manne. Но сказавъ это, говорящій уже придалъ этому человѣку такой внѣшній признакъ, благодаря которому слушатель отличаетъ его отъ всѣхъ остальныхъ людей, вслѣдствіе чего въ дальнѣйшемъ разсказѣ онъ можетъ сказать: «я сказалъ ему» (или: «этому человѣку»), je lui dis, ich sagte ihm (или: ich sagte dem Manne) и пр. Послѣдняго рода конкретное значеніе можно назвать конкретнымъ индивидуально опредѣленнымъ, хотя и теперь еще ничего не прибавилось къ содержанію представленія этого человѣка у слушателя, кромѣ внѣшняго признака, что говорящій встрѣтилъ его. Во французскомъ, нѣмецкомъ и пр. языкахъ это различіе опредѣляется такъ называемымъ опредѣленнымъ членомъ, и во всѣхъ языкахъ при случаѣ указательнымъ мѣстоименіемъ, которое можетъ относиться только къ извѣстному обоимъ разговаривающимъ конкретному представленію. (Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что опредѣленный членъ употребляется также при словѣ съ абстрактнымъ значеніемъ: La force de la verité, die Macht der Wahrheit).

Въ глаголахъ совершенный видъ обозначаетъ преимуще-

ственно конкретное дѣйствіе, но можетъ обозначать и абстрактное дѣйствіе, напр. «на слѣпого очковъ не приберешь». Многократный видъ глагола обозначаетъ собственно абстрактное дѣйствіе, такъ какъ отдѣльные моменты проявленія дѣйствія, или состояніе повторяющихся проявленій дѣйствій, неудобно пріурочить къ опредѣленному времени. Но въ связи съ конкретнымъ подлежащимъ значеніе этихъ глаголовъ пріобрѣтаетъ извѣстную степень конкретности: «мы прогуливались», «вы разговаривали».

Разныя значенія одного слова и разновидности одного значенія слова.

Значеніе слова есть связь звуковой стороны слова съ тѣмъ представленіемъ, которое говорящій, произнося это слово въ предложеніи, связываетъ съ нимъ съ цѣлью возбудить въ слушателѣ этимъ словомъ такое же представленіе. Большинство словъ означаетъ въ разныхъ случаяхъ болѣе или менѣе различныя представленія, такъ какъ разнообразіе въ представленіяхъ гораздо больше, чѣмъ словъ. Поэтому мы говоримъ о *разновидностяхъ значенія* слова и о *нѣсколькихъ значеніяхъ* слова, перечень которыхъ приводится въ словаряхъ. Вмѣсто различныхъ значеній одного слова можно съ тѣмъ же правомъ говорить о разныхъ словахъ, тожественныхъ въ звуковомъ отношеніи, но различныхъ по значенію (омонимы). При этомъ совершенно безразлично, развились ли разныя значенія изъ одного значенія и слово по происхожденію одно, или же два слова различнаго происхожденія совпали въ звуковомъ отношеніи.

На практикѣ подчасъ трудно сказать, имѣемъ ли мы дѣло съ разновидностями одного значенія или съ разными значеніями слова. Здѣсь важно не то, одно ли или два значенія, а важно различіе между обоими случаями въ психическомъ отношеніи. Въ предложеніяхъ «мужчины носятъ шляпы», «дамы носятъ шляпы», значенія слова «шляпа» неодинаковы. Но такъ какъ мы можемъ оба значенія соединить въ предложеніи «не только мужчины, но и дамы должны сидѣть въ партерѣ безъ шляпъ», то ихъ можно разсматривать какъ разновидности одного значенія. Изъ предложенія «у паломниковъ были въ рукахъ длинныя палки» мы видимъ, что палка въ смыслѣ «трость», «посохъ» нельзя считать отдѣльнымъ значеніемъ, вполнѣ обособившимся отъ болѣе общаго значенія слова «палка». Но «трубка», въ смыслѣ курительной трубки, вполнѣ обособилась отъ всякой

другой трубки, такъ какъ нельзя придумать предложенія, въ которомъ это слово имѣло бы одновременно оба значенія, или въ которомъ значеніе «курительная трубка» приводилась бы въ связь (напоминало бы собой) какую нибудь другую трубку. Поэтому мы можемъ принимать здѣсь два значенія. «Ракъ» имѣетъ два значенія, такъ какъ въ предложеніи всегда понимается только одно изъ нихъ («ракъ живетъ въ водѣ», «умеръ отъ рака»). «Охота» имѣетъ два значенія («охота тебѣ», «онъ поѣхалъ на охоту»). Русскій языкъ, языкъ съ гарниромъ, бѣлый языкъ и пр.

Различія въ значеніяхъ словъ и предложеній, заключающіяся въ побочныхъ представленіяхъ и въ чувствованіяхъ.

Кромѣ главныхъ представленій, обозначаемыхъ словами, нужно считаться еще съ побочными представленіями и съ чувствованіями, которыя также входятъ обыкновенно въ составъ значеній словъ. Въ этихъ побочныхъ представленіяхъ заключается различіе между словами, съ перваго взгляда однозначащими, какъ: супруга—жена, дѣва—дѣвушка, челнокъ—лодка, воинъ—солдатъ, возница—кучеръ, перстъ—палецъ, правая рука—десница, конь—лошадь, собака—песъ, Вы—ты, дѣтскій—ребяческій, Лѣсковъ—Николай Семеновичъ, и пр.

Такіе побочные признаки представленій пристаютъ къ словамъ, такъ же какъ и главныя представленія, въ отдѣльныхъ случаяхъ употребленія словъ. Напр. «перстъ», «глава», «возница» употребляются въ возвышенной рѣчи, поэтому обозначаютъ представленія пальца и пр. съ такими побочными признаками, какіе возбуждены при такой рѣчи.

Кромѣ того побочныя представленія вносятся въ значенія словъ изъ значеній родственныхъ словъ, возбуждаемыхъ ими по ассоціаціи по сходству, такъ какъ они содержатъ тѣ же основныя принадлежности и сходныя значенія, напр. въ слово «воинъ» изъ словъ «война», «воевать» и пр., въ слово «возница» изъ слова «возить» и пр. Умеръ, скончался, издохъ и пр. обозначаютъ одно и то же главное понятіе, но съ разными оттѣнками въ значеніи.

Но эти побочныя различія въ представленіяхъ сознаются настолько неясно, что трудно опредѣлить ихъ въ точности. Гораздо опредѣленнѣе выступаютъ различія между тѣми чувствова-

ніями, которыя сопровождаютъ ихъ. Эти субъективные элементы составляютъ главныя различія между синонимами. Поэтому настоящихъ однозначащихъ словъ, строго говоря, почти не существуетъ. Выбирая то или другое слово для обозначенія извѣстнаго представленія, говорящій между прочимъ этимъ выборомъ обнаруживаетъ свое личное отношеніе къ данному явленію и этимъ побуждаетъ слушателя къ подобному же отношенію къ данному представленію. Поэтому удачнымъ выборомъ словъ говорящій или пишущій настраиваетъ слушателя по своему желанію, т. е. внушаетъ ему желательное отношеніе къ представленіямъ, помимо самихъ представленій, которыя онъ возбуждаетъ въ его мышленіи. Конечно, какъ побочныя представленія, такъ и чувствованія, возбуждаемыя словомъ, могутъ быть различны у разныхъ лицъ, или въ разныхъ сочетаніяхъ словъ. Ср. родной «край», болотистый «край». Этими элементами значеній словъ искусственно пользуются напр. въ лирической поэзіи, публичные ораторы и пр. Удачный подборъ словъ, возбуждающихъ нужныя чувствованія, можетъ совершенно заглушить въ толпѣ логическое мышленіе, въ виду особенности психологіи толпы. Нѣкоторыя категоріи словъ, какъ ругательныя, ласкательныя, привѣтствія и пр. разсчитаны именно на возбужденіе извѣстныхъ чувствованій, а не представленій. Поэтому такія слова постепенно совершенно утрачиваютъ свои главныя значенія, какъ напр. чертъ возьми, сукинъ сынъ, ангелъ мой и пр.

Многочисленныя и разнообразныя побочныя представленія и чувствованія говорящій вызываетъ въ слушателѣ еще модуляціей устной рѣчи посредствомъ сочетанія разныхъ градацій въ темпѣ, ритмѣ, экспираторномъ и музыкальномъ удареніи. Такъ, если намъ горничная, открывши дверь, на нашъ вопросъ «дома?», въ которомъ второй слогъ на малую терцію до квинты выше перваго, отвѣтитъ «дома», со вторымъ слогомъ на квинту ниже перваго, то мы входимъ совершенно спокойно. Если же она повышаетъ второй слогъ на полтона, произнося «дома» слабо и малонапряженно, то мы сначала посмотримъ на нее съ цѣлью отыскать причину такого печальнаго отвѣта. Если не видимъ на ней признаковъ зубной боли и пр., то можемъ думать, что кто нибудь заболѣлъ въ домѣ. Если на нашъ вопросъ она отвѣтитъ бойко «бо́ленъ» со вторымъ слогомъ на квинту ниже перваго, то мы чувствуемъ просто дѣловое отношеніе ея. Если

же она нѣсколько растягиваетъ съ нѣкоторой пѣвучестью первый слогъ этого слова, постепенно усиливая его, а второй произноситъ на терцію ниже, то мы узнаемъ участливое отношеніе ея, которымъ она вызываетъ и въ насъ жалость. Если болѣзнь была для насъ неожиданностью, то мы можемъ выразить наше удивленіе повтореніемъ этого слова, но уже со вторымъ слогомъ, выше на сексту или даже септиму: «боленъ?». При септимѣ мы уже обнаруживаемъ нѣкоторую нервность, и т. д.

Высота голоса и быстрота рѣчи при возбужденности, сила и дрожаніе голоса при гнѣвѣ, слабость и мягкость при ласкѣ и просьбѣ, глухота при малодушіи и страхѣ и пр. представляютъ большое разнообразіе и являются невольными знаками, по которымъ мы по опыту узнаемъ душевное настроеніе говорящаго. Чтобы скрыть его, говорящій долженъ дѣлать надъ собою особое усиліе, долженъ преднамѣренно и съ трудомъ измѣнять эти оттѣнки, такъ какъ они усвоены такъ же прочно, какъ языкъ вообще. Частью же они обусловлены рефлекторными движеніями органовъ рѣчи, какъ напр. глухота голоса при страхѣ, и потому органически присущи человѣку. Но и послѣдняго рода проявленія находятся до извѣстной степени подъ вліяніемъ фонетической стороны языка и соціальныхъ условій, а потому проявляются не совсѣмъ одинаково у разныхъ народовъ. Эта область психомоторныхъ движеній въ языкѣ еще мало изслѣдована. Поэтому искусственное производство такихъ оттѣнковъ рѣчи вырабатывается актерами, публичными ораторами и пр. больше простымъ подражаніемъ. Способность искусственно воспроизводить эти оттѣнки рѣчи составляетъ часть того, что обыкновенно называютъ драматическимъ талантомъ.

Существуетъ мнѣніе, чта такое невольное обнаруженіе психическихъ фактовъ со стороны говорящаго къ языку собственно не относится. Въ этомъ взглядѣ проглядываетъ вліяніе старой логической грамматики. Исключить эти побочныя представленія и чувствованія изъ значеній языка на томъ основаніи, что они невольно примѣшиваются къ нимъ, совершенно ошибочно, такъ какъ они неразрывно связаны съ главными представленіями и являются составной частью значеній языка. Ихъ можно конечно выдѣлить при искусственномъ психологическомъ и логическомъ анализѣ, но они такіе же факты значеній, какъ главныя представленія, и въ обыкновенной рѣчи сообщаются

нерѣдко такъ же преднамѣренно, какъ главныя представленія, и такъ же безъ особаго намѣренія, какъ нерѣдко главныя представленія при обычной болтовнѣ. Отсюда видно, насколько произвольны и топорны тѣ объясненія значеній словъ, которыя даются въ словаряхъ, и насколько всякій переводъ съ одного языка на другой неизбѣжно искажаетъ смыслъ подлинника.

Совокупное и частное значеніе слова.

Подъ совокупнымъ значеніемъ слова понимается совокупность тѣхъ представленій, которыя обычно обозначаются даннымъ словомъ и которыя приводятся въ словаряхъ Въ дѣйствительности значеніе слова обыкновенно не обнимаетъ собой все обычное содержаніе обозначаемыхъ словомъ представленій, а потому въ дѣйствительности встрѣчается обыкновенно частное значеніе слова (разновидность или отдѣльное значеніе).

Нужно еще имѣть въ виду, что не всѣ сочетанія словъ, возможныя по смыслу, обычны въ языкѣ. Мы говоримъ «питать надежду», но не скажемъ «питать намѣреніе» (ср. французское boire, но prendre du thé). Въ сочетаніи съ разными словами дифференцируется и значеніе слова (см. ниже «Дифференціація значеній»). Такъ «добрый» имѣетъ различныя значенія въ «добрый человѣкъ», «въ добромъ здравіи», «доброе утро» и проч. Поэтому кромѣ частныхъ обычныхъ значеній словъ, употребляемыхъ въ большинствѣ сочетаній, нужно различать еще такія частныя обычныя значенія, которыя слова имѣютъ только въ извѣстныхъ сочетаніяхъ.

Различія въ значеніяхъ у разныхъ лицъ и въ разное время.

Звуковую сторону языка каждый человѣческій индивидуумъ усвоилъ себѣ отъ окружающихъ. Съ звуковой стороны, какъ мы видѣли выше, языкъ его почти тождественъ съ языкомъ окружающихъ. Слѣдовательно, если онъ подъ вліяніемъ словъ и формъ, существующихъ въ данномъ языкѣ, расчленяетъ свои сложныя представленія на значенія языка такъ же, какъ и другіе, то сходство и различіе въ значеніяхъ словъ у каждаго лица зависитъ главнымъ образомъ отъ сходства и различія въ содержаніи его сложныхъ представленій. Это содержаніе получается изъ ощущеній, главнымъ образомъ изъ внѣшнихъ чувствъ. Такъ какъ окружающій міръ и собственный организмъ,

доставляющіе матеріалъ нашимъ ощущеніямъ, болѣе или менѣе одинаковы у лицъ одной языковой общины, то и значенія словъ должны быть болѣе или менѣе одинаковы у членовъ этой общины.

Но индивидуальныя различія должны конечно существовать повсюду въ значеніяхъ, если имѣть въ виду, что различія въ представленіяхъ обусловливаются не только тѣмъ, какіе элементы находились въ полученныхъ ощущеніяхъ, но и тѣмъ, какъ часто встрѣчались тѣ или другія ощущенія и въ какихъ сочетаніяхъ между собой, а также различіемъ въ субъективномъ отношеніи человѣка къ ощущаемымъ явленіямъ. Въ зависимости отъ способностей, развитія, образованія, спеціальныхъ занятій и пр. одни и тѣ-же ощущенія даютъ разныя содержанія представленіямъ. Вслѣдствіе этого и абстрактныя значенія, вырабатываемыя безсознательно каждымъ индивидуумомъ совершенно самостоятельно изъ конкретныхъ, представляютъ индивидуальныя различія въ зависимости отъ всего пережитаго, культурнаго состоянія, способностей и пр. Такія-же различія должны быть у отдѣльнаго индивидуума въ разномъ возрастѣ, настроеніи и пр., и наконецъ въ разныхъ предложеніяхъ. Много ли общаго представляетъ содержаніе значеній словъ «государство», «Россія», «русскій языкъ», «фабрика», «судъ» и пр. у неграмотнаго и у образованнаго русскаго человѣка? Много ли общаго въ значеніи словъ «отецъ», «Богъ», «любовь» и пр. у ребенка и взрослаго человѣка?

Еще большія различія существуютъ въ значеніяхъ повидимому однозначащихъ словъ разныхъ народовъ, и одного народа въ разныя эпохи. Сумма всѣхъ значеній языка есть умственный міръ народа, мѣрило культуры его. Что представлялось при словѣ «городъ» въ древности, когда его назвали огороженнымъ мѣстомъ (ср. городить, огородъ, изгородь), затѣмъ въ эпоху Новгорода, Кіева, Москвы и наконецъ Петербурга? Развѣ слова «деревня», «Dorf, village» и пр. возбуждаютъ одинаковыя представленія у того, кто вполнѣ владѣетъ этими языками? Правда, напр. русскіе, говорящіе по французски и не знакомые съ французской деревнею, поневолѣ представляютъ себѣ при чтеніи слова village русскую деревню. Но это не есть настоящее значеніе этого слова, а лишь подставное, извращенное. Отсюда видно, что для полнаго знанія иностраннаго языка или

родного языка болѣе древней эпохи необходимо по возможности непосредственное знакомство съ такъ называемыми реаліями. Чтобы французское слово «village» или древнегреческое слово «щитъ» возбуждали настоящія значенія ихъ, нужно видѣть эти предметы или по крайней мѣрѣ знать о нихъ по описаніямъ и рисункамъ. Только такое знаніе языка можно называть полнымъ. Очевидно при школьномъ и домашнемъ изученіи иностраннаго языка учащіеся усваиваютъ себѣ обыкновенно звуковую сторону иностраннаго языка съ подставными значеніями родного языка, такъ что у нихъ этотъ языкъ искажается въ значеніяхъ, хотя съ звуковой стороны онъ можетъ быть вполнѣ безупречнымъ.

Но и изъ словъ родного языка только часть понимается каждымъ въ настоящемъ смыслѣ, смотря по обстоятельствамъ. У взрослаго, не видавшаго «моря», «высокихъ горъ» и «большихъ рѣкъ», эти слова вызываютъ такъ же ложныя представленія, какъ у шестилѣтняго ребенка слова «крѣпость», «государство» и пр. Когда такой ребенокъ повторяетъ разсказы напр. о войнѣ или даже отвлеченныя разсужденія, то взрослые называютъ его умнымъ, способнымъ и развитымъ. Онъ дѣйствительно способенъ, но только въ словесномъ отношеніи, такъ какъ онъ хорошо запоминаетъ ряды словъ и воспроизводитъ ихъ почти какъ попугай. Въ лучшемъ случаѣ ему представляются дѣтскія картинки.

Мышленіе происходитъ при помощи словъ и формъ языка, въ томъ числѣ и формъ предложеній и формъ сочетанія предложеній, называемыхъ со стороны значеній сужденіями. Въ этой компликаціи звуковыхъ семантическихъ частей съ значеніями доминирующей является звуковая сторона. При врожденномъ и отчасти обусловленномъ имъ дальнѣйшемъ одностороннемъ развитіи звуковыхъ центровъ языка (В, Б, по обстоятельствамъ въ связи съ Д и граф, стр. 91), словесная сторона мышленія можетъ настолько стать преобладающей, что заглушаетъ развитіе тѣхъ представленій и ихъ комбинацій, которыя составляютъ содержаніе мысли. Такое одностороннее словесное развитіе иногда ярко обнаруживается у учащихся и нерѣдко наблюдается у кабинетныхъ людей, а также у писателей, поэтовъ, ораторовъ и пр., т. е. у людей, обладающихъ даромъ слова въ рѣчи или письмѣ. Публика привыкла отожествлять наружный языкъ съ

содержаніемъ его и потому удивляется, когда такіе люди оказываются на дѣлѣ несостоятельными, неспособными къ творческой мыслительной работѣ. Она не понимаетъ, что способность и творчество такихъ людей относится къ области языка, но не къ тѣмъ мозговымъ областямъ, въ которыхъ образуется содержаніе мысли. Можно быть великимъ художникомъ слова и вмѣстѣ съ тѣмъ посредственнымъ мыслителемъ, и наоборотъ, нерѣдко умные и способные люди нескладно и съ трудомъ облекаютъ содержаніе своихъ мыслей въ словесную форму даннаго языка. Языкъ не есть произведеніе логики, а лишь исторически сложившаяся форма психологическаго мышленія, мозаика изъ разныхъ эпохъ и изъ разныхъ мѣстъ, пестрота который постоянно сглаживается и приводится въ гармонію; но, съ другой стороны, эта гармонія такъ же постоянно вновь нарушается вновь нарождающимися фактами. Не даромъ говорятъ объ «организмѣ» и «жизни» языка, хотя конечно языкъ не организмъ и можетъ жить только въ переносномъ смыслѣ этого слова.

Внѣшнія условія, благодаря которымъ слово можетъ обозначать конкретное явленіе, или можетъ имѣть одно изъ разныхъ значеній или одну изъ разновидностей значенія.

Для говорящаго конечно безразлично, что слово, которымъ онъ обнаруживаетъ извѣстное представленіе, можетъ обозначать еще и другія представленія или безконечное множество сходныхъ конкретныхъ явленій, кромѣ того явленія, которое говорящій имѣетъ въ виду. Такъ «возьми книгу» можетъ относиться ко всѣмъ книгамъ въ мірѣ. «Возьми эту книгу» не опредѣленнѣе, если на помощь не явятся внѣшнія условія.

Но чѣмъ объяснить, что слушатель подразумѣваетъ подъ словомъ именно то представленіе, которое имѣетъ въ виду говорящій?—Для этого необходимо содѣйствіе другихъ условій, лежащихъ внѣ языка, подъ вліяніемъ которыхъ слушатель настраивается психически такъ, что въ немъ возбуждается преимущественно передъ всѣми другими представленіями, могущими быть обозначаемы этимъ же словомъ, именно то представленіе—значеніе, которое имѣетъ въ виду говорящій.

Чаще всего такое совпаденіе въ психическомъ настроеніи разговаривающихъ является подъ вліяніемъ общихъ разговаривающимъ условій жизни, общаго мѣста жительства, обще-

ственнаго положенія, общихъ занятій, семейнаго положенія и пр. Слова «паркъ», «бульваръ», «вокзалъ», «университетъ», «портъ» и пр. обозначаютъ у жителей Одессы одни предметы; въ Петербургѣ совсѣмъ другой «паркъ», «университетъ», «портъ» и пр., въ Москвѣ опять другіе и т. д. «Городъ» обозначаетъ для жителей окрестностей Москвы другое, чѣмъ для жителей окрестностей Новгорода, и пр. «Отецъ», «мать», «братъ», «кухня», «столовая» обозначаютъ у членовъ каждой семьи особыхъ опредѣленныхъ лицъ и предметы. «Государь» обозначаетъ у всѣхъ русскихъ подданныхъ одно лицо, а «милостивый государь» можетъ обозначать безконечно множество лицъ.

Такое общее настроеніе у разговаривающихъ можетъ быть и временное, вызванное той случайной общей обстановкой, въ которой происходитъ разговоръ. Въ насъ возбуждаются различныя представленія, смотря по тому, слышимъ ли мы слово «листъ» въ бумажномъ магазинѣ или въ типографіи или въ лѣсу, слово «баллъ» въ классѣ или въ обществѣ, слово «перья» въ шляпномъ магазинѣ или за письменнымъ столомъ или передъ подушкой и пр., слово «игла» при шитьѣ или въ хвойномъ лѣсу или у механика и т. д. На помощь можетъ явиться еще жестъ рукой, глазами и пр., напр. когда говорятъ «возьми это» и вмѣстѣ съ тѣмъ обращаютъ взглядъ на данный предметъ.

Такое представленіе общей разговаривающимъ обстановки можетъ быть вызвано и предшествующей рѣчью, что бываетъ обыкновенно при чтеніи. «Тамъ другъ невинныхъ наслажденій благословить бы небо могъ».—Гдѣ?—Предшествовало: «Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній». «Иванъ сказалъ».—Какой Иванъ?—О которомъ уже говорилось.

Значеніе даннаго слова опредѣляется часто общимъ смысломъ предложенія, въ томъ числѣ словами, находящимися въ сочетаніи съ даннымъ словомъ: Куритъ «трубку»—«трубка» запаяна. Ѣдетъ на «охоту»—«охота» тебѣ. Русскій «языкъ»—длинный «языкъ». За «столомъ»—комната со «столомъ»—2-ой «столъ». Умеръ отъ «рака»—«ракъ» варится. Свѣтскій «балъ»—дурной «баллъ». Онъ схватилъ «руку».—Какую?—Онъ схватилъ Ивана за «руку» (рука Ивана). Муха на «носу»—рулевой на «носу»—смерть на «носу»—задирать «носъ»—остался съ «носомъ». Жилъ въ «деревнѣ» (à la campagne)—большая «деревня» (village). Человѣкъ «стоитъ», дерево «стоитъ», часы «стоятъ».

При отсутствіи другихъ условій возбуждается преимущественно то значеніе, которое чаще обозначается даннымъ словомъ. «Поѣздъ» проѣхалъ (желѣзнодорожный, свадебный). «Сестра» (родная, милосердія). «Полотно» (матерія, желѣзной дороги).

Если указанными условіями не опредѣляется безошибочно то представленіе, которое имѣетъ въ виду говорящій, то говорящій (который вообще при нормальныхъ условіяхъ входитъ въ положеніе слушателя) предупреждаетъ недоразумѣніе тѣмъ, что опредѣляетъ посредствомъ другихъ словъ точнѣе то представленіе, которое слушатель долженъ имѣть въ виду при данномъ словѣ: онъ былъ на «товарномъ» вокзалѣ, въ «городскомъ» театрѣ. Петръ «Великій», Ростовъ «на Дону» и пр.

Если же говорящій недостаточно входитъ въ положеніе слушателя, какъ это бываетъ у разсѣянныхъ, старыхъ, дѣтей и пр., то можетъ возникнуть непониманіе или недоразумѣніе. Дѣти постепенно научаются входить въ этомъ отношеніи въ положеніе слушателя. При своемъ узкомъ кругозорѣ они разсказываютъ другимъ о «лошадкѣ», «Петѣ» и «когда я упалъ» и пр. какъ объ общеизвѣстныхъ явленіяхъ. Постоянные вопросы чужихъ: «Какая лошадка», «гдѣ» и пр. ставятъ ихъ втупикъ и заставляютъ ихъ становиться въ своей рѣчи на точку зрѣнія слушателя. «Петя», «Иванъ» и пр. собственныя имена обозначаютъ въ каждой семьѣ, кружкѣ и пр. опредѣленныхъ лицъ, но для посторонняго слушателя употребляются слова: «нашъ Петя», «мой старшій сынъ» и пр. Если же намъ разсказываютъ въ чужой семьѣ о «Петѣ» или о какомъ-то «Петрѣ Ивановичѣ», или «пропавшей собакѣ», которыхъ мы не знаемъ, то остается лишь констатировать замкнутость жизни разсказчика, привыкшаго разговаривать только съ своими домашними, для которыхъ многія слова имѣютъ опредѣленныя частныя значенія.

Благодаря указаннымъ условіямъ даже слова, совершенно безсодержательныя, какъ мѣстоименія и указательныя нарѣчія, могутъ служить для обозначенія конкретныхъ явленій. Такъ, при содѣйствіи указанныхъ условій словами «этотъ», «эта», «это», «здѣсь» и пр. можно безошибочно обозначить любое явленіе всего міра.

§ 2. Измѣненіе обычныхъ значеній словъ.

Языкъ измѣняется не только въ звуковой сторонѣ, но и

въ значеніяхъ. Измѣненія значеній словъ происходятъ совершенно независимо отъ измѣненій звуковой стороны ихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ особенныхъ случаевъ.

Такъ какъ всѣ наши понятія суть значенія языка, то и измѣненія въ понятіяхъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіями въ значеніяхъ языка. Исчезновеніе понятія есть исчезновеніе значенія слова; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и само слово, если оно имѣло только это значеніе. Если возникаетъ новое понятіе, или хотя бы нѣсколько измѣненное старое понятіе, то должно быть и слово, обозначающее его. Для этого или возникаетъ новое слово, или же старое слово вступаетъ въ ассоціацію съ новымъ или измѣненнымъ понятіемъ, вслѣдствіе чего происходитъ измѣненіе значенія этого слова. Впрочемъ измѣненіе значенія слова происходитъ чаще отъ того, что почему-либо этимъ словомъ начинаютъ обозначать понятіе, обычно обозначаемое уже другимъ словомъ. О возникновеніи новыхъ словъ по требованію новыхъ значеній будетъ сказано ниже. Здѣсь необходимо ознакомиться, какъ происходятъ измѣненія значеній.

Процессъ измѣненія обычнаго значенія слова. Случайное значеніе.

Какъ измѣненія въ звуковой сторонѣ языка (фонетическія измѣненія и измѣненія по аналогіи и нѣкоторыя другія) возникаютъ сначала у группы лицъ и затѣмъ распространяются на другихъ, точно также и употребленіе слова въ новомъ значеніи начинается въ отдѣльныхъ случаяхъ у отдѣльныхъ лицъ и затѣмъ повторяется другими, становится привычнымъ и можетъ распространяться все дальше. Разница въ томъ, что измѣненія значенія удовлетворяютъ прямо требованіямъ говорящаго къ языку, какъ средству обнаруженія мысли, между тѣмъ какъ фонетическія измѣненія обусловлены природой звуковой стороны языка, и не только лишнія, но нерѣдко и нецѣлесообразны въ языкѣ.

Какъ измѣненія звуковой стороны, такъ и измѣненія въ значеніяхъ производятъ обыкновенно безсознательно, съ единственнымъ намѣреніемъ сообщить свою мысль. Возможность же измѣненія обычнаго (usuell) значенія слова объясняется тѣмъ, что слово можетъ при надобности служить знакомъ такого представленія, какое обычно имъ не обозначается, т. е. слову дается

въ частномъ случаѣ случайное (occasionell) значеніе. Видящему впервые напр. курительную трубку этотъ предметъ по внѣшнему виду напоминаетъ трубу, трубку вообще (ассоціація по внѣшнему сходству между представленіемъ данной курительной трубки и сохраняющимся въ воспоминаніяхъ представленіемъ трубки вообще). Съ послѣднимъ представленіемъ у него связано по ассоціаціи по смежности слово «труба», «трубка» (уменьшительное). Поэтому, когда онъ подыскиваетъ безсознательно или сознательно слово для обозначенія видимаго имъ впервые предмета, въ его душѣ можетъ всплыть по ассоціаціи слово «трубка».

Для того, чтобы слушатель, который слышитъ впервые слово «трубка» въ этомъ новомъ (случайномъ) значеніи, дѣйствительно понималъ именно курительную трубку, нужно, чтобы были на лицо условія, заставляющія подъ этимъ словомъ понимать именно курительную трубку, напр. если произносящій это слово одновременно указываетъ на трубку, или подаетъ ее, говоря: «возьми трубку» и пр., или опредѣляетъ ее какъ «курительную трубку» и пр. Эти условія тѣ же, которыя перечислены выше и благодаря которымъ слушатель вообще въ состояніи вѣрно понимать даже обычныя значенія словъ (стр. 286—288). Вообще при всякомъ отступленіи отъ обычнаго значенія слова необходимо, чтобы были на лицо данныя, препятствующія слушателю понимать слово въ обычномъ значеніи и наводящія его на то значеніе, которое въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду говорящій. Безъ такихъ условій слушатель понималъ бы слово въ обычномъ значеніи и получилось бы невѣрное пониманіе рѣчи (недоразумѣніе).

При повторномъ употребленіи слова въ такомъ случайномъ смыслѣ, новое случайное значеніе становится обычнымъ по мѣрѣ того, какъ такому употребленію начинаютъ содѣйствовать воспоминанія о прежнихъ случаяхъ сочетанія этого слова съ тѣмъ же новымъ представленіемъ. Когда связь эта окрѣпнетъ настолько, что слушатель, воспринимая это слово при извѣстныхъ условіяхъ, приводитъ его непосредственно въ связь съ этимъ вновь сочетавшимся съ нимъ представленіемъ, безъ посредства стараго обычнаго значенія слова, то это новое сочетаніе является уже новымъ обычнымъ значеніемъ даннаго слова, рядомъ съ которымъ старое значеніе его можетъ сохраниться. Итакъ, процессъ измѣненія значенія какого нибудь слова начи-

нается съ перваго случая употребленія этого слова для обозначенія представленія, обычно не обозначавшагося раньше этимъ словомъ, и заканчивается тогда, когда слово обозначаетъ это представленіе безъ посредства прежнихъ значеній его. Очевидно, въ живомъ языкѣ должны существовать всегда такія значенія, которыя находятся въ переходномъ состояніи, не успѣли еще сдѣлаться вполнѣ обычными.

Слово «перо» обозначаетъ между прочимъ птичье перо. Когда стали писать гусиными перьями, то перо и въ этой роли сохранило свое названіе. Затѣмъ гусиныя перья замѣнились стальными, и по одинаковости функцій и нѣкоторому внѣшнему сходству стальное перо ассоціировалось съ гусинымъ и получило его названіе. Если бы никогда не писали птичьими перьями, а напр. камышемъ, то нынѣшнее стальное перо не называлось бы «перомъ». Если бы мы не знали, что раньше писали гусиными перьями, то можетъ быть затруднялись бы объяснить, почему стальное орудіе для писанія, не имѣющее почти ничего общаго съ птичьимъ перомъ, получило названіе «перо». Такъ во многихъ словахъ мы не можемъ достовѣрно указать, за неимѣніемъ историческихъ данныхъ, какъ они получили то или другое значеніе.

Мы не понимаемъ «медвѣдь» въ смыслѣ неуклюжаго человѣка, «лисицу» въ смыслѣ хитраго человѣка и пр., или «рѣзать» въ смыслѣ проваливать на экзаменѣ, когда эти слова можно понимать въ ихъ настоящемъ смыслѣ. Но когда говорятъ, что «Петръ настоящая лисица», или что «Петра срѣзали», то очевидно нельзя думать о настоящей лисицѣ и пр. Слово лисица обозначаетъ здѣсь хитраго человѣка, медвѣдь тяжеловѣснаго, неуклюжаго человѣка. Поводомъ къ такому употребленію словъ «медвѣдь», «лисица» послужило то, что въ человѣкѣ и въ данныхъ животныхъ одно качество бросается настолько въ глаза говорящему, что является въ обоихъ доминирующимъ признакомъ, вызывающимъ ассоціацію по сходству и заставляющимъ пренебрегать остальными различіями между человѣкомъ и означенными животными. Такъ и понимаетъ ихъ слушатель и вслѣдствіе такого обозначенія вовсе не приписываетъ Петру четырехъ ногъ и пр., а лишь извѣстныя качества лисицы. Если бы эти слова употреблялись часто въ такомъ, какъ говорятъ, переносномъ смыслѣ, то это значеніе сдѣлалось бы «обычнымъ»

и перестало бы быть «переноснымъ» значеніемъ, какъ въ словѣ «болванъ» значеніе «глупаго человѣка» является вполнѣ обычнымъ, рядомъ съ которымъ старое значеніе этого слова (истуканъ, манекенъ) или не возбуждается, или совсѣмъ забыто. Точно такъ же при наводящихъ условіяхъ, напр. въ сочетаніи «рыжая борода пришелъ», мы придаемъ этимъ словамъ значеніе: «человѣкъ съ рыжей бородой», хотя безъ такихъ условій мы не стали бы отожествлять бороду съ человѣкомъ (pars pro toto). «Вымпелъ» обозначаетъ флагъ на военномъ судвѣ, поднятіе котораго обозначаетъ кампанію. Но «десять вымпеловъ» означаетъ и десять военныхъ судовъ въ кампаніи, и это частное значеніе стало уже вполнѣ обычнымъ у моряковъ.

Изъ предыдущаго видно, что не только новое представленіе, но и представленіе, имѣющее уже обычное названіе—слово, обозначается при случаѣ словомъ, обычно не обозначающимъ данное представленіе, потому что въ моментъ рѣчи это слово почему то возбуждается преимущественно передъ обычными названіями даннаго представленнія. Тѣ признаки, на основаніи которыхъ завязывается ассоціація съ новымъ названіемъ—словомъ, бываютъ нерѣдко несущественны, которые однако въ моментъ, когда дается названіе, почему либо бросаются въ глаза говорящему, становятся случайно господствующими. «Конку» назвали такъ потому, что по рельсамъ двигаются вагоны паровозами. Присутствіе коней бросилось здѣсь въ глаза, какъ непривычный, отличительный признакъ. Если указаннымъ путемъ другое слово возбуждается потому, что говорящій не припоминаетъ обычнаго названія, то такое «неудачное выраженіе» обыкновенно не оставляетъ слѣда въ языкѣ. Обыкновенно же прибѣгаютъ къ другому слову для обозначенія представленія, связаннаго уже съ извѣстнымъ словомъ—названіемъ, когда это обычное названіе недостаточно опредѣляетъ мысль говорящаго, не передаетъ тѣхъ побочныхъ представленій и чувствованій, которыя возбуждаются въ душѣ говорящаго въ моментъ рѣчи. Называя знакомый почеркъ «знакомой рукой» говорящій обнаруживаетъ болѣе живое представленіе лица писавшаго. Называя деньги «золотомъ», говорящій обнаруживаетъ возбужденное въ немъ представленіе блестящаго металла, тяжелаго предмета и пр. Говоря «сладкіе звуки», говорящій характеризуетъ точнѣе чувствованія, сопровождающія слуховыя ощущенія его, чѣмъ напр. словомъ «пріятный» и пр.

Иногда въ этомъ стремленіи выразить лучше мысль мы доходимъ до сознательнаго исканія слова, которое въ научныхъ работахъ доходитъ до долговременнаго сравненія и взвѣшиванія терминовъ. Обыкновенно же употребленіе слова въ новомъ случайномъ значеніи возникаетъ безсознательно такимъ путемъ, что въ душѣ говорящаго возбуждается слово, въ значеніи котораго заключаются элементы, сходные съ тѣми, которые входятъ въ составъ представленія и чувствованій, возбужденныхъ въ моментъ рѣчи въ душѣ говорящаго. Эти элементы и возбуждаютъ слово по ассоціаціи по сходству. Если господствующимъ въ моментъ рѣчи является такой второстепенный признакъ, какъ напр. при возникновеніи названія «конка», то и сходство между обычнымъ и новымъ случайнымъ значеніемъ слова, которое можетъ потомъ сдѣлаться обычнымъ, будетъ очень отдаленное, основанное на несущественномъ признакѣ. Иногда выборъ слова обусловленъ между прочимъ звуковымъ сходствомъ или даже сходствомъ въ риѳмѣ или ритмѣ его съ какимъ нибудь словомъ, уже возбужденнымъ въ душѣ говорящаго, напр. второе слово въ «шумъ и гамъ», «пахать—не руками махать», первое слово въ «семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ».

Ниже я укажу на примѣры измѣненія обычнаго реальнаго значенія словъ, распредѣляя ихъ на разныя логическія группы. Конечно, полной логической классификаціи результатовъ измѣненій значеній быть не можетъ, такъ какъ эти измѣненія возникаютъ при разнообразныхъ часто случайныхъ условіяхъ. Къ тому же такая классификація для языковѣдѣнія безцѣльна, такъ какъ для языковѣдѣнія лишь важно выяснить взаимодѣйствіе тѣхъ факторовъ, при которыхъ происходитъ измѣненіе значенія вообще. Классификаціи, основанной на различіяхъ въ психическомъ процессѣ измѣненія значеній, также быть не можетъ, такъ какъ въ дѣйствительности здѣсь разнообразіе безконечное. Повсюду, гдѣ возможна случайная ассоціація между представленіемъ и словомъ, можетъ возникнуть новое примѣненіе, слѣдовательно и новое значеніе этого слова.

Спеціализація значенія слова.

Когда одна изъ обычныхъ разновидностей значенія слова обособляется въ отдѣльное обычное значеніе, то съ формальной логической точки зрѣнія можно видѣть здѣсь съуженіе значенія

вслѣдствіе прирастанія новыхъ существенныхъ признаковъ. Этого рода измѣненіе значенія, называемое специализаціей, встрѣчается часто.

Старое, болѣе общее значеніе можетъ конечно сохраняться рядомъ съ новымъ. Примѣры: «Орудіе» (всякое) > артиллерійское (вмѣсто «пушка»). «Зелень» (зеленый цвѣтъ) > трава, листва > кухонная; или > извѣстный зеленый порошокъ. Стекло (вещество) > стеклянная посуда. «Сороковка» (одна сороковая часть, мѣра) > (водки) напр. выпилъ сороковку. «Предложеніе» (что предлагается) > на бракъ, канцелярское, грамматическое. «Пьетъ» (вообще) > пьянствуетъ. «Пишетъ» (вообще) > сочиняетъ.

Специализація значенія съ утратой впослѣдствіи стараго значенія: Пиво (первоначально напитокъ) > извѣстный спиртный напитокъ. Нѣмецъ (нѣмой) > иностранецъ (т. е. нѣмой относительно туземнаго языка) > германецъ.

Специализація у отдѣльныхъ классовъ общества, въ специальныхъ занятіяхъ (техническіе термины). Такія значенія входятъ во всеобщее употребленіе по мѣрѣ интереса, который они возбуждаютъ въ болѣе широкихъ кругахъ. Такъ въ типографскомъ дѣлѣ получили специальное значеніе слова: оттискъ, наборъ (литеръ), краска (типографскія чернила), титулъ (заглавіе книги), сыпь (пересыпанный наборъ или разборъ), и пр.

Если конкретное значеніе становится обычнымъ, то получается собственное имя: Новгородъ (первоначально «новъ городъ», т. е. новый городъ); Малый Фонтанъ; Пересыпь; Городской театръ; Долгорукій (фамилія); Волковъ (принадлежащій, относящійся къ волку, сынъ Волка—прозвище); Сорока (прозвище, фамилія); Воеводинъ (сынъ воеводы).

Своеобразная специализація состоитъ въ прирастаніи къ главному обычному значенію оттѣнка благороднаго, презрительнаго, бонтоннаго, вычурнаго, банальнаго и пр., напр. супругъ, кушать, баба, дѣвка, кобыла, ѣда.

При потребности въ обозначеніи новаго понятія образуются нерѣдко изъ обычныхъ принадлежностей словъ новое сложное слово, или производное слово, или же синтаксическое словосочетаніе, и этимъ новообразованіямъ дается сразу специализованное значеніе: паровозъ, пароходъ, хладнокровіе; чугунка, паровикъ; желѣзная дорога, водяные знаки.

Расширеніе значенія.

Измѣненіе значенія, въ результатѣ котораго является только расширеніе значенія (т. е. утрата части существенныхъ признаковъ, выражаясь словами формальной логики) встрѣчается рѣже. «Идетъ» (живое существо) > пароходъ идетъ, часы идутъ, дождь идетъ и пр. «Стоять» (не ходить, не лежать) > дерево стоитъ, часы стоятъ, цѣны стоятъ высокія.

Собственное имя Karl, означавшее въ прагерманскомъ первоначально «мужъ» (ср. нѣмецкое Kerl), перешло къ славянамъ какъ собственное имя Карла Великаго и дало русское «король», старославянское и сербское «краль», польское król и пр., т. е. слова нарицательныя изъ собственнаго имени. Такъ же получилось изъ собственнаго имени римскаго императора Caesar—цьсарь > царь (отсюда же нѣмецкое Kaiser). «Наканунѣ» (первоначально: на вечернѣ передъ праздникомъ, когда поется канонъ) > въ вечеръ, предшествующій празднику > въ день, предшествующій празднику > въ предшествующій день вообще (наканунѣ отъѣзда).

Въ сочетаніяхъ, какъ «ужасно напугалъ», «чертовски злой» слова «ужасно», «чертовски» потеряли свое настоящее значеніе и лишь усиливаютъ значеніе другихъ словъ. Въ этой роли ихъ могли переносить въ «ужасно долго», «чертовски хороша» и пр. Приставка «съ», обозначавшая первоначально между прочимъ «вмѣстѣ» (съ-вязать, со-единитъ), стала впослѣдствіи при извѣстныхъ глаголахъ обозначать только формальный признакъ совершеннаго вида глагола (дѣлать—сдѣлать).

Переносное значеніе (метафора).

Отъ предыдущихъ группъ нельзя строго отдѣлять случаи метафорическаго измѣненія значенія. Слово можетъ сдѣлаться названіемъ явленія, имѣющаго только одинъ или нѣсколько общихъ признаковъ съ обычнымъ значеніемъ этого слова. Эти признаки, на основаніи которыхъ завязывается ассоціація по сходству, бываютъ часто несущественны, которые однако въ моментъ, когда переносится слово, почему либо сильно возбуждены. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія формальной логики значеніе слова теряетъ большую часть своихъ существенныхъ признаковъ и взамѣнъ ихъ пріобрѣтаетъ новые.

По сходству въ внѣшнемъ видѣ получили названія: «очко» (на косточахъ), «жилка» (въ камнѣ, мраморѣ), «львиная пасть» (цвѣтокъ), «хворостъ» (печенье), «винтъ» (игра), «гребень» (пѣтуха, горы), «ножка» (стола) и пр. По сходству въ функціяхъ названы: «коньки», «голова» (городской), «сестра» (милосердія), (онъ его) «правая рука» и пр. По сходству въ расположеніи частей названы «горлышко» и «головка» (бутылки), «крыло» (войска, вѣтряной мельницы) и пр.

Наименованія пространственныхъ понятій переносятся на временныя, на градаціи: «короткій» срокъ, «пол»-день, «въ» четвергъ, «черезъ» недѣлю, время «тянется»; «большой» морозъ, «высокая» степень и пр.

Психическая дѣятельность представляется какъ нѣчто существующее или движущееся въ разныхъ частяхъ тѣла, на которое такимъ образомъ переносятся названія пространственныхъ понятій: «пришла» мысль, «понять» (ср. принять), «обратить» вниманіе, «тронуть» сердце, «уступить» домъ, «обязываюсь» (обвязываюсь), «крылья» любви, воспитанный и пр.

Наименованія переносятся съ однихъ ощущеній на разнородныя другія, сопровождающіяся сходными чувствованіями: сладкій (вкусъ > запахъ, звукъ); мягкій (осязаніе > звукъ); «легко» на сердцѣ; «горячая» любовь.

Наименованія личныхъ качествъ и дѣятельности человѣка переносятся на неодушевленныя вещи и разныя явленія. Почти всѣ глаголы, означающіе дѣйствіе живого существа, употребляются въ сочетаніяхъ съ неодушевленными подлежащими. Такія сочетанія являются источникомъ олицетворенія (антропоморфизаціи) природы и безжизненныхъ явленій: солнце «восходитъ», «заходитъ», «побѣдоносно» «подымается» высоко; обстоятельство «говоритъ» въ пользу, примѣръ «показываетъ»; погода «обѣщаетъ» быть хорошей; шляпа «идетъ» къ нему; вѣтеръ «свищетъ», «воетъ», «подымаетъ» и «переноситъ» предметы и т. д. Часто пишутъ, что первобытный человѣкъ особенно одаренъ поэтическимъ чувствомъ, вслѣдствіе чего олицетворялъ солнце, безжизненные предметы и пр., какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти. По крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ здѣсь несомнѣнно лишь продѣлка языка надъ человѣкомъ. Если солнце «встаетъ», «ходитъ высоко по небу» и пр., т. е. совершаетъ дѣйствія, присущія живымъ существамъ, то легко могло возникнуть о немъ

представленіе, какъ о живомъ существѣ, пока эти слова еще напоминали въ такихъ сочетаніяхъ движенія живыхъ существъ, т. е. имѣли еще переносное значеніе. А стали примѣнять эти слова къ неодушевленнымъ явленіямъ потому, что дѣйствія человѣка и живыхъ существъ получили раньше свои названія въ языкѣ, такъ какъ въ нихъ была бо́льшая надобность; а затѣмъ, за неимѣніемъ другихъ названій, или просто подъ вліяніемъ ассоціации по сходству, эти названія переносились обычнымъ порядкомъ на сходныя явленія окружающаго міра и такимъ образомъ порождали миѳы. Наше пониманіе и мышленіе находится въ оковахъ языка, издѣвающагося нерѣдко надъ нашей логикой и здравымъ смысломъ, но мы отъ этого порабощенія отдѣлаться не можемъ. Напр. извѣстное явленіе мы называемъ «языкомъ» и говоримъ: «языкъ развивается», «распространяется», «вымираетъ», «живетъ» и пр. Поневолѣ вырабатывается представленіе о языкѣ, какъ о какомъ-то туманномъ предметѣ или «организмѣ», имѣющемъ «жизнь» и т. д. Само слово «жизнь» здѣсь вызываетъ опять представленіе какъ о существѣ, и т. д. до безконечности. Но представимъ себѣ, что съ сегодняшняго дня вмѣсто слова «языкъ» всѣ стали употреблять напр. сочетаніе словъ «говорить—слушать—понимать»; тогда представленіе о томъ же явленіи приняло бы въ насъ другой видъ, не допускающій уже ни «организма», ни «жизни»; такая дѣятельность не могла бы «распространяться», а вмѣсто этого «другіе стали бы такимъ же образомъ «говорить—слушать—понимать», не могла бы «жить», «вымирать» и т. д.

Слово можетъ сдѣлаться знакомъ того, что находится въ пространственной, временной или причинной связи съ обозначаемымъ имъ обычно явленіемъ. Такъ, наименованіе части тѣла, одежды и пр. переносится на все существо, на часть тѣла и пр., напр. удалая голова, глупая башка, сто головъ скота, Красная Шапочка, синій чулокъ, маска (замаскированный), подошва (т. е. подшитая). Названіе мѣстонахожденія переходитъ на находящееся или живущихъ въ немъ, названіе учрежденія на зданіе и т. д., и наоборотъ: весь «городъ» знаетъ, «дворъ» переѣзжаетъ, нижняя «палата», дворянинъ (служилый при дворѣ государя), подвалъ «собранія», жить около «суда», «голова» прошла. Названія рефлекторныхъ движеній переносятся на вызывающія ихъ душевныя настроенія и т. п., напр. онъ весь «дрожалъ», сердце

«забилось» радостно, сжалъ кулаки, краснѣлъ и блѣднѣлъ, надутый, надменный. Названія символическихъ дѣйствій переносятся на сопровождаемое ими событіе, напр. вѣнчаться, сѣсть на престолъ. Названіе производителя переходитъ на производимое: языкъ (часть тѣла >рѣчь), рука (часть тѣла > почеркъ), читать «Пушкина». Наименованіе качества, состоянія или дѣйствія переносится на обладателя качества и пр.: крѣпость, старина (старикъ), равнина, кислота, сладости, новости, превосходительство, зелень (растительная, кухонная), зеленый (молодой, молодо-зелено), мелочь (мелкія вещи, деньги), слуга, воевода (получили уже въ праславянскомъ языкѣ значеніе совершителя дѣйствія и муж. родъ). Наименованіе дѣйствія переносится на то, что находится въ какой либо связи съ дѣйствіемъ: правленіе (общества), украшеніе, жатва, проходъ (чрезъ что проходятъ). Впрочемъ, переносными можно называть всѣ эти значенія только до тѣхъ поръ, пока они не обособились совершенно въ отдѣльныя значенія, т. е. пока еще въ такомъ употребленіи слова припоминается старое значеніе (стр. 291–292), какъ напр. въ: «глупая башка», «поблѣднѣлъ» (перепугался), «рука» (почеркъ). Но въ словахъ какъ «крѣпость», «воевода», «вѣнчаться» и пр. метафора относится уже къ историческому прошлому.

Нѣкоторыя особыя категоріи измѣненія значенія.

Къ значеніямъ словъ, состоящимъ изъ признаковъ обозначаемыхъ ими явленій, примѣшиваются признаки, вносимые самими словами въ значенія изъ значеній родственныхъ словъ, ассоціирующихся съ этими словами: Родитель (родить) ср. отецъ; рулевой (руль ср. штурманъ); швея (шить)—портниха; намѣстникъ — губернаторъ; командирша (командовать) — жена командира; поклонникъ (поклоняться)—кавалеръ; учить—преподавать.

Чѣмъ больше признаки, вносимые въ значенія самими словами, не соотвѣтствуютъ обозначаемымъ этими словами явленіямъ, тѣмъ больше эти признаки постепенно утрачиваются. Такимъ образомъ не вполнѣ подходящія наименованія, возникшія подъ вліяніемъ случайныхъ условій или соображеній, становясь обычными, все больше принимаютъ настоящее значеніе. Отсюда возникаютъ слѣдующія категоріи измѣненія значеній.

Преувеличенія все болѣе понимаются въ надлежащей мѣрѣ: «милліонъ» дѣлъ, «сто» разъ говорилъ, «потоки» слезъ, «горсточка»

солдатъ, легкій какъ «перышко», «умереть» со скуки, «почти» сто (почитай что сто), «довольно» быстро (не довольно), «ничего» себѣ.

Слова, обозначающія явленія, которыя считаются неприличными въ благовоспитанномъ обществѣ, избѣгаются изъ чувства стыдливости и замѣняются новыми, издалека намекающими на эти явленія при наводящихъ условіяхъ. По мѣрѣ того, какъ такія слова становятся обычными и распространяются въ низшихъ классахъ общества, называющихъ вещи своимъ именемъ, они пріобрѣтаютъ всѣ признаки обозначаемыхъ ими явленій, становятся также неприличными и замѣняются снова другими. Вотъ почему для обозначенія такихъ явленій существуетъ и въ русскомъ языкѣ иногда до десятка названій, отвергнутыхъ обществомъ. Воздерживаюсь отъ примѣровъ.

Наоборотъ, грубыя выраженія, употребляемыя въ смыслѣ ласкательныхъ, съ соотвѣтствующей интонаціей и мимикой, все болѣе теряютъ свое настоящее значеніе: ахъ разбойникъ, плутъ, плутишка, дѣвченка, парень.

Другія слова, примѣняемыя вслѣдствіе излишней вѣжливости, почтительности и пр., становясь обычными приспособляются къ дѣйствительности и обезцѣниваются: господинъ, баринъ (бояринъ), барышня, надворный совѣтникъ, покорный слуга, преданный Вамъ, милостивый государь, имѣю честь, мое почтеніе, какъ поживаете, «Вы» вмѣсто «ты» во 2-мъ л. ед. ч. для вѣжливаго обращенія. (Въ нѣмецкомъ языкѣ вмѣсто du употреблялось и 3-е лицо ед. ч. er и 2-е л. мн. ч. ihr, сохраняющееся въ еврейсконѣмецкомъ жаргонѣ. Теперь при вѣжливомъ обращеніи употребляется 3-е л. мн. ч. глагола съ sie).

При ироніи, выражаемой мимикой или удареніемъ, слова принимаютъ обратный смыслъ: очень мнѣ нужно съ вами разговаривать! вотъ прекрасно! хорошъ!

Нерѣдко мы въ состояніи возстановить цѣлый рядъ послѣдовательныхъ измѣненій значенія слова. Такъ doctor обозначало по латыни «учитель» (docere—учить) > ученый > лицо, имѣющее ученую степень доктора, въ томъ числѣ и медикъ > врачъ вообще, хотя и безъ степени доктора. Послѣднія два значенія употребительны и въ русскомъ языкѣ. Латинское minister обозначало первоначально «меньшій» (ср. старослав. мьньш-) > подчиненный, слуга > слуга царствующихъ особъ > извѣстное высокопоставленное должностное лицо (такъ въ русскомъ языкѣ). Καταβάσιον

—«катавасья»—соединеніе и совмѣстное пѣніе двухъ клиросовъ, сопровождалось иногда толкотней и шумомъ, фальшивили > происходящій при этомъ шумъ > шумъ и безпорядокъ вообще. Показаніе подъ пыткою подноготной, при которой гвозди вбивались подъ ногти > подноготная правда > суть, всесторонняя истина.

Реченія.

Не только значеніе отдѣльнаго слова, но и реальныя значенія синтаксическаго словочетанія, въ томъ числѣ и цѣлаго предложенія, могутъ измѣниться какъ цѣлое, независимо отъ значеній отдѣльныхъ словъ, составляющихъ это словосочетаніе. Такимъ образомъ возникаютъ «реченія», значенія которыхъ не разлагаются на значенія отдѣльныхъ словъ, входящихъ въ составъ ихъ: забралъ въ руки; пустить по міру; разбить въ пухъ и въ прахъ; держать въ ежовыхъ рукавицахъ; жить душа въ душу; въ усъ себѣ не дуетъ; лыка не вяжетъ; бить баклуши (собственно изготовлять болванки для щепныхъ издѣлій—занятіе не хитрое и пустое); мухъ ловить; откладывать на черный день; попасть въ просакъ (просакъ — канатный станокъ, скручивающій канаты. Попавшій платьемъ въ скручиваемый канатъ все больше втягивается); сломя голову; Царское село; медвѣжья услуга; съ ногъ сшибательно (скверное новообразованіе, не успѣвшее еще вполнѣ обособиться въ реченіе).

Вслѣдствіе обособленія въ значеніяхъ, слова въ такихъ тѣсныхъ сочетаніяхъ перестаютъ ассоціироваться въ отдѣльности съ тѣми же словами въ свободныхъ синтаксическихъ сочетаніяхъ. Поэтому они могутъ не подпадать подъ дѣйствіе аналогіи со стороны послѣднихъ и могутъ сохранять болѣе древнюю форму: выйти замужъ, выйти въ люди, поступить въ солдаты (если бы сочетаніе возникло позже, когда вин. п. принялъ форму род. над., то было бы: выйти за мужа, ср. за старика, выйти въ людей и пр.); Новгородъ (новъ городъ, по нынѣшнему: новый городъ). Въ виду обособленности значенія и отчасти формы, такія сочетанія пишутся частію слитно и понимаются какъ одно слово (замужъ, Новгородъ). Но рядомъ съ ними пишутъ: (выйти) въ люди, за границей, за границу и заграницей и пр. Пишутъ справедливо «(дать) на чай», но, съ другой стороны, неизбѣжно слитное написаніе напр. въ «(постоянные) начаи».

ГЛАВА VII.

ОБЩАЯ ГРАММАТИКА.

§ 1. Предложеніе.

Предложеніе есть обыкновенно рядъ словъ, вылитый, такъ сказать, въ одну изъ обычныхъ въ данномъ языкѣ формальныхъ рамокъ синтаксическаго сочетанія словъ въ предложеніи и представляющій въ значеніяхъ этихъ словъ сужденіе въ широкомъ, психологическомъ смыслѣ. Предложеніе возникаетъ изъ расчлененія сложнаго представленія на значенія словъ съ сознаніемъ логическихъ соотношеній между ними (см. стр. 78 слѣд.), обусловливающихъ формальную сторону предложенія. Въ звуковой сторонѣ предложеніе объединяется удареніями предложенія (экспираторнымъ и музыкальнымъ) и отдѣляется отъ сосѣднихъ предложеній паузами.

Предложеніе бываетъ неполнымъ въ словесномъ отношеніи, если въ немъ отсутствуетъ слово, обозначающеее психологическое подлежащее или одну изъ частей его. Неполно напр. второе предложеніе въ: (онъ пришелъ и) «сказалъ», или: (кто это сдѣлалъ?) — «*Я*». Въ такихъ случаяхъ сужденіе само по себѣ полное: подлежащее достаточно возбуждено въ душѣ разговаривающихъ и потому нѣтъ надобности указать на него въ рѣчи. Въ повелительныхъ предложеніяхъ подлежащее опредѣлено тѣмъ, что къ нему съ особенной интенсивностью обращена рѣчь. Въ виду этого въ повелительныхъ предложеніяхъ словесное указаніе на подлежащее обыкновенно отсутствуетъ: пиши! встать! за мной! dites! sag! aufstehen!

Въ составъ сказуемаго и подлежащаго сужденія могутъ входить конечно и такія части, которыя при грамматическомъ

анализѣ называются второстепенными членами, какъ дополненіе, опредѣленіе и обстоятельство. Такъ, напр. понятіе «далъ» не можетъ существовать безъ связанныхъ съ нимъ понятій «кому» и «что» Поэтому нельзя сказать «онъ далъ», не прибавляя или подразумѣвая напр. «мальчику книгу» и т. д. Въ предложеніи «онъ пришелъ сегодня рано» понятіе «рано» является если не исключительнымъ сказуемымъ (слѣдовательно «онъ пришелъ сегодня» психологическое подлежащее), то во всякомъ случаѣ самой существенной составной частью психологическаго (или логическаго въ широкомъ смыслѣ) сказуемаго. Конечно, психологическимъ подлежащимъ можетъ быть всякое слово въ любой формѣ и всякое сочетаніе словъ, имѣющія реальное значеніе, напр.: заложило «уши», уже послано «въ аптеку»; вѣтромъ сорвало «крышу»; «грозы» не будетъ; «у него» денегъ нѣтъ, и пр. (подлежащія поставлены въ кавычки).

Но не всегда сложное предложеніе расчленяется говорящими на подлежащее и сказуемое. Въ иныхъ случаяхъ затруднительно указать на такое подлежащее, или нѣтъ надобности въ дальнѣйшемъ расчлененіи сложнаго представленія, и говорящій довольствуется указаніемъ на психологическое сказуемое. Напр. свѣтаетъ, морозитъ, пожаръ! дождь! дождь идетъ! воры! мышь! Если при этомъ прибавляется подлежащее, какъ въ il gèle, il pleut, es regnet, дождь идетъ, громъ гремитъ и пр., то такое подлежащее только формальное грамматическое, требуемое внѣшними рамками предложенія, но значенія не имѣетъ.

Отъ такихъ предложеній нельзя вполнѣ разграничить тѣ, которыя служатъ знакомъ нерасчлененнаго сложнаго представленія. Въ нихъ тщетно видятъ то одно подлежащее, то одно сказуемое. Въ этихъ предложеніяхъ, подъ вліяніемъ аффекта или за недостаткомъ времени и пр., расчлененіе сложнаго представленія вообще не производится. Поэтому въ нихъ нѣтъ ни сказуемаго, ни подлежащаго, а для непосредственнаго сообщенія всего сложнаго представленія обозначается словомъ та часть его, которая наиболѣе возбуждена въ душѣ говорящаго, такъ какъ обыкновенно нѣтъ такихъ словъ, которыми можно обозначить все сложное представленіе въ совокупности. Когда мы видимъ ребенка въ опасности попасть подъ ноги лошади и кричимъ «ребенокъ!», или при видѣ бѣшенной собаки кричимъ «собака!», то можемъ вовсе не имѣть въ виду опредѣленнаго сужденія, а

лишь неясную мысль о грозящей опасности въ связи съ представленіемъ ребенка въ данной обстановкѣ и пр. Говоря «ребенокъ!» мы не столько имѣли въ виду обратить вниманіе на ребенка, сколько побудить слушателя представить себѣ все опасное положеніе ребенка и принять мѣры къ спасенію его. Любое восклицаніе могло бы при соотвѣтствующихъ условіяхъ имѣть то же значеніе.

Въ безъискусственной рѣчи, т. е. не подъ вліяніемъ книжнаго языка, у лицъ тѣснаго круга, легко понимающихъ другъ друга, или въ несложной обстановкѣ первобытной культуры, довольно часто вовсе не расчленяютъ сложное представленіе или сопровождающія его чувствованія на сужденіе, а указываютъ словомъ на наиболѣе возбужденную часть нерасчлененной мысли и этимъ возбуждаютъ непосредственно, при содѣйствіи общаго настроенія и обстановки, въ слушателѣ соотвѣтствующее сложное представленіе (ср. стр. 75 слѣд.). Это бываетъ тогда, когда сообщаемая мысль очень обычна или вообще при данной обстановкѣ можетъ быть безошибочно вызвана въ слушателѣ возбужденіемъ только одной части ея. Отдѣльныя слова получили даже обычное значеніе какъ знаки нерасчлененной сложной мысли при извѣстной обстановкѣ, напр. «чаю!» (на вокзалѣ).

Въ дѣтскомъ языкѣ этотъ способъ сообщенія является первоначальнымъ, пока ребенокъ не превыкаетъ вполнѣ къ принятому у окружающихъ способу расчлененія мысли въ цѣляхъ сообщенія ея. Такъ «мака» обозначаетъ на языкѣ дѣтей: «хочу молока» и «дай молока» и пр. «Прррa» (съ губнымъ р) обозначаетъ и «лошадь» и вмѣстѣ съ тѣмъ «ѣдетъ», «уѣхалъ», «поѣдемъ», «поѣхалъ на лошади» и пр. въ нерасчлененномъ видѣ.

Рядомъ съ положительными предложеніями существуютъ отрицательныя предложенія, въ которыхъ отвергается связь въ данномъ соотношеніи одного члена сужденія съ остальными, напр.: онъ не покупалъ книгъ, онъ не купилъ книгу, не онъ купилъ книгу и пр.

Разные виды предложеній можно раздѣлить на 3 категоріи: 1) говорящій просто обнаруживаетъ свою мысль въ сужденіи. Сюда относятся повѣствовательныя и объяснительныя предложенія, напр. онъ пришелъ, небо высоко. 2) Говорящій обнаруживаетъ свое желаніе, требованіе и пр., чтобы извѣстное дѣйствіе совершилось или чтобы извѣстныя условія наступили и

пр. Сюда относятся желательныя, повелительныя и пр., а также вопросительныя предложенія. Въ повелительныхъ предложеніяхъ говорящій вліяетъ на волю другого лица, чтобы побудить его къ извѣстному дѣйствію (пиши! не забудь!). Въ вопросительныхъ предложеніяхъ слушатель побуждается дополнить одинъ изъ членовъ сужденія (кто это сдѣлалъ? что онъ сказалъ? и пр.), или побуждается подтвердить или отвергнуть связь между извѣстными членами сужденія (здоровъ ли онъ? онъ былъ здѣсь? и пр.). 3) Въ восклицательныхъ предложеніяхъ обнаруживаются чувствованія говорящаго и вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно отчасти представленія, возбуждающія эти чувствованія (ахъ! Боже мой! бѣда!). Эти предложенія чаще не закончены, выражаютъ нерасчлененную мысль.

§ 2. Средства языка для обозначенія синтаксическихъ значеній.

Слова являются конечно прежде всего носителями реальныхъ значеній. Но существуютъ и такія слова, которыя обозначаютъ только логическія отношенія между представленіями, составляющими сужденіе (стр. 274-275). Такія слова, исполняющія тѣ же функціи, что синтаксическія формы словъ, слѣдовательно имѣющія только формальныя синтаксическія значенія, можно называть формальными словами въ отличіе отъ остальныхъ словъ, имѣющихъ реальныя значенія, т. е. обозначающихъ части расчлененнаго сложнаго представленія. Къ формальнымъ словамъ относятся предлоги (книга на столѣ; онъ всталъ послѣ меня; Иванъ опоздалъ изъ-за Петра; de l'homme, aux hommes—и пр.) и союзы (я и Петръ), хотя союзы обозначаютъ обыкновенно отношенія между предложеніями (чтобы, такъ какъ и пр.).

Кромѣ того логическое отношеніе между членами сужденія, слѣдовательно и синтаксическое отношеніе между обозначающими ихъ словами, выражается въ большинствѣ языковъ (кромѣ изолирующихъ) обыкновенно 2) синтаксическими формами словъ. Сюда относится большинство формъ склоненія и спряженія, напр.: далъ мальчику—видѣлъ мальчика—хорошій мальчикъ—мальчикъ хорошъ, и пр. Кромѣ того отношенія между членами предложенія выражаются: 3) экспираторнымъ

ударенiемъ предложенiя (óнъ былъ вчера въ театрѣ — «онъ» сказуемое; «онъ бы́лъ вчера въ театрѣ» — «былъ» сказуемое, и пр.); 4) музыкальнымъ ударенiемъ предложенiя (онъ былъ вчера въ театрѣ?, онъ былъ вчера въ театрѣ? и пр; 5) порядкомъ словъ (весло задѣло платье — «весло» подлежащее; платье задѣло весло — «платье» подлежащее). 6) Логическое отношенiе можетъ вовсе не обозначаться словесными средствами. Тогда оно вытекаетъ изъ общаго смысла предложенiя.

Всѣми этими формальными средствами пользуются почти всѣ языки, но каждый въ разной степени тѣми или другими. Чѣмъ меньше въ языкѣ формъ словъ и формальныхъ словъ, обозначающихъ отношенiя между членами сужденiя, тѣмъ болѣе языкъ долженъ пользоваться ударенiями и порядкомъ словъ для обозначенiя этихъ синтаксическихъ отношенiй. Вотъ почему напр. въ французскомъ, англiйскомъ и пр. языкахъ, а въ особенности въ изолирующихъ языкахъ, выработался опредѣленный порядокъ словъ. Въ le père appela Jean, или: Jean appela le père, всегда первое существительное подлежащее, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ, имѣющемъ богатую флексiю существительнаго, можно сказать съ извѣстнымъ оттѣнкомъ смысла: «Ивана позвалъ отецъ», такъ какъ вин пад. «Ивана» отличается и по формѣ отъ им. падъ «Иванъ» т. е. падежа грамматическаго подлежащаго. Въ древнерусскомъ и отчасти въ народномъ языкѣ порядокъ «жилъ Святославъ», «жилъ былъ мужикъ» вполнѣ привыченъ въ повѣствовательныхъ предложенiяхъ. На этомъ основанiи говорятъ о (болѣе) свободномъ порядкѣ (размѣщенiи) словъ напр. въ русскомъ языкѣ. Это можетъ лишь означать, что въ языкѣ употребительно большее число формъ (типовъ) размѣщенiя членовъ предложенiя. Но нужно имѣть въ виду, что съ каждымъ изъ нихъ связываются обыкновенно особые признаки значенiй, такъ что свободнаго порядка словъ строго говоря почти не существуетъ.

Изолирующiй строй, въ которомъ логическое соотношенiе членовъ сужденiя выражается обыкновенно не формальными словами или формами словъ, наблюдается и въ языкѣ дѣтей, напр. «мама мака» — мама дала мнѣ молока, «дядя прра» (губное р) — дядя поѣхалъ, и этотъ строй былъ первоначальнымъ

въ языкѣ вообще, причемъ на помощь языку являлись жесты и мимика. Изолирующій строй можетъ выработаться и въ высокоразвитомъ языкѣ, какъ напр. въ китайскомъ и отчасти въ англійскомъ языкѣ.

Постепенный переходъ отъ изолирующаго строя къ выработкѣ формъ словъ совершается такъ, что разныя слова съ реальнымъ значеніемъ начинаютъ употребляться для обозначенія синтаксическихъ отношеній между словами, вслѣдствіе чего получаютъ формальныя значенія. Чаще въ этой роли являются слова, обозначавшія раньше пространственныя отношенія и получившія постепенно исключительно формальныя значенія, напр. «кромѣ», первоначально собственно мѣстн. п. отъ «крома» и обозначало «на краю», de la mère, à la mère собственно «отъ матери», «къ матери». Съ теченіемъ времени такія формальныя слова могутъ сростись съ словами, имѣющими реальныя значенія, и такимъ образомъ становятся префиксами или суффиксами этихъ словъ, смотря по тому, стояли ли они впереди или послѣ этихъ словъ. Изъ послѣдняго порядка возникло повидимому по крайней мѣрѣ большинство индоевропейскихъ окончаній склоненія и спряженія. А въ французскихъ des hommes, aux hommes (dezom, ozom) въ сущности такіе же падежные префиксы, какъ падежные суффиксы въ русскихъ «людей», «людямъ», Существуютъ африканскіе языки, въ которыхъ склоняютъ и спрягаютъ именно при помощи такихъ префиксовъ.

Изъ такихъ агглютинирующихъ формъ могутъ развиться флективныя формы по мѣрѣ того, какъ вслѣдствіе фонетическаго измѣненія аффиксы все болѣе сливаются съ словомъ въ одно и случайно развившіяся фонетическимъ путемъ звуковыя различія въ основѣ (внутренняя флексія) становятся также знаками формальныхъ значеній, какъ въ села́ — сёла, окна́ — о́кна; tragen—trugen—trügen; je fis—je fais, je fasse — je fisse и пр

По мѣрѣ исчезновенія формальныхъ принадлежностей словъ, языкъ снова все болѣе приближается къ изолирующему строю, какъ напр. англійскій или новоболгарскій языкъ относительно склоненія; а формальныя принадлежности исчезаютъ вслѣдствіе фонетическаго измѣненія языка. Такъ утратилось напр. большинство прежнихъ падежныхъ окончаній въ нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ. Нерѣдко даже форма множествен-

наго числа совпала съ формой единственнаго ч. (la maison, les maisons=mezǫ, der Wagen, die Wagen) и т. д.

Формы словъ и значенія ихъ.

Формами словъ называются различія въ звуковой сторонѣ словъ, образуемыя различіями въ формальныхъ принадлежностяхъ словъ. Эти формальныя принадлежности вносятъ въ значенія словъ, въ составъ которыхъ они входятъ, извѣстные признаки, и такимъ образомъ образуютъ различія въ формѣ и значеніи словъ, имѣющихъ общую основную принадлежность. Такъ отъ основной принадлежности или основы «уч(и)» образуются посредствомъ разныхъ формальныхъ принадлежностей слова́ и формы: учи-тель, уч-еникъ, уча-щій-ся, учи-тъ, учи-шь, учи-тел-я, учи-тел-ю и пр.

По значенію можно различать въ формахъ словъ формальныя принадлежности словообразованія и формальныя принадлежности синтаксическія. Послѣднихъ нельзя отожествлять съ принадлежностями флексіи или словоизмѣненія, такъ какъ въ формахъ флексіи есть и такія, которыя обозначаютъ то же, что словообразовательные суффиксы. Напр. между французскими imparfait и passé défini существуетъ различіе въ реальныхъ значеніяхъ, сходное съ тѣмъ, которое выражается въ русскомъ языкѣ несовершеннымъ и совершеннымъ видомъ глагола (il vendait—онъ продавалъ, il vendit—онъ продалъ).

Формальныя принадлежности словъ, служащія для словообразованія, вносятъ въ реальныя значенія словъ извѣстные признаки, приписываемые обозначаемымъ словами явленіямъ (предметамъ, дѣйствіямъ, качествамъ) и такимъ образомъ составляютъ различія между словами, имѣющими общія основныя принадлежности. Къ словообразовательнымъ формальнымъ принадлежностямъ принадлежатъ словообразовательные суффиксы, напр. -тель, обозначающій дѣйствующее лицо (учи-тель, сѣя-тель, дѣя-тель), -ина (дом-ина), -енькій (плох-енькій), -оватый (бѣл-оватый). Но словообразовательные суффиксы имѣютъ иногда только синтаксическое значеніе, напр. -еніе (дѣл-еніе, хожд-еніе).

Къ признакамъ реальныхъ значеній нужно отнести и признаки числа существительныхъ и мѣстоименій (единственнаго, двойственнаго, тройственнаго, множественнаго)

и отчасти признаки рода (учитель—учительница, рабъ—раба, свекръ—свекровь, куръ—кура), хотя въ большинствѣ случаевъ грамматическій родъ является лишь фактомъ языка, не имѣющимъ реальнаго значенія, и потому совершенно лишній и отсутствуетъ въ большинствѣ языковъ (рука—жен. р., носъ—муж. р. и пр.). Грамматическій родъ иногда прямо противорѣчитъ различію по естественному полу, какъ въ: старшина, папа, городской голова, женщина-врачъ и пр. Такъ называемый «средній родъ» первоначально обозначалъ отсутствіе мужескаго и женскаго рода. Различіе грамматическаго рода возникло случайно въ языкѣ, при содѣйствіи аналогіи. Различіе пола, гдѣ оно возбуждало интересъ, какъ у людей и домашнихъ животныхъ, вызвало образованіе отдѣльныхъ словъ, какъ мужъ — жена, отецъ — мать, сынъ — дочь, быкъ — корова, жеребецъ—кобыла, песъ—сука, пѣтухъ—курица.

Реальные признаки значенія вносятся въ прилагательныя словообразовательными принадлежностями сравнительной и превосходной степени, т. е. признаки, вытекающіе изъ сравненія качества предметовъ (младшій братъ). Въ глаголы реальные признаки вносятся напр. словообразовательными принадлежностями вида глагола (несъ, носилъ, нашивалъ).

Синтаксическія принадлежности словъ (синтаксическія принадлежности словоизмѣненія) образуютъ тѣ формы словъ, которыя обозначаютъ различныя отношенія между представленіями въ сужденіи, слѣдовательно обозначаютъ и синтаксическія отношенія между словами и принадлежатъ словамъ какъ членамъ предложенія. Сюда относятся падежныя формы склоненія, напр. домъ «учителя», далъ «учителю», сказано «учителемъ», видѣлъ «учителя», «учитель» видѣлъ.

Къ синтаксическимъ принадлежностямъ словъ принадлежатъ и формы залога, наклоненія и времени въ спряженіи, напр. онъ изгналъ (дѣйствительный залогъ), онъ былъ изгнанъ (страдательный залогъ); онъ пойдетъ (изъявительное наклоненіе), онъ пошелъ бы (сослагательное наклоненіе); онъ пойдетъ (будущее время), онъ пошелъ (прошедшее время). Впрочемъ, относительно формъ времени глагола нужно замѣтить, что между «онъ пойдетъ» и «онъ пошелъ» не существуетъ никакого различія въ отношеніи сказуемаго къ подлежащему. Различіе лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ сообщаемое

событіе относится къ будущему по отношенію ко времени рѣчи, во второмъ говорящій выставляетъ его какъ уже совершившееся до времени рѣчи.

Отношенія, выражаемыя формами словъ, разнообразны и не могутъ быть подведены подъ простую логическую классификацію. Языкъ продуктъ психологической дѣятельности и развивается исторически подъ взаимодѣйствіемъ сложныхъ факторовъ. Поэтому и формальныя категоріи его въ разныхъ языкахъ безконечно разнообразны. Такъ формы лица въ глаголѣ выражаютъ совершенно особые формальные признаки: связь дѣйствія или состоянія съ говорящимъ (1 л. ед. ч. «иду»), или съ слушателемъ (2 л. ед. ч. «идешь»), или съ любымъ другимъ подлежащимъ, кромѣ говорящаго и слушателя (3 л. ед. ч. «идетъ»), съ говорящимъ и съ другими, въ числѣ которыхъ можетъ быть и слушатель («мы пойдемъ»), съ слушателемъ и съ любыми другими, но кромѣ говорящаго («вы пойдете»), и пр.

Вслѣдствіе немногочисленности различій и частаго употребленія, значенія числа, рода и падежа въ существительныхъ и мѣстоименіяхъ, значенія вида, наклоненія и времени въ глаголѣ и пр. стали коррелятивны въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ они вообще различаются, такъ что присутствіе представленія одного числа, времени, наклоненія и пр. исключаетъ присутствіе другихъ. Но и здѣсь нѣтъ послѣдовательности. Напр. въ «онъ встаетъ рано» отсутствуютъ признаки времени, такъ какъ здѣсь дѣйствіе понимается не столько по отношенію къ настоящему времени, сколько къ прошедшему и будущему, или вѣрнѣе, безъ отношенія ко времени. Такъ же почти безразлично, скажемъ ли мы: «человѣкъ ошибается», или: «люди ошибаются». Въ «дитя» отсутствуетъ представленіе рода, и т. д.

Число (сказалъ, сказали), родъ (сказалъ, сказала) и лицо въ глаголѣ, родъ, число и падежъ въ прилагательномъ, зависящія отъ числа, рода и падежа существительнаго или мѣстоименія, къ которому они относятся, не обозначаютъ никакихъ различій въ реальныхъ значеніяхъ или въ отношеніяхъ глагола или прилагательнаго къ другимъ словамъ. Поэтому они могутъ считаться лишь указателями на связь глагола или прилагательнаго съ существительнымъ и могутъ совершенно отсутствовать, такъ какъ эта связь вытекаетъ уже изъ самого состава предложенія. Английское All her lovely companions are faded and

gone, въ которомъ почти всѣ эти формы отсутствуютъ, имѣетъ такое же точное значенiе, какъ наше «всѣ ея милыя подруги поблекли и ушли».

Одна и та же формальная принадлежность является нерѣдко знакомъ разныхъ формальныхъ значенiй. Такъ окончанiе «-омъ» является не только признакомъ твор. пад. притомъ ед. ч., но и знакомъ муж. р. или ср. р. (путемъ); окончанiе «-iю» является признакомъ твор. пад. притомъ ед. ч и жен. р. (костiю); «-овъ» обозначаетъ род. п. притомъ мн. ч. и вдобавокъ муж. р; «-лъ» въ глаголахъ признакъ прошедшаго времени, съ указанiемъ на муж. р. и ед. ч. подлежащаго, и пр. Въ словѣ «выбрасывали» приставка «вы-» вноситъ особый признакъ въ значенiе основной принадлежности «брос-»; «-ыва-» въ связи съ ударенным *а* предшествующаго слога (въ отличiе отъ «выбросить») вноситъ также особый реальный признакъ въ значенiе основной принадлежности слова (признакъ многократности); «-ли» указываетъ на прошедшее время и множ. число подлежащаго. Одна и та же формальная принадлежность словъ можетъ быть одновременно и словообразовательной и синтаксической по значенiю. Такъ, французское passé défini или греческiй аористъ обозначаютъ не только прошедшее время, но и совершенный видъ; окончанiя множ. ч., какъ въ «столы», «столовъ» и пр., обозначаютъ одновременно и реальный признакъ мн. ч. и синтаксическiя падежныя отношенiя.

Формальными принадлежностями словъ, образующими формы словъ, являются не только аффиксы (приставки), раздѣляемые на префиксы (представки, какъ «по-» въ пошелъ), суффиксы (подставки, какъ наши падежныя и глагольныя окончанiя) и инфиксы (вставки, какъ въ латинскомъ jungo рядомъ съ jugum). Эти аффиксы называются въ новѣйшее время въ западной литературѣ также формантами или формативами (Formans, Formativ). Къ формальнымъ принадлежностямъ относится и удвоенiе основы, какъ въ греческомъ и латинскомъ перфектѣ (λέλοιπε, tetigit). Особую форму словъ представляетъ словосложенiе. Разныя логическiя отношенiя между членами сложнаго слова могутъ вовсе не обозначаться особыми формальными принадлежностями и опредѣляются общимъ смысломъ словосложенiя. Такъ, первый членъ въ «водовозъ» можно понимать въ отношенiи вин. пад., въ «братоубiйца» въ род. пад. Но въ дѣйствительности нѣтъ ни того, ни другого, а логическое отношенiе здѣсь

особое, въ которомъ не различаются синтаксическія значенія, выработанныя на падежныхъ окончаніяхъ. Кромѣ того формальной принадлежностью словъ можетъ быть чередованіе между звуками внутри слова (внутренняя флексія), какъ напр. въ селá—сёла, акнá—óкна, Vater—Väter. Даже одно лишь различіе въ удареніи можетъ служитъ формальной принадлежностью, какъ въ рѣкú—рѣ́ки.

Конечно, присутствіе формальныхъ принадлежностей, обозначающихъ коррелятивные реальные признаки, существенно только въ языкахъ, въ которыхъ эти признаки обыкновенно сопровождаютъ реальныя значенія извѣстныхъ словъ. Но напр. признакъ ед. ч. или множ. ч можно часто не различать вовсе, и дѣйствительно часто не различается въ нѣкоторыхъ языкахъ. Напр. въ новоперсидскомъ языкѣ часто множественное число не обозначается отдѣльной принадлежностью существительныхъ. Въ другихъ языкахъ видъ глагола почти не различается, не говоря уже о признакахъ времени, которые собственно не существенны. Въ иныхъ языкахъ наоборотъ существуютъ еще разныя другія формальныя категоріи, напр. существительныхъ, различающія двойственное число, достоинство предметовъ и пр. и отсутствующія въ нашихъ языкахъ.

Вообще въ разныхъ языкахъ существуетъ безконечное разнообразіе въ формальной сторонѣ языка, отъ излишняго обилія формальныхъ категорій до почти полнаго отсутствія формъ словъ. Отъ этого зависитъ до извѣстной степени и форма мышленія народовъ, т. е. способы образованія сужденій и различенія логическихъ категорій. Вѣдь формы словъ создаются не преднамѣренно, а возникаютъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, причемъ часто совсѣмъ не въ соотвѣтствіи съ потребностями сообщаемыхъ мыслей. Потребность мысли лишь содѣйствуетъ возникновенію формъ и воспользовывается случайно возникшими различіями въ словахъ (см. стр. 346).

Въ развитіи формъ словъ наблюдаются разныя направленія. Въ однихъ языкахъ рядомъ съ богатымъ склоненіемъ бѣдность формъ спряженія, или наоборотъ (напр. въ русскомъ языкѣ богатое склоненіе и бѣдное спряженіе въ сравненіи съ французскимъ или нѣмецкимъ). Въ другихъ языкахъ развиваются формальныя различія наклоненія (древнегреческія изъявительное, сослагательное, желательное наклоненія), въ третьихъ разви-

ваются виды глагола, напр. въ семитическихъ языкахъ или въ русскомъ языкѣ въ сравненіи съ нѣмецкимъ (въ которомъ совершенный видъ обозначается иногда сложеніемъ съ приставками: ѣхать—fahren, уѣхать—abfahren) или съ французскимъ (совершенный видъ присущъ формамъ passé défini: je donnai) и пр. Ср. англійскія формы настоящаго времени: J write, J am writing, J do write.

§ 3. Возникновеніе формальныхъ категорій словъ.

Въ представленіяхъ о внѣшнихъ явленіяхъ различаются представленія о предметахъ, о качествахъ ихъ и о дѣйствіяхъ или состояніяхъ ихъ. Поводомъ къ словесному сообщенію мыслей служитъ большею частью представленіе о какихъ либо измѣненіяхъ, касающихся предметовъ и обусловливаемыхъ какимъ либо дѣйствіемъ, или вообще чѣмъ либо происходящимъ. Вслѣдствіе этого исходной точкой при сообщеніи мыслей, на которыя говорящій направляетъ вниманіе слушателя, т. е. психическимъ подлежащимъ, является обыкновенно предметъ; а сказуемымъ, т. е. той частью сужденія, въ которой заключается вся цѣль сообщенія, является обыкновенно сочетаемое съ подлежащимъ дѣйствіе или состояніе, рѣже качество. На этомъ типѣ сужденія, нерѣдко въ связи съ такъ называемыми второстепенными частями предложенія, выработалась формальная сторона нашихъ предложеній. Впрочемъ названіе «второстепенный» неточно. Напр. дополненіе въ дат. пад. или вин. пад. столь же первостепенно, какъ остальныя части предложенія, такъ какъ безъ нихъ не можетъ быть и понятій, обозначаемыхъ глаголами: дать, вернуть, бить, нести, двигать и пр. Второстепенными можно называть дополненія и пр. лишь въ томъ смыслѣ, что бываютъ предложенія, въ которыхъ эти члены отсутствуютъ.

Слова, обозначающія вещи (предметы), называются существительными. Ихъ замѣняютъ нерѣдко особыя безсодержательныя указательныя слова—мѣстоименія. Представленія о предметахъ встрѣчаются въ нашихъ сужденіяхъ въ разныхъ логическихъ отношеніяхъ къ дѣйствію и къ другимъ предметамъ. Поэтому въ существительныхъ и мѣстоименіяхъ могли выработаться такія формы—падежи, которыми обозначается отношеніе предмета къ дѣйствію какъ производителя

дѣйствія (подлежащее—имен. пад.), или какъ того предмета, на который дѣйствіе непосредственно направляется (прямое дополненіе—вин. пад.), или какъ того предмета, въ пользу котораго совершается дѣйствіе (дополненіе въ дат. п.), или какъ предмета, посредствомъ котораго производится дѣйствіе (твор. п.), или въ которомъ происходитъ дѣйствіе (мѣстн п.) и пр. Отношеніе одного предмета къ другому обозначается формой род. п., дат. п. и пр.* (другъ отца, другъ отцу). Въ разныхъ языкахъ развились еще разныя другія падежныя формы, составлящія формальныя категоріи или падежи съ такими значеніями, какъ напр. въ слѣдующихъ сочетаніяхъ съ предлогами: «у города», «отъ города» (ablativus) и пр.

Точно такъ же въ словахъ, обозначающихъ дѣйствіе или состояніе предметовъ и называемыхъ глаголами, какъ обычныхъ сказуемыхъ, развились тѣ формальныя категоріи въ значеніяхъ, обозначаемыя частью формами въ словахъ, которыя основываются на различіяхъ въ отношеніи сказуемаго къ подлежащему (признаки сказуемости). Эти различія обозначаются формами наклоненія, которыя опредѣляютъ связь сказуемаго съ подлежащимъ какъ дѣйствительную (онъ сказалъ—изъявительное наклоненіе), возможную (онъ сказалъ бы—сослагательное наклоненіе), желательную (сказалъ бы онъ—оптативъ) и пр. Кромѣ того, въ глаголѣ, какъ сказуемомъ, могли развиться формы лица (я беру, ты берешь, человѣкъ беретъ и пр., стр. 309). Сверхъ того въ глаголѣ во многихъ языкахъ выработались еще разныя формальныя категоріи времени и обозначающія ихъ формы, указывающія, что дѣйствіе происходитъ одновременно съ рѣчью (онъ говоритъ —настоящее время), или относится къ прошлому или будущему по отношенію ко времени рѣчи (сказалъ, скажетъ—прошедшее, будущее время), или по отношенію къ другому моменту въ прошломъ (j'avais dit, ich hatte gesagt—plusquamperfectum), или въ будущемъ (j'aurai dit, ich werde gesagt haben—futurum exactum).

Качество предметовъ обозначается обыкновенно категоріей словъ, называемыхъ прилагательными. Такъ какъ качество представляется обыкновенно какъ болѣе постоянный признакъ предмета, то въ прилагательныхъ отсутствуютъ напр. формальныя категоріи времени сочетанія съ существительнымъ. Прилага-

тельныя могутъ быть въ роли сказуемаго или опредѣленія. Въ послѣдней роли они должны сопровождать существительное во всѣхъ положеніяхъ въ предложеніи, въ которыхъ является существительное. Вслѣдствіе этого на прилагательныя могутъ распространиться и формы рода, падежа и числа, присущія существительнымъ. Конечно, эти формы въ прилагательныхъ указываютъ лишь на формальныя значенія, связанныя съ тѣми существительными, къ которымъ они относятся. Напр. въ hohe Häuser, hoher Häuser и пр. падежъ существительнаго опредѣляется окончаніемъ прилагательнаго, а въ guter Samen, gute Samen и пр. или въ la grande action, des grandes actions и пр. и число существительнаго обозначается окончаніемъ относящагося къ нему прилагательнаго.

Въ предложеніяхъ, въ которыхъ сказуемымъ является прилагательное или существительное (онъ здоровъ, онъ купецъ) не хватаетъ признаковъ обычной сказуемости, наклоненія и времени. Если привыкли въ большинствѣ предложеній между прочимъ къ выраженію такого отношенія сказуемаго къ подлежащему, какъ въ «онъ пошелъ» или «онъ пошелъ бы» и пр., то понятно явилась потребность выражать эти отношенія и въ «онъ здоровъ». Но такія отношенія обозначаются только глагольными формами. Поэтому для обозначенія ихъ въ такихъ предложеніяхъ нужно было прибѣгать къ такому глаголу, который по возможности не имѣлъ бы никакого реальнаго значенія и который выражалъ бы только эти синтаксическія отношенія. Глаголы «быть» и «есмь» обозначали первоначально вѣроятно «существовать». Прибѣгали между прочимъ къ этимъ глаголамъ и вслѣдствіе употребленія ихъ въ означенной роли (напр. онъ былъ здоровъ, онъ будетъ купцомъ, онъ былъ бы здоровъ и пр.) они должны были постепенно потерять свое реальное значеніе, такъ какъ неподходящіе признаки въ значеніяхъ исчезаютъ постепенно (см. стр. 298). Такимъ образомъ выработалась такъ называемая «связка» (переводъ латинскаго copula), получившая такое несоотвѣтствующее названіе вслѣдствіе ошибочнаго взгляда философовъ на языкъ. Для изъявительнаго наклоненія настоящаго времени понятно такого глагола не нужно, такъ какъ «онъ здоровъ», «онъ купецъ» выражаетъ то же самое, что выражало бы «онъ есть здоровъ» въ противоположность «онъ былъ здоровъ», «онъ былъ бы здоровъ». Поэтому «связки» здѣсь никогда не

было въ русскомъ языкѣ. Въ русскихъ грамматикахъ нерѣдко говорится о пропущенной или подразумѣваемой связкѣ и этимъ доказывается только, что авторъ черпалъ изъ иностранныхъ грамматикъ не вникая въ свой языкъ. Въ западныхъ языкахъ вспомогательный глаголъ успѣлъ дѣйствительно распространиться и на изъявительное наклоненіе настоящаго времени и гдѣ не требуется признаковъ времени: er ist krank, il est malade, il est marchand; но и въ нихъ сохранились слѣды отсутствія связки. А въ древнихъ индоевропейскихъ языкахъ еще чаще отсутствуетъ связка.

Признаки сказуемости явились еще другимъ путемъ въ прилагательныхъ и существительныхъ: они стали принимать флексію глагола. Такимъ образомъ явились производные глаголы какъ: болѣлъ, поздоровѣлъ, обѣднѣлъ, злится (золъ), здравствуетъ и пр.; ребячиться, вдовѣла, царствуетъ и пр.

И слова, обозначающія дѣйствіе и состояніе или качество (глаголъ и прилагательное), въ свою очередь, вставъ въ предложенія на мѣсто названія предмета (существительнаго) въ роли подлежащаго, дополненія и пр., выработались и по формѣ въ производныя существительныя, причемъ глаголъ долженъ былъ потерять признаки сказуемости (время, наклоненіе, лицо): ношеніе, преданіе, сбереженіе; доброта, ширина, красота, бѣлизна.

При употребленіи существительнаго и глагола въ роли опредѣленія въ предложеніи развились производныя прилагательныя, какъ: отцовскій, городской; приносящій, принесенный и пр. Такія отглагольныя прилагательныя, называемыя причастіями, могутъ потерять и признаки времени. Такъ, старыя русскія причастія «горячій», «родимый», «былой», «литой» и пр. стали настоящими прилагательными, безъ признаковъ времени, а отчасти и существительными, какъ «приданное».

По требованію смысла въ языкахъ развиваются и разные другіе рѣже встрѣчающіеся типы предложеній. Такъ напр. въ «поѣздка сюда», «она богаче чѣмъ братъ», «сюда» является опредѣленіемъ и «богаче» сказуемымъ, равными прилагательнымъ (ср. она болѣе богатая, elle est plus riche, plus agée), но не согласованы съ существительнымъ въ числѣ, родѣ и падежѣ. Въ «на завтра» предлогъ относится къ несклоняемому нарѣчію. Впрочемъ, его и склоняютъ: род. п. завтрого, завтрева, завтрея;

дат. п.: завтрему, завтрею, заутру и пр. Въ такихъ предложеніяхъ, какъ слѣдующія, никакихъ пропусковъ словъ принимать нельзя: «умъ хорошо, два лучше»; «все, слава Богу, ничего».

§ 4. Измѣненіе формальныхъ значеній словъ.

Конечно, и формальныя значенія словъ измѣняются. Такъ, прежнія русскія «далъ есмь», «дали есмы», «нашли были», «сказали были есмы» и пр., имѣвшія приблизительно значеніе: давшій есмь, давшій былъ (ср. остатокъ старины въ «жилъ былъ царь»), получили впослѣдствіи, съ опусканіемъ вспомогательнаго глагола, который въ 3-мъ л. вообще мало употреблялся, такое же значеніе личнаго глагола (далъ, дали), какъ первоначальныя личныя формы нѣмецкія (ich gab, wir gaben) или французскія (je donnai, nous donnâmes). Только отсутствіе личнаго окончанія и присутствіе признака рода свидѣтельствуетъ о бывшемъ отглагольномъ прилагательномъ (далъ, дала, дало).

Въ описательной формѣ сослагательнаго наклоненія русскаго языка, какъ «сказалъ бы», «сказали бы» и пр. «бы» представляетъ 2-ое и 3-ье лицо ед. ч. исчезнувшаго аориста отъ «быть». Въ древнерусскомъ въ первомъ лицѣ говорилось «сказалъ быхъ», во 2-мъ и 3-мъ лицахъ «сказалъ бы», въ первомъ лицѣ мн. ч. «сказали быхомъ» и пр. По мѣрѣ исчезновенія аориста и его спряженія форма 2-го и 3-го лица стала употребляться во всѣхъ лицахъ (съ XIII—XIV в.) и стала постепенно пониматься какъ частица, а потому могла сростись съ союзами: что бы сдѣлалъ > чтобы сдѣлалъ. Подобнымъ же образомъ личная форма 3-го лица «есть» нѣсколько получила уже значеніе исчезнувшихъ формъ 1-го (есмь) и 2-го (еси) лица; напр. говорятъ: я былъ, есть и буду.

Какъ на примѣръ утраты формальнаго значенія можно указать на слѣдующее. Въ индоевропейскомъ праязыкѣ мѣстн. п. безъ предлога обозначалъ нахожденіе въ чемъ нибудь. Остатки его сохранились въ латинскомъ языкѣ, напр. terra marique, въ греческомъ языкѣ, напр. οἴκοι—дома, въ русскихъ «дома», «кромѣ» (первоначальный мѣстн. п. съ значеніемъ на краю, внѣ, въ сторону), въ древнерусскихъ «Кыевѣ», «Новѣгородѣ» и пр. Въ санскритскомъ языкѣ мѣстный падежъ сохранилъ полностью прежнее значеніе. Уже въ доисторическомъ русскомъ языкѣ для усиленія значенія мѣстн. п. и подъ вліяніемъ сочетаній съ вин. п. какъ

«въ городъ», стали прибавлять въ мѣстн. пад. предлогъ «въ» (родственный съ нѣмецкимъ «in»). Тогда «въ городѣ» означало какъ бы: внутри (въ) городѣ. Вслѣдствіе этого мѣстн. пад. сталъ связываться съ предлогомъ, а одинъ мѣстн. пад. самъ по себѣ пересталъ выражать это значеніе.

Вслѣдствіе измѣненія значенія вырабатываются предлоги, нарѣчія, союзы изъ именныхъ и глагольныхъ формъ въ синтаксическомъ сочетаніи словъ: «вмѣсто» (въ мѣсто), вслѣдствіе (in Folge); среди, кромѣ (м. п.); между (вин. п.); спроста, сгоряча (род. п. съ предлогомъ); даромъ, кругомъ (твор. п.); благодаря, хотя, несмотря на (дѣепричастія); почти, пожалуй, пусть (<пусти), пускай (идетъ) (повелительныя наклоненія); если (<есть ли) и пр.

ГЛАВА VIII.

ИЗМѢНЕНІЕ ЯЗЫКА ПО АНАЛОГІИ И НѢКОТОРЫЕ ДРУГІЕ ВИДЫ ИЗМѢНЕНІЯ ЯЗЫКА.

---

§ 1. Такъ называемая „аналогія“.

Формальныя принадлежности предложеній и словъ.

Съ точки зрѣнія значеній слово представляетъ обыкновенно (кромѣ въ изолирующихъ или корневыхъ языкахъ) сочетаніе нѣсколькихъ «семантическихъ звуковыхъ единицъ», т. е. такихъ составныхъ принадлежностей звуковой стороны слова, съ которыми связываются отдѣльныя значенія. Напр. въ словѣ «учительницамъ» мы различаемъ основную принадлежность (корень) «учи-», формальныя (словообразовательныя) принадлежности «-тель-», «-ниц-» (которыя всѣ вмѣстѣ образуютъ болѣе частную основную принадлежность или основу «учительниц-») и формальную принадлежность (словоизмѣненія) «-ам». Послѣдняя придаетъ слову не только значеніе дат. п., но и множ. ч. (см. стр. 310). Такія семантическія составныя части слова называются морфологическими принадлежностями слова. Къ нимъ принадлежатъ не только такъ называемые корни, основы, префиксы (при-слать), суффиксы и пр., представляющіе комплексы звуковъ, объединенные значеніемъ, но и разныя коррелятивныя различія (чередованіе) въ звуковой сторонѣ словъ, въ томъ числѣ и различія въ удареніи словъ. Такъ въ нѣмецкихъ Väter, Mütter и пр. формальной принадлежностью (знакомъ) множ. ч. являются гласные *ä*, *ü* въ основѣ (корнѣ) въ отличіе отъ гласныхъ *a*, *u* (Vater, Mutter), являющихся въ этой корреляціи формальной принадлежностью ед. ч. Въ wir tragen—мы носимъ, wir trugen—мы носили, wir

trügen—мы носили бы, такое чередованіе гласныхъ является носителемъ значеній времени и наклоненія. Въ семитическихъ языкахъ флексія заключается главнымъ образомъ въ такомъ чередованіи звуковъ (арабскія катаба—онъ написалъ, кутиба—былъ написанъ и пр., ср. стр. 70). Въ русскихъ рукѝ—рýки, рѣкѝ—рѣки и пр. формальной принадлежностью им. п. множ. ч. въ отличіе отъ род. п. ед. ч. является удареніе, въ акнá—óкна, палатнá—палóтна и пр.—удареніе въ связи съ чередованіемъ гласнаго.

Но кромѣ формальныхъ принадлежностей словъ носителями формальныхъ значеній (или вообще семантическими единицами рѣчи) являются еще формальныя принадлежности предложеній, образующія формы предложеній. Такой формальной принадлежностью предложенія можетъ быть порядокъ словъ, т. е. очередь, въ которой слѣдуютъ другъ за другомъ извѣстные члены предложенія. Въ «платье задѣло весло» положеніе слова «платье» передъ глаголомъ придаетъ ему совершенно такое же формальное значеніе именительнаго падежа, какъ между прочимъ окончаніе *-а* въ «рука задѣла весло»; это видно, если мы поставимъ слово «платье» въ другія формальныя условія: «весло задѣло платье». Здѣсь «весло» подлежащее или имен пад. Было бы ошибочно думать, что въ «рука задѣла весло» значеніе именительнаго падежа въ отличіе напр. отъ вин. пад. «руку» обозначается исключительно окончаніемъ *-а*. И здѣсь это значеніе обозначается одновременно и формой слова (на *-а*) и формой предложенія, что видно, если мы скажемъ «весло задѣла рука». Чувствуется противорѣчіе, въ которое вступаютъ значенія обѣихъ формъ, такъ какъ по формальному признаку предложенія «весло» должно быть подлежащимъ, а слѣдующая затѣмъ форма им. падежа «рука» заставляетъ принимать послѣднее слово за подлежащее. Значеніе им. падежа слова «весло» въ предложеніи «весло задѣла рука» сказывается настолько сильно, что мы должны произносить «рука» съ сильнымъ экспираторнымъ удареніемъ, чтобы сохранить за нимъ значеніе именительнаго п. и устранить недоумѣніе; а это уже другая форма предложенія, въ которой «рука» психологическое сказуемое и противопоставляется другому слову (напр. «весло задѣла руκá, а не ногá»).

Въ «онъ придетъ?» повышающееся музыкальное удареніе вноситъ вопросительное значеніе, какъ въ «придетъ ли онъ?»

частица «ли» въ связи съ такъ называемымъ обратнымъ порядкомъ словъ. Въ «чтобы мы дали» частица «бы» въ связи съ извѣстной формой глагола вноситъ въ синтаксическое значеніе тотъ признакъ значенія сослагательнаго наклоненія, который напр. въ нѣмецкомъ языкѣ вносится между прочимъ чередованіемъ гласнаго основной части (wir gaben—wir gäben) и т. д.

Изъ предыдущаго видно, что мы часто не можемъ отдѣлять формальныя принадлежности словъ отъ формальныхъ принадлежностей предложеній и отъ отдѣльныхъ формальныхъ словъ, такъ какъ они часто совмѣстно служатъ носителемъ одного и того же значенія. Между этими способами обозначенія формальныхъ значеній въ языкѣ въ дѣйствительности никакого принципіальнаго различія нѣтъ. Лишь наше дѣленіе предложенія въ письмѣ на отдѣльныя слова заставляетъ смотрѣть на нихъ, какъ на разнородные, заставляетъ напр. видѣть въ «бы» (я хотѣлъ бы) отдѣльное слово, а въ «-л» принадлежность или окончаніе слова только на томъ основаніи, что «бы» пользуется большей свободой относительно размѣщенія между семантическими принадлежностями предложенія, такъ какъ «бы» не прикрѣплено напр. исключительно къ основѣ глагола, какъ «-л», а можетъ помѣщаться напр. въ такомъ порядкѣ семантическихъ принадлежностей: «я хотѣлъ бы, чтобы онъ пришелъ».

Значенія языка вступаютъ въ связь по надобности и возможности со всякими различіями въ звуковой сторонѣ языка, которыя совпадаютъ съ различіями въ значеніяхъ, и дѣлаютъ ихъ носителями этихъ значеній (по неизбѣжной ассоціаціи по смежности). Такъ, чередованіе гласнаго въ акнó—óкна возникло безъ всякаго отношенія къ значеніямъ, чисто фонетическимъ путемъ, какъ и ä въ Väter—Vater. Но разъ въ группѣ словъ, како окнó, полотнó и пр., при одномъ звуковомъ видѣ слова является всегда одно какое-нибудь значеніе, при другомъ звуковомъ видѣ того же слова—другое значеніе, то эти различія и становятся знаками этихъ значеній. Такъ же получили разныя значенія разныя различія въ удареніи предложенія и въ порядкѣ словъ въ предложеніи, если эти различія случайно во многихъ предложеніяхъ совпадали съ извѣстными различіями въ значеніяхъ (онъ это скажетъ—скажетъ онъ это?). (См. ниже «Дифференціацію значеній»). Если такія коррелятивныя различія въ формѣ словъ или предложеній совпадаютъ въ рядѣ случаевъ

не съ различіями въ значеніяхъ, а съ какими либо другими различіями въ звуковой сторонѣ языка, то по необходимости вступаютъ и съ ними въ ассоціацію по смежности, напр. порядокъ словъ въ: «онъ сказалъ: (я приду)», и: «(я приду), сказалъ онъ».

Такимъ образомъ составомъ извѣстной мысли, которую сообщаютъ въ предложеніи и которая слѣдовательно составляетъ значенія этого предложенія, въ связи съ разными другими условіями, зависящими отъ состава предложенія, сразу опредѣляется все строеніе предложенія, вся форма его, включая сюда и порядокъ словъ, и ударенія предложеній, относительный темпъ и пр. Поэтому въ рѣчи все предложеніе составляется совершенно такъ же, какъ составляется отдѣльное слово съ его формой, напр. «учительницамъ», и между отдѣльнымъ словомъ и комплексомъ словъ въ предложеніи (сказалъ бы, буду говорить, передъ домомъ) и синтаксическимъ сочетаніемъ всѣхъ членовъ предложенія съ формальной стороны принципіальной разницы нѣтъ.

Мы не скажемъ «купилъ домъ онъ» (но говоримъ «онъ купилъ домъ» и пр.) совершенно такъ же, какъ не скажемъ «домы» (а «домá»). Эти формы, возможныя сами по себѣ, неупотребительны. Какъ мы въ зависимости отъ условій, лежащихъ внѣ значеній, употребляемъ ту форму предложенія, которая называется «обратнымъ порядкомъ словъ» (я приду, «сказалъ онъ»), такъ мы въ зависимости отъ согласнаго передъ окончаніемъ говоримъ «книги» (съ окончаніемъ *-и*, а не *-ы*, какъ въ «рыбы», см. стр. 327) и т. д.

Усвоеніе дѣтьми реальныхъ и формальныхъ принадлежностей языка.

Если теперь имѣть въ виду то разнообразіе и огромное количество представленій и понятій, которыя различаются въ нашемъ мышленіи, а съ другой стороны тѣ разнообразныя семантическія принадлежности звуковой стороны языка, которыми они обозначаются, и на нѣкоторыя изъ которыхъ указано выше, то съ перваго взгляда кажется непонятнымъ, какъ ребенокъ, каждый самъ по себѣ, самостоятельно и безсознательно, притомъ одинаковымъ образомъ съ другими, можетъ расчленять слышимые ряды звуковъ рѣчи на такія разнообразныя и переплетенныя между собою семантическія принадлежности рѣчи, имѣющія свои значенія. Вѣдь надо имѣть въ виду, что вмѣстѣ съ этими семантическими единицами рѣчи, и именно благодаря имъ, новые

индивидуумы только и вырабатываютъ въ себѣ тѣ представленія и понятія, которыя составляютъ значенія этихъ семантическихъ звуковыхъ единицъ. А съ другой стороны, звуковой рядъ можетъ постепенно распадаться въ пониманіи дѣтей на сложное сочетаніе семантическихъ единицъ только подъ вліяніемъ тѣхъ представленій и понятій, которыя составляютъ ихъ значенія, такъ какъ въ самой звуковой сторонѣ языка нѣтъ никакихъ данныхъ не только для того, чтобы связывать напр. съ «рѣки́» другое представленіе, чѣмъ съ «рѣки», но и нѣтъ даже данныхъ для отдѣленія слова «рѣки́» отъ другихъ словъ предложенія, напр. въ: «берегъ рѣки здѣсь крутой», «около рѣки живетъ . . .» и т. д.

Объяненеіе этому простое, притомъ всеобъемлющее и одинаковое для всѣхъ языковъ. Всѣ эти сложные процессы происходятъ по необходимости вслѣдствіе того основного качества нашей психической жизни, которое опредѣляется психическимъ закономъ ассоціаціи по смежности. Тѣ элементы сложныхъ представленій и тѣ элементы представленій звуковыхъ рядовъ, которые часто возбуждаются одновременно (см. стр. 76 слѣд.), вступаютъ между собою въ ассоціацію по смежности, вслѣдствіе чего первые выдѣляются отъ остальныхъ элементовъ сложныхъ представленій и объединяются въ отдѣльное представленіе — значеніе ассоціирующагося съ нимъ комплекса звуковыхъ элементовъ; одновременно съ этимъ послѣдніе выдѣляются отъ остальныхъ звуковыхъ элементовъ звуковыхъ рядовъ и объединяются въ отдѣльную семантическую звуковую единицу (словесный знакъ, основную принадлежность или формальную принадлежность слова или предложенія) подъ вліяніемъ этого ассоціирующагося съ нею значенія.

Такъ одновременно возникаетъ у дѣтей понятіе объ извѣстнаго рода условности вмѣстѣ съ выдѣленіемъ звуковыхъ элементовъ «(сказа-)-л бы», «(дѣла-)-л бы» и пр., т. е. окончанія *-л* въ извѣстныхъ словахъ въ связи съ звуковымъ комплексомъ «бы». Въ словахъ какъ «(учи-)-тель», «(сѣя-)-тель» и пр. вырабатывается понятіе о дѣйствующемъ лицѣ въ связи съ выдѣленіемъ формальной принадлежности «-тел'». Въ словахъ какъ «переписывалъ», «слыхивалъ» и пр. въ отличіе отъ «переписалъ» и пр. вырабатывается понятіе многократности дѣйствія вмѣстѣ съ выдѣленіемъ формальной принадлежности «-ыва-», къ которой при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ прибавляется

еще чередованіе ударенія и гласнаго предшествующаго слога (изнáшивать, огорáживать, ср. нóситъ и пр.). Одновременно съ выдѣленіемъ окончаній -*ы* (-*и*), -*а* и пр. множественнаго числа въ формальныя принадлежности словъ вырабатывается понятіе множеств. числа въ отличіе отъ единств. ч., напр. въ вол—валы́, спор—спóры, ногá—нóги, акнó—óкна, причемъ въ словахъ какъ «óкна», «нóги» принадлежностью знака множ. ч. является кромѣ окончанія еще чередованіе ударенія и гласнаго предшествующаго слога, такъ какъ эти явленія сопровождаютъ значеніе им. п. множеств. ч. въ цѣломъ рядѣ словъ; а въ «волы» смѣна *о* на *а* не могла сдѣлаться формальной принадлежностью мн. ч., такъ какъ рядомъ безъ какихъ-либо обусловливающихъ обстоятельствъ является «спóры», вóры и т. д. Въ словахъ какъ «учитель», «ученикъ», «учиться», «ученіе», «учатся», «учился» «неучъ» и пр. есть извѣстные общіе элементы значенія, составляющіе довольно опредѣленное понятіе, которое выдѣляется, обособляется въ разныхъ словахъ благодаря сопровождающему его звуковому комплексу «учи», «уче» и пр.

Конечно, такія понятія, какъ кукла, шаръ, лошадка и пр. могли у ребенка раньше выдѣлиться въ отдѣльное представленіе, чѣмъ онъ успѣлъ связать ихъ со словами «кукла» и пр. Наоборотъ, множество словъ ребенокъ усваиваетъ себя въ отдѣльности раньше, чѣмъ они пріобрѣтаютъ свои значенія посредствомъ выдѣленія соотвѣтствующаго комплекса элементовъ изъ сложныхъ представленій. Но большинство словъ и всѣ формы склоненія, спряженія и синтаксическаго словосочетанія съ ихъ формальными значеніями ребенокъ самъ вырабатываетъ въ себѣ какъ въ звуковомъ отношеніи, такъ и въ значеніяхъ, только благодаря дѣйствію ассоціаціи по смежности. Извнѣ даются лишь нерасчлененные звуковые ряды языка и нерасчлененныя (сложныя) представленія.

Разновидности основной принадлежности, какъ въ «уч-», «учи-» и пр., или въ «вóд-итъ», «важ-ý» и пр. никакихъ различій въ реальныя значенія не вносятъ, такъ что въ семантическомъ отношеніи эти основныя принадлежности тожественны. Но если такія звуковыя различія совпадаютъ съ какими нибудь различіями въ значеніяхъ, то по неизбѣжной ассоціаціи по смежности они становятся и знаками этихъ различій въ значеніяхъ, какъ въ «про-важ-иваетъ» рядомъ съ «про-вод-итъ», или въ «наг-á»

рядомъ съ «нбг-и», гдѣ они стали составными элементами формальныхъ принадлежностей словъ.

Вообще всякія явленія въ звуковой сторонѣ языка, каковы бы они ни были (чередованіе ударенія, звуковъ, порядка словъ, наличность извѣстныхъ словъ, способъ сочетанія словъ и пр.), которыя возбуждаются въ представленіяхъ одновременно съ какими либо элементами мысли и отсутствуютъ при отсутствіи этихъ элементовъ мысли, должны по ассоціаціи по смежности сдѣлаться знакомъ (семантической звуковой единицей), съ которымъ эти элементы мысли связываются какъ значеніе. Поэтому извѣстный комплексъ синтаксически сочетаемыхъ словъ можетъ получить свое отдѣльное значеніе (реченія, стр. 300), синтаксическія отношенія могутъ выражаться отдѣльными словами («на», «чтобы» и т. д.), формами словъ («дома», «дому»), формами предложенія (напр. порядкомъ словъ, логическимъ удареніемъ) и т. д. Понятно, что при этихъ условіяхъ могутъ выработаться совершенно ненужныя сами по себѣ формы и формальныя категоріи, какъ напр. дѣленіе на одушевленные и неодушевленные предметы въ связи съ различіемъ въ формахъ вин. п. (купить книги—купить коровъ), или дѣленіе по грамматическому роду, связанное почти только съ фактами звуковой стороны языка (мѣсяцъ мужеск. р., луна женск. р., солнце средн. р., въ староста, женщина-врачъ противорѣчіе съ естественнымъ поломъ) и т. д.

Изъ предыдущаго становится яснымъ, что затруднительно провести грань между отдѣльнымъ словомъ и синтаксическимъ словосочетаніемъ, слѣдовательно и между морфологіей и синтаксисомъ. Въ «я, можетъ быть, сказалъ бы» «можетъ быть» лишь измѣняетъ значеніе сослагательнаго наклоненія въ «сказалъ бы»; само «сказалъ бы» не относится къ морфологіи, если въ морфологіи разсматриваются только формы отдѣльныхъ простыхъ и сложныхъ словъ, такъ какъ «бы» есть отдѣльное слово и возможно и сочетаніе: «я бы сказалъ». Въ словахъ «прогуливались», «разговаривали» и пр. содержится, кромѣ корневыхъ семантическихъ единицъ, еще словесный носитель значенія многократности, которое можетъ такъ же выражаться отдѣльными словами, какъ «многократно», «часто» и пр. Въ «домикъ», «домина» и пр. словообразовательные суффиксы вносятъ такіе же реальные признаки, какъ прилагательныя въ «большой домъ», «маленькій домъ». «Болѣе быстро» означаетъ то же, что «быстрѣе, и т. д.

Вотъ почему я былъ вынужденъ ввести общій терминъ «семантическая звуковая единица», которымъ можно обозначать какъ морфологическія принадлежности словъ, такъ и формальныя принадлежности предложеній, а также формальныя слова. Конечно, удобнѣе было бы выбрать для этого одно слово, но такъ какъ новые термины прививаются туго, то казалось болѣе цѣлесообразнымъ держаться пока описательнаго термина. Термины «семантическая звуковая единица», «семантическая звуковая принадлежность» я не считаю безупречными. Но дѣло не въ названіи. А на введеніи такого болѣе общаго термина я настаиваю безусловно въ интересахъ правильнаго пониманія явленій языка.

Образованіе предложеній и словъ изъ реальныхъ и формальныхъ принадлежностей языка (изъ семантическихъ звуковыхъ единицъ).

Изъ сказаннаго понятно, что когда мы говоримъ, мы не только составляемъ предложенія изъ отдѣльныхъ словъ, но и слова изъ отдѣльныхъ морфологическихъ принадлежностей, однимъ словомъ составляемъ все предложеніе изъ тѣхъ семантическихъ звуковыхъ единицъ, которыми обозначаются представленія и понятія, входящія въ составъ сообщаемой мысли. Ими сразу опредѣляется составъ и форма всего предложенія.

Но изъ указанныхъ условій вытекаетъ так же, что цѣлыя слова и группы синтаксически сочетаемыхъ словъ, а также цѣлыя предложенія, которыя мы часто слышали и употребляли въ рѣчи, должны все больше ассоціироваться непосредственно въ цѣломъ съ соотвѣтствующимъ имъ комплексомъ значеній или съ цѣлымъ сужденіемъ, такъ какъ эти ряды словъ ассоціируются между собою по послѣдовательной ассоціаціи по смежности. Поэтому говоря «у учительницы», «разбрасывали» и пр. мы едва ли составляемъ всякій разъ эти слова вновь изъ «у» и «учи-тель-ниц-ы» и пр. хотя бы при содѣйствіи воспоминаній этихъ цѣлыхъ словъ, такъ какъ эти слова въ данномъ сочетаніи мы слышали и говорили часто. Такъ же могутъ непосредственно воспроизводиться по требованію ассоціирующихся съ ними значеній цѣлые ряды словъ и цѣлыя предложенія (онъ пришелъ рано, незачѣмъ искать), какъ сложный многочленный знакъ сложной многочленной мысли. Слѣдовательно, когда мы говоримъ, мы производимъ слово съ его принадлежностями и цѣлый рядъ синтаксически сочетаемыхъ словъ по памяти какъ цѣлое,

соотвѣтствующее возбужденной въ насъ мысли, если это слово или рядъ словъ намъ очень привычны, т. е. часто встрѣчались. Въ противномъ случаѣ мы составляемъ слова и все предложенiе изъ тѣхъ принадлежностей словъ и предложенiй, которыя выражаютъ нашу мысль и которыя безсознательно выработались въ насъ въ другихъ словахъ и предложенiяхъ. Конечно, невозможно опредѣлить въ каждомъ конкретномъ случаѣ въ рѣчи, насколько представленiе слова и ряда словъ возникло какъ цѣлое по требованiю извѣстнаго комплекса соотвѣтствующихъ ему значенiй, или насколько оно сложилось въ моментъ рѣчи изъ отдѣльныхъ семантическихъ единицъ вслѣдствiе возбужденiя этихъ единицъ и сочетанiя ихъ, такъ какъ весь этотъ процессъ происходитъ быстро и безсознательно Но что мы дѣйствительно по мѣрѣ надобности составляемъ слово изъ его морфологическихъ частей такъ же, какъ мы большею частiю составляемъ цѣлыя предложенiя, въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго. Если мы въ первый разъ слышимъ слова «база», «Урга», «гуторить», то безъ запинки скажемъ при надобности: «найти баз*у*», «войска стоятъ у Ург*и*», «гутори*лъ*» и пр., хотя никогда не слышали слово «база» въ вин. п., «Урга» въ формѣ род. пад., ни формы прошедшаго времени слова «гуторить». Все это образованiе происходитъ быстро и говорящiй совершенно не сознаетъ, что онъ образуетъ эти формы впервые. Очевидно этимъ путемъ можетъ образоваться и «у телѣг*и*» «путешествова*лъ*» и т. д., хотя эти формы мы слышали и говорили уже много разъ.

Психологическiй процессъ этого образованiя слѣдующiй. Слово «база» находится въ томъ логическомъ отношенiи къ къ слову «найти», которое обозначается формой винительнаго пад. Понятiе близости (къ Ургѣ) выражается посредствомъ слова «у» въ связи съ формой род. п., и пр. Но род. падежъ обозначается разными окончанiями (Пекина, комнаты, пути и т. д.). Почему мы не скажетъ «у Урга?» — Потому что мы привыкли образовать род. п. на *-и* и вин. п. на *-у*, когда им. пад. оканчивается на «-ка», «-га» и пр.; род. п. на *-ы* и вин. п. на *-у*, когда им. п. оканчивается на *-а* съ извѣстными другими предшествующими согласными; род. п. на *-а*, когда им. п. оканчивается на твердый согласный, причемъ здѣсь мы привыкли въ вин. п. дѣлать различiе между существительными, обозначающими одушевленныя существа, и между существительными, обознача-

ющими неодушевленные предметы (волка, столъ) и т. д Выборъ соотвѣтствующей формальной принадлежности род. п. происходитъ такъ же автоматически, какъ мы при ходьбѣ въ силу привычки сдѣлаемъ автоматически большій шагъ, чтобы перешагнуть черезъ лужу, которую мы замѣтили передъ собою, или какъ мы въ письмѣ безсознательно пишемъ приставку «раз» то съ *з*, то съ *с*, въ зависимости отъ слѣдующаго за нимъ согласнаго (разсѣять, растерять). Подобныя болѣе сложныя психическія явленія наблюдаются напр. при игрѣ на роялѣ. Напр. послѣ третьяго пальца въ силу привычки мы беремъ слѣдующую высшую ноту или четвертымъ пальцемъ, или же первымъ, въ зависимости отъ слѣдующихъ дальше нотъ, и это происходитъ такъ быстро, что не только какія либо соображенія удобства, но даже самый этотъ фактъ не вступаетъ въ область сознанія. Совершенно такъ же мы образуемъ форму род. п. или вин. п. по привычкѣ прибавленіемъ одного изъ разныхъ суффиксовъ родительнаго падежа, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, лежащихъ въ звуковой сторонѣ словъ или въ значеніяхъ ихъ (Пекин-а, Вологды, Урги, вин. п. базу, волка, столъ и т. д.). Во всѣхъ словахъ какъ «ру*ка*», «слу*га*» и пр. мы слышали напр. въ связи съ «у» всегда «слу*ги*», «но*ги*», а въ словахъ какъ «коро*ва*», «пти*ца*» и пр.—«у коро*вы*» и пр. Отсюда въ насъ выработалась привычка образовать форму род. п. -(г)*и* при им. п. -(г)*а*, и род. п. -(в)*ы* при им. п. -(в)*а* и пр. Конечно *г* и *в*, какъ и весь остальной звуковой составъ такихъ словъ не входитъ въ составъ формальной принадлежности род. п., такъ какъ онъ бываетъ различный въ род. падежахъ разныхъ словъ, а предшествующіе *г* и *в*, *д* и пр. служатъ лишь указателемъ для безсознательнаго выбора между -*и* и -*ы*, такъ какъ окончанію -*и* всегда предшествуютъ *г*, *к*, *ч* и пр., а при -*ы* ихъ нѣтъ (какъ слѣдующія буквы *к*, *т* и пр. обусловливаютъ написаніе рас- съ *с*).

По общепринятому взгляду, распространенному въ особенности Paul'емъ (Principien 96 слѣд.), такое образованіе словъ и предложеній, называемое образованіемъ по а н а л о г і и, объясняется такъ. Всѣ слова съ общей реальной принадлежностью, ассоціируясь между собою по сходству въ звукахъ и значеніяхъ, образуютъ реальную группу, напр. «рука», «руки» и пр. Всѣ родительные падежи, какъ «носа», «руки», «окна́» образуютъ формальную группу род. падежа; болѣе тѣсную такую группу

образуютъ тѣ род. падежи, въ которыхъ и звуковая сторона одинакова, какъ «руки», «ноги» и пр. Изъ скрещиванія этихъ группъ образуются пропорціи какъ рука: рукѝ = нога: ногѝ и т. д. На новообразованіе, какъ выше «Урги», смотрятъ, какъ на разрѣшеніе пропорціи нога́: ногѝ = рука́: рукѝ и пр. = Урга: x; x = Урги.

Результатъ этого процесса можно дѣйствительно выразить для краткости въ такой формулѣ. Но дѣйствительный процессъ этого образованія совсѣмъ другой, чѣмъ разрѣшеніе пропорціи. Указанныхъ психическихъ формальныхъ группъ нѣтъ въ языкѣ, и возможная a priori ассоціація по частичному сходству между «нога» и «рука» и пр. не играетъ никакой роли въ этомъ процессѣ образованія «по аналогіи». Напротивъ, окончанія *-и*, *-ы* и пр. выдѣляются безсознательно въ знакъ (морфологическую принадлежность, семантическую звуковую единицу) родительнаго падежа именно потому, что остальныя составныя части, различныя въ разныхъ словахъ, другъ друга оттѣсняютъ въ воспоминаніяхъ, такъ что въ воспоминаніи остается лишь окончаніе *-и*, *-ы* и пр. какъ постоянный спутникъ значенія родительнаго падежа. О разрѣшеніи такой пропорціи въ душѣ трехлѣтняго ребенка, хотя бы въ той области «безсознательнаго», которой приписываютъ много чудеснаго, и говорить нечего, такъ какъ и десятилѣтній мальчикъ затрудняется «сознательно» разрѣшить такія задачи.

Какъ мы видѣли, образованіе «Ург*и*» есть собственно не образованіе по аналогіи, а окончаніе *-и* является здѣсь точно такимъ же путемъ, какъ является слово *у* въ «у Урги», т. е. предлогъ «у» и окончаніе существительнаго вмѣстѣ составляютъ одну семантическую единицу и возбуждаются какъ сложный звуковой представитель извѣстнаго логическаго понятія (значенія близости), и оба вмѣстѣ выдѣлились изъ разныхъ звуковыхъ рядовъ по ассоціаціи по смежности съ этимъ значеніемъ. Я сохраняю условно терминъ образованіе по а н а л о г і и только въ виду общеупотребительности его, но подразумѣваю подъ нимъ такой же синтезъ словъ и предложеній изъ семантическихъ единицъ, какъ въ «я и ты», такъ какъ формальная принадлежность слова возбуждается такъ же значеніемъ ея, какъ любое слово съ реальнымъ значеніемъ возбуждается этимъ значеніемъ по ассоціаціи. Слѣдовательно образованіе формы «Ург*и*» по а н а л о г і и словъ какъ

ногй, рукй и пр. можетъ лишь означать, что новообразованіе «Урги» явилось изъ сочетанія привычной формальной принадлежности съ реальной принадлежностью этого слова, и эта формальная принадлежность и способъ сочетанія ея съ реальной принадлежностью такія же, какъ въ словахъ «руки», «ноги».

Какъ мы не говоримъ «принимать чай», но говоримъ «принимать лѣкарство», не говоримъ «чтобы онъ сдѣлаетъ», а говоримъ «чтобы онъ сдѣлалъ» (ср. нѣм. damit er mache), точно такъ же мы не говоримъ «у Вологд*и*», «у лип*и*», «у книг*а*», но говоримъ «у ног*и*», «у лип*ы*» и пр. Какъ семантическая единица «принимать» неупотребительна при «чай», такъ и семантическая единица *-и* какъ знакъ род. п. неупотребительна при семантической единицѣ «лип-», такъ какъ въ словахъ съ *п* передъ окончаніемъ *-а* въ имен. п. мы привыкли образовать род. п. на *-ы*, а не *-и*.

Изъ существованія составныхъ принадлежностей словъ, связанныхъ между собою общимъ значеніемъ и звуковымъ составомъ, объясняется вообще, что мы въ состояніи удержать въ памяти десятки и даже сотни тысячъ словъ, имѣя въ виду одновременное владѣніе нѣсколькими языками. Эти слова сводятся къ нѣсколькимъ сотнямъ или тысячамъ составныхъ семантическихъ элементовъ. Изъ десятка морфологическихъ принадлежностей можно образовать десятки разныхъ предложеній. Ср. учитель учитъ ученика, учительница учила ученицу по учебнику, и пр., сѣятель сѣетъ сѣмя, писатель пишетъ письмо, и пр.

Возникновеніе новыхъ словъ (формъ словъ) вслѣдствіе новыхъ сочетаній обычныхъ морфологическихъ принадлежностей (новообразованіе словъ по аналогіи).

Какъ выше указано, въ рѣчи мы даже привычныя слова образуемъ отчасти вновь посредствомъ сочетанія обычныхъ морфологическихъ принадлежностей, если эти принадлежности почему либо возбуждаются преимущественно передъ воспоминаніемъ всего слова въ цѣломъ, какъ сложнаго знака комплекса извѣстныхъ значеній. Если въ результатѣ такого синтеза морфологическихъ принадлежностей получается слово, тожественное съ существующимъ уже въ языкѣ словомъ, то трудно опредѣлить, насколько такое слово образовано («по аналогіи») изъ отдѣльныхъ составныхъ семантическихъ единицъ, или насколько оно цѣликомъ воспроизведено по памяти. Но если въ результатѣ

такого синтеза получается слово, являющееся впервые въ языкѣ (напр. «Урги», «пóльта»), или отличающееся отъ уже существующаго въ языкѣ общепринятаго слова, то такое слово уже безспорно исключительно составлено вновь изъ употребительныхъ морфологическихъ частей, и такъ какъ оно отличается отъ прежняго слова, то представляетъ «новообразованіе» слова (по аналогіи) въ томъ смыслѣ, что въ результатѣ получилось новое слово или новая форма слова. Такое новообразованіе, заключающееся въ замѣнѣ одной морфологической принадлежности равнозначащей другой, могло произойти только потому, что въ моментъ рѣчи вновь явившаяся принадлежность была возбуждена настолько сильно въ душѣ говорящаго, что могла оттѣснить прежнюю принадлежность, несмотря на то, что прежняя поддерживалась воспоминаніемъ всего слова какъ цѣлаго.

Въ сравненіи съ соотвѣтствующимъ прежнимъ словомъ такое новообразованное слово можно разсматривать какъ измѣненное прежнее слово, хотя оно въ сущности не связано (въ цѣломъ) съ прежнимъ словомъ. Съ этой точки зрѣнія можно говорить объ измѣненіи словъ (по аналогіи) въ ихъ реальныхъ, формальныхъ словообразовательныхъ и формальныхъ синтаксическихъ морфологическихъ принадлежностяхъ. Приведу примѣры въ этомъ порядкѣ.

Въ праславянскомъ языкѣ *к* передъ мягкимъ гласнымъ измѣнилось постепенно въ *ч'* и такимъ образомъ возникло русское спряженіе: пеку, печешь, печетъ, печемъ, печете, пекутъ. Различіе между основными принадлежностями «пек-» и «печ-» не связано ни съ какимъ различіемъ въ значеніи; поэтому діалектически въ русскомъ языкѣ появляются новообразованія: «пекешь», «пекетъ», «пекемъ» и пр. изъ сочетанія «пек-» съ личнымъ окончаніемъ, такъ какъ основной принадлежностью въ «пеку» и «пекутъ» является «пек-». Діалектическія малорусскія «печу», «печуть» представляютъ новообразованія, въ которыхъ представленіе «печ-» взяло верхъ надъ «пек-».—Ударенное *е* передъ следующимъ твердымъ согласнымъ измѣнилось фонетически въ *о*, вслѣдствіе чего явились «мёдъ» (т. е. м'одъ), мёда и пр. Но въ мѣстн. пад. должно было фонетически сохраниться «медѣ» (съ е), такъ какъ здѣсь второй слогъ мягкій. Основная принадлежность «мёд-», встрѣчающаяся въ многихъ падежахъ, стала преимущественно передъ «мед-» возбуждаться какъ носи-

тельница даннаго реальнаго значенія, вслѣдствіе чего (по аналогіи словъ какъ потъ: пота: потѣ=сокъ; сока: сокѣ и пр.) возникло новообразованіе (мёдъ: мёда): «мёдѣ». Такъ же возникли новообразованія «берёте», «зовёте», такъ какъ фонетически *е* могло перейти въ *ё* только передъ твердымъ слогомъ въ «берёмъ», «зовёмъ», діалектически «берётъ», «зовётъ», а также по мѣрѣ отвердѣванія *ш* въ «берешь», «зовешь». Берё-, зовё- стало преимущественно передъ бере-, зове- (съ е) возбуждаться какъ основная принадлежность этихъ глаголовъ въ настоящемъ времени, а потому явились новообразованія «берёте» и пр.—Вмѣсто прежнихъ фонетически правильныхъ жнецъ, женца, женцу и пр., льстецъ, лестьца, лестьцу (< жьньць, жьньца, льстьць, льстьца, см. стр. 66, 253) возникли новообразованія (жнецъ): «жнеца», «жнецу», (льстецъ): «льстеца», «льстецу» и пр., т. е. основа им. п. распространилась на остальные падежи, какъ въ большинствѣ словъ.—Первоначальныя русскія формы отъ словъ «небо», «слово» были: род. п. «небес-е», словес-е, имен. пад. множ. ч. «небес-а» «словес-а», род п. мн. ч. «словес-ъ» и пр. Рядомъ съ ними возникли новообразованія (сло́во): «сло́ва», «слова́», (не́бо): «не́ба» и пр. изъ сочетанія основной принадлежности «слов-» им. падежа съ падежными окончаніями, какъ въ большинствѣ словъ.

Названіе дѣйствующаго лица мы можемъ образовать при надобности отъ разныхъ глаголовъ при помощи суффиксовъ «-тель», «-льщикъ» по аналогіи словъ какъ сѣять: сѣятель, любить: любитель, носить: носильщикъ и пр. Поэтому образуются (носить:) носитель, (курить:) курильщикъ, куритель, (надувать:) надувальщикъ, (тормозить:) тормозитель и т. д.

Въ праславянскомъ и отчасти въ древнерусскомъ языкѣ род. пад. отъ «сынъ» былъ «сыну», полученный изъ праязычнаго sūnoůs (см. стр. 65). Но словъ съ род. п. на *-у* было очень мало, а громадное число словъ съ им. п. на *-ъ* оканчивалось въ род. пад. на *-а* (рабъ: раба, человѣкъ: человѣка и пр.). Въ виду этого окончаніе *-а* стало по преимуществу признакомъ род. п. въ словахъ съ им. п. на *-ъ*, вслѣдствіе чего возникло между прочимъ (сынъ): «сына» въ древнерусскомъ языкѣ, рядомъ съ которымъ употреблялось и древнее «сыну». Впослѣдствіи новообразованіе «сына» вытѣснило совсѣмъ «сыну».

Въ глаголахъ какъ хажу́: хо́дишь: хо́дитъ и пр., бражу́: бро́дишь: бро́дитъ, вожу́: во́дишь: во́дитъ и пр. чередованіе

ударенія и гласнаго въ основной части стали составной частью принадлежности личныхъ формъ. Вслѣдствіе этого возникли по аналогіи такихъ глаголовъ новообразованія (плачу́): «пло́тишь» «пло́титъ»; (сажу́): «со́дишь», «со́дитъ»; (дарю́): «до́ришь» и пр., въ которыхъ раньше не было *о*. Такимъ же образомъ по аналогіи словъ какъ окно́: о́кна, сѣдло́: сёдла и пр. возникло *о* въ основѣ слова (пальто́): по́льта (<заимствованнаго paletot).—Подъ вліяніемъ словъ какъ сонъ: сна, ленъ: льна и пр. возникли по аналогіи (ровъ): «рва» (вмѣсто древняго рова, сохраняющагося въ говорахъ), (ледъ): «льда» (вмѣсто древняго «леда», сохраняющагося діалектически) и пр.—По аналогіи «день»: «дня» и пр. возникли (камень): «камня» вмѣсто прежняго «камени», сѣверное діалектическое (олень): «ольня́» и пр.

Возникновеніе новыхъ формъ предложеній (новообразованіе по аналогіи въ синтаксической сторонѣ языка).

Изъ одинаковыхъ въ синтаксическомъ формальномъ отношеніи предложеній должны въ душѣ каждаго индивидуума вырабатываться формы (формальные типы, рамки) предложеній, въ составъ которыхъ не входятъ основныя принадлежности словъ съ ихъ реальными значеніями, такъ какъ въ разныхъ предложеніяхъ находятся различныя по своимъ основнымъ принадлежностямъ и реальнымъ значеніямъ слова, а сходными являются лишь формальныя значенія и обозначающія ихъ формальныя принадлежности словъ и предложеній, т. е. синтаксическія формы предложеній.

Тѣ различія въ формахъ предложеній, которыя совпадаютъ съ какими либо различіями въ значеніяхъ, вступаютъ у каждаго новаго индивидуума въ ассоціацію по смежности съ этими различіями въ значеніяхъ и такимъ образомъ выдѣляются въ формальныя принадлежности предложенія—носители извѣстныхъ синтаксическихъ значеній. Такъ въ предложеніяхъ «онъ сидитъ»—«сидитъ ли онъ?»—«онъ сидитъ?» (съ повышающимся удареніемъ предложенія) съ различіемъ въ порядкѣ словъ и въ удареніи связываются извѣстныя различія въ значеніи предложенія (повѣствовательное сужденіе—вопросительное сужденіе).

Благодаря этимъ формамъ предложеній мы въ состояніи говорить предложеніями, т. е. складывать слова, какъ знаки значеній, въ нашей рѣчи въ такіе ряды съ ихъ разнообразными

формами, которыя обычны въ данномъ языкѣ для данныхъ значеній. Впрочемъ вѣроятно нерѣдко мы произносимъ и цѣлыя предложенія цѣликомъ по памяти.

И въ этой синтаксической области происходятъ новообразованія (синтаксическая аналогія). Напр. въ древнерусскихъ повѣствовательныхъ предложеніяхъ личный глаголъ стоялъ обычно передъ подлежащимъ при извѣстныхъ условіяхъ («жилъ былъ царь», «увидѣлъ князь» и пр.), а въ описательныхъ предложеніяхъ и другихъ — въ концѣ предложенія. Подъ вліяніемъ разныхъ условій распространился все болѣе типъ: «князь увидѣлъ», особенно въ литературномъ русскомъ языкѣ. Но въ народномъ языкѣ великорусскомъ и особенно малорусскомъ сохранился и прежній порядокъ словъ. Конечно, эти измѣненія въ формѣ предложеній касаются и сочетаній опредѣленныхъ словъ въ предложеніи. Напр. прежнія: «смотрѣть книгъ», «слушать звону» замѣнились конструкціей съ вин. п. по аналогіи большинства глаголовъ и пр. При «искать», «ждать» стало все болѣе распространяться дополненіе въ вин. п., но конструкція съ род. падежомъ сохраняется, и съ этими различіями въ синтаксической формѣ начали связываться извѣстныя различія въ значеніяхъ (искалъ денегъ, искалъ свои деньги).

Формы, независящія отъ значеній, и новообразованія въ нихъ (по аналогіи).

Выше (стр. 320–321, 324, 326–327) было указано, что въ языкѣ существуютъ и такія формальныя различія, которыя не имѣютъ отношеній къ значеніямъ, но которыя обусловлены какими либо другими различіями языка, съ которыми они вступили въ ассоціацію. Такъ появленіе формальной принадлежности род. п. *-ы* или *-и* въ словахъ съ им. падежомъ на *-а*, какъ «липа», «книга», обусловлено фонетическимъ различіемъ, именно предшествующимъ согласнымъ. Различіе въ порядкѣ словъ въ «онъ сказалъ: (я приду)» и въ «(я приду), сказалъ онъ» обусловлено извѣстнымъ порядкомъ предложеній, и т. д.

Понятно, что и въ этихъ формахъ можетъ по аналогіи одна форма вытѣснить другую, если первая будетъ почему либо возбуждаться преимущественно при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ обычно появляется послѣдняя. Такъ основная принадлежность «мед-» въ «медѣ», связанная между прочимъ съ формой мѣстн.

падежа, была замѣнена посредствомъ «мёд-» (см. выше), существовавшаго въ большинствѣ падежныхъ формъ этого слова.

Не всякій возможный порядокъ словъ, не всякія возможныя сочетанія звуковъ и пр. привычны въ языкѣ. Такъ въ акающихъ русскихъ говорахъ неударенное *о* измѣнилось фонетически въ *а* и въ его дальнѣйшія измѣненія. Вслѣдствіе этого фонетическая форма словъ съ звукомъ *о* въ неударенномъ слогѣ стала непривычной. Изъ словъ какъ óкна—aкнó, домъ—дамá абстрагируется фонетическая форма, зависящая отъ ударенія, по которой ударенное *ó* при утратѣ ударенія замѣняется посредствомъ *а*. Поэтому напр. заимствованные «портретъ», tortue произносятся «партрéтъ», «тартю́». — Въ великорусскомъ языкѣ звонкіе шумные согласные обратились въ концѣ слова въ глухіе. Такимъ образомъ получилось чередованіе въ зависимости отъ положенія въ концѣ или не въ концѣ слова: года — гот, благо — блах и пр. Съ этимъ чередованіемъ не могло связаться никакое различіе въ значеніяхъ. Подъ вліяніемъ такой чисто фонетической формы словъ напр. заимствованное «Леонидъ» произносится Леонит—Леонида и пр.

Распространеніе новообразованій по аналогіи.

Новообразованія по аналогіи возникаютъ въ рѣчи отдѣльныхъ лицъ какъ отступленія отъ привычнаго, обмолвки или ошибки. Такія обмолвки обыкновенно проходятъ безслѣдно подъ вліяніемъ слуховыхъ воспоминаній отъ рѣчи окружающихъ, сохраняющей старое достояніе. Но если условія возникновенія ихъ таковы, что онѣ появляются часто у группы лицъ, то онѣ становятся обычными и распространяются на другихъ, какъ всякія измѣненія языка. Что новообразованія по аналогіи не появляются повсюду, гдѣ существуютъ подходящія условія, объясняется тѣмъ, что пока новообразованіе начинаетъ всплывать, обыкновенно всплываетъ и воспоминаніе прежняго цѣлаго слова или старой формы и оттѣсняетъ новообразованіе, если послѣднее не тожественно съ нимъ. Слѣдовательно, чѣмъ легче возбуждается старая форма, тѣмъ меньше возможности проявиться новообразованію, отличающемуся отъ старой. А возбуждаемость старой формы зависитъ отъ того, насколько прочно она запечатлѣна, какъ часто она употребляется, насколько удобенъ и яcенъ звуковой составъ ея и пр. Такъ, чередованіе какъ въ «пеку» —

«печешь», «берегу» — «бережешь» встрѣчается во многихъ словахъ и этимъ поддерживается сохраненіе его во многихъ говорахъ великорусскаго языка. Вспомогательные глаголы, употребляющіеся очень часто, сохраняютъ древнее нетематическое спряженіе во многихъ индоевропейскихъ языкахъ въ то время, когда остальные нетематическіе глаголы уже давно подпали подъ аналогію тематическихъ. Ср. дамъ, дастъ, есть, er kann, wir können, il peut, nous pouvons, и большинство такъ называемыхъ неправильностей грамматическихъ.

По аналогіи не возникаетъ новыхъ звуковъ въ языкѣ, а лишь переносятся морфологическія принадлежности съ однихъ словъ на другія, звуковыя формы съ однихъ звуковыхъ комплексовъ на другіе, формы словосочетаній съ однихъ предложеній на другія. Старыя формы продолжаютъ конечно сначала существовать рядомъ съ новыми; потомъ или обѣ сохраняются, особенно когда каждая форма получаетъ постепенно особое значеніе вслѣдствіе дифференціаціи значенія, или же одна изъ нихъ, старая или новая, исчезаетъ, т. е. постепенно забывается. Ср. «на краю» рядомъ съ «въ Пріамурскомъ краѣ».

Въ современномъ русскомъ языкѣ существуетъ: «въ лѣсѣ», рядомъ съ «въ лѣсу», образованнымъ по аналогіи словъ какъ прежнее «въ сыну», которое само замѣнено новообразованіемъ «въ сынѣ». Но новообразованія древнерусскаго языка «отъ воску», «со берегу», образованныя по аналогіи словъ какъ «сыну», вытѣснены опять старыми формами «воска», «берега». Впослѣдствіи род. п. на *-у* укрѣпился въ вещественныхъ именахъ, такъ какъ значеніе его дифференцировалось, т. е. съ нимъ стали связываться особые признаки реальнаго значенія — пространственно неограниченное представленіе вещества, напр. чаю, сахару и пр.

Новообразованія по аналогіи обыкновенно упорядочиваютъ языкъ, устраняя лишнія различія, возникшія вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій языка, какъ напр. появленіе «рукѣ» вм. «руцѣ», «мёдѣ» вм. «медѣ», «печу», «печуть» вм. «пеку» и пр., «пекешь», «пекетъ» вм. «печешь» и т. д.

Новообразованія по аналогіи не поддаются такимъ законамъ, какъ фонетическія измѣненія звуковъ (см. стр. 269 слѣд.). Они объясняются лишь общими психическими законами; но какія частныя психическія условія вызываютъ въ одномъ случаѣ новообразованіе, въ другомъ—нѣтъ, этого какими либо законами опредѣлить нельзя.

§ 2. Народная этимологія.

Если слово этимологически темно, т. е. если его основная принадлежность не встрѣчается въ другихъ словахъ съ сходнымъ значеніемъ (какъ учи-тель, уч-еный, учи-ться и пр.), то можетъ случиться, что это слово ошибочно возбуждаетъ по ассоціаціи по сходству представленіе такого слова, которое въ звуковомъ отношеніи болѣе или менѣе сходно съ нимъ, а по значенію допускаетъ лишь одностороннее сближеніе съ вызывающимъ его словомъ. Подъ вліяніемъ такой ассоціаціи по сходству возникаетъ такъ называемая народная этимологія (народное словопроизводство), при которой въ слово вносятся признаки значенія, присущіе совершенно чужому, неродственному слову (конечно отсутствіе первоначальнаго родства само по себѣ здѣсь никакой роли не играетъ), имѣющему съ нимъ случайное звуковое сходство. Вѣдь слова сами по себѣ, какъ мы видѣли на стр. 280, вносятъ въ комликаціи, которыя они составляютъ вмѣстѣ съ обозначаемыми ими представленіями, признаки значеній, присущіе ихъ основнымъ принадлежностямъ въ другихъ словахъ. Ср. учитель—преподаватель, ученикъ—школьникъ, старшина и пр. Вслѣдствіе такого сближенія слова «май» съ «маяться» въ слово «май» могли вноситься признаки значенія слова «маяться», вслѣдствіе чего могло составиться мнѣніе объ этомъ мѣсяцѣ: «въ маѣ жениться — всю жизнь маяться». (Впрочемъ, браки въ маѣ избѣгались въ Римѣ, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ происходили погребальные обряды лемуралій; отсюда повѣріе перешло можетъ быть и въ Россію. Въ такомъ случаѣ ассоціація съ «маяться» придала этому суевѣрію новое обоснованіе). Такое предумышленное сближеніе словъ создаетъ каламбуры. Понятно, что языкъ, въ которомъ основныя принадлежности сильно измѣнились и сократились, какъ напр. французскій, представляетъ удобную почву для такихъ невѣрныхъ сближеній.

Народная этимологія сопровождается нерѣдко и измѣненіемъ въ звукахъ—полнымъ или частичнымъ приравненіемъ къ ассоціирующемуся слову. Такое измѣненіе возникаетъ вѣроятно чаще вслѣдствіе ослышки при перенятіи, такъ какъ мы обыкновенно не перципируемъ каждый звукъ рѣчи въ отдѣльности, а недостаточно ясно воспринимаемое дополняемъ сохраняющимися въ памяти принадлежностями словъ. Если же подобныхъ родствен-

ныхъ принадлежностей нѣтъ наготовѣ въ памяти, то такое слово не только воспринимается неточно (кминъ вм. тминъ и пр., см. стр. 264), но удерживается и плохо въ памяти, пока оно не вступитъ въ ассоціацію по сходству съ знакомыми словами, подъ вліяніемъ которыхъ оно затѣмъ можетъ измѣниться. Въ такомъ одиночномъ положеніи находятся понятно чаще всего иностранныя слова.

Такимъ образомъ рядомъ съ правильнымъ областнымъ «моровей», вполнѣ соотвѣтствующимъ старославянскому «мравии», польскому «mrówka» и пр., явилось «муравей», вслѣдствіе сближенія съ «мурава» (вьется по муравѣ).– «Словѣнинъ», «словѣне», «словѣньскъ» назывались многія славянскія племена, какъ обладающія словомъ, въ противоположность нѣмцамъ — нѣмымъ иностранцамъ. Въ русскомъ языкѣ подъ вліяніемъ словъ «римляне», «кіевляне» и пр. явились «словяне», «словянскій» съ обычнымъ суффиксомъ при обозначеніи народности. Отожествляя ихъ основную часть ошибочно съ «слава», передѣлали ихъ въ «славяне», «славянскій».— Андреянъ явилось вмѣсто Адріанъ, подъ вліяніемъ Андрей.— Акулина вм. Акилина (Aquilina) подъ вліяніемъ акула.—Щетина — штетинское яблоко.—Щелканъ < Чолъханъ.— Вмѣсто названій испанскаго корабля «Васко-де-Гама» и итальянскаго «Андреа Доріа» у нашихъ матросовъ «Васька Гамовъ», «Андреева Дарья».—Англійское «yes» замѣнилось посредствомъ «есть» у моряковъ (соотвѣтствуетъ «слушаюсь» въ сухопутныхъ войскахъ) — Англійское ring the bell (звони въ колоколъ) замѣнилось посредствомъ «рынду бей» у моряковъ.—Вмѣсто tabatière — «табакерка» подъ вліяніемъ слова «табакъ».— Ресторацію замѣнили посредствомъ «растеряція» (гдѣ можно растеряться) —Дилижансъ осмыслили отчасти посредствомъ «дилежансъ» (гдѣ можно и лежать).—Керосинъ передѣлывается въ «карасинъ» (карась).— Изъ «клиросъ» явилось народное «крылосъ», подъ вліяніемъ «крыло».— Вмѣсто пелеринка (pèlerine) встрѣчается перелинка.— «Запустовка» вм. «забастовка» (пустовать).

§ 3. Контаминація.

Контаминація (contāmen — соприкосновеніе, изъ con + tagmen; tango, tactus — соприкасаться) происходитъ такъ, что въ моментъ рѣчи значеніемъ возбуждаются по ассоціаціи одновре-

менно съ равной силой двѣ однозначащія основныя принадлежности или двѣ формальныя принадлежности слова или предложенія, и въ результатѣ произносится смѣшанная форма. Если такая обмолвка становится обычной, то является новый смѣшанный видъ принадлежности слова или конструкціи предложенія. Такъ можетъ явиться обмолвка «нудо» подъ вліяніемъ «нужно» и «надо». Такъ явилось повидимому бѣлорусское и малорусское «виджу» и пр. подъ вліяніемъ «вижу» и «вид-ишь».

Чаще являются такія предложенія смѣшанной конструкціи.

§ 4. Обособленіе и послѣдствія его.

Обратное явленіе той ассоціаціи, которая вызываетъ народную этимологію, происходитъ тогда, когда родственныя слова, вслѣдствіе измѣненія въ значеніяхъ и звукахъ, теряютъ настолько сходство, что перестаютъ ассоціироваться, т. е. обособляются другъ отъ друга. Такъ, между «призрѣвать» и «обозрѣвать» еще чувствуется связь. Но «заподозрить», «призракъ», «заря», «зоркій», «позоръ» и пр., которыя родственны между собою и съ «призрѣвать», уже окончательно обособились другъ отъ друга. Послѣдствіемъ обособленія бываетъ то, что значенія больше не вносятся въ слова изъ такихъ родственныхъ словъ и значенія могутъ измѣняться въ каждомъ обособившемся словѣ совершенно самостоятельно; а въ звуковой сторонѣ уже не могутъ возникать образованія по аналогіи, обусловленныя общими реальными принадлежностями, но могутъ происходить самостоятельныя измѣненія ихъ.

Примѣры такихъ обособившихся словъ, основныя принадлежности которыхъ когда то были тождественны: городъ—жердь; супругъ—упряжь—упругій; сыпь—оспа; опека—печаль; рѣзать—образъ; конецъ—законъ—искони, испоконъ—начало, начать, начну [праслав. кен- > че̌-, отсюда старослав. на-ча-ти и пр.; прасл. кьно̌ > чьно̌ > старослав. на-чьнѫ, ср. стр. 250 — 251]; онуча — обувь — обуть — обувать [-уть кажется такимъ же суффиксомъ, какъ въ обмануть, между тѣмъ «у-» корень и (об-)у-ти соотвѣтствуетъ литовскому aũ-ti—обуть]; коса—чесать и т. д.

Вслѣдствіе обособленія могли произойти въ звуковой сторонѣ измѣненія: спасибо < спаси Богъ (съ утратой конечнаго согласнаго); исподволь < изъ-подъ воли (съ утратой окончанія

род. пад.); намедни < ономедни < оном дьни = въ ономъ днѣ (съ утратой начальнаго гласнаго и съ сохраненіемъ стараго окончанія мѣстн. пад.).

Примѣры, показывающіе послѣдствія обособленія для синтаксической стороны языка, см. на стр. 300.

§ 5. Дифференціація значеній.

Въ языкѣ разными путями появляются нерѣдко по два и болѣе слова или двѣ формы слова или двѣ формы предложенія съ одинаковымъ или почти одинаковымъ значеніемъ. Такія одно-значащія слова (синонимы) или формы долго не сохраняются въ такомъ видѣ. Въ такихъ случаяхъ или одно слово или форма вытѣсняетъ остальныя однозначащія, которыя все болѣе становятся неупотребительными и потомъ забываются; или же происходитъ дифференціація значеній, заключающаяся въ томъ, что однѣ разновидности общаго двумъ словамъ или формамъ значенія, или одно изъ нѣсколькихъ значеній ихъ, постепенно начинаютъ ассоціироваться только съ однимъ словомъ или формой, а другія разновидности значенія начинаютъ связываться исключительно съ другимъ словомъ или формой. Такимъ образомъ каждое изъ двухъ или болѣе однозначащихъ словъ или формъ получаетъ свое значеніе, и этимъ обезпечивается дальнѣйшее существованіе каждаго.

Очень часто одинъ изъ такихъ дуплетовъ заимствованъ, притомъ нерѣдко непосредственно съ нѣсколько инымъ значеніемъ. Напр. вредъ (изъ старославянскаго) — вередъ (русское); нравъ (старослав.) — норовъ (русское); гражданинъ (старослав.) — горожанинъ (русское); страна (старослав.) — сторона (русское) и пр.

Дифференціація реальныхъ значеній можетъ произойти въ связи съ различіемъ въ однихъ только формальныхъ принадлежностяхъ, въ томъ числѣ и флексивныхъ, напр. мужи — мужья́, сыны — сыновья, о́бразы — образа́, мѣхи́ — мѣха́, листы — листья, ду́хи — духи́, колѣни (ногъ) — колѣна (родъ) — колѣнья (растеній); сколько долгу — не исполняетъ долга; цвѣтъ чая — выпилъ чаю, и пр.

Примѣромъ дифференціаціи синтаксическаго значенія можетъ служить слѣдующее. Еще въ древнерусскомъ языкѣ при-

лагательное съ краткимъ окончаніемъ («новъ городъ», «красна дѣвица», «малъ мала меньше») могло употребляться и какъ опредѣленіе, и какъ сказуемое. Но рядомъ употреблялись и прилагательныя съ сложными окончаніями (новый, красный). Затѣмъ прилагательное съ краткими окончаніями получило исключительно функцію сказуемаго, а функціи опредѣленія связались съ формами сложнаго склоненія прилагательнаго (высокій домъ, домъ высокъ), которыя впрочемъ являются рѣже и въ функціи сказуемаго: эта лента красная, и проч.

ГЛАВА IX.

ИЗМѢНЕНІЯ ЯЗЫКА ВЪ СЛОВАХЪ И ВЪ ФОРМАХЪ СЛОВЪ И ВЪ ФОРМАХЪ СИНТАКСИЧЕСКИХЪ СЛОВОСОЧЕТАНІЙ.

---

§ 1. Возникновеніе новыхъ словъ и новыхъ морфологическихъ принадлежностей словъ.

Возникновеніе новыхъ словъ.

Съ развитіемъ культуры изобрѣтаютъ новыя орудія и вникаютъ болѣе детально въ явленія природы, общественной жизни и пр., вслѣдствіе чего возникаютъ новыя понятія, для которыхъ требуются и названія—слова. Такія вновь возникающія понятія обозначаются обыкновенно старыми словами, значенія которыхъ почему-либо ассоціируются съ этими новыми понятіями. Такъ какъ при этомъ обычныя значенія словъ измѣняются, то эти явленія относятся къ измѣненію значенія словъ (см. стр. 288 слѣд.).

Но нерѣдко для новыхъ понятій образуются и новыя слова. Впрочемъ новыя слова возникаютъ и для тѣхъ понятій, которыя уже имѣютъ названіе. Въ послѣднемъ случаѣ новыя слова появляются потому, что они болѣе точно обрисовываютъ представленіе съ его признаками, какъ оно возбуждается въ душѣ говорящаго въ моментъ образованія новаго слова въ рѣчи.

Новыя слова возникаютъ вслѣдствіе постепеннаго с р о с т а н і я с л о в ъ, составляющихъ синтаксическое словосочетаніе, напр. Новгородъ, Царьградъ, начаямъ (нѣтъ конца), заграницей, попусту, подѣломъ и пр. При возникновеніи такихъ сложныхъ словъ вслѣдствіе сростанія сначала обособляется значеніе даннаго синтаксическаго словосочетанія отъ значеній тѣхъ же словъ въ другихъ словосочетаніяхъ (ср. за границу, со временемъ

й пр.). Получается такое реченіе (см. стр. 300), значеніе котораго составляетъ одно понятіе. Благодаря обособленности значенія, такое словосочетаніе можетъ постепенно обособиться и въ звуковой сторонѣ (см. стр. 338) тѣмъ, что слова, составляющія его, могутъ объединиться общимъ удареніемъ (что бываетъ впрочемъ и въ свободныхъ синтаксическихъ словосочетаніяхъ, какъ «нá гору», «у рѣкú») и могутъ подвергаться звуковымъ измѣненіямъ, не раздѣляемымъ подобными же свободными синтаксическими словосочетаніями (исподволь > изъ-подъ-воли), или же могутъ сохранять старыя формы словосочетанія, когда въ соотвѣтствующихъ свободныхъ синтаксическихъ словосочетаніяхъ уже развились новыя формы (Новгородъ — новый городъ). Кромѣ того, въ реченіяхъ могутъ сохраняться слова, утраченныя въ отдѣльномъ употребленіи, или въ отдѣльномъ употребленіи вообще не вошедшія въ общее употребленіе (съ какой стати, попасть въ просакъ, съ ногъ сшибательно, вкось, впопыхахъ, наяву, всуе).

Полное сростаніе въ одно слово мы сознаемъ тамъ, гдѣ кромѣ обособленія значенія существуетъ и обособленіе въ звуковой сторонѣ словъ (оземь), или въ формѣ ихъ (подѣломъ, снаружи), или въ формѣ сочетанія ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ эти же формы словъ не употребляются свободно въ такихъ же синтаксическихъ сочетаніяхъ (зачастую). Но такъ какъ эти условія не зависятъ отъ требованій значеній, а лишь могутъ, но не должны явиться послѣдствіемъ обособленія значенія, то, понятно, мы сознаемъ часто одно слово тамъ, гдѣ формально лишь общеупотребительное синтаксическое словосочетаніе (втеченіе, заграницу, втайнѣ).

Отсюда уже видно, что различіе «отдѣльнаго сложнаго слова» отъ «синтаксическаго словосочетанія» въ значительной степени искуственное, вызванное потребностями правописанія. Этимъ объясняются колебанія въ орѳографіи. Въ живомъ языкѣ существуетъ много болѣе или менѣе тѣсныхъ словосочетаній, которыя находятся на пути къ образованію одного сложнаго слова, выразителемъ чего служитъ соединительный знакъ, какъ въ: порусски—по-русски, вопервыхъ—во-первыхъ, въ теченіе—втеченіе и пр. Съ полнымъ правомъ мы пишемъ «кстати», но вынуждены писать «съ какой стати». Соединительный знакъ употребляется собственно тамъ, гдѣ два слова сростаются, но не успѣли

еще окончательно сростись. Въ виду неопредѣленности этого состоянія словъ и невозможности разграничить его отъ случаевъ, гдѣ нужно принимать «два слова» или сложное слово», соединительнымъ знакомъ пользуются въ значительной степени произвольно.

Большинство новыхъ словъ образуется (по аналогіи) посредствомъ новыхъ сочетаній старыхъ морфологическихъ (основныхъ и формальныхъ) принадлежностей словъ. Такимъ образомъ изъ сочетанія словъ или основныхъ принадлежностей возникаютъ (*по аналогіи*) новыя *сложныя слова*, какъ: пар-о-ходъ, пол-о-теръ, рыб-о-лов-ство, животн-о-вѣдѣ-ніе; невѣста не жена, можно разневѣститься; женитьба есть, а разженитьбы нѣтъ.

Новыя *простыя слова* возникаютъ (*по аналогіи*) изъ сочетанія употребительной основной принадлежности и производительной формальной принадлежности: фокус-никъ, чугун-ка, кон-ка, их-ній, ей-ный, ево-ный, шеромыж-никъ, шеромыж нич-ать (< шеромыга < cher ami).

Источникомъ новыхъ словъ служитъ иногда и сложная *народная этимологія* (стр. 337), напр. міродеръ изъ мародеръ.

Совершенно *новыя основныя принадлежности* словъ появляются обыкновенно только въ *заимствованныхъ словахъ*. Заимствованныхъ словъ во всѣхъ языкахъ очень много, нерѣдко большая половина всѣхъ словъ. Слова заимствуются обыкновенно для обозначенія культурныхъ произведеній чужихъ народовъ (велосипедъ, театръ, парламентъ, кухня, плита, мечъ, плугъ, постъ и пр.). Но они появляются часто и тамъ, гдѣ уже имѣются свои названія, притомъ въ зависимости отъ историческихъ условій нерѣдко въ большомъ количествѣ (хозяинъ, очагъ, труба, изба, собака, лошадь, молоко, скотъ, хлѣбъ, царь, чадо, готовъ, котелъ, купить и пр. заимствованы изъ другихъ языковъ).

Впрочемъ существуетъ и другого рода заимствованіе изъ иностраннаго языка, касающееся отдѣльныхъ словъ. Это *переводъ иностранныхъ словъ* на родныя слова и новообразованія, возникающія по аналогія такихъ словъ, образованныхъ по образцамъ иностранныхъ словъ. При переводѣ роднымъ словамъ даются значенія иноязычныхъ словъ, напр. палата господъ (Herrenhaus), падежъ (переводъ латинскаго casus, старославян-

ское слово, русское падёжъ), склоненіе (declinatio) и пр. Такія искусственныя слова нерѣдко столь же чужды языку, какъ настоящія иностранныя заимствованныя слова, что упускаютъ изъ виду пуристы, преслѣдующіе напр. «галоши», но одобряющіе «мѣстоименіе», «падежъ» и пр. и не замѣчающіе болѣе древнихъ заимствованій какъ «лошадь», «собака», «хозяинъ», «очагъ» и пр. Не нужно только создавать преградъ противъ натурализаціи иноязычныхъ заимствованныхъ словъ, вродѣ правила о несклоняемости напр. «пальто́» и пр., а предоставлять ихъ народной обработкѣ.

При заимствованіи народомъ иностранныхъ словъ они получаютъ иногда совершенно другія значенія, чѣмъ они имѣли въ передающемъ языкѣ. Такъ, изъ словъ плѣнныхъ французовъ отечественной войны «cher ami» создали «шеромыга»; по начальнымъ словамъ пѣсни «Charmante Katherine» (Во всей деревнѣ Катенька . . . . .), наигрываемой шарманкой, назвали этотъ инструментъ «шарманкой» (катеринкой)

Помимо заимствованія совершенно новыя слова возникаютъ крайне рѣдко. Они или звукоподражательныя, или придуманы искусственно. Такъ придумано слово «gas», откуда русское «газъ», а слово «трахтарарахъ» звукоподражательное съ удвоеніемъ.

Конечно, новыя слова, возникшія изъ старыхъ составныхъ частей или вслѣдствіе фонетическаго измѣненія и обособленія отъ родственныхъ словъ и пр., можно называть новыми только условно.

Возникновеніе новыхъ основныхъ принадлежностей словъ.

Понятно, вновь явившіяся слова, какъ заимствованныя, вымышленныя, звукоподражательныя и передѣланныя по народной этимологіи, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя основныя принадлежности. Но новыя, или вѣрнѣе измѣненныя основныя принадлежности возникаютъ и вслѣдствіе фонетическаго измѣненія звукового состава старыхъ словъ при измѣненіи и обособленіи значенія ихъ (стр. 338). Они понятны изъ вышеизложеннаго. Укажу здѣсь еще на случаи приращенія и утраты звуковъ въ основной принадлежности.

Приращеніе морфологической принадлежности заключается въ томъ, что вслѣдствіе измѣнившихся условій ассоціаціи по смежности между звуками и значеніями словъ, содержащихъ

данную морфологическую принадлежность, къ послѣдней начинают относить звуки, которые раньше относились къ другой морфологической принадлежности этихъ словъ. Такъ, въ виду одиночества слова «раз-ор-ити» въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ (старослав. орити, ок-орити) основной принадлежностью стали понимать «-зор-», можетъ быть сближая ее съ «озорной», «зоркій» и пр., вслѣдствіе чего стали и писать «раз-зорить». Наоборотъ въ «слово», «словесе» и пр. (ср. стр. 331) послѣ новообразованій «слова» и пр. первоначальный суффиксъ «-ес», входившій въ составъ основы, исчезъ.

Возникновеніе новыхъ формальныхъ принадлежностей словъ.

Новыя формальныя принадлежности словъ, словообразовательныя и синтаксическія, возникаютъ обыкновенно или вслѣдствіе адапціи[1]) (adaptare—приспособлять), или вслѣдствіе того, что отдѣльное слово, сросшись съ другими, получаетъ затѣмъ въ этихъ сложеніяхъ значеніе формальной принадлежности. Такъ, вслѣдствіе сростанія инфинитива съ формами глагола «имѣть» развились малорусскія формы будущаго времени, въ которыхъ глаголъ «(и)мѣть» въ сокращенномъ видѣ играетъ роль суффикса, напр. хвалити-му, хвалити-мешь, писати-му, писати-мешь и пр. Въ сербскомъ языкѣ выработались формы будущаго времени изъ такого же сочетанія съ глаголомъ «хотѣть»: пи̏саћу, пи̏саћеш, бра̏ћу, бра̏ћеш, бра̏ће. Такъ же французскія donnerai, donneras, écrirai, écrira и пр. изъ donner-ai, donner-as (дать имѣю, дать имѣешь).

Вслѣдствіе сростанія причастія прошедшаго времени, какъ «писалъ», съ вспомогательнымъ глаголомъ «есмь» получились польскія формы прошедшаго времени pisałem, pisałes, pisalismy, вмѣсто древнихъ pisał jeśm, pisał jeś и пр.

Суффиксъ -ment, образующій французскія нарѣчія (vraiment, bonnement), былъ въ латинскомъ самостоятельнымъ словомъ (mens, mentis--умъ, образъ мысли, verus—истинный, вѣрный,

[1]) Прибѣгаю къ этому забытому нынѣ термину за неимѣніемъ болѣе подходящаго. Изъ изложеннаго выше видно, что многія формальныя принадлежности словъ возникли именно путемъ, указаннымъ Ludwig'омъ и названнымъ «адапціей». Нужно конечно его взглядъ измѣнить сообразно съ современнымъ пониманіемъ психологической стороны языка.

vera mente), ставшимъ въ сложеніяхъ формальной принадлежностью, обозначающей во французскомъ языкѣ категорію нарѣчій.

Для пониманія возникновенія падежныхъ формъ изъ сложенія съ частицами можно указать на французскія de l'homme, à l'homme, въ которыхъ de и à въ сущности предлоги, означающіе однако въ этихъ сочетаніяхъ лишь признаки синтаксическихъ отношеній падежей. Если бы они слѣдовали за существительными, то давно срослись бы съ ними и въ письмѣ въ одни падежныя окончанія.

Какая либо звуковая принадлежность словъ, встрѣчающаяся во многихъ словахъ, которыя содержатъ одинаковые элементы въ значеніяхъ, неизбѣжно ассоціируется по смежности съ этими элементами значеній и такимъ образомъ становится знакомъ этого комплекса элементовъ значеній, т. е. морфологической принадлежностью (стр. 324). Этотъ способъ возникновенія формальныхъ принадлежностей словъ и предложеній можно называть адапціей.

Такимъ образомъ, чередованіе гласнаго въ связи съ удареніемъ, напр. въ: акнó — óкна, палатнó — палóтна, капьё — кóпья, сѣдлó—сѣ́дла, бревнó—брёвна и пр. стало пониматься какъ признакъ множественнаго числа, помимо окончанія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ новообразованіе (пальтó): пóльта. Въ нѣмецкихъ Mütter, Väter и пр. единственный признакъ множественнаго числа, въ отличіе отъ ед. ч. Mutter, Vater, именно перегласовка (Umlaut).

Другіе примѣры: въ древнерусскомъ языкѣ формы: сторожа, господа, братья, князья и пр. были собирательныя слова женскаго рода и склонялись въ единственномъ числѣ (ср. нынѣшнія: сторóжа--стража, монастырская братія, татарва). Съ другой стороны, формы какъ: городá, парусá, рогá представляютъ первоначальное двойственное число, отличающееся отъ род. пад. ед. ч. удареніемъ. Когда эти слова, подъ вліяніемъ ихъ значенія, стали употребляться съ мн. числомъ глагола, то могли принять и склоненіе множ. числа. Такимъ образомъ вмѣсто: господа, господы, господѣ и пр. явились: господъ, господамъ, братьямъ и пр. Вслѣдствіе корреляціи съ формами ед. ч., какъ городъ, парусъ (городъ: городá, парусъ: парусá), отсюда возникъ въ великорусскомъ языкѣ новый производительный суффиксъ именительнаго п. множ. ч. муж. рода — ударенное *-a*, посредствомъ котораго обра-

зуется им. п. мн. ч. многихъ словъ (колоколá, образá, директорá и пр.).—Второе лицо мн. ч., т. е. при обращеніи ко многимъ, а также для вѣжливаго обращенія къ одному лицу, ассоціировано съ формальной принадлежностью (окончаніемъ) «-те». Вслѣдствіе этого и къ формѣ 1-го л. мн. ч. стали при означенныхъ значеніяхъ прибавлять окончаніе «-те» (пойдемте, вернемтесь). Возникло даже (ну): «ну-те» при означенныхъ условіяхъ.

Изъ того праязычнаго предлога, который далъ латинское и нѣмецкое in, греческое ἐν и пр., выработались фонетически праславянскія «вън» передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слога, и «въ» передъ согласнымъ. Изъ послѣдняго подъ удареніемъ и передъ группой согласныхъ развилось фонетически русское «во», а въ остальныхъ положеніяхъ русское *в* (во время, въ полѣ т. е. фполѣ). Точно такъ же возникло фонетически «сън» рядомъ съ «съ», давшимъ «со» и «с» (со мною, съ домомъ). Затѣмъ «въ», «съ» стали употребляться и передъ гласными, а старыя формы передъ гласными «вн» <«вън», «сн» <«сън» сохранились только тамъ, гдѣ они успѣли до этого времени сростись съ послѣдующимъ словомъ, напр. въ «вниманіе» <вън-имати, «снимать» <сън-имати. Но въ часто встрѣчающихся тѣсныхъ сочетаніяхъ съ мѣстоименіемъ «вън его», «вън емъ» форма «вън» такъ же сохранилась, и такимъ образомъ получились: «въ него», «въ немъ» (въ письмѣ мы относимъ «н» къ мѣстоименію); а если предлогъ не относится непосредственно къ мѣстоименію, то является «въ его» саду=въ саду его. Такъ же сохранились «съ него», «съ нимъ» <«сън его», «сън имъ», и рядомъ съ ними «съ его сада». Такимъ образомъ *н* сдѣлался знакомъ извѣстнаго различія въ синтаксическомъ значеніи сочетанія этихъ предлоговъ съ мѣстоименіемъ и въ этомъ значеніи сталъ появляться и при другихъ предлогахъ, гдѣ его раньше не было: отъ его отца—отъ-н-его, до его отца—до-н-его, у его отца—у-н-его, къ его отцу—къ-н-ему, при-н-емъ, передъ-н-имъ и пр. Впрочемъ, въ народныхъ діалектахъ встрѣчаются и «до его» и пр. Такъ какъ мѣстный п. употребляется только съ предлогами, то онъ является только въ видѣ «немъ» вмѣсто древнерусскаго юмь.

Звуковой составъ формальныхъ принадлежностей измѣняется между прочимъ вслѣдствіе того, что къ нимъ прирастаютъ звуки, относившіеся раньше къ другимъ морфологиче-

скимъ принадлежностямъ. Такъ, суффиксъ род. п. мн. ч. «-ов-» относился когда-то въ праславянскомъ языкѣ всецѣло къ основѣ (сынов-ъ, дат. п. ед. ч. сынов-и и пр.), и окончанiемъ былъ лишь звукъ ъ, какъ въ «рукъ». Вслѣдствiе разныхъ позднѣйшихъ измѣненiй въ основѣ и падежныхъ суффиксахъ получились такiя отношенiя: «сын», «сына», «сынов», такъ что «ов» должно было ассоцiироваться съ значенiемъ род. пад. и сдѣлаться его знакомъ по адапцiи. Ср. стр. 344—345.

Въ рѣдкихъ случаяхъ вырабатываются изъ заимствованныхъ иностранныхъ словъ формальныя принадлежности, притомъ чаще словообразовательныя. Такой флексивный суффиксъ представляетъ нѣмецкое дiалектическое окончанiе множ. ч. -s изъ французскаго языка (Papas, Vergissmeinnichts, Mädchens, Jungens и пр.). Конечно, заимствуются только цѣлыя слова, а изъ нихъ абстрагируются морфологическiя принадлежности такъ же, какъ изъ словъ родного языка. Въ русскомъ языкѣ образованнаго общества употребляется въ заимствованныхъ словахъ глагольный суффиксъ «-ир-(овать)», напр. анализировать, редактировать и пр., который существуетъ въ многочисленныхъ заимствованныхъ нѣмецкихъ глаголахъ (analisieren, redaktieren), а въ нѣмецкiй языкъ проникъ изъ французскаго языка. Рядомъ съ этимъ глагольнымъ суффиксомъ есть именной суффиксъ «-ировка» (маршировка). Въ заимствованныхъ иностранныхъ словахъ часто встрѣчаются суффиксы «-истъ», «-измъ», префиксъ «анти-» и пр. (романистъ, фанатизмъ). Они выдѣлились въ отдѣльныя морфологическiя принадлежности, какъ показываютъ шуточныя образованiя: антиятникъ, одесситъ и пр. Въ словахъ какъ визитъ: визитёръ (изъ французскихъ visite, visiteur), ремонтъ: ремонтёръ и пр. выработался суффиксъ «-тёр», вызвавшiй русско-французское образованiе (винтъ): «винтёръ».

Въ русскiй книжный языкъ проникло немало формальныхъ принадлежностей изъ старославянскаго языка, напр. суффиксъ причастiй «-щiй» (напѣвающiй). Настоящiя русскiя причастiя стали дѣепричастiями (напѣвая, напѣваючи).

Возникновенiе новыхъ формальныхъ категорiй словъ и новыхъ формъ предложенiя.

Примѣромъ возникновенiя совершенно новой формальной категорiи словъ съ новымъ формальнымъ значенiемъ можетъ

служить русское дѣепричастіе, представляющее окаменѣлую падежную форму старыхъ причастій, какъ: видя, увидѣвъ, увидѣвши. Это уже въ значительной степени абсолютная форма, которую школьная грамматика тщетно старается связывать во всѣхъ случаяхъ съ подлежащимъ главнаго предложенія. Ср. Тяжко жить, не имѣя здоровья. Бобы не грибы: не посѣявъ не взойдутъ. Лежучи у Ильи втрое силы прибыло.

Особый описательный видъ глагола выражается сочетаніемъ какъ: скажетъ «бывало». Особый видъ инфинитива, возникшій въ обращенной къ дѣтямъ ласкательной рѣчи, представляютъ малорусскіе уменьшительные инфинитивы: «спатки», «питочки» и пр., великорусскіе: «баиньки», «питиньки» и пр.

Къ возникновенію новыхъ формъ предложенія относятся случаи, когда вслѣдствіе утраты формъ словъ опредѣленные типы порядка словъ начинаютъ обозначать синтаксическія формальныя значенія.

§ 2. Утрата (вымираніе) словъ, формъ словъ и формъ словосочетанія въ предложеніи.

Слово исчезаетъ, когда перестаютъ употреблять его и вслѣдствіе этого не передаютъ его новымъ поколѣніямъ. Это происходитъ нерѣдко оттого, что обозначаемое имъ понятіе исчезаетъ постепенно. Такъ исчезли въ живомъ языкѣ слова: посадникъ, стольникъ, подъячій, стрѣлецъ, тіунъ, Перунъ; «ратникъ» вновь воскресили; «песъ» употребителенъ въ частныхъ случаяхъ и пр. Чаще слово исчезаетъ потому, что въ томъ же значеніи употребляется другое почему либо болѣе удобное слово. Такая меньшая пригодность слова происходитъ отъ a) слишкомъ малаго звукового состава (древнее мѣстоименіе «и» вытѣснено мѣстоименіемъ «онъ», но род. п. этого мѣстоименія «его» сохранился), b) отсутствія родственныхъ словъ, поддерживающихъ его въ памяти, c) слишкомъ многихъ или слишкомъ широкаго значенія, вслѣдствіе чего его замѣняютъ нѣсколько словъ съ болѣе частными значеніями, d) слишкомъ возвышеннаго или вульгарнаго оттѣнка значенія (стр. 299). Понятно, что слово, исчезающее въ отдѣльномъ употребленіи, можетъ сохраниться въ реченіяхъ, въ сложеніяхъ, въ сочетаніи съ опредѣленными словами, въ пространственныхъ или соціальныхъ діалектахъ (у спеціальныхъ классовъ общества) и пр.

Такъ же вымираютъ и формы словъ, если онѣ постепенно становятся неупотребительными. Такъ исчезла напр. древнерусская формальная категорія аориста (идохъ, иде .....) и категорія имперфекта (ведяхъ, ведяше и пр.), значенія которыхъ соединились съ формой сложнаго прошедшаго (велъ есмь), давшаго впослѣдствіи: (я) велъ, (ты) велъ и пр.

Древнерусскія звательныя формы (человѣче, коню) исчезли въ великорусскомъ языкѣ, такъ какъ въ этой функціи стала употребляться форма имен. падежа.

Остатокъ древняго двойственнаго числа сохранился въ сочетаніяхъ съ числительными, какъ: два дуба, два (три) коня, двѣ (четыре) души. Эти старыя формы двойственнаго числа лишь по внѣшней формѣ сходны съ род. пад. ед. ч., но въ сущности ни по происхожденію, ни по значенію ничего съ нимъ общаго не имѣютъ.

Конечно, формальныя принадлежности сами по себѣ исчезать не могутъ. Исчезаютъ только слова, образуемыя при помощи ихъ. Но формальныя принадлежности могутъ вымирать; это значитъ: потерявъ опредѣленное значеніе, они являются лишь непроизводительными звуковыми составными частями словъ. Такія принадлежности могутъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ распространенными въ языкѣ. Нерѣдко причиной вымиранія морфологической принадлежности словъ бываетъ не столько отсутствіе значенія, сколько слишкомъ широкое значеніе, пріобрѣтенное ими постепенно въ разныхъ словахъ. Такими вымирающими именными суффиксами являются «-ло» (масло, число, дѣло), -ель (собственно «-ѣль», гибель), «-тва» (молитва, жатва) и проч.

Живой суффиксъ вноситъ опредѣленные признаки въ значеніе словъ, въ составъ которыхъ онъ входитъ. Для того, чтобы суффиксъ, или вообще формальная принадлежность, былъ производительнымъ, нужно кромѣ того, чтобы онъ встрѣчался въ достаточномъ количествѣ словъ, напр. «-тель» въ значеніи производителя дѣйствія. Кромѣ того отъ звуковой стороны его требуется, чтобы его звуковой составъ былъ достаточно полный и ясный, и чтобы этотъ суффиксъ встрѣчался въ словахъ, которыя находятся въ родственной связи съ другими словами, не имѣющими этого суффикса и присущаго ему значенія, напр. «-тель»: учи-тель—учи-тъ—не-учъ, носи-тель—носитъ и

пр. Только при такихъ условіяхъ суффиксъ можетъ чувствоваться отдѣльной морфологической принадлежностью и можетъ отдѣляться отъ остальныхъ звуковыхъ принадлежностей словъ. Производительности способствуетъ частое употребленіе суффикса, вслѣдствіе чего онъ легко возбуждается въ памяти по требованію значенія при новообразованіяхъ по аналогіи (увеличитъ: увеличи-тель, искоренитъ: искорени-тель и пр.). Суффиксъ «-ёнокъ» имѣетъ опредѣленное значеніе (котенокъ, поваренокъ), «-ство» распространено, но вноситъ только признакъ формальной категоріи существительнаго въ представленіе дѣйствія и качества, и т. д.

Какъ на утрату формы синтаксическаго словосочетанія (синтаксической конструкціи) можно указать напр. на прежнія: «поятн собѣ женѣ» (мѣстн. пад., теперь: взять себѣ въ жены, жениться); воевалъ на Тиверцевъ; жить Кіевѣ, Новѣгородѣ (нынѣ: въ Кіевѣ).

ГЛАВА X.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ ДІАЛЕКТОВЪ. СМѢШЕНІЕ И ВЫМИРАНІЕ ЯЗЫКОВЪ.

---

§ 1. Возникновеніе діалектовъ и языковъ.

Въ предыдущемъ мы видѣли, какъ возникаютъ разнаго рода измѣненія въ индивидуальномъ языкѣ и какъ они распространяются на языкъ другихъ индивидуумовъ. Измѣненія происходятъ во всѣхъ сторонахъ языка: въ звукахъ (фонетическое измѣненіе и замѣна звуковъ въ артикуляціяхъ или при перенятіи, гл. V; аналогія, народная этимологія и пр., гл. VIII; измѣненія въ удареніи, въ продолжительности и пр.), въ словахъ и въ формахъ словъ и предложеній (гл. VII, VIII, IX), и въ реальныхъ и формальныхъ значеніяхъ (гл. VI, VII и пр). Здѣсь необходимо выяснить, какъ вслѣдствіе этихъ измѣненій и распространенія ихъ возникаютъ разныя діалектическія единицы языка (говоры, нарѣчія и пр.).

Новыя явленія языка, какъ мы видѣли, возникаютъ первоначально у небольшой группы лицъ, находящихся между собой въ непосредственныхъ и частыхъ языковыхъ сношеніяхъ, напр. у членовъ одной семьи, жителей одной деревни, мѣстности и пр. Починъ въ измѣненіи языка принадлежитъ отдѣльнымъ индивидуумамъ и объясняется изъ физіологическихъ и психическихъ индивидуальныхъ особенностей ихъ, а также изъ разныхъ постоянныхъ и случайныхъ внѣшнихъ условій. Пока такія отступленія отъ обычнаго появляются только у отдѣльныхъ лицъ, слушатели смотрятъ на нихъ какъ на ошибки и обмолвки, если они болѣе замѣтны. Чаще они остаются незамѣченными, какъ напр. фонетическое измѣненіе звука, употребленіе слова въ случайномъ

значеніи и пр. Подъ вліяніемъ языка окружающихъ они обыкновенно безслѣдно исчезаютъ опять, или сохраняются только у отдѣльныхъ лицъ въ видѣ индивидуальной особенности языка (напр. преимущественное употребленіе извѣстныхъ словъ, конструкцій и пр.) или даже въ видѣ недостатковъ языка (шепелявость и пр).

Но при благопріятныхъ условіяхъ новое явленіе въ языкѣ можетъ утвердиться въ языкѣ тѣсной группы лицъ и можетъ отсюда распространиться дальше. Процессъ распространенія всѣхъ другихъ новыхъ явленій языка существенно не отличается отъ процесса распространенія новыхъ звуковыхъ, явленій, изложеннаго на стр. 265 слѣд. Только распространенію новаго значенія или новыхъ словъ и формъ можетъ существенно содѣйствовать потребность въ нихъ со стороны мысли.

То обстоятельство, что новое явленіе вообще можетъ распространиться на мѣсто привычнаго стараго, объясняется тѣмъ, что условія, вызвавшія появленіе его органически у группы лицъ, являются обыкновенно болѣе общими, существующими въ извѣстной степени и у другихъ носителей даннаго говора, нарѣчія и пр. Если такія благопріятствующія условія не встрѣчаются гдѣ нибудь на пути распространенія новаго явленія, то распространеніе можетъ остановиться. Къ такимъ благопріятствующимъ условіямъ относится сходство въ артикуляціонной базѣ (для звуковыхъ измѣненій, напр. для распространенія аканья), сходство въ формальной системѣ языка (напр. распространенію новообразованія «сына» вмѣсто «сыну» содѣйствовало то, что окончаніе род. пад. съ *-а* при им. падежѣ на *-ъ* было всѣмъ гораздо болѣе привычно, такъ какъ словъ съ род. п. на *-а* было гораздо больше), сходство въ содержаніи мыслей (напр. при появленіи конки, велосипеда, явилась общая потребность въ названіи этихъ предметовъ) и т. д. Понятно, что такъ сказать распространеніе забыванія словъ и формъ зависитъ также отъ распространенія тѣхъ условій (появленія новыхъ словъ и формъ для обозначенія тѣхъ же понятій, исчезновенія понятій), благодаря которымъ эти слова и формы становятся лишними.

Новое явленіе въ языкѣ бываетъ часто настолько незначительное и мало замѣтное, что говорящіе и перенимающіе не сознаютъ его вовсе. Во всякомъ случаѣ распространители новаго не сознаютъ своей новаторской дѣятельности въ языкѣ и

обыкновенно не знаютъ, какъ это новое пристало къ нимъ. Они думаютъ обыкновенно, что они говорятъ, какъ всегда говорили и какъ говорятъ другіе.

Успѣшное распространеніе новаго языкового явленія зависитъ не только отъ того, насколько оно соотвѣтствуетъ психическимъ и физіологическимъ условіямъ перенимающихъ, но прежде всего отъ внѣшнихъ условій непосредственныхъ языковыхъ сношеній. Чѣмъ больше каждый перенимающій подвергается въ одиночкѣ хотя бы временно исключительному вліянію среды съ новымъ языковымъ явленіемъ, тѣмъ успѣшнѣе оно прививается къ нему. Благодаря зависимости отъ внѣшнихъ условій языковыхъ сношеній, которыя въ значительной степени случайны, новыя явленія распространяются разнообразными извилистыми путями, то широкой полосой, то перескакивая мѣстность (при переселеніи, при соціальной обособленности извѣстной мѣстности и пр.) и т. д. На діалектической картѣ получается такимъ образомъ сложный рисунокъ пути распространенія каждаго измѣненія языка. Впрочемъ большею частію невозможно прослѣдить исторически путь возникновенія и распространенія каждаго новаго явленія языка. Новое явленіе можетъ перейти изъ одного говора въ другой, изъ нарѣчія въ нарѣчіе, при этомъ можетъ распространиться не на весь говоръ или нарѣчіе. При посредствѣ переходныхъ говоровъ или при смѣшеніи языковъ новое явленіе можетъ перейти изъ одного языка въ другой.

Понятно, что одновременно распространяются въ языкѣ разныя новыя явленія, возникшія разновременно въ разныхъ мѣстахъ и распространяющіяся каждое своимъ особымъ путемъ, въ зависимости отъ встрѣчаемыхъ имъ условій языка и языковыхъ сношеній. Такимъ образомъ языковая карта испещряется разнообразными теченіями новыхъ явленій, разнообразно скрещивающихся между собою. Лишь естественныя преграды, какъ большія рѣки, болота, лѣса, горы, религіозныя и политическія границы являются общимъ препятствіемъ для дальнѣйшаго распространенія, и то преодолѣваются нерѣдко окольными путями. Очевидно, въ любой точкѣ языковой карты проходятъ разныя измѣненія языка въ разной временной послѣдовательности. Измѣненіе, прошедшее мимо одного пункта, можетъ много лѣтъ спустя распространиться на него.

Отсюда становится понятнымъ, что хотя мы и дѣлимъ языкъ

на нарѣчія, поднарѣчія, говоры и подговоры, но нельзя ожидать, чтобы напр. говоръ, какъ меньшая діалектическая единица, представлялъ нѣчто цѣлое, опредѣленно разграниченное отъ другихъ такихъ же цѣльныхъ единицъ—говоровъ, и составляющее вмѣстѣ съ другими говорами нарѣчіе, какъ бóльшее цѣлое, и т. д. При непрерывныхъ одинаковыхъ языковыхъ сношеніяхъ со всѣми окружающими языкъ каждой мѣстности имѣетъ однѣ особенности, общія съ одними говорами, другія особенности, общія съ другими говорами и т. д. При такихъ условіяхъ выдѣленіе какой-нибудь части въ отдѣльный говоръ или нарѣчіе является искусственнымъ и произвольнымъ. Такъ, если мы какой-нибудь языковой раіонъ, въ которомъ распространены явленія a, b, c, выдѣляемъ на этомъ основаніи въ говоръ A, то другія части языка, имѣющія вмѣсто нихъ явленія a′, b′, c′, мы выдѣляемъ на этомъ основаніи въ другой говоръ B. Но при этомъ другія явленія d, e, существующія въ одной части говора A, могутъ существовать и въ части говора B, а вмѣсто нихъ могутъ существовать въ другихъ частяхъ обоихъ говоровъ общія явленія d′, e′. Слѣдовательно, если мы считали бы явленія d, e болѣе существенными, чѣмъ a, b, c, то получилось бы другое дѣленіе: говоръ C съ особенностями d, e, обнимающій часть говора A и часть говора B, и т. д.

Дѣло осложняется еще тѣмъ, что рядомъ съ этими частями языка могутъ быть другія, въ которыхъ существуютъ явленія a, b′, c или a, b, c′ и т. д. Очевидно, дѣленіе на говоры при этихъ условіяхъ носитъ всегда субъективный характеръ и зависитъ отъ того, какія явленія мы считаемъ болѣе существенными и кладемъ въ основаніе дѣленія. Прежде всего считаются съ явленіями звуковой стороны языка, частью съ морфологическими, менѣе считаются съ синтаксической и особенно съ лексической стороной языка, такъ какъ слова могутъ легко переноситься въ другіе говоры и даже языки, такъ что представляютъ болѣе измѣнчивый признакъ. Конечно, научное изученіе даннаго языка должно быть историческимъ; поэтому при дѣленіи на говоры стараются и по возможности установить историческую послѣдовательность въ возникновеніи различій a — a′, b — b′ и пр. и считаются съ нею при дѣленіи на говоры, нарѣчія и пр.

Но чаще говоръ, нарѣчіе и пр. возникаетъ вслѣдствіе того, что часть носителей даннаго языка болѣе или менѣе обособляется

отъ другихъ вслѣдствіе разныхъ внѣшнихъ и духовныхъ условій, ставящихъ между ними преграды въ языковыхъ сношеніяхъ. Такъ до извѣстной степени изолированы отъ другихъ жители одного острова, одной долины, одного государства, города, прихода, деревни и пр. При такихъ условіяхъ члены этой части языкового раіона находятся между собою въ тѣсныхъ языковыхъ сношеніяхъ, а сношенія съ остальными слабы. Поэтому внутри такой болѣе или менѣе изолированной части быстро сглаживаются діалектическія различія, вносимыя изъ другихъ частей языка, именно тѣмъ, что они частью распространяются на всѣхъ представителей данной части языка, частью же отвергаются всѣми. Только при такой большей или меньшей изолированности въ языковыхъ сношеніяхъ вырабатываются естественныя единицы языка (говоръ, нарѣчіе). И то отношенія ихъ къ другимъ подобнымъ говорамъ и пр. бываютъ спорными. При такой продолжительной обособленности отъ другихъ частей языка вырабатываются постепенно такія крупныя особенности не только въ частностяхъ, но въ общихъ условіяхъ, благодаря которымъ мы признаемъ такую часть отдѣльнымъ языкомъ. Впрочемъ между «языкомъ» и «нарѣчіемъ» никакой принципіальной грани нѣтъ (см. стр. 37), и обыкновенно внѣшнія, совершенно чуждыя языку условія даютъ извѣстной діалектической группѣ названіе «языкъ». Этимъ и объясняется, что напр. названіемъ «нѣмецкій языкъ» объединяются говоры, изъ которыхъ нѣкоторые настолько различны между собою, что говорящіе на нихъ не понимаютъ другъ друга.

Между отдѣльными нарѣчіями или близко родственными языками, характеризуемыми опредѣленными фонетическими, морфологическими и пр. признаками, бываютъ еще часто языковыя полосы, совмѣщающія признаки смежныхъ нарѣчій, которыхъ поэтому нельзя причислить ни къ тому, ни къ другому нарѣчію. Они называются переходными говорами. Переходный говоръ представляетъ такую часть языка, внутри которой языковыя сношенія не болѣе интенсивны, чѣмъ съ смежными нарѣчіями. Вслѣдствіе этого она подвергается вліянію двухъ разныхъ діалектическихъ теченій и при малой концентраціи не можетъ выработать свои характерныя особенности, или характерную совокупность особенностей, раздѣляемыхъ по частямъ сосѣдними нарѣчіями. Такія условія, создающія переходный говоръ, зависятъ

отъ внѣшнихъ условій сношеній, которыя въ свою очередь зависятъ отъ разныхъ естественныхъ и соціальныхъ условій, препятствующихъ или способствующихъ сношеніямъ. Кромѣ того переходные говоры могутъ возникнуть и тогда, когда напр. два нарѣчія одного языка пришли впослѣдствіи въ сосѣдское языковое соприкосновеніе, напр. вслѣдствіе переселенія, возникновенія новыхъ путей сообщенія и пр.

Если мы русскій языкъ дѣлимъ на сѣверное, среднее и южнорусское или малорусское нарѣчія, то среднерусское нарѣчіе въ свою очередь распадается на южновеликорусское и на бѣлорусское поднарѣчія. Мы основываемся при этомъ на признакахъ, общихъ бѣлорусскому языку съ великорусскимъ. Но въ то же время въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ языкахъ много общихъ частію новыхъ фонетическихъ и морфологическихъ явленій, которыя распространялись въ обоихъ такъ же, какъ распространяются подобныя явленія внутри одного говора. Даже съ польскимъ языкомъ бѣлорусскій языкъ раздѣляетъ дзеканье (*ц*, *дз* изъ мягкихъ *т*, *д*) и общее происхожденіе его въ обоихъ языкахъ едвали подлежитъ сомнѣнію. По этимъ признакамъ можно при искусственномъ дѣленіи и классификаціи сближать бѣлорусскій языкъ съ малорусскимъ и т. д. На самомъ дѣлѣ бѣлорусскій языкъ отчасти искуственно разграниченная часть русскаго языка, живущая близкой общей жизнію съ остальнымъ русскимъ языкомъ. Внѣшнія условія сношеній сближали ее то съ одной, то съ другой частію русскаго языка и создали достаточно сильную концентрацію, чтобы могла выработаться особенная совокупность чертъ языка, характеризующихъ бѣлорусскій языкъ какъ отдѣльное нарѣчіе.

Нужно не упускать изъ виду, что особенно тамъ, гдѣ нарѣчія, говоры и пр. продолжаютъ существовать рядомъ и гдѣ въ сущности языковыя сношенія нигдѣ не прекращаются, какъ между нарѣчіями и говорами русскаго языка, выдѣленіе отдѣльныхъ частей въ отдѣльные говоры, нарѣчія и пр. и обозначеніе ихъ отдѣльными названіями является искуственнымъ, даже если эти части характеризуются нѣкоторыми вполнѣ опредѣленными признаками. На самомъ дѣлѣ существуетъ лишь широко раскинутый языкъ, съ безчисленнымъ множествомъ разныхъ теченій измѣненій по разнымъ направленіямъ. Въ любой точкѣ мы находимъ особенное сочетаніе бывшихъ теченій, оставившихъ здѣсь

свой слѣдъ, которое современемъ измѣнится подъ вліяніемъ новыхъ теченій. Очевидно, дѣленіе на діалектическія единицы служитъ лишь для оріентированія. А задача науки—выслѣдить всѣ бывшія теченія, по возможности опредѣлить путь каждаго, выяснить причины возникновенія и условія распространенія ихъ и т. д.

Эта общая жизнь не прекращается даже при той обособленности и затрудненіи въ сношеніяхъ, въ которыхъ находятся языки отдѣльныхъ народовъ, напр. русскій и нѣмецкій и французскій. Заимствованіе словъ, отчасти формъ, представляетъ въ сущности такое же теченіе измѣненія языка, какъ распространеніе аканья въ другіе говоры. Даже изъ самыхъ отдаленныхъ неродственныхъ языковъ дѣлаются заимствованія. Ср. стр. 60.

Кромѣ мѣстныхъ діалектовъ, различаемыхъ пространственно, существуютъ еще соціальныя діалектическія различія языка разныхъ классовъ общества, разныхъ сословій и спеціальностей (врачей, юристовъ, военныхъ, портныхъ, жуликовъ и пр.). По мѣрѣ увеличенія языковыхъ сношеній благодаря путямъ сообщенія, большимъ городамъ, общимъ школамъ, культурнымъ и торговымъ сношеніямъ и пр. мѣстные діалекты все болѣе сглаживаются, различія смѣшиваются и отчасти исчезаютъ. Но въ то же время съ развитіемъ культуры отдѣльные классы общества все болѣе спеціализуются, все болѣе вырабатываютъ свое особое міровоззрѣніе и свои особенности языка. Но это діалектическое развитіе языка касается больше лексикона и реальныхъ значеній (спеціальные техническіе словари), между тѣмъ какъ общая школа и печать вводятъ все болѣе однообразіе въ морфологической и синтаксической сторонѣ языка и отчасти въ фонетической. Вслѣдствіе взаимного вліянія такихъ соціальныхъ діалектическихъ особенностей возникаютъ новые разнообразные виды смѣшенія діалектовъ.

Изъ предыдущаго понятно, что и языкъ каждаго индивидуума никогда не приходитъ въ состояніе полной уравновѣшенности и покоя. Всякая услышанная рѣчь измѣняетъ нѣсколько его внутренній языкъ хотя бы только тѣмъ, что возбуждаетъ тѣ или другія части языка и этимъ усиливаетъ слѣдъ ихъ въ памяти и легкость возбуждаемости ихъ. Только полуискуственный литературный языкъ или общенародный языкъ можетъ сдѣлаться устойчивымъ вслѣдствіе подчиненія его нормамъ грамматики, словаря и пр и вообще письменности.

Появленіе письменности ставитъ въ особыя условія то въ началѣ небольшое нарѣчіе, которое затѣмъ при посредствѣ литературы становится языкомъ всѣхъ образованныхъ членовъ народа. Вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія этотъ языкъ проникаетъ въ народныя массы и вытѣсняетъ мѣстные діалекты, получая отъ нихъ новые элементы. Правда, «литературный языкъ», принятый въ письменномъ изложеніи, нельзя отожествлять съ «общенароднымъ» или «общегосударственнымъ» устнымъ языкомъ, такъ какъ въ письмѣ встрѣчаются слова, формы словъ и синтаксическія конструкціи, которыя неудобны или вообще неупотребительны въ устномъ языкѣ, являлись бы дѣланными, вычурными или тяжелыми въ устной рѣчи. Они частію архаизмы, или выработались подъ вліяніемъ другихъ литературныхъ языковъ, или представляютъ вообще извѣстныя удобства въ писанномъ языкѣ, который по существу разнородный съ звуковымъ языкомъ. Но въ тоже время устный языкъ образованнаго общества (общенародный языкъ) настолько близокъ къ письменному языку, особенно въ новѣйшее время, когда письменный языкъ стремится къ возможному сближенію съ устнымъ языкомъ, что письменный языкъ въ значительной степени обезпечиваетъ постоянство и однообразіе въ общенародномъ языкѣ.

§ 2. Смѣшеніе языковъ (заимствованія).

Отъ распространенія вновь явившихся явленій языка и перехода ихъ изъ говора въ говоръ, изъ нарѣчія въ нарѣчіе, о которомъ была рѣчь въ предыдущемъ, принципіально не отличается заимствованіе изъ другого языка, родственнаго или неродственнаго. Конечно, переносить факты одного языка въ другой могутъ только тѣ лица, которыя владѣютъ обоими языками, или по крайней мѣрѣ понимаютъ до извѣстной степени языкъ, изъ котораго заимствуется. Такимъ образомъ у этихъ лицъ психическія условія по отношенію къ распространяемымъ ими фактамъ чужого языка такое же, какъ у лицъ, распространяющихъ новыя явленія, возникшія внутри говора.

Заимствуются обыкновенно отдѣльныя слова, причемъ посредствомъ субституціи (стр. 265) звуковъ, удареній и пр. устраняются иностранныя звуковыя особенности. Впрочемъ при двуязычіи вслѣдствіе смѣшенія народовъ заимствуются и звуки изъ другого языка (стр. 258 слѣд.). Изъ заимствованныхъ словъ могутъ

выдѣлиться реальныя и формальныя иноязычныя принадлежности словъ (стр. 348), слѣдовательно могутъ явиться и иноязычные суффиксы словообразованія и словоизмѣненія. Особенно легко переносятся въ другой языкъ синтаксическія формы, которыя не противорѣчатъ установившимся формамъ, хотя и не привычны въ заимствующемъ языкѣ. Такое вліяніе на строеніе предложеній нѣмецкаго литературнаго языка оказывалъ латинскій и французскій языкъ, на русскій литературный языкъ — французскій языкъ и пр. Заимствованіе можетъ заключаться и въ одной лишь семасіологической сторонѣ языка (переводъ иностранныхъ словъ, какъ въ «падежъ», «склоненіе», стр. 343—344). Въ любомъ языкѣ много заимствованныхъ словъ, нерѣдко бо́льшая половина всѣхъ словъ. Только болѣе древнія заимствованія узнаются нерѣдко лишь при научномъ изученіи языка; и то нельзя всегда съ достовѣрностью опредѣлить, заимствовано ли слово, и откуда, такъ какъ иностранныя слова подвергаются тѣмъ же измѣненіямъ, какимъ подвергаются первоначальныя слова.

Такъ какъ значенія словъ измѣняются очень легко, новыя формы словъ являются тоже легко по аналогіи, то происхожденіе заимствованнаго слова опредѣляется главнымъ образомъ по его звуковой сторонѣ, сообразуясь съ звуковыми законами даннаго языка. Принимая въ расчетъ, въ какомъ звуковомъ видѣ слово могло быть заимствовано и тѣ измѣненія въ звукахъ, которыя въ немъ произошли впослѣдствіи, можно нерѣдко опредѣлить даже приблизительно время, когда это слово было заимствовано. Чѣмъ новѣе заимствованіе, тѣмъ легче обыкновенно опредѣлить мѣсто и время его заимствованія, и тѣмъ скорѣе сохранились историческія указанія. Заимствованія какъ «университетъ», «курсъ», «мода» всѣмъ понятны. Къ сравнительно новымъ относятся и заимствованія изъ татарскаго (тюркскаго) языка, какъ «чердакъ», «хозяинъ», «лошадь».

Слова какъ «врагъ», «рожденіе», форма причастія какъ въ «горящій», «идущій» и пр. заимствованы изъ церковнославянскаго языка, такъ какъ по законамъ русскаго языка могли изъ соотвѣтствующихъ праславянскихъ словъ получиться только: «ворогъ» (съ русскимъ полногласіемъ), «роженье» (ср. родить — рожу; изъ dj получилось русское *ж* и старослав. *жд*), «горячій», «идучи» (изъ tj получилось русское *ч* и старослав. щ. Ср. южнолитовскій род. п. причастія sergancžo и діалектическое ser-

guntio, въ которомъ *i* обозначаетъ мягкость t изъ tj).—«Θеодоръ», «каѳедра» и пр. взяты непосредственно изъ греческаго языка, а «тема», «театръ» при посредствѣ западноевропейскихъ языковъ, а то были бы «ѳеатръ», «ѳема», съ звукомъ *ф*, какъ въ анаѳема (см. стр. 265).

Въ праславянскую эпоху было заимствовано очевидно изъ германскаго языка слово вѣроятно въ видѣ «мелко», такъ какъ отсюда могли получиться старослав. млѣко, русское «молоко». Изъ этого же германскаго слова произошло нововерхненѣмецкое Milch. Если это слово было бы исконное славянское, то должно было бы имѣть *з* вмѣсто *к* (ср. молозево, старослав. мльзѫ—дою, литовск. mélžu, древневерхненѣм. milchu, лат. mulgeo, греч. ἀμέλγω).—Нынѣшнее слово «князь», старослав. кънѧзь, кънѧѕь, было повидимому заимствовано въ праславянскую эпоху изъ германскаго языка приблизительно въ видѣ kuningas (откуда нѣм. König), притомъ до эпохи измѣненія въ праславянскомъ языкѣ g въ dz > z (см. стр. 270) и до эпохи образованія назалированныхъ гласныхъ. Если бы слово «ангелъ» было заимствовано въ ту же эпоху изъ греческаго языка (ἄγγελος), то теперь было бы въ русскомъ языкѣ въ первомъ слогѣ *у*, а въ старославянскомъ ѫ (ср. старослав. ѫгль, рус. уголъ, лат. angulus и стр. 250—251). Но въ IX в. an не измѣнялось уже въ назалированный гласный ǫ.

Нерѣдко время заимствованія опредѣляется по даннымъ того языка, изъ котораго заимствуютъ. Такъ нѣмцамъ Pleskau былъ извѣстенъ въ то время, когда еще произносили Пльсковъ, измѣнившееся затѣмъ въ Плсковъ > Псковъ.

Конечно, заимствуются только слова, а не формы. Если въ русскомъ языкѣ существуетъ глагольный суффиксъ ир-(-овать), напр. въ анализировать, то онъ возникъ въ книжномъ языкѣ въ тѣхъ многочисленныхъ заимствованныхъ нѣмецкихъ глаголахъ, какъ analisieren, constatieren (стр. 348).

Для древнѣйшихъ эпохъ является нерѣдко сомнѣніе, заимствовано ли слово, или оно восходитъ къ индоевроп. праязыку, гдѣ конечно также были уже заимствованія изъ языковъ, которые могли не сохраниться. Такъ слово «вино», нѣм. Wein, лат. vīnum, греч. οἶνος и пр., не существующее въ индоиранскихъ языкахъ, считаютъ обыкновенно на основаніи культурно-историческихъ и географическихъ соображеній древнимъ заимствова-

ніемъ въ большинствѣ языковъ, хотя звуковыя условія не вездѣ вынуждаютъ къ этому. Слово это могло быть перенесено отъ малоазіатскихъ индоевропейцевъ (отъ фригійцевъ къ ѳракійцамъ и пр.) вмѣстѣ съ виноградной лозой и могло распространиться вмѣстѣ съ виноградньнмъ виномъ.

Указанное перенесеніе фактовъ изъ одного языка въ другой называютъ и «смѣшеніемъ языковъ» и въ этомъ смыслѣ говорятъ о «смѣшанныхъ языкахъ». Понятно, что при смѣшеніи народовъ могутъ вырабатываться языки, представляющіе смѣсь двухъ или болѣе языковъ не только по словарю, но и по грамматикѣ, синтаксису и пр. Такіе языки были бы смѣшанными въ полномъ смыслѣ слова. Такіе смѣшанные языки можетъ быть представляютъ меланезійскіе языки. Обыкновенно мы опредѣляемъ принадлежность языка къ извѣстной семьѣ по его грамматическому строю и не считаемся съ заимствованіями по словарю, какъ напр. по отношенію къ армянскому, отчасти болгарскому языку. Но если подъ вліяніемъ другого языка при смѣшеніи народовъ исчезаютъ напр. извѣстныя формы словъ и цѣлыя категоріи ихъ, какъ напр. различія по роду, различія въ падежахъ и временахъ, то въ этой отрицательной сторонѣ нужно также видѣть вліяніе одного языка на другой, продуктъ смѣшенія языковъ въ грамматической сторонѣ языка. Въ этомъ отношеніи отдѣльные индоевропейскіе языки и въ грамматическомъ отношеніи представляютъ вѣроятно гораздо больше слѣдовъ вліянія чужихъ языковъ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Какъ сказывается такое вліяніе, объ этомъ можно судить по такому смѣшанному языку, какъ русскій языкъ въ устахъ китайцевъ, которые напр. разныя падежныя формы замѣняютъ одной, вмѣсто разныхъ глагольныхъ формъ употребляютъ повелительное наклоненіе и т. д.

§ 3. Вымираніе языковъ.

Мы знаемъ языки, которые раньше занимали нерѣдко громадныя пространства а затѣмъ вымерли, напр. языкъ гальскій, языкъ древнихъ пруссовъ и пр. Другіе языки дошли до насъ въ остаткахъ, напр. языкъ басковъ, т. е. небольшая часть народа, говорившаго раньше на данномъ языкѣ, сохранила его въ устахъ потомковъ, между тѣмъ какъ остальная часть забыла его, усвоивъ себѣ другой языкъ. Литовскій языкъ въ Пруссіи вымираетъ на нашихъ глазахъ. Конечно, напр. по отношенію

къ латинскому языку нельзя собственно говорить о вымиранiи, такъ какъ только литературный латинскiй языкъ вымеръ, просуществовавъ еще долго какъ живой языкъ ученыхъ, а народный латинскiй языкъ живетъ до сихъ поръ и получилъ широкое распространенiе въ своихъ потомкахъ — романскихъ языкахъ. Поэтому не нужно обманываться названiями языковъ, а нужно видѣть вымиранiе только тамъ, гдѣ дѣйствительно прекращается дальнѣйшая передача языка.

Причина вымиранiя языка въ рѣдкихъ случаяхъ поголовное истребленiе или вымиранiе всѣхъ индивидуумовъ—носителей даннаго языка. Обыкновенно вымирающiй языкъ вытѣсняется другимъ языкомъ, т. е. носители его въ теченiи поколѣнiй забываютъ его, употребляя преимущественно другой языкъ, такъ что окончательному вымиранiю предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительный перiодъ двуязычiя, заканчивающiйся тѣмъ, что вымирающiй языкъ встрѣчается только въ домашнемъ употребленiи отдѣльныхъ семей, обыкновенно бѣднѣйшихъ, затѣмъ въ устахъ немногихъ стариковъ и въ особенности старухъ, такъ какъ женщины менѣе приходятъ въ внѣшнiя языковыя сношенiя.

Такое двуязычiе наступаетъ при смѣшенiи двухъ народовъ, или точнѣе, когда носители разныхъ языковъ живутъ такъ въ перемѣшку, что почти всѣ находятся въ языковыхъ сношенiяхъ съ носителями другого языка. Обыкновенно утверждаютъ, что при этихъ условiяхъ языкъ болѣе культурнаго народа или языкъ народа побѣдителя одерживаетъ верхъ. Это не подтверждается историческими фактами. При отсутствiи письменности можно съ тѣмъ же правомъ держаться какъ разъ противоположнаго взгляда, такъ какъ наиболѣе успѣшно чужой языкъ переходитъ отъ прислуги и подчиненныхъ къ дѣтямъ хозяевъ, слѣдовательно обыкновенно отъ менѣе культурнаго и покореннаго народа къ господствующему. Поэтому напр. курляндскiе нѣмцы говорятъ по латышски, а латыши, кромѣ обучавшихся въ школѣ, не знаютъ нѣмецкаго языка. Болгаре не навязали своего тюркскаго языка славянамъ, жившимъ около нижняго теченiя Дуная, а смѣшавшись съ ними приняли ихъ языкъ, давъ ему лишь свое имя. Въ дѣйствительности безконечное множество сложныхъ соцiальныхъ условiй, вытекающихъ изъ разнородныхъ политическихъ, административныхъ, экономическихъ, религiозныхъ и пр. условiй, а въ послѣднее время и нацiональныя и школьныя условiя обусловливаютъ вымиранiе того или другого языка.

При изслѣдованіи условій вымиранія какого либо языка нужно, какъ во всѣхъ явленіяхъ языка, отречься отъ абстрактныхъ понятій «народъ», «языкъ», и изслѣдовать, какъ у всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ въ ихъ потомственной преемственности постепенно одинъ языкъ замѣнился другимъ.

ГЛАВА XI.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ.

§ 1. Общенародный языкъ.

Рядомъ съ множествомъ народныхъ говоровъ, составляющихъ въ совокупности языкъ и служащихъ предметомъ научнаго изученія даннаго языка, у культурныхъ народовъ существуетъ еще общенародный (общегосударственный) языкъ (Gemeinsprache), который является языкомъ литературы, школы, администраціи, дѣловыхъ и частныхъ сношеній и пр. въ образованномъ обществѣ даннаго народа. Этотъ общенародный языкъ распространяется и поддерживается традиціей образованнаго общества, школой и печатью. Названія «французскій языкъ», «нѣмецкій языкъ» и пр. обозначаютъ (въ тѣсномъ смыслѣ) въ практической жизни обыкновенно именно такіе языки. Въ лингвистикѣ они называются точнѣе «общенѣмецкій языкъ», «общерусскій языкъ» и т. д. Нормой такого языка служитъ практическая грамматика и словарь, литература и традиція образованнаго общества. Нерѣдко этотъ языкъ отожествляется съ языкомъ какой либо мѣстности или столицы (московское нарѣчіе, языкъ г. Парижа), изъ котораго развился или гдѣ особенно распространился этотъ искуственно нормированный языкъ. Въ Германіи и Франціи образцомъ его считаютъ языкъ сцены, особенно серьезной драмы.

Но такой общенародный языкъ устнаго сношенія образованнаго общества нельзя вполнѣ отожествлять съ языкомъ литературы или вообще съ письменнымъ языкомъ даннаго народа, такъ какъ въ письменномъ изложеніи употребляются обыкновенно слова, выраженія и конструкціи, которыя казались бы неестествен-

ными въ устной рѣчи. Кромѣ того въ каждой специальной сферѣ, напр. въ судебномъ и административномъ дѣлопроизводствѣ, вырабатываются свои особыя діалектическія черты, главнымъ образомъ стилистическія и лексическія.

Понятно, что у тѣхъ жителей, которые съ дѣтства говорили на одномъ изъ народныхъ діалектовъ и затѣмъ въ школѣ или обществѣ усваиваютъ себѣ этотъ общенародный языкъ, наблюдаются подобныя же явленія смѣшенія языковъ, какъ при двуязычіи вообще. Вслѣдствіе этого общенародный языкъ распространяется на счетъ говоровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ мѣстные діалектическіе элементы подъ вліяніемъ этихъ говоровъ (между прочимъ въ фонетическомъ отношеніи подъ вліяніемъ артикуляціонной базы ихъ), которые могутъ все больше распространяться въ общенародномъ языкѣ.

Такой общенародный языкъ выработался въ разныхъ странахъ различными историческими путями. Его появленіе объясняется насущной потребностью въ такомъ общепринятомъ языкѣ у членовъ культурнаго государства. Благодаря ей какой нибудь говоръ становился постепенно въ все болѣе широкихъ кругахъ орудіемъ общественныхъ, религіозныхъ, литературныхъ, коммерческихъ и пр. сношеній и затѣмъ уже начинали нормировать его при помощи грамматикъ и пр. и сознательно проводить его посредствомъ школы и пр. Поэтому такой общенародный языкъ является до извѣстной степени искусственнымъ, въ который писатели и грамматики вносили предумышленно тѣ или другія измѣненія или ограниченія. Немаловажную роль играла при этомъ мода и подражаніе высшему и образованному обществу. Вслѣдствіе нормировки общенародный языкъ является болѣе постояннымъ, чѣмъ народные говоры, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ гораздо большее разнообразіе въ звуковомъ отношеніи, чѣмъ какой либо говоръ, такъ какъ главный проводникъ его, письмо, можетъ передавать звуковую сторону лишь въ общихъ чертахъ, но не передаетъ «произношенія». Впрочемъ въ новѣйшее время прививается въ школѣ и образцовое произношеніе общенароднаго языка, напр. въ Германіи и Франціи.

Общенародный языкъ возникаетъ изъ такой же практической потребности сношенія между членами болѣе широкого союза, изъ какой возникъ человѣческій языкъ вообще. Такъ какъ практическая потребность создаетъ естественнымъ путемъ обще-

народный языкъ, лишь заднимъ числомъ констатированный и нормированный, то, понятно, границы его области вовсе не совпадаютъ съ той группировкой говоровъ и нарѣчій, которая соотвѣтствуетъ близости ихъ между собою по родству. Такъ, между верхненѣмецкими и нижненѣмецкими говорами различіе больше, чѣмъ напр. между польскимъ и чешскимъ или между польскимъ и сербскимъ языками. Тѣмъ не менѣе въ области этихъ германскихъ говоровъ возникъ исторически одинъ «общенѣмецкій языкъ», а панславянскія попытки создать «общеславянскій» языкъ должны были остаться тщетными. Конечно этотъ общенѣмецкій языкъ большинство нѣмецкаго народа, говорящее на говорахъ, изучаетъ въ школѣ почти какъ иностранный языкъ, причемъ большое стараніе прилагается къ усвоенію правильнаго произношенія.

По словамъ Пауля (Paul, Principien [3] 393) теперь нечего и думать о созданіи «общенижненѣмецкаго» языка рядомъ съ «общенѣмецкимъ» языкомъ, который въ сущности языкъ верхненѣмецкій, несмотря на то, что существуетъ литература и извѣстные писатели, писавшіе на Plattdeutsch. Такъ же немыслимо создать теперь «общепровансальскій» языкъ, несмотря на то, что народный языкъ на югѣ Франціи собственно провансальскій, имѣющій богатую древнюю литературу (см. стр. 52). Въ аналогичныхъ условіяхъ съ приверженцами Plattdeutsch'а въ Германіи находятся у насъ и въ Галиціи сторонники созданія самостоятельнаго общемалорусскаго языка. Разница только въ томъ, что тамъ общая масса успѣла уже убѣдиться въ несостоятельности такого предпріятія. Помимо того факта, что исторически уже установился общенародный русскій языкъ, практическія выгоды, представляемыя болѣе распространеннымъ языкомъ, притомъ общенароднымъ и общегосударственнымъ, столь велики, что рядомъ съ ними разныя одностороннія соображенія и вкусы не могутъ расчитывать на практическій успѣхъ. Нужно еще имѣть въ виду, что въ выработкѣ общерусскаго языка участвовали также писатели и ученые изъ малороссовъ. А народъ, говорящій на говорахъ, долженъ всегда изучать въ школѣ или посредствомъ чтенія всякій такой «общій» языкъ, почти такъ же, какъ изучается иностранный языкъ, только изученіе его несравненно легче. Рѣдкій примѣръ распространенія общенароднаго языка и почти полнаго вытѣсненія имъ народныхъ говоровъ представляетъ

греческій языкъ (койне, см. стр. 51). Конечно, существованіе общенароднаго языка не исключаетъ возможности появленія литературныхъ произведеній напр. на нижненѣмецкомъ или малорусскомъ языкѣ. Впрочемъ въ литературѣ посчастливилось преимущественно одному поднарѣчію малорусскаго языка, именно украинскому. Но рѣдко талантливый писатель предпочитаетъ съузить добровольно кругъ своихъ читателей и своего литературнаго вліянія. Что былъ бы Гоголь, писавшій «Мертвыя души» и «Ревизора» на малорусскомъ языкѣ? Сравните еще автора и издателя произведенія на англійскомъ языкѣ. Англійскій писатель пишетъ для всего міра, а нижненѣмецкій или украинскій для узкаго круга любителей.

И у западныхъ европейскихъ народовъ число такихъ людей изъ малообразованныхъ, для которыхъ общенародный языкъ есть домашній языкъ, очень ограничено. Но это не приводитъ къ раздробленію общенароднаго литературнаго языка (въ широкомъ смыслѣ). Напротивъ, общая міровая культура заставляетъ прибѣгать къ все болѣе распространенному языку, о чемъ свидѣтельствуютъ упорныя попытки создать всемірный языкъ (см. ниже). Великое значеніе болѣе общаго языка для культурнаго народа было сознано уже въ древности, о чемъ свидѣтельствуетъ преданіе о «смѣшеніи языковъ» при Вавилонскомъ столпотвореніи. Только на «общемъ» языкѣ большого народа можетъ въ нынѣшнее время возникнуть удовлетворительная научная и техническая литература.

§ 2. Настоящіе искусственные языки. Всемірный языкъ.

Громадныя выгоды всякаго рода, сопряженныя съ знаніемъ болѣе распространеннаго языка, должны были навести на мысль о созданіи одного общаго языка по крайней мѣрѣ для народовъ европейской культуры, говорящихъ на языкахъ индоевропейскаго происхожденія.

Возможность созданія такого искусственнаго языка, по крайней мѣрѣ для дѣловыхъ, научныхъ и техническихъ международныхъ сношеній, въ теоріи отрицать нельзя. Вѣдь грамматическая нормировка «общихъ языковъ» культурныхъ народовъ содержитъ также искусственные элементы. Въ отдѣльной семьѣ возникаютъ нерѣдко случайно, чаще для забавы, особыя слова и выраженія или особыя значенія словъ, которыя временно

сохраняются. Чаще они появляются изъ языка дѣтей. Къ искусственнымъ языкамъ относятся разныя коверканія языка у школьниковъ, напр. посредствомъ прибавки слога «фу» къ каждому слогу и пр. Ученые и писатели нерѣдко вносятъ искусственно въ языкъ архаическіе, исторически сохранившіеся элементы. Въ языкѣ отдѣльныхъ профессій создаютъ нерѣдко нарочно техническіе термины. Существуютъ цѣлые сборники напр. языка солдатъ и языка студентовъ въ Германіи. Въ этихъ языкахъ понятія, имѣющія въ данномъ кругу особый интересъ, обозначаются нарочно такими словами, которыя непонятны для непосвященныхъ. Такія слова чаще иностраннаго происхожденія, но нерѣдко и общеупотребительныя, только въ другомъ значеніи. Часто такія слова образуются посредствомъ искаженія общеупотребительныхъ словъ прибавкою звуковыхъ элементовъ или замѣной однихъ звуковъ другими.

Къ такимъ искусственнымъ, притомъ тайнымъ языкамъ относятся у насъ напр. условные языки офеней и вообще торговцевъ, портныхъ и пр. разныхъ мѣстностей, и особенно условные тайные языки жуликовъ, воровъ и разныхъ преступниковъ. Въ послѣднихъ прежде всего слова какъ кража, убійство, взломъ, тюрьма и пр. замѣняются другими словами. Профессіональные интересы и досугъ представляютъ удобныя условія для созданія и сохраненія такихъ искусственныхъ языковъ, въ которыхъ впрочемъ искусственный элементъ заключается въ замѣнѣ однихъ словъ и выраженій другими, причемъ въ остальныхъ отношеніяхъ языкъ и его грамматика остаются обыкновенно нетронутыми.

Всѣ эти примѣры показываютъ, что преднамѣренное искусственное творчество въ языкѣ можетъ имѣть успѣхъ и разсчитывать на распространеніе, если совокупность всѣхъ естественныхъ условій, содѣйствующихъ и противодѣйствующихъ такимъ новшествамъ, даютъ перевѣсъ этимъ новшествамъ. Конечно цѣль всеобщаго или всемірнаго языка какъ разъ противоположна той цѣли, съ которой создаются тайные языки. Если напр. Одоевскимъ торговцамъ удобно замѣнить «четыре» посредствомъ «бутыре», «вино» посредствомъ «тарно», то очевидно въ всемірномъ языкѣ удобнѣе обозначить эти понятія такими словами, которыя по возможности заранѣе понятны всѣмъ народамъ, напр. вино словомъ vin, vino или чѣмъ-то въ этомъ родѣ.

Искуственныхъ всемірныхъ языковъ, намѣченныхъ въ общихъ чертахъ или подробно разработанныхъ съ грамматикой и съ словаремъ, придумано уже больше, чѣмъ существуетъ въ настоящее время въ Европѣ народныхъ языковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ «волапюкъ», имѣли очень много приверженцевъ. «Эсперанто» имѣетъ сейчасъ множество преданныхъ адептовъ, усердно изучающихъ его и переводящихъ на этотъ языкъ не только литературныя, но и научныя и даже философскія произведенія и т. д. Составлена даже исторія искусственныхъ языковъ (самая подробная: Couturat и Leau, Histoire de la langue universelle, 1903). На такихъ языкахъ велась переписка и произносились рѣчи на спеціальныхъ конгрессахъ. Для разработки и распространенія ихъ намѣчались широкіе планы, въ томъ числѣ и немедленное введеніе ихъ въ школьное преподаваніе, учреждались общества и разсчитываютъ на содѣйствіе международной ассоціаціи академій и т. д.

Знаменательно однако, что все дѣло ведется лицами, не имѣющими спеціальной лингвистической подготовки, и что немногіе лингвисты сочувствовали этому предпріятію. Правда, постепенно выработались все болѣе здравые взгляды на такой искусственный языкъ. Вмѣсто знаковъ основныхъ понятій, на которые расчленяли мышленіе въ философскій періодъ языковѣдѣнія, и вмѣсто болѣе позднихъ произвольно придуманныхъ корней и суффиксовъ (въ волапюкѣ), или вмѣсто корней латинскаго языка, стали наконецъ пользоватья такими морфологическими принадлежностями словъ, которыя вслѣдствіе родства или заимствованія общи большему или меньшему числу главныхъ европейскихъ языковъ. Основныя принадлежности остальныхъ словъ брали изъ разныхъ главныхъ европейскихъ языковъ (французскаго, англійскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, русскаго и пр.), причемъ для соблюденія международной справедливости дѣлали подсчеты численности народовъ, говорящихъ на этихъ языкахъ, распредѣляли ихъ по степени культурнаго значенія и пр., и пропорціонально съ этимъ заимствовали ихъ слова. Упрощенную грамматику съ суффиксами словообразованія и словоизмѣненія каждый изобрѣтатель языка придумалъ по своему. Въ большинствѣ случаевъ получился въ результатѣ нѣчто вродѣ романскаго діалекта, какъ видно изъ слѣдующей фразы «эсперанто»: Simpla, fleksebla, belsona, vere internacia en siaj ele-

mentoj, Esperanto prezentas al la mondo civilizita la sole veran solvon de lingvo internacia.

Нуженъ ли переводъ? Знакомый съ латинскимъ и съ французскимъ или итальянскимъ языкомъ подумаетъ, что передъ нимъ испанскій или какой-то другой романскій языкъ. Сравнимъ эту фразу съ переводомъ на французскій языкъ: Simple, flexible, harmonieux (ср. belle и son) vraiment (итальянск. vero) international en ses éléments, l'Espéranto présente au (ср. à la) monde civilisé la seule (итал. solo) véritable solution (итал. solvere) d'une langue (итальянск. lingua) internationale. Излишне доказывать, что для русскаго, шведа, татарина и пр. такой языкъ не ближе, чѣмъ настоящій французскій или итальянскій языкъ. Упрощенная грамматика не можетъ возмѣстить преимуществъ французскаго языка, на которомъ существуетъ цѣлая національная литература и на которомъ говоритъ цѣлый народъ и образованные классы другихъ народовъ. А кто будетъ на эсперанто говорить или писать черезъ 5 лѣтъ? Правда, приверженцы всемірнаго языка уже успѣли настолько отрезвиться, что не мечтаютъ больше о единомъ языкѣ, вошедшемъ въ народное употребленіе, а лишь объ изучаемомъ нарочно искусственномъ языкѣ для международныхъ, главнымъ образомъ письменныхъ сношеній между образованными людьми по техническимъ и научнымъ вопросамъ.

Другіе искусственные языки отводятъ больше мѣста основнымъ принадлежностямъ германскихъ языковъ. Во всякомъ случаѣ для лицъ, говорящихъ на одномъ изъ славянскихъ языковъ, изученіе такого искусственнаго языка существеннаго облегченія не представляетъ сравнительно съ французскимъ или нѣмецкимъ языкомъ, а для говорящихъ на неиндоевропейскихъ языкахъ новѣйшіе искусственные языки даже не предназначаются, какъ слишкомъ разнородные съ ними по строю и словарю.

Если имѣть въ виду, что значенія, связанныя въ европейскихъ языкахъ со словами, родственными по происхожденію, болѣе или менѣе различны въ разныхъ языкахъ, въ чемъ легко убѣдиться, заглядывая въ словарь, гдѣ эти слова сопоставляются по значеніямъ, напр. въ нѣмецко-французскій, французско-итальянскій словарь и т. д., то не трудно понять, что такого настоящаго (искусственнаго международнаго) языка быть не можетъ. такъ какъ всякій будетъ подставлять значенія своего родного языка. Это будетъ всегда нѣчто вродѣ болѣе совершенной

сигнализацій, какъ она принята въ международномъ морскомъ кодексѣ. Для громаднаго большинства людей онъ совсѣмъ не нуженъ. А тѣ, которымъ онъ нуженъ, предпочтутъ изучить нѣсколько настоящихъ языковъ, дающихъ возможность понимать всю литературу и десятки милліоновъ членовъ нѣсколькихъ народовъ, чѣмъ изучить какой-нибудь Volapük, Langue bleue, Universalsprache, Weltsprache, Pasilingua, Esperanto, Kosmos, Nov. Latin, Lingua komun, Jdiom neutral и пр., на которыхъ можно кое-какъ, главнымъ образомъ письменно, сегодня объясняться съ нѣсколькими десятками или даже десятками тысячъ убѣжденныхъ сторонниковъ; а черезъ годъ можетъ быть не найдешь уже собесѣдника на такомъ всемірномъ языкѣ. По свѣдѣніямъ приверженцевъ волапюка этотъ всемірный языкъ имѣлъ въ 1889 г. около милліона сторонниковъ, въ 1890 г. около 13,000 лицъ пользовались имъ въ международной торговлѣ. Гдѣ они теперь?

ГЛАВА XII.

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ.

Здѣсь нужно еще хотя поверхностно указать на то значеніе, которое языковѣдѣніе имѣетъ въ приложеніи къ нѣкоторымъ научнымъ и практическимъ областямъ. Дѣло въ томъ, что не только значеніе языковѣдѣнія какъ прикладной науки, но даже содержаніе его не успѣло еще сдѣлаться извѣстнымъ въ широкихъ кругахъ образованнаго общества. Между тѣмъ всѣ образованные люди занимались практическимъ изученіемъ языковъ и нерѣдко сталкиваются съ вопросами, разрѣшеніе которыхъ зависитъ въ большей или меньшей степени отъ языковѣдѣнія. Сюда относятся напр. разные вопросы по правописанію, о происхожденіи того или другого слова и пр.

Нерѣдко приходится слышать и читать, какъ даже филологи, не получившіе лингвистическаго образованія, ищутъ разрѣшенія какого-нибудь вопроса у филологовъ въ тѣсномъ смыслѣ, у философовъ и пр., ссылаются на устарѣлыя мнѣнія разныхъ авторитетовъ, совершенно не подозрѣвая даже, что эти вопросы уже успѣли выйти изъ области общихъ разсужденій и «мнѣній» и уже въ деталяхъ разрабатываются въ лингвистикѣ при помощи строгихъ методовъ современной науки, а частію сдѣлались уже азбучной истиной въ этой области. Встрѣчаются даже до сихъ поръ мнимо научныя работы филологовъ прямо по языку, все научное значеніе которыхъ сводится только къ доказательству, что авторы ихъ даже не подозрѣваютъ о существованіи отдѣльной науки языковѣдѣнія, имѣющей свои особые, очень строгіе и часто сложные научные пріемы изслѣдованія и требующей прохожденія такой же спеціальной научной школы, какъ

напр. химія, физіологія и пр. Они думаютъ, что достаточно знать нѣсколько языковъ по грамматикамъ и памятникамъ, чтобы быть лингвистомъ.

§ 1. Лингвистика въ примѣненіи къ филологіи въ тѣсномъ смыслѣ.

Филологъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, изучающій культурную жизнь какого-нибудь народа, пользуется фактическими данными и методами, выработанными въ языковѣдѣніи, при критикѣ и возстановленіи дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ, при толкованіи смысла неизвѣстныхъ словъ, темныхъ и испорченныхъ мѣстъ, при переводѣ памятниковъ, написанныхъ на незнакомомъ языкѣ и т. д. Грандіозный примѣръ раскрытія языка и содержанія памятниковъ, написанныхъ на неизвѣстныхъ языкахъ, представляетъ дешифровка древнеперсидскихъ, вавилонско-ассирійскихъ, египетскихъ и др. памятниковъ (см. стр. 49).

Языкъ каждаго народа представляетъ самъ по себѣ одно изъ культурныхъ произведеній этого народа; поэтому и изученіе фактической исторіи языка народа составляетъ одну изъ задачъ филолога въ тѣсномъ смыслѣ, и въ этой области его работа совпадаетъ съ работой лингвиста. Понятно, что здѣсь пользуются методами и пріемами, выработанными въ лингвистикѣ. Кромѣ того, въ виду неполноты источниковъ, недостающія свѣдѣнія пополняются фактическими данными, раскрываемыми въ сравнительной грамматикѣ (ср. стр 25, 22—23, 18—19). Особенное значеніе имѣетъ практическая фонетика для неофилологіи при собираніи діалектическихъ матеріаловъ.

Помимо этого, языковѣдѣніе доставляетъ филологу въ тѣсномъ смыслѣ дополнительныя данныя по исторіи изучаемаго имъ народа, добываемыя изъ фактовъ самого языка (см. ниже). Эти данныя подобны тѣмъ, которыя доставляются археологіей, только они гораздо обширнѣе и охватываютъ всѣ стороны жизни народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ они менѣе точны и больше нуждаются въ провѣркѣ по даннымъ изъ другихъ источниковъ.

Въ новѣйшее время лингвистика стала пріобрѣтать особое значеніе для всѣхъ филологическихъ наукъ въ методическомъ отношеніи. Языкъ допускаетъ такой точный и детальный анализъ, который невозможенъ въ другихъ культурныхъ историческихъ наукахъ. Въ виду этого теоретическая часть языковѣдѣ-

вія, между прочимъ и въ психологическомъ отношеніи, разработана гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ родственныхъ наукахъ. Вслѣдствіе этого и методы лингвистическаго изслѣдованія совершеннѣе другихъ и приближаются по точности къ методамъ естественныхъ наукъ (стр. 10—11). Отсюда понятно, какое благотворное вліяніе можетъ оказать языковѣдѣніе на выработку болѣе точныхъ методовъ изслѣдованія въ другихъ филологическихъ наукахъ.

§ 2. Лингвистика какъ вспомогательная наука для исторіи въ спеціальномъ смыслѣ. Лингвистическая палеонтологія.

И историкъ вынужденъ нерѣдко пользоваться услугами языковѣдѣнія, не только для указаннаго пониманія историческихъ памятниковъ, но еще для пополненія историческихъ свѣдѣній, не переданныхъ намъ въ памятникахъ.

Такъ напр. принадлежность географическихъ названій (рѣкъ, озеръ, горъ, мѣстностей), надгробныхъ памятниковъ и пр. къ извѣстному языку свидѣтельствуетъ о мѣстожительствѣ народа, говорившаго на этомъ языкѣ. Заимствованныя слова указываютъ на культурное вліяніе одного народа на другой, на сношенія между народами и пр.

Лингвистика имѣетъ еще болѣе существенное значеніе для возстановленія исторіи, главнымъ образомъ исторіи культуры.

Возстановляя напр. индоевропейскій праязыкъ мы вмѣстѣ съ тѣмъ возстановляемъ и значенія его словъ, а въ значеніяхъ словъ заключается весь внутренній духовный міръ народа. Слѣдовательно, возстановляя языкъ въ его словарѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываемъ и душу народа тѣхъ отдаленныхъ временъ, изъ которыхъ не сохранилось даже археологическихъ слѣдовъ.

Если въ числѣ значеній языка напр. индоевропейскаго пранарода существовали понятія о домѣ, двери, огнѣ, березѣ, сохѣ, лодкѣ и пр., то и въ окружающемъ реальномъ мірѣ этого народа существовали предметы, вызывающіе соотвѣтствующія представленія. Отсюда слѣдуетъ, что индоевропейскій пранародъ строилъ дома, обрабатывалъ землю и пр. Такимъ образомъ при помощи языка возстановляется культурная исторія народа и до нѣкоторой степени и политическая исторія его и пр. Этотъ отдѣлъ прикладного языковѣдѣнія называется лингвистической палеонтологіей или лингвистической доисторической исторіей.

Понятно, что работы этого рода были главнымъ образомъ сосредоточены на раскрытіи культурной исторіи индоевропейскаго пранарода (ср. стр. 43, § 2). Эта заманчивая область привлекала не мало изслѣдователей. Объ увлеченіи и отсутствіи трезваго метода свидѣтельствуетъ особенно объемистое сочиненіе Pictet (Les origines indoeuropéennes), въ которомъ авторъ подробно рисуетъ бытъ древнихъ индоевропейцевъ въ привлекательныхъ краскахъ и приписываетъ имъ культуру, большею частію выше той, которую мы застаемъ у отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ въ началѣ исторической эпохи.

Постепенно перешли къ болѣе трезвымъ и скептическимъ взглядамъ и къ болѣе строгимъ методамъ (Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere; Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte и друг.). Въ новѣйшее время появился обширный трудъ по этому вопросу Schrader'а, Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde и еще незаконченное сочиненіе Hirt'а, Die Indogermanen (вышелъ первый томъ).

Не подлежитъ сомнѣнію, что у индоевропейцевъ были слова, соотвѣтствующія нашимъ «домъ», «лошадь», «мать» и т. д. въ звуковомъ отношеніи и въ значеніяхъ. Но значенія словъ измѣняются по мѣрѣ того, какъ измѣняются самыя явленія, обозначаемыя этими словами. Неоспоримо, что индоевропейцы строили дома для жилища. Но каковы были эти дома? Точно такъ же несомнѣнно, что индоевропейцамъ были извѣстны лошадь, собака и пр. Но были ли они домашними животными? Постепенно получаются болѣе или менѣе точные отвѣты и на эти вопросы, какъ изъ области языка, такъ и изъ данныхъ древней исторіи индоевропейскихъ народовъ, археологіи, параллели другихъ менѣе культурныхъ народовъ и пр. Такъ, если мы рядомъ съ «домъ» находимъ и слово «дверь» и пр., то это позволяетъ уже точнѣе опредѣлить то представленіе, слѣдовательно и самый домъ, который былъ у индоевропейскаго пранарода. Если мы въ индоевропейскомъ праязыкѣ находимъ слова, обозначающія телѣгу, колеса, даже части упряжи, то это уже свидѣтельствуетъ о прирученіи животныхъ, запрягаемыхъ въ телѣгу. Такимъ образомъ изъ комбинаціи данныхъ языка постепенно все точнѣе вырисовываются настоящія условія жизни доисторическихъ индоевропейцевъ. Для примѣра укажу вкратцѣ на нѣкоторыя данныя изъ лингвистической палеонтологіи индоевропейскаго пранарода.

Индоевропейская прародина.

Прежде всего при помощи данныхъ индоевропейскаго праязыка старались опредѣлить мѣстонахожденіе индоевропейской прародины, т. е. мѣстность, гдѣ жилъ индоевропейскій пранародъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую его распаденію на отдѣльныя вѣтви, слѣдовательно за многія тысячелѣтія до Р. Х. Ср. стр. 43—63.

Данныя [illegible], которыми руководствуются при опредѣленіи мѣста прародины, заключаются главнымъ образомъ въ указаніи языка на то, что въ этой странѣ были рѣки и озера, на которыхъ ѣздили на выдолбленныхъ лодкахъ, росла береза, воздѣлывались нѣкоторые хлѣбные злаки, были весна, лѣто, зима со снѣгомъ, можно было заниматься скотоводствомъ и по крайней мѣрѣ мѣстами земледѣліемъ и пр.

Кромѣ того, указанія на мѣстонахожденіе прародины даютъ: позднѣйшее размѣщеніе отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ, пути, по которымъ они могли дойти до ихъ историческихъ мѣстонахожденій, а также размѣщеніе неиндоевропейскихъ народовъ, окружавшихъ въ пору распаденія индоевропейскій пранародъ, и нѣкоторыя другія данныя.

Большинство прежнихъ ученыхъ помѣщали индоевропейскую прародину въ Средней Азіи, къ сѣверу отъ Гиндукуша. Этотъ устарѣлый взглядъ встрѣчается и теперь еще нерѣдко въ работахъ нелингвистовъ. Другіе видѣли прародину въ южной Россіи, отъ устьевъ Дуная до Каспійскаго моря, въ юго-западной Россіи на берегахъ Березины и Днѣпра, въ сѣверной части Балканскаго полуострова и пр. Въ настоящее время можно съ большой вѣроятностью сказать, что индоевропейской прародиной была мѣстность около Днѣпра до Одера и отъ Карпатовъ почти до Балтійскаго моря, а кочующія восточныя части могли доходить въ степяхъ до Каспійскаго моря.

Разселеніе индоевропейскаго пранарода.

Въ связи съ вопросомъ о прародинѣ индоевропейцевъ находится конечно и вопросъ о разселеніи индоевропейскаго пранарода.

То, что можно сказать по исторіи первоначальнаго разселенія индоевропейскаго пранарода, какъ и о прародинѣ его, нужно признать лишь въ значительной степени вѣроятнымъ.

Какія причины, кромѣ естественнаго прироста и потребности въ пастбищахъ, заставляли затѣмъ индоевропейскій пранародъ разселяться, объ этомъ можно пока только догадываться. На сѣверѣ, близъ Балтійскаго моря, жили предки балтійскихъ народовъ, которые впослѣдствіи подвинулись лишь дальше на сѣверъ, къ морю. Въ среднемъ и верхнемъ бассейнѣ Днѣпра и его притоковъ жили предки славянъ. Къ юговостоку отъ нихъ занимались земледѣліемъ и частію кочевали предки арійцевъ, которые перешли затѣмъ за Каспійское море, въ мѣстность между Сырдарьей и Амударьей (арійская прародина). Впослѣдствіи индійская вѣтвь перешла въ Индію, а иранцы распространились на Персію, Авганистанъ и Белуджистанъ и частію на Кавказъ.

Западнѣе отъ предковъ арійцевъ, на берегу Чернаго моря, были предки армянъ, ѳракійцевъ-фригійцевъ и иллирійцевъ (впослѣдствіи албанцевъ), которые постепенно перекочевали черезъ устья Дуная въ сѣверную часть Балканскаго полуострова, а армяне, потомъ фригійцы перешли затѣмъ въ Малую Азію (въ III тысячелѣтіи). Армяне прошли затѣмъ дальше до страны Урарту (названіе ассирійское), гдѣ возникла впослѣдствіи Арменія.

Юго-западную часть прародины, около верхняго Днѣстра и Карпатовъ, занимали предки кельтовъ, италійцевъ и грековъ, которые затѣмъ перешли на западъ, черезъ Карпаты, къ среднему теченію Дуная. Здѣсь отдѣлились предки грековъ и македонянъ и прошли по западной сторонѣ Балканскаго полуострова, греки черезъ Эпиръ въ южную часть его, еще до появленія въ западной части иллирійцевъ. Другая часть юго-западной группы, предки италійцевъ, направилась отъ Дуная въ Аппенинскій полуостровъ. А оставшаяся наибольшая, сѣверная часть этой группы, предки кельтовъ, стала распространяться на всю западную Европу (Швейцарію, южную Германію, верхнюю Италію, Францію, Испанію (Галлы) и Британскіе острова. Къ сѣверозападу отъ греко-итало-кельтовъ и къ западу отъ балто-славянъ помѣщались на индоевропейской прародинѣ предки германцевъ, перешедшіе впослѣдствіи за рѣку Одеръ, откуда они стали распространяться на сѣверъ, югъ и западъ. Здѣсь они съ запада и юга столкнулись снова съ кельтами, а съ востока впослѣдствіи съ передвинувшимися сюда западными славянами. Передвиженіе южныхъ славянъ на Балканскій полуостровъ произошло позже.

Изъ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ въ началѣ исторической эпохи только нѣкоторые иранскіе кочевники (напр. скиѳы) занимали мѣста своихъ предковъ въ южныхъ степяхъ Россіи, и русскіе только раздвинулись въ бассейнѣ Днѣпра до Валдайской возвышенности. Но почти неподвижно, лишь нѣсколько подвинувшись на сѣверъ, остались балтійскіе народы, отчасти до настоящаго времени. Эта неподвижность, т. е. отсутствіе смѣшенія съ другими народностями при переселеніи, сказывается и въ языкѣ балтійскихъ народовъ, сохранившемъ наиболѣе чисто звуковыя и отчасти морфологическія черты языка своихъ предковъ на прародинѣ.

На своемъ пути индоевропейцы встрѣтили конечно туземныхъ жителей (аборигеновъ, т. е. исконныхъ жителей данныхъ мѣстъ, если о таковыхъ вообще можно говорить), которые смѣшались съ ними, или же отодвигались ими въ сторону. Такимъ образомъ уцѣлѣла часть финновъ въ сѣверной Россіи, уцѣлѣли баски (потомки прежнихъ многочисленныхъ иберійцевъ, населявшихъ Францію и Пиренейскій полуостровъ) только въ горахъ около Бискайскаго залива, бывшіе этруски въ горахъ Италіи, бывшіе лигурійцы въ западныхъ Альпахъ, уцѣлѣли дравидскія и колярскія племена въ южной Индіи, т. е на Деканскомъ полуостровѣ. О прежнемъ населеніи Греціи свидѣтельствуютъ археологическія находки (микенская культура) и пр. Всѣ эти народности, смѣшавшись съ индоевропейцами, должны были оказать на нихъ вліяніе въ физическомъ и культурномъ отношеніи, между прочимъ и на языкъ ихъ.

Нѣкоторыя данныя изъ исторіи культуры индоевропейскаго пранарода.

Для рѣшенія вопроса о культурѣ индоевропейскаго пранарода явятся новыя данныя тогда, когда археологія будетъ въ состояніи указать, какія именно археологическія находки относятся къ древнимъ индоевропейцамъ. До тѣхъ поръ всѣ свѣдѣнія о культурѣ этого народа мы черпаемъ почти исключительно изъ данныхъ языка его, и они восходятъ и дальше эпохи распаденія индоевропейскаго праязыка. Конечно, важныя реальныя данныя даетъ намъ культурное состояніе, въ которомъ мы застаемъ отдѣльные индоевропейскіе народы въ началѣ исторической эпохи каждаго. Индоевропейскій пранародъ въ эпоху, предшествовавшую распаденію его, находился еще въ каменномъ

періодѣ, хотя нѣкоторые металлы были ему извѣстны. Если по этому вѣрно мнѣніе нѣкоторыхъ антропологовъ, что неолитическая раса т. е. новокаменной эпохи, наиболѣе соотвѣтствуетъ арійскому типу (если вообще можно говорить о такомъ типѣ, такъ какъ у нынѣшнихъ индоевропейцевъ встрѣчаются напр. всѣ типы череповъ), то неолитическія находки средней и сѣверной Европы могли бы относиться къ индоевропейцамъ, ушедшимъ на западъ, и могли бы дать цѣнныя реальныя указанія о культурѣ ихъ.

По указаніямъ главнымъ образомъ лингвистической палеонтологіи индоевропейскій пранародъ занимался охотой на дикихъ звѣрей, скотоводствомъ въ южныхъ степяхъ, удобныхъ для кочевья, и земледѣліемъ на западѣ и сѣверѣ въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ, причемъ землю пахали при помощи сохи и коровы. [Переходъ отъ кочевого образа жизни къ земледѣлію—къ трудовой жизни, порождающей культуру—происходитъ обыкновенно по необходимости, вслѣдствіе недостатка пастбищъ, происходившаго нерѣдко оттого, что непріятельскія нападенія заставляли сосредоточиваться болѣе тѣсно и въ лучше защищенныхъ мѣстахъ, т. е. въ горахъ и лѣсахъ. Впрочемъ, не нужно думать, что кочевой образъ жизни былъ первоначальный и что переходъ отъ него къ земледѣлію представляетъ общій порядокъ культурнаго развитія. Бываетъ и обратный переходъ. Образъ жизни зависитъ отъ естественныхъ условій мѣстности, отъ отношеній сосѣдей и т. д.].

Домашними животными были корова, овца, собака. Лошадь, свинья, коза, волкъ, медвѣдь, гусь, утка, рыба, змѣя, пчела и многія другія животныя были имъ извѣстны, можетъ быть первыя отчасти и приручены. Кожа и шерсть примѣнялись для прикрытія тѣла, изъ льна дѣлались пряжа и ткани и пр. Изъ дерева, камня, кости и пр. выдѣлывались оружія и орудія, какъ лукъ, стрѣла, топоръ и пр. Существовали телѣги съ колесами, осями и съ первобытной упряжью

Строились первобытные дома изъ камня, дерева и другихъ растеній, съ дверьми и съ разной примитивной домашней утварею.

Индоевропейцы пользовались огнемъ, ѣли жаренное или вареное мясо, хлѣбъ и кашу изъ частію измельченныхъ между камнями сѣмянъ растеній (пшеницы, ячменя, проса) и плоды.

Пили молоко и пьяный медъ, приготовленный изъ пчелинаго меда. Умѣли считать по крайней мѣрѣ до ста (чего многіе дикіе народы до сихъ поръ не умѣютъ).

Надъ женами и дѣтьми властвовалъ глава дома, надъ селеніемъ глава селенія.

Индоевропейцы поклонялись силамъ природы, олицетворяли бога неба, солнца и пр., вѣрили въ предзнаменованія и предавались суевѣріямъ. Вообще культура индоевропейскаго пранарода была довольно высокая.

§ 3. Лингвистика какъ вспомогательная наука для этнологіи.

Для народовѣдѣнія или этнологіи данныя языка служатъ важнымъ средствомъ при опредѣленіи родственныхъ отношеній между народами. Такъ, родство между индійцами (индусами), греками, славянами и пр. было установлено на основаніи родства языковъ этихъ народовъ. О существованіи индоевропейской семьи народовъ въ началѣ прошлаго столѣтія не имѣли еще понятія.

Нужно однако имѣть въ виду, что дѣленіе языковъ на извѣстныя семьи не должно непремѣнно совпадать съ дѣленіемъ человѣчества на расы. Указанія языка при дѣленіи на расы очень существенны; но недостаточно однихъ указаній языка. Напр. басковъ мы выдѣляемъ изъ индоевропейской семьи народовъ на основаніи языка. Но конечно нельзя утверждать, чтобы всѣ народы, говорящіе въ настоящее время на индоевропейскихъ языкахъ, или хотя бы на одномъ англійскомъ языкѣ, принадлежали къ индоевропейской расѣ (напр. сѣвероамериканскіе негры). Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій какой-нибудь народъ можетъ усвоить себѣ чужой языкъ и постепенно забыть свой языкъ, какъ это случилось напр. съ тѣми кельтами, которые нѣкогда населяли нынѣшнюю Францію и теперь говорятъ на романскомъ нарѣчіи, а именно французскомъ языкѣ.

Но несомнѣнно въ такомъ случаѣ то, что такіе иноплеменные народы жили когда-то или въ перемѣшку съ тѣмъ индоевропейскимъ народомъ, языкъ котораго они позаимствовали (какъ русскіе евреи, говорящіе на нѣмецкомъ жаргонѣ), или смѣшались съ индоевропейскимъ народомъ, языкъ котораго они усвоили себѣ (какъ напр. болгары, народъ урало-алтайскаго происхожденія, смѣшавшійся въ Болгаріи между прочимъ съ славянами).

§ 4. Лингвистика какъ вспомогательная наука для юриспруденціи.

Все духовное знаніе, пріобрѣтенное человѣчествомъ, передается послѣдующимъ поколѣніямъ посредствомъ языка, въ устной рѣчи и въ книгахъ. Для вѣрнаго пониманія техническихъ терминовъ, выработанныхъ постепенно въ каждой спеціальной научной области, значенія ихъ опредѣляются по возможности точнѣе въ этихъ наукахъ.

Особое практическое значеніе имѣетъ вѣрное пониманіе писаннаго языка у юристовъ. Юридическіе законы записываются въ словахъ. Они затрагиваютъ разнообразныя области соціальной жизни и должны быть по возможности понятны всѣмъ и одинаково понимаемы всѣми. Поэтому языкъ ихъ не можетъ быть слишкомъ условнымъ и спеціальнымъ, въ которомъ понятія, обозначаемыя отдѣльными терминами, заранѣе искусственно строго опредѣлены.

Отсюда вытекаютъ значительныя затрудненія, такъ какъ общенародный языкъ въ своихъ значеніяхъ никогда не представляетъ той точности, которая необходима для всякаго закона. Изъ изложеннаго въ главѣ VI понятно, что юридическія нормы, какъ и всякія другія словесныя изложенія, могутъ пониматься разными лицами въ значительной степени различно, тѣмъ болѣе, что онѣ нерѣдко составлены въ прошломъ или содержатъ устарѣлыя выраженія, и съ тѣхъ поръ условія жизни и языкъ успѣли измѣниться. Часто юридическія нормы заимствованы и сложились у другихъ народовъ, въ примѣненіи къ другимъ условіямъ жизни. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что законы передаются въ письмѣ, допускающемъ вообще большее разнообразіе въ пониманіи, чѣмъ устная рѣчь. Кромѣ того вслѣдствіе возможной заинтересованности читателя можетъ явиться не только невольное, но и преднамѣренное одностороннее пониманіе смысла закона.

При такихъ условіяхъ въ юриспруденціи должно было возникнуть особое ученіе «толкованія» юридическихъ законовъ. Появленіе подобной дисциплины въ какой либо научной области по отношенію къ научнымъ законамъ слѣдовало бы считать заблужденіемъ науки, свидѣтельствующемъ о вырожденіи техническаго языка его. Но тамъ, гдѣ спеціальный языкъ въ силу

естественныхъ условій не можетъ достигнуть научной точности, какъ напр. въ юридическихъ законахъ, или гдѣ у читателей недостаточное реальное пониманіе языка, какъ напр. при чтеніи авторовъ древняго міра или вообще малоизвѣстныхъ намъ народовъ, единственный путь для возможно вѣрнаго раскрытія мыслей писавшаго, это интерпретація при помощи опредѣленныхъ пріемовъ.

Такъ какъ толкованіе закона заключается въ опредѣленіи точныхъ значеній тѣхъ предложеній, которыя составляютъ юридическую норму, то оно относится къ области языка и слѣдовательно при толкованіи нужно руководствоваться пріемами, указываемыми языковѣдѣніемъ. Конечно, спеціальная чисто юридическая сторона не входитъ въ компетенцію лингвиста. Но лингвиста интересуютъ общіе взгляды юристовъ на языкъ и общіе пріемы обращенія юристовъ съ фактами языка. И въ этой области приходится убѣждаться, что юристы недостаточно используютъ то, что можетъ дать языковѣдѣніе юриспруденціи. Правда, семасіологія не принадлежитъ къ лучше разработаннымъ областямъ языковѣдѣнія. Но все же она можетъ внести существенныя поправки въ пріемы интерпретаціи текстовъ, выработанные въ классической филологіи и легшіе въ основаніе между прочимъ юридической интепретаціи. Укажу на примѣръ.

Въ юридической интерпретаціи общепринято дѣленіе на «грамматическое» или «словесное» («буквальное», «филологическое») и на «логическое» или «реальное» («историческое», «философское» и пр.) толкованіе, причемъ посредствомъ словеснаго толкованія раскрывается «словесный смыслъ» юридической нормы и отдѣльныхъ словъ ея. Выходитъ, что въ языкѣ могутъ быть еще какія-то особыя словесныя или грамматическія значенія, кромѣ тѣхъ реальныхъ значеній, которыя имѣлъ въ виду писавшій, т. е. законодатель. Но мы знаемъ, что слова, какъ и значенія ихъ, въ отдѣльности не существуютъ въ дѣйствительности въ языкѣ. Существуютъ предложенія и значенія ихъ. И то нельзя опредѣлить значеніе предложенія изъ отдѣльнаго предложенія, такъ какъ значеніе это зависитъ еще отъ предыдущей и послѣдующей рѣчи, отъ временнаго и болѣе постояннаго настроенія и пр. (см. стр. 286 слѣд.) Это значитъ по отношенію къ юридической нормѣ, что значеніе ея зависитъ отъ связи съ другими нормами и со всей системой права, отъ общихъ

юридическихъ взглядовъ законодателя, отъ тѣхъ временныхъ условій и соображеній, которыя вліяли на появленіе и содержаніе данной нормы и пр. Какъ только мы вырвемъ слово или даже предложеніе изъ этой связи, мы извращаемъ ихъ значенія, и чѣмъ меньше мы считаемся съ этими условіями, тѣмъ болѣе мы можемъ приписывать даннымъ предложеніямъ и словамъ различныя невѣрныя значенія, и слѣдовательно тѣмъ болѣе мы извращаемъ подлинный смыслъ ихъ.

Вѣрно понимать рѣчь, устную или писанную, значитъ возможно тожественно возбудить въ себѣ тѣ представленія и чувствованія, которыя говорившій или писавшій хотѣлъ сообщить своей рѣчью. Съ этой цѣлью изучаютъ языкъ и духовное міровоззрѣніе автора, отчасти по окружающей его средѣ, особенно если авторъ относится къ средѣ, болѣе отдаленной пространственно или временно. Для вѣрнаго пониманія юридическихъ нормъ точно такъ же необходимо во всѣхъ случаяхъ, гдѣ является сомнѣніе, изученіе общихъ взглядовъ законодателя на данные вопросы, которые открываются въ значительной степени изъ условій общественной жизни даннаго времени и среды, подъ вліяніемъ которыхъ они сложились, тѣмъ болѣе, что въ выработкѣ и редактированіи юридическихъ законовъ участвуетъ обыкновенно нѣсколько или много лицъ; поэтому юридическіе законы имѣютъ гораздо менѣе индивидуальный характеръ, чѣмъ произведеніе одного автора, и значенія языка ихъ раскрываются обыкновенно болѣе изъ историческаго изученія юридическихъ взглядовъ общества, чѣмъ напр. изъ біографическихъ данныхъ составителя закона.

Конечно, если какое нибудь слово имѣетъ особое техническое значеніе, которое въ точности не опредѣлено въ текстѣ, или если слово устарѣлое или неизвѣстное по значенію, то необходимо прибѣгнуть къ общимъ пріемамъ опредѣленія значенія темнаго слова, т. е. къ опредѣленію значенія его по контексту, къ сопоставленію всѣхъ мѣстъ, содержащихъ это слово и т. д., но и то не съ цѣлью выдѣлить «значеніе слова само по себѣ» (такого нѣтъ значенія), а съ цѣлью опредѣлить его реальное значеніе или значенія въ данныхъ конкретныхъ условіяхъ. Въ такихъ случаяхъ можетъ получиться недостаточно опредѣленное значеніе или возможность допущенія двухъ значеній и пр., и тогда для закона единственный правильный выходъ — авторитетное разъ-

ясненіе, которое въ дѣйствительности равняется произвольному приданію условнаго смысла данному слову. Если же при толкованіи темнаго слова приходится добираться до «корня» его, то для дѣйствующаго закона нужно считать смыслъ его безусловно потеряннымъ, такъ какъ этимъ путемъ до того точнаго смысла, который требуется для закона, не добраться.

Какія превратныя значенія получили бы напр. слова «преступникъ», «искъ», «челобитчикъ», если мы стали бы объяснять ихъ этимологически изъ «переступившій» (законъ?), «то, что ищутъ» и т. д. Во время написанія толкуемаго текста слова могли имѣть уже совсѣмъ другія значенія, чѣмъ тѣ, которыя вытекаютъ изъ словопроизводства; они могли даже никогда не имѣть такого значенія, какъ «коньки», «паровая конка» по содержанію своего значенія съ самаго начала не имѣли ничего общаго съ конями. Поэтому напр. изслѣдователи римскаго права напрасно придаютъ такое значеніе этимологическому объясненію слова parricida въ древнѣйшемъ римскомъ законѣ. Значеніе этого слова извѣстно (тяжкій убійца, убившій родственника, близкаго, главу семейства или государства и пр.) и указаніе просхожденія первой части этого слова можетъ ничего не дать для объясненія значенія его, такъ какъ значеніе этого сложнаго слова еще задолго до первыхъ королей могло обособиться отъ значенія первой части сложенія. [Первая часть въ отдѣльности не сохранилось въ латинскомъ языкѣ: parricida < pāricīda (какъ Juppiter < Jū-piter, littera < lītera) < pāsicīda (какъ floris < *flosis ср. оскск. Fluusai; ero < eso ср. esse) < pāso-caeda (какъ novitas < *novotas ср. греч. νεότης, equitem < equotem ср. греч. ἱππότα), а pāso-s = греч. аттич. πηός, дорич. πᾶός — родственникъ, изъ *πᾱσο-ς. Это слово повидимому унаслѣдовано обоими языками изъ индоевропейскаго праязыка. Существуетъ множество другихъ объясненій происхожденія первой части этого слова, къ томъ числѣ такія, которыя отожествляютъ ее съ словомъ paratus. Но это объясненіе недопустимо уже съ семасіологической стороны. По показаніямъ юридическихъ понятій другихъ древнихъ индоевропейскихъ народовъ признакъ предумышленности въ убійствѣ, который могъ бы вызвать сочетаніе словъ какъ caedes parata т. е. praemeditata, не различался у индоевропейскаго пранарода. И у римлянъ это различіе возникло повидимому гораздо позже, чѣмъ образовалось древнее сложное слово paricida въ его первоначальномъ звуковомъ видѣ].

Какъ же возникло такое дѣленіе на словесное или грамматическое и реальное толкованіе вообще? При чтеніи древнихъ текстовъ нужно сначала перевести смыслъ на родный языкъ. Для этого значенія словъ опредѣляются по словарю, формы по грамматикѣ. Получается переводъ, собственно болѣе или менѣе извращенный смыслъ текста съ подставными значеніями словъ родного языка. Такой переводъ можно пожалуй неточно называть словесной или грамматической интерпретаціей текста.

Чтобы вѣрно понимать смыслъ напр. римскаго текста, нужно связать съ нимъ понятія и представленія, сходныя съ тѣми, которыя связывали съ нимъ римляне. А для этого нужно посредствомъ изученія древностей усвоить себѣ представленія и общее міровоззрѣніе этого народа. Основанное на такомъ изученіи истолкованіе текста въ его настоящемъ смыслѣ можно называть реальной интерпретаціей. Очевидно, это въ сущности единственная возможная интерпретація, такъ какъ и при переводѣ на общедоступный языкъ нужно съ самаго начала имѣть въ виду настоящія реальныя значенія толкуемаго текста, иначе этотъ переводъ будетъ не разъясненіемъ, а извращеніемъ смысла текста.

Подобный переводъ на общеупотребительныя слова требуется и въ дѣйствующемъ правѣ многихъ народовъ, такъ какъ въ языкѣ законовъ встрѣчаются обыкновенно архаизмы и техническіе термины. Но это не можетъ разсматриваться какъ особый актъ толкованія, а лишь какъ неразрывная составная часть процесса объясненія настоящаго смысла текста, т. е. однимъ изъ средствъ, дѣлающихъ слушателямъ или читателямъ понятнымъ настоящій смыслъ. Конечно, если дѣйствующее право написано на общенародномъ языкѣ, гдѣ никакого перевода и подставленія значеній другихъ словъ не требуется, о словесномъ толкованіи можно лишь говорить при редакціонныхъ ошибкахъ, неправильномъ и неряшливомъ изложеніи и т. д. Но и тогда терминъ «словесное толкованіе» не подходитъ. Развѣ можно убѣдиться даже въ редакціонной ошибкѣ, не имѣя предварительно въ виду настоящаго реальнаго значенія текста?

Такое дѣленіе толкованія закона на словесное и реальное, какъ въ основѣ своемъ ложное, конечно не можетъ быть проведено и на практикѣ. Юристы теоретики смотрятъ на нихъ, какъ на два раздѣльныхъ акта, причемъ къ реальному толко-

ванію по ихъ мнѣнію слѣдуетъ приступить только по выполненіи словеснаго толкованія. Но на самомъ дѣлѣ они при этомъ словесномъ толкованіи уже руководствуются данными, которыя могутъ быть лишь результатомъ реальнаго толкованія. Такъ, вопросъ, предъявляемый къ словесному толкованію, ясенъ или не ясенъ словесный смыслъ нормы, можетъ быть конечно рѣшаемъ и дѣйствительно рѣшается только на основаніи того, настолько ясенъ дѣйствительный реальный смыслъ нормы, а вовсе не на основаніи какого-то фиктивнаго словеснаго смысла его.

Когда юристы откажутся отъ этого устарѣлаго раздѣленія толкованія и отъ миѳическаго словеснаго смысла нормы, то вопросы о неясности закона, о возможномъ двусмысленномъ или неточномъ пониманіи его и пр. будутъ стоять не въ началѣ, а въ концѣ толкованія, когда уже выяснены всѣ реальные факты значеній, доказывающіе ясность или неясность закона.

Встрѣчаются и болѣе грубыя ошибки въ толкованіи закона. Напр. приписываютъ писанному закону самостоятельный смыслъ, который долженъ де имѣть рѣшающее значеніе въ томъ случаѣ, если этотъ смыслъ расходится съ мыслію законодателя! Очевидно, такое пониманіе смысла закона идетъ въ разрѣзъ съ природой значеній языка и относятся къ области миѳологіи. Если напр. на практикѣ нужно нѣсколько устарѣлую норму примѣнить mutatis mutandis къ измѣнившимся условіямъ жизни, то здѣсь можетъ быть выходъ только въ какомъ нибудь чисто юридическомъ толкованіи по аналогіи, при ясномъ сознаніи размѣровъ отступленія отъ настоящаго смысла нормы. Но не нужно искать выхода въ области языка посредствомъ извращенія его фактовъ.

Толкованіе закона есть ничто иное, какъ опредѣленіе смысла его, т. е. настоящихъ значеній написанной рѣчи. Поэтому въ основѣ толкованія должно лежать общее ученіе о значеніяхъ языка, т. е. общая семасіологія, какъ отдѣлъ языковѣдѣнія.

§ 5. Языковѣдѣніе какъ вспомогательная наука для психологіи.

Въ особенно тѣсной связи находится языковѣдѣніе съ психологіей. Въ психологической сторонѣ языка языковѣдѣніе постоянно пользуется научными результатами индивидуальной психологіи, которая такимъ образомъ является для языковѣдѣнія

основной вспомогательной наукой. Но въ то же время языкъ является той областью, въ которой наилучше изучается дѣятельность человѣческой души, какъ она проявляется въ сложныхъ процессахъ общественной жизни и въ сложныхъ культурныхъ произведеніяхъ человѣческаго общества (въ языкѣ, въ народныхъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ и пр.) Этой частью психологіи занимается въ новѣйшее время «общественная психологія» (Völkerpsychologie). Понятно, что такимъ образомъ языковѣдѣніе въ свою очередь является вспомогательной наукой для психологіи, доставляя ей тѣ факты языка въ надлежащей обработкѣ, изъ которыхъ психологія дѣлаетъ свои выводы.

Психологія не только пользуется фактами языковъ и особенно исторіи языковъ, чтобы дѣлать изъ нихъ свои выводы. Анализъ сложныхъ процессовъ языка и выдѣленіе и опредѣленіе роли психическаго фактора въ нихъ требуетъ спеціальной лингвистической подготовки. Поэтому понятно главные результаты для психологіи въ этой области добыты лингвистами, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше разработка психологіи языка неизбѣжно ложится главнымъ образомъ на лингвистовъ, хотя цѣль ихъ при этомъ другая, чѣмъ у психологовъ. Лингвиста интересуютъ эти психическіе процессы не сами по себѣ, а лишь настолько, насколько они вліяютъ на факты языка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ выясняются и общія условія душевной дѣятельности человѣка въ области языка, составляющей предметъ изученія психологія языка. Понятно, что работы, предпринимаемыя въ этой смежной области съ разныхъ точекъ зрѣнія лингвистами и психологами, дополняютъ и контролируютъ другъ друга и могутъ привести къ тѣмъ лучшимъ результатамъ. Впрочемъ у семи нянекъ дитя бываетъ безъ глазу, а въ этой смежной области затрудненіе въ томъ, что для научной разработки ея требуется основательное знаніе двухъ крупныхъ областей науки, языковѣдѣнія и психологіи.

§ 6. Лингвистика какъ основа методологіи преподаванія языка.

Языкъ является однимъ изъ основныхъ предметовъ средняго образованія, безъ котораго едва ли можно среднюю школу считать общеобразовательной. Математика одностороння и без-

содержательна. Другіе предметы школьнаго образованія просты и описательны и не допускаютъ въ средней школѣ той логической умственной работы надъ реальными и точными, притомъ очень сложными фактами, которая возможна при изученіи языка. Изученіе классическихъ языковъ оказало несомнѣнно большія услуги умственному развитію цѣлыхъ поколѣній, несмотря на разные недостатки въ преподаваніи ихъ. И современная болѣе демократическая средняя школа не можетъ отказаться отъ теоретическаго изученія по крайней мѣрѣ одного изъ преподаваемыхъ въ ней языковъ, если она желаетъ сохранить свою общеобразовательную миссію и не желаетъ отказаться отъ общаго умственнаго развитія въ пользу чисто утилитарныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ разными спеціальными среднеучебными заведеніями, техническими, коммерческими и пр.

Вмѣстѣ съ тѣмъ практическое знаніе новыхъ языковъ для современнаго образованнаго человѣка совершенно необходимо, и это знаніе стоитъ у насъ значительно ниже, чѣмъ въ другихъ культурныхъ странахъ, несмотря на ходячее мнѣніе, будто въ Россіи знаютъ иностранные языки больше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Этой репутаціей мы обязаны тѣмъ сравнительно немногимъ лицамъ, которыя пользовались услугами иностранныхъ боннъ и гувернеровъ; ни школа наша, ни общая масса лицъ съ среднимъ образованіемъ не оправдываютъ ея.

Несмотря на это значеніе языковъ въ средней школѣ, методика преподаванія языка находится еще въ періодѣ грубаго эмпиризма Лишь въ сравнительно недавнее время учителя-неофилологи на западѣ, особенно въ Германіи, стали дѣлать рѣшительные шаги къ водворенію болѣе раціональныхъ, научно обоснованныхъ методовъ преподаванія новыхъ языковъ. Большинство преподавателей языковъ не подозрѣваетъ даже, что научную основу методики преподаванія языка нужно искать прежде всего въ языковѣдѣніи. Они ищутъ совѣтовъ въ работахъ педагоговъ, философовъ и пр., которые въ настоящее время для преподавателя языка то же, что домашній лѣчебникъ для знахаря. Причина этому молодость современной науки языковѣдѣнія, вслѣдствіе которой не успѣли еще использовать ее для прикладныхъ цѣлей. Между тѣмъ, если немного вдуматься въ дѣло, то становится яснымъ, что для раціональнаго преподаванія языка нужно прежде всего имѣть ясное представленіе о тѣхъ

функціяхъ нашего организма, которыя въ совокупности называются языкомъ. Онѣ сложны и разнородны, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго.

Врачъ, въ отличіе отъ знахаря, изучаетъ сначала нормальный человѣческій организмъ и его функціи въ анатоміи, физіологіи и пр. Затѣмъ онъ знакомится съ разными видами патологическихъ нарушеній нормы и съ тѣми средствами, при помощи которыхъ устраняются ненормальныя явленія и возстановляются нормальныя функціи организма. Положеніе преподавателя по отношенію къ ученику не совсѣмъ параллельное съ положеніемъ врача, но въ общихъ чертахъ сходное съ нимъ. Нормальнымъ состояніемъ организма ученика съ точки зрѣнія преподавателя языка должно быть то психофизіологическое состояніе, которое называется знаніемъ того языка, который учитель преподаетъ. Конечно, это знаніе можетъ быть различно, смотря по тому, какія цѣли намѣчены въ преподаваніи (практическое знаніе языка, одно чтеніе съ пониманіемъ мертваго языка и т. д.). Во всякомъ случаѣ всѣ эти психофизіологическія состоянія можетъ раскрыть ему языковѣдѣніе, и только языковѣдѣніе. Далѣе учитель долженъ представлять себѣ ясно, въ чемъ состоитъ психофизіологическое состояніе ученика, не обладающаго требуемымъ знаніемъ даннаго языка (но обладающаго извѣстнымъ знаніемъ другого или другихъ языковъ) для того, чтобы констатировать, какія функціи и въ какой степени нужно привить учащемуся, чтобы получилось намѣченное психофизіологическое состояніе (намѣченное знаніе языка), совершенно такъ же, какъ врачъ посредствомъ изслѣдованія состоянія даннаго паціента изъ сравненія съ нормальнымъ состояніемъ организма ставитъ діагнозъ и этимъ намѣчаетъ, на какія части организма нужно направить какое лѣченіе. Разнымъ средствамъ лѣченія въ медицинѣ соотвѣтствуютъ разные пріемы преподаванія языка.

Пріемовъ и методовъ обученія языку выработано опытомъ уже много. Они разнообразны и прививаютъ учащимся одни тѣ, другія—другія изъ составныхъ функцій языка. Употребляются и такіе пріемы, которые никакой пользы не приносятъ, или приносятъ больше вреда чѣмъ пользы.

Какъ всякія лѣкарства и пріемы лѣченія анализируются и изучаются по отношенію къ ихъ дѣйствію на организмъ, и результаты этихъ работъ заносятся затѣмъ въ формакологію и пр.,

точно такъ же для методологіи языка, стоящей на научной высотѣ, нужно анализировать и изучать пріемы преподаванія языка, чтобы выяснить, какія изъ составныхъ функцій, называемыхъ въ совокупности языкомъ, и въ какой мѣрѣ прививаются учащимся каждымъ изъ этихъ пріемовъ преподаванія. Только послѣ этого можно въ каждомъ конкретномъ случаѣ дѣлать цѣлесообразный выборъ изъ существующихъ пріемовъ преподаванія, комбинировать ихъ цѣлесообразно (какъ въ рецептѣ), вносить коррективы, устраняющіе нежелательныя въ данномъ случаѣ дѣйствія и т. д., въ зависимости отъ того, какія изъ составныхъ функцій языка и въ какой мѣрѣ нужно привить въ данномъ конкретномъ случаѣ (на данномъ урокѣ или на цѣломъ рядѣ уроковъ).

Очевидно, въ основѣ всего этого должно лежать языковѣдѣніе и въ особенности психофизіологія языка. Конечно, при этомъ приходится считаться съ общей психологіей и въ частности съ (будущей) педагогической психологіей, съ общей педагогикой, гигіеной и пр., а также съ множествомъ разнородныхъ внѣшнихъ и случайныхъ условій (число учениковъ въ классѣ, продолжительность урока, степень дисциплины и внимательности, традиціи, степень утомленія — первый или послѣдній урокъ, насколько учитель владѣетъ классомъ и пр.). Всѣ эти условія измѣняютъ нѣсколько дѣйствіе каждаго пріема.

Всѣ эти свѣдѣнія, въ основѣ которыхъ будетъ лежать научное языковѣдѣніе, составляютъ или вѣрнѣе составятъ методологію преподаванія языка, какъ одной прикладной области языковѣдѣнія.

Отсутствіемъ научнаго лингвистическаго основанія методики преподаванія языка объясняется, что дилетанты придумываютъ новые методы, которые въ послѣднее время выростаютъ какъ грибы, и затѣмъ такъ же быстро уступаютъ свое мѣсто другимъ. Въ основѣ лежитъ та же наивная вѣра въ панацею, которая создала поклонниковъ Кнейпа и разные чудодѣйственные элексиры. Увлекаются нѣкоторыми односторонними успѣхами и не видятъ рядомъ существенныхъ пробѣловъ. Даже невѣжественная безсмысленная мнемоника, идущая въ разрѣзъ съ природой языка и съ самыми элементарными требованіями методики изученія языка, находила себѣ иногда приверженцевъ.

Отсутствіе научной методологической основы дѣлаетъ то, что

общіе планы и программы преподаванія языковъ въ школѣ на западѣ дѣлаютъ нерѣшительные шаги къ улучшенію, а у насъ бросаются изъ одной крайности въ другую. Въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ послѣ переводно-грамматическаго метода преподаванія новыхъ языковъ, навѣяннаго преподаваніемъ древнихъ языковъ, перешли недавно къ противоположной крайности, въ младшихъ классахъ къ такъ называемому натуральному методу. Конечно, вѣра въ спасительное дѣйствіи этого метода въ школѣ исчезнетъ такъ же быстро, какъ исчезла вѣра въ Кнейпа и его босяцкое лѣченіе.

Каждый изъ существующихъ пріемовъ преподаванія можетъ быть при извѣстныхъ условіяхъ полезенъ, но лишь цѣлесообразный выборъ ихъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ, цѣлесообразное сочетаніе ихъ и внесеніе по обстоятельствамъ нужныхъ коррективовъ даютъ наиболѣе раціональный и совершенный способъ преподаванія въ каждое данное время, при данномъ составѣ класса и всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ. Но для такого раціональнаго пользованія этими пріемами нужно прежде всего хорошее научное лингвистическое образованіе.

Здѣсь не мѣсто для методологіи преподаванія языка. Но для примѣра укажу на нѣкоторыя стороны такъ называемаго «натуральнаго метода» въ томъ видѣ, какъ его недавно вводили въ школу, и на другой пріемъ изученія языка, которымъ совсѣмъ пренебрегаютъ.

При натуральномъ методѣ учитель прежде всего самъ говоритъ исключительно на иностранномъ языкѣ и наглядно разъясняетъ смыслъ рѣчи посредствомъ жестовъ, мимики, демонстраціи предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь и т. д. Грамматика и тексты и въ значительной степени писаніе устраняются. Но при этомъ 1) слуховое воспріятіе рѣчи (В, рис. 4) учащимися должно быть неточное (ср. стр. 264). 2) Въ теченіе урока усваивается очень не много новыхъ словъ въ ассоціаціи В > Прч и обратно. 3) Если въ классѣ 40 учениковъ, то каждый можетъ въ лучшемъ случаѣ говорить въ среднемъ $^1/_2$ минуты на каждомъ урокѣ, слѣдовательно Дв.орг и Б почти совсѣмъ не прививаются. При такихъ условіяхъ даже при постоянной практикѣ въ слышаніи иностранной рѣчи въ теченіе многихъ, даже десятковъ лѣтъ не научаются говорить. 4) Писаніе (Дв.ру и граф) мало прививается. 5) Умѣнье читать текстъ (Д > В > Б > Дв.орг), представляющее

затрудненіе даже при переводномъ методѣ, здѣсь совершенно въ пренебреженіи, и т. д.

Натуральнымъ такой методъ названъ только по поверхностному внѣшнему взгляду. Въ дѣйствительности онъ принадлежитъ къ методамъ, наиболѣе расходящимся съ естественными условіями усвоенія языка въ дѣтствѣ. При естественномъ усвоеніи главное условіе—постоянныя упражненія съ утра до вечера въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ во всякихъ сферахъ употребленія языка, какъ въ рѣчи, такъ и въ пониманіи рѣчи. Къ этому присоединяется живой интересъ понимать и быть понятымъ, податливость и впечатлительность памяти и пр. Вслѣдствіе такой интенсивности работы только и устанавливаются всѣ ассоціаціи и видѣляются всѣ семантическія принадлежности языка (см. стр. 321 слѣд.).

Классныя условія до того различны отъ тѣхъ условій, при которыхъ усваивается материнскій языкъ въ дѣтствѣ, что классный пріемъ, который по существу наиболѣе соотвѣтствуетъ естественному способу усвоенія языка въ дѣтствѣ, долженъ съ внѣшней стороны совершенно расходиться съ нимъ. Впрочемъ, такой пріемъ былъ бы не изъ лучшихъ, такъ какъ усвоеніе языка въ дѣтствѣ вовсе не происходитъ самымъ цѣлесообразнымъ способомъ. Притомъ психофизическія условія дѣтей 2—5 лѣтъ другія, чѣмъ 8—14 лѣтъ. При классномъ изученіи языка непремѣнно нужно связывать устный языкъ съ письмомъ, такъ какъ изученіе письма само по себѣ необходимо, а вдобавокъ ассоціаціи письма способствуютъ быстрому усвоенію устнаго языка. Кромѣ того письмо позволяетъ заниматься изученіемъ языка по тексту въ внѣклассное время, безъ чего нельзя пріобрѣсти въ школѣ мало-мальски серьезныя познанія по языку.

Изъ пріемовъ изученія языка въ классѣ по существу къ естественному процессу усвоенія языка въ дѣтствѣ подходитъ наиболѣе пересказъ подходящихъ текстовъ, хотя часть психическихъ процессовъ происходитъ здѣсь какъ разъ въ обратномъ порядкѣ. Преимущества этого пріема, которымъ большинство преподавателей иностранныхъ языковъ не умѣютъ даже пользоваться цѣлесообразно, заключаются въ слѣдующемъ.

Разсказывать по памяти значитъ говорить на иностранномъ языкѣ. А для того, чтобы научиться говорить, лучшее средство—говорить. Если ученикъ въ состояніи понимать (по содержанію

и формѣ) и пересказать мелкіе разсказы, то относительно пройденныхъ разсказовъ онъ уже владѣетъ языкомъ. Ему остается только расширить свою область, т. е. достигнуть того-же самого относительно другихъ текстовъ. Конечно, для пересказа не нужно изучать текстъ наизусть. Нужно только нѣсколько разъ прочитать его вслухъ съ пониманіемъ и съ возможно лучшимъ произношеніемъ, чтобы потомъ съ нѣкоторымъ усиліемъ и даже съ ошибками повторять его безъ книги. (Не то бѣда, что во ржи лебеда, а то двѣ бѣды, что ни ржи, ни лебеды). Лучше усваивать себѣ текстъ по отдѣльнымъ предложеніямъ или маленькимъ кусочкамъ.

Изученіе пересказа фразы, въ которой встрѣчается напр. 3 неизвѣстныхъ слова, требуетъ приблизительно такой-же работы, какъ изученіе этихъ 3 словъ въ отдѣльности, въ видѣ вокабулъ. Это объясняется тѣмъ, что слова въ фразѣ получаютъ болѣе конкретное значеніе, становятся живыми и вступаютъ въ ассоціацію съ предшествующими и съ послѣдующими словами. Они допускаютъ разумное изученіе, въ видѣ повторенія вслухъ всей фразы. Для вокабулъ нельзя и придумать какого-нибудь разумнаго способа запоминанія. При пересказѣ иностранныя слова вступаютъ поневолѣ въ прямыя ассоціаціи съ представленіями—значеніями, и посредничество родного языка становится самимъ собою неудобнымъ. При пересказѣ создаются безсознательно (а это и нужно!) всѣ ассоціаціи, соединяющія слова между собою въ предложеніи. При этомъ органы рѣчи упражняются въ произношеніи иностранныхъ словъ и ухо воспринимаетъ собственную рѣчь, такъ что усваиваются нужныя двигательныя и слуховыя представленія въ нужной ассоціаціи между собою.

Пересказывать текстъ—единственный способъ, при помощи котораго мы можемъ научиться говорить на иностранномъ языкѣ, когда практика отсутствуетъ. Можно даже сказать, что практика не въ состояніи замѣнить совершенно пересказъ. Мы не имѣемъ обыкновенно возможности говорить на практикѣ о всевозможныхъ явленіяхъ всѣхъ областей хотя бы только практической жизни. Мы не имѣемъ всегда въ своемъ распоряженіи учителя или собесѣдника. Въ этомъ отношеніи пересказъ соотвѣтствующихъ текстовъ можетъ дополнить пробѣлы въ языкѣ, усвоенномъ главнымъ образомъ практикой. Въ дѣтскомъ возрастѣ изученіе интереснаго маленькаго разсказа или анекдота доставляетъ

прямо удовольствіе. Это — развлеченіе послѣ грамматическихъ упражненій или писанія и пр. Пересказъ приготовляется малолѣтними быстро и необходимыя въ языкѣ ассоціаціи установляются у нихъ гораздо скорѣе, чѣмъ у взрослыхъ людей.

Если преподаваніе языковъ въ школѣ ведется исключительно по методамъ вродѣ «натуральнаго», то по отношенію къ языку школа перестаетъ быть образовательнымъ и умственно-развивающимъ учрежденіемъ. Вѣдь нельзя же сказать напр. о неграмотномъ мальчикѣ, усвоившемъ себѣ иностранный языкъ между иностранцами, что онъ этимъ получилъ какое либо образованіе ума. Это упустили совершенно изъ виду реформаторы преподаванія языка въ средней школѣ, не говоря уже о томъ, что и практическіе успѣхи при натуральномъ методѣ должны быть плачевные. Раціональный методъ преподаванія языка въ школѣ состоитъ въ отсутствіи всякаго метода (т. е. готоваго рецепта или всеспасительнаго препарата, который называется методомъ) и въ научно обоснованномъ цѣлесообразномъ пользованіи всѣми пріемами усвоенія языка, возможными въ школѣ. Но для этого учитель долженъ имѣть прежде всего научную подготовку по языку.

При преподаваніи живого языка въ школѣ на западѣ привитіе правильнаго произношенія не только иностраннаго, но и общенароднаго языка, считается однимъ изъ первыхъ условій. Для этого отъ учителя требуется надлежащая подготовка по общей фонетикѣ, особенно физіологіи языка, а также практическое знаніе точныхъ условій производства звуковъ преподаваемаго языка и отличія ихъ отъ звуковъ родного языка учащихся. Положимъ и тамъ есть еще немало преподавателей изъ старшихъ, не удовлетворяющихъ этимъ требованіямъ. У насъ же эти требованія пока еще совсѣмъ игнорируются и о физіологіи рѣчи подавляющее большинство преподавателей языковъ не имѣетъ понятія.

Насколько ложенъ взглядъ, которымъ руководствуются авторы разныхъ методовъ преподаванія языка, что преимущество метода заключается въ возможно большемъ приближеніи къ естественному способу усвоенія родного языка въ дѣтствѣ, объ этомъ можно судить уже по тому, что нерѣдко иностранцы проводятъ всю жизнь между другимъ народомъ, говорятъ свободно на его языкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ совершенно

невѣрное произношеніе нѣкоторыхъ звуковъ (субституируютъ свои звуки, стр. 265). Между тѣмъ ребенокъ справляется съ этой задачей быстро и вполнѣ. Но нѣсколько сеансовъ въ фонетической лабораторіи могутъ сдѣлать то, чего не сдѣлало много лѣтъ усвоенія произношенія по натуральному способу, и именно потому, что естественная посредственная передача движеній органовъ рѣчи замѣняется искусственной непосредственной передачей ихъ (см. стр. 101, 256 и друг.).

ГЛАВА XIII.

ПИСЬМО.

---

§ 1. Теорія письма.

Разные виды письма.

Кромѣ звукового (устного) языка существуютъ еще другіе языки, особенно зрительные. Языкъ мимики и жестовъ былъ неосмнѣнно раньше нынѣшняго звукового языка и при помощи его развился звуковой языкъ. Онъ существуетъ и въ настоящее время какъ вспомогательный языкъ рядомъ съ звуковымъ языкомъ. Мы даже въ устномъ языкѣ прибѣгаемъ къ описанію знаковъ этого зрительнаго языка: «онъ махнулъ рукой на это», передалъ «поклонъ», «разинулъ ротъ» и пр. Изучались особенно зрительные языки глухонѣмыхъ, сѣверноамериканскихъ индійцевъ, неаполитанцевъ и пр. Для насъ представляютъ особый интересъ тѣ зрительные языки, которые называются письмомъ, а въ числѣ ихъ именно звуковое письмо

Устная рѣчь не всегда пригодна для сообщенія мыслей, напр. при пространственномъ отдаленіи, или когда необходимо сохранить мимолетныя мысли и слова такъ, чтобы возможно было воспроизводить ихъ впослѣдствіи. Для этого служитъ особый языкъ, писанный языкъ или письмо. Я избѣгаю названія «письменный языкъ» потому, что подъ этимъ названіемъ понимается обыкновенно нѣчто другое, именно устный языкъ, какъ онъ принятъ въ письменномъ изложеніи, т. е. литературный языкъ. Существуютъ разнаго рода писанные языки, которые принципіально различны между собою.

Въ такъ называемомъ образномъ или картинномъ письмѣ (пиктографіи), напр. у сѣверноамериканскихъ индій-

цевъ, изображаются въ грубыхъ очертаніяхъ сложныя зрительныя представленія, а метафорически и другія. Расчлененіе мысли предоставляется остроумію читателя. Отвлеченныя понятія изображаются символически. Напр линія, соединяющая сердца изображеній двухъ лицъ, обозначаетъ дружбу, привязанность между ними. Для передачи звуковъ рѣчи, напр. собственнаго имени, рисуются предметы, названія которыхъ содержатъ часть или всѣ звуки даннаго слова, какъ нерѣдко въ нашихъ ребусахъ.

Въ идеографіи китайцевъ изображаются знаками непосредственно значенія словъ, т. е. понятія и представленія. Первоначально эти знаки изображали картинно въ немногихъ штрихахъ предметы, какъ собаку, лѣсъ (нѣсколько деревьевъ) и пр. Изъ комбинаціи такихъ знаковъ выработались вѣками слишкомъ 40,000 знаковъ — идеограммъ. Египетское письмо (іероглифы) было смѣшанное, сохранившее частію образныя изображенія, частію уже перешедшее въ звуковое письмо.

Пиктографія и идеографія передаютъ непосредственно мысли пишущаго, а потому такое письмо можетъ усвоить себѣ и понимать и тотъ, кто не знакомъ съ языкомъ пишущаго. Третьяго рода письмо, звуковое письмо, передаетъ непосредственно въ знакахъ лишь звуки устной рѣчи. Поэтому для пониманія смысла нужно умѣть перелагать его на звуковую рѣчь и нужно знать языкъ пишущаго.

При своемъ возникновеніи звуковое письмо было силлабическое, т. е. отдѣльными знаками изображались цѣлые слоги, какъ въ ассирійскихъ и большею частію въ древнеперсидскихъ клинообразныхъ надписяхъ, или какъ отчасти въ санскритскомъ письмѣ. Возникновеніе и распространеніе силлабическаго письма объясняется тѣмъ, что анализъ рѣчи на отдѣльные звуки гораздо труднѣе, чѣмъ на слоги (стр. 218). Къ силлабическому письму относится напр. арабское и древнееврейское письмо. Такъ какъ въ нихъ отдѣльнымъ знакомъ изображается согласный совмѣстно съ разными послѣдующими гласными (стр. 70), то кажется, что въ письмѣ обозначаются только согласные. При надобности прибавляются подстрочные и надстрочные знаки гласныхъ для облегченія читателя, и тогда является настоящее звуковое письмо, какъ оно существуетъ у всѣхъ европейскихъ народовъ.

Звуковое письмо.

Въ звуковомъ письмѣ, кромѣ силлабическаго, въ общемъ

каждый установочный звукъ (стр. 232), гласный и согласный, изображается отдѣльнымъ письменнымъ знакомъ— буквою. Но этотъ общій принципъ болѣе или менѣе нарушается въ существующихъ ореографіяхъ тѣмъ, что нерѣдко одинъ звукъ изображается въ разныхъ случаяхъ разными буквами, и наоборотъ, нерѣдко одна буква обозначаетъ въ разныхъ случаяхъ разные звуки.

Звуковое письмо есть особаго рода зрительный языкъ, который находится въ своеобразной связи съ звуковымъ языкомъ. Съ перваго взгляда кажется, что письмо есть ничто иное, какъ изображеніе звуковъ рѣчи посредствомъ знаковъ, называемыхъ буквами. Если бы этотъ распространенный взглядъ былъ вѣренъ, то конечно нельзя было бы говорить о «писанномъ языкѣ». Но анализъ психическаго процесса чтенія и писанія свидѣтельствуетъ о томъ, что у грамотныхъ писанныя фигуры словъ то же, что слова въ устной рѣчи, какъ подробно показано въ моей книгѣ «Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его». Отсылая читателя къ изложенному тамъ я ограничиваюсь здѣсь нѣкоторыми общими указаніями по теоріи письма.

Психофизіологическія функціи, составляющія «писанный языкъ», во многихъ отношеніяхъ сходны съ функціями, составляющими устный языкъ. Кромѣ того тѣ и другія находятся между собою въ тѣсной органической связи. Въ виду этого и теорія письма тѣсно связана съ языковѣдѣніемъ. Въ общихъ чертахъ эти функціи объяснены выше на стр. 87—99.

Психологическій анализъ процесса чтенія показываетъ, что совершенно ошибочно думаютъ, будто грамотный человѣкъ читаетъ звуковое письмо такъ, что каждую букву перелагаетъ сначала на соотвѣтствующіе звуки и такимъ образомъ составляетъ слова. Такъ читаютъ только азбучники и малограмотные. По мѣрѣ пріобрѣтенія грамотности представленіе цѣлаго писаннаго или печатнаго образа слова (оптической фигуры слова) вступаетъ все болѣе въ непосредственную ассоціацію по смежности съ звуковымъ представленіемъ слова, которое въ свою очередь вызываетъ по ассоціаціи его значеніе (рис 4: Д цѣлыя слова > В слова > Прч.). А затѣмъ, по законамъ нашей психической природы, эта посредственная ассоціація становится все болѣе непосредственной (Д > Прч.), такъ что одинъ взглядъ

на писанное слово возбуждаетъ уже въ большей или меньшей степени непосредственно само значеніе слова. Взгляните на вывѣску магазина, и безъ представленія словъ въ васъ возбуждаются представленія о продаваемыхъ въ немъ товарахъ. Такимъ образомъ звуковое письмо становится для грамотнаго читателя въ значительной степени идеографическимъ. Несравненная выгода въ сравненіи съ настоящей идеографіей въ томъ, что не нужно усвоить себѣ предварительно много тысячъ знаковъ, а по мѣрѣ надобности читатель прибѣгаетъ къ посредству звуковъ.

Такъ же ошибочно думаютъ обыкновенно, будто грамотный при писаніи анализируетъ слово на составные звуки и поочередно изображаетъ ихъ буквами. Такъ пишутъ только малограмотные, не пріобрѣвшіе достаточнаго навыка въ писаніи. По мѣрѣ пріобрѣтенія грамотности воспоминанія движеній кисти, руки и пальцевъ при писаніи ассоціируются такъ съ звуковыми представленіями словъ, что какъ только въ сознаніи промелькнетъ слово, то при желаніи рука производитъ автоматически весь рядъ движеній, дающихъ начертаніе даннаго слова на бумагѣ какъ фигуру (В цѣлыя слова > граф цѣлыя слова > Дв.ру). Быстро написанный черновикъ, въ которомъ отдѣльныя буквы переплетаются между собою, показываетъ, что пишущій вовсе не думалъ объ отдѣльныхъ буквахъ, а начертилъ привычныя фигуры, обозначающія слова.

Очевидно, такія непосредственныя ассоціаціи между словами и цѣлыми фигурами писанныхъ словъ, какъ при чтеніи (Д > В > Прч, частію Д > Прч), такъ и при писаніи (Прч > В > граф., рѣдко Прч > граф и пр., см. стр. 93 слѣд.) возможны только въ томъ случаѣ, если эти фигуры словъ всегда одинаковы, т. е. состоятъ всегда изъ однихъ и тѣхъ же буквъ. Вотъ почему у грамотнаго народа должна быть орѳографія или правописаніе, т. е. общепринятое одинаковое написаніе каждаго слова. Всякое отступленіе отъ разъ принятой нормы называется неправильностью или ошибкой. Другой мѣрки правильности письма, кромѣ общепринятости, нѣтъ, какъ и въ устномъ языкѣ. Поэтому у грамотнаго народа сохраняется традиціонное правописаніе (писанный языкъ) и прививается въ школѣ, такъ какъ колебанія въ правописаніи вызывали бы неграмотное чтеніе и неграмотное писаніе, т. е. сдѣлали бы народъ малограмотнымъ. Этимъ объясняется, почему въ разъ

установившейся ороографіи допустимы только частичныя измѣненія, но не крупныя реформы (Ср. мою брошюру «Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію»), и почему попытки коренныхъ реформъ у грамотнаго народа никогда не прививаются.

Оттого у культурныхъ народовъ правописаніе историческое, соотвѣтствующее по буквамъ больше звукамъ той эпохи языка, когда эта ороографія стала пріобрѣтать постоянство (мы говоримъ акнó, а пишемъ по старому окно).

Такъ какъ въ звуковомъ языкѣ представителями отдѣльныхъ значеній являются также морфологическія принадлежности словъ, то для ассоціаціи письма съ семантическими единицами рѣчи и съ значеніями ихъ крайне выгодно, чтобы каждой морфологической принадлежности разныхъ словъ соотвѣтствовалъ по возможности отдѣльный, всегда одинаковый комплексъ буквъ, напр. «без» въ «безъ него» «безъ того», «безтолковый» и пр., несмотря на то, что частію произносятъ «бес», или напр. «город», несмотря на то, что произносятъ «гóрът», гъратскóй и т. д Правописаніе, въ которомъ этотъ принципъ болѣе или менѣе выдержанъ наперекоръ произношенію, называется этимологическимъ (морфологическимъ). Этимологическій элементъ частію является лишь послѣдствіемъ того, что ороографія историческая, частію внесенъ умышленно посредствомъ этимологическаго анализа словъ, что въ результатѣ безразлично. На основаніи этимологическаго анализа мы пишемъ «везти», хотя произносимъ и всегда произносили «вести», такъ какъ эта же морфологическая принадлежность пишется въ «везу», «возъ» и пр. съ буквою *з*. На историческомъ основаніи мы пишемъ «окнó» съ *о* а не съ *а*, «возъ» съ *з* а не съ *с*, береза съ *е* (напр. вмѣсто бер'оза или берьоза) и пр., такъ какъ во время возникновенія правописанія произносили въ этихъ словахъ *о*, *з*, *е*, и эти написанія сохранились. Но они могли бы возникнуть и впослѣдствіи на этимологическомъ основаніи, такъ какъ рядомъ существуютъ слова «óкна», «воза», «березня́къ» и пр.

Въ научныхъ лингвистическихъ записяхъ рѣчи употребляется точное фонетическое письмо для возможно точной передачи звуковой стороны устной рѣчи. При этомъ обозначаются и продолжительность звуковъ, ударенія и пр. Въ такомъ письмѣ конечно требуется, чтобы каждый звукъ обозначался отдѣльной буквой, притомъ повсюду только одной и той же буквой, чтобы

по этимъ буквамъ и описаніямъ ихъ можно было въ точности возстановлять устную рѣчь. Но такое фонетическое письмо для общенароднаго правописанія не нужно и неудобно тѣмъ, что оно сложно, притомъ изображая только одинъ діалектъ, затрудняетъ тѣхъ, которые говорятъ на другихъ говорахъ. Не всякій грамотный успѣлъ усвоить себѣ общенародный языкъ. Кромѣ того всякій живой языкъ со временемъ измѣняется, а правописанія вслѣдъ за нимъ измѣнять нельзя, какъ видно изъ выше сказаннаго. Слѣдовательно со временемъ всякое фонетическое правописаніе обращается въ историческое.

Два различныхъ звука современемъ могутъ совпасть въ языкѣ, какъ это случилось въ великорусскомъ языкѣ съ тѣми звуками, которые обозначались посредствомъ *е* и *ѣ*. Тогда въ историческомъ правописаніи оказывается 2 буквы для одного звука. Въ такомъ случаѣ малограмотное общество иногда по ошибкѣ начинаетъ писать одну букву на мѣстѣ другой, какъ это случилось въ русскихъ словахъ «семья», «песокъ», «мелкій» и пр., вмѣсто прежнихъ сѣмья, пѣсокъ, мѣлкій, и напр. въ «змѣя» вмѣсто исторически болѣе правильнаго змея.

Съ другой стороны, въ языкѣ нерѣдко одинъ звукъ распадается на два звука, и тогда въ исторической орѳографіи сохраняется для обозначенія обоихъ одна буква, а иногда, особенно когда въ этомъ есть практическая потребность, вводятся діакритическіе знаки для различенія обоихъ звуковъ. Такъ *о* распалось въ акающемъ великорусскомъ языкѣ на о, *а* и еще другіе звуки (гърадо́въ), которые всѣ обозначаются буквою *о*. Звукъ *е* развился въ узкій и широкій *е* (стр. 158, 159), послѣдній частію въ *о* (веди, веду, велъ), и для всѣхъ сохраняется прежняя буква, только при надобности ставятся 2 точки на *е* (вёлъ, ёлка).

Вслѣдствіе фонетическихъ измѣненій звуковъ почти всѣ русскія буквы обозначаютъ нѣсколько звуковъ и почти всѣ звуки обозначаются нѣсколькими буквами, и такъ бываетъ почти во всѣхъ орѳографіяхъ, имѣющихъ исторію (ср. возъ=вос, другъ=друк, бог=бох, богатъ=баѓат и т. д.). Кромѣ того звуки нерѣдко исчезаютъ и буквы ихъ нерѣдко сохраняются, какъ *ъ*, *ь* (домъ).

Надо еще имѣть въ виду, что алфавиты не придумываются вновь при возникновеніи письменности у народа, а болѣе или менѣе цѣликомъ заимствуются. Поэтому обыкновенно съ самаго

начала попадаютъ въ письмо разногласія съ фонетическими условіями. Такъ попали въ русское письмо два *і, и*, а также ѳ и ѵ изъ греческаго письма при посредствѣ церковнославянской письменности. Заимствованіемъ церковнославянскаго письма объясняется, что въ русскомъ правописаніи мягкость согласныхъ обозначается различіемъ въ буквахъ, обозначающихъ или обозначавшихъ гласные, слѣдующіе за этими согласными (дужій—дюжина, да—дядя, пѣтъ—пѣть; ср. польскія łono—leń, dzień, dnia).

Непослѣдовательность въ отношеніяхъ между звуками и буквами, неизбѣжное въ каждомъ историческомъ правописаніи, представляетъ извѣстную трудность при начальномъ усвоеніи правописанія; а для окончательнаго усвоенія историческое правописаніе, въ сравненіи съ фонетическимъ, легче тѣмъ, что въ немъ этимологическій элементъ болѣе развитъ: легче и быстрѣе можно усвоить себѣ автоматическое производство движеній руки, дающихъ начертаніе «год» (въ «годъ», «года», «годовый», «годовалый» и пр.), чѣмъ можно усвоить себѣ автоматическое писаніе нѣсколькихъ различныхъ начертаній, если мы писали бы фонетически (гот, гада, гъдавой и пр.)

Для практическаго пользованія при грамотномъ чтеніи и писаніи—а для этого собственно и существуетъ письмо—фонетическое письмо мало пригодно, такъ какъ мѣшаетъ пріобрѣтенію полной грамотности, т. е. возможно большей непосредственной ассоціаціи семантическихъ единицъ звуковой рѣчи и ихъ значеній съ соотвѣтствующими единицами письма. Слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразно историческое правописаніе, въ которомъ сильно развито этимологическое начало.

§ 2. Методологія преподаванія правописанія.

Научное изученіе письма имѣетъ такое же прикладное значеніе для методики преподаванія правописанія, какъ языковѣдѣніе для преподаванія языка. Методологія преподаванія языка относится главнымъ образомъ только къ преподаванію иностранныхъ языковъ, которые въ большинствѣ школъ, напр. въ народныхъ школахъ, вовсе не преподаются; правописаніе же преподается во всѣхъ школахъ, у грамотнаго рода всѣмъ членамъ его. Отсюда понятно, какое громадное значеніе имѣетъ раціональное преподаваніе правописанія, а потому и научная теорія письма, служащая основой методологіи преподаванія его. Между

тѣмъ почти повсюду обученіе правописанію ведется болѣе или менѣе нераціонально. О возможности существованія научно обоснованной методологіи преподаванія правописанія большая часть преподавателей, особенно у насъ, даже не подозрѣваетъ.

Результаты моихъ наблюденій и изслѣдованій по этому вопросу я изложилъ въ книгѣ «Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его», а также въ брошюрѣ «Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія». Поэтому ограничиваюсь здѣсь лишь нѣкоторыми бѣглыми замѣчаніями.

Грамотность есть извѣстнаго рода пріобрѣтенная способность. О психофизіологическихъ функціяхъ, составляющихъ процессъ чтенія и писанія, сказано на стр. 87—99. При обученіи грамотности нужно привить соотвѣтствующимъ органамъ способность функціонировать при извѣстныхъ условіяхъ такъ, какъ они функціонируютъ у грамотнаго при чтеніи и писаніи.

Обученіе чтенію обыкновенно затрудненій не вызываетъ, поэтому въ педагогическомъ отношеніи важенъ лишь вопросъ о преподаваніи письма. Вслѣдствіе незнанія психическаго процесса писанія почти всѣ думаютъ, что грамотность заключается въ знаніи, гдѣ какую ставить букву, и что въ этомъ умѣньѣ ставить правильно буквы заключается цѣль обученія письму. Вслѣдствіе этого при обученіи правописанію въ школѣ заставляютъ учить разныя правила и перечни словъ, по которымъ по долгомъ размышленіи можно опредѣлить, гдѣ поставить какую букву При этомъ не замѣчаютъ, что грамотность должна быть въ мускулахъ и нервахъ руки, въ двигательныхъ и зрительныхъ представленіяхъ и въ извѣстныхъ ассоціаціяхъ, и что все это пріобрѣтается только навыкомъ въ писаніи и отчасти чтеніи. Не замѣчаютъ и того, что пріучая думать о буквахъ, учитель прямо противодѣйствуетъ пріобрѣтенію грамотнаго состоянія, т. е. автоматическаго писанія, такъ какъ мысли о буквахъ будутъ прерывать ходъ мыслей при письменномъ изложеніи.

Не тотъ грамотенъ, кто знаетъ, гдѣ какая должна быть буква, а тотъ, кто пишетъ, не видя буквъ и замѣчая ихъ только по написаніи ихъ, и то лишь отчасти. У грамотнаго самимъ собою буквы будутъ на своихъ мѣстахъ, т. е. письмо будетъ правильное, общепринятое, если только ему не прививали дурныхъ привычекъ, т. е. если не пріучали его глаза и руку къ неправильнымъ начертаніямъ. Къ сожалѣнію и это дѣлается нерѣдко въ

школѣ, напр. когда заставляютъ вникать въ ошибочныя написанія и исправлять ихъ. Такія неправильныя написанія запоминаются въ зрительной памяти и потомъ припоминаются и сбиваютъ при писаніи. Особенно много вреда приноситъ въ этомъ отношеніи диктовка, такъ какъ каждое невѣрно написанное слово оставляетъ слѣдъ въ памяти и заставляетъ и впредь писать невѣрно.

Отсюда уже видно, что необходимымъ условіемъ, безъ котораго не можетъ быть грамотности, является требованіе, чтобы существовало вполнѣ однообразное правописаніе во всемъ печатномъ и писанномъ, чтобы при чтеніи и писаніи видѣли и производили неизмѣнно однѣ и тѣ же фигуры словъ. Повторныя вполнѣ одинаковыя ощущенія углубляютъ слѣдъ ихъ въ памяти; нѣсколько различныя представленія уничтожаютъ другъ друга въ тѣхъ частяхъ, которыя различны.

Конечно, если для одного звука въ правописаніи употребляютъ 2 буквы, то это составляетъ на первыхъ порахъ нѣкоторое затрудненіе при усвоеніи письма, пока учащіеся пишутъ отдѣльными буквами. Но само правописаніе, какъ зрительный языкъ выигриваетъ обыкновенно отъ этого, такъ какъ равнозвучныя, но различныя по значеніямъ слова и формы такимъ образомъ дифференцируются для читателя, напр. «мѣла»—«мела», «въ поле»—«въ полѣ» и пр. А интересы читателя важнѣе всего въ письмѣ, такъ какъ почти всѣ грамотные читаютъ ежедневно, но пишутъ сравнительно рѣдко.

Но для полной грамотности нужно усвоить себѣ автоматическое писаніе цѣлыхъ словъ. При этомъ совершенно безразлично, входитъ ли въ составъ ряда движеній руки, которыми производится начертаніе всего слова или морфологической части слова, движенія, производящія букву ѣ, или движенія, производящія букву *е*. Гораздо большее неудобство для зрительнаго усвоенія правописанія представляетъ то обстоятельство, что буквы печатнаго письма нерѣдко не сходны съ писанными, какъ въ русскомъ письмѣ. Вслѣдствіе этого чтеніе по печатному мало способствуетъ зрительному усвоенію правописанія. Въ этомъ отношеніи французская печать гораздо цѣлесообразнѣе.

Насколько для грамотнаго безразлично присутствіе той или другой буквы въ словѣ, объ этомъ можно судить уже по тому, что мы читаемъ и пишемъ «два» и «2», «три» и «3»,

«пять» и «5» и т. д. совершенно одинаковымъ образомъ, и не замѣчаемъ даже, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ знаками звуковъ рѣчи, а во второмъ съ международными идеограммами.

УКАЗАТЕЛЬ.

Указатель не исчерпываетъ содержанія книги.